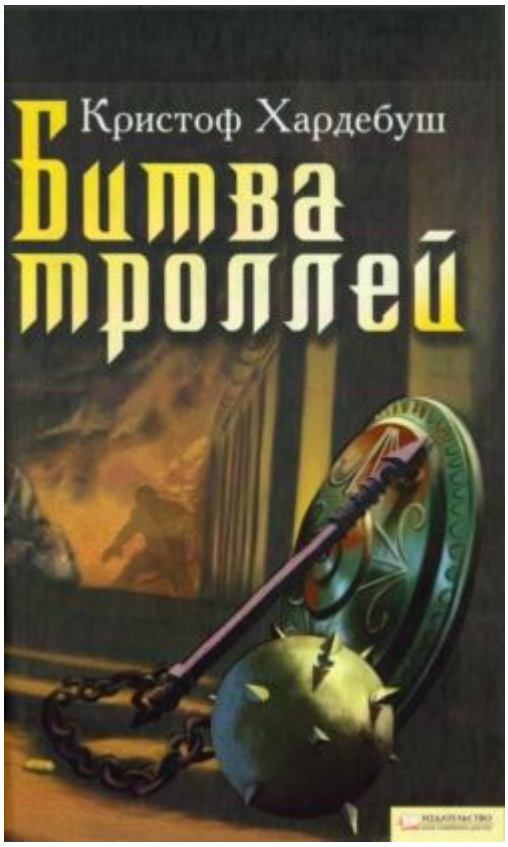
Кристоф Хардебуш
Битва троллей

Тролли – 2



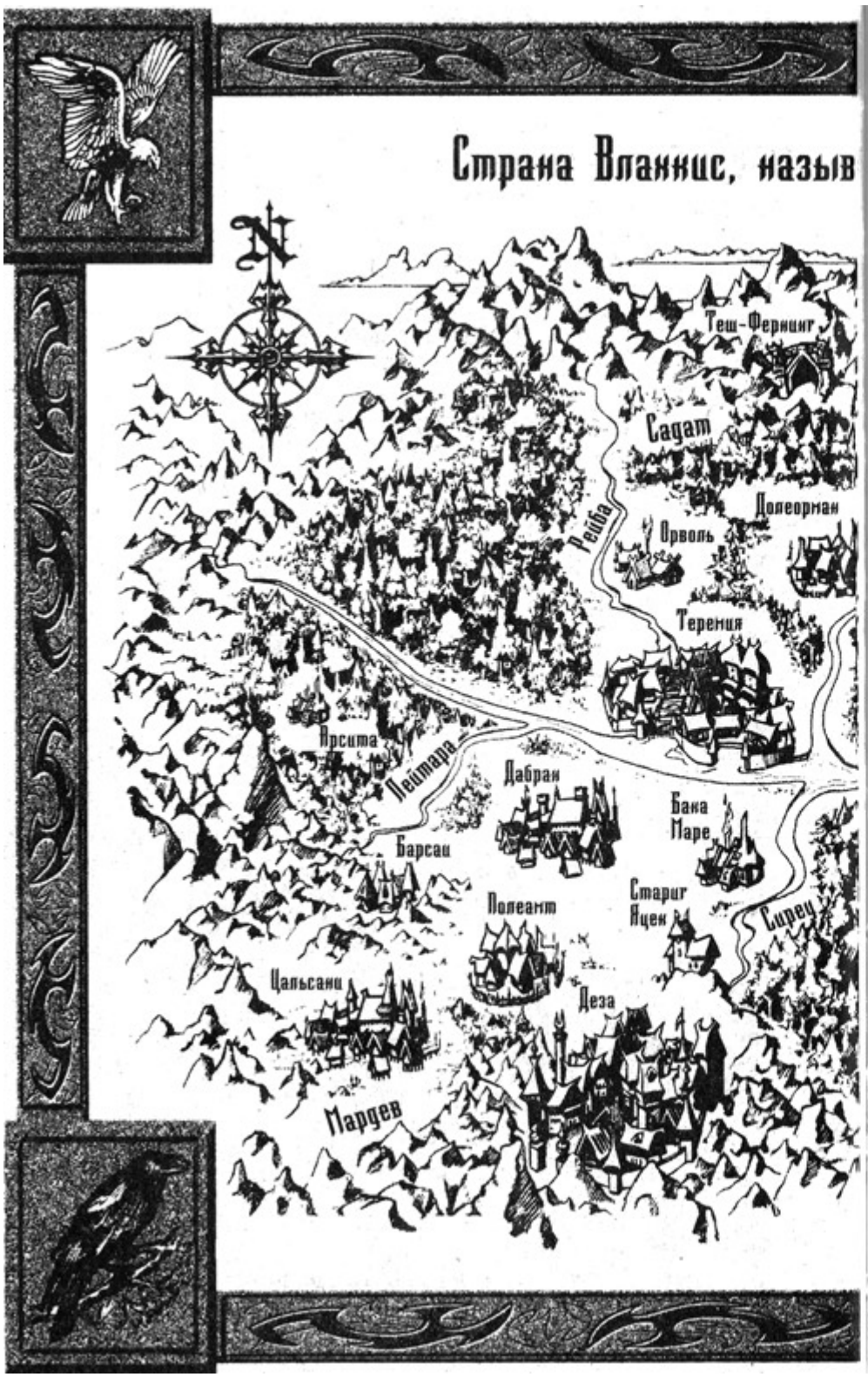
Скаг и вычитка — Юрчик Библиотека Старого Чародея
«Битва троллей»: Книжный клуб "Клуб семейного досуга"; Харьков, Белгород; 2008
ISBN 978-5-9910-0501-2, 978-966-14-0020-6, 978-3-453-53270-0

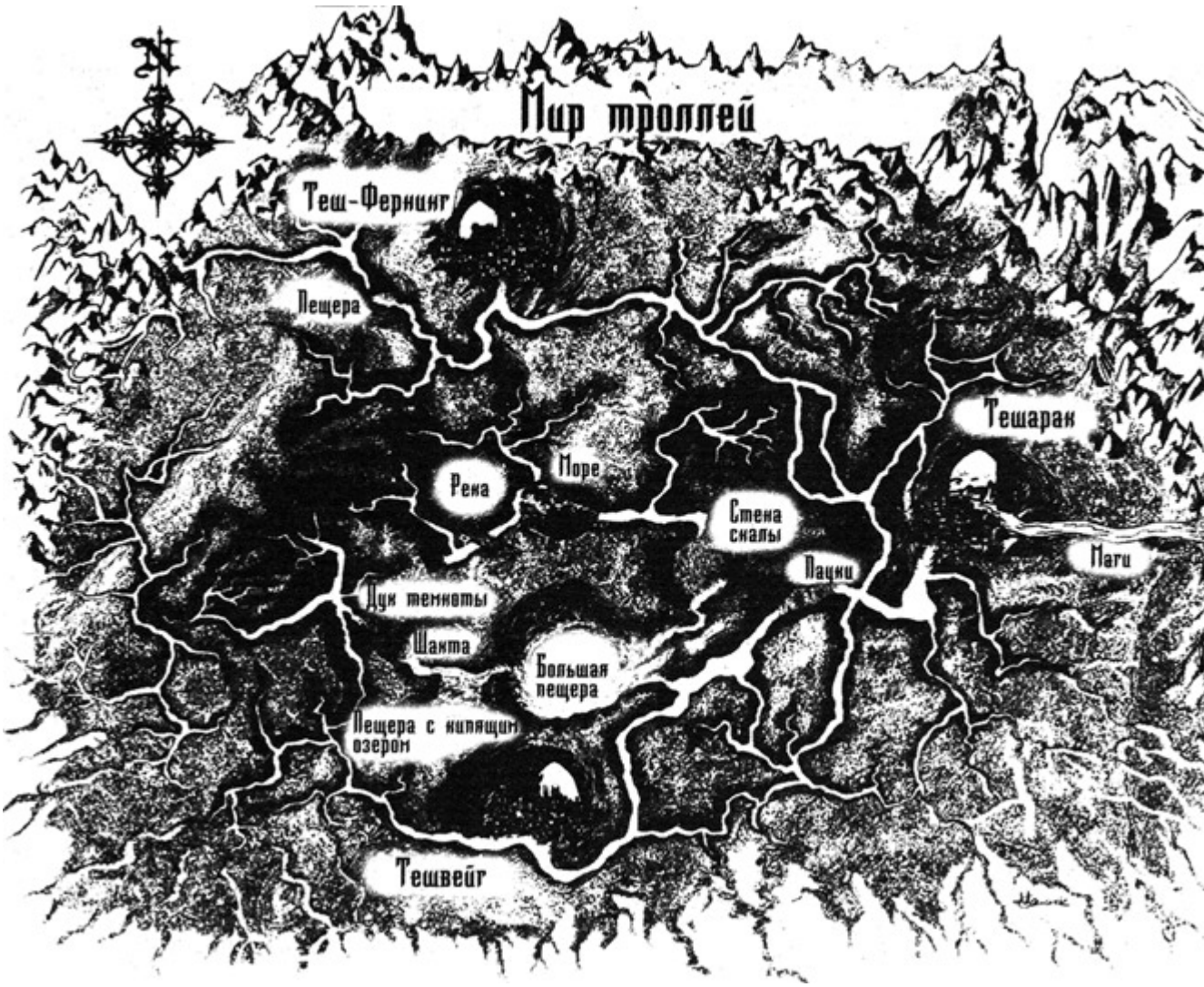
Аннотация

Не только люди разжигают междоусобные войны, в мире троллей тоже есть место розни, войне и предательству. Однако храбрые и справедливые всегда находят друг друга и вместе выступают против подлости и коварства. Людей и троллей объединяет неистребимая способность дорожить дружбой и хранить любовь.

Кристоф Хардебуш
Битва троллей

Посвящаю любимой


Страна Влаккис, назыв
аемая раньше Ар
Северные Сорнаты
Теш-Фернинг
Сагат
Рейба
Долеорман
Орволь
Теренция
Ирсита
Пейтара
Дабран
Бака
Маре
Барсаи
Полеант
Старит
Яцен
Сирец
Цальсани
Деза
Мардев
Нагес
Три Сестры
Маги
Фегьин
Валедоара
Вара
Тешвейг
Южные Сор



Персонажи

Тролли

Род Нарда
Друан — предводитель троллей на поверхности земли
Грена — юная охотница
Керр — воспитанник Друана
Пард — предводитель рода троллей под землей
Ремм — лазутчик
Зек — охотник
Врок — молодой охотник

Род Турка
Кас — охотник
Драк — охотник
Ферс — лазутчик
Джракс — воин
Керу — немая тролла, целительница
Шляйхер — лазутчик
Турк — предводитель

Тролли Анды
Анда — предводительница
Арк — охотник
Сбон — охотник

Умершие
Рох — убит на земле одним из зраикасов
Цдам — убит марчегом Цорпадом

Влахаки

Вольные влахаки
Андрес — слуга в Теремии
Костин Кралеа — управитель замка в Дабране, ранее был художником в Теремии
Флорес сап Дабран — наемница из Теремии, сестра Стена сал Дабрана
Ионна сал Сарес — властительница всех вольных влахаков, называемая также Львицей из Дезы, резиденция которой располагается в Теремии
Истран Оханеску — дворянин со двора Ионны
Калинэ — ведунья, прорицательница при дворе Ионны
Лареа — трактирщик в Теремии
Леанна сал Паскали — дворянка со двора Ионны и управительница
Ливиан — целительница
Маниу — солдат в Теремии
Микон сал Долеорман — боярин из Долеормана
Неагас — воин из Мардева
Раяв — солдат в Теремии
Риклеа — управляющая в Дабране
Стен сал Дабран — боярин Дабрана, супруг Висинии
Вангелиу — прорицатель, колдун, вызывающий духов
Василе — солдат в Дабране
Висиния сал Сарес — сестра Ионны сал Сарес, супруга Стена

Исторические персонажи и другие
Анеа — историческая королева
Леан — историческая королева
Натиоле Таргузи — мятежник из Мардева
Раду — первый исторический король, называемый также Святым
Тиреа — последний исторический король

Масриды и сцарни

Двор Бенезаров
Ферал — солдат
Гиула Бекезар — властитель Сиревы, резиденция располагается в Турдуе
Игнак — оружейник
Ириния — женщина-солдат
Кевес — лазутчик
Маиска — женщина-солдат
Оден — баро в Сиреве
Рурьос — баро в Сиреве
Саньяс — священник культа Альбус Сунас
Сцаб — солдат

Тамар Бекезар — сын марчега Гиулы

Двор Сциласа
Ласцлар Сцилас — властитель Валедоары, резиденция располагается в Брачаце

Исторические персонажи и другие
Аркас Диммину — исторический король
Скилои Касцон — правая рука Цорпада
Цорпад Диммину — исторический марчег

Дирия
Аттага — церемониймейстер Саргана
Балаос — личный охранник Саргана
Гермера — танцовщица и наложница Саргана
Сарган Вульпон — бывший шпион

Эльфы

Рувон — предводитель народа эльфов
Тарлин — прорицатель народа эльфов

Пролог

Глубоко под землей, скрытый скалами и камнями, в глубоком сне покоился дух темноты. Там не было ни палящего солнца, ни пронизывающего ветра, ни смены дня и ночи — лишь вечная темнота и покой. Тепло окружающего мира окутывало его тело, сдерживая холод, который так и грозил вырваться из него.

Боли стихли, оставив лишь далекое воспоминание. А может, даже и меньше того. В его подавленной душе перемешивались реальность и галлюцинации, явь и сон…

Высоко над ним земля была покрыта снегом. Он чувствовал прохладу этого белого покрова. Земля спала; все живое затихло, ожидая весны.

Спокойствие радовало дух темноты, хотя он и не знал, почему именно.

Если наверху было неспокойно, то его сны становились еще более мрачными, а воспоминания — кровавыми. Если же его сны и воспоминания становились мрачными и полными крови, тогда и наверху начиналось волнение и беспорядки.

Даже из глубины земли он чувствовал, как его дети ходят по ней. В его воспаленном ненавистью мозгу мелькало множество картин, значение которых он уже даже не мог понять. Они не имели никакого смысла, хотя тихий внутренний голос подсказывал, что когда-то было по-другому. Но даже и этот голос говорил запутанно, непонятно, был полон лжи и противоречий. И понимание этого терзало его сознание, оставляя раны.

Его тело было разбито, а дух расколот.

И тут он почувствовал, как что-то приближается, дитя скал и камней. Страх пронзил дух темноты.

Он почувствовал гнев и ненависть. Затем пришла боль, которая вырвала его из сна и вернула в жестокий мир, где все было мрачным и не имело смысла.

1

Крики разносились по ходам и пещерам, эхом отражаясь от каменных стен, из-за чего казалось, будто преследователи окружают со всех сторон. В узком туннеле их крики были похожи на лай своры кровожадных монстров. Слабенький свет дрожал на ветру и

отбрасывал искаженные тени на стены скал. Преследовавшие охотники неумолимо приближались. Обостренный нюх уверенно вел их к своей добыче. «А добыча — это мы», — в отчаянии подумал Керр. Он каждой мышцей чувствовал напряжение этого долгого безоглядного бегства. Изнеможение и усталость уже давно легли на плечи свинцовой тяжестью, однако Керр заставлял себя бежать дальше, ведь даже минутная остановка могла означать верную смерть. И все же он уже спрашивал себя, сколько еще сможет пробежать, прежде чем окончательно выбьется из сил.

— Еще немного, — неожиданно пропыхтел позади Друан, словно прочитал мысли молодого тролля. — У нас получится.

В ответ Керр смог выдавить лишь утвердительное мычание, так как на большее его дыхания не хватило, и даже после этого усилия пришлось жадно хватать ртом воздух. Он почувствовал руку Друана на плече: присутствие опытного тролля-воина действовало успокаивающе. Дыхание Керра восстановилось, хотя в груди все продолжало гореть. А еще его не покидало чувство, что еще немного — и он задохнется.

— Еще совсем чуть-чуть, — повторил Друан, и Керр подумал: как хочется, чтобы тот оказался прав, ведь крики охотников становились все громче, все ближе.

Света едва хватало на то, чтобы разглядеть очертания скал, мимо которых они бежали. Правда, Керр смог бы ориентироваться даже в полной темноте по одному дыханию гор, скользящему по камням. Благодаря этому в голове Керра складывались картины того, что их окружало.

Сильный порыв холодного воздуха обдал лицо Керра. Он понял, что цель действительно близка. Ведь, несмотря ни на что, молодой тролль уже давно потерял ориентир и не знал, где они находятся. Камень здесь казался темнее и грубее, чем в тех туннелях, где он жил. Судя по теплому воздуху, они вторглись в самые недра земли. Внезапно в мозгу Керра всплыло ужасное воспоминание о раскаленном докрасна, расплавленном камне, который неожиданно пробился из земли и поглотил даже самых больших и сильных троллей. «Но ведь коварству этих маленьких тварей уже положен конец, — попытался успокоить себя Керр. — Друан, Пард и Анда разрушили все их планы». Тем не менее он с содроганием вспоминал время, когда сама земля восстала против троллей.

И тут прямо перед ними туннель перешел в огромную пещеру, в темноте которой слабенький свет их лишайников просто терялся. Даже здесь, в этой большой пещере, Керр чувствовал медленное, беспрерывное биение сердца земли: давление глубоко в теле медленно нарастало. Весь подземный мир будто вибрировал, а затем медленно затихал. Все тролли чувствовали этот «удар сердца», который с давних времен называли дреегом, — кто-то чувствовал сильнее, а кто-то слабее. По рассказам Друана Керр знал, что даже на поверхности земли можно было почувствовать это биение. И даже места далеко от недр земли, над которыми раскинулось ужасное небо, были наполнены биением этого древнего сердца. И одна только мысль об этом мире над землей, в котором ты оказывался под безжалостным взглядом бесконечной широты неба, вызывала глубинный страх, хотя Керр еще никогда не покидал родных туннелей и пещер.

— Ров, — заявил Друан и, не останавливаясь, направился вперед.

Керр побежал за ним, но тут у него неожиданно засосало под ложечкой. Словно в подтверждение его ощущению, Друан тоже замедлил шаг и настороженно огляделся по сторонам.

— Что такое? — начал было Керр, но Друан остановил его, подняв руку, и потянул воздух носом.

Керр растерянно оглянулся, однако маленький шар грибов в его руке освещал лишь пространство в несколько шагов вокруг. И этого было совершенно недостаточно, чтобы хоть что-то увидеть в пещере. Молодой тролль закрыл глаза и положился на другие чувства. Теплый воздух из глубины пещеры ласково касался его кожи, и он услышал тихий шум вечного потока. Воздух пах хорошо, землей и временем, однако к нему примешивался еще какой-то другой запах.

— Тролли! — пробормотал Керр, и Друан согласно кивнул.

Только сейчас он заметил, что крики охотников затихли и теперь вокруг стояла гробовая тишина. Она нагоняла куда больше страха, чем ужасные вопли преследователей.

— Керр, как только я скажу тебе, сразу беги, — тихо приказал Друан.

— Но… — попытался возразить молодой тролль, однако тихое царапанье у входа в пещеру заставило его тут же смолкнуть.

— Они здесь, — прошептал Друан.

— Нам нужно добраться до рва.

Кивнув, Друан снова двинулся, но вместо того, чтобы бежать, стал тихо красться в сторону рва.

— Может, это Пард, — предположил Керр.

Однако старый тролль ничего не ответил. От напряжения у Керра начала зудеть кожа, а все мышцы словно свело судорогой, ведь он ожидал нападения в любую секунду. Освещая себе дорогу слабеньким светом лишайников, держа их в правой руке, он бессознательно сжимал и разжимал левую. Камень под ногами буквально вибрировал от тяжелых шагов бегущих преследователей. Керр легко чувствовал это босыми ногами. Да еще и там снаружи, в непроглядной темноте, что-то двигалось. Тихо, почти бесшумно. Он не успел предупредить Друана, как это что-то гортанно зарычало и заскрежетало зубами. Застыв на месте от ужаса, Керр уставился в темноту. На какую-то долю секунды ему даже показалось, будто что-то мелькнуло. В то же мгновение Друан прошипел: «Беги!»

Растерянно Керр посмотрел на старшего тролля, который с криком бросился вперед. Из темноты появились две фигуры, большие и неуклюжие, издававшие воинственное рычание. Затем они обе набросились на него, но тот уклонился от удара первой, тут же прыгнув на вторую. Их тела глухо стукнулись друг о друга. Друан ударил наотмашь когтями по грубой шершавой коже и вонзил клыки в тело противника. И хотя тот был больше Друана, он покачнулся и в конце концов завалился на пол. Другой нападавший повернулся к ним, оказавшись спиной к Керру. Не думая о приказе, юный тролль бросился на врага — как раз в тот момент, когда тот хотел схватить Друана. Мерцающие лишайники упали на пол и покатились, отчего вокруг заплясали слабые тени.

Керр вонзил клыки в плечо противника и почувствовал горечь его жесткой кожи. Из раны потекла густая темная кровь, оставляя на языке Керра странный, земляной, неизвестный до сих пор привкус. Однако он не думал сейчас об этом, а резко откинул голову назад, вырывая из плеча врага кусок мяса. Тот взревел от боли.

— Беги! — донесся до него голос Друана, необычно приглушенный.

Но Керр слышал только рычание своего противника, которому он снова и снова вонзал когти в спину. Сейчас единственно важным для него было только убить врага, разорвать его на куски, почувствовать вкус его крови и ощутить запах боли и страха. Он забыл о Друане, забыл собственный страх, когда враждебный тролль развернулся к нему и оскалил зубы. Керр ответил на этот вызов угрожающим рычанием и набросился на него. От удара такой силы большой тролль отшатнулся на несколько шагов, но при этом полоснул Керра когтями по спине и вцепился ему в бок. Но молодой тролль снова укусил его, на этот раз в шею, изо всех сил прижавшись к врагу, не давая ему увернуться. Он клыками начал рвать ему мышцы и сухожилия шеи.

На Керра посыпались удары, выбивавшие воздух из легких, но он не ослаблял хватки, кусал снова и снова, с каждым разом вгрызаясь все глубже. Наконец противник схватил голову Керра и оторвал ее от своей шеи, от мяса и крови. Юный тролль взвыл и попытался вырваться, но лапы противника были безжалостно сильными.

Одним рывком большой тролль оторвал от себя Керра и с силой швырнул на пол. Юный тролль закашлялся и, подняв голову, увидел, как его противник прижимает к ране лапу, а из-под его пальцев течет темная кровь. Керр сплюнул кровь. Он не понял, была ли это его собственная кровь или кровь врага, на лице которого было видно лишь презрение. Неожиданно гнев и ярость Керра улетучились так же быстро, как и появились. Откуда-то из

темноты доносилось рычание и тяжелое дыхание сражающегося Друана и его противника.

Керр осторожно приподнялся, в любое мгновение ожидая новой атаки, но его враг лишь злобно усмехался.

— Вставай, — рявкнул большой тролль. — Давай уже покончим с этим!

Не спуская глаз с противника, Керр встал и сжал руки в кулаки. Невольно он заскрежетал зубами, более внимательно изучая своего врага. Этот тролль был явно на пару голов выше Керра и выглядел очень массивным. Темная кожа, покрытая маленькими наростами. На какое-то мгновение Керру даже показалось, что эти бугорки двигаются, как будто под кожей что-то ползает, возможно насекомые. «Тени, — подумал Керр, — это всего лишь тени и не более того. Хотя да, они — другие. Их глаза…» Действительно, глаза его противника были глубокого черного цвета. Керр еще не видел подобных ни у одного тролля. Они казались темными дырами на широком лице, так как у них не было желтого ободка радужки.

Тролли настороженно ходили по кругу, не сводя глаз друг с друга, пока большой не остановился и не отнял руку от раны. Он с наслаждением слизнул кровь с пальцев и насмешливо посмотрел на Керра. Тот с удивлением обнаружил, что от огромной рваной раны не осталось и следа. Под кровавым пятном он увидел новую кожу, как раз на том месте, от которого еще несколько мгновений назад Керр яростно отрывал куски. В ужасе молодой тролль взглянул на окровавленную руку врага.

— Ты не можешь победить меня, — спокойно заявил большой тролль, как будто прочитал мысли Керра. — Мы — настоящие тролли. Присоединяйся к нам, ты сможешь.

— Нет, — прохрипел Керр и стиснул зубы.

— Тогда ты умрешь!

— Это неправильно, — прокричал ему в ответ молодой тролль.

— Неправильно? — Большой тролль зло рассмеялся. — Как может быть неправильным побеждать? Как может быть неправильным уничтожать своих врагов?

В это время в темноте затихли все звуки. Уверенный в себе и своем напарнике тролль взглянул на Керра:

— Твой друг мертв. А теперь твоя очередь.

В отчаянии молодой тролль прислушался к темноте, краем глаза посмотрел влево и вправо, но спасения не было. Его руки и ноги отяжелели, он почувствовал себя обессиленным от долгого бега и ожесточенной борьбы. Спина болела от сильных ударов противника. Однако все эти ощущения исчезли, опустились вниз по телу и утекли из ног в камень. Вместо этого его охватил холод, так, как будто он уже был мертв. «Я не смогу победить сразу двоих. А ведь скоро их будет еще больше. Хотя я могу прихватить с собой на тот свет хотя бы одного».

Еще несколько минут назад его страшила смерть, а сейчас она для него уже ничего не значила. Керр вновь собрался с силами, напряг все мышцы. Тут позади противника появился Друан, весь залитый кровью. В изумлении Керр помедлил несколько секунд, но этого хватило, чтобы Друан со свирепым криком набросился на тролля. И пока тот оборачивался, Керр также прыгнул вперед и схватил тролля за руку. Друан вонзил клыки в плечо с другой стороны. В это время Керр потянул противника на пол. Тяжестью своих тел они повалили противника на пол.

— Беги! — вновь приказал Друан, и Керр увидел, как блеснули глаза его друга.

И хотя инстинкты Керра восстали против бегства и единственным его страстным желанием сейчас было разорвать врага на куски, он поднялся и поковылял прочь. Он сделал не больше десятка шагов, как вдруг еще несколько силуэтов выделились из темноты и перекрыли ему дорогу к трещине в скале. С ужасом Керр разглядел в этих силуэтах таких же огромных троллей, как тот, с которым они боролись. И прежде чем он отреагировал, двое уже оказались около него и схватили за руки железной хваткой. Не обращая внимания на сопротивление, они молча потащили Керра к Друану и его противнику, которые неохотно отпустили друг друга, когда из темноты донесся грубый окрик: «Хватит!»

Стоя на коленях, Друан закашлялся, в то время как его противник медленно встал и отошел назад на несколько шагов. Только сейчас Керр увидел того, кому принадлежал этот голос. Это был огромный тролль, наверное, самый большой из всех, каких Керр когда-либо видел. Это существо стояло на самом краю слабо освещенного круга, как будто оно чувствовало отвращение даже к слабому свету. Тролль выглядел как темная тень, однако при этом все равно излучал непостижимую силу, которая уничтожила все мысли Керра о сопротивлении.

— Ты побежден, Друан, — вновь прозвучал голос.

— Нет, — возразил тролль и с трудом выпрямился.

— Я уже однажды предлагала тебе свой путь. Наш путь.

— Оставь эти игры, Анда, — устало сказал Друан. — Давай покончим со всем этим.

Керр ошеломленно уставился на этот огромный темный силуэт. «Это Анда? Но она огромная, еще больше, чем Пард! Этого не может быть!»

— Не трать своей жизни понапрасну, — ответила Анда, и ее голос вырвал Керра из ужасного оцепенения. — Мне нужен такой тролль, как ты. Сильный, быстрый, хитрый. Воин.

— Ты чуть не сделала меня таким, какой стала сама, — сдавленным голосом ответил Друан. — Я убил. Убил тролля! Но я не буду жить так, как живешь ты!

— Ты? Убил? — смеясь, переспросила Анда. — Это вряд ли.

Повинуясь ее повелительному жесту, в круг света вышел тролль, тело которого было покрыто грубыми старыми шрамами.

— Тебе больно, Арк? — спросила его тролла, и тот с усмешкой отрицательно покачал головой.

Керр заметил, что Друан немного сник, но вслед за тем неожиданно хрипло рассмеялся.

— Вы не можете победить нас, — прошипела Анда. — Потому что вы не полноценные тролли!

— Я остаюсь собой, — резко возразил Друан и бросил на Керра напряженный взгляд, — и ты никогда не изменишь этого. Так что двигай сюда ногами и заверши начатое!

С этими словами Друан зарычал и метнулся к маленькой кучке светящихся грибов. Одной рукой он бросил грибы в сторону Керра, потом снова повернулся к Анде. Она стояла все так же неподвижно, чего нельзя было сказать о троллях, которые удерживали Керра, — они отшатнулись от света, как будто это был горящий огонь. Недолго думая, Керр вырвался и побежал в темноту. Позади он услышал звериное рычание, крики боли и удары, но он не думал о них, а лишь бежал дальше, пока ему не показалось, что он почти достиг трещины в скале. Он совсем ничего не видел в полной темноте, но когда замедлил бег, то почувствовал дуновение ветра по скалам, услышал эхо криков, гонимое по длинным туннелям подземелья. Керр полностью положился на другие чувства, добежал до самого края расщелины и опустился в нее.

Сверху все еще доносились рычание и шум борьбы.

Полный гнева и печали, Керр подумал, что это, скорее всего, было последнее, что он услышит от Друана. И он пообещал ему, а также самому себе, что обязательно найдет Парда.

Затем над ним пронесся шорох, после чего слышался лишь свист ветра. Медленно, шаг за шагом юный тролль начал спускаться в расщелину еще глубже. Ногами и руками на ощупь он умело находил даже малейшие трещинки в скале. Через какое-то время он почувствовал себя уже в полной безопасности, как тут сверху донесся крик: «Керр!»

Он сразу же остановился и затаил дыхание.

— У темноты больше нет тайн от нас, Керр, прятаться бессмысленно!

На что Керр ответил, даже не веря до конца, что осмелился произнести это вслух, хотя в глубине души и знал, что говорил правду:

— Если вы хотите получить меня, сначала поймайте!

В ответ послышался лишь смех, затем градом посыпались камни, со звоном ударяясь о стену и падая куда-то глубоко на дно расщелины.

— Я не думаю, юный тролль. Борись на нашей стороне, будь тем, кто ты есть на самом деле! Помоги нам уничтожить наших врагов, — вновь раздался голос Анды.

— Вы не тролли! — закричал Керр, полный ненависти, вспомнив о растерзанном теле Друана.

— Мы больше тролли, чем ты можешь вообще себе представить, — с насмешкой возразила Анда, и на Керра вновь посыпались камни.

Камни больно ранили его плечи и руки, а когда один из камней попал в голову, Керру показалось, что он вот-вот потеряет равновесие и упадет. Но пальцы крепко цеплялись за скалу, даже когда его ноги сорвались и он несколько ужасных секунд провисел над пропастью, прежде чем снова нашел опору.

— Тролли не убивают троллей! — прокричал он, а затем тихо повторил для себя: — Тролли не убивают троллей.

Эти слова проносились у него в сознании снова и снова, так как у него никак не укладывалось в голове все то невероятное, что он увидел совсем недавно. С древних времен существовало это незыблемое правило, которому должны были следовать все тролли. Никто не нарушал его, одна мысль об этом была невообразимой, а нарушение — невозможным. Однако теперь это правило потеряло свою силу, так как тишина наверху могла означать лишь одно: Друан мертв, убит троллями своего же племени.

— Как хочешь, — донесся сверху голос Анды. — Ты не стоишь того, чтобы из-за тебя поступаться принципами. Тролли убивают всех и все, что встает на их пути. Больше никакого бегства и никаких поражений! Мы — тролли!

Последние слова тролла выкрикнула, и они эхом вернулись назад, пронесшись по всей расщелине и по туннелям: «…тролли…тролли…тролли».

Сила этих слов пронизала Керра, и его охватило глухое отчаяние, так как он начал догадываться о том, что именно Анда и ее последователи и есть те самые безжалостные охотники.

— Тролли не убивают троллей, — ответил он, однако сам услышал, как слабо прозвучал его дрожащий голос.

— Как хочешь, — мрачно повторила Анда. — Тогда тебе суждено пройти такой же путь, как и Друану.

Послышался низкий смех сразу нескольких глоток, смысла которого Керр понять не смог. Затем на него упало что-то тяжелое и влажное, оторвало от стены и неумолимо повлекло в пропасть. С его губ сорвался крик. И в последний раз в голове пронеслось, как заклинание: «Тролли не убивают троллей!» Затем он упал на твердое дно ущелья, и темнота поглотила его.

Он услышал голоса и постепенно вернулся к реальности, хотя возвращение в тело принесло невыносимую боль. Из груди невольно вырвался стон. Кто-то смочил ему губы теплой водой. Где-то в двух шагах был слабенький источник света, который, однако, не столько освещал, сколько создавал тени. Керра окружали массивные фигуры, лица которых были в тени.

— Керр? — спросил знакомый голос, который Керр после некоторого раздумья принял за голос Парда.

— Да, — прохрипел он в ответ.

— Что произошло?

— Они… они убили Друана. А меня сбросили со скалы ущелья, — медленно ответил Керр, так как от каждого вдоха и выдоха его грудь пронзала колющая боль.

— Сколько их было?

— Я не знаю, много. С ними была Анда.

— Анда! — глухо прорычал Пард.

— Они убили Друана там, наверху. Они наверняка забрали его с собой.

— Нет. Он здесь, — ответил Пард и махнул себе за спину, где как раз один из троллей

склонился над лежащим на полу телом.

— Они его… они сбросили его вниз? Они не взяли его мяса?

— Да, они не сделали даже этого.

Внезапно Керр подумал о последних секундах, когда он еще удерживался на стене, об ударе, который бросил его в пропасть.

— Это его они сбросили на меня, — понял он. — Они убили его и выбросили. Как… как…

— Как обглоданные кости, — мрачно фыркнул Пард.

— Друан рассказал мне об Анде. О том, что они вместе пережили там, на поверхности земли. Что такое произошло с ней? — спросил Керр.

— Я не знаю.

— Нам нужно отправляться в путь, Пард, — прервал их разговор другой тролль. — Они еще могут быть где-то поблизости. Нам нельзя останавливаться.

Пард согласно кивнул и внимательно посмотрел на Керра.

— Ты можешь встать?

Юный тролль попытался выпрямиться, но ни руки, ни ноги просто не желали повиноваться ему.

После того как Пард увидел его жалкие попытки встать, он обратился к двум другим троллям:

— Мы берем его с собой. Давайте, помогите ему!

— Что? — ошарашенно переспросил один из троллей. — Берем с собой? Кто знает, выживет ли он вообще. А мы должны продвигаться быстро!

— Мы берем его с собой! — грозно прогремел Пард. — Так что лучше побереги свои силы, лентяй! Или…

Последнее слово угрожающе повисло в воздухе. Казалось, что другой тролль хочет возразить, но он лишь покорно кивнул. Пард снова повернулся к Керру.

— Тебе Друан говорил что-нибудь?

— Он хотел найти тебя. Он говорил, что нам нужно к людям. К Стену и… Ван… Вангелиу? На землю, так как там…

Тут его речь прервали громкие отборные ругательства. Прошло какое-то время, прежде чем Парду удалось успокоиться.

— Отлично. Эта жалкая земля с ее сумасшедшими людьми. Цдам, Рох, теперь Друан. Я, скорее всего, последний, кто знает, как там вообще все выглядит.

— Анда, — бросил Керр.

— Да, и Анда тоже. Поэтому нам нужно поспешить, она знает дорогу так же хорошо, как и я. И именно Стен! Я до сих пор помню его жалобы, — застонал Пард. — Нет! Не убивайте! Пожалуйста, пощадите всех, — прокричал он высоким фальцетом, чем вызвал удивленные взгляды троллей.

— Пойдем, малыш. Навестим дружка Друана, — заторопил Пард Керра и встал.

— Но мои раны заживут не скоро! — с сожалением заявил Керр.

— Не важно. Мы никого из своих не оставляем. Нас и так осталось слишком мало, — возразил ему Пард и крикнул остальным троллям: — Возьмите с собой столько мяса, сколько можете унести. Мы скоро отправляемся в путь.

Все тролли присоединились к тому троллю, который уже занимался мясом Друана, и принялись за работу. Наконец все были готовы.

А когда сильные грубые руки подхватили его и понесли, Керр впервые за последнее время вновь почувствовал себя в безопасности, несмотря на то что это была всего лишь небольшая группа троллей, преследуемая опасными врагами и преследующая такую же опасную цель. «Пард ведет нас, — подумал Керр. — Он обязательно выведет нас на поверхность».

2

И хотя солнце только недавно поднялось над горизонтом, его жар уже жег голые плечи Стена. Пот стекал по телу тонкими струйками. Машинально смахнул несколько капель с бровей и сделал небольшой перерыв. Затем он вновь воткнул лопату в темную тяжелую землю и продолжил копать. Влахак поставил себе и своим людям цель на этот день, которую обязательно нужно было достичь до захода солнца, для того чтобы завтра они смогли вырыть неглубокие канавки. На расстоянии нескольких сотен шагов они стояли по двое и копали узкие траншеи, по которым уже скоро потечет вода из близлежащей речки.

Рядом со Стеном сал Дабраном старательно копал Василе. Однако по загорелому лицу старого солдата было видно, что он не в восторге от такого задания. Но работу нужно было сделать, так как лето в этом году было жарким и сухим, что грозило засухой для пшеницы. Поэтому Стен поручил четырем дюжинам своих воинов вместе с ним провести оросительные каналы от Керниса до полей.

Сам же Стен почти наслаждался этой тяжелой монотонной работой. Он мог копать землю до тех пор, пока мышцы не становились свинцовыми от напряжения и кости не начинали болеть, в то время как голова не думала ни о чем, кроме оросительных каналов. После целого дня работы, от рассвета до заката, его тело было настолько утомленным, что сон редко заставлял себя ждать. Стен продолжил работу с хорошим чувством, что он делает что-то полезное.

Василе тяжело задышал и остановился, оперевшись на черенок лопаты.

— Может, стоит продвигаться медленнее, боярин? — сдавленным голосом сказал он и провел рукой по наголо бритой голове, блестящей от пота. — Пробить голову проклятому масриду и то гораздо легче, чем это трижды проклятое копание.

Стен с сомнением посмотрел на ветерана.

— Но у нас сейчас наконец-то мир, Василе, по крайней мере почти мир, — возразил юный боярин и тоже перестал копать. — Так что проламывать головы — больше не твоя задача.

— Может, в таком случае мы должны исчезнуть отсюда так, как это сделали ваши друзья тролли, господин. А вы знаете, куда они пошли?

— Назад, в свое царство, глубоко в недра земли.

Стен вздохнул. Вот уже несколько раз после той большой битвы против масридов он задавался вопросом, как сложилась дальнейшая судьба троллей. Ведут ли они все так же беспощадную войну против карликов? Ведь с тех пор, как Друан попрощался с ним, Стен ни разу не видел ни одного из них на поверхности. И только с Друаном во время их общего похода у них действительно сложились дружеские отношения, больше ни с кем из троллей.

— Кстати, троллям, так же как и тебе, очень не нравится жить в мире и ни с кем не сражаться.

— Тогда почему же вы не нашли какой-нибудь другой работы, кроме как изображать здесь крестьян?

Изобразив задумчивость, Стен потер темную щетину, которая выросла у него на подбородке за последние несколько дней.

— В принципе, я мог сказать тебе, что в выгребных ямах в замке уже нужно положить свежий слой извести… или что ты можешь поискать себе нового боярина, которому военные походы больше по душе, чем мне.

Лицо Василе исказил испуг.

— О нет, господин, я ни в коем случае не сделаю этого! И никто из нас, боровшихся вместе с вами, не сделает ничего подобного! Если понадобится, мы проведем для вашего корабля канал из Керниса в Рейбу.

— Думаю, это не понадобится, Василе. Насколько я знаю, боярыня не любит прогулок на корабле.

При упоминании Висинии воин облегченно вздохнул, успокоенный тем, что Стен, скорее всего, не всерьез предлагал ему нового господина.

— А с такой красивой женой никто не захочет ссориться, не так ли? Даже вы, да, господин?

Вместо ответа Стен только усмехнулся и вновь принялся за работу.

Стен вновь оторвался от работы, только когда услышал вдали топот копыт. Ладонью он прикрыл глаза от солнца и посмотрел вверх на дорогу, по обеим сторонам которой росли низкие фруктовые деревья. По утрамбованной красной земле в направлении города быстро, но без особой спешки скакал рыцарь. На таком расстоянии Стен не мог разглядеть регалий, указывающих на личность рыцаря, но он (или она) наверняка приехал с севера, вероятно, от Маги, а следовательно, из Теремии. Когда рыцарь проехал через открытые ворота города и направился дальше на лобное место за фахверковыми домами Дабрана, у Стена возникло подозрение, что это мог быть гонец.

— Думаю, сегодня ты сможешь отправиться в свою таверну раньше, — сказал он Василе. — Я отправлюсь в замок посмотреть, что за новости принес гонец.

Лицо Василе озарила улыбка, и он отошел к соседней канаве, чтобы передать остальным столь приятную новость. Вздохнув, Стен подкинул лопату на плечо, поднял свой тюк, бросил последний взгляд на работу и отправился домой в крепость.

Однако еще до того, как он успел перейти реку Кернис в месте, где она была особенно мелкой, из замка выехал другой рыцарь и направился прямо в его сторону. На этот раз у Стена даже не возникло вопроса, кто это мог быть, так как он сразу узнал по длинным рыжим волосам, развевающимся на ветру, свою жену Висинию, скачущую к нему неспешной рысью. Стен воспользовался короткой передышкой, которая ему представилась, чтобы быстренько обмыться в реке. Он смыл грязь и пот с тела и промыл свои длинные темные волосы от пыли. Висиния прискакала, когда он уже сплетал волосы в косу. Она с улыбкой посмотрела на него сверху.

— Приятно.

Стен с удивлением взглянул на нее.

— И что же приятного?

— Твой вид, — все так же с улыбкой ответила она и спрыгнула с лошади. — Капли воды на твоей прекрасной коже, — игриво заявила она и нежно провела пальцем по его груди.

По спине Стена пробежали холодные мурашки, и даже руки покрылись мурашками от ее прикосновения. «Я, наверное, самый счастливый муж во всем Влахкисе», — подумал он. Он заговорщически посмотрел на нее и сказал:

— Осторожно, госпожа Висиния, что люди подумают о таком поведении?

— А может, то, что жена любит и боготворит своего мужа? — невинным голоском заявила Висиния. — И почему так официально, Стен? Нужно ли мужчине, на котором одни лишь мокрые штаны, следовать этикету?

— А вот как раз потому, что на мужчине одни только штаны, он и должен быть особенно вежлив, — возразил Стен. — Иначе его намерения могут быть истолкованы превратно.

— И каковы же его намерения?

— В основном они совершенно неприличные, — ответил Стен с наигранно строгим выражением лица и притянул расхохотавшуюся Висинию к себе.

Их губы встретились, и на какое-то мгновение он просто растворился в ее объятиях, наслаждаясь ее запахом, ее теплом и близостью. Он закрыл глаза и почувствовал вкус ее поцелуя, только затем они отпустили друг друга. В глазах Висинии Стен видел отражение своей собственной любви. Однако тут он вспомнил о рыцаре, и беззаботность сразу улетучилась.

— Есть новости? — спросил он, надевая рубашку через голову.

— Да. Ты наверняка видел гонца. Ионна получила известие с востока.

— От марчега Гиулы? — осторожно переспросил Стен.

И хотя с момента заключения мирного соглашения с масридами прошел почти год, его до сих пор мучили воспоминания о жестокой войне против марчега Цорпада. Слишком долго Стен боролся против масридов, чтобы теперь так просто доверять их словам.

— Переговоры проходят хорошо. Все выглядит так, что Гиула почти готов согласиться на более длительное перемирие, — заявила Висиния.

Однако по ее глазам Стен видел, что есть и другие, плохие новости.

— Если только это не какой-нибудь трюк, чтобы усыпить нашу бдительность, тогда это самые лучшие новости из тех, которые я когда-либо получал с тех пор, как Ионна пронзила проклятое сердце Цорпада. Так почему же ты не радуешься?

— Ну почему, я радуюсь. Мир — возможно, даже союз — это больше того, на что мы надеялись.

— Но?…

— Ионна хочет отправить во двор Гиулы Бекезара гонца. Парламентера, которому она может доверять и словам которого марчег Гиула тоже будет доверять безоговорочно.

— Естественно, — уныло ответил Стен. — Может, следует послать родственника Ионны? Может быть, ее сестру, дипломатические способности которой еще во время войны стали легендой?

— Ионна попросила меня…

— Попросила? — перебил ее Стен, высоко вскинув брови. — Не приказала?

— Нет, попросила меня принять участие в переговорах. Она верит, что мое присутствие придаст важности и значения нашему предложению.

— Она, конечно, права, — согласился влахак, но тут же тихо добавил: — К сожалению.

— Что? — озабоченно переспросила Висиния, но Стен только отмахнулся.

— Ах, ничего. Это все жара, у меня от нее уже совсем кружится голова.

— Ну да, голова у него кружится, — насмешливо повторила Висиния и театральным жестом приложила руку ко лбу. — Ах, боже мой! Я Стен сал Дабран. От копания я совсем не устал, а от жары у меня кружится голова!

— Эй! — закричал Стен наигранно сердито и схватил свою лопату. — Ты хочешь, чтоб я показал тебе, как хорошо я умею копать?

И, не дожидаясь ответа, он начал лопатой черпать воду в речке и брызгать ею в сторону жены, которая только раскинула руки и радостно засмеялась.

В конце концов он еще раз обмылся, и они отправились в замок. По дороге они больше не говорили о послании и попытались по обоюдному молчаливому согласию избегать упоминаний о скорой разлуке.

Когда они приблизились к замку, низкой прямоугольной крепости, Стен не мог не посмотреть на восточную башню, обугленные полуразрушенные стены которой виднелись на фоне неба. Когда слуги баро Хази после последней битвы против масридов в спешке покидали замок Рабенштайн, в порыве злобы они разожгли огонь. И только смелое вмешательство жителей Дабрана предотвратило полное уничтожение крепости.

«Вот еще работа, которую наконец предстоит выполнить», — подумал Стен, почувствовав себя немного виноватым из-за того, что так долго медлил с восстановлением этой башни. Так как старые покои его семьи был разрушены, ему пришлось устроить свою с Висинией спальню в части, принадлежавшей управителю замка, а Костин на время переехал в комнаты для прислуги. Хотя жена его не жаловалась, а Костин был даже рад тому, что наслаждался в замке женским обществом, все же каждый раз при виде полуразрушенной башни Стен чувствовал укоры совести.

Стену пришлось обсудить некоторые вопросы с торговцами и ремесленниками из города, которые жаловались на плохое состояние улиц и ухудшение по этой причине торговли. Так что они вновь встретились с Висинией уже после захода солнца. Она в маленьком кабинете писала письма и депеши, которые нужно было подготовить для

путешествия. Когда Стен вошел в комнату, Висиния подошла к нему с кувшином разбавленного вина и двумя кружками в руках:

— Ну что, эти ненасытные отстали от тебя наконец?

Такой оборот развеселил Стена, и он рассмеялся, но потом серьезно ответил:

— Их требования справедливы. Улицы в плачевном состоянии, их сильно разбили за последнюю осень и зиму. Но ведь у нас каждый человек на счету, нам все до единого нужны для работы на полях и для строительства в городе. Я бы и сам с удовольствием отремонтировал улицы, но мне, к сожалению, не хватает рабочих рук.

— А как же беженцы? Как только для них было построено жилье, им практически больше нечего делать.

— Мы не можем требовать, чтобы они трудились бесплатно. Ведь тогда их жизнь на свободе во Влахкисе станет ненамного лучше, чем под кнутом у масридов, — возразил Стен, нахмурив лоб.

Он устало опустился на стул и налил вина себе и Висинии.

В комнате было тепло, несмотря на то что окна стояли настежь открытыми. Толстые стены замка нагревались за день, сохраняя тепло, отчего ночи здесь становились очень душными.

— Тогда заплати им за работу.

— Чем? Баро Хази, да будет его имя трижды проклято, оставил нам пустую казну. И мы не можем даже собрать налоги, так как сейчас это просто невозможно. Хази обескровил земли, забирая у людей последние деньги на содержание своей армии, которую требовал у него Цорпад. Эта война все поглотила.

— А как же торговцы? Они не могут внести хоть какой-нибудь вклад в это дело? — спросила Висиния, взяла у Стена свою кружку и отпила глоток вина.

— Это возможно, — задумчиво произнес Стен. — Ведь все-таки ремонт улиц пойдет им же на благо. Но кто их сможет убедить в этом?

— Я вполне могу поговорить с торговцами. Прямо завтра утром, на пути к Гиуле Бекезару, я поговорю с Матеем. Он пользуется большим авторитетом среди торговцев.

— Но ведь это моя задача, — возразил Стен. — Ведь это я боярин Дабрана. Я не могу требовать ни от тебя, ни от кого-либо из своих людей выполнять мою работу.

— Ты и так нагрузил себя целой горой работы, Стен, и ты знаешь об этом. Люди в Дабране тоже видят это. Но ты можешь работать, используя только те средства, которыми располагаешь И когда в прошлый раз ты пытался серьезно поговорить с торговцами, все закончилось криками и непониманием. Со мной у них так легко это не пройдет.

Стену ничего не оставалось, как только согласиться. Управление Дабраном после его назначения борином оказалось очень трудной задачей. Конечно, Стен всегда знал, насколько сложной была судьба влахаков под гнетом масридов, но масштаб проблемы он осознал только тогда, когда ему пришлось лично заботиться об обеспечении всех жителей города и его окрестностей.

После победы влахаков множество народа с востока сбежало на свободные земли. Оставив все свое имущество дома, изнуренные и голодные, они появились в городах и деревнях влахаков. Они были истощены от долгого пути, затравлены преследованиями феодалов масридов, которые не хотели отпускать своих крепостных.

Эти беженцы, которыми все еще правили оба марчега масридов, полностью потеряли урожай вследствие плохой погоды, нуждались в постоянной заботе и обеспечении продовольствием. К тому же война прогнала с земли много крестьян, поэтому невозделанная земля нуждалась тоже в особенном уходе и обработке. Семенное зерно было в дефиците, так же как и скот, потому что в последнюю лютую зиму люди израсходовали почти все свои запасы. Над землей нависла угроза голода.

В других барониях дело выглядело ненамного лучше, хотя Стен и чувствовал, что баро Хази был особенно жестоким и расточительным. В Теремии Ионна делала для обеспечения своего народа все, что могла, но в стране, истощенной войной, постоянно возникали все

новые неразрешимые проблемы. В дополнение к этому спор с масридами еще не был разрешен окончательно, что также требовало бдительности от солдат на временных границах. Солдат, которые намного нужнее сейчас были бы на полях.

Опять же, масриды и сцарки постоянно нарушали границы и нападали на влахаков. Уже несколько раз Стену приходилось выезжать с оруженосцами своей баронии, чтобы выгнать непрошеных гостей. И хотя на восточные земли влахаков прибыло много беженцев, точно так же после их победы на восток сбежали воины и приверженцы масридов, перейдя таким образом на службу к марчегу Бекезару и марчегу Сциласу. Эти воины, уже раз потерпевшие поражение, затаили ненависть к влахакам и испытывали страх перед армией Ионны, потому все время устраивали вылазки, дабы нарушить перемирие. До сих пор дело не пошло дальше одиночных случаев, и Стен знал, что и среди влахаков были такие, которые, окрыленные победой над Цорпадом, готовы были продолжить войну на других землях масридов, пока не выгонят их из Влахкиса всех до одного. И хотя эта мысль не была Стену абсолютно чуждой, он понимал, что народ устал от войны, житницы пусты, поля невозделанны, а города и деревни опустошены. Поэтому на каждом собрании, созываемом Ионной, Стен и Висиния призывали к перемирию и спокойствию.

— О чем ты думаешь? — нежно спросила Висиния, вырвав тем самым Стена из водоворота мыслей.

— О войне, мире, обо всем этом, — уклончиво ответил он.

— Дай людям задание. Скажи им, что они могут помочь. Никакого принуждения, никакой кабалы, а только добровольно, — предложила Висиния.

— Что? А, ты имеешь в виду улицы… Может быть. Но пока еще все заняты строительством домов и приютов. Кроме того, нужно еще отремонтировать городскую стену. И, конечно же, восточную башню…

— И все же до зимы еще есть время. Я уверена, ты найдешь много людей, которым будет лучше работать, чем сидеть без дела.

— Я подумаю над этим, как только будут выполнены самые срочные работы. Но не волнуйся, тебе придется ехать по плохой дороге только до Теремии, оттуда ты поплывешь по Маги вниз по реке до Турдуя.

Нахмурив брови, Висиния вспыхнула:

— Ты прекрасно знаешь, что я не это имела в виду. Неужели ты думаешь, что я с большим удовольствием оставляю все здесь, чтобы вести переговоры о мире с масридами? Ты не думаешь, что мне лучше было бы остаться здесь, с тобой?

— Ну почему же, — расстроенно ответил Стен и потер глаза. — Прости меня, я устал.

— Когда ты несколько недель назад уехал, чтобы прогнать этих мародеров, разве я тебя хоть в чем-то упрекала? Это нужно было сделать, и я хорошо это понимала, — продолжила Висиния, которая явно рассердилась не на шутку.

Стен поднял руки в знак примирения и улыбнулся жене.

— Я знаю, я знаю. Но мысль о разлуке не дает мне покоя. Мне так хотелось бы, чтобы у нас было больше времени друг для друга.

— Мне тоже, Стен, — прошептала Висиния. — Но, возможно, скоро так и будет. Когда действительно наступит мир…

— Да, мир. Что именно написала тебе сестра? Насколько искренним она считает предложение Гиулы? — спросил Стен.

— Думаю, она не стала бы посылать за мной, если бы не верила в это.

— Она написала об условиях?

— По всей вероятности, отказ Ионны от титула королевы убедил марчега. Пока Ионна не стала королевой всего Влахкиса и тем самым не мешает претензии марчега на господство, он согласен на сохранение мира. Еще ведутся переговоры об обмене пленных.

— Да, со стороны Ионны было очень умно не претендовать на трон, — заметил Стен. — Сторонники войны среди нашего народа еще живут в надежде, что Ионна скоро вновь поднимет меч, чтобы стать королевой…

— Пока оба марчега чувствуют себя равными ей по положению и не опасаются возможного коронования, — добавила Висиния.

— Оба марчега, да… А что обо всем этом говорит Ласцлар Сцилас? Что будет делать Валедоара?

— Если Ионна как властительница над Мардевом и Садатом заключит союз с Гиулой, властителем Сиревы, марчегу Сциласу не останется ничего иного, как тоже искать мира. Ведь даже если Валедоара богата, а Ласцлар командует большой армией, ему совсем не до войны с нами и Гиулой. Альянс между Ионной и Гиулой заставит и его заключить союз, — объяснила Висиния.

Стен задумчиво потер подбородок. Он еще раз обдумал все отношения, которые так долго обеспечивали равновесие сил во Влахкисе. Ведь масриды были едины только в вопросе подчинения влахаков, а так каждый из влиятельных марчегов мечтал о троне. Долгое время никто из них не мог добиться значительного преимущества, так как ни один не был настолько силен, чтобы одному справиться с двумя другими. И только со смертью Цорпада в битве и победой последних вольных влахаков Мардева, которых возглавила Ионна, эта взаимозависимость была нарушена. Однако насколько мало масриды доверяли недавно поднявшемуся влахаку, настолько же плохо у них получалось преодолевать недоверие друг к другу, возникшее за столько лет противостояния. «Удар может вполне последовать этим летом, — подумал Стен, — когда как раз идет перестановка сил. И то, что до сих пор мы имели дело только с отдельными нападениями, показывает, что наши враги до сих пор не смогли объединиться. А нам нужно спокойствие мира, даже если он продержится и недолго».

— И сколько же еще продержится это перемирие? — спросил Стен вслух.

— Год, два, может, пять? Я не знаю этого. Ведь мы знаем, что оно не будет вечным.

Перед мысленным взором Стена всплыло лицо, худое, с голубыми глазами, обрамленное короткими темными локонами. «Ты прав, мой друг, — с грустью подумал Стен. — Для нас в этом мире никогда не будет мира. Может, ты сможешь найти его в следующем мире».

— Что с тобой? — встревожилась Висиния, которая обладала прямо-таки невероятной способностью понимать, что чувствует Стен.

— Воспоминания, — признался Стен. — Мне вдруг вспомнилось, что говорил мне Нати, прежде чем он…

Висиния осторожно поставила свою кружку, подошла к Стену и опустилась перед ним на колени. Ее глаза нашли его, и он увидел, что она разделяет его печаль о погибшем друге.

— Натиоле точно гордился бы тем, чего мы смогли достичь. Он всегда желал этого, — добавила она.

— Тем не менее он мертв. Он говорил, что наше прошлое всегда настигает нас. Единственное, чего мы можем достичь, так это мира для других.

— Ты думаешь, он был прав? — спросила Висиния и провела пальцами по щеке Стена.

— Не знаю. Иногда я верю в это, и, когда я вижу все эти трудности, которые навалились на нас, мне с трудом удается не поддаваться сомнениям. Вот сейчас тебе нужно отправляться к масридам, а я, наверное, скоро отправлюсь бороться с новыми нарушителями спокойствия, которые хотят новой войны. Будет ли в следующем году иначе? И еще через год? Что будет, когда перемирие закончится и мы снова выступим против масридов?

— Возможно, у нас никогда не будет настоящего мира, Стен, но, согласись, нам обязательно надо воспользоваться тем временем, которое у нас есть. Может, нам и придется жить все время с тенями прошлого. И все же мы живем. И мы вместе. Разве это совсем ничего не значит? — спросила Висиния.

Улыбнувшись, Стен попытался смягчить возникшее мрачное настроение:

— Ну почему, значит. Но иногда я чувствую себя, как Пард: возможно, мир — это и правда только для слабых, у которых от солнца спеклись мозги.

Висиния еле удержалась от дрожи, а Стен подумал об исполинском тролле, который не

только в решающей битве против масридов, но и во всех предыдущих показал себя сильным бойцом, наводящим страх. Для него слово «мир» было, как минимум, ругательством.

Жена пытливо взглянула на Стена.

— Таким я тебя совсем не знаю.

Стен растерянно посмотрел в ее темные глаза. Он покачал головой, а затем улыбнулся.

— Это не похоже на то, что говорят о нас, влахаках? Что мы унылый народ?

Теперь уже Висиния невольно улыбнулась.

— Унылый народ, который все трудности жизни переносит без стенаний, дорогой.

— Я не жаловался, — бурно отреагировал Стен. — Может, совсем немного. И то только потому, что мне придется расстаться с такой чудесной женщиной, которая услаждает мои ночи! — Он взял Висинию за руки и нежно притянул к себе.

Висиния медленно запустила руку под рубаху Стена и провела ноготками по его коже, отчего у того по спине побежали мурашки.

— Сладкие ночи, так-так. Так это все, что я для тебя значу?

— Нет, конечно, нет, — ответил Стен с наигранно серьезной миной. — Я радуюсь также и сладким дням, которые ты… эй!

Нежные ноготки превратились в острые когти, впившиеся в его кожу. Широко улыбаясь, он обхватил руками ее тело и прижал к себе. Локоны ее рыжих волос упали ему на грудь и лицо, он вдохнул их запах. Висиния погладила его по спине, в то время как он пропустил ее волосы сквозь пальцы. Он почувствовал, как к затылку поднялся жгучий жар. Ее губы нашлись сами собой, и он нежно открыл ее рот языком. Почувствовав его возбуждение, она тихо застонала и слегка двинула бедрами, отчего уже и он не смог сдержать стона.

Тут Висиния поднялась на носочки и посмотрела на него сквозь рыжие локоны, упавшие ей на лицо.

— Пойдем, — прошептала она охрипшим от возбуждения голосом и взяла его за руку.

Он медленно встал, наслаждаясь и буквально впитывая в себя то, что видел: стройную фигуру Висинии, ее светлую кожу, растрепавшиеся волосы, лихорадочно блестящие глаза. Она потянула его в направлении двери, но ему не хотелось ждать так долго, поэтому он снова обнял ее и медленно поднял платье. Когда она поняла, чего именно он хочет от нее, то с легким вздохом опустилась на пол. Его руки гладили ее тело. Она задрожала под его ласками, в то время как он расстегивал ее платье, а затем снял его совсем. Его губы опустились к ее груди, поцеловали ее затвердевшие соски. В возбуждении она прижалась к нему. Пальцами она расстегнула его штаны, погладила живот, а затем опустилась еще ниже. Когда они оба были полностью раздеты, он притянул Висинию к себе и вошел в нее, наслаждаясь жаром ее тела, ее дыханием над своим ухом, нежными словами, которые она шептала ему, пока они занимались любовью. Сначала медленно, а потом все быстрее… А он снова и снова шептал ее имя.

Потом они лежали рядом в постели, накрытые лишь тонким покрывалом. И хотя была уже середина ночи, через узкое окно проникал лишь слабый теплый ветерок. Висиния спала мирным глубоким сном, прижавшись всем телом к Стену. Однако молодой боярин не мог сомкнуть глаз. Наконец он освободился от ее объятий, встал и почти бесшумно подошел к окну. Из комнаты высоко в башне он видел весь спящий городок Дабран, беленые дома и избы, жавшиеся друг к другу по эту сторону городской стены. За стеной до самого горизонта простирались поля, сады и леса. Как и в другие ночи, когда он не мог уснуть, он стоял здесь и оглядывал землю, которая была его наследством. Весь ее вид действовал в такие моменты успокаивающе, но тем не менее внезапно он почувствовал, как в нем поднялся страх, объяснить причину которого он не мог.

Тут позади послышался какой-то шорох, в то же мгновение рядом с ним появилась Висиния. Она обняла его.

— Я скоро вернусь, любимый, — пробормотала она совсем сонным голосом. — Не

волнуйся. И потом, нам нужно еще отстроить многие улицы, мосты и стены.

А потом, не говоря больше ни слова, она потянула его в кровать, и Стен охотно последовал за ней, обнял ее и поцеловал. Он наслаждался каждым мгновением и отдал бы все за то, чтобы помешать восходу солнца, который будет означать начало дня разлуки.

2

Молодой всадник стоял на небольшом возвышении, с которого ему открывался вид на всю долину. По левую сторону от него изгибалась река Илт, которая здесь была еще узкой серо-голубой лентой, а по правую возвышались начальные отроги горного хребта. И хотя по сравнению с исполинскими горами Соркатами на севере, достигавшими, казалось, самого неба, здесь они казались маленькими холмами, но все равно были не менее ста шагов в высоту. Однако взгляд мужчины не задерживался ни на величественных горах, ни на речке, которая поблескивала в солнечных лучах, а искал в долине хоть один дымок. Ведь там, внизу была деревня Барлуи, одна из самых северных деревень Сиревы, окруженная густым лесом. Однако на таком большом расстоянии он не смог ничего разглядеть, как бы он ни прищуривался и ни прикрывал рукой глаза от солнца. Единственное, что он смог заметить, так это что около изб не было никакого движения, как и огня.

Его спутник явно терял терпение и постоянно оглядывался.

— Ну, успокойся, старик, — обратился к нему Тамар, не сводя глаз с деревни.

— Да, вецет, — ответил тот, воспользовавшись традиционным обращением к предводителю. — Просто…

Он оборвал фразу, и молодой всадник сначала просто проигнорировал ее. Но затем, когда понял, что ни при каких усилиях не сможет рассмотреть, что происходит в деревне, он наконец повернулся к своему спутнику:

— Так, что такое?

— Солнце стоит уже низко, вецет. Если мы хотим найти безопасное месторасположение для лагеря, то нам нужно поторопиться. Склад плотовщиков будет самым лучшим местом.

Тамар с любопытством посмотрел на сцарка, чьи темные длинные волосы обрамляли лицо, придавая ему совсем уж дикий вид. Неухоженная щетинистая борода и густые брови лишь усиливали это впечатление. От одного уха остались лишь жалкие кусочки — большая его часть стала жертвой удара топором в одной из битв с разбойниками.

— Кевес, но ведь тебе не впервые приходится проходить через глушь. Почему ты сегодня такой нервный? — с усмешкой спросил Тамар.

— Лес опасен, вецет, — загадочно ответил сцарский лазутчик, при этом старательно избегая смотреть в глаза Тамару.

Вместо этого он обратил взор к лесной опушке, словно ожидал, что в любую секунду среди деревьев может появиться ужасное создание.

— И в этом причина?

Кевес молча кивнул, коротко взглянул в глаза Тамару, но затем снова отвел взгляд.

— Ну что ж. Тогда отправляемся в путь. И все же нам надо заехать в Барлуи. Я хочу лично убедиться, что там все в порядке.

— Барлуи, вецет? — вырвалось у сцарка. — Но ведь мы сможем добраться до деревни только с наступлением ночи!

— Силы небесные! — накинулся Тамар на своего подданного. — Да что с тобой такое? Ты говоришь, как влахакский крестьянин, а не как воин!

Кевес смущенно что-то пробормотал, но все же не решился посмотреть Тамару прямо в глаза. Однако тот уже и так был вне себя от чудачеств сцарка:

— Так скажи, что хочешь, или вообще молчи!

— Да, вецет, — упрямо ответил Кевес.

— Значит, сейчас, когда ты снова обрел дар речи и мужество, скажи мне, почему ты

хочешь добраться до этой деревушки обязательно до наступления темноты. Неужели ты стал настолько стар, что теперь тебе нужно спать обязательно в мягкой кровати? — язвительно произнес Тамар, хотя прекрасно знал, что Кевес был едва старше его, по крайней мере на вид ему было не больше двадцати пяти лет.

— Вецет, я слышал, что леса стали еще более опасными, чем раньше, — неохотно ответил сцарк.

— Итак, слухи?

— Да, господин.

— И откуда же эти слухи? И что означает — стали более опасными? — резко спросил Тамар.

Молодого масрида удивило то, что Кевес вообще заговорил о таких вещах, как слухи. Отец Тамара, будучи, как всегда, очень осторожным, пытался предотвратить распространение этих слухов и не говорить ничего о том, что еще не проверено и не одобрено для разглашения. Именно для этого он в первую очередь и отправил Тамара с отрядом всадников на север. Тамар знал, что такие слухи ходят, но тот факт, что о них знали воины его отца, обеспокоил его. «Испуганные солдаты — плохие сопровождающие», — подумал масрид, продолжая испытывающе смотреть на Кевеса.

— Один торговец в городе рассказал мне, что в Турдуе уже давно не было караванов маленького народца. И, кроме того, пропадают люди, господин.

Тамар вновь пристально посмотрел на сцарка, обдумывая при этом услышанное и проклиная про себя суеверие, которое продолжает распространяться среди народа, словно эпидемия. «Ох уж эти проклятые влахаки со своими дурацкими историями про леса! Как будто в горах мало проблем без них!»

А вслух он сказал следующее:

— Конечно, леса стали более опасными, чем раньше, Кевес. И хотя влахаки говорят о мире, их бандиты нападают на наш народ, где это только становится возможным. Но они трусы. Им как раз подходят безобидные путешественники, но нас двадцать воинов, и мы вооружены и в броне. Если на нашем пути попадется хоть один из этих беззаконников, мы повесим его на первом же суку как предупреждение для всех ему подобных.

Кевес неуверенно огляделся вокруг, и Тамар рассмеялся:

— Неужели ты думаешь, что в этих лесах прячутся чудовища?

— Ну, вы сами знаете, что говорят люди, вецет, — виновато ответил Кевес.

— Да. Но это всего лишь разговоры. Тем более что мы не собираемся заходить далеко в лес. И здесь лишь люди, с которыми мы легко справимся. Так что давай поторопимся и прибудем в Барлуи так рано, чтобы у тебя еще осталось время найти девчонку, которая разделит с тобой ложе!

Слегка пришпорив коня, Тамар повернул и поскакал вниз по каменистой дороге. У подножия холма их уже ожидал маленький отряд, разместившийся на отдых в тени возле речки Илт. Когда их предводитель вернулся, мужчины и женщины тут же встали и устремили на него взоры в ожидании. И только загорелый дочерна Саньяс остался на залитом солнцем берегу речки. Глаза его были закрыты, а губы шевелились, тихо проговаривая какую-то молитву. На мгновение Тамар застыл, почувствовав восхищение перед твердой верой священника бога Солнца культа Альбус Сунас. Присутствие этого высокого человека в белом одеянии, молодость которого была уже далеко позади и который говорил всегда только спокойным твердым голосом, благотворно влияло на солдат, которые еще помнили ужасные истории выживших после окончательного поражения Цорпада. Молодой масрид неохотно признал, что со стороны отца было чрезвычайно предусмотрительно послать вместе с ним священника культа бога Солнца. «Отец был прав, когда говорил, что одним мечом войны не выиграешь».

— По коням! — крикнул Тамар голосом человека, привыкшего отдавать приказы. — Мы отправляемся. Наша цель — Барлуи. Впереди пойдет Кевес, вы оба замыкаете.

Вскоре все уже были на лошадях и выстроились в отряд. Тамар сообщил оружейнику

скудные сведения, добытые в ходе вылазки на холм, после чего отряд тронулся в путь.

Тамар внимательно всматривался в лес и обдумывал, как бы поднять моральный дух отряда.

Лошади были необычно нервными. Возможно, они ощущали напряжение всадников или запах гари пугал их. Слева от Тамара кто-то шепотом пытался успокоить коня, но в темноте среди деревьев он не смог разглядеть, кто это был. Все его внимание было приковано к деревне, и он безуспешно пытался понять, что там происходит. Сильный запах гари и наполовину разрушенные избы, освещенные последними лучами заходящего солнца, подтверждали, что это была та деревня, к которой они направлялись. Что-то произошло в ней, и, возможно, они смогут выяснить, что именно. Но вначале им нужно было дождаться доклада лазутчиков, которые тайком пробрались туда, так как юный масрид не хотел попасть в засаду. Тамар нетерпеливо барабанил пальцами по седлу. В нем постепенно нарастал гнев, вызванный дерзостью нападения на деревню. Испокон веков Барлуи относилась к владениям его дома. «Кто же посмел так открыто и нагло напасть?» — не на шутку рассердился Тамар. Он поклялся про себя, что найдет напавших и позаботится о том, чтобы они никогда больше не ступили ногой на его землю.

Наконец появилась сгорбленная фигура Кевеса, который выпрямился и махнул светлым платком. Увидев условленный знак, Тамар свистнул, сел на коня и медленным шагом повел людей к Кевесу. Чем ближе они подходили к Барлуи, тем сильнее становился запах гари. Затем к этому запаху примешались еще и другие: сгоревшее мясо, пролитая кровь и другие спутники смерти, которые Тамар знал слишком уж хорошо. И хотя сигнал Кевеса означал, что в деревне им не грозит никакая опасность, нервы Тамара напряглись неимоверно, когда они шли мимо первых домов. С первого взгляда большинство конюшен и изб казались нетронутыми, только справа от дороги одна изба была наполовину разрушена, а другая за ней явно сгорела. Именно оттуда и шел дым, который они видели перед этим.

— Зажгите факелы, — приказал Тамар. — Разделитесь на три группы и прочешите деревню. Если найдете выживших, принесите их ко мне. Кевес?

— Да, господин? — Сцарк приблизился к Тамару.

— Что ты обнаружил?

— Мы не нашли ни одной живой души, вецет, но здесь точно была какая-то ужасная битва. Повсюду видны ее следы. Вон там, внизу земля буквально пропитана кровью, — объяснил лазутчик и показал рукой на место, которое было уже в тени.

— Что за следы? Лошадей? Воинов? Это были влахаки? — настаивал юный масрид, хотя он и сам едва верил в то, что беззаконники-одиночки совершили такое нападение.

— Было слишком темно, чтобы хорошо все рассмотреть, господин. Мы не хотели зажигать факелы, пока не убедились, что здесь не опасно.

— Тогда сейчас же возьми факел и пойди посмотри. Я хочу знать, кто стоит за этим беззаконием и куда они пошли.

Кевес взял огонь и побежал к одной из маленьких групп, на которые разделился отряд. Тамар мягко положил лошадь на бок.

— Оружейник, что ты думаешь обо всем этом? — спросил он, одновременно пытаясь найти хоть какие-то следы, указывающие на напавших.

— Сложно сказать, не имея никаких следов. Во всяком случае, они поработали тщательно.

— Влахаки?

— Большая часть здешних крестьян и были влахаками, — сказал Игнак. — Зачем им нападать на своих собратьев?

— Возможно, они убили лишь наших людей, а после этого оставшиеся влахаки присоединились к ним, — высказал предположение молодой воин. — Но, честно говоря, это не имеет никакого смысла.

— А может, это были воины маленького народца?

— Карлики? — удивленно переспросил Тамар. — Почему ты так думаешь?

— С тех пор как Садат пал, с ними не было почти никакой связи. Торговцы больше не приходят. А торговцы с запада рассказывали, что воины маленького народца боролись на стороне марчега Цорпада. Возможно, сейчас они мстят за убитых соплеменников.

Тамар всерьез задумался над такой версией. Это правда, что посланники его отца возвращались с пустыми руками из таких мест торговли, которые раньше были очень популярны. Очевидно, ворота Карликандии плотно заперты и маленький народец пока не желает снова встречаться с людьми. Улыбнувшись, юный масрид вспомнил об одном из редких припадков ярости отца, которые чаще случались по причине отсутствия дани от торговли карликов, чем от угрозы мстительных влахаков в Теремии. «Но такое нападение… — задумался Тамар. — К тому же на беззащитную деревеньку… Зачем бы воины маленького народца делали такое?» Не убежденный версией оружейника, он сказал:

— Пока мы не будем исключать и такой возможности. Мы проведем здесь ночь, а затем уже при свете дня продолжим поиски. Найди место для ночлега, оружейник, и распредели людей для дозора.

— Мне не нравится идея отправлять людей на поиски в темноте разрозненными группами, — заявил вдруг ему ветеран, и Тамар в удивлении взглянул на него.

Он увидел, как тот озабоченно нахмурил лоб, а его рука в это время не отпускала рукоятки меча, висевшего на боку.

— Неужели ты думаешь, что напавшие еще находятся где-то поблизости? — спросил у него Тамар.

— Вполне возможно. Тем более ночью мы и так мало чего найдем. Будет лучше, если мы останемся вместе и завтра продолжим поиски.

— Ты прав, — согласился Тамар с опытным воином, который вот уже много лет так верно и исправно служил его отцу.

Если уж и оружейник считает ситуацию небезопасной, то для Тамара будет лучше последовать его совету. Неожиданно юному масриду все эти слухи показались не такими уж и смешными, как казались на залитом солнцем холме. Леса опасны для простодушных, тем более что никто не знал, что здесь произошло. И пока у них не было никаких указаний на то, кто это мог сделать, было бы разумно поостеречься, несмотря на то, как сильно в Тамаре горела жажда мщения. Кроме того, лошади были очень измучены долгим путем, их нужно было накормить, чтобы они завтра в случае необходимости смогли отправиться в погоню.

— Собраться всем ко мне! — громко крикнул он и передал слово Игнаку.

Измученные и обеспокоенные лица солдат, слушавших приказы, в свете факелов казались бледными. Одна из лошадей зафыркала, и внезапно конь Тамара испуганно отскочил в сторону. Юный воин наклонился вперед, успокоительно потрепал своего коня за холку и прошептал;

— Успокойся, Сцег, успокойся. Да что…

Однако он не договорил, потому что заметил, что все лошади охвачены какой-то необычной паникой: они фыркают и вращают глазами как бешеные. Рядом с ним Игнак пытался успокоить своего Валлаха, который беспокойно вертел головой, словно пытался высмотреть что-то в темноте.

— Вецет… — начал было ветеран, но Тамар оборвал его на полуслове резким приказом:

— К оружию!

Все воины вокруг вскочили на свои седла и достали оружие. Страх теперь передался и солдатам, которые старались хоть как-то успокоить их. При этом все всматривались в окружающую темноту. Только сейчас Тамар заметил, что, если не считать шумов, издаваемых солдатами и лошадьми, ночь была совершенно тихой. На лицах своих подданных он увидел страх, который в любую секунду мог перейти в панику. Он начал выкрикивать приказы, чтобы они перестали бояться:

— Выстройтесь в круг! Я хочу, чтобы свет освещал каждый закоулок!

Под крики и громкий топот копыт образовался свободный круг. И пока хаос постепенно переходил в порядок, с северного края деревни послышался громкий треск деревьев, словно дровосек завалил срубленное дерево. В то же мгновение все головы повернулись в ту сторону, и их взорам предстало чудовище, стремительно ворвавшееся в освещенное пространство.

— Святые небеса! — воскликнул Саньяс. — Да это же дух темноты!

Не в силах пошевельнуться, Тамар только и мог, что наблюдать за тем, как исполинское человекоподобное существо добралось до первого солдата и просто одной рукой вырвало его из седла. Мощные клыки вонзились в тело несчастного, и его испуганные крики резко оборвались. Словно парализованный, Тамар видел все в мельчайших подробностях. Темная грубая кожа чудовища, казалось, была натянута на мощные мышцы. Лапы, которыми он небрежно отбросил мертвого воина, заканчивались длинными когтями. А когда существо запрокинуло голову и прорычало: «Людишки!», юный масрид увидел огромные клыки, торчащие из пасти. Конь под Тамаром взвился на дыбы и хотел было броситься прочь от чудовища. Но Тамар наконец вышел из оцепенения. Отчаянно пытаясь удержаться в седле, он придерживал коня, крича солдатам:

— Вперед! Порубайте его на куски!

Однако это древнее чудовище сводило лошадей с ума. Только двум солдатам удалось повернуть лошадей в сторону чудовища и пойти в наступление на него. Кевес натянул тетиву лука, в то время как справа раздался крик:

— Это тролль!

Наконец Тамару удалось хоть немного успокоить коня, добиться от него выполнения команд. С ружьем на изготовку юный масрид поскакал на чудовище и снова закричал:

— Вперед!

Его удар, направленный в голову чудища, попал тому в поднятую руку. Проскакав немного, Тамар вновь пошел в наступление. Он попытался за несколько секунд оценить ситуацию. Саньяс стоял на коленях среди брыкающихся лошадей и всего этого шума так, словно битва его совершенно не касалась. Кевес держал лук и выпускал стрелу за стрелой, все эти стрелы попадали в цель. Еще два сцарка взяли чудовище под обстрел. Это была нелегкая задача, так как несколько воинов уже двинулись с мечами в ближний бой. Ириния, которую, очевидно, выбросило из седла, наступала на чудовище пешей. Она изгибалась, уворачиваясь от огромных лап, затем воткнула топор чудовищу в бок. Но не все было так хорошо: в ногах существа в грязи лежала лошадь, у которой все еще слегка дергались передние ноги, и, вероятно, она подмяла под себя воина. Однако сейчас Тамар не мог думать о потерях, главной задачей было уничтожить чудовище. Поэтому он вновь пустил Сцега в атаку, сжал рукоять меча покрепче и изо всех сил опустил меч на чудовище. Его удар был хорошо нацелен и нанесен с полной силой, однако он почувствовал, что клинок вошел в узловатую шею недостаточно глубоко.

Поэтому Тамар сразу же развернул Сцега. Из груди и шеи чудовища торчали стрелы, на руках и теле его были видны несколько ран, но при этом Тамар не мог понять, была ли хоть одна из них глубокой или даже смертельной. Существо продолжало буйствовать, подметая масридов и сцарков. Его просто невозможно было остановить. Если ему в лапы попадался человек, то он запросто вырывал его из седла, ломал кости, рвал плоть. Темные тени мелькали по коже этого существа, тролля, который скалил зубы и рычал.

Задыхаясь от напряжения, Тамар пытался понять, как же можно побороть это чудовище. Потом он увидел такую возможность, заметив, как существо поднимает руку перед лицом. «Оно защищает глаза!» — воскликнул про себя Тамар и радостно ухмыльнулся.

— В голову! Цельтесь в его проклятый череп! — прокричал масрид, после чего лучники стали целиться выше.

Однако все равно удары фактически не имели действия. Неожиданно Тамар заметил позади существа какое-то движение. Кровь буквально застыла у него в жилах, когда он

увидел других подобных существ, пробирающихся по узким дорожкам между изб. Одному из этих чудовищ помешала изба, так он просто пробил стену, и часть дома обвалилась. Широко раскрытыми от ужаса глазами Тамар смотрел, как твердый камень превращался в пыль, как исполинские ноги сметали все, что было у них на пути.

— Назад! Ко мне! — резко закричал он и выпрямился в седле настолько высоко, насколько это было возможно.

Но тут вдруг мир стал белым, яркий свет ослепил его так, что ему пришлось закрыть глаза. Звуки долетали до него как будто издалека. Тамар сильно прищурился и увидел Саньяса, который поднял руки высоко над головой и, казалось, нес сверкающий шар из чистого света. Одеяние старого священника, хоть и запачканное грязью и кровью, светилось белым светом, а волосы образовывали вокруг головы белый ореол. В полном замешательстве Тамар перевел взгляд на чудовище, которое упало на землю и осталось лежать неподвижно. Потом он осознал, что произошло. «Вечный свет неба, — подумал он, — убил дух темноты. Да здравствует свет!» Облегчение волной нахлынуло на Тамара, а его смирение и поклонение Вечному свету было так сильно, как никогда. Но, тем не менее, нужно было использовать этот момент.

— Ко мне! — вновь приказал юный масрид, однако многие из выживших солдат вели себя словно оглушенные и, казалось, не понимали его слов.

Одним махом Тамар выпрыгнул из седла и побежал к Саньясу, который медленным шагом подходил к чудовищу.

— Это были вы? — спросил воин священника.

— Я вспомнил истории. Битву против влахаков и их духов темноты, — тихо прозвучал ответ Саньяса.

— Тогда это действительно тролли! — сердито прошипел Тамар, однако священник ничего не ответил.

На таком расстоянии Тамар увидел, как сильно напряжено лицо священника — будто он нес большую тяжесть. Быстрый взгляд в круг дал знать, что солдаты уже немного отошли от битвы. Да и самое главное, что нигде не было видно других существ, словно они провалились сквозь землю.

— Черт возьми, я повторяю! Ко мне! — вновь закричал масрид и побежал к троллю, неподвижно лежащему на земле.

Только сейчас Тамар смог разглядеть, насколько большим на самом деле было чудовище. Его тело в ширину точно было в три шага, огромные руки и ноги, а кожа темно-серая, как каменная, покрытая странными грубыми бугорками. Над головой изгибались массивные рога, растущие из лба, к тому же у него были низко посаженные глаза, а из широкой пасти торчали устрашающие клыки. Нос, так же как и уши, был почти не развит и казался до смешного маленьким на такой огромной голове.

Тамар осторожно ткнул существо острием меча, но никакой реакции не последовало. Кевес нагнулся к монстру и провел рукой по его руке, словно не мог поверить в его реальность.

— Позаботься о раненых, — отдал приказ Тамар. — Собери лошадей.

Он снова ткнул существо мечом, только на этот раз сильнее. Острый клинок пронзил тело монстра с невероятным трудом, как будто толстая кожа была защищена панцирем.

— Он лишь спит, — прошептал Кевес.

Тамар в изумлении посмотрел на лазутчика:

— Что-что?

— Он не мертв. Он дышит. Ну, вы посмотрите, вецет, — объяснил сцарк.

И действительно, теперь, присмотревшись, Тамар увидел, что грудь чудовища почти незаметно подымалась и опускалась.

— Тогда давайте убьем его немедленно, — холодно приказал Тамар и ударил мечом по толстой шее.

И опять клинок вошел недостаточно глубоко, чтобы хоть как-то навредить монстру.

Поэтому он снова и снова ударял мечом, пока из раны не потекла на землю темная густая кровь. Напротив Тамара встала Ириния, взяла топор двумя руками и также начала рубить чудовище, по очереди с ним. Он благодарно улыбнулся молодой женщине, и она ответила ему улыбкой. Неожиданно что-то попало в нее, и она с криком упала на землю. Они словно оказались в центре обстрела камнями и ветками. Тамару пришлось уклониться даже от камня величиной с голову, и он присел на корточки за телом лежащего тролля, чтобы хоть как-то укрыться. Посмотрев на Иринию, он увидел, что ее лицо залито кровью.

— Я… я не… не могу больше. Свет… жжет, — задыхаясь, проговорил Саньяс, у которого пот ручьями тек по лицу, а руки дрожали.

Чертыхаясь, Тамар оглянулся, пытаясь понять, кто бросал в них камни, но ничего не обнаружил. «Если мы останемся без света, то уже ничего не сможем противопоставить этим чудовищам», — подумал он и крикнул воинам:

— По коням! Берите с собой раненых. Где Игнак?

Кевес молча указал на ужасно обезображенное тело, у которого руки и ноги казались сломанными, а головы вообще не было. Но по украшенному военному мундиру Тамар понял, что сцарк был прав: оружейник отправился в вечный мир.

— Возьми с собой Иринию, — приказал Тамар Кевесу и побежал к своему коню.

Одним прыжком он очутился в седле и пришпорил коня.

— На юг! — закричал он в надежде, что чудовища не поймут его приказа, после чего направил коня к Саньясу.

Священник культа бога Солнца, казалось, вот-вот потеряет сознание — его лицо было белым как мел, а веки все время дергались. Когда Тамар увидел, что жалкие остатки его отряда собрались, он подхватил священника и взвалил его на круп коня перед собой. Затем ударил коня ногами в бока и поскакал, прежде чем успел потухнуть свет в руках священника. В то же мгновение в деревне и окружающем ее лесу прозвучало торжествующее кровожадное рычание, отчего Тамар еще ниже наклонился вперед, отчаянно пытаясь в этой безумной скачке не только сам удержаться в седле, но и не потерять тело Саньяса.

4

Последнюю пару сотен шагов Флорес прошла пешком. Ее лошадь совсем обессилела от долгого пути, а юной влахаке не хотелось загонять ее, только чтоб немного раньше прибыть на паромную стоянку. Позади нее гремели телеги торговцев, поднимая с иссушенной земли клубы пыли, которую легкий ветерок относил на восток. От полуденного солнца все звери попрятались, да и люди потели и чертыхались под его палящими лучами. А Флорес, наоборот, очень любила тепло. Она сняла доспехи и навесила их на лошадь, оставшись лишь в штанах и простой рубашке, завязки которой свободно трепались на ветру. Так близко к Теремии она уже не ожидала никаких трудностей, хотя, несмотря на это, меч и кинжал все так же висели у нее на поясе для оружия.

Флорес сал Дабран уже много раз вот так возвращалась с разных военных заданий в Теремию, однако в последний год вид города изменился. С бойниц крепости Ремис свисали зеленые с черным вороном знамена княгини Ионны сал Сарес. Ворон был на фамильном гербе Ионны. Тяжелые знамена длиною в несколько шагов почти не шевелились, чего нельзя было сказать о вымпеле на высокой главной башне крепости. У подножия крепости, темные камни которой даже в самый солнечный день казались мрачными, ютились беленые дома с высокими крышами и порты Теремии. Раньше город казался Флорес сжавшимся в комок, сгорбившимся под кнутом Цорпада. Теперь же, наоборот, он, казалось, просто искал близости и безопасности у замка, каким бы мрачным тот ни выглядел.

«Неужели действительно все изменилось? — спросила себя Флорес. — Или же это просто поменялся мой взгляд на город? А может, это солнце, которое все может изменить своим ласковым светом».

На берегу быстрой речки Маги навари, паромщики, рядом со своими деревянными

избами натянули засаленное покрывало, в тени которого они сидели и играли в итальянскую игру мора. Под громкие крики они резко жестикулировали, затем все выкрикивали свои цифры, после чего под еще больший гам объявлялись имена победителей. Затем под хор жалоб проигравших и насмешек выигравших собирались ставки. Паромщики были настолько увлечены игрой, что заметили Флорес только тогда, когда она стала напротив их шатра и в центр круга упала ее тень. На нее тут же подняли сердитые взгляды мужчины и женщины, но Флорес невозмутимо сказала:

— Нужны паромщики.

Круг тут же пришел в движение. Паромщики повскакивали, отряхивая штаны от пыли и готовясь к приему телег, которые медленно приближались. И так как работы хватало каждому навари, в этот раз между ними не возникло их обычных споров. Пока торговцы договаривались о плате за переправу в Теремию, Флорес прилегла в тени и глотнула воды, которая была слишком теплой и почти не освежала. Крики торговцев пролетали, не волнуя ее. Она просто закрыла глаза и прислушалась к успокаивающему журчанию Маги, рассказывавшей ей о дальних странах, через которые еще будут протекать ее обманчиво медленные воды. Она протекала мимо Турдуя, а затем спускалась в темноту под могучими Соркатами, где на глубине могли происходить самые разные чудеса, которые не суждено увидеть человеческому глазу, после чего вновь возвращалась под свет солнца в роскошной Дирии.

С давних времен могучая река Маги разделяла и одновременно объединяла Влахкис, так как большая часть торговых путей проходила через нее и множество ее притоков. Люди даже приносили жертвы духам реки, пока священники культа Альбус Сунас не заклеймили старые обряды как суеверие и не запретили их.

Для масридов Маги была всего лишь хорошим путем для перевозки товаров, перевода солдат с одного берега на другой и ловли рыбы. Они ничего не понимали в отношении влахаков к земле и подавляли все старые традиции, где только могли это сделать. «Надменные ублюдки, — уже в полусне рассердилась Флорес, — они даже меня заставили присоединиться к мятежу!»

Грубое прикосновение к ноге пробудило ее от дремы и заставило схватиться за оружие.

— Пора в путь, дорогая, — сообщил ей бородатый паромщик, без малейшего смущения рассматривая вырез ее расстегнутой рубашки, после чего шумно сплюнул.

Еще не до конца проснувшись, Флорес дотронулась до своего кинжала в ножнах и покачала головой. И прежде чем мужчина отвернулся, молодая влахака не удержалась от насмешливого ответа:

— Прежде чем я стану твоей дорогой, твоя бабушка должна снова стать девой!

Мужчина скривился в гримасе, отчего сразу стало видно, как много у него не хватает зубов, и заявил:

— Прежде чем ты станешь моей дорогой, тебе нужно будет снять с себя весь этот металл.

— Ну что ж, два невыполнимых условия, — подытожила Флорес и погладила рукоятку меча: — А теперь проваливай!

Пожав плечами, тот развернулся и ушел, а юная влахака крикнула ему вслед:

— Спасибо!

Переправа через речку прошла без происшествий. Из-за того, что лето было очень жарким, течение было довольно медленным. Прибыв в Апас, старый портовый район Теремии, Флорес получила остаток денег, вернула лошадь, которую брала на время, сложила все свои пожитки в мешок и закинула его на плечо. «Неудивительно, что лошадь скакала так медленно, — простонала она про себя, идя домой. — Мой узел весит больше, чем я сама!»

Улицы были намного оживленнее, чем раньше, но в этом не было ничего странного, если принять во внимание приток во Влахкис беженцев с востока. Тут и там еще были видны следы войны. Недалеко от порта стояли руины сгоревшего дома. Все еще с дрожью Флорес вспоминала ту ночь, когда влахаки решили сжечь дом, чтобы уничтожить масридов. На

пожар сбежались все патрули и попытались предотвратить распространение огня на близлежащие дома. Только с рассветом им, изнуренным и грязным, удалось одержать победу над огнем.

Другие здания подверглись разграблению, теперь в бывших жилищах масридов ютились беженцы. Да и вообще в этом городе осталось совсем немного масридов и сцарков, хотя Ионна и дала им защиту. Но гнев влахаков был еще слишком силен, а ненависть засела очень глубоко. Солдаты княгини предотвращали наихудшие выходки народа по отношению к масридам, но они не могли находиться везде одновременно и защищать буквально каждого. Флорес также бывала в этих патрулях, хотя ей, точно так же как и другим воинам Ионны, совсем не нравилось выступать с оружием против других влахаков. Но у нее была масса других прекрасных возможностей служить солдатом, как раз в такие опасные времена, как эти, поэтому она распрощалась с этим городом и вновь нанялась к богатым торговцам для охраны их товаров при перевозках, зачастую очень долгих.

Вероятно, Ионне наконец все же удалось взять под контроль эти выпады, хотя и путем казни некоторых грабителей, как рассказывали люди. Однако Флорес не интересовали сплетни, просто она была рада вновь оказаться здесь, где она чувствовала себя как дома.

Ее комната совсем не изменилась. Флорес бросила свои вещи в угол, вытерла пот со лба и только собралась выйти с кувшином во двор, чтобы набрать воды, как увидела продолговатый конвертик, который кто-то просунул в щель под дверью в ее отсутствие. С любопытством она подняла письмо и сразу же узнала герб на печати. «Ворон Ионны, — удивленно подумала она. — Интересно, чего хочет от меня княгиня?»

Она быстро пробежала письмо глазами. И хотя оно было полно витиеватых фраз, цель его стала понятна сразу: как только Флорес сал Дабран вернется в Теремию, она должна тут же явиться в крепость Ремис по приглашению и настоятельной просьбе воеводы Ионны, властительницы Вольного Влахкиса.

Подойдя к крепости, Флорес отметила, что и она изменилась за это время. Там, где раньше висели тяжелые гобелены масридов, теперь можно было увидеть сохранившиеся гобелены раннего периода истории влахаков. В свое время захватчики попытались подавить все воспоминания народа о своем собственном прошлом. Даже петь детские и народные песни было не так уж безопасно, потому что слишком быстро тебя могли заподозрить и обвинить в подстрекательстве к мятежу, после чего можно было навсегда исчезнуть в темницах Цорпада. Теперь Ионна велела отреставрировать мозаики и фрески, а там, где время оставило слишком неизгладимый след, создать новые картины. Флорес увидела, что одна из них уже была готова.

На этой картине был отображен решающий момент в последней битве против масридов, в которой влахаки с помощью троллей победили своих угнетателей и их союзников из маленького народца. В самой гуще битвы Ионна своим уже ставшим за это время легендарным мечом пронзает марчега Цорпада. И напрасно в рядах борющихся влахаков Флорес попыталась найти свое лицо или лицо своего брата-близнеца Стена. «Очень жаль. Этим точно можно было бы впечатлить потенциальных клиентов». Не в силах сдержать усмешку, Флорес прошла через большие Двери в зал крепости, где ее встретил слуга и провел в маленькую комнату для совета. Когда-то эту комнату украшали стеклянные окна, однако в хаосе битвы они были разбиты — то ли масридами, то ли влахаками, сейчас уже никто не мог сказать наверняка. Сейчас ставни были открыты, и звериные шкуры тонкой выделки были сняты с окон, чтобы в комнату заходил хоть небольшой ветерок, развеивая невыносимую духоту.

— Ах, Флорес сал Дабран! Я надеялась, что вы скоро вернетесь к нам.

— Воевода, — кратко ответила молодая женщина и поклонилась.

Флорес показалось, что Ионна действительно рада ее присутствию. Ее улыбка казалась искренней, и она даже дружески склонила голову. Ионна почти всю свою жизнь провела в войнах. И даже под защитой толстых стен крепости она всегда ходила с мечом на поясе, при

том что на ней был простой темно-зеленый камзол. В ее каштановых волосах уже появились седые пряди, а долгие годы ответственности за порабощенный народ оставили на ее лице глубокие морщины. Их сходство с Висинией было неоспоримым, хотя Ионна казалась намного более отстраненной и холодной, чем ее младшая сестра.

— Как прошла ваша поездка? — поинтересовалась княгиня и указала рукой на столик, где стояли графины и кубки. — Немного вина?

— С удовольствием, — ответила Флорес и взяла металлический кубок, который ей молча с поклоном протянул слуга. — Моя поездка оказалась на удивление приятной. Никаких происшествий, хорошая погода. У меня даже создалось впечатление, что страна уже немного начала отходить от всего.

Затем она отпила небольшой глоток крепленого красного вина и внимательно посмотрела на Ионну поверх кубка. Однако по выражению лица воеводы нельзя было понять, о чем она думает.

— И правда, в последнее время у нас стало меньше трудностей. Банды воинов, которые остались без господина, все еще доставляют нам беспокойство, но за это время мы научились справляться с этими мародерами. И на границах спокойно.

— Зачем же тогда вы вызвали к себе наемницу? — прямо спросила Флорес, отчего Ионна засмеялась.

— Прямолинейна, как всегда! — ответила княгиня. — А может, я хотела просто пригласить сестру своего зятя. Неужели такое невозможно?

— Конечно, возможно. Но стали бы вы тогда посылать мне официальное письмо?

— Нет, вы правы, госпожа Флорес. Хотела попросить вас, чтобы вы оказали мне услугу, — призналась Ионна и с улыбкой добавила: — Конечно же, за соответствующее жалованье.

— На теперешний момент меня еще никто не нанял, а следовательно, я не буду отказываться от такого предложения.

— Речь идет о деле чрезвычайной важности, которое касается нас обеих.

— Нас обеих? — удивленно переспросила Флорес. — В каком смысле?

— Моя сестра должна отправиться в поездку, и я была бы рада, если бы вы сопровождали ее.

— Поездку? Ну, раз вы хотите нанять охрану, значит, поездка все-таки должна быть опасной, — предположила Флорес и отпила еще один глоток вина.

— Скажем так: я просто буду чувствовать себя спокойнее, если вы будете рядом с ней, и я уверена, что и моя сестра, и ваш брат тоже так считают. Я…

Тут Ионну на полуслове оборвал звук трубы, раздавшийся со двора. Затем послышались крики. Нахмурившись, княгиня подошла к окну выяснить, что там происходит. Флорес присоединилась к ней, но услышала только эхо, потому что вся суматоха происходила в главном дворе, куда не выходило ни одно окно.

— Что за… — явно рассерженно пробормотала Ионна и крикнула одному из стражников, патрулировавших на наружной стене: — Эй! Маниу! Выясни, что там происходит, и наведи порядок!

Кивнув, молодой воин побежал прочь, в то время как Ионна вновь повернулась к Флорес.

— Это дипломатическое задание. И я не ожидаю опасности, но вы понимаете, что я не могу подвергнуть сестру ненужному риску. Она доверяет вам, я доверяю вам и верю в ваши умения, поэтому я и позвала вас.

— Понимаю. Вы можете располагать мною. Когда нужно будет отправляться в путь? Я надеюсь, что у меня есть еще немного времени, так как мне нужно уладить еще несколько дел в городе. А по ночам в городе все еще установлен комендантский час?

— Висиния еще даже не приехала сюда, в Теремию, так что пройдет несколько дней, прежде чем вы сможете выехать. Комендантский час был отменен, но вместо этого были введены дополнительные патрули, — ответила княгиня, как тут в комнату влетел

запыхавшийся слуга.

— Госпожа, к вам посетители. И они требуют аудиенции у вас, госпожа. Это важно, госпожа!

— Успокойся, Андрес. Кто там?

— Дирийцы, госпожа, — с трудом произнес слуга, и Флорес вопросительно посмотрела на Ионну:

— Вы ждете дирийцев, воевода?

— Нет, — быстро ответила Ионна и приказала слуге: — Проведи их в вестибюль и подай им всего, что они пожелают. И пошли кого-нибудь к Леанне сал Паскали, она должна прийти как можно скорее. Давай!

После этого она снова повернулась к Флорес:

— Прости, но нам нужно пока закончить разговор. Мы наверняка сможем обсудить все подробности, когда Висиния приедет. А сейчас прошу прощения.

Естественно, это была не более чем вежливая просьба удалиться, так что Флорес вновь откланялась, отпила последний глоток вина, вышла из комнаты и неспешно пошла через большой зал. Тут из вестибюля донеслись возмущенные голоса, и Флорес увидела, как Андрес, ломая руки, обращался к двум роскошно одетым воинам, которые со злостью что-то кричали ему на иностранном языке.

Флорес остановилась и с интересом смотрела на этих воинов, которые были близки к тому, чтобы схватить слугу за шиворот и выбросить его на двор. Особенно Флорес заинтересовали сверкающие золотом доспехи. Они состояли из металлических бляшек, нашитых на кожаный камзол длиной до бедер с полудлинным рукавом. Предплечья и ноги воинов были прикрыты пластинами такого же цвета, которые, так же как и чешуя, были украшены узором. Внимательнее присмотревшись, Флорес с изумлением заметила, что каждая чешуйка была выполнена в форме перышка, а пластины на руках и ногах воинов напоминали крылья. Тяжелые голубые накидки были длиной почти до пола, и на них золотыми нитками был искусно вышит витиеватый узор. Между отдельными частями доспехов виднелась такая же темно-голубая ткань. Два охранника-влахака стояли немного в стороне и держали оружие чужестранцев: длинные тяжелые кавалерийские копья и продолговатые щиты, а также пояс с навешенным мечом длиной в целый аршин. И даже эти пояса для оружия были расшиты золотом. В ногах у воинов лежали два золотых шлема, которые оставляли открытой лишь нижнюю часть лица. На верхней части шлема поднимались распахнутые крылья. Лица воинов выглядели необычно из-за темной кожи и коротко подстриженных вьющихся темных волос. С удивлением Флорес отметила, что их веки были накрашены черным карандашом, что придавало взгляду некоторую загадочность.

— Сейчас же позови госпожу! — Один из воинов произнес влахакские слова с сильным акцентом, из-за чего они показались тяжелыми и неуклюжими.

Слуга пролепетал с мольбой в голосе:

— Еще мгновение, пожалуйста. Воевода Ионна сал Сарес сию минуту примет вас. Пожалуйста, подождите еще несколько мгновений.

В этот момент Флорес почувствовала что-то похожее на сочувствие к этому вспотевшему от напряжения человеку, который изворачивался, как только мог, но при этом ему все время удавалось не пропускать солдат в большой зал.

— Добро пожаловать в Теремию! — неожиданно раздался сильный голос Ионны, и было заметно, какое огромное облегчение испытал Андрес при появлении своей госпожи.

На воеводе была длинная мантия, отороченная мехом. Ионна появилась в сопровождении двух воинов, облаченных в доспехи, которые после битвы были сняты с лейб-гвардии Цорпада. И эти доспехи были настоящим произведением кузнечного искусства, созданным карликами. Они не только выглядели очень впечатляюще, но и защищали лучше, чем доспехи, изготовленные людьми.

Оба чужестранных воина прокричали что-то на своем языке и неожиданно упали на колени. К удивлению Флорес, они положили руки на пол и дотронулись до него лбами. Все в

изумлении уставились на странных воинов, и только Ионна и бровью не повела и, казалось, была ничуть не удивлена.

Наконец воины вновь подняли головы, но остались стоять на коленях, не поднимая глаз на княгиню.

— О, великая госпожа, мы передаем вам приветствие, — начал меньший воин. — Скоро прибудет рот Золотой империи. Мы прибыли известить вас об этом.

— Рот Золотой империи? — переспросила Ионна, подняв в удивлении брови. — И когда же этот рот прибудет?

— Через несколько солнц, великая госпожа.

— Хорошие новости, — совершенно неожиданно раздался спокойный голос, и из тени колонны вышла грациозная женщина маленького роста.

Флорес сразу узнала Леанну сал Паскали, которая раньше была женой бургомистра Дезы, резиденции Ионны, а за это время стала важной советницей воеводы и управительницей здесь, в Теремии.

— Легат, посланник Золотой империи, на пути к нам, — перевела на нормальный язык Леанна и бросила на Ионну многозначительный взгляд. — Какая честь для нас.

— Скачите обратно и сообщите посланнику, что он будет чрезвычайно желанным гостем и что мы подготовимся к его прибытию соответствующим образом, — обратилась Ионна к воинам, причем она явно старалась говорить медленнее и более четко выделяла слова. — Мы понимаем честь, оказанную нам его присутствием.

— Да, великая госпожа, — ответил воин и вновь опустил голову на пол. Затем оба воина поднялись, взяли свое оружие и выбежали из замка.

— Леанна, созови, пожалуйста, совет и сообщи им об этом событии. Нам нужно кое-что обсудить, — приказала Ионна Леанне и повернулась к Андресу: — Подготовьте комнату для посланника. Подготовьте для него все восточное крыло. Давайте ему только самое лучшее. Если будет необходимо, найми работников из Цсаласа.

Слуга с поклоном тут же удалился. Флорес тоже кивнула еще раз на прощание, после чего ушла, целиком погруженная в мысли. «Посланник Золотой империи здесь, во дворе. Это означает, что дирийцы признают господство Ионны и положение княгини по отношению к двум марчегам только крепнет. Надеюсь, этот рот империи прибудет в Теремию еще до того, как мы отправимся в дорогу. Я с таким удовольствием посмотрела бы, как ведут себя важные люди из этой легендарной империи».

С грустью она вспомнила о своей давней мечте, которую до сих пор не смогла осуществить: хоть раз побывать в Золотой империи. «Однажды, — уже не в первый раз поклялась она себе, — я увижу собственными глазами, как живут другие народы».

Однако в городе со следующего дня начались такие волнения, что Флорес с трудом удалось отдать свои доспехи в починку и заказать соответствующее одеяние, так как полгорода направилось в швейные мастерские заказывать новые платья. И только когда Флорес пришлось заявить о своем родстве с Ионной, ей пошли навстречу и приняли без очереди.

В разгар всех этих приготовлений при дворе в Теремию прибыла Висиния, и Флорес искренне обрадовалась, увидев подругу на пороге своей комнаты.

— Позволь угадать: мой брат уже так достал тебя, что ты наконец сбежала из Дабрана?

В ответ на такой вопрос Висиния только усмехнулась.

— Он, конечно, очень старается, но я все еще при здравом рассудке. Ведь кто-то же должен править баронией, пока Стен днями и ночами пытается все восстановить и отстроить. Этим летом он почти все время проводит на полях.

«Стен в роли крестьянина, — развеселилась Флорес. — Годами он с мечом в руке пробирался сквозь заросли, и едва гордый мятежник победил масридов, как теперь перекапывает поля и сажает деревья!»

В эту секунду Флорес поняла, как сильно она соскучилась по брату. Однако для нее

Дабран все еще был связан с воспоминаниями о насильственной смерти родителей и ужасном господстве баро Хази, с воспоминаниями об ужасном бегстве от сцарских сыщиков и о годах жизни в изгнании в Дезе. Она до сих пор не могла себе представить, как сможет вернуться и опять жить в крепости своих предков.

— А можно ли в этом городе найти чего-нибудь выпить, что еще не было выкуплено для легата?

Вопрос Висинии оторвал Флорес от невеселых мыслей.

— Я думаю, что еще не родился такой дириец, который сможет осилить наш лареас, — ответила Флорес с невинной улыбкой.

Висиния наморщила носик.

— Этого не могут сделать ни дирийцы, ни мы, бедные местные дворяне. Но я с удовольствием посижу с тобой и посмотрю, как ты в который раз будешь доказывать свое мужество.

Флорес схватила Висинию под руку и потащила ее на улицу.

— Тогда пойдем. А по дороге ты мне расскажешь о новой любви Стена к навозным вилам в самых мельчайших подробностях…

Через несколько дней в полдень вновь прибыли чужестранные рыцари и сообщили, что посланник скоро прибудет. И действительно, со своего наблюдательного поста высоко наверху на башне Флорес заметила блестевшие на солнце золотые доспехи дирийцев, которые медленно приближались по дороге с севера. Висиния, стоявшая рядом с ней, сказала:

— Впечатляет. Как думаешь, их доспехи на самом деле из золота? Наверное, они почти не защищают и невероятно тяжелые, но империя не может без хвастовства: вы посмотрите только, даже наши солдаты носят доспехи из чистого золота!

Флорес повеселило такое замечание, но она ответила Висинии серьезно:

— Нет, возможно, они лишь позолочены или же это специальный сплав. Эти доспехи хороши, они выкованы для битвы и совсем не для хвастовства.

Молча они смотрели на приближение делегации, состоявшей из трех или даже четырех десятков человек. В основном это были всадники в полных доспехах, но также и несколько пеших. В середине делегации двигался роскошный паланкин, запряженный четверкой лошадей. Впереди и сзади паланкина скакало по десять или больше солдат в два ряда. На их копьях были закреплены золотые и голубые вымпелы, развевающиеся на ветру. «Величественное зрелище, — подумала Флорес, — неудивительно, что Дирию называют также Золотой империей».

Наконец делегация достигла северных ворот замка, и обе влахаки спустились во двор, где присоединились к Ионне и другим вельможам. Княгиня заняла место под зеленым балдахином, окруженная самыми важными советниками и подданными.

Раздались выкрики на дирийском языке, и влахакские воины вытянулись по стойке смирно, когда кортеж начал въезжать во двор. Несмотря на жару, воины были в полном боевом облачении, включая шлемы и тяжелые накидки. Не смотря ни налево, ни направо, они проскакали мимо собравшихся влахаков и остановились только по приказу, когда паланкин приблизился к балдахину на расстояние буквально в несколько шагов.

Точное построение отряда восхитило Флорес, так же как и богато украшенный паланкин, окна которого были завешены тяжелыми шторами из дамасского шелка. Красивая резьба была инкрустирована золотой фольгой, а на крыше голова к голове стояли два Тельца с крыльями, также покрытые золотом. Тут из свиты вышла молодая женщина, упала на колени перед Ионной, опустила голову до самого пола, коснувшись его лбом, и объявила, не поднимая головы:

— О великая воевода, я объявляю тебе о прибытии рта Золотого Императора, глаз и рук дворца, обладателя золотого пера, помазанного самой Агдель, великого советника Золотого Триумвирата, спутника земного Тельца, его светлости легата Золотой империи!

— Она назвала его имя? — шепотом спросила Флорес у Висинии, однако та бросила на нее лишь вопросительный взгляд.

Два солдата подошли к паланкину и открыли его дверь. И в тот же миг оттуда вышел мужчина небольшого роста, с рыжими волосами, золотое одеяние которого было настолько роскошным, что Флорес даже не сразу узнала его.

— Сарган!

Висиния и Флорес посмотрели друг на друга удивленно, да и другие придворные также вспомнили этого дирийца, который сыграл в битве троллей не последнюю роль. А вот Ионна, наоборот, совершенно не подала виду, что узнала этого чужестранца с заостренным, как у лисицы, лицом.

— Добро пожаловать в вольный Влахкис, достопочтимый легат. Ваше присутствие делает честь нашему дому.

С легким поклоном Сарган принял традиционное оказание почестей, после чего женщина, все еще стоявшая на коленях перед каретой, произнесла:

— Его светлость рад оказанному гостеприимству и благодарит вас, великая воевода.

Наконец Ионна пригласила гостей последовать за ней в крепость. Когда Сарган с большим достоинством проходил мимо Флорес, то незаметно для других подмигнул ей, на что та весело покачала головой.

— Сарган и есть тот императорский посланник? — тихо спросила она у Висинии с большим удивлением.

— Очевидно, что да, — прошептала та в ответ. — Будем надеяться, что такое развитие событий будет благоприятным для нас. В отсутствие торговли с маленьким народцем нам приходится многие товары искать в других местах, а империя очень богата. Возможно, он сохранил о нас хорошие воспоминания.

Флорес скривилась, услышав последние слова Висинии. Она до сих пор хорошо помнила о многочисленных жалобах маленького дирийца, которые касались как комнат, так и еды и жителей, к тому же он постоянно возмущался отсталостью Влахкиса. «Хорошие воспоминания? — мрачно подумала она. — Это уж навряд ли».

5

Ночное небо было усеяно звездами, однако Анда не обращала на это ни малейшего внимания. Она чувствовала, как бледный свет луны обжигает ее кожу, и это неприятное ощущение только усиливало ее ярость. «Здесь все противно нашей природе, здесь все ненавидит нас, троллей, даже огни на небе!» Она осторожно отошла назад, в защитную тень пещеры.

Воздух был теплым и наполненным чужими запахами, которые могущественная тролла помнила еще с последнего своего визита на землю. Кроме успокаивающих запахов скал и камней пахло также растениями, животными и разлагающимися останками жителей земли. Однако над всеми этими запахами господствовал лишь один — запах людей.

— Вы слышите этот запах? — спросила Анда своих спутников, которые внимательно осматривали незнакомое им окружение. — Этот болезнетворный запах — это и есть людишки. Их огни, их инструменты, их слабые тела.

Некоторые тролли осторожно втянули носом воздух, и тролла увидела, что этот запах противен им так же сильно, как и ей. Анда довольно оскалила зубы.

— Посмотрите сюда и запомните хорошенько, — начала она учить троллей, которые теперь во всем следовали за ней, с тех пор как она изменилась, стала больше, сильнее, более настоящим троллем. — Так выглядят жилища наших врагов!

По склону горы ниже пещеры раскинулось маленькое поселение людей, почти полностью укрытое темнотой, освещаемое лишь светом звезд и луны.

— Я хочу, чтобы некоторые остались здесь, в пещере. Тот, кто добежит до деревни последним, остается также ожидать на краю леса. Вы знаете, что нужно делать, когда землю

озарит свет.

В ответ раздалось лишь согласное рычание, и Анда вышла из пещеры, больше не обращая внимания на лунный свет, обжигающий ее темную жесткую кожу. Она решительно двинулась сквозь заросли леса. Под ее тяжелыми шагами ломались даже очень толстые суки и молодые деревца. Ничто не могло противостоять ей. Она шла все быстрее и быстрее, пока в конце концов не перешла на бег. Она слышала, как позади нее через ночной лес бежали другие тролли, образуя на своем пути просеку так же легко, как и она.

Вскоре они добрались до деревни.

— Кто там? — донесся голос из одной избы, после чего послышался скрип открывающейся двери.

Не замедляя бега, тролла пробила своим телом каменную стену, которая тут же рассыпалась под ее напором. В тот же миг раздались человеческие крики, и Анда радостно зарычала, почуяв запах страха. К ней подскочил маленький человек, но тролла ударила его изо всей силы и отшвырнула на пол, где он и остался лежать неподвижно.

Одним махом она проломилась сквозь еще одну стену и с глубоким удовлетворением услышала, как позади нее рухнула эта бесполезная человеческая конструкция и накрыла собой еще нескольких людишек. Анда вновь подняла голову и издала торжествующий вопль, и в этот раз ее зов подхватили другие тролли, которые бежали через деревню, неся разрушение другим избам и смерть ненавистным людям.

— Тролли! — раздался тонкий голосок, полный ужаса. — Бегите в лес!

Анда сразу же обернулась в сторону, откуда донесся крик, и увидела человека во главе маленькой группки, испуганно сжавшейся под её взглядом.

— Бегите, черт возьми! — вновь прокричал маленький человек и решительно выступил против Анды, которая лишь презрительно оскалила клыки.

Несколько человек собрались-таки с духом и побежали в сторону леса, но другие остались лежать на земле, всхлипывая, не в состоянии даже пошевелиться.

В руке человека блеснул металл, однако тролла не отступила, а, наоборот, двинулась в его сторону. Когда она напала на него, клинок меча вонзился ей в руку. Своей хваткой она поломала ему кости, и человек застонал от боли. Затем она поднесла его к лицу. Его запах показался ей знакомым. «Значит, мы уже когда-то встречались и я слышала его запах». Однако она не стала больше над этим задумываться, а просто вонзила в него свои клыки. Затем его последний крик затих, она дернула головой и отбросила человека, как куклу. Тролла с презрением бросила на землю кровавые останки и направилась к людям, которые еще не убежали. Без малейшего сожаления она убила всех, после чего осмотрелась вокруг. Вся деревня была повергнута в хаос, вырвавшиеся на свободу тролли убивали людей и разрушали их дома, и она радовалась этой картине новой власти своего народа.

«Бегите, — злорадно подумала она. — Бегите к деревенькам других людишек и сообщите им, что здесь тролли. И скажите им, что мы приносим смерть и войну!»

6

Пробуждение Керра, как всегда в последнее время, было очень резким. Он приподнялся, открыл глаза и сквозь раскидистую крону деревьев над собой увидел темное небо. Пробуждения на поверхности все еще сбивали его с толку, даже несмотря на то что он провел здесь уже несколько ночей.

Юный тролль быстро встал и потряс головой, чтобы избавиться от неприятного ощущения беспомощности, которое овладевало им. А по коже бежали мурашки каждый раз, как он думал, насколько он и другие тролли были беззащитны днем, когда оставались лежать без сознания под всепроникающим светом солнца.

Казалось, еще не так давно все племя прислушивалось к рассказам Друана, Анды и Парда об их приключениях на поверхности. Но тогда Керр даже не мог представить себе, насколько ужасными на самом деле были дни. Каждое утро ему стоило больших усилий

просто лечь рядом с другими и оставаться спокойным, ожидая, когда солнце поднимется над горизонтом и на какое-то время отнимет у них жизнь. Однако он ничего не мог с этим поделать, так как им приходилось подальше обходить поселения людей, вот почему им нечасто удавалось найти подходящее пристанище для сна. Без знаний Парда об этом мире они бы уже, наверное, давно пропали, хотя старший тролль еще никогда не был так груб, как в эти дни. «Нам так не хватает Друана», — с грустью подумал Керр, осматриваясь по сторонам.

— Давайте, вставайте! — прикрикнул на них Пард. — Нам нужно идти дальше. Ночь и так слишком коротка!

В ответ он получил лишь недовольное бормотание и ворчание, но никто не осмелился возразить открыто. Его темные глаза агрессивно блестели во время осмотра своих соплеменников, однако Керр заметил, как их предводитель неосознанно сжимал и разжимал кулаки. А когда Пард думал, что на него никто не смотрит, так он вообще потер глаза, прежде чем решительно выйти в мрачный лес. «Он боится, — пронеслось у Керра в голове. — Пард боится!» Однако он не стал никому говорить об этом и последовал за старшим троллем, как и все остальные.

Керр шел осторожно, стараясь ступать только по следам впереди идущих.

— Шагай быстрее, малыш, — прошипел кто-то позади него, и Керр, стиснув зубы, ускорил шаг.

— Закрой рот! — неожиданно прогремел спереди Пард. — Его раны еще не зажили.

— Проклятье, — возразил Врок. — С тех пор прошло уже много времени. Он просто слишком слабый!

— Я сказал: закрой рот! — повторил Пард, на этот раз угрожающе тихим голосом. — Анда плохо обошлась с ним. Это не совсем обычные раны, иначе они бы давно зажили.

— А у него их и нет, — вновь возразил Врок. — Он просто ленив.

— Нет, я… — начал было оправдываться Керр, но, прежде чем он смог сделать это, Пард пронесся мимо него и подошел вплотную к Вроку, грозно выпрямившись во весь рост.

Он был на целую голову выше другого тролля, который и сам был далеко не маленьким и к тому же опытным охотником. У обоих волосы были коротко обрезаны острыми камнями, как это делают охотники, что является долгой и хлопотной процедурой.

— Ты называешь меня лжецом? — потребовал ответа Пард и заскрежетал зубами.

— Прошло уже много времени, — проворчал Врок, избегая, однако, смотреть Парду прямо в глаза.

— Анда и ее выродки наносят чрезвычайно глубокие раны, — проворчал Пард. — И они заживают медленно. Как у людей.

— Правда? И откуда же ты это знаешь?

Не опуская взгляда, Пард резко схватил его правой рукой за бок. Сквозь пальцы неожиданно потекла кровь, а Врок поморщился.

— Я знаю это, — сказал Пард, продолжая пристально смотреть в глаза меньшему троллю.

И так как тот ничего не ответил, Пард лишь фыркнул и вновь отправился в начало отряда. Некоторые тролли удивленно переглядывались, но Пард не дал им обсудить происшедшее, а только заставил всех спешно продолжить путь.

Также и Керр последовал за большим троллем, хотя в мыслях он был далеко отсюда. «Что же делает с нами Анда? Пард боится. Друан мертв. Кто теперь возглавит наше племя?»

В темноте высокие здания казались пустыми и необжитыми. И только отдельные огоньки пробивались из каменной стены, которая была здесь выстроена. Керр медленно осматривал сооружения людей. Он впервые видел подобное и никак не мог понять, зачем люди прилагают столько усилий, чтобы соорудить такие стены. Как они своими слабыми руками выкладывают камень на камень, пока стены вокруг зданий не становятся выше даже самого высокого тролля. Рядом с ними дома кажутся незначительными и ненадежными.

Однако их было много, и они, словно ища защиты, жались друг к дружке. Все увиденное казалось Керру хаотичным. Маленький ручей поблескивал в лунном свете, и вокруг зданий не было леса, а лишь небольшие кустики. Он вопросительно посмотрел на Парда:

— А ты уверен, что Стен там, внутри?

— Я не знаю, — резко ответил большой тролль.

— Что мы будем делать?

— Прекрати! — грубо закричал Пард на юного тролля. — Мы найдем его.

— А сколько здесь людей? — прошептал Врок рядом с ними. — Здесь, должно быть, живет много племен.

— Слишком много, — ответил Пард. — Люди как карлики, их всегда слишком много. Только они слабее этих маленьких уродцев, хотя и убегают быстрее.

— А как это… это место называется? — спросил Керр.

— Дабран. Друан был здесь вскоре после битвы на поверхности. Он рассказывал мне об этом. Стен живет здесь. Эта земля принадлежит его племени.

— А зачем люди строят так высоко? Почему они не живут под землей? — спросила одна тролла.

Керр узнал по запаху Грену, которая была старше его всего на несколько дреег. Ее силуэт четко вырисовывался на фоне ночного неба, и Керр залюбовался ее витыми рогами, которые были настолько длинными, что опускались до спины. Многие тролли завидовали тролле из-за ее красивых рогов, включая Керра, у которого они были скорее короткими, хотя была еще надежда, что они отрастут побольше.

— Откуда я знаю? — рассеянно ответил Пард и снова посмотрел на Керра. — Мы пойдем туда с тобой вдвоем. Другие останутся здесь. Если что-то случится, уходите в лес. Так далеко, как только сможете до наступления дня.

— А что может произойти? — спросил Врок.

— Людям нельзя доверять, — мрачно произнес Пард и пошел к городу.

Керр оглянулся на Врока, который лишь пожал плечами, после чего побежал догонять Парда. Когда они вышли из-под защиты густого леса на открытое место, Керр почувствовал, как у него перехватило горло. И чем ближе они подходили к зданию, которое Пард называл замком, тем большим оно становилось, пока не стало таким высоким, что казалось, будто оно упирается в небо. Из других, меньших домов доносился тихий лай, а из одного из этих домов раздалось громкое ржание лошади. Неожиданно из-за стен донесся крик, и Керр застыл.

— Спокойно, — прошептал Пард и тоже остановился.

Буквально за несколько ударов сердца в замке началось движение, люди выбежали на стену, и были слышны крики за самой стеной. Появились маленькие огоньки, драгоценный огонь заплясал в темноте, и в свете факелов Керр впервые увидел людей, которые обернули свои бледные лица к обоим троллям.

Из других домов также послышались крики, и Керр со страхом посмотрел в их сторону. Места между домами заполнились людьми, высокие голоса которых создали просто невероятный шум. Керр медленно отшатнулся назад, но Пард стоял как вкопанный и смотрел вверх на стену. Затем он прокричал:

— Мы ищем Стена!

Его громогласный голос заставил людей смолкнуть, и только собака продолжала лаять как бешеная. Когда ответа не последовало, Керр взял большого тролля за руку:

— Его здесь нет. Давай пойдем отсюда!

Но прежде чем Пард успел ответить ему, с крепостной стены раздался голос:

— Я здесь.

— Стен! Это я, Пард. Мне нужно с тобой поговорить!

— Так же, как вы поговорили с Костином?

Пард в замешательстве нахмурил лоб и вопросительно посмотрел на Керра, однако тот был больше занят людьми, чем троллем. Из маленьких групп между домов получилась

большая толпа. Их было больше, чем тролль мог сосчитать. У них были факелы и длинные палки, и они медленно и осторожно приближались к троллям.

— Друан послал нас, — громко заявил Пард. — Я ничего не знаю о Костине.

— Он мертв. Убит одним из вас, — прозвучало в ответ, и Керра прошиб холодный пот, когда он услышал гнев в голосе человека.

— Я не убивал его. Нам нужно поговорить, Стен. Нам нужна твоя помощь.

И хотя Пард произносил слова очень громко, все же его голос показался Керру неуверенным.

— Давай уйдем, — тихо повторил юный тролль, внимательно наблюдая за медленным наступлением людей.

Они были намного меньше троллей, даже Керр, будучи всего лишь среднего роста, был намного выше их. Однако их было много, и у них был огонь и металлическое оружие. Ветер доносил со стены тихие разговоры, но Керр не мог расслышать, о чем люди говорили.

Пард все еще стоял неподвижно перед стеной. Он, казалось, не замечал ни приближающейся толпы, ни того, что ответа от Стена не последовало.

Тем временем толпа отрезала им прямой путь к отступлению. И если троллям понадобится убежать, они смогут сделать это только вдоль стены, прямо на виду у воинов друга троллей. «Друг троллей, — подумал Керр, — я представлял его себе совсем иначе!»

В этот момент открылись огромные ворота замка, и из них хлынули еще люди. Они вышли навстречу троллям уверенным шагом. Керр смотрел то на одну толпу, то на другую, однако Пард сосредоточил внимание на человеке, стоявшем во главе толпы. Керр не мог понять спокойствия исполинского тролля, в то время как в воздухе пахло страхом людей. Но их было много, и Керр чувствовал их решимость. Сердце его стучало громко, и он невольно сжал кулаки, когда предводитель людей сделал несколько шагов вперед. Вблизи люди казались еще меньше, а их череп был покрыт необычно тонкими волосами. «Даже их волосы слабые и тонкие, — задумался Керр. — Да они вообще кажутся еще более слабыми, чем карлики». Из рассказов Друана юный тролль знал, что люди закрывают свое тело доспехами, подобно тому как это делают карлики, поэтому запах металла и смазанной животной шкуры совсем не удивил его. Их кожа на вид была гладкой и мягкой, у некоторых волосы были даже на лице. В тонких пальцах без когтей они держали оружие, на головах у некоторых были металлические или кожаные шлемы.

Затем их предводитель вытащил длинный меч и стал перед Пардом, в то время как другие воины остались стоять позади. Его глаза гневно блестели, а на лице были напряжены все мышцы, но Керр не почуял от него запаха страха, в отличие от остальных людей, которые с опаской осматривали троллей.

— Стен, — произнес Пард.

— Пард. Скажи мне, почему я не должен уничтожать вас прямо здесь и сейчас?

— Нам нужна твоя помощь, Стен, — вновь повторил тролль.

— Зачем же вы тогда нападаете на мой народ?

— Я не знаю, о чем ты говоришь. Мы пришли прямо из-под земли к тебе, мы избегали встреч с людьми, пока не добрались до тебя.

— Несколько дней назад к нам прибились еще беженцы. Изголодавшиеся и полумертвые от страха. Они рассказывали о троллях, которые напали на их деревню Арсита, Пард. О троллях, которые убивали каждого, кто только попадался на их пути.

— Мы не… — начал было Пард, но Стен перебил его:

— Костин был в Арсите. И он не вернулся. Мы видели собственными глазами, что там произошла настоящая бойня. Не выжил ни один человек, только те, кому удалось сбежать вначале. Разрушенные дома, убитый скот, повсюду трупы. Вы напали на них, как звери.

— Это были не мы. Если я убью человека, то скажу об этом, — сердито прошипел Пард и расставил руки. — Если ты мне не веришь, глупый человек, тогда скажи своим воинам, что они могут напасть на нас!

Было заметно, как люди крепче сжали в руках оружие и готовы кинуться на них в

любое мгновение. За это время к ним подошла еще одна группа людей, так что теперь у них не осталось пути к отступлению. Повсюду Керр видел лишь угрюмые лица, горящие факелы и поднятое оружие. В ответ на выпад Парда последовало враждебное молчание, однако люди, казалось, ждали приказа Стена. Керр внимательно изучал человека, лицо которого превратилось в неподвижную маску и который смотрел куда-то мимо Парда.

— Где Друан? — неожиданно спросил Стен, и Керр негромко ответил ему:

— Мертв.

Человек удивленно посмотрел на Парда или, по крайней мере, сморщил лоб.

— Он был там. — Старший тролль указал на Керра.

Тут Стен впервые посмотрел на юного тролля. С высоко поднятой головой Керр ответил на вопросительный взгляд и сказал:

— Он был убит.

— Как тебя зовут?

— Керр.

— Керр, — задумчиво повторил человек и вновь посмотрел на Парда. — А кто скажет мне, что это не ты убил Друана? Почему я должен тебе верить?

— Пард не убивал Друана, — вмешался Керр. — Он не убивает троллей! Друан и Пард были хареег!

— Заткнись, — грубо оборвал его Пард. — Или он верит мне, или же мы прекращаем этот разговор.

Взгляд Стена переходил с одного тролля на другого.

— Ты думаешь, я боюсь тебя? — невозмутимо заявил он Парду.

— Нет. Ты — нет. Другие люди здесь — да. Если ты хочешь битвы, так давай! Не надо разговоров, нападай! — зарычал Пард, и несколько людей в страхе отшатнулись от огромного тролля.

Прежде чем Стен смог ответить Парду, Керр вмешался:

— Анда! Это точно была Анда!

— Анда? А что с ней?

— Она ненавидит людей! — поспешно объяснил Керр.

Человек недоверчиво посмотрел на юного тролля.

— Они боролась с нами против масридов и карликов. Плечом к плечу с людьми, со мной. Мы помогли вам так же, как и вы помогли нам.

— Она сказала, что люди и карлики одинаковы. Что нужно всех убить! — заявил Керр, в ответ на что по рядам людей прошел удивленный шепот.

Только сейчас Стен, казалось, заметил присутствие еще одной группы людей. Рукой он махнул в сторону:

— Расходитесь по домам! Я позабочусь о троллях!

Пока люди медленно отходили назад, Стен засунул оружие в кожаные ножны и спросил Парда:

— Кто это? — указав кивком на юного тролля.

— Друан показал ему многие вещи. Доверял ему. Он такой же ловкий, как Друан, — заявил Пард с неожиданной грустью в голосе.

— Что произошло с Друаном?

На что Пард пробурчал в ответ:

— Анда убила его.

— Странно, — заявил человек. — Я не мог и подумать, что вы боретесь и друг с другом. Разве у вас не достаточно врагов?

— Мы не боремся… точнее, мы раньше никогда не боролись друг с другом, — ответил Керр. — Но сейчас все по-другому. Анда убивает троллей.

— Я лично видел, как он, — Стен махнул головой в сторону Парда, — и другие разрезали одного из своих на куски и съели. Так что не думаю, что убивать — это что-то необычное для вас.

— Он был уже мертв, — поправил Пард. — Мы взяли его мясо, но мы не убивали его. Тролли не убивают троллей. Мы убиваем наших врагов, но только не троллей.

— Тролли не убивают троллей, — медленно повторил Керр.

— А что происходит, если врагами становятся тролли? Другое племя, например?

— Тогда побеждает сильнейшее племя. Но мы не убиваем друг друга, такого мы еще никогда не делали. Это неправильно, и каждый из нас может почувствовать это в себе, в камнях, в дыхании земли. Это неправильно.

Такой ответ заставил Стена задуматься. Он потер рукой подбородок и пристально посмотрел на Керра. Затем резко развернулся и крикнул своим людям то, что перед этим уже сказал другим:

— Возвращайтесь на свои места! Ложитесь спать! Опасности нет.

Воины неохотно повиновались. И только несколько стражников остались стоять на стене и наблюдали за этой странной сценой. Их факелы освещали стену, а бледные лица, казалось, парили в темном небе.

— Ты веришь нам? — спросил Пард Стена.

— Не совсем. Но если на деревню напал не ты, то мне все равно нужно знать, кто это сделал. Костин мертв. Я похоронил его. Если Анда представляет собой такую угрозу, я не могу игнорировать это.

— Игно…? — пытался переспросить Керр незнакомое слово.

— Я просто не могу закрыть на это глаза.

— Она… другая, — заявил Керр.

— Что значит другая?

— Больше. Опаснее. Она собрала вокруг себя других троллей. Мы боролись против них, но они были слишком сильными. Их раны заживают быстрее, их кожа толстая, а кости необычайно острые.

— Что это значит? — повернулся Стен к Парду.

— Я не знаю. Но малыш прав. Нам нужно было бежать, — проворчал большой тролль и сжал кулаки. — Анда убивает всех, кто не следует за ней. Рядом с ней тролли из всех племен. Они говорят, что убьют всех карликов. И людей. И всех троллей, которые не присоединятся к ним.

— Звучит как безумие, — сухо подытожил человек. — При этом Анда всегда казалась разумной. Ну да, разумной как для тролля.

— Ты не понимаешь, тролли не убивают троллей.

— Анда и ее охотники убивают всех. Если на твою деревню напали тролли, значит, это были они.

— А что с маленьким народцем? С карликами?

— Мы обошли их туннели и шахты. Пришлось сделать большой крюк, но мы никого не встретили.

— Зачем же вы пришли ко мне? Что вам здесь нужно? — спросил Стен.

— Наше племя спасается бегством… — начал было Пард, но Стен перебил его:

— Племя? Значит ли это, что вас не двое, а гораздо больше?

— Да, здесь все, кто не хотел присоединиться к Анде и смог сбежать.

Стен поднял руки и покачал головой. Затем он всмотрелся в темноту за троллями, а Керр указал на близлежащий лес, в котором спрятались остальные тролли:

— И сколько же вас?

— Почти шесть рук, — заявил Пард.

— Тридцать троллей? — со стоном переспросил Стен. — И как же вы хотели с тридцатью троллями разместиться в Дабране? Может, устроить праздник?

— Анда гонит нас всех. Нам пришлось выбираться из своих туннелей, и я привел всех сюда, так как Друан сказал, что нам нужно найти тебя.

— Хорошо, теперь вы меня нашли. Что дальше?

— Что ты имеешь в виду? — спросил Пард.

— И что мне теперь делать? Убить Анду? Принять вас у себя? Может, даже построить пару домов? — пошутил Стен, но вновь посерьезнел: — Зачем Друан прислал вас сюда?

— Мы пытались следить за Андой. Но нас быстро обнаружили, — рассказал Керр. — Все, кто следует за ней, — другие. Они слышат пение камней намного громче. Они больше и сильнее, их раны заживают быстрее. Я видел их глаза, они темные, как тени.

— Не хочешь ли ты сказать, что здесь что-то такое замешано? Магия?

— Мы не знаем этого. Друан был уверен, что произошло что-то очень плохое, но мы не смогли ничего выяснить. Они чувствовали нас даже в темноте. Они охотятся без света и никогда не устают.

— Раз уж ты заговорил о свете, — заметил человек, — ночь не продлится долго. Наверное, вам нужно отдохнуть. Тридцать троллей!

Человек вновь скептически покачал головой, но на этот раз показал зубы.

— Я распоряжусь, чтобы вам подготовили сарай, в котором вы сможете провести следующий день. Пард, ты должен пообещать мне, что присмотришь за своими соплеменниками. Никаких происшествий!

— Что?

— Здешние люди боятся вас, и не без причины. И я знаю, что вы не очень хорошо чувствуете себя под открытым небом. Я обеспечу вам надежное убежище, но в ответ я ожидаю, что твой народ сохранит мир с нами, — заявил Стен серьезным тоном.

— Хорошо. Ни один не дотронется и пальцем до человека, — хмыкнув, пообещал Пард и отвернулся.

Керр в нерешительности постоял еще немного, осматривая людей, которым он теперь доверял свою жизнь. Стен вновь показал зубы и кивнул молодому троллю. В замешательстве Керр отвернулся и последовал за Пардом, не выпуская при этом дома из поля зрения. Вроде бы за ними никто не следовал. Когда они уже отошли на приличное расстояние, Керр спросил шепотом:

— Ты доверяешь ему?

— Тебе не нужно говорить тихо. У них маленькие уши, они плохо слышат!

— Да? — удивился Керр и откашлялся. — Так что, доверяешь?

— Сейчас да. Нам фактически ничего другого и не остается. До сих пор он всегда держал свое слово и помог нам в тот раз найти священника бога Солнца. Этого достаточно.

— Он оскалил зубы!

— Что? — недоуменно переспросил Пард.

— Свои зубы. Уже в конце разговора, прежде чем уйти. Возможно, они хотят нашего мяса!

— Ерунда. Люди не в состоянии откусить кусок мяса троллей. И Стен тоже никогда такого не ел. Он просто хотел тебя успокоить.

— Показывая мне зубы? Я не нахожу это слишком уж успокаивающим!

— Люди не кусаются. Я ни разу не видел такого, — заверил Керра Пард. — Даже во время битвы.

— Они используют только оружие?

— Даже карлики — лучшие воины. Выносливее, сильнее, с острым оружием и твердыми доспехами. Людей просто много, не более того. Кожа мягкая, кости тонкие, мясо слабое. Но они всегда приходят толпами.

— Их было очень много, — согласился Керр со старшим троллем.

— Тебе следовало бы пойти и посмотреть на этот город, — ответил ему Пард со злорадным смешком. — По сравнению с ним этот замок — ничто!

Оставшуюся часть пути они прошли молча. Время от времени Керр оборачивался посмотреть на поселение, где еще двигались огни. Когда они приблизились к лесу, Керр уже на расстоянии почувствовал запах других троллей, которые, несмотря на близость к людям, не спрятались вглубь леса. Керр знал, что от них пахло страхом, однако Врок, заметивший их первыми, не подал виду.

— Ну как? — резко спросил у них тролль.

— Мы идем в замок. Стен поможет нам. Все так, как я говорил, — заявил Пард, и Керр добавил:

— Тролли Анды были на поверхности и убивали людей.

Тролли удивленно посмотрели друг на друга, а Грена спросила:

— Она преследует нас?

— Нет, они убили людей где-то в другом месте, — рассказал Пард. — Я хочу, чтобы вы успокоились. Никакого рычания, никаких драк. Люди боятся нас…

— Это хорошо, — прервал его Врок, но Пард зло посмотрел на него.

— Мы же не хотим, чтобы они днем вновь собрались с мужеством, или как? Так что заткнись. Я решаю, кто говорит, а кто нет! Понятно?

В группе раздалось одобрительное мычание, затем Пард отвернулся и повел группу из лесу в направлении замка. «Если Стен захочет нас убить, мы беззащитны. Им даже не нужно бороться с нами, можно будет просто порубить во сне. Верит он нам или считает врагами?» — озадачился Керр вопросом. В то же время он четко осознавал, что у них не было выбора. «Пути назад уже нет. Да и, тем более, Друан доверял ему». Однако, несмотря на эту мысль, он никак не мог избавиться от холода внутри. Вид замка, двор которого был уже больше освещен огнями, чем до этого, со всеми этими людьми, бегающими там, вызывал страх у Керра. «Или же мы нашли здесь помощь, или же Пард привел нас прямо в объятья смерти».

7

— Не то чтобы наша дорогая Дирия изо всех сил стремилась наладить самые хорошие отношения со всеми соседями, нет, только влахаки занимают особое место в сердце нашего милостивого императора, передать благосклонность которого и есть моя приятная обязанность…

Даже Висинии, которая и раньше принимала участие во многих совещаниях и привыкла к манере послов витиевато изъясняться, с трудом удавалось концентрироваться на выступлении дирийского чиновника. Вместо этого она рассматривала участников. Естественно, Ионна сосредоточенно смотрела на оратора и периодически кивала, вроде как соглашаясь с ним. Советники княгини изо всех сил старались тоже выглядеть заинтересованными и внимательными, все, кроме Неагаса, который, казалось, вот-вот заснет стоя: его голова опускалась на грудь все ниже и ниже, пока он опять не приходил в себя.

В дирийской делегации настроение не сильно отличалось от влахаков: почти все дирийцы неподвижно уставились в центр маленького круга, в который были выставлены столы, и смотрели на выступавшего.

Неожиданно Висиния заметила, что Сарган смотрит на нее через весь зал. Когда их взгляды встретились, дириец манерно поднял одну бровь, улыбнулся, а затем слегка покачал головой, закатив при этом глаза. Именно в это мгновение речь закончилась, и чиновник выжидающе смотрел на Ионну.

— Очень интересно, — заявила воевода. — Мы подумаем над тем, что вы сказали.

При этом Висинии показалось, что сестре с трудом удалось подавить зевок. Низким поклоном оратор поблагодарил за ответ и вернулся на свое место. Когда встал следующий дириец, Висиния элегантно поднесла руку ко рту, чтобы скрыть, как зевает. Ей совсем не хотелось обидеть дирийского посланника, но в последние несколько дней церемонный протокол империи, вместе с принятыми у них многословными оборотами, привел к серии долгих, вяло протекающих заседаний, которые при удушливой жаре стали для всех участников настоящим испытанием. Однако Сарган тоже поднялся и предвосхитил речь своего подчиненного:

— Также и от меня большое спасибо. Ты обогатил мою жизнь. Но сейчас хотелось бы сделать перерыв или, может, даже продолжить на следующий день. Если, конечно, воевода не будет против.

— Ни в коем случае, — быстро ответила Ионна — по мнению Висинии, так слишком уж быстро, быстрее, чем того требовал протокол. — Завтра тоже будет день.

С непроницаемым лицом Сарган кивнул княгине и вышел из залы, а за ним и вся его свита. Влахаки тоже поднялись и покинули зал. На их лицах читалось несказанное облегчение. Не вступая ни в какие разговоры, Висиния вышла во двор замка, где небольшая группа солдат расположилась на пустой повозке. Мужчины и женщины сидели в тени хода по крепостной стене и тихо говорили друг с другом.

Вот уже несколько дней небо готовилось разразиться грозой, однако, несмотря на тяжелую жару, погода не менялась. Иногда на горизонте клубились темные облака, закрывая собой верхушку Соркатов, однако до самой Теремии они так и не доходили. После прохлады крепости Висинию словно оглушил этот влажный жаркий воздух улицы, придавил ее, словно слишком теплое одеяло. Тем не менее она осталась стоять на солнцепеке, представляя себе, как Стен где-то там под Дабраном вот так же стоит под солнцем, без рубашки, с лопатой в руке, а пот медленно стекает струйками по его загорелой коже. Перед ее глазами предстала картина того, как капли пота стекают по буграм его мускулов, сливаясь в тонкие струйки, сверкая на солнце. Многолетняя война вытесала его мускулистое тело, оставив пару шрамов. Висиния помнила каждую пядь его тела, длинную белую линию, которая проходила по ребрам, а также круглый шрам на бедре.

— Господи, неужели все было так плохо? — Голос Флорес раздался у нее над ухом так неожиданно, что она даже вздрогнула.

— Что?

— Ты выглядишь такой измученной и какой-то отстраненной. Я подумала, что это все из-за заседаний, — заявила юная наемница.

— О нет, — ответила Висиния. — Это всего лишь… эта ужасная жара.

— Да, ливень сейчас совсем не помешал бы, — согласилась с ней Флорес, бросив скептический взгляд на небо. — А какая там у нас сегодня была программа?

— Точно такая же, как и вчерашняя: полная интересных и подробных речей дирийцев.

— Ха! А я предупреждала тебя! Но ты не хотела даже слушать…

Висиния кивнула с наигранно угрюмой миной. И правда, Флорес настаивала на том, чтобы побыстрее уехать и таким образом избежать всех этих скучных разговоров, которые непременно сопровождают приезд делегации.

— Это мой долг — заниматься дирийцами, и эти разговоры имеют большое значение для Влахкиса, — серьезно объяснила Висиния, но потом с улыбкой добавила: — Ну хорошо, возможно, не все из этих разговоров.

— Мне все равно, ведь мне будет оплачен также каждый день безделья здесь, в крепости.

Не успела Висиния ответить, как двери вновь открылись и во двор медленно и величаво вышел Сарган в сопровождении двух своих воинов. Одним движением руки он подал знак своим подчиненным, чтобы те остановились, а сам подошел к влахакам. Его одеяние буквально сияло на солнце. Тяжелая ткань, затканная золотом, наверняка была чрезвычайно теплой, но по Саргану совершенно нельзя было понять, страдает ли он от жары.

— Могу ли я присоединиться к дамам? — спросил он, склонившись в низком, безупречно вежливом поклоне, после чего вновь выпрямился с широкой улыбкой.

— Конечно, достопочтенный посланник, — ответила Висиния с легким поклоном.

— Называйте меня просто Сарган, — милостивым тоном заявил тот.

— А как же иначе? — поинтересовалась Флорес.

— Мой полный титул — рот Золотого Императора, помазанный самой Агдель, глаза и руки дворца, обладатель золотого пера… — Тут Сарган замялся, пытаясь вспомнить, что же он забыл назвать. — А кроме того, еще там разное. Но моя церемониймейстер сможет сказать вам точнее.

— А где она, собственно? Мы впервые встречаем вас одного. До сих пор вы всегда были в сопровождении своих подчиненных.

— Она готовит мне ванну, — ответил Сарган с самодовольной ухмылкой. — И это занимает определенное время, так как у меня высокие требования.

Висиния удивленно посмотрела на маленького дирийца.

— Да и, кроме того, я уже давно искал возможности повидаться со своими старыми друзьями без особых церемоний, — заговорщическим тоном продолжил Сарган.

Тут Флорес решила оставить какую-либо формальность в обращении и прямо спросила его:

— А как так произошло, что ты стал посланником? Ведь раньше ты был довольно успешным… шпионом.

— Этот успех стал моим несчастьем, — вздохнув, ответил Сарган. — После моего пребывания здесь меня на родине стали считать знатоком Влахкиса и его жителей. А с тех пор как маленький народец прекратил торговлю с Золотой империей…

— Что? — Флорес и Висиния пораженно перебили его.

— Уже сменилось несколько лун. Никто не знает почему. Их обычные места торговли брошены, а посланников встречают лишь закрытые двери.

— У нас здесь происходит то же самое. Мы думали, что это связано с нашим союзом с троллями во время битвы. В конце концов, карлики поддержали Цорпада и проиграли. Но как это могло стать причиной прекращения торговли с империей? — спросила Висиния.

— Может быть, карлики проведали о вкладе Саргана в нашу победу? — предположила Флорес. — Недаром же Стен все время твердит, что мы не выиграли бы битвы без твоего вмешательства.

— Ах, — наигранно скромно отмахнулся Сарган. — Молодой человек, как всегда, все преувеличил. Я ведь расчистил вам дорогу, и не более того.

На этот раз рассмеялась Флорес.

— А твоим хозяевам вообще известно, что причиной их проблемы можешь быть ты?

— Нет, мои хозяева знают лишь то, что я прилежно углублял свои знания о стране между гор. В противном случае меня вряд ли повысили бы до такой должности и отправили сюда, не так ли? Ну, если бы, конечно, это не было задумано в качестве наказания… — ответил Сарган и неожиданно глубоко задумался.

— Так они вообще хоть что-нибудь знают о твоей помощи нам во время этой битвы? — продолжала допытываться Флорес, в то время как Висиния с интересом смотрела на дирийца.

— Ну, если быть до конца откровенным и если учесть тот факт, что мне чуждо хвастовство и чванство, то вполне возможно, что свой вклад я приуменьшил в пользу действительно героических действий вашего народа, что, возможно, не вполне справедливо.

— Да ты вообще упоминал об этом?

— Сейчас, когда ты меня вот так спрашиваешь, вполне возможно, что я совсем забыл об этом, — ответил дириец с невинным выражением лица.

Женщины обменялись многозначительными взглядами.

— Но, может быть, стоит сменить тему, — продолжил Сарган, бросив взгляд на своих охранников, которые на расстоянии всего нескольких шагов бдительно следили за окружением.

Несмотря на жару, они тоже были полностью облачены в доспехи, золотой металл которых был отполирован, как зеркало.

— А им не жарко? — с иронией спросила Флорес.

— Что? Ах, это. Нет, не беспокойтесь. Это — силки, воинственные всадники с востока. У них на родине всегда нещадно палит солнце. А здешняя погода им кажется прохладной. Они — великолепные воины, но, что самое главное, они молчаливы.

— Да, завидное качество, — пошутила Висиния. — Особенно для охранников.

— И не только. Но я слышал, вы нас скоро покидаете, госпожа Висиния?

— Это так. Я покину Теремию в ближайшие дни…

— Возвращаетесь в Дабран? Насколько я слышал, этот уютный уголок вы теперь

украшаете в качестве хозяйки?

Висиния засмеялась.

— Да, действительно, я вышла замуж за тамошнего боярина. Но, к сожалению, поеду я не домой, а на восток.

— И вашим супругом, без сомнения, стал достойный восхищения Стен? От души поздравляю вас, хотя как мужчина я сожалею о вашем выборе… Так что придется отослать к нему гонца с моими поздравлениями. Он сейчас в Дабране? — спросил Сарган.

— Да. У него сейчас много дел в поместье, которым его наградила моя сестра.

— Но он точно очень счастлив, не правда ли? Он всегда мечтал о том месте. А уговорил ли он каких-нибудь троллей помочь ему вспахать поля?

Представив себе такую картину, Флорес громко рассмеялась.

— Конечно, как раз парочка этих троллей пасут ему сейчас овец!

И хотя такое предположение Флорес заставило рассмеяться даже Висинию, она заметила, что Сарган очень внимательно наблюдает за ней. За его внешне невинными вопросами, возможно, скрывалось больше, чем казалось на первый взгляд.

— Тролли снова ушли под землю, — сказала она. — Мы уже очень давно не имели с ними никакого контакта.

Вновь посерьезнев, Сарган согласился:

— Поверхность — просто не их мир, не так ли? Но сейчас вынужден извиниться перед вами, мне необходимо проверить, готова ли моя ванна и соответствует ли она моим требованиям.

Поклонившись, дириец удалился, а Висиния подумала: «С какой же целью Дирийская империя могла послать к нам шпиона, разряженного, как павлин?»

Дождя все еще не было, хотя томительная жара немного спала. Но, возможно, так казалось только от близости прохладных вод, текущих с вершин гор, и легкого встречного потока воздуха, делавшего плавание довольно приятным. Их длинное судно плыло вниз по Маги мимо чудесных зеленых пейзажей. Турдуй и Теремия находились на берегах одной и той же реки, так что водный путь был самым удобным и быстрым для всех, кроме Висинии, которая уже в который раз за этот день перегибалась через поручни, так как ее желудок отказывался держать хоть что-нибудь. Когда спазмы в горле прекратились, тяжело дыша, она поднялась и присела, оперевшись о стену. С благодарностью она взяла кружку, которую ей протянула Флорес, и ополоснула рот чистой водой, чтобы избавиться от неприятного привкуса.

— О боги, — устало сказала она и постаралась дышать более глубоко.

— Ну как?

— Уже лучше, спасибо.

— Может быть, это ваши переговоры так сильно ослабили твое тело, — намекнула Флорес.

— Навряд ли. И кроме того, на самих переговорах я даже не присутствовала.

— Да, со стороны Ионны это довольно хитрый ход — использовать присутствие дирийца как дополнительный козырь в переговорах с марчегом, хотя никакого объединения они еще не достигли.

— Да, — согласилась с ней Висиния и потерла живот, так как слабость никак не хотела покидать ее. — Проклятая вода. Мой желудок просто не переносит плавания.

— Плавания? Ты еще сегодня утром в горах чувствовала себя точно так же, — напомнила ей Флорес.

— Тогда, возможно, я съела что-то несвежее, — предположила Висиния и попыталась не обращать внимания на раскачивание палубы.

Горло сжали новые спазмы, и лоб покрылся холодным потом.

— Или же мой любимый братец хорошо возделал не только свою землю, — с усмешкой заявила Флорес и вопросительно посмотрела на Висинию.

Прошло какое-то время, прежде чем влахака поняла смысл высказывания, отчего у нее расширились глаза и ее бросило в жар.

— Ты имеешь в виду… — начала было она, но тут же смолкла.

— Может быть, ты беременна? Разве это невозможно?

Висиния лихорадочно попыталась подсчитать в уме, однако с момента приезда посланника в Дабран произошло так много разных событий, что она уже не была уверена, когда точно это было. Затем ей резко стало так холодно, что она задрожала. На этот раз во взгляде Флорес читалось серьезное беспокойство:

— Да что ж такое? Тебе правда лучше?

— Я не знаю. У меня кружится голова, — честно ответила Висиния.

Ей показалось, будто мир куда-то ускользает, а Флорес стоит где-то далеко, а не рядом с ней.

— Дыши глубоко. Выпей еще глоток воды, — предложила Флорес, и Висиния послушалась.

Выпив еще немного прохладной воды, Висиния почувствовала, как сердцебиение немного успокоилось, и к ней вернулось самообладание. После нескольких глубоких вдохов, по крайней мере внешне, она вновь обрела контроль над собой, даже если мысли путались.

— Ну, это мы должны выяснить, — решительно сказала она и встала. — В следующей же деревне я спрошу это у повивальной бабки.

— Будем надеяться, что там будет хоть кто-то, — пробормотала Флорес. — Сейчас мы проплываем Сиреву, где царствуют масриды и культ Альбус Сунас.

— Хорошо, тогда мы в Турдуе найдем повивальную бабку. Не будут же в таком деле масриды спрашивать совета у священника культа бога Солнца.

«По крайней мере я надеюсь на это, — подумала Висиния. — Интересно, что подумает Стен, если я действительно беременна?

Еще несколько дней назад Висиния подумала бы, что он обрадуется, однако с тех пор, как она увидела его мрачное настроение в ночь перед отъездом, она была уже не так уверена в этом.

— Что-то не так? — обеспокоенно спросила Флорес.

— Я не знаю. Как, ты думаешь, твой брат воспримет эту новость?

— Стен? Если ты беременна, мой братец будет просто на седьмом небе от счастья! Он любит тебя.

— До сих пор его жизнь наполняли война и смерть, — засомневалась Висиния.

— Тем лучше для него будет оставить все позади. Он всегда мечтал о времени, когда борьба уже будет окончена. Он строл нам воздушные замки, целые страны, в которых мы могли бы жить.

— Да. Но сейчас воцарился мир, а его мысли все время возвращаются к прошлому. Ему тяжело изменить свой образ жизни.

— Возможно. Но это то, чего он всегда хотел. Висиния, я уверена, он будет хорошим отцом. Хотя… — сказала Флорес и многозначительно замолчала.

— Хотя что? — поспешно спросила Висиния.

— Хотя если какой-то маленький сорванец назовет меня вдруг тетей, то мне придется сбросить его с крепостной стены, — с улыбкой заявила Флорес и наигранно виновато приподняла плечи.

Улыбнувшись в ответ, Висиния обняла Флорес.

— Спасибо.

С тех пор как Висиния видела Турдуй в последний раз, город явно разросся. Перед высокими толстыми крепостными стенами стояли скромные маленькие дома, многие из которых выглядели так, словно их построили совсем недавно. При этом оживление царило не только между домами, но и на Маги. Рыбачьи лодки медленно продвигались по течению, паромы и баржи плыли по своим маршрутам. Их корабль подплыл поближе к берегу и начал

медленно лавировать между другими кораблями. Никто не обратил на них особого внимания, хотя на флаге, развевающемся на мачте, был четко виден герб Ионны.

Между типично плоскими лодками масридов Висиния обнаружила несколько лодок влахаков.

— Ты посмотри, — указала она на них пальцем.

— Может быть, полного мира еще нет, но это никогда не останавливало торговцев, — высказалась Флорес.

— Им следовало бы подумать, что опасно вести торговлю после всего, что произошло.

— И это тоже, — согласилась с ней Флорес. — А как ты думаешь, чем я и многие другие зарабатываем себе на жизнь? Перевозить пользующиеся спросом товары — очень прибыльно. И пока есть угроза войны, цены остаются высокими.

— Придет время и для мира. Хотя для тебя это, наверное, будет не очень выгодно, — пошутила Висиния.

— Совсем нет, — смеясь, возразила Флорес. — Мир никогда не мешает. Пока Влахкис будет оставаться таким, какой он сейчас, мои услуги всегда будут нужны.

— Ты имеешь в виду мрачные леса?

— Нет, скорее мрачных негодяев. Лес мне не страшен. Хотя некоторые богатые торговцы нанимают охрану только из-за этого.

— Стен всегда говорит, что люди должны бояться не столько землю, сколько людей.

— Иногда мой брат такой умный!.. Впрочем, это у нас семейное.

— Наверное, — согласилась с ней Висиния и снова посмотрела на город.

За это время они подплыли к нему так близко, что можно было рассмотреть все подробно.

Вблизи дома окраины оказались большей частью убогими хижинами, которые были построены хаотично, отчего образовался целый лабиринт переулков и маленьких улиц. Люди в рваной одежде сновали между домами. Несколько детишек в лохмотьях с криком гоняли худую собаку. Где-то с десяток взрослых сидели на берегу Маги, другие мылись или стирали одежду, пара неутомимых пытались даже ловить рыбу. Некоторые выглядели настолько безучастными, как будто этот мир больше не интересовал их. Висиния увидела старушку в грязном платье, застывший взгляд которой был направлен в никуда, а затем заметила ненависть на лице одного из мужчин. После этого прозвучал крик, оскорбление, которое масриды раньше использовали для влахаков:

— Пожиратели глины!

— Беглецы, — кратко прокомментировала Флорес. — Страх изгнал многих. И не без основания. Ионна была милосердной, но не все ее подданные разделяют это мнение.

— Они ненавидят наш народ. А как марчег относится к их мнению? В таком случае будет сложно договориться о примирении.

— Я не думаю. Эти люди бедняки. Те, у которых ничего нет или которым пришлось оставить все свое добро. Для господ Сиревы они наверняка значат не больше, чем простые попрошайки. Намного опаснее те, кто обладает богатством и властью.

— Падение Цорпада многих подкосило. Ты думаешь, такие люди будут думать о новых богатствах в Садате?

— Конечно. Садат большой, и немало масридов-дворян были изгнаны оттуда или мертвы. Это порождает жадность.

— Тогда будем надеяться, что марчег Бекезар не прислушивается к ним.

— Или же он боится повторить судьбу Цорпада. Видишь, здесь тоже живет много влахаков.

Висиния задумчиво кивнула и еще раз посмотрела на дома беженцев и изгнанников.

Их корабль не спеша плыл дальше, сначала добрался до стен города, а потом и до входа в гавань, где команда буксировала корабль в саму гавань при помощи длинных шестов. Также отсюда было видно, что город буквально трещит по швам. Почти все причалы были заняты, работники причала бегали по обоим пирсам и направляли лодки, в то время как

другие работники разгружали и загружали их. Разнообразные товары со всех уголков земли перемещали на склады или увозили прямо на городской рынок. Деловая активность в гавани представляла собой полную противоположность апатии и хаосу, которые они встретили перед городом.

— Не все проиграли в войне, — сухо констатировала Флорес, увидев все это множество товаров.

Затем помощники начальника порта занялись и их кораблем, и они наконец смогли причалить. Вначале казалось, что на их прибытие так никто и не обратит особого внимания, однако затем появилась маленькая группа из шести человек, пробивающая себе путь к ним через толпу. Добравшись до причала, белокурый предводитель группы поднялся на борт и внимательно осмотрел влахаков. На этом моложавом мужчине был коричневый камзол с серебряным грифом марчега Гиулы Бекезара на груди. Его волосы были подстрижены очень коротко, как это было принято у масридов, и только на затылке был оставлен локон, лежавший на воротнике его камзола. Приветливо улыбаясь, Висиния повернулась к масриду:

— Приветствую вас. Я Висиния сал Сарес, боярыня Дабрана и посланница воеводы Ионны сал Сарес.

Мужчина также поприветствовал ее поклоном, в котором, однако, совсем не чувствовалось почтения:

— Добро пожаловать в Турдуй, боярыня. Извольте последовать за мной. Мой господин, марчег Гиула, ожидает вас.

— Так сразу? — удивленно переспросила Висиния.

— С вашего позволения, да.

— Это крайне необычно, — нерешительно ответила влахака и посмотрела на Флорес, которая только пожала плечами. — Мы с удовольствием сначала отдохнули бы с дороги и подготовились к встрече.

— Срочное дело требует вашего немедленного присутствия, — сухо заявил масрид.

— Ну хорошо, — ответила Висиния и спустилась на землю по тонкой доске.

За ней последовали Флорес и еще два влахака, которые должны были выполнять обязанности секретарей, а также несколько воинов, которые и составили ее эскорт, готовые последовать за ней.

— Вы можете сказать нам, о каком деле идет речь?

— Мне не дозволено. Но думаю, мой господин обязательно сообщит вам все.

Всю дорогу в замок Висиния ломала себе голову над тем, что же могло быть причиной такого своеобразного приема. Последние новости из Турдуя были исключительно благоприятными: складывалось впечатление, что марчег сам ищет объединения и близок к подписанию соглашения.

— Здесь что-то не так, — прошептала Флорес, и Висиния согласно кивнула.

— Да, очень необычно, — тихо ответила она. — Но у нас едва ли есть выбор.

Так что им пришлось последовать за масридом по широким улицам из гавани в сам замок Зварен, который находился почти в центре города. Внутри городских стен город выглядел значительно лучше, чем перед воротами. Дома и улицы были ухожены, а хорошо одетые и довольно упитанные граждане спешили по своим делам. Нигде не было видно следов войны. Влахаки и масриды жили в Турдуе бок о бок. И только по встречающимся повсюду патрулям солдат можно было понять, что все-таки не все так спокойно, как это могло показаться на первый взгляд. Однако их провожатый совсем не дал им времени рассмотреть город, и достаточно скоро они уже добрались до главных ворот крепости. Охрана пропустила их без малейшей задержки, впрочем, не без брошенных украдкой любопытных взглядов. Сама крепость Зварен была меньше крепости Ремис, так же как и сам Турдуй был меньше Теремии. Однако стоило отметить, что, ко всему прочему, она была значительно новее, так как, судя по всему, была отстроена только после захвата этого города масридами. Соответственно, и стены ее были с острыми углами и кантами, что радикально отличало ее от круглых сооружений влахаков. На башнях стояла охрана в коричневых

военных мундирах, на которых тоже можно было увидеть серебристого грифа.

Нигде не останавливаясь, масрид провел их в самое большое здание, где через два коротких коридора они пошли в большой зал, в котором стоял высокий трон. Через узкие окна в зал падали косые солнечные лучи. Дополнительно к этому было зажжено почти два десятка свечей в настенных держателях из кованого железа. Стены из темного камня Соркатов в основном были завешены гобеленами, на которых были представлены героические подвиги рода Бекезаров. По левую сторону можно было увидеть завоевание Влахкиса, осуществленное королем Аркасом Диммину, который в пресловутой битве на мелях Иамеса победил последний отряд влахаков и убил Тиреа, краля влахаков. На соседнем гобелене было изображено объединение Теремии, где три сына Аркаса разделили между собой захваченные земли и основали три династии масридов. Одной из них была династия марчега Гиулы Бекезара, а вторая — марчега Ласцлара Сциласа, властителя Валедоары на юго-востоке. Третья линия закончилась с Цорпадом. Естественно, Висиния знала обо всех этих историях, так как разлад господствующих масридских домов был всегда одним из немногих политических орудий в руках последних вольных влахаков.

На гобеленах можно было увидеть и влахаков, большей частью побежденных масридами. Таким образом, перед глазами Висинии предстала печальная история ее народа за последние два столетия, все проигранные сражения. Однако Ионне и Стену удалось привести ее народ к тому, что он смог победить сильнейшего из властителей-масридов, Цорпада Диммину. Впервые влахаки вышли навстречу масридам на том же уровне, и даже с позиции более сильного. «Интересно, что же теперь вы будете вышивать на своих гобеленах?» — не без удовлетворения подумала Висиния.

Однако в настоящий момент было необходимо обсудить условия мира, который дал бы всем сторонам настолько нужную сейчас передышку для восстановления страны, разрушенной многовековой войной. Поэтому Висиния склонилась в низком поклоне перед Гиулой Бекезаром, который с королевской осанкой сидел на своем троне, и ее эскорт сделал то же самое.

Однако выражение лица марчега, одетого в кожу тонкой выделки, украшенную серебристым мехом, ничуть не изменилось. Его седые волосы были коротко подстрижены, а лицо покрыто глубокими складками, отчего он казался старше, чем был на самом деле. И только темные глаза марчега оставались живыми, он спокойно изучал новоприбывших влахаков.

— Ну? — спросил марчег так неожиданно, что Висиния удивленно наморщила лоб.

— Извините, нам сообщили только, что какое-то безотлагательное дело требует нашего немедленного появления. Хотя нам не объяснили, какого рода это дело.

— Не надо считать меня дураком! Мое терпение не бесконечно!

В полном замешательстве Висиния посмотрела на старика и, собравшись с духом, осторожно, намеренно безучастным тоном сказала:

— Я вас не понимаю, марчег.

Масрид резким движением подался вперед. Он так сильно сжал пальцами подлокотники трона, что на руках выступили вены.

— Я говорю о нападениях! Об атаках этих существ!

Тут Висиния поняла, насколько опасным сейчас было ее положение. Она не знала, о чем говорил марчег, но знала, что его крепость была полна воинов. И если это недоразумение не разрешить как можно быстрее, то даже знаменитое искусство владения оружием Флорес и ее небольшая группа охраны не помогут им. Поэтому влахака взяла себя в руки, изо всех сил стараясь внешне оставаться спокойной, в то время как внутри лихорадочно проносились мысли.

— Я прошу прощения, марчег. Но я ничего не знаю ни о нападениях, ни о существах. Моя сестра, воевода Ионна, запрещает какие-либо нападения. Если же, несмотря на это, имеют место подобные случаи, тогда, скорее всего, речь идет о партизанах или беззаконниках.

— Беззаконниках? — не на шутку разгорячился масрид. — Этих духов темноты вы называете беззаконниками? Вы натравили троллей на мой народ, а теперь хотите отделаться от меня подобной ложью?

— Тролли? — вырвалось у Флорес, однако предупреждающий взгляд Висинии заставил ее оборвать речь. Затем боярыня продолжила:

— После известных событий в прошлом году мы потеряли связь с троллями. Они не являются нашими союзниками, равно как и мы не имеем на них никакого влияния.

— Они боролись на вашей стороне, а сейчас вы заявляете, что у вас нет на них никакого влияния? Раньше вы связывались с этими духами темноты, а сейчас у вас нет с ними никакого контакта? — холодно переспросил Гиула и снова откинулся на спинку трона, продолжая ненавидящим взглядом рассматривать влахаков.

— Они вернулись в свой мир, марчег, в тот раз они поднялись на поверхность только потому, что марчег Цорпад начал борьбу с ними. Они не испытывают дружеских чувств к нам, людям, ни к масридам, ни к влахакам.

— Ваша ложь выдает вас, госпожа Висиния! Вы пытаетесь заставить меня почувствовать себя в безопасности, в то время как ваша сестра уже готовится к войне! С такими же, как вы, и с вашим отродьем из недр земли!

— Нет! — горячо возразила Висиния. — Мы пришли с мирными намерениями, ничего не скрывая. Стала бы сестра отправлять меня сюда, если бы она планировала завоевание?

— Мой сын там, снаружи! — неожиданно закричал Гиула и показал пальцем на стены, за которыми вдалеке виднелись Соркаты. — В поисках доказательств вашей измены. Он должен был уже давно вернуться, но кто знает, каких еще ужасных существ вы послали ему навстречу!

— Мы не…

— Молчите! — прогремел марчег.

Было заметно, как сильно дрожат его руки.

После этого взрыва на несколько секунд воцарилась полная тишина. Марчег провел рукой по лицу.

— Мы предоставим вам комнаты. Молитесь своим старым духам, чтобы мой сын вернулся и подтвердил вашу историю. Если он не вернется, то никакого мира не будет и я уничтожу ваш народ огнем и смертью. Идите!

В полном ужасе Висиния поклонилась и повернулась. Флорес положила руку на рукоятку меча с бесстрастным выражением лица, в то время как воины Висинии зорко следили за тем, чтобы никто не приблизился к их госпоже на опасно близкое расстояние. Но тут в зал вошли десяток воинов из охраны масридов и окружили влахаков. Висиния знала, что любое сопротивление бесполезно, и по лицу Флорес поняла, что она думает то же самое. Так что ей пришлось лишь спокойно и с высоко поднятой головой последовать за масридами, а за ней вышла вся ее свита.

«Это не может быть правдой», — пронеслось у нее в голове, в то время как ее уводили, как обыкновенную преступницу.

8

Вообще-то Тамар должен был испытывать облегчение оттого, что он наконец ехал по улицам Турдуя. Однако полная усталость накрыла его словно тяжелым покрывалом, притупив все другие ощущения. Не обращая внимания на людей, которые, полные почтения и страха, уступали всадникам дорогу, масрид направил своего коня к замку. Простые люди уставились на грязных раненых воинов, однако никто не осмеливался обратиться к ним. И только когда они почти добрались до ворот крепости, кто-то из охраны крикнул:

— Принц! Принц вернулся!

Несмотря на общую подавленность, на губах Тамара появилась ироническая улыбка. «Хорош принц, весь в пыли и крови…»

— Приведите лекаря! — приказал он твердым голосом и выпрямился в седле.

Его подданные не должны видеть его слабым и разбитым.

— Сообщите отцу о моем возвращении. Позаботьтесь о лошадях. И принесите мне кубок вина, черт возьми!

Приказы масрида пробудили жизнь в праздно глазеющих воинах охраны. Прежде чем отдать поводья Сцега, он ласково потрепал его за холку.

Через несколько минут сын марчега уже шел через вестибюль, с кубком крепкого красного вина в правой руке и влажным платком, которым он вытирал с лица грязь и пот, в левой. Однако он все равно почувствовал себя попрошайкой, когда вошел в богато украшенный зал, где его ждал марчег. При виде отца Тамар невольно вздрогнул. «Святые небеса, такое впечатление, что он постарел на тридцать лет. Он выглядит так, словно в любую секунду может упасть замертво!» В то же мгновение в его голове пронеслись картины того, как он сам будет сидеть на троне — марчег Тамар Бекезар, властитель Сиревы. Он увидел себя во главе армии, которая вновь ставит на место этих мятежных влахаков. И только голос отца прервал его мысли:

— Мы уже боялись, что потеряли тебя. Что произошло?

Юный масрид внимательно посмотрел на лицо марчега. На нем явно читалось беспокойство, морщины у рта стали глубже, а глаза, ввалились.

— На нас напали, — заявил Тамар и отпил глоток вина, чтобы выиграть немного времени и упорядочить мысли. — Тролли. В Барлуи. Или, скорее, в руинах Барлуи.

— Что ты говоришь? Тролли? Ты уверен?

— Да, я уверен. Поверь мне, отец, этих монстров ни с кем нельзя спутать.

— С ними были люди?

— Нет. По крайней мере я никого не заметил, — уточнил юный масрид.

В ответ последовало молчание. Его отцу явно не хватало слов, и Тамар понимал его. Воины, выжившие в битве, в которой погиб марчег Цорпад, рассказывали о страшной силе троллей. Жители страны начали опасаться, что на них могут напасть влахаки и их дьявольские союзники. Масриды вооружились, готовясь к защите, но нападения не последовало. Вместо этого пришли посланники с мирными предложениями. Позднее начали сообщать о том, что тролли снова исчезли в недрах земли, а влахаки отстраивают вновь отвоеванную землю и к войне совсем не готовятся. В то время марчег Ласцлар поклялся отцу Тамара запланировать военный поход на весну, чтобы опередить влахаков. Однако старое недоверие между властителями-масридами было слишком сильным. Гиула доверял Ласцлару не больше, чем влахакам, и боялся предательства. Так была упущена благоприятная возможность изменить положение. «Нам все-таки следовало заключить пакт. Если бы я был марчегом, то воспользовался бы той возможностью и подавил мятеж раз и навсегда. Вырвал бы бунтарские посевы с корнем».

— Мы понесли тяжелые потери. Эти существа застали нас врасплох, — продолжил Тамар свой рассказ. — Игнак погиб. Я вернулся лишь с пятью людьми, остальные мертвы или пропали.

— Это не важно. Главное, вернулся наследник нашей династии, — возразил марчег Гиула, обеспокоенно взглянув на сына.

Затем он повернулся к слугам и отдал приказ созвать членов военного совета. «Как — не важно? — рассердившись, подумал Тамар. — Это уж вряд ли. Твой сын не справился, многие из его подчиненных мертвы. Как это может быть не важно?» Однако мысли он оставил при себе, а сказал совсем другое:

— Влахаки послали этих монстров против нас. Нам нужно подготовиться к войне. Нам нужно больше солдат на севере, для защиты деревень. Кроме того, нам нужно защитить запад, так как нападать будут оттуда. Нам нужно выслать лазутчиков и… |. — Мы обсудим положение на совете, — прервал его отец. — Пойди сначала приведи себя в порядок. Важно, чтобы на заседании совета ты не выглядел побежденным.

— Но нас действительно разбили, отец, — прошипел Тамар, однако отец только

отмахнулся.

— Ты не должен показывать этого.

— Да, отец, — ответил юный масрид нарочито покорно и поклонился.

Затем он быстро развернулся и вышел из зала, чтобы выполнить приказ марчега. Но в его голове пульсировала лишь одна мысль: «Нас разбили, меня разбили, и не важно, что ты хочешь показать совету. Нам нужно действовать, а не тратить время на игры с авторитетом и властью. Иначе влахаки уничтожат нас так же, как в свое время уничтожили Цорпада!»

— Мы должны напасть!

Эти слова были произнесены с такой яростью, что какое-то время еще можно было слышать их эхо в большом зале, в то время как другие члены совета хранили молчание. Барон Оден вызывающе осмотрелся по сторонам, его лицо покраснело, а руки сжались в кулаки. Сцарк был небольшим, но таким коренастым и широкоплечим, что казался массивнее и опаснее.

— Влахаки бросают нам вызов, неужели мы ничего не будем делать?

Вздохнув, Тамар встал и пристально посмотрел на барона. Он все еще ощущал себя неимоверно уставшим, но чувствовал, что должен высказаться. Когда он убедился, что полностью завладел вниманием дворянина, то ответил ему спокойным тоном:

— Совсем нет. Но поспешные действия могут только погубить нас.

— Погубить? — язвительно переспросил его оппонент и посмотрел на соседей в ожидании поддержки. — Погубить еще больше, чем в Барлуи? Или больше, чем в Садате?

— Я страстно желаю отмщения, так же как и вы, многоуважаемый барон. Однако боюсь, что безопасность наших земель гораздо важнее этого.

— Что вы боитесь, это видно, — тихо прошипел дворянин.

— Что вы сказали? Вы сомневаетесь в моей чести?

Остальные члены совета нервно переводили взгляд с одного спорящего на другого. Тамар видел краем глаза их обеспокоенные лица, однако выпад барона привел его в ярость, перед которой любая осторожность была бессильна. Не осознавая того, он заскрипел зубами, мрачно глядя на сцарка в ожидании его ответа.

Однако его противник не был готов к открытому противостоянию:

— Пережитое вами на севере, безусловно, ужасно. Каждый бы понял, если бы вы…

Предложение осталось незаконченным, но оскорбление зависло в воздухе. Решительным движением Тамар отодвинул свой стул назад так, что тот с грохотом упал на пол, и обошел вокруг стола. С угрожающе поднятой рукой он остановился перед сцарком:

— Если вы сомневаетесь в моей смелости или чести, вы можете свободно сказать мне об этом прямо в лицо. Тогда мы сможем решить это дело во дворе. Если же у вас не хватает на это мужества, лучше молчите.

За словами принца последовала гробовая тишина. За это время лицо барона приобрело нездоровый цвет, казалось, от него отхлынула вся кровь. Оден в примирительном жесте показал раскрытые ладони и осторожно возразил:

— Я бы никогда сына марчега…

— Не прячьтесь за моим происхождением и моими титулами! — яростно перебил его Тамар. — Это дело между мной и вами, и марчег не имеет к нему никакого отношения!

В поисках помощи Оден посмотрел на Гиулу, который сидел на своем месте с каменным лицом, по которому совершенно нельзя было понять, что он думает о происходящем.

— Вы, должно быть, неправильно поняли меня. Я никогда не усомнился бы в вашей чести. Мы все знаем только, что ваша битва в Барлуи была ужасной.

— Так и было, — сказал Тамар. — Тем не менее я никогда не позволю, чтобы она повлияла на мои суждения.

Барон Оден примирительно кивнул, и Тамар повернулся к собравшимся советникам отца.

— Эти существа поднялись из проклятых недр земли, если вам так угодно. Наш народ не защищен от их нападений. Мы не можем допустить, чтобы он остался перед этими монстрами без защиты.

Гневным голосом он поклялся совету:

— Мы должны выследить нашего врага, прежде чем выйти на бой с ним. Если мы нападем без подготовки, то кончим так же, как и марчег Цорпад. А пока будем готовиться к войне — мы должны защитить наш народ!

Некоторые советники воодушевленно закивали, другие вели себя более сдержанно, однако Тамар почувствовал, что большинство присутствующих поняли мудрость его слов. После поражения могущественного марчега Садата в битве против Ионны влахаков иногда возводили в ранг непобедимых демонов. Поэтому Тамар, конечно, оценил попытку Одена лишить их врагов нимба непобедимости, однако сцарк зашел слишком далеко. «Наступление без знания о силах противника — это полное безумие. Особенно когда наш собственный тыл открыт для нападения этих троллей».

— Хорошо сказано, Тамар, — раздался голос Гиулы, и марчег поднялся. — Мы подумаем над твоими словами и над словами барона. Сейчас же мы прерываем собрание с тем, чтобы снова встретиться и продолжить после обеда.

Отвешивая поклоны, советники покинули зал. Уже по дороге к выходу они начали собираться в группки, чтобы обсудить тревожные новости. Также и Тамар хотел выйти из зала, но отец позвал его к себе. Когда они остались одни, марчег заговорил:

— Твое поведение было рискованным. Барон Оден — довольно могущественная персона. За ним стоит много людей, которые ратуют за войну против влахаков. Опасно вот так резко обращаться к нему и компрометировать его. Ты прилюдно пристыдил его, а никакой предводитель этого не простит.

— Он сам опозорил себя, когда не решился подтвердить слова делами, — уклончиво возразил Тамар.

— Для него все выглядело по-другому. Впрочем, было забавно смотреть на вас двоих, так как в принципе ваши цели здесь совпали.

— Только условно, отец. Мой интерес заключается в благополучии наших земель. А поспешный и необдуманный военный поход скрывает в себе опасность поражения.

— В этом я с тобой согласен. Однако мы не можем исключать таких людей, как Оден, если хотим сохранить их поддержку.

— Ты — марчег, твое слово — закон. Зачем эти игры? Ты можешь приказать им, и они последуют за тобой! — резко заявил Тамар.

— Цорпад тоже был марчегом, и некоторые говорили даже, что он был самым сильным после Аркаса Диммину.

— И что? Он проиграл битву и войну.

— Войны ведутся не только на полях сражений, сын. Ты еще поймешь это, — спокойно объяснил Гиула и улыбнулся Тамару, которому кровь ударила в голову.

— Теперь я могу удалиться? — сдавленным голосом спросил юный масрид.

— Естественно. Ты только помни: крепость всегда сильна ровно настолько, насколько сильно ее основание.

— Спасибо, отец, за поучительные слова. — Тамар выдавил из себя улыбку и быстро вышел из зала.

«Он постарел и боится. И скрывает свой страх за высокопарными словами». С этими мыслями он сердито вышел на двор, залитый солнцем, и, к своему стыду, понял, что, несмотря ни на что, он ощущает себя глупым школьником, которого поставил на место учитель.

Угол, который Тамар себе выбрал, находился несколько в стороне, в тени, благодаря чему он мог сохранить некоторую дистанцию по отношению к другим советникам. Сейчас у него не было ни желания, ни терпения, чтобы вступать в долгие дискуссии.

Короткий разговор с марчегом оставил в нем какой-то горький привкус. В отчаянии Тамар кусал себе нижнюю губу. «Неужели отец может быть прав?»

Вдруг сердитый крик оторвал масрида от размышлений. Из маленькой боковой двери жилого дома вышла молодая женщина, обрушившая на солдата целый поток крепкой брани. Зачарованно Тамар наблюдал за этой сценой. Судя по всему, женщина была влахакой, так как волосы у нее были темные, а говор более плавный. Ее мишенью был солдат Сцаб, которого Тамар считал не особенно одаренным, но послушным и который в настоящий момент отрицательно качал головой и показывал женщине на вход.

— Не будь смешным! — шипела молодая женщина. — Куда я пойду? Я уж точно не оставлю здесь своих, ты, остолоп! Я только хочу немного подышать свежим воздухом!

— Вам нужно вернуться назад в дом, — беспомощно возразил Сцаб и положил руку на рукоять своего меча.

Однако, прежде чем воин успел вынуть оружие, Тамар подошел к ним и сказал:

— Хорошо. Я позабочусь об этом.

Сцаб благодарно поклонился и снова исчез в здании, в то время как женщина с подозрением изучала Тамара. Находясь в непосредственной близости, Тамар смог убедиться, что она чужеземка. Ее длинные, слегка вьющиеся волосы были заплетены в растрепанную косу, на ней была простая одежда — кожаные штаны и тонкая серая туника. Она уперлась руками в бока и сурово глядела на Тамара.

— Наконец-то появился хоть один масрид, у которого голова не только для того, чтобы носить на ней шлем!

— Вы желаете покинуть это здание?

Она кивнула в ответ.

— Тогда вам следовало бы относиться с большим уважением к тому человеку, во власти которого исполнить ваше желание.

Антипатия на лице влахаки превратилась в отвращение.

— Вы арестовали парламентеров, которые с мирными намерениями приняли ваше гостеприимство, масрид, и теперь осмеливаетесь читать мне лекции о вежливости? — спросила она стальным голосом.

— О ваших опасениях я ничего не знаю, к тому же мне они совершенно безразличны. Если у вас не хватает уважения даже по отношению ко мне, тогда я вам советую как можно быстрее вернуться в здание, — ответил Тамар подчеркнуто спокойно и с вызовом посмотрел на нее.

Он увидел, как дергались ее пальцы, будто она хотела схватить оружие, которого сейчас не было на поясе. Затем она скрестила руки за спиной.

— А ты и не заслужил моего уважения, и тебе еще долго придется ждать этого, — также с вызовом заявила она. — Что теперь?

— Теперь я позову солдат, чтобы они отвели вас назад в здание.

— Можешь не стараться, масрид. Мне следовало бы знать, что ты совершенно не умеешь вести себя, как и все остальные палачи Гиулы.

С этими словами она отвернулась и зашла в дом, не удостоив больше Тамара ни одним взглядом. Он подождал, пока она войдет, после чего спросил одного из патрулирующих охранников:

— А кто эта влахака?

— Вы имеете в виду задержанных, господин?

— Естественно. Кого же еще?

— Это посланники с запада, вецет. Предположительно сестра самой Львицы.

— Это была не сестра Ионны. Я ее уже видел один раз, у нее рыжие волосы! — Тамар повысил голос.

— Нет, не эта. Это ее спутница; женщина, которая самому черту родня. Она остра на язык и неимоверно проворна в кулачном бою. Она ударила бедного Фераля между ног просто так!

Это заявление заставило Тамара улыбнуться, несмотря на то что сама новость вновь рассердила его. Кивком он отослал солдат обратно на посты и вернулся в главное здание, где отыскал отца, который как раз обедал. Когда Тамар убедился, что никаких слуг вблизи уже нет, он наклонился к отцу и спросил:

— У нас здесь посланники Ионны? В крепости? И еще под стражей?

— Да, — спокойно ответил Гиула и положил ломтик ветчины на черный хлеб.

— Почему я узнаю об этом только сейчас?

Отец пристально посмотрел на него.

— Потому что другие вещи были важнее. Мне нужно было сначала обсудить все на совете и разработать план, прежде чем я смогу заявить влахакам об их измене. Я бы и так сообщил тебе в скором времени.

— Сколько?

— Что сколько?

— Сколько дней они здесь находятся?

— Несколько дней, — заявил Гиула и пожал плечами. — Может, три или четыре.

— Проклятье! — вырвалось у Тамара. — Влахаки посылают нам Висинию сал Сарес, а я ничего об этом не знаю!

— А что бы изменилось, если бы ты знал об этом до собрания?

— Все! Я бы… — начал юный масрид, но отец перебил его:

— Это ничего не меняет. Их присутствие не имеет никакого значения для наших планов.

— Если Ионна узнает, что мы взяли в плен ее сестру, она поймет, что существует угроза войны.

— Если она сама планирует войну, то это несущественно. А если нет, тогда в лице Висинии у нас будет отличный заложник.

— Именно так и думал Цорпад, — мрачно возразил Тамар и, больше не говоря ни слова, покинул отца.

Его гнев не утих и во время следующего заседания совета, на котором он сидел молча, думая о своем и слушая аргументы лишь вполуха. По крайней мере, слова, произнесенные им на предыдущем заседании, принесли свои плоды, так как теперь говорили не о нападении на влахаков, а о том, как защитить страну и народ. Даже Оден выступил лишь за то, чтобы, прежде чем вступать в войну, укрепить свои войска. Тамар слушал все это с мрачным удовлетворением.

Когда заседание закончилось, юный принц хотел покинуть зал, чтобы наконец-то хоть немного отдохнуть, однако отец велел ему остаться.

— Нам нужно поговорить с делегацией, и я хотел бы, чтобы ты при этом присутствовал.

— Конечно, отец.

Вскоре в зал вошли влахаки. Тамар узнал Висинию по ее ярко-рыжим волосам. Кроме явно нервничающих воинов ее сопровождала молодая женщина, благодаря появлению которой во дворе масридский принц узнал о присутствии посланницы.

Тамар внимательно осмотрел посланницу двора Ионны. Молодая боярыня была очень красивой женщиной, излучающей природную власть. В отличие от своих спутников она не выражала никакого беспокойства.

В то время как Висиния оставалась подчеркнуто спокойной, ее спутница воинственно смотрела в упор на Тамара, пока он не отвернулся, намеренно зевнув.

— Боярыня. Я очень рад тому, что вы откликнулись на мою просьбу и пришли поговорить. — Гиула начал разговор утонченно вежливо.

— Если учесть, что мы находимся в вашей власти как пленники, то я не стала бы придавать этому обстоятельству большое значение, марчег. Гости приходят добровольно, а пленников приводят конвоиры.

Улыбнувшись, отец Тамара кивнул в ответ, однако не согласился с обвинением. Сам принц вновь начал осматривать спутницу Висинии, стоявшую за ней. Она была высокой, походка и осанка выдавали в ней опытного воина. И хотя она была очень худой, масрид не стал недооценивать ее способности, так как знал, что многие влахаки предпочитают более легкое оружие. Оружие, которое может быть опасно быстрым. И даже без доспехов и меча влахака производила впечатление очень уверенного в себе человека. Ее темные глаза зорко следили за окружением. Она внимательно осматривалась по сторонам, словно в любое мгновение ожидала нападения.

— Насколько я вижу, ваш сын вернулся. Означает ли это, что мы наконец сможем оставить позади неприятные события последних дней? — спросила боярыня.

При упоминании о себе юный масрид посмотрел на Висинию и презрительно скривил рот.

— Вряд ли. Вы, наверное, думаете, что можете заговорить нас так, что мы станем слепы к тому, что на самом деле происходит? Но мы видим вас насквозь!

— Не будете ли вы столь любезны объяснить нам, что мы скрываем от вас, чтобы я вообще знала, о чем вы говорите?

— Я говорю о нападениях. О резне в беззащитных деревнях. Я говорю о войне, которую вы развязали!

— Это все вздор! Зачем нам начинать войну? Мы рады миру, который наконец наступил!

— А может, вы думаете, что ваши монстры приведут вас к победе? — предположил Тамар.

— Что? Простите, какие монстры?

— Тролли, ваши трижды проклятые убийцы! — взорвался Тамар.

После его гневной вспышки в зале наступила тишина. Масрид яростным взглядом уставился на бесстыжих влахаков, а его отец поднял руки в примирительном жесте. И пока Тамар приходил в себя, Гиула решил прояснить слова сына:

— На моего сына напали. В руинах Барлуи.

— Тролли? — спросила Висиния и тут же ошеломленно переспросила: — Подождите. В руинах?

— Да, в руинах, — подтвердил марчег. — Ваши тролли убили там всех. Всех мужчин, всех женщин. И стар и млад. Мы не смогли найти выживших.

— Святые небеса! Позвольте выразить вам наше сочувствие, марчег, мы этого не знали. Но хочу заверить, что мы не имеем к этому никакого отношения. У нас больше нет связи с троллями, с тех пор как они вновь ушли к себе под землю.

— Возможно. Но вы должны понять, что для нас и для нашего народа это выглядит иначе. Вы победили марчега Цорпада при помощи троллей. И теперь эти существа нападают на наши земли.

— А вы уверены, что это были тролли? — поинтересовалась спутница боярыни и вышла на шаг вперед, внимательно глядя на Тамара.

— Создания ночи, которых может победить только Вечный свет? Ростом в четыре шага, темные, с мощными когтями и клыками? Конечно же, это были тролли!

— Но вполне возможно, что в пылу битвы вы просто не смогли точно разобрать, против кого вы боретесь!

На мгновение у Тамара просто дух захватило. Вот уже второй раз за день сомневались в его мужестве, чести и слове, и на этот раз это была какая-то приезжая влахака!

— Я хорошо знаю, кого я видел и убивал, — ответил он ледяным тоном.

Его охватило непреодолимое желание выхватить меч — пришлось опустить глаза в пол и, кусая губы, удержаться от того, чтобы не обругать влахаку. «Что за собака! Да как она смеет?! Воин был прав: она порождение черта!»

Однако его отец оставался спокойным.

— Мы уверены, боярыня. Поэтому вы должны понять наше недоверие к вам.

— Гибель ваших людей поразила нас, — заверила его Висиния. — Я очень хотела бы, чтобы мы могли доказать вам, что не имеем к этому никакого отношения. Моя сестра не ведет войны против безоружных крестьян. И у нас нет связи с троллями. Я прибыла с честными намерениями принести нашим землям мир. Зачем же еще я была бы здесь?

— Как отвлекающий маневр? Возможно, тролли ударили слишком рано? Я не знаю. Однако ваше присутствие не дает нам гарантии безопасности. Мы еще слишком хорошо помним об обстоятельствах, при которых погиб Цорпад.

Эти слова вызвали у Тамара воспоминания. Прежде чем влахаки восстали против марчега Цорпада, Висиния была в его дворе. Как заложник, для гарантии перемирия, о котором договорились после осенней битвы. «Совсем как год назад, — мелькнула мысль у Тамара, однако затем он сам покачал головой. — Это не имеет смысла. Зачем ей подвергать себя такой опасности? Во дворе Цорпада она не была добровольной заложницей».

— Уверяю вас, что ни я, ни Ионна не имеем никакого отношения к этим нападениям. Мы готовы даже послать к вам своих воинов, чтобы помочь защищаться от этих нападений.

Тамар тут же хотел запротестовать, но влахака опередила его, подняв руки и продолжив:

— Но, естественно, вы не допустите этого.

— К сожалению, нет, — согласился с ней Гиула.

— Вы говорили, ростом в четыре шага?… — неожиданно заговорила спутница Висинии.

— Да, — ответил масрид после некоторого колебания. — А что?

— Дело в том, что даже самый большой тролль не достигает такого размера.

— Откуда вы это знаете? Вы с ними боролись? Кто вы вообще, у вас есть имя?

— Конечно, у меня есть имя. Меня зовут Флорес, я боролась на стороне троллей. Я видела их. Их самый мощный предводитель, Пард, был ростом более трех шагов, но точно не четыре.

— Ну, а наши враги все были ростом в четыре шага или даже больше. Я уверен. Мы убили одного из них.

— Тогда, возможно, это были не тролли. По крайней мере не те, с которыми мы боролись.

— Возможно. Но, к сожалению, вашего слова мне недостаточно.

— Однако у вас должно быть немало воинов, которые боролись на стороне Цорпада, не так ли? Если вам недостаточно моего слова, вы можете спросить у них, — резко возразила Флорес и подбоченилась.

Тамар отметил, что здесь она снова проявила вежливость. Задумчиво юный масрид посмотрел на нее, затем взглянул на отца.

— В любом случае мы продолжим наши переговоры, когда с уверенностью сможем сказать, кто или что на нас нападает, — заявил Гиула и кивнул охране, которая тут же окружила влахаков. — Пожалуйста, побудьте у нас в гостях еще.

После этих слов солдаты вывели делегацию посланников из зала, а Тамар повернулся к отцу.

— Это бессмысленно — нападать на нас и одновременно отправлять к нам сестру Ионны.

— Вполне возможно, однако возможно также, что их отговорка с троллями не так хорошо сработала, как они надеялись. Или они думали, что смогут удивить и парализовать нас дерзостью такого поведения. Если бы влахаки смогли убедить нас в том, что не имеют никакого отношения к нападениям, то им представилась бы просто уникальная возможность для этого нападения.

— Возможно, — согласился Тамар, чувствуя, однако, большие сомнения относительно этого высказывания.

Оно противоречило его логике: кто пойдет на подобный риск ради такой небольшой выгоды?

— Во всяком случае, эта Флорес — типичная влахака. Бунтующая, дерзкая, не знающая своего места!

— Все может быть, — ответил марчег, тихо засмеявшись над таким описанием. — Возможно, это у нее в крови. Ее брат, Стен, был по отношению к марчегу Цорпаду тоже довольно дерзким, насколько можно верить слухам.

Пораженный Тамар посмотрел на отца. «Стен? Стен сал Дабран? А Флорес — сестра человека, который расстроил все планы Цорпада? Конечно же, Флорес сал Дабран!»

— Ее склонность к бунту, кажется, действительно перешла по наследству. Даже их родители были бунтарями, — сказал Гиула и отвернулся. — Успокойся. У нас завтра много дел. Ты мне нужен.

Однако голос отца доносился до Тамара словно издалека. В его уставшем мозгу проносились гневные мысли. Сестра Стена сал Дабрана находилась в Турдуе. Каждый раз, когда Тамар слышал о действиях мятежников, в нем поднимался холодный гнев. Он всегда надеялся однажды найти этого бунтаря и наказать его за нападения на масридов. И вот сейчас его сестра находилась в непосредственной близости, но руки Тамара были связаны. «Иногда судьба играет с нами такие злые шутки, — подумал юный масрид. — В то время как нашей стране угрожает опасность, а враги гостят в нашем доме, мы бессильны. Ну да не совсем бессильны. Если между троллями и влахаками обнаружится хоть какая-то связь, то помилуй их Вечный свет!»

9

Свет падал сквозь щели в деревянных стенах косыми лучами, в которых клубился дым. Однако большая часть сарая была погружена в полумрак. В воздухе приятно пахло свежим сеном, хотя сейчас здесь не было животных. Несколько насекомых жужжало в воздухе, но в остальном было очень тихо.

Стен осторожно пробрался между спящими телами к Парду. Он старался не дотрагиваться до этих существ, хотя и был уверен в том, что они не проснутся. Свет солнца сковывал их и заставлял спать до тех пор, пока солнце снова не опустится за горизонт.

Конечно, влахак видел много разных троллей и до, и во время битвы против Цорпада. Тем не менее их размер и вид продолжали удивлять его. Их кожа была серой, хотя у разных троллей она отличалась — от темного, почти зеленоватого, до очень светлого цвета. На ощупь она была шершавой, и у многих Стен увидел толстые наросты и узлы, а у некоторых даже костяные бляшки. И хотя все они были огромными, разница между ними все же была. Многие были ростом более трех шагов, но некоторые меньше, и только немногие ростом в три с половиной шага, как Пард. У некоторых были странные роговые отростки толщиной с палец, которые были похожи на волосы; у других они были коротко обрезаны. У всех росли изо лба рога, которые изгибались над головой до самого затылка, — местами гладкие, местами закрученные вовнутрь. На всех было очень мало одежды: в основном набедренные повязки или кожаные ремни, закрепленные на поясе. На Стена они производили впечатление существ из темных доисторических времен, посланников глубокой древности, которые неожиданно вновь догнали его мир. «Чтобы принести войну, — подумал Стен, — как раз сейчас, когда мы наконец только обрели мир».

В конце концов он добрался до Парда. Даже в бессознательном состоянии огромный тролль казался опасным и внушал страх. Его руки заканчивались мощными лапами с острыми когтями, и Стен знал силу, с которой тролль мог расправляться с противником. Он видел собственными глазами, как Пард убивал людей, беспощадно, преисполненный древнейшим гневом. Тролли знали только вечную борьбу за выживание. Жалость была для них слабостью, за которую можно горько поплатиться. Победа только тогда имеет свою ценность, когда враг уничтожен полностью. Их родина, глубоко в недрах земли, была враждебной для жизни и темной. «Возможно, они просто такие же, как и их мир. Разве я могу их осуждать? Ведь я тоже убивал своих врагов и в случае необходимости сделаю это

снова».

— Ну что, здоровяк? — спросил Стен у неподвижного тролля и присел на корточки возле его массивной головы с коротко подстриженными роговыми отростками. — Ты говоришь мне правду? Вы действительно не причастны к тому, что произошло в деревне Костина? Если бы с вами был Друан, то мне было бы легче принять решение.

Влахак задумчиво рассматривал троллей. Их и правда было почти тридцать. Они группами спали просто на полу. В данный момент они были беспомощны. Пока на небе светило солнце, они были не опаснее камней, которые лежали на поле. Однако ночью неимоверная сила и мрачная натура превращали их в непредсказуемых монстров. Ни один влахак не пролил по ним ни одной слезинки, когда те после выигранной битвы снова вернулись на свою родину. Некоторые, правда, еще думали о том, чтобы и дальше пользоваться их помощью в борьбе против масридов, но только совсем немногие высказали эти мысли вслух.

Уж слишком хорошо сохранились у людей воспоминания о троллях, картины наступления троллей во время битвы, картины невероятного опустошения, которое они могли нанести. Это был очень хрупкий союз, который был заключен только из-за крайней необходимости, а вовсе не от хорошего отношения к троллям и который распался так же быстро, как и возник. «Да и у вас было такое же отношение ко всему происходящему. Вы ненавидите поверхность, солнце и даже нас, людей. Ваши враги вам все-таки намного ближе, чем мы».

— Господин? — неожиданно раздался голос Василе с порога сарая.

Ветеран не удостоил спящих троллей даже взглядом, однако по его лицу Стен понял, что присутствие этих огромных созданий беспокоило его.

— Все в порядке? Я слышал голоса.

— Все хорошо, это был только я.

— Вам нужна помощь, боярин?

Стен покачал головой:

— Я просто удивляюсь, какие они чертовски большие.

Не говоря больше ни слова, Василе вернулся на свой пост перед воротами сарая, в то время как Стен снова повернулся к предводителю троллей. Неосознанно он положил руку на рукоять меча, а другой медленно провел по шершавой руке тролля, словно убеждаясь в том, что это существо настоящее.

На губах Стена промелькнула улыбка, когда он вспомнил одно приключение, связанное с троллями. Они нашли его пойманным в клетку-ловушку в лесу, выставленную воинами Цорпада. Сначала Пард высказался за то, чтобы убить Стена, так как он боялся людей в дневное время, однако Друан смог убедить его, что тролли нуждаются в помощи влахаков. После этого еще не раз жизнь Стена висела на волоске, так как Пард был, мягко говоря, твердолобый и прошло довольно много времени, прежде чем он согласился, что они могут помочь друг другу. «Изменился ли ты за это время? С Друаном я смог бы договориться и все обсудить. Но с тобой, Пард?» — мысленно спросил влахак спящего тролля.

Вздохнув, он поднялся и осмотрелся. Снаружи во дворе стояли его воины. Будет достаточно одного его крика, чтобы они устроили кровавую бойню. Эта мысль пробудила в нем воспоминания. Об обрушившихся домах, о телах убитых. Деревня Арсита превратилась в руины, все ее жители были мертвы. Даже Цорпад во время войны не вел себя настолько беспощадно, не уничтожал все подчистую. Марчег хотел завоевать влахаков и подчинить их себе. Он хотел властвовать, но не над безжизненной землей. А у нападения на Арситу была только одна цель: разрушение и смерть. Где-то под грудой убитых тел был и Костин. При этом многие тела были обезображены настолько, что их уже нельзя было опознать. Теперь храбрый художник лежал в могиле вместе с другими жителями деревни. «Он пережил борьбу против Цорпада только для того, чтобы быть растерзанным в родной деревне, — с горечью подумал Стен. — Это было бы даже смешно, если бы не было так трагично». У него

перехватило дыхание, когда он подумал о том, с каким успехом художник часто веселил мятежников. Он никогда не сдавался, даже перед лицом смерти, когда им предстояло капитулировать перед Цорпадом и казалось, что все пропало. «И он был прав. Мы выжили, и не только, мы победили». Однако Костину судьба отвела совсем немного времени, чтобы насладиться отвоеванной свободой. «И теперь он присоединился к погибшим, которых мы до сих пор оплакиваем. Так много смертей, так много страданий, как наш народ вынесет это?» Однако Стен знал ответ на этот вопрос. Жизнь продолжалась, и люди даже как-то привыкли ко всем этим потерям. «Да и масриды не избежали той же участи. Их дочери и сыновья также отдали свою жизнь в войнах. А что с вами, троллями? Не хватает ли вам Друана и его мудрости? Скорбите ли вы по своим умершим или же только пожираете их мясо?»

Крик уже готов был вырваться у Стена, однако он сдержался. Тогда, в лесу севернее Орваля, было довольно легко принять решение. Сейчас, когда целыми днями тролли были отданы ему на милость, речь шла только о нем, о его безопасности. Однако юному влахаку пришлось внутренне бороться с собой, пока он решил оставить троллей живыми.

Осматривая троллей, он все еще крепко сжимал рукоятку меча. С заходом солнца они вновь встанут. А с ними появится опасность. Не только для Стена, но и для всех людей Влахкиса, и в первую очередь для подопечных Стена, жителей Дабрана, которые полагаются на боярина и его солдат и доверяют им.

«Доверие — это самое главное и основное. Доверяю ли я Парду? Могу ли я доверить ему свою жизнь? А также жизнь тех, кто в отличие от меня не сможет от него защититься? И даже если я смогу доверять Парду, как быть с остальными троллями, которых я не знаю?»

Стен неуверенно посмотрел на ворота сарая. Про себя он проклял сначала троллей, а затем и всю сложившуюся ситуацию.

Его подчиненные едва ли могли помочь ему советом, а единственных людей, которым он доверял, сейчас не было. «Делать нечего, я должен сам принять это решение. Данное мною слово и законы гостеприимства связывают меня, однако как боярин я обязан защитить Дабран и всех других влахаков». Юный воин решительно повернулся к воротам.

— Василе!

В ту же секунду в проеме появился лысый влахак и вопросительно посмотрел на Стена.

— Отправь гонца в Теремию. Сообщи, что я скоро приеду и приведу с собой нескольких троллей.

— Да, господин. Вы хотите сохранить этим монстрам жизнь?

По выражению лица ветерана Стен сразу увидел, какие сомнения его гложут. Тем не менее он быстро кивнул и ответил:

— Да. Мне достаточно слова Парда. У нас есть обязательство перед троллями. И я дал им слово.

— Слово чести, данное этим чудовищам, не считается, — заявил Василе.

— Возможно. Но это ничего не меняет. Если возникнет опасность сражения с Андой и ее… э-э-э, свитой, тогда Пард и его воины станут, пожалуй, единственными союзниками против нее. Я не знаю, что происходит глубоко под землей, но я не буду предпринимать какие-либо действия, пока не узнаю!

— В принципе, мы еще сможем убить их, — ответил Василе и сплюнул. — В любой день.

— И это тоже. Продолжай охранять сарай. Я не хочу никаких происшествий. Чем меньше контактов будет между людьми и троллями, тем лучше.

— Да, господин.

Кивнув в подтверждение, Стен отпустил опытного воина и снова остался наедине со своими мыслями. «Итак, решение принято. Я молюсь богам, чтобы мое доверие к вам оправдалось».

С этими мыслями Стен решительным шагом покинул полумрак сарая и вышел на палящее солнце. Он снова вернулся в мир, где нет мрачных существ и их темных тайн. Где-

то поблизости пел петух, и двое детей, смеясь, бегали во дворе. Все это было настолько обыденным, что Стен замер на несколько мгновений и растерянно оглянулся. Только после этого он направился в главное здание крепости, чтобы подготовиться к отъезду.

Действие, которое оказывает на троллей заход солнца, большинство людей ошеломило бы. Буквально в одно мгновение их тела ожили, и они открыли глаза. Однако Стен уже много раз наблюдал эту картину, и поэтому она не производила на него особого впечатления. Равнодушно он крикнул:

— Пард!

И подождал, пока большой тролль поднимется и подойдет к нему.

— Мы еще живы, — сухо констатировал тот.

— Да. Приготовьтесь, мы скоро отправляемся в путь.

— Куда?

— В Теремию. Надо сообщить Ионне о новостях, которые вы принесли, и обсудить все с ней. Тогда мы поймем, что делать.

— И что это будет?

— Я еще не знаю, — признался Стен. — Возможно, нам в помощь потребуются солдаты. Или же мы сможем выяснить, что произошло с Андой. Почему Друан хотел, чтобы вы пришли ко мне?

— Керр! — не ответив на вопрос, Пард позвал юного тролля, который тут же подошел. — Что конкретно сказал Друан? Почему он думал, что людишки смогут помочь нам?

Но юный тролль только растерянно посмотрел на Парда и Стена и пожал плечами, отчего Пард нетерпеливо зарычал.

— Я не думаю, что Друан хотел ваших воинов.

— Почему нет?

— А что они будут делать? Бороться против Анды? Под землей? Ба! — воскликнул большой тролль и скорчил презрительную гримасу. — Люди — слабые. Они слепы в темноте. Они не знают нашей родины.

Хотя Стену было не очень приятно слышать такие надменные высказывания, ему пришлось признать правоту тролля:

— Да, глубоко под землей мы не были бы особой помощью. Но тролли Анды тоже вышли на поверхность. Возможно, мы можем устроить им ловушку. Они боятся света?

— Да, — ответил Пард, но тут же поправился: — Вероятнее всего. Я не знаю этого точно. Но почему они не должны бояться?

— Вот именно. Если захватить их врасплох, они станут беззащитными.

— А что произошло с магами солнца? С этим Альберном Суншом?

— Альбус Сунас, — поправил его Стен. — Многие сбежали. Другие были изгнаны. Но в вольном Влахкисе осталось еще несколько. А что?

— Они могут помочь нам.

— Что? Священники культа бога Солнца? Помочь вам?

Стен разразился безудержным смехом. И только после того, как он заметил недоуменные взгляды, которыми обменялись Пард и Керр, он снова успокоился.

— Священники ненавидят вас. Они окрестили вас духами темноты. Они говорят, что Божественный свет проклял вас и изгнал на землю. Со времен битвы они молятся, чтобы нас, влахаков, постиг гнев Небесного света, так как мы заключили союз с самыми мрачными существами. Предположительно, сухое лето — это наказание за наши прегрешения. Но интересно, почему тогда у масридов на востоке ситуация не лучше.

— Тогда маги солнца должны быть рады тому, что смогут побороть хоть парочку из нас!

— Но не для того, чтобы помочь вам. Кроме того, их отношения с Ионной очень непростые. Официально они сохраняют нейтралитет, но большая часть из них масриды. И

многие находятся на землях марчега на востоке и молятся за войну против нас, потому что боятся, что наш народ снова вспомнит свои древние пути и отречется от веры в Божественный свет. Они могущественны и имеют влияние не только на князей масридов, но и на некоторых верующих здесь. Опасно вызывать их гнев, так как они могут развязать новую войну. И они проклинают наш с вами союз и то, что мы боролись на вашей стороне. Все это не может стать хорошей основой для мирного сотрудничества. Как ты считаешь?

Тролль помолчал немного и почесал голову. Затем закатил глаза.

— Подумаешь! Они могут говорить столько, сколько захотят! Но пусть только попадутся мне на пути, и они со всем согласятся!

Пард напряг мышцы и ударил кулаком правой руки по ладони. Громкий звук привлек внимание других троллей, которые тут же повернули к ним головы. В их глазах Стен увидел любопытство, но также страх и гнев и поспешил сказать:

— Притормози. Сначала мы должны решить ваши проблемы, понятно?

— Хорошо. И какой у тебя план?

— Ты сдерживаешь своих соплеменников. Я не хочу никаких происшествий, — прошипел Стен, отчего Пард зло посмотрел на него.

— Да хорошо же, я понял.

— Мы выступаем сегодня ночью. Я выслал вперед гонца, который предупредит людей по нашему пути, чтобы ничего не произошло. Мы будем обходить все поселения и днем укрываться в лесу. Как у вас обстоят дела с запасами?

— Хорошо. У нас осталось не так много. Мы не можем охотиться, так как…

— Ну ладно, — перебил его влахак. — Мы возьмем с собой достаточно провианта. Я буду сопровождать вас, но я буду один. Чем меньше людей вы встретите, тем лучше, или как?

— Да. Люди представляют собой нервную тушу мяса, и не каждый тролль так снисходителен, как я, — согласился с ним Пард, в ответ на что Стен поднял одну бровь, но промолчал.

Он окинул взглядом собравшихся вокруг них троллей и спросил:

— Сколько троллей последовало за Андой? Сколько еще находятся под землей и не приняли ничью сторону?

Задумчиво Пард посмотрел в потолок, затем пожал плечами.

— Я не знаю этого. Некоторых убили. Турк многих увел из своего племени, когда стало совсем трудно. Другие, вероятно, присоединились к Анде. Но мы не знаем, сколько и кто.

— Ее слова звучат хорошо, — неожиданно сказал Керр, который до сих пор слушал молча. — Мы должны перенести войну к карликам. Не спускаться все ниже, когда карлики захватывают все больше туннелей, а оттеснить их, уничтожить или изгнать из гор. То же самое и с людьми.

— Но она не может думать, что ей удастся изгнать из страны всех людей!

— Поверхность опасна и чужда для троллей, — согласился Пард со Степом. — Но она ненавидит вас, что глупо.

— Можно презирать вас, но ненавидеть? Вы — слабые, вы не вторгаетесь в наш мир. Ее ненависть безрассудна. Карликов можно ненавидеть. Маленькие жадные сволочи. Их воины приходят в наши пещеры и убивают нас. Но зачем людей?

— Тем не менее ты ищешь нашей помощи, — спокойно подытожил влахак и снова повернулся к Керру. — Ты говоришь, что идеи Анды приняло много троллей. Но она приказывает своим троллям убивать других троллей. Разве это не должно многих напугать? Хотя все-таки ваш закон запрещает вам это.

— Закон! Ну и что! — ответил Пард. — У нас нет законов. Такого просто не происходило, так как хуже этого нет ничего. Никто не будет укрывать у себя убийцу троллей. А если ты один, то смерть поджидает на каждом шагу.

— Описание вашей родины звучит не очень приятно для моих ушей. Неудивительно, что так мало людей спускается туда.

— Это родина моего народа. Только она делает нас троллями. Сильными! Крепкими! — гордо заявил Пард.

— Почему же тогда некоторые тролли последовали за Андой, хотя ее действия противоречат всему, что знает твой народ?

Керр медленно покачал головой, а Пард не смог ничего на это ответить.

— Не важно, — вздохнув, сказал Стен. — Подготовьтесь, мы должны отправляться в путь как можно быстрее.

Прокричав несколько приказов, Пард превратил и без того переполненный сарай в абсолютный хаос. Тролли собирали свои немногие пожитки, в то время как Стен вышел во двор и проверил запасы, которые были подготовлены для поездки. По его распоряжению сапожники Дабрана сшили несколько грубых кожаных мешков. Еще к нескольким бочкам они прикрепили кожаные петли, чтобы можно было нести эти бочки. Это был далеко не шедевр, но зато практично. Пока Стен еще немного поговорил с Василе, из сарая начали выходить первые тролли.

— Вот здесь, — прокричал Стен и показал рукой на запасы. — Каждый из вас должен взять с собой что-нибудь.

— Удачи, боярин, — неожиданно пожелал Василе, и Стен усмехнулся ему.

— Не беспокойся, я скоро вернусь. Это не первый раз, когда мне приходится передвигаться с троллями.

Дружески похлопав солдата по плечу, Стен распрощался с ним и посмотрел на троллей, которые под руководством Парда распределили между собой поклажу. Вскоре группа была готова к походу, и Стен повел ее через ворота крепости. На башне северных ворот он увидел седовласую высокую женщину, управительницу Риклею, которая будет руководить делами крепости в его отсутствие. В самом Дабране управление в это время оставалось в руках бургомистра. Доныне оба зарекомендовали себя опытными и рассудительными руководителями. Подняв руку, Стен поприветствовал Риклею, которая также махнула рукой в ответ. Затем он свернул на север и повел троллей вдоль стены замка, когда эта дорога сначала вела в сам город, а потом через него в Теремию.

Небо было безоблачным, а яркая луна дарила достаточно света, чтобы можно было разглядеть дорогу и без факелов. Позади себя юный влахак слышал низкое бормотание нескольких троллей и их тяжелые шаги, однако он сосредоточился на местности, открывающейся перед ним, на плавных линиях холмов с полями на склонах, при этом вдали уже можно было разглядеть густой лес, который во многих делах влахаков играл такую важную роль. «Там мы будем в безопасности, — подумал Стен и неожиданно для себя усмехнулся. — Я иду ночью почти с тридцатью троллями и думаю о безопасности! При этом напасть на нас осмелится разве что безумный. В этом отношении я в безопасности. По крайней мере до тех пор, пока кто-нибудь из троллей не изголодается по людскому мясу».

Свежий ночной воздух взбодрил его, и внезапно он поймал себя на том, что насвистывает старую песню о вороне Мардева. Небо, усеянное звездами, спящая земля — все казалось ему наполненным миром и едва постижимой красотой. В замешательстве от своего собственного хорошего настроения, которое настолько отличалось от того, как он мог бы себя сейчас чувствовать, Стен несколько раз глубоко вдохнул и выдохнул. И тут ему стало ясно, что именно доставляло ему такую радость: он снова был в дороге, у него была ясная цель и четкая задача.

Ведь с тех пор, как Висиния уехала, крепость все чаще казалась ему тюрьмой. Бесконечное множество маленьких и больших проблем его баронии ожидали решения, даже если для этого у него не хватало и опыта, и знаний. Это было не в его характере — затягивать дела, но он не раз чувствовал себя просто бессильным во время управления Дабраном. Нужно было принимать много решений, решений, которые напрямую затрагивали жизнь жителей. Висиния была для него тем человеком, которому он всецело доверял и мог обсудить все проблемы. Оставшись один, Стен быстро понял, что он никогда не учился управлять страной. Бороться и вести воинов в бой — вот чем ему пришлось заниматься всю

свою жизнь. При этом также принимались важные решения, любая ошибка могла стоить многих жизней, но даже в самом тяжелом бою Стен всегда знал, что он справится. «Неужели сейчас я бегу от ответственности?»

— Нам обязательно нужно идти через этот проклятый лес? — прогремел один тролль позади Стена, прервав его раздумья.

Однако, прежде чем Стен смог ответить, Пард крикнул:

— Да. И закрой рот. Никто не любит лес, но мы не хнычем, как карлики!

— Я просто спросил, — пробурчал тролль, но больше ничего не сказал.

— Небо нервирует их, — заметил Пард, присоединившись к Стену. — И я совсем забыл, какие подлые животные могут жить в деревьях.

— Почему вам не нравится небо?

— Потому что все открыто и слишком большой простор. Потому что повсюду поджидают враги, даже в воздухе над нами. Потому что здесь почти не слышно ударов сердца мира.

— Я уверен, что мне бы тоже не понравилось у вас, — возразил Стен. — Узкие проходы, темнота, холод.

— Холод? Нет, там, внизу, не холодно. Там тепло. Кроме того, вы же сами строите себе пещеры. Ты живешь в построенной пещере.

— Ты имеешь в виду замок? Это только для защиты. Против ветра, непогоды и холода. И, конечно же, крепость строят для защиты.

— Такого нам не нужно. Там нет ни ветра, ни непогоды. И мы раздавливаем наших врагов!

На мгновение Стен подумал, стоит ли указать большому троллю на то, что он и его племя находились сейчас в бегстве от их врагов, но затем решил не говорить этого. «Им и так плохо. Какой смысл бередить их раны?»

— Я знаю, о чем ты думаешь, человек. Что мы опять на поверхности, так как не можем победить своих врагов.

— Э нет, я такого не думал, — солгал Стен.

— Мы пришли сюда с Друаном, потому что наши враги были здесь. И не потому, что мы сбежали. А сейчас это тролли, против которых мы боремся. Самые стойкие из всех врагов!

— Да.

— Тебе бы не понравилось под землей, потому что ты человек. У нас нужно быть сильным. Кто не такой, тот умирает.

Стен примирительно поднял руки:

— Давай тогда сделаем так, чтобы вы могли решить свои проблемы и вернуться назад. Так будет лучше для всех.

На это Пард ничего не ответил, Стен тоже шел дальше молча. «С Друаном все было бы гораздо проще. Я не думаю, что Парр сам себя достаточно хорошо контролирует. Я уже не говорю об этой своре троллей, у которых засели внутри страх и гнев. Чем быстрее они снова исчезнут, тем лучше».

10

«Как бы я хотела никогда не уезжать из Дабрана, — с грустью подумала Висиния, наблюдая вместе с Флорес из окна хода на крепостной стене за активной жизнедеятельностью в Турдуе. — Как бы я хотела, чтобы Ионна просто оставила в покое этого сумасшедшего марчега, пока он сам не свалится с трона, который ему и так не принадлежит. Возможно, Стен был прав в своих опасениях. С масридами невозможно вести переговоры».

— Почему со мной всегда случается такое, когда я вмешиваюсь в политику? — спросила сестра Стена и вздохнула. — Когда я еще не хотела иметь с этим дело, моя жизнь

была значительно проще. И вот, пожалуйста: я пленница!

Не ответив, Висиния облокотилась на стену и снова посмотрела на людей, которые внизу выполняли свою работу. Также и внутри городских стен Турдуй казался переполненным. Торговля с карликами, которые приходили с гор на севере, принесла городу некоторое благосостояние. Не считая конфликта с марчегом Ласцларом Сциласом, который, однако, был не более чем обычной стычкой, война пощадила Сиреву. После поражения Цорпада на новых границах часто возникали стычки между влахаками и масридами, однако начало переговоров остановило их. В этом городе уже давно не было никаких военных действий. В Теремии Цорпад постоянно расширял оборонительные сооружения и держал их в исправности. Так же поступала и Ионна в Мардеве. Историческая резиденция ее семьи, древняя Деза, за время продолжительной войны превратилась в исполинскую крепость, которую в настоящее время защищало много влахакских воинов.

Однако в Турдуе Гиула разрешил строить поселения вплоть до самых стен города. И, несмотря на то что они были толстыми и крепкими, было заметно, что властитель Сиревы больше энергии и труда потратил на украшение каменных стен, нежели на укрепление. То же самое касалось и самой крепости в сердце города. В Теремии замок был окружен мощеными площадками, на которых не разрешалось строить дома, а Деза находилась на каменном плоскогорье, вокруг которого были возведены надежные стены, а сам город приобрел славу полностью неприступного. Но здесь, в Турдуе жилые дома доходили до самой крепости Зварен, которая и являлась резиденцией семьи Бекезаров. В случае нападения врагам будет достаточно легко найти себе укрытие и возможность подобраться к стенам замка через эти дома. «Между Садатом и Мардевом, между Цорпадом и Ионной шла такая долгая война, что мы порой забываем, что даже во Влахкисе есть более мирные районы. Хотя и сами марчеги были далеко не самыми верными союзниками. Но в какой-то мере они никогда не переходили дальше угроз развязать войну, ограничивались небольшими боями и стычками. Были разбойничьи набеги, но не военные походы. Ну да, ворон ворону глаз не выклюет, так, кажется, говорят».

— Милый городок, — саркастическим тоном заметила Флорес.

— Переполненный жителями и беженцами. Если новости о резне в горах будут распространяться, то еще больше людей из окрестностей будут искать безопасности в городе.

— Как ты думаешь, что там произошло? — спросила Флорес и повернулась к северу: в сумраке рассвета можно было уже разглядеть отроги Соркат.

— Я не знаю. Стен всегда говорил, что тролли как были монстрами, так и остались. Кто может знать, что там происходит?

— Но ты действительно считаешь, что это были тролли? Ростом в четыре шага! Даже Пард не такого роста.

— Ты думаешь, сын Гиулы врет?

Флорес задумчиво посмотрела во двор крепости, где находились где-то с десяток масридских солдат. Мужчины смеялись над чем-то; только вот над чем, юная наемница не могла разобрать.

— Вряд ли. Я думаю, что он видел что-то. И если он говорит, что эти существа были такого роста, тогда я в это тоже верю. Он опытный воин, даже если его разговоры больше, чем его ум. Если он не врет, то возникает вопрос, что же он, собственно, видел.

— Мы не знаем, есть ли тролли выше Парда, — подала идею Висиния.

— Точно. Но я также не верю, чтобы Друан и его племя добровольно вернулись на поверхность. Для этого они слишком ненавидят все здесь.

— Это загадка; еще одна, которую мы не можем разгадать.

После этого обе женщины помолчали немного, продолжая рассматривать город и его жителей. Тут они увидели, как с востока к городу диким галопом приближается всадник. С земли, твердой как камень, поднимались клубы пыли. Некоторое время Висиния наблюдала за всадником, пока тот не скрылся за стеной города. Тогда влахака вновь обратила взор на

речку Маги.

— В любом случае Стен перевернет горы, когда узнает об этом, — предположила Флорес.

— О да. Он и так был против того, чтобы я выполняла просьбу Ионны.

— Он будет винить себя. Особенно если за всем этим действительно стоят тролли. Он все еще чувствует себя ответственным за то, что эти существа вообще увидели наши земли. Наверняка он бросит все, как есть, и придет сюда через леса.

— Я надеюсь, что он такого не сделает! Насколько сильно мы его любим, настолько сильно масриды ненавидят его. Его присутствие только испортит все. Наша единственная надежда — переговоры. Для этого нам нужно узнать, что действительно произошло на севере.

— Это будет трудно, учитывая, что мы даже не можем выйти из этой трижды проклятой крепости. Как ты выдержала в прошлый раз? Я уже сейчас готова задушить всю эту ухмыляющуюся охрану! — разгорячилась Флорес.

Висиния приподняла одну бровь и попыталась успокоить подругу:

— Терпение, госпожа Флорес. Это добродетель, которую приобретаешь в дипломатии. Впрочем, я всегда думала, что воинам также приходится ждать подолгу, или я ошибаюсь?

— Не ошибаешься. Но это не обязательно должно нравиться, не так ли? Кроме того, я не воин.

— Нет? — удивленно переспросила Висиния. — А кто тогда?

— Я — борец. По мне, так даже наемница. Но война — это совсем не мое.

— Стен говорит всегда, что без ваших отрядов масриды прорвались бы к троллям до того, как он смог вырубить священника культа бога Солнца. Тролли стали бы беспомощными из-за магического света и…

— Да, да, — перебила ее Флорес. — Но одна ласточка весны не делает, точно так же и битву не делает один воин. Я надеюсь, твоя миссия увенчается успехом, так как я не собиралась снова участвовать в военных действиях. Я предпочитаю бои, которые могу лучше контролировать. И больше всего я люблю таверны, в которых могу выпивать без того, чтобы приходилось сначала побороться!

Прежде чем Висиния смогла ответить, всадник промчался через восточные ворота крепости и жестоко натянул поводья, чтобы несчастное изможденное животное остановилось с дрожащими ногами. Вооруженный всадник точно очень долго гнал своего коня, так как у того на морде можно было увидеть белые хлопья пены, а шерсть и грива блестели от пота. Нахмурив лоб, Висиния наблюдала, как солдаты подбежали к лошади и взяли у всадника поводья, в то время как тот спрыгнул с седла и побежал к главному зданию. Белые волосы, остриженные по масридской традиции, указывали на то, что это был подданный марчега. Влахака не поняла тихого разговора, происшедшего между всадником и охранниками, однако воины пропустили мужчину без возражений.

— Что это все значит? Точно новости; но только вот плохие или хорошие? — пробормотала Флорес.

Висиния покачала головой.

— Скорее плохие, хотя мне хотелось бы надеяться на противоположное. Наше положение и так достаточно затруднительно.

Кивнув, Флорес согласилась с ней. В этот момент их руки были связаны. «При этом не только наша жизнь, но, возможно, и ненадежный мир зависят от того, что сейчас всадник сообщает Гиуле. Пусть духи сделают так, чтобы речь шла не о продолжающихся бесчинствах троллей!»

Влахаков вызвали к марчегу, уже когда солнце начало склоняться к западу. В течение дня в большой спешке гавань покинуло несколько вооруженных кораблей, однако ни Висиния, ни Флорес не понимали, чем могла быть вызвана эта спешка. Когда молодая боярыня переступила порог зала приемов, от увиденного у нее перехватило дыхание. Гиула

сидел поникший в глубоком кресле, в то время как его сын Тамар в ярости метался по комнате взад-вперед. На дверях стояла вооруженная до зубов охрана, при взгляде на которую возникало такое впечатление, будто масриды боятся невооруженных влахаков. Когда Висиния склонилась в поклоне перед марчегом, тот никак не отреагировал, а лишь продолжал смотреть сквозь нее таким взглядом, будто перед ним не было ни ее, ни стен крепости. Однако Тамар остановился. На лице масрида нервно подергивались мышцы, было видно, что он пытается овладеть собой. Висиния увидела, как рядом с ней напряглась Флорес, словно ожидая нападения в любую секунду. Однако сын марчега лишь кивнул им и после этого заговорил:

— Прошлой ночью напали и захватили наш маленький пограничный пост на востоке.

— Пограничный пост? — удивленно переспросила Висиния. — Кто на него напал?

Внутренне она приготовилась к худшему. Если за нападением стоят тролли, недоверие масридов еще больше усилится. Марчег не простит подобной провокации так близко к городу и просто обязан будет отреагировать.

— Не тролли. Люди, — сдавленным голосом заявил Тамар. — Под знаменами с драконом.

У пораженной Висинии перехватило дух. Дракон был изображен на гербе марчега Ласцлара Сциласа, властителя Валедоары. В ее голове сразу закипели мысли, так как эта новость означала, что уже нарушенное равновесие сил во Влахкисе изменится невероятно быстро и с непредсказуемыми последствиями.

— Марчег Сцилас выступает против вас? — удивленно спросила Флорес, словно прочитав мысли Висинии.

— Так это выглядит. Очевидно, его армия продвигается на Турдуй.

— Когда это началось?

— День назад, максимум два. Мы отправили лазутчиков, но пока еще не получили никаких сообщений.

— Вот уже два дня? Может, только один? Где ваши солдаты? Что с укреплениями? Нужно перевести людей в город, стены нужно… — начала было Флорес, но Тамар прервал ее, мрачно взглянув на отца:

— Я знаю. Большая часть наших воинов находится на севере и на западной границе. Вы, вероятно, знаете об этом. Ласцлар нападет в такой подходящий момент. Наши силы распылены по стране. Ему нужно было захватить лишь несколько постов на востоке, и даже не было никакого предупреждения!

— Марчег, — обратилась Висиния к старшему масриду, который за это время не произнес ни слова.

Медленно, словно пробуждаясь от сна, пожилой мужчина посмотрел на влахаку и заморгал. На какой-то момент Висиния усомнилась даже, узнает ли он ее, но затем он кивнул ей.

— Отправьте посланника к моей сестре. Она вышлет вам помощь! Ведь мы прибыли сюда, чтобы заключить союз. И несмотря на все трудности, мы не должны быть больше врагами. Вместе мы сможем победить марчега Ласцлара!

Перемена, происшедшая с масридом после этих слов, была просто ошеломляющей. Он мгновенно подскочил и, словно обвиняя, наставил палец на Висинию.

— Да как вы смеете? — закричал правитель. Его голос даже задрожал от гнева. — Ваши чудовища убивают мой народ. И вы предлагаете нам помощь? Откуда Ласцлар знал, что мы уязвимы именно сейчас? Это вы придумали с ним вместе! Но ваш план не пройдет! Турдуй — это резиденция моей семьи, и он навсегда ею останется! Ваши проклятые влахакские потаскухи думают, что смогут запутать меня своими сладкими речами, но я чувствую яд в ваших советах!

Оскорбленная Висиния отшатнулась на шаг от марчега, лицо которого скривилось от злобы и ненависти. Она молча смотрела на рассвирепевшего марчега, затем взглянула на Тамара, лицо которого оставалось непроницаемым.

— Я не думаю… — начал было юный масрид, но отец перебил его, презрительно фыркнув.

— Ты не думаешь? Это точно! В соответствии с твоими желаниями мы отправили наших воинов, лишив сердце страны без защиты! Ты позволил запутать себя ложью! Из-за тебя Турдуй сейчас остался почти без защиты перед врагами!

— Сцилас обманул нас. Отец! Его обещания объединиться оказались пустыми словами! Я никогда…

— Молчи, — зашипел Гиула на сына, и тот смолк.

Но на лице Тамара был написан гнев. Марчег тоже весь кипел от гнева, но, когда повернулся к Висинии, он, казалось, снова овладел своими чувствами.

— Вы возвращаетесь в свои комнаты и не покидаете их. Моя семья уже не раз выстаивала в подобных ситуациях, так что мы можем пережить и это предательство. Чтобы заняться вами позднее, боярыня.

С этим последним предупреждением масрид отпустил влахаков. Висиния медленно вышла в коридор. Флорес сразу же приблизилась к ней и зашептала:

— Старик совсем сошел с ума. Сначала он обвиняет нас в нападениях на севере, теперь в нападении марчега Ласцлара.

— Я знаю, — тихо ответила Висиния и осторожно оглянулась. — Но что мы можем сделать? Мы…

В этот момент из зала вышел Тамар и с грохотом закрыл дверь. Он быстро зашагал по коридору. Висиния кивнула Флорес, и обе влахаки постарались идти рядом, не отставая от него.

— Но вы же не думаете, что у нас есть общие дела с марчегом Ласцларом, не правда ли?

— Мой отец убежден в этом.

— Это не ответ на мой вопрос.

Тамар сердито развернулся и пристально посмотрел на нее ледяным взглядом.

— Мое мнение не относится к делу. Мой отец — властитель Турдуя. Вы должны беспокоиться о его мнении, госпожа Висиния, а не о моем!

— Насколько все плохо? — вклинилась в их разговор Флорес.

Сначала было такое впечатление, будто масрид хотел отделаться лишь еще одним гневным замечанием, но затем на его лице появилась печаль.

— Катастрофически. Большая часть наших солдат находится на западной границе. Мы вывели гарнизон из Турдуя, чтобы защитить деревни на севере. Мы еще смогли бы дать отпор, но Сцилас ломится через заднюю дверь. Он должен был знать, что восток почти не защищен. Откуда? Там нет врагов, только вечные Соркаты и Маги.

— Как быстро войска смогут дойти сюда и когда нападут на город? Как долго вы сможете продержаться?

— Мы выслали гонцов, но на возвращение нашего войска потребуется несколько дней. Нужно посмотреть, насколько решительно Сцилас будет атаковать. Мы не узнаем, как велика его армия, пока лазутчики не вернутся.

— Отправьте гонцов в Теремию, — еще раз настойчиво попросила Висиния и посмотрела масриду прямо в глаза. — Моя сестра вышлет помощь.

— Это решение может принять только мой отец, — сухо ответил Тамар.

— Святые небеса! — чуть ли не набросилась Флорес на него. — Но этого просто не может быть!

— Придержи язык! — напустился на нее Тамар. — Какая помощь нам может быть от влахаков? Или солдаты успеют добраться до нас, пока Сцилас еще не взял город, или все пропало. В любом случае ваши воины не смогут добраться быстрее. Поэтому позвольте попросить вас вернуться в свои комнаты и оставаться пока в них.

— Неужели вы и правда хотите оставить нас заложниками во дворе, когда угрожает нападение? Моя сестра… — начала было Висиния, но Тамар перебил ее:

— Если дом Бекезаров еще будет существовать через несколько дней, мы сможем продолжить нашу дискуссию. А сейчас у меня есть более важные дела!

После этих слов он решительно удалился, оставив влахаков на охрану, которая и проводила их в комнаты. Флорес и Висиния зашли в свои комнаты вместе, в то время как остальные влахаки были доставлены в свои отдельно. В просторной анфиладе сначала царило молчание, но затем Флорес, беспокойно ходившая взад-вперед, не выдержала и сказала:

— Нам нужно бежать. Старик сумасшедший, а его сын слепо следует за ним в пропасть.

— Возможно, они смогут удержать город…

— Город? — переспросила Флорес и презрительно хмыкнула. — Никогда. Крепость — возможно, но не город. Стены города длинные и в не очень хорошем состоянии. Они не смогут выдержать более решительного напора, особенно если не будут защищены достаточным количеством воинов.

— Турдую нужно продержаться лишь до тех пор, пока не прибудут войска.

— Если бы я могла хоть что-нибудь решать здесь, то я бы забрала в крепость как можно больше людей, а остальным дала бы возможность спастись бегством. Сколько времени потребуется солдатам Гиулы, чтобы добраться сюда?

— Я не знаю этого, — призналась Висиния.

— Недели. Им нужно собраться, прежде чем они заставят осаждающих отступить. И даже если случится чудо и они будут здесь через несколько дней, как ты думаешь, как долго продержится город с одним главным отрядом?

Висиния неуверенно пожала плечами. Снаружи до них доносились крики, громкие приказы, а из коридоров — эхо тяжелых шагов. «Флорес права; мы в ловушке».

— Что ты предлагаешь?

— Побег. Не важно, чем все закончится, но мы не можем доверять Гиуле.

— И как нам бежать? Повсюду охрана, а перед воротами стоит целая армия, которая также не настроена к нам дружески.

— Битвы хаотичны. Возникает довольно значительный беспорядок. Нам нужно дождаться благоприятного момента. Может, даже переодеться. Они не будут задерживать бегущих крестьян, если город падет.

Висиния задумчиво кивнула. Сейчас ей было не под силу правильно предусмотреть возможные последствия событий. Если хоть один из могущественных марчегов получит преимущество, то для них появится угроза новой войны. Вряд ли стоило ожидать, что марчег Сцилас остановится на Турдуе, если победит Гиулу. В таком случае влахакам, закаленным в многолетней войне, придется держать тяжелую оборону против объединенного востока, объединенной армии масридов. Ионна тоже знала это и поэтому всегда старалась поддержать соперничество между масридами и использовать его в своих целях. «Очевидно, эта стратегия оказалась слишком успешной, — с горьким сарказмом подумала Висиния, — недоверие вылилось в открытый конфликт».

— Как бы то ни было, эта ситуация опасна не только для нас, — подтвердила Флорес ее мысли. — Ионна должна узнать об этом как можно скорее.

— Как я хотела бы, чтобы марчег Гиула был более благоразумным. Союз между ним и Ионной против марчега Сциласа был бы самым правильным решением. Ведь из товарищей по оружию могут получиться и друзья, не так ли?

— Мечты, мечты, — усмехнулась Флорес. — Влахаки и масриды плечом к плечу!

— Пока мы держимся за руки, мы, по крайней мере, не хватаемся за оружие! — с улыбкой возразила Висиния.

— Ты на это не надейся; есть способы убить человека не только оружием.

Закрытым в своих комнатах влахакам почти ничего не было известно о том, что происходит в замке и городе. Было очевидно, что кто-то организовывает защиту, но ничего более определенного они не могли установить. Двери были заперты снаружи, а оба окна

выходили в пустынный внутренний двор, в котором, тем не менее, была выставлена охрана.

Пока Флорес расхаживала по комнатам и просматривала скудное имущество на предмет чего-нибудь полезного для побега, периодически выглядывая во двор и громко ругаясь, Висиния сидела на кровати и ждала. Ей так же, как и Флорес, не нравилось ждать. Но у них не оставалось другого выхода. Она не видела никакого смысла в том, чтобы без остановки метаться, словно пойманный зверь в клетке. Тем не менее она заметила, что время от времени и сама начинала нервно перебирать пальцами, что было признаком внутреннего напряжения. За годы работы посланницей при различных дворах она научилась сохранять бесстрастное выражение лица даже в чрезвычайных ситуациях; и если бы сейчас рядом был кто-нибудь посторонний, она смогла бы контролировать и нервное перебирание пальцами.

День тянулся мучительно долго, да и ночь не принесла особого облегчения, а только мимолетный сон, от которого руки и ноги словно отяжелели, да и на душе было ненамного лучше. На следующее утро Висиния не смогла съесть скудный завтрак, ее тут же вырвало. Флорес обеспокоенно смотрела на нее, пока юная боярыня полоскала рот холодной водой.

— Тебе лучше снова лечь, — посоветовала она Висинии. — Все это определенно нехорошо для тебя… для вас, — заявила юная воительница многозначительно.

— Все это точно нехорошо для любого человека, благодарю, — ответила Висиния немного резче, чем намеревалась, хотя по существу не смогла бы возразить Флорес.

«Если я действительно беременна, то осажденный Турдуй в любом отношении самое последнее место, где я хотела бы проводить время», — подумала она, откинувшись на подушку и на минутку закрыв глаза.

Обреченные на бездействие, обе влахаки с нетерпением ждали новостей.

Наконец послышались трубы со стороны восточной стены, за ними последовали крики. Флорес глубоко вздохнула, да и Висинии эти звуки принесли некоторое облегчение, хоть они и означали, что на горизонте показался авангард наступающей армии.

— Ну, начинается, — мрачно констатировала Флорес, и ее лицо исказил гнев: — И мое единственное оружие — это ночной горшок и два деревянных канделябра!

В ярости она подошла к двери и заколотила по ней кулаками. Юный воин-масрид приоткрыл дверь.

— Приведи мне твоего господина, Тамара! — приказала Флорес решительным голосом.

— Мне приказали… — начал было солдат, но влахака перебила его:

— У нас есть информация, которая важна для обороны. Если принц не узнает о ней, то дело будет плохо.

Масрид в нерешительности смотрел то на Висинию, то на Флорес. Было видно, как в нем борются лояльность и страх. Поэтому Висиния одобрительно улыбнулась и кивнула. Не говоря больше ни слова, он захлопнул дверь, и женщины услышали удаляющиеся шаги.

— У нас есть информация, которая важна для обороны? — переспросила Висиния Флорес, высоко подняв брови.

— Им понадобится каждый меч, который они только могут получить. Возможно, принц не так уж умен, но, по крайней мере, он не такой сумасшедший, как его отец. Может, мы сможем все-таки поговорить с ним?

Висиния с сомнением посмотрела на юную воительницу, но ничего не сказала. Через какое-то время дверь открылась и в комнаты вошел Тамар. На его кожаных латах были нашиты металлические кольца, руки и ноги закрыты металлическими пластинками, На одном боку у него висела тяжелая секира с украшенной шапкой в форме грифа. «Гриф Бекезара», — подумала юная боярыня. Лицо Тамара было лишено какого-либо выражения, когда он входил, однако при виде Флорес в глазах загорелся темный огонек.

— Так вы обладаете информацией, полезной для нас?

— Нам нужно поговорить, — заявила Висиния, получив в ответ еще более мрачный взгляд.

— Так это просто хитрость, дешевый обман? — холодно спросил Тамар и хотел уже отвернуться, однако Флорес быстро сказала:

— Мы можем вам помочь.

Масрид застыл.

— Как?

— Мы можем бороться, — объяснила Флорес.

Однако Тамар лишь холодно рассмеялся в ответ.

— И сколько вас? Там, снаружи, перед воротами нашего города, стоят сотни, возможно, даже тысячи, а вы хотите нам помочь?

— Дополнительные полдесятка мечей лучше, чем ничего.

— Полдесятка вооруженных воинов, которым я не могу доверять, — это хуже, чем их отсутствие.

— Независимо от того, каков будет исход этой битвы, принц, — начала Висиния, — жизнь продолжается. Вы знаете так же хорошо, как и я, что марчег Ласцлар уничтожит ваш дом, если ему представится такая возможность.

— Мы будем защищать Турдуй! — горячо воскликнул масрид.

— Как долго? И даже если вам это удастся, это не означает, что ваши отряды смогут заставить отступить захватчика!

— А что вы предлагаете, Висиния сал Сарес? Чтобы мы побежали к вашей сестре, словно собачонки с поджатыми хвостами, и умоляли ее о помощи?

— Даже гончие псы знают, что объединение в стаю дает преимущество. Я предлагаю альянс. Мы пришли, чтобы обсудить заключение союза, и наше предложение до сих пор в силе.

— Но это бессмысленно! Зачем вашей сестре вмешиваться в эту борьбу? Ваши враги ослабляют друг друга!

— Потому что мы думаем о далеком будущем, принц. Потому что мы хотим мира. Потому что союз между вашим домом и моим даст преимущество нам всем. Ласцлару Сциласу нельзя доверять, что было подтверждено его предательством. Вы единственный союзник, который нам подходит, — объяснила Висиния.

Было видно, как масрид напряженно думает над ее словами, но влахака заметила, что она не смогла убедить его. «Увидь же единственно разумный путь», — мысленно молила она его.

— Мой отец — хозяин этого дома, и он решил иначе, — наконец ответил Тамар.

— Но его решение неправильное! Если вы будете удерживать нас в заложниках и дальше, если вы повернетесь против нас, тогда и Ионна будет бороться против вас. Она никогда не простит вам, если вы сделаете нам что-то плохое, — заявила Висиния.

«А еще она никогда не простит себе», — добавила она про себя.

— Вы мне угрожаете? Здесь и сейчас? — с нескрываемым удивлением спросил Тамар.

— Нет. Подумайте над этим, принц. Ваш дом никогда не выстоит против двух врагов, вы очень хорошо это знаете. Я предлагаю вам шанс, возможность выжить и победить!

С мрачным лицом масрид подошел ближе к влахакам. С рукой на рукояти секиры он склонился к ним и зашептал:

— Ваши обещания и клятвы пусты, госпожа Висиния. Вы же не видели армии там, снаружи. Скоро Сцилас атакует, и Турдуй падет еще до того, как солнце сядет. Его солдаты уже несут лестницы и молоты. Они несут тяжелое оружие. У меня слишком мало воинов, чтобы защитить стены, я уже молчу о трех остальных сторонах города. Есть союз или нет, но моя династия падет в горящих руинах своей резиденции.

Когда масрид снова выпрямился, гнев на его лице сменился беспомощностью, и ему понадобилось какое-то время, прежде чем он смог снова овладеть своими эмоциями. После этого он сказал хриплым голосом:

— Заключайте мир со своими богами или духами, что у вас там. Я сомневаюсь, что хоть кто-нибудь из нас доживет до следующего восхода солнца!

Он хотел уйти, но Флорес опять задержала его:

— Какой же вы упрямый глупец, Бекезар. Вы ставите ваш город и вашу страну на одну

ступень с проклятым городом.

— Что вы об этом знаете? — жестко перебил ее масрид, однако наемница ответила:

— Теремия пала при первой же атаке вашего народа, однако сейчас там снова царствует влахака. У моей семьи забрали Дабран, но сейчас там снова господствует мой брат. Ионна боролась, Стен боролся. Несмотря на все поражения, несмотря на все потери, мы победили. Вы же признаете себя побежденным еще до первого удара меча!

В ярости Тамар шагнул к Флорес с поднятым кулаком, но она не отшатнулась, а лишь воинственно сверкнула глазами.

— В вас чувствуется храбрый огонь. Используйте его, принц, — поспешно сказала Висиния.

На мгновение ей показалось, будто принц хочет ударить невысокую влахаку, однако затем он опустил руку и посмотрел на Висинию.

— Турдуй — город. Резиденция вашей семьи. Этот город уже не молодой, он стал большим и важным. Но он не сердце вашей страны.

— И где же я найду это сердце? — с издевкой переспросил Тамар.

Не отводя глаз, Висиния подошла к нему и положила ему руку на грудь.

— Здесь. И никак иначе.

— Там, снаружи, во всех тех, кто готов бороться за ваш дом. Ваша сила заключается не в толщине ваших стен или остроте меча. Она не заключается в каждом по отдельности, а только во всех сразу, кто следует за вами, — добавила Флорес.

После ее слов наступила полная тишина, все трое стояли и смотрели друг на друга. Казалось, прошла целая вечность. Все в Висинии кричало юному масриду: «Будь благоразумен! Прими мудрое решение!» Однако она молчала, пока Тамар не отошел и не нарушил ту хрупкую связь, возникшую между ними, сказав следующее:

— Вы учите меня предательству по отношению к своему отцу.

В нем еще жило сопротивление, но Висиния буквально чувствовала, как он колеблется.

— Я рассказываю о том, как сохранить ваш дом. Вы сами говорите, что Турдуй падет. Но ваша семья не должна погибнуть вместе с городом. Ваша страна не должна пасть вместе с городом. Ваш народ…

— Да, да, хорошо, — ответил Тамар и поднял руки в защитном жесте. — Мне нужно время, чтобы обдумать все это. И я ни в коем случае не собираюсь занимать трон своего отца до положенного времени!

— Никто не требует от вас этого, принц. Ваш отец признает мудрость этого подхода, когда в нем уляжется шок от нападения. Он — мудрый правитель. И не раз доказывал это, — заверила Висиния принца, даже если взгляд Гиулы, брошенный на нее в последний раз, заставлял ее сомневаться в собственных словах.

Кивнув, Тамар вышел за дверь. Однако, прежде чем он ее закрыл, Флорес попросила его:

— Вы можете разрешить нам поискать более удобное место, чем это, пока вы раздумываете? Очень хочется увидеть, что там происходит…

Немного подумав, масрид кивнул солдату перед дверью:

— Проводи влахаков на крышу. Им можно быть только там или в своих комнатах и нигде больше. Понятно?

— Да, господин, — ответил воин таким тоном, по которому сразу можно было понять, как мало порадовало его это поручение, однако больше он не сказал ни слова.

Пока они поднимались на крышу, Флорес прошептала:

— Ты думаешь, он правильно поступит?

Висиния неуверенно усмехнулась:

— Утопающий готов схватиться и за соломинку. Его сомнения были очевидны, не так ли?

— Конечно. Но при этом он показался мне довольно твердолобым. И лояльным по отношению к своему отцу.

— Будем надеяться, что он достаточно умен, чтобы увидеть смысл в нашем предложении.

— И не слишком горд, чтобы принять его. Будет ли Ионна чтить этот союз?

— Она будет соблюдать условия всех соглашений, которые я заключу здесь. Я до сих пор говорила только правду. Либо мы объединяемся с династией Бекезаров, либо ни с кем. И мы недостаточно сильны, чтобы противостоять объединенному востоку.

— Наши враги обессиливают друг друга, — напомнила ей Флорес.

— Объединенный восток был бы для нас большой опасностью, особенно потому, что никакие союзы не связывают нас с властителями. Мы… — начала было Висиния, но смолкла на полуслове, так как в это мгновение обе женщины добрались до плоского бруствера здания и бросили взгляд на залитые, солнцем поля перед воротами города.

Там, где еще вчера утром трудились крестьяне, собралось большое войско. Темные фигуры закрывали собою все поля, а сотни выставленных палаток вообще уходили за горизонт, и над каждой такой палаткой на теплом, мягком ветерке, который дул с запада, реял дракон дома Сциласа.

Влахаки молча рассматривали ополчение, окружавшее город с трех сторон и казавшееся, несмотря на оживленную деятельность внутри рядов, сгорбленным диким зверем, приготовившимся к прыжку.

На востоке между линиями лежала раненая лошадь, ноги которой еще медленно подергивались. Рядом с ней в пыли неподвижно лежал подстреленный всадник и валялось знамя с грифом Бекезара.

Висиния указала на убитого посланника.

— Сцилас не хочет вести переговоры.

Флорес молча кивнула, как вдруг зазвучали трубы и армия слаженно двинулась в сторону города. Воины ударили копьями по щитам, и тысячи глоток издали громкий воинственный крик.

«Начинается. — Слова Флорес вновь пронеслись в голове Висинии, когда она увидела, как армия пошла в наступление на город. — Как же их много! Да помогут нам духи!»

11

Глаза Керра никак не могли привыкнуть к темноте ночного леса, и поэтому ему приходилось больше полагаться на другие чувства. «Как же человек справляется с этим?» — удивленно спросил себя тролль, ведь Пард и Друан в своих рассказах постоянно утверждали, что органы чувств людей слабы и почти не развиты, совсем не так, как у троллей. Пард не раз говорил, что в темноте люди даже двумя руками не могут нащупать свой зад. Керр невольно усмехнулся. Однако вопреки всем россказням Стен хорошо справлялся один, даже если большие деревья почти полностью поглощали скудный свет ночного неба.

Снова и снова Керр поглядывал на кроны деревьев, которые на фоне темного неба были похожи на тени. Несколько продолговатых облаков собралось перед луной, отчего образовалось черное пятно с каемчатым серебристым краем. И хотя ветерка почти не было, а между деревьев еще стояла жара от дня, верхние листья крон трепетали на ветру. Отовсюду слышались шорохи и движения, это было иначе, чем на родине Керра. К тому же биение сердца земли здесь было очень слабым, как далекий тихий шорох — он скорее ощущался животом, чем слухом.

Несмотря на тепло, Керра уже в который раз пробрал озноб от этого непривычного окружения. Все же было не так холодно, как предупреждал Пард. В глубинах земли царило вечное тепло, но, вероятно, здесь, на поверхности бывало и очень холодно.

Втянув голову в плечи, Керр пошел дальше, внимательно следя за окружением. Он вздрагивал от каждого крика лесного зверя и резко оборачивался на каждое движение, замеченное краем глаза. Однако его беспокоил не только непривычный мир на поверхности земли. Время от времени он слышал позади себя тихие разговоры троллей, там рычание, тут

резкие споры. В воздухе чувствовалась ярость, ярость и страх. Необычность окружающего леса тяготила всех, не самым лучшим образом сказываясь на настроении маленького отряда троллей и способствуя лишь опасной раздраженности.

Рядом с Керром шел Пард, на первый взгляд казавшийся беспечным, однако юный тролль заметил, как тот периодически оглядывался через плечо, проверяя ситуацию. Буквально накануне ему пришлось вмешаться в гневный диалог, который чуть не привел к драке между двумя молодыми троллями. Пока было достаточно одного рычания Парда, чтобы утихомирить спорящих, но втайне Керр уже спрашивал себя, насколько долго продержится его авторитет. «Когда будут озвучены первые сомнения в его предводительстве?»

— Сколько еще осталось? — спросил Пард и сделал несколько больших шагов, чтобы догнать Стена.

— Две или три ночи до реки. Нам нужно будет перебраться через нее. Я надеюсь, мои люди обеспечат достаточное количество лодок.

— Чем скорее, тем лучше, — пробурчал Пард, и человек кивнул.

— Вы становитесь беспокойными, — прошептал он Парду и осторожно оглянулся.

В ответ Пард лишь молча кивнул. Какое-то время они молча шли рядом, затем Стен неожиданно повернулся к Керру.

— Ты уже бывал раньше на поверхности? Мне иногда трудно различать вас. Я не могу вспомнить тебя.

— Нет, не был. Я слишком юн. Некоторые тролли из племени оставались внизу и должны были ждать возвращения других.

— Это определенно было нелегко. Я, например, считаю, что нет ничего хуже, чем ждать, ничего не предпринимая, и не участвовать самому в битве.

— Он ненавидел это! — вмешался Пард и засмеялся. — Они все это ненавидели. Но иначе нельзя. Мы не могли всех взять с собой, но когда заметили, что воины карликов вышли на поверхность, то подумали, что в туннелях им будет безопаснее.

— Особенно когда была применена магия Альбус Сунаса, — вставил Стен. — Без влияния духа темноты вы по крайней мере можете распознать своих врагов, не так ли?

— Да. Проклятые ублюдки. Все вместе. Проклятые волшебники и проклятые карлики! Трусливые и подлые. Но мы им показали!..

— Что показали?

— Что мы тролли!

— А что, они не знали этого раньше? — спросил Стен, но затем рассмеялся, увидев, как мрачно на него смотрит Пард.

— Ну хорошо, — пошел человек на примирение и снова посерьезнел. — Вот мы ведем свои войны не для того, чтобы показать, кто мы. Или насколько мы сильны. Мы боремся за нашу свободу.

— Мы тоже, — возразил Керр. — Если бы карлики оставили нас в покое…

Он не мог разглядеть в темноте выражения лица Стена, однако почувствовал, что человек не верит ему.

— Мы живем глубоко под землей, но из преданий известно, что раньше мы были ближе к поверхности. Там, где сейчас карлики захватили пещеры и ходы. Не мы начали войну!

— Мне с трудом верится в ваше миролюбие, — медленно сказал Стен.

— Чего?! Миролюбие? Что за глупость?! — разгорячился Пард и презрительно сплюнул на землю. — Мы убиваем карликов, где только можем. И не воображай себе ничего другого!

— Такими я вас и знаю, — заявил Стен и ускорил шаг. Прежде чем Керр смог ответить, позади него раздался глухой удар, после чего один из троллей начал громко чертыхаться. Керр испуганно обернулся, однако это был лишь Зек, один из охотников, который споткнулся о поваленное дерево и дал волю языку, в то время как остальные тролли отпускали шуточки в его адрес. Когда Керр вновь повернулся к Стену, то нашел его стоящим

со скрещенными на груди руками между двумя огромными деревьями.

На какое-то мгновение юному троллю показалось, что тот слегка покачивает головой, в то время как Зек позади него поносил этот мир на чем свет стоит. Потом человек повернулся и исчез среди теней подлеска.

Пораженный до глубины души Керр смотрел на поток воды перед собой. Конечно, глубоко под землей тоже были озера и реки, но эта была шириною в несколько шагов и выглядела как бесконечный темный путь. На берегу вода текла медленно, однако уже к середине потока Керр заметил плавающие предметы, которые удивительно быстро несло вниз по реке.

— Мои люди скоро будут здесь, — сообщил Стен Парду, который, казалось, не был настолько впечатлен этой картиной.

Большой тролль лишь рыкнул в ответ и повернулся к Керру:

— Ты видишь вон те огоньки? Это город. Ну что, ты до сих пор считаешь, что Дабран большой?

Керр действительно увидел вниз по реке несколько маленьких огоньков далеко на другом берегу. Юный тролль молча кивнул и посмотрел на Парда.

— Вот погоди, увидишь этот, — засмеялся тот.

— А какова глубина реки?

— Ее глубина намного больше твоего роста, малыш. И течение очень сильное, оно хватает любого, словно обжора жирный кусок.

При упоминании опасного хищника пещерного мира Керр удивленно посмотрел на старшего тролля.

— Будьте осторожны в лодках, — начал объяснять Стен. — Если лодка перевернется, то все окажутся в большой опасности. Течение невероятно сильное, и бывает тяжело добраться до берега, даже если умеешь плавать.

— В последний раз мы плыли в город, — гордо сказал Пард Керру. — Никто не мог остановить нас, и мы сражались в замке и разбили всех.

Однако, заметив взгляд Стена, поспешил добавить:

— Конечно же, это была битва против плохих людей.

— Но сейчас нам не нужно плыть, правда? — нервно уточнил Керр и вопросительно посмотрел на Стена.

— Не нужно. Мы доберемся на лодках. Есть, конечно, еще паромы, но будет лучше, если мы воспользуемся баржами. Передвигаться будем, отталкиваясь палками. На наше счастье, уровень воды сейчас низкий.

— Низкий? — удивленно переспросил Керр.

— Да. Вот весной лед и снег в горах тают, а эта река, Маги, наполняется водой как раз из рек и ручьев, текущих из Соркат. Тогда можно увидеть реку в ее полной силе. Иногда случаются даже наводнения.

Керр снова перевел взгляд на воду — в ней отражалась луна, которая как раз выглянула среди облаков. Большая часть неба была закрыта облаками, а жара стала какой-то гнетущей и влажной. Тролли переносили это изменение довольно стойко, но Стен уже не раз упоминал, что чувствует приближение грозы. Керр еще не спрашивал, что это значит, но само слово уже звучало довольно неприятно. Сейчас, однако, он забыл обо всех своих вопросах, завороженно слушая шум реки.

— На лодке мы тоже плавали, — бодро продолжил Пард. — Из города, когда…

— Когда погиб Натиоле, — добавил Стен.

Керр удивленно посмотрел на человека, голос которого стал грустным.

— Натиоле?

— Друг. Он был убит во время бегства от солдат Цорпада. Один из множества убитых во время войны.

С этими словами человек отвернулся, показывая, что разговор закончен, хотя Керру

захотелось еще расспросить его о войне.

Другие тролли за это время удобно расположились на берегу, а некоторые, особенно смелые, даже зашли в темные воды, наслаждаясь прохладой и брызгая водой на оставшихся на берегу. Керр думал, что Пард накричит на них, но тот молча смотрел на возню, даже тогда, когда его самого окатили водой.

Не обращая внимания на сумятицу, Керр попытался рассмотреть далекие огоньки города, однако ничего конкретного не увидел. Выше по течению раздались крики, и вскоре в ночи вырисовались темные тени, беззвучно скользящие по глади реки. Это были четыре продолговатые баржи с низкими бортами. В движение их приводили десять человек, отталкивающихся от дна длинными палками. И хотя Керр еще никогда не видел лодок, он знал об этом средстве передвижения из рассказов Друана, который охотно рассказывал об изобретениях людей. Поэтому его удивление от больших тяжелых лодок, которые, тем не менее, легко держались на воде, было не так велико, как от самой реки. «У людей есть много странных и удивительных вещей. У карликов тоже, — промелькнуло у юного тролля в голове. — Они маленькие и слабые, но у них острое оружие, они живут в домах с толстыми стенами и могут передвигаться по глубокой воде, которую тролль не сможет перейти вброд».

Не обращая внимания на глазеющих троллей, Стен подошел к первой лодке и быстро обменялся несколькими словами с женщиной, стоявшей в носовой части. После этого он крикнул троллям:

— Пард, пусть твои люди садятся в лодки. Но осторожно, нельзя допустить того, чтобы они перевернулись! Садитесь посредине и ведите себя спокойно!

— Да, да, я знаю, как нужно, — проворчал Пард и отдал несколько приказов, которые заставили троллей пошевелиться.

Пока люди удерживали палками лодки возле берега, тролли один за другим залазили в них, сопровождаемые громкими советами, приказами и ругательствами Парда, а Стен бегал от лодки к лодке и смотрел, чтобы все было в порядке.

Под весом троллей баржи закачались так сильно, что Керр вздрагивал каждый раз, когда в лодку садился еще один из них. Когда наконец подошла его очередь, предпоследним перед Пардом, он нерешительно взялся за тонкую доску борта и осторожно стал на нее — и тут Пард дал ему крепкого пинка, от которого юный тролль со всего маху шлепнулся на дно баржи.

— Эй! Мы уже хотим отчаливать!

Керр вскочил и заскрежетал зубами, от его поспешного движения баржа сильно закачалась. Гнев Керра улетучился так же быстро, как и возник, потому что ему пришлось балансировать, чтобы устоять на ногах. Однако казалось, что каждое его движение только усиливает качку, пока Стен не прыгнул в лодку и не скомандовал Керру:

— Да сядь же! Все сидите спокойно!

Пока Керр кое-как уселся посреди лодки на дно, Пард взялся за борт, отчего лодка снова обрела равновесие. Керр облегченно вздохнул и мрачно посмотрел на Парда:

— Не нужно было толкать меня.

— Пожалуйста, — сухо ответил старший тролль и запрыгнул в лодку.

От этого она вновь неприятно закачалась, но Пард сел между троллями и усмехнулся Стену. Тот еще раз внимательно оглядел лодки, затем повернулся к другим людям:

— Все хорошо, мы отправляемся в путь.

Почти незаметно баржа отчалила от берега и поплыла на середину реки, где ее подхватило течение и понесло вниз. Люди стояли на носу и корме лодок и палками отталкивались от дна, аккуратно удерживая лодки посредине реки.

— Мы отчаливаем выше города, так как река понесет нас дальше сама. А пытаться переплыть ее напрямик нет смысла. Таким образом, мы будем понемногу направлять ход лодок к другому берегу и не тратить много сил, — объяснил Стен.

Плывя по реке, Керр испытал страх. Вода казалась черной и непрозрачной, с шумом билась о борт. Юный тролль почувствовал себя в какой-то мере отданным на милость водной

стихии, которая могла сделать с ними все, что захочет. Быстро оглянувшись по сторонам, Керр заметил, что и другие тролли чувствовали себя не в своей тарелке; даже Пард холодно ворчал в ответ на наставления Стена.

— Мы высадимся несколько выше города, западнее старых паромных стоянок! — прокричал один из людей сзади и указал на огни, которые медленно приближались.

Сначала лодки плыли посредине реки, а теперь довольно быстро начали отдаляться от нее. Люди запели песню и поплыли быстрее. Когда они начали выходить из стремнины, плавание стало неспокойным, баржи вновь неприятно закачались, отчего Керра замутило. Наконец перед ними возник низкий склон, поросший травой.

— Здесь повсюду есть тропы бурлаков, которые тянут канатами баржи вдоль берегов, — заявил Стен. — Как только мы найдем небольшую бухту, где нет течения, мы высадимся. Остаток пути будем бежать.

— Хорошо, — бросил в ответ Пард.

Вскоре люди сосредоточили все силы на том, чтобы пристать к берегу. Только сейчас Керр заметил, что он так сильно держался за планки, что его когти глубоко вошли в дерево. При высадке лодки снова закачались, однако в конце концов все тролли благополучно выбрались на твердую землю.

— Ты заметил, что биение сердца мира на речке не стало слабее? — спросила Грена, однако Керр покачал головой.

— Да он вообще ничего не заметил, — съязвил Врок.

— Придержи язык, мы должны еще сегодня успеть дойти до города! — прикрикнул на него Пард и повернулся к Стену: — Куда теперь?

— Мы будем идти рядом с речкой, она и выведет нас прямо в Теремию.

— А что с ними? — Пард кивнул в сторону баржи.

— Они потом отвезут их владельцам. Но ты не должен сейчас об этом думать. Просто следуй за мной, — сказал Стен и пошел по проторенной дорожке вдоль берега.

— Кто такие бурлаки? — спросил Керр, который чувствовал себя уже намного лучше.

— Мужчины и женщины, которые тащат баржи вверх по реке при помощи канатов. Это тяжелая работа. Вниз по течению баржи плывут сами по себе, а вот вверх их нужно тащить против течения.

— А зачем они не бегут просто так? Зачем они тащат за собой баржи? — подал голос и Врок.

— Так перевозят товары, — объяснил Стен.

Тролли непонимающе смотрели на него.

— Еду, например. Или дерево. Или металлы. Горшки, кувшины. Все, что нужно для жизни.

— Зачем?

— Как зачем? Потому что это лучше, чем нести их. Я не понимаю: о чем ты спрашиваешь?

— Зачем… зачем они носят свои вещи так далеко? И так много за один раз? Почему каждый не несет свою собственную еду?

— У каждого есть своя еда, но ведь ее нужно привозить откуда-то. В городе нет столько крестьян, чтобы они всех обеспечивали. Но есть еще ремесленники. И они обмениваются товарами.

— У меня просто все было бы с собой там, где я нахожусь, — выразил свое мнение Врок. — Для этого вообще не нужно будет никуда ходить!

— Ты еще не видел города, — пробурчал Пард. — Так много людей в одном месте не могут иметь все там, где они находятся!

— Точно. По крайней мере почти так. Существуют также другие вещи. Такие как, например, деньги. А некоторые вещи вообще просто есть только в некоторых местах. При помощи барж их можно привезти в город из всех селений, где протекает река. А при помощи телег развезти по всей стране. Что вы делаете, если у вас нет чего-нибудь из того, что нужно?

Врок озадаченно почесал в затылке.

— Тогда тролль достает это. Но что вообще может быть нужно? Еда, сон, троллы!

Его последние слова вызвали громкое улюлюканье, и только Стен не стал смеяться. Вместо этого человек серьезно посмотрел на тролля.

— Нам нужно больше, чем ты назвал.

— Да, ясно, вы же… — начал было Врок, но Стен прервал его:

— Мы же маленькие и слабые. Конечно. Нам нужно двигаться дальше.

И, не удостоив троллей больше и взглядом, он зашагал прочь. Керр смущенно посмотрел на Парда, но тот лишь пожал плечами и последовал за Стеном. Тролли медленно выстроились цепочкой за ними и побежали по запыленной тропинке.

Задолго до того, как горизонт озарился солнцем, Керр увидел, как между деревьями, немного в стороне от реки, показались огни города. Однако еще будучи вдали от города он уловил некоторые необычные звуки, на которые Пард отреагировал, презрительно бросив слово «всадники». Действительно, к ним приближалось несколько людей на лошадях. У них были факелы и доспехи. Стен остановился и ждал людей, Пард и Керр присоединились к нему.

Верхом на лошадях люди становились такого же роста, как и тролли. Их доспехи были сделаны из кожи и металла. Их было около десяти, и на некоторых из них были шлемы, а у одного — палка с большим куском материи, на котором была изображена черная птица. Всадник во главе группы был настолько мощным, что явно с трудом втиснулся в свои доспехи. «Если он погибнет, то им сможет насытиться много его товарищей», — подумал Керр. С любопытством он разглядывал всадников, которые мрачно смотрели в ответ.

— Боярин, — обратился толстяк к Стену. — Для ваших спутников подготовлено жилье. Крестьянский двор. Там есть погреб.

— Хорошо, — ответил Стен. — Будет лучше, если вы проводите нас туда. Что воевода? Когда мы сможем поговорить с ней?

— Следующей ночью вы и один тролль будете сопровождены к ней.

— Два тролля, — прорычал Пард.

— Что?

— Будет два тролля. Я и он, — уточнил Пард и показал на Керра.

— Воевода Ионна приказала нам…

Однако Стен перебил мужчину:

— Спросите ее еще раз, пока мы будем пережидать день. Скажите ей, что боярин из Дабрана просит ее принять на аудиенцию двух троллей.

— Ну хорошо. Я передам ей вашу просьбу.

С этими словами мужчина пришпорил лошадь и поскакал вперед по дороге, которая вела в сторону от реки. За ним последовали его всадники, а также Стен и тролли.

Краем глаза Керр заметил, как Стен качает головой.

— Что такое?

— Ничего. Не беспокойся. Просто мне не понравилась манера посланника.

— Его манера?

— Она была какая-то слишком властная. Слишком… я не знаю. Мы же не боролись десятилетиями, нет, столетиями, чтобы сбросить с себя одно ярмо только для того, чтобы другие лица смотрели на нас сверху вниз со спин лошадей?

— Я не понимаю этого, — признался Керр.

— Я, наверное, тоже, — ответил человек и снова покачал головой. — Но не важно. Главное, что у нас будет крыша над головой и завтра мы сможем поговорить с Ионной. Она не такая. Для нее главное — сами влахаки.

— Это хорошо, я думаю.

Человек посмотрел на тролля непонимающим взглядом, затем его лоб разгладился, и он засмеялся.

— Это действительно так. Посмотрим, как все пройдет. Поживем — увидим.

Наконец они добрались до нескольких домов, стоящих рядом и окруженных низкой стеной из камней, просто сложенных друг на друга. Предводитель всадников указал на самое большое здание и крикнул:

— В нем находится погреб. Людей на дворе нет. Княгиня разрешает вам взять из запасов столько, сколько вам понадобится.

— Спасибо, — крикнул в ответ Стен, но тот уже поскакал в ночь. «Люди иногда странно ведут себя друг с другом. Он даже не назвал своего имени или хотя бы титула».

— Итак, в подвал, солнце не будет ждать, пока вы доплететесь. А я с Керром посмотрю, что здесь за запасы.

— Посмотрите в хлеву, — посоветовал Стен, и Пард жадно потянул воздух.

— Я и так слышу запах вкусных животных, человек. Тебе даже не придется говорить об этом дважды! — пробурчал тот и, повернувшись к остальным троллям, крикнул: — Сегодня будет свежее мясо!

От этого заявления лица большинства троллей сразу просветлели. Вероятно, им, так же как и Керру, надоело вяленое мясо и странная еда людей.

— Как там Врок сказал? — заговорщицким голосом спросил Пард и ткнул Керра в бок. — Еда, сон и?…

— Ты действительно хочешь в человеческом доме?… — удивленно спросил Керр, когда они зашли в хлев, где тревожно фыркали животные.

— По крайней мере мы хорошо поедим сегодня ночью!

От запаха испуганных животных в темном хлеву у Керра потекли слюнки, и мысленно он согласился с Пардом. «Сегодня мы все насытимся. А завтра ночью отправимся на разговор с Ионной Стена. Может, после этого ситуация улучшится и вскоре мы сможем вернуться к себе под землю».

12

На левой башне ворот борьба шла полным ходом, когда Тамар ворвался туда через маленькую дверь и набросился на врагов с поднятой секирой. Его гвардия разделилась и также пошла в наступление на воинов, которые взобрались через бруствер. Тамар закрылся щитом от топора бородатого солдата и вогнал ему свою острую клювообразную секиру прямо в череп. У того сразу же подкосились ноги, и Тамар перепрыгнул через завалившееся на пол тело. Тут же на него налетела воительница с дубовым щитом, но потеряла равновесие и упала со стены спиной вниз. Ее испуганный крик оборвался очень резко, когда она упала на землю, но Тамар шел уже на следующего врага, прикрываясь от его ударов щитом, а увидев пробел в его защите, тут же воспользовался этим и ударил солдата секирой по ноге, а затем пнул под колено, чтобы вывести его из равновесия. Тут слева на него полетел клинок. Масрид отчаянно рванул назад и чудом избежал смертельного удара. Но прежде чем враг смог воспользоваться своим преимуществом, к ним подскочил Кевес и защитил Тамара, пока тот снова не встал на ноги.

— Тесните их назад! Сбрасывайте со стен! — прокричал принц, и, действительно, им удалось общими усилиями предотвратить прорыв врага и столкнуть обе длинные лестницы со стены.

Пока его люди затаскивали раненых в башню и проверяли, все ли враги мертвы, Тамар, тяжело дыша, облокотился о стену и бросил взор на огромное вражеское войско. «Сколько атак мы уже отразили? Десять? Двенадцать? И они снова наступают!»

Тут прямо перед ним пролетела стрела, и он поспешил назад в укрытие. Невольно он оглянулся назад на крепость Зварен, над которой гордо реял на ветру флаг с грифом. Он заметил на ней несколько лиц, но они были слишком далеко, чтобы можно было разобрать, кто это был. На какое-то мгновение ему показалось, что он видит развевающиеся на ветру рыжие волосы, однако потом посчитал, что это была лишь иллюзия. В мыслях он вернулся к

марчегу Гиуле. «Смотришь ли ты, отец, как твой город терпит поражение? Или сидишь в своем темном зале, в который не проникают ни солнце, ни реальность?»

Пот со лба ручьями бежал по лицу юного масрида, отчего тот зажмурился. Он устало отодвинул шлем назад и вытер ладонью лоб. На языке он почувствовал металлический привкус крови, что появилось у него еще после того, как он во время первой атаки получил локтем в лицо. Вздохнув, он отошел от стены, и сплюнул кровью на камни, и так уже залитые кровью, и посмотрел на своих воинов, которые шумели вокруг него. До сих пор им удавалось отбивать каждую атаку и удерживать стену. Но солнце еще высоко стояло в небе, и день будет еще долгим. Словно мощный зверь, армия марчега Ласцлара снова наваливалась на стены, нащупывая бреши в защите и создавая отвлекающие маневры только для того, чтобы ударить изо всех сил в другом месте.

— Вецет! — крикнул Кевес, и Тамар последовал взглядом за рукой сцарка, показывающего на северную стену.

Пока он еще оценивал ситуацию, один из воинов развернул на стене знамя марчега Сциласа с драконом. Раздался торжествующий крик из сотен глоток, когда они увидели дракона на стене. Тамар в ярости вновь закрыл забрало шлема, поднял секиру над головой и закричал:

— Ко мне! Ко мне! Разобьем дракона!

И, не дожидаясь реакции солдат, юный принц побежал вниз по лестнице со стены и вступил в бой.

Несмотря на зажатую меж зубов деревяшку, с губ Тамара сорвался стон, когда в рану медленно входило лезвие ножа. По его голой груди потекла теплая кровь, однако масрид почти не чувствовал ее. Все его мысли были сосредоточены на пылающей боли в плече, которая, казалось, хотела своим огнем отключить сознание Тамара. Обеспокоенные лица солдат медленно поплыли в тумане, а камни стен отдалились, и даже солнце превратилось в крошечную точку. Но затем он почувствовал воду, освежающую его обветренное напряженное лицо и обмывающую его горящее плечо. Прохлада убрала часть боли и спасла принца от обморока, который было стыдно показывать перед своими подданными. Он осторожно поднял здоровую руку и вынул изо рта деревяшку, на которой его муки выразились в отпечатках зубов.

— Мы удалили все осколки, господин, — заявил лекарь, лицо которого, несмотря на хорошую новость, оставалось озабоченным. — Выпейте коньяку, это уменьшит вашу боль.

— Спирт притупляет все ощущения и уменьшает не только боли, — возразил Тамар, хотя жжение в плече все больше усиливалось с каждым ударом сердца. — Мы не знаем, когда эти сволочи вернутся, так что зашивай и позаботься о других раненых.

Пока лекарь молча выполнял свою работу, Тамар мысленно отчитывал себя за легкомыслие, из-за которого он и получил стрелу в плечо. «По крайней мере, это было всего лишь плечо и не на две ладони ниже. Но Игнак все равно отругал бы меня как следует. "Щит надо держать высоко!" — он все время повторял это, а я опустил его».

— Остановитесь! Подождите! — неожиданно прозвучал голос, и Тамар увидел, как сквозь толпу солдат, которые отдыхали, воспользовавшись короткой паузой между сражениями, к ним пробирается священник солнца Саньяс. — Я очищу рану Святым светом.

Лекарь с сомнением посмотрел на Тамара, но тот лишь просто кивнул. Тогда священник быстро подошел к нему и опустился перед ним на колени. Его мягкие ладони, которые так редко держали оружие или орудие, нежно легли на его рану, после чего он закрыл глаза. Из-под его ладоней вырвался яркий свет. Однако вместо ожидаемого жара Тамар почувствовал лишь тепло, которое притушило пульсирующую боль. Затем неожиданно свет зажегся огнем, и Тамару пришлось изо всех сил стиснуть зубы, чтобы не закричать от боли. Он почувствовал тошнотворный запах горелой кожи и со странной безучастностью осознал, что это горело его плечо. Однако боль снова ушла так же быстро, как и появилась, оставив после себя лишь онемение, которое было настоящим

благословением после боли лечения.

— Спасибо, — слабо сказал Тамар и махнул целителю, чтобы тот продолжил работу.

Магия священника солнца способствовала также тому, что он почти не чувствовал иглы, которая снова и снова входила в его кожу. Не обращая больше внимания на сосредоточенно работающего лекаря, Тамар кивнул Кевесу, чтобы тот принес ему воды. Этой водой он прополоскал рот. Наконец лекарь закончил работу, и Тамар осмотрел рану. Кожа была красной и напухшей, но сама рана хорошо зашита тонким сухожилием.

— Одним шрамом больше, — сухо констатировал Тамар, вставая и пытаясь рассмеяться. — Наслаждайтесь отдыхом! Но оружие держите наготове. Я сомневаюсь, что марчег Сцилас пришел только для того, чтобы пробить в моей шкуре всего одну дырку!

Его шутка вызвала у изнуренных солдат усмешку. С помощью Кевеса юный масрид надел доспехи на плечо и пошел вдоль городской стены.

— Мне нужно крепко подвязать руку и к ней привязать щит.

— Вы не должны бороться дальше, вецет, рана…

— Я не брошу своих людей! — яростно перебил его Тамар. — Ты лучше достань ткань или веревку и помоги мне, вместо того чтобы давать хорошие советы, которые я не могу принять. И посмотри, как продвигается дело у мастеровых. Поторопи их, если потребуется.

— Да, вецет.

Тамар сердито посмотрел на сцарка, хотя и понимал, что лазутчик был прав. С раненым плечом он мало что сможет сделать. Ну и что? Тогда, по крайней мере, все быстро закончится!»

Однако прежде чем он смог продолжить эту мысль, по ту сторону стены раздались новые сигналы труб, за которыми последовали крики тревоги из города. «Ну что ж, — подумал Тамар и сцепил зубы, — продолжим!»

Солнце стояло уже низко на горизонте, но, очевидно, воины сциласа на сегодня еще недостаточно насражались. Тамар с нетерпением ждал, когда Кевес прибежит назад и поможет ему с доспехами. Длинными кожаными ремнями, которые сцарк достал в городе, они подвязали принцу руку перед грудью. Однако брать щит не было никакого смысла, так как рука оставалась неподвижной, а деревянный щит, обитый металлом, больше мешал масриду, чем помогал.

— Ты должен прикрыть меня слева, — приказал Тамар, когда ему стало ясно, что придется сражаться без щита.

Они вместе поднялись по ближайшему подъему на стену и осмотрелись.

На севере враги снова в большом количестве наступали с лестницами. На западной стороне, казалось, тоже шло наступление полным ходом, хотя им с восточной стороны мало что было видно. Но прямо под ними несли таран к главным воротам города. Прикрываемые лучниками, которые обстреливали градом стрел стены, и защищенные толстой деревянной крышей тарана, десяток вражеских солдат неумолимо толкали это чудовище к ним.

— Не подпускайте их, обстреливайте изо всех сил! — приказал Тамар. — Подготовьте масло! Сейчас же!

Однако непрерывный обстрел вынуждал не только его, но и многих солдат слишком часто прятаться за бойницы стен. Так что таран продолжал двигаться к воротам фактически без задержек. Когда наконец послышался первый глухой удар тараном в ворота, Тамар закричал:

— Масло! Сейчас!

Тяжело дыша, солдаты налегли на рычаги, отчего оба больших ковша перевернулись. Кипящее масло медленно потекло по предусмотренному для этого пути и разлилось ливнем над тараном.

Раздались ужасные крики, а от вони, которая поднялась до самого верха, у Тамара перехватило дыхание, но вражеские лучники все еще обстреливали стены, к тарану подбегали новые, отдохнувшие и целые солдаты, в то время как защитники могли только изредка высовываться из укрытия и стрелять в ответ. Так что принцу пришлось лишь

беспомощно услышать, как таран снова начал бить по воротам. От первого удара сотряслись не только ворота, но и стены вокруг них. Воины продолжали сбрасывать на противника камни и копья, но этого было слишком мало, чтобы навредить солдатам, работавшим под крепкой крышей тарана.

Затем раздался второй удар по воротам. В отчаянии Тамар осмотрелся вокруг в поисках спасения. Раздался новый удар, за которым на этот раз последовал громкий треск.

— Они пробиваются! — раздался крик, и юный масрид знал, что закричавший был прав.

«Нас слишком мало, чтобы удержать треснувшие ворота». Осознание этого было слишком горьким, но еще оставались вторые ворота, которые смогут сдержать атакующих. «Еще не все потеряно».

Но тут с севера до него донеслось ликование, и, когда Тамар посмотрел туда, у него все внутри сжалось. На обеих башнях северных ворот развевался дракон, и все больше и больше солдат перелазило через бойницы стен. Вначале юный воин хотел ринуться туда и разбить врага, но потом понял, что это бессмысленно'.

— Кевес! Давай сигнал к отступлению! — хрипло закричал он вместо этого, а затем приказал воинам, находившимся в непосредственной близости от него:

— В крепость! Назад в крепость!

Тут же вокруг него образовался хаос. Солдаты бросили свои позиции, а некоторые из них были близки к тому, чтобы удариться в панику.

— Мы прикрываем отход с северных ворот! — закричал Тамар, чтобы придать хоть какой-то смысл их отступлению. — Ко мне!

Некоторые побежали прочь, но все же большинство сгруппировались возле принца, и, пока трубачи трубили сигнал об отступлении, он повел их на север, чтобы дать возможность отступить оставшимся в живых от северного отряда. Однако очень скоро они сами столкнулись с выжившими. А за ними катилась толпа вражеских воинов, которые, крича, бежали по улицам и переулкам, сметая на своем пути все, что не могло убежать. Поэтому Тамару ничего больше не оставалось, как капитулировать и срочно вести своих воинов в крепость, где за ними с глухим ударом закрылись большие ворота.

Дорога наверх, на главную башню крепости показалась Тамару путем осужденного к месту казни под торжествующий рев врагов. Когда юный масрид вышел из тени лестницы на свет заходящего солнца, то увидел врагов, которые несли смерть и разрушение на улицы Турдуя. В нескольких местах колыхалось пламя пожаров, за каждым оставшимся в городе гонялась целая группа вражеских солдат, и очень скоро все знамена с грифами были сорваны и заменены знаменами с драконом. И куда бы он ни повернулся, перед ним везде представала та же самая картина разрушения и гибели. Все внутри него кричало против этого, он должен был убить своих врагов и защитить город, однако он знал, что сейчас это невозможно. Тем не менее дикие мысли и картины мести уже вырисовывались в его мозгу, в то время как он был вынужден бессильно наблюдать, как враги захватили сердце Сиревы, старую резиденцию его семьи, и теперь грабили его и опустошали. По крайней мере, хоть большая часть жителей находилась под защитой в крепости, которая на данный момент была еще надежно защищена от атак. В городе остались лишь отбившиеся от своих отрядов солдаты и неосмотрительные жители, которые надеялись на милость захватчиков. Но сам город был оставлен врагам Тамара беззащитным.

Кевес, должно быть, заметил гнев своего господина, так как сцарк смиренно наклонил голову и сказал:

— Вецет, ваш отец сидит в тронном зале и не отдает никаких распоряжений. Вы должны командовать нашими воинами.

Первым порывом на эти слова Тамар хотел накричать на сцарка и вылить на него всю свою ярость, но потом он смог все же овладеть собой.

— Отнесите раненых во внутренний двор. Каждый, кто еще может держать оружие, должен подняться на стены и башни. Я не думаю, что они решат сегодня еще раз атаковать,

но мы все равно должны быть готовы. Позаботься о том, чтобы у всех было достаточно еды и воды.

Кевес сразу же побежал вниз во двор, чтобы передать приказы. Только сейчас Тамар заметил, что на башне находились не только солдаты, но и обе влахаки. С вымученной улыбкой он иронически поклонился им. Однако вместо ожидаемых насмешек на лице Висинии сал Сарес появилось выражение неподдельной глубокой тревоги, в то время как Флорес с уважением кивнула.

— Вы храбро сражались, принц.

Неспособность хоть что-нибудь сделать и неожиданное затишье после целого дня сражений неожиданно тяжелым грузом легли на плечи Тамара, и он почувствовал изнеможение еще сильнее, чем до этого. На негнущихся ногах он подошел к влахакам и тихо сказал:

— Возможно, именно это и напишут на моей надгробной плите. Если меня, конечно, просто где-нибудь не зароют.

Едва Тамар проговорил эти слова, как ему тут же стало жаль, что он их произнес. Осторожный взгляд, брошенный по сторонам, подтвердил, что никто из охраны не слышал его.

— Это чудо, что вы вообще так долго смогли удерживать городские стены, — твердо продолжила Флорес.

От этих слов Тамару захотелось пробить ее лицемерный фасад, обратить свой гнев в язвительную издевку и оскорбить ее, но это не стоило его усилий. Возможно, причиной тому была сильная усталость, сковавшая не только тело, но и разум, отчего в ответ он смог лишь пожать плечами. «Что стоит победа над этой женщиной, если завтра мы все будем мертвы? Эта победа будет такой же пустой, как и ее похвала!»

— Принц, — обратилась к нему Висиния, оторвав его тем самым от мрачных мыслей. — Какие теперь у вас планы?

— Планы? — Тамар горько рассмеялся. — Мы будем бороться и удерживать крепость. Или бороться и умирать.

— Неужели нет другого решения? Никакого подземного туннеля для отступления, запасного порта или…

— Мой отец — властитель этой страны, и он принял решение! — грубо прервал ее Тамар.

— Ваш отец сидит где-то внизу и игнорирует битву!

— Ваша дерзость не делает вам чести, — парировал Тамар с горьким смехом, который тут же перешел в приступ кашля, от которого заболели раны.

— Вы ранены, — сухо констатировала Флорес.

— Подобное случается в битвах. Вам стоит как-нибудь попробовать это.

— Дайте мне меч, и я буду бороться на вашей стороне.

— Мой отец…

— Сидит внизу и молчит, — прервала его влахака. — А вам здесь, наверху скоро понадобится каждая пара рук, которая умеет управляться с мечом.

— Мы не будем просить о помощи!

— Да она предлагается вам по доброй воле, вы, упрямый дурак! — набросилась на него Флорес, но Висиния взглядом заставила ее замолчать.

Она положила свою руку на руку Тамара и настойчивым тоном сказала:

— Отдохните. Выпейте воды. Пока ваши враги в городе празднуют свою первую победу, у нас есть время. Обдумайте все еще раз!

Не удостоив влахак больше и взглядом, юный масрид развернулся и пошел назад, внутрь башни. Он больше не мог выносить ни их слов, ни вида сгорающего Турдуя. «А что, если они правы? — устало спросил он себя. — Возможно, мы должны попытаться спастись бегством? Нет, мы будем продолжать бороться за отца и никогда не сдадим город!»

Однако где-то глубоко в душе притаилась уверенность в том, что город был давно

потерян. В приступе ярости он ударил кулаком по твердой каменной стене. Он хотел закричать, но с губ не сорвалось ни одного звука. Противоречивые чувства сдавили ему горло и парализовали его как раз в это время, когда ему нужно было так много сделать, когда у него было так много задач. Он должен был позаботиться о своих людях, чтобы они не пришли в отчаяние за ближайшее время. Только он с большим трудом мог сейчас сконцентрироваться и ясно думать. «По крайней мере, в одном они правы: мне нужно отдохнуть».

Однако ночь принесла ему мало отдыха. Хотя его тело требовало отдыха, разум Тамара отказывал ему в этом. Возможно, виной тому были также и крики из темного города, по улицам которого двигались факелы, словно светлячки, и поджигали красным огнем дома. Тамар неподвижно стоял на башне ворот, сдавшись после безуспешных попыток заснуть. Прямо перед ним Турдуй умирал медленной мучительной смертью, и он запоминал все, что происходило. Перед его внутренним взором предстал город, каким он был несколько дней назад, однако глаза видели лишь огонь и разрушение. Очевидно, марчег Ласцлар предоставил своим воинам полную свободу действий, так как вместо того, чтобы нападать на крепость, армия мародерствовала, в то время как только небольшая ее часть обложила улицы и площади вокруг замка, перекрывая все пути к бегству для осажденных.

И больше, чем телесные раны, которые он получил в бою, юному принцу причиняла боль неспособность спасти свой город. Внешне он оставался собранным, чтобы его подданные не пали духом. Однако внутри у него кипели мрачные мысли и чувства.

— Вецет? — спросил Кевес, который неутомимо заботился о самочувствии Тамара и передавал его приказы.

— Что?

Сцарк осторожно подошел ближе и прошептал:

— Марчег, вецет. Солдаты уже начинают шептаться. Его отсутствие разбивает им сердце. Если он не покажется…

— Этой ночью боя уже не будет, Кевес. Подождем утра.

— Да, господин.

— Что с влахаками? Они еще…

— Госпожа Висиния вернулась в свои комнаты, а другая была еще наверху, когда я в последний раз поднимался на башню.

Тамар рассеянно кивнул. Слова влахак не выходили у него из головы. Хотя он больше не верил в то, что они были заодно с Ласцларом Сциласом, но он не был уверен, что может доверять им. А мысль сбежать и объединиться с солдатами на севере и западе не была лишена привлекательности. Вместе с оставшейся армией они могли выступить против Сциласа и еще победить в войне. Тамар резко развернулся.

— Я поговорю с отцом.

Хотя сама крепость и была освещена множеством факелов, Тамару пришлось пробираться по хорошо знакомым коридорам в полной темноте. Зал был тоже погружен в темноту, и только две свечи горели справа и слева от трона. Как и с самого начала осады, Гиула Бекезар сидел, осунувшись, на своем троне и отсутствующим взглядом смотрел перед собой. Роскошные меха, в которые он был одет, казались слишком большими для него, как будто он был ребенком, на которого надели одежду взрослого. «Мысленно он уже давно сдал город и крепость, — понял Тамар. — Воины Сциласа победили его еще до того, как начался первый бой!»

Тем не менее он склонил перед правителем страны голову и сказал:

— Отец, твои воины нуждаются в тебе.

Гиула вздрогнул и посмотрел на него так, словно проснулся от долгого сна.

— Для чего?

— Они должны увидеть тебя, отец. Они должны увидеть, что ты в них веришь. Только так они могут продолжать сражаться!

— Я не хочу видеть город. Не хочу видеть его осквернённым этими собаками.

Тон отца насторожил Тамара. Под подавленностью юный масрид почувствовал огонь, который еще горел в марчеге.

— И все же тебе придется посмотреть на него. Чтобы сохранить его таким в своей памяти. Когда Сцилас будет стоять перед тобой на коленях…

Громкий безрадостный смех прервал Тамара.

— На коленях передо мной! Шутить изволишь, сын мой.

— Нет. Еще не все потеряно. Мы можем воспользоваться туннелем или…

— Бегство? Это то, что тебе посоветовали эти две влахакские змеи? Их слова — чистый яд!

— Тогда позволь нам драться, отец! — Тамар почти закричал. — Позволь нам удержать крепость, пока не подойдут наши солдаты! Если ты прикажешь, то твои воины будут защищать крепость до последнего! Если ты только прикажешь!

Явно пораженный выпадом сына, Гиула нерешительно посмотрел на свечи. В большом темном зале Тамар стоял, дрожа от гнева, отчаяния и усталости. Беспокойное пламя маленьких огоньков свечей бросало на стены пляшущие тени. Наконец Гиула кивнул.

— Сообщи моему оружейнику. Пусть подготовит мои доспехи и оружие.

Склонившись в глубоком поклоне, Тамар развернулся и оставил отца. Несмотря на хорошее известие, он не чувствовал облегчения, даже если его отец наконец решил покончить с мрачными раздумьями и снова возглавить своих подданных. Тамар все еще слышал приглушенный шум из города, бесконечные крики из глоток, которые уже завтра рано утром будут кричать во время атаки на крепость. «Но по крайней мере марчег даст своим людям веру. Возможно, уже этого будет достаточно для того, чтобы удержать крепость. Возможно, случится чудо, и подмога придет раньше, чем мы думаем. Война — это такая нерешительная госпожа, а надежда всегда умирает последней, как часто говорят эти немытые влахаки». Теперь на его губах появилась улыбка, и он неосознанно ускорил шаг.

— Кевес! Позаботься о том, чтобы подготовили доспехи марчега! Мы еще нагоним страху на этих вонючих ублюдков!

13

Погреб был действительно настолько темным, что тролли не впали в свое коматозное оцепенение. Тем не менее большинство из них все же улеглись поспать. Стен тоже почувствовал усталость, которая, словно туман, обволакивала его голову. «Как быстро можно снова привыкнуть спать днем, — подумал юный влахак и подавил зевок. — Сейчас я снова хожу с троллями, хотя думал, что больше никогда их не увижу. Иногда жизнь делает непредсказуемые повороты».

Воздух в подвале был влажным и прохладным, очень приятным после жары снаружи. Пахло землей, троллями и кровью. В углу лежали туши двух коров, которым Пард без труда свернул шеи, прежде чем спустить в погреб. Так как Стен уже привык к диким обычаям поглощения пищи троллей, ему не мешали шумная разделка и трапеза. И все-таки у Парда хватало деликатности, чтобы не оставлять где попало разделанных животных.

— Мы пойдем в город, когда стемнеет? — неожиданно спросил Керр, вырвав его тем самым из полудремы.

— Да, мы пойдем в Теремию, в крепость Ремис. Там мы встретимся с Ионной. Она предводительница моего народа. Точно так же как Пард ваш предводитель.

— Друан рассказывал мне о городе. Ваши пещеры там еще больше, чем на твоей родине, правда? И там есть еще люди?

Стен не смог удержать улыбку.

— Да, немного больше. Сейчас город почти лопается по швам, потому что там много беженцев, пришедших с востока.

— Других людей? — с любопытством уточнил Керр.

— В основном других влахаков.

— То есть у людей есть влахаки и другие влахаки?

Стен с интересом посмотрел на юного тролля. «Интересно, сколько ему лет? — спросил он себя. — Буду я со своими двадцатью пятью зимами по годам троллей молодым для него или старым?»

— Сколько тебе лет? — решил все-таки спросить он.

Керр так широко раскрыл глаза, как будто это был совершенно удивительный вопрос.

— Много, много дреег, — ответил он.

— А сколько это в годах?

— А сколько это — год?

Вздохнув, Стен понял, что так они не придут к пониманию.

— А сколько Парду? — спросил тогда он.

— О, он прочувствовал гораздо больше дреег, чем я. Как Друан.

При упоминании последнего грубые черты тролля омрачила грусть.

— Ты хочешь еще что-то узнать о людях? — спросил Стен, чтобы отвлечь собеседника от грустных мыслей.

— А эти другие — ваши враги?

— Нет. Наших врагов называют масридами. И сцарками. Много лет назад они напали на нашу землю. С тех пор мы боремся с ними.

— А почему люди борются друг против друга? — невинным голосом спросил Керр. — А разве вам не стоит бороться против своих врагов вместе?

— Что происходит, если вы, тролли, спорите о владениях? Или о земле?

— О земле? Как можно из-за нее спорить?

— А чем вы владеете?

— Мы носим с собой то, что нам нужно. Если это нужно другому, мы отдаем это ему, — серьезно объяснил Керр. — Если оба хотят это, тогда возникает спор. Может, даже и драка. Но никогда до смерти. Более сильный побеждает, и тогда оспариваемое переходит к нему. И самый сильный тролль возглавляет нас.

— Ваши раны быстро заживают. Поэтому борьба, возможно, для вас не так опасна. Но у вас никогда не борется сразу несколько троллей друг с другом? Никто не убивает?

— Ни один тролль не убивал другого тролля. Пока не пришла Анда. А почему боретесь вы, люди? Друан рассказывал мне, что собираются сразу много, много людей и борются друг против друга и против карликов и троллей.

Хотя Стен и сам не раз над этим думал, все равно он не пришел к удовлетворительному выводу. Большую часть своей жизни он провел в борьбе против угнетателей, что казалось ему совершенно естественным. Кто-то должен был защищать простых людей, которые не могли обороняться сами.

— У нас есть такая поговорка… — начал Стен, но, увидев вопросительное выражение лица Керра, объяснил: — Мудрость, которую знает каждый. Так вот, есть такая поговорка: никто не может благополучно жить в мире, если это не нравится его соседу. Вы ведь боретесь против карликов, не так ли?

— Да, уже очень давно.

— Для нас масриды — это как для вас карлики. Но дело не только в этом. Раньше также и влахаки боролись друг против друга, один род против другого. А потом пришел Раду и объединил их.

— Вас так много, но ваша земля тоже очень большая. До самого неба, — сказал тролль. — Для вас и так должно быть много места.

— Возможно, война у нас в крови, — предположил Стен, нахмурив лоб. — На этой земле больше войны, чем мира. Но и по другую сторону Соркат тоже. Дирийцы захватили много земель. Когда-то они властвовали и над Влахкисом, пока мы их не прогнали.

Тролль явно понял не все, но все равно кивнул.

— Ваш народ сильный. Он противостоит своим врагам, — констатировал Керр и

усмехнулся. — Это хорошо.

— Иногда мне хочется, чтобы этого было меньше, — пробормотал влахак, однако, когда Керр недоуменно посмотрел на него, отмахнулся: — По крайней мере мы вернули себе свободу. Во всяком случае, здесь, на западе. Некоторые хотели продолжать войну, но я думаю, что мы уже достаточно долго боролись. Мне хотелось бы растить детей, которые не знали бы, что такое война.

— Но тогда они вырастут плохими воинами, — удивленно возразил Керр. — А плохие воины не могут бороться и выстоять против своих врагов.

— Возможно, ты прав. Несмотря на это, я желал бы моим детям, чтобы они выросли в более мирной обстановке, чем я. Чтобы они знали своих родителей… Потому что я не знаю, — признался Стен. — Это непросто — управлять народом. Я не завидую Ионне.

Керр оглянулся по сторонам, после чего прошептал:

— А я — Парду. Сейчас плохие времена, и я не знаю, что нам делать. А Пард, казалось, всегда знал, что правильно.

«Или же он просто показывает это вам, чтобы сохранить вашу надежду выжить, — подумал про себя Стен. — Друан был хитрый, а вот Пард думает больше мышцами, чем мозгами. Только, к сожалению, здесь нужно нечто большее, чем только физическая сила. Собственно, сейчас вам нужен такой тролль, как Друан, больше, чем когда бы то ни было».

— Мы найдем выход, — уверил его Стен, несмотря на то что он и сам был в этом не уверен.

— То, что делает Анда, — неправильно. Это огорчает невероятно, и это против природы, — объяснил юный тролль с такой серьезностью, от которой у Стена даже похолодело внутри. — Так дальше не может продолжаться.

С этими словами Керр развернулся и облокотился на стену. Позади него Стен увидел Парда, который также серьезно смотрел на него. «Это была почти философия. Значит, троллям все-таки важно не только собственное выживание, но и что-то еще».

Любопытство Керра напомнило ему Роха. «Надеюсь, его ждет не такая судьба, как у однорогого тролля», — подумал Стен, с содроганием вспомнив об ужасной смерти Роха в лесу от когтей зраикаса. Эти большие существа были равными по силе противниками для троллей, и Рох не пережил этой встречи.

Эти и другие мысли еще долго не давали уснуть молодому воину, даже если его тело и очень нуждалось в отдыхе. Но в конце концов Стен погрузился в беспокойный сон, который был наполнен смутными снами, нагоняющими страх.

Громкий крик разбудил Стена. Кто-то прокричал его имя, но прошло несколько мгновений, пока воин снова осознал, где он был. Во рту у него пересохло, а на языке был неприятный привкус. Тело горело, и Стен почувствовал на коже пот, который он не смывал вот уже несколько дней. Вокруг него задвигались тролли, которые с любопытством выглядывали в дверной проем. Некоторые продолжали просто спать, но Пард и Керр вопросительно смотрели на Стена. Однако тот лишь покачал головой. Потирая глаза рукой, он взбежал по лестнице и осторожно поднял подъемную дверь. В доме царили сумерки. Окна и двери были закрыты, и только несколько лучей света проникали внутрь.

Тут голос снова позвал Стена. На этот раз мелодичное звучание разворошило воспоминания, но, прежде чем влахак уверился в безопасности, дверь распахнулась и человек в доспехах вырисовался темным силуэтом на фоне яркого солнечного света. Удивленный Стен потянулся к оружию, а из погреба донеслись громкие ругательства, за которыми последовал крик: «Уберите этот проклятый свет!»

Когда Стен заметил, что человек не приближается, он засунул назад в ножны наполовину вытянутый кинжал и толкнул подъемную дверь, отчего та упала на пол.

— Да? — осторожно спросил он, не выпуская рукоять длинного кинжала.

Однако вооруженный человек не ответил, а лишь сделал шаг назад. И тут же в дверь вошел маленький человек важного вида. Стен заморгал, не веря своим глазам, но, когда

рыжеволосый человек подошел ближе, влахак тут же узнал его.

— Сарган! — радостно вскрикнул он и подошел к дирийцу, который улыбнулся и кивнул.

И прежде чем Сарган успел что-нибудь сказать, Стен подскочил и обнял его.

— Приветствую тебя, Стен сал Дабран. Ты снова путешествуешь с троллями, как я слышал, а теперь еще могу подтвердить по запаху?

Стен не смог сдержать ухмылки.

— Да, мне следовало вчера искупаться в речке, но ты же знаешь: когда сам чист, то запах остальных кажется еще сильнее.

Он отошел на шаг назад и осмотрел дирийца, который был одет в дорогую одежду с золотой вышивкой.

— Ты хорошо выглядишь. Боже мой, твоя одежда, должно быть, стоит целое состояние. Или золота в империи действительно так много, что оно есть у каждого и его нашивают на одежду?

— Нет, на моей родине это одеяние также очень дорого стоит, — ответил Сарган и скромно опустил глаза. — Но оно не совсем принадлежит мне, а скорее императору. Это знак моего статуса посланника.

— Ты? Посланник?

На этот раз уже Стен не смог удержаться от громкого смеха, от которого на лице Саргана появилось кислое выражение.

— Прости, — извинился Стен, но снова с усмешкой покачал головой. — Расскажи мне, как так получилось.

Он внимательно слушал рассказ дирийца. К жителям Влахкиса довольно редко приходили новости с той стороны Соркат, из Дирийской империи. Богатство, сила и высокомерие империи стали легендарными, а ее изобретения и предметы искусства — объектом всеобщего восхищения. Начиная с их первой встречи Стен все время расспрашивал Саргана о его родине, даже если тогда из-за борьбы с Цорпадом у него было много других дел. И маленький дириец слишком охотно рассказывал об империи и погружался в приятные воспоминания о больших городах с золотыми куполами. Между тем Стен знал, что эти речи, как и некоторые другие, были порождены холодным расчетом бывшего шпиона. Однако влахаки были очень обязаны дирийцу за его роль в борьбе против Цорпада и прежде всего в последней отчаянной битве. «Без его смелого вмешательства моя атака, скорее всего, потерпела бы крах и Цорпад уничтожил бы и нас, и троллей».

— Так меня против моего же желания повысили до чина посланника. Так что теперь кроме этого тяжелого одеяния на моих плечах лежит тяжелый груз ответственности.

— И порядочная сумма денег отягощает твой кошелек, как я понимаю? Как поживают твои жены и дети?

— Очень хорошо. Они были очень рады снова видеть меня. Причем настолько сильно, что скоро я опять стану отцом. И это правда, что благодаря этой должности я теперь обладаю большим влиянием и имею больший доход. Может быть, скоро я смогу позволить себе четвертую жену, — сообщил Сарган и заговорщически подмигнул Стену.

— Тогда тебе придется еще больше времени проводить в путешествиях, — пошутил влахак, и Сарган согласно кивнул.

— Хотя, должен признаться тебе, такой вид путешествий наряду с приятными моментами имеет также и свои недостатки. Всегда приходится быть в центре внимания и никогда нельзя так просто освободиться от своих обязанностей.

— Если учесть, что раньше ты избегал любого внимания к своей особе, то это, наверное, и правда неприятно.

— Думаю, что после выполнения своей миссии я откажусь от должности. Мне больше по душе другая работа.

— Что здесь происходит? — прогремел Пард из погреба. — И чем это так противно воняет?

— Это изысканная розовая вода, смешанная с самыми дорогими эссенциями бергамота и мускуса, ты, невежда, — крикнул Сарган в ответ и приподнял брови. — Он совсем не изменился?

— Нет, все тот же наш старый знакомый.

— Друан с ними? И эта тролла, которую я все время считал троллем? Анда?

— Нет. Друан мертв, его убила Анда. А другие тролли в бегах.

— Это полукарлик? — задал вдруг вопрос Пард.

— Я не полукарлик.

— Это полукарлик! — торжествующе прокричал большой тролль, низкий голос которого доносился из погреба.

— Ничего подобного, — сказал Сарган со вздохом. — От чего они бегут? От карликов?

Заинтересованность в голосе Саргана сразу же насторожила Стена. И все же он ответил:

— Нет, от себе подобных. Что-то произошло с Андой, и она охотится на всех троллей, которые не хотят присоединяться.

— Это странные новости. А как давно это происходит?

— Этого я не могу тебе сказать. Тролли измеряют время не так, как мы. День и ночь для них там, под землей, не имеет особого значения, — объяснил Стен.

Сарган задумчиво смотрел мимо него на подъемную дверь.

— Я приехал сюда, так как маленький народец прекратил торговлю с империей. Теперь я узнаю, что здесь происходит то же самое и тролли вышли из глубин на поверхность.

— Ты считаешь, что между ними есть какая-то связь? — спросил Стен.

— Очень возможно. Дыма без огня не бывает. В любом случае будет полезно разобраться в сути этих интересных новостей. Что ты собираешься делать?

— Посмотрим, смогу ли я помочь троллям. Друан верил, что решение их проблем лежит на поверхности. Я… — начал было объяснять Стен, но потом увидел усмешку на лице дирийца испросил: — Что такое?

— Я думал, что ты сиднем сидишь в Дабране и наслаждаешься своей новой жизнью супруга и правителя. Первый брак всегда лучший, поверь мне. А ты, оказывается, все тот же старый Стен: грязный, в дороге с кучей троллей и хлопот. Между прочим, я недавно встречал твою жену здесь, в Теремии. Она уже сбежала от тебя?

— Очень смешно. Висиния в дороге по поручению Ионны. И она еще ничего не знает о троллях. Собственно говоря, эта поездка — защита своей страны: кто же захочет, чтобы почти два десятка троллей бегали без присмотра по его земле?

— Кстати, в империи новость о том, что тролли действительно существуют, вызвала некоторое волнение. Я назвал трактат «Рох, тролль», так как этот малыш так радовался письму. Но, по мнению большинства, раса людоедов в Ардолии не очень важна, — пошутил Сарган.

— Главное, чтобы империя не решила, что ей нужна еще одна провинция.

— Нет, насколько я знаю, грядет морская война на Ларгском море. Император объявил, что нужно раз и навсегда покончить с пиратством. В принципе, это и есть причина моего приезда. Нашему флоту нужно много дерева. Ты видишь, у нас есть другие заботы помимо того, чтобы отвоевывать строптивую бывшую провинцию.

— Это несказанно успокаивает. Как долго ты здесь пробудешь?

— Ровно столько, сколько моим помощникам потребуется для обсуждения и заключения соглашений.

— Сегодня вечером я, Пард и еще один тролль отправляемся в Теремию на аудиенцию к Ионне.

— Это хорошо. Хотя должен предупредить тебя: мне нечасто удается отойти от протокола. Я был бы глупцом, если бы не был осторожным, так как в моей команде наверняка есть шпион.

— Шпион? — пораженно переспросил Стен. — Что за шпион?

— Политика, дорогой Стен. Так как с одной частью Золотого Триумвирата я нахожусь в более хороших отношениях, чем с другой, то за моим подъемом наблюдают очень внимательно. Открыто нападать на сильного чиновника сложно и не принято. Но если со своими обязанностями не справится даже слуга или воспитанник, то позор падает, естественно, и на его господина.

— Твоя родина полна чудес. Как вообще такой триумвират может успешно работать?

— О, это совсем просто, — ответил Сарган, подошел ближе к влахаку и прошептал ему на ухо: — Император, мой друг, фактически стал не более чем рупором триумвирата. Молодой глупый мальчишка, который позволяет задобрить себя праздниками, состязаниями на колесницах и периодическими кровавыми казнями. Настоящая власть находится в руках чиновников самого высокого ранга. Сообща они добились того, что постепенно сделали из императора послушную куклу. Они даже поклялись действовать взаимовыгодно. Но когда ты получаешь такую большую власть, то тебе хочется еще больше власти. Внешне фасад не имеет трещин, и каждый выскочка чувствует на себе гнев сразу троих; однако внутри их союза ведется медленная, но, тем не менее, смертельная война. Поговаривают даже, что каждый из этой троицы сам хочет завладеть Золотым троном и стать императором.

Стен в большом удивлении смотрел на дирийца, вид которого был как никогда серьезным.

— И ты служишь одному из этой троицы сильнейших?

— Я служу всем троим, но только один из них продвинул меня на эту должность. И теперь моя судьба связана с его судьбой. Но, — Сарган с лукавым видом посмотрел на Стена, — ты этого ничего не знаешь, по крайней мере не от меня. Невозможно даже представить, что будет, если кто-нибудь на моей родине узнает об этом.

— Я буду молчать, — серьезно пообещал Стен, но Сарган лишь усмехнулся.

— Хорошо. Кроме того, все равно никто не поверит провинциалу из Ардолии!

— Наша страна называется Влахкисом, мой друг, никакая это больше не Ардолия. Масриды больше не управляют нами и не принуждают называть нашу страну именем, которое они ей придумали. Так что я провинциал из Влахкиса, — возразил воин.

Рыжеволосый посланник, все еще усмехаясь, кивнул:

— Убедил.

— Хочешь поприветствовать троллей?

— Если Пард собирается прийти сегодня ночью в город, мне этого и так будет достаточно. Передавай ему от меня привет. Но спуститься туда, в эту вонь? Лучше не надо. Я передаю это почетное право одному хорошо известному нам влахакскому дворянину.

Дириец еще раз согнулся в поклоне, а Стен на прощанье похлопал его по плечу.

— Доброго пути тебе, Сарган.

— И тебе доброго пути.

14

Вид горящего города вызвал у Флорес неприятные воспоминания о Теремии. Там тоже враги поджигали дома, только тогда это были влахаки, которых преследовали и выгоняли ненавистные масриды. Неосознанно воительница положила руку на бедро, как раз туда, где она в большой битве получила ранение топором. Рана давно зажила, но оставшийся рубец напоминал ей о безумии той ночной битвы, которая так неожиданно была освещена магическим светом, который зажег Альбус Сунас. И только когда Стен смог нарушить ритуал священников культа бога Солнца, свет погас, тролли очнулись от оцепенения и продолжили борьбу на стороне влахаков. «На этот раз нам не помогут никакие тролли. Как только солнце встанет, начнется наступление. Это точно».

Горизонт на востоке уже немного посветлел, что свидетельствовало о приближении рассвета. Пока это была узкая красная полоска, но уже скоро темное небо озарят лучи солнца. «Время меча».

— Ты совсем не спала? — неожиданно раздался голос Висинии совсем рядом.

Рыжеволосая подруга Флорес вышла с накинутым на плечи платком, но было видно, что она все равно мерзнет. И правда, в ранние утренние часы стало прохладно; направление ветра поменялось, и теперь он приносил с собой холодный воздух Северных Соркат.

— Нет.

— О чем ты думаешь?

Висиния пристально посмотрела на юную воительницу, так, словно хотела прочитать ответ на ее лице.

— Я думаю о том, как мало времени у нас осталось.

— Как ты думаешь, можно ли удержать крепость?

— С достаточным количеством солдат, обеспеченных и вооруженных, — точно можно. А вот с кучкой солдат, которые уже потеряли веру в это?… Нет.

Юная воительница глубоко вздохнула.

— Когда я этому дураку, прости, этому принцу вчера сказала, что они хорошо боролись, это не было ложью.

— Что это ты неожиданно раскрыла свое сердце для масридского дворянства? — съязвила Висиния.

— Еще чего! Этот глупец не стал хорошим человеком только оттого, что он владеет оружием. Хотя он парень хоть куда. Он ведет своих людей в бой совсем не так, как это делают некоторые самозваные военачальники.

— Говорят, что название титула марчег происходит от слова форейтор. То есть всадник, который скачет впереди своих отрядов.

— Воины доверяют ему, поэтому следуют за ним. Это хорошо было видно вчера. Остается только то, что в остальном он надменный, не особенно умный, но зато хвастливый ублюдок. Он… — начала было Флорес, но увидела улыбку на губах Висинии и наморщила лоб. — Что здесь смешного?

— Ничего, — сказала боярыня. — Просто мы вообще-то говорим о том, как долго Бекезары смогут удерживать крепость.

Флорес подозрительно покосилась на невестку, однако та и бровью не повела. Тогда наемница продолжила:

— Город вообще должен был пасть еще во время первого штурма. Ласцлар Сцилас был настолько уверен в победе, что даже не стал вести переговоры о сдаче города. Тем не менее Тамару удалось продержаться почти целый день. Крепость удержать легче, чем город. Стены здесь толще и выше, нужно меньше солдат. Но врагов слишком много. Если Тамар еще раз сможет так воодушевить своих воинов, как он это сделал вчера, то, возможно, они продержатся еще один день, может, даже дольше, но этого будет недостаточно, чтобы дождаться подкрепления.

— Наши шансы выжить тают, как снег на солнце, — сказала Висиния. — И мне не кажется, что Гиула захочет изменить свои планы. А это значит, что мы приближаемся к катастрофе.

— Собственно, у нас есть два выхода: мы попытаемся убежать или сдадимся в плен в надежде, что Ласцлар Сцилас захочет вести переговоры с Ионной.

— Это большой риск. Мы должны быть уверены, что его солдаты примут нашу капитуляцию. И что Сцилас не замыслил войны с нами, влахаками.

Флорес задумчиво кивнула. И указала вниз, во внутренний двор замка.

— Однако бегство также ненамного лучше. Если замок будет взят, останется мало путей, по которым можно будет выбраться. Возможно, даже слишком мало. Такое впечатление, что Сцилас совсем не ограничивает своих солдат, когда речь идет о мародерстве. Это опасно.

Обе женщины посмотрели на Турдуй, который лежал перед ними, словно раненный в живот зверь. Тут до них донесся одинокий мучительный крик, исполненный такого страдания и боли, что Флорес прошиб холодный пот.

— Как бы мне хотелось, чтобы у меня был хотя бы меч, — охрипшим от волнения голосом пробормотала она.

— Один меч против целой армии? Я боюсь, ты все же сильно переоцениваешь свои силы!

И, несмотря на бессильную ярость при виде враждебной армии, Флорес рассмеялась вслед за Висинией. «Что нам остается, кроме горького юмора?»

Тем временем горизонт на востоке посветлел еще больше, и первые лучи солнца осветили те немногие облака, которые нес к ним ветер. Город постепенно вышел из темноты, застыл в неопределенном сером полусвете начинающегося дня. У Флорес от этого полумрака создалось впечатление, будто день еще не решил, что принесет: хорошее или плохое. Но затем солнце встало над миром, и его свет окрасил облака мрачным кровавым красным цветом. «Выглядит так, словно решение уже принято. Как говорят бурлаки в таких случаях? Красное солнце утром приносит морякам лишь заботы».

С солнечным светом появились солдаты марчега Ласцлара, которые, несмотря на ночное мародерство в городе, выстроились по улицам и переулкам, прилегающим к замку, с впечатляющей точностью. В их направлении летели единичные стрелы, но не достигали цели. В первых рядах стояли щитоносцы, за ними копьеносцы. Солнце осветило красочно разрисованные щиты и засверкало на шлемах и наконечниках копий. Знамена и вымпелы затрепетали на северном ветру. Одна группа всадников выставила вперед свои длинные копья, на острия которых было насажено что-то такое, что невозможно было сразу разглядеть. И только когда от ветра зашевелились волосы, Флорес поняла, что это черепа.

На юге в рядах воинов образовался узкий проход, по которому в сторону крепости ехали несколько всадников. Дойдя до границы досягаемости стрел, они остановились. Позади них появился знаменосец, который поднял дракона над их головами. «Так, значит, это и есть Ласцлар Сцилас, дракон», — поняла Флорес и попыталась рассмотреть его более внимательно. Позади послышались тяжелые шаги. Когда она развернулась, то увидела Тамара и его маленького сцарка, который, казалось, всегда и повсюду сопровождал его. У обоих вид был уставший, под глазами обозначились темные круги, кожа посерела. Не тратя времени на поклоны, они сразу подошли к брустверу и осмотрели вражескую армию, которая собралась для штурма дома Бекезара. Когда принц увидел ужасные трофеи на копьях, его лицо омрачилось еще больше. Затем он повертел головой, чтобы хоть немного расслабить мышцы.

— Вам следовало разрушить дома перед крепостью, когда вы еще могли это сделать, — холодно сказала Флорес.

— Да, это было бы неплохо, — неопределенно ответил масрид, не отрывая взгляда от врагов.

— Дайте мне меч.

На этот раз Тамар посмотрел на Флорес, и в его глазах зажегся недобрый огонек.

— А вы все не сдаетесь, госпожа Флорес.

— Возможно, это из-за вида многотысячной армии воинов, которые хотят моей смерти. А может, это желание разбить вашу упрямую голову. А может, я просто думаю, что меч может понадобиться мне для защиты.

Масрид пристально посмотрел на Флорес, однако она выдержала его тяжелый взгляд. Тогда принц медленно кивнул и повернулся к сцарку, стоявшему рядом с ним:

— Выдай влахакам их оружие и доспехи.

— Вецет…

— Я знаю, что ты хочешь спросить, Кевес. Я уверен, — твердо сказал Тамар.

Затем он снова внимательно посмотрел на Флорес.

— Вы будете находиться рядом. При первом же знаке — нет, если я только подумаю, что вы меня обманываете, я убью вас.

— Справедливо, — согласилась Флорес, которая внутренне ликовала, так как уже и не рассчитывала на то, что масрид когда-либо изменит свое мнение.

— Тем не менее, к сожалению, вам придется остаться здесь, госпожа Висиния, — повернулся принц к спутнице Флорес. — Не важно, как закончится эта битва, я не могу подвергать вас опасности.

Влахака приветливо кивнула, но Флорес почувствовала, что Висинии не нравится опять довольствоваться ролью наблюдательницы.

— Собирайте своих воинов, госпожа Флорес, я буду ждать вас у южных ворот. Но не мешкайте, Сцилас не будет следить за тем, появились ли вы уже или нет.

С этими словами Тамар вежливо поклонился Висинии и пошел прочь.

— Битва будет длиться долго. Или вы боитесь, что, когда башня падет, меня там не будет?

Рассмеявшись, Тамар обернулся.

— Надеюсь, что ваш клинок такой же острый, как и язык.

— Даже еще острее, — прошептала Флорес в ответ.

Ее усталость тут же как рукой сняло. Огонь предстоящей битвы пролетел по ее венам и будто оживил ее, чего ей так не хватало все эти последние дни.

— По крайней мере, ты можешь взять судьбу в свои руки, — мрачно заявила Висиния, когда масриды отошли на достаточно большое расстояние. — А мне придется остаться здесь, вместо того чтобы бороться вместе с вами. Ты была совершенно права, когда говорила, что Тамар — надменный ублюдок.

Флорес посмотрела своей невестке прямо в глаза. И хотя она понимала, как Висиния чувствовала себя, она считала решение принца правильным, пусть даже по совсем другим причинам.

— Если ты умрешь при защите Турдуя, то у них никогда больше не будет мира с Ионной, а дом Бекезаров будет уничтожен, даже если они сами переживут эту битву, — осторожно сказала она. — И кроме того, если наше предположение правильно и ты действительно беременна, то мой брат никогда не простит мне, если с тобой что-то случится. Скорее всего, Стен тогда камня на камне от половины страны не оставит и своими руками убьет всех масридов.

Она помолчала немного, обдумывая дальнейшие слова, после чего добавила:

— Оставайся здесь, будем считать, что так ты спасаешь мою шкуру. И если я правильно оцениваю сложившееся положение, то нам всем предстоит много битв, а мы еще должны выстоять в этой.

Глубоко задумавшись, Висиния положила руку на живот. Ее воинственный дух тут же улетучился, и она склонила голову, показывая свое согласие:

— В вас и правда погиб талантливый дипломат, госпожа Флорес.

Лицо воительницы искривилось в усмешке.

— Ну, раз уж даже Стен смог стать крестьянином, кто знает, что получится из меня?

Вооруженные влахаки в полном обмундировании стояли на башне несколько в стороне от масридов и сцарков, которые смотрели на них с подозрением. Но Флорес не волновали мрачные взгляды воинов, так как все ее внимание было обращено на врагов, которые все еще были на расстоянии от защитных стен. Солнце теперь уже полностью поднялось над горизонтом, тени стали короче, однако ожидаемой атаки на крепость Зварен противники все никак не начинали.

Неожиданно от группы, стоявшей под знаменем с драконом, отделилось несколько всадников. Нарочито медленно они приблизились к южным воротам и остановились в нескольких десятках шагов. Все лучники тут же натянули тетиву, но Тамар поднял руку, и никто не выпустил стрелы.

— Марчег Гиула! — прокричал звонкий женский голос. — Мы предлагаем вам капитулировать с честью! Город взят, вы окружены в своем замке! Пришло время закончить кровопролитие!

— Ну да, конечно, — тихо проворчал Тамар и покачал головой. — Они нападают на

нашу землю и думают, что мы вот так просто сдадимся? Еще чего!

Масрид уже был готов опустить руку и таким образом подать лучникам приказ выпускать стрелы, как тут со стены раздался удивительно твердый голос Гиулы Бекезара:

— Ваше предложение абсолютно неприемлемо!

Пока осажденные радостным ликованием приветствовали своего господина, Флорес посмотрела вниз, на стену. Там среди солдат стоял марчег, весь в доспехах, выпрямившийся во весь рост и гордый, в то время как его знаменосцы размахивали знаменами с грифом. Разница между сломленным стариком, который обвинял влахаков в измене, и тем, кого она видела сейчас, была настолько разительна, что у Флорес захватило дух.

— Если вы хотите взять крепость, вам нужно прийти и получить ее, — уверенно продолжил Гиула. — Но об эти стены вы обломаете себе все зубы!

Снова раздались ликующие крики, в ответ на что посыпались первые язвительные оскорбления. Защитники подняли свое оружие, и прохладный утренний воздух сотрясла их ответная ругань. Когда Флорес обернулась к Тамару, то обнаружила торжествующую улыбку на губах принца, который в данный момент приветствовал своего отца.

— Прогоните этих собак! — приказал марчег.

Зажужжали отпущенные тетивы, и крик одного из раненых заглушил торжествующий смех. Парламентеры спешно развернули лошадей и поскакали прочь, под защиту своих отрядов. «Все, время пришло», — подумала Флорес и покрепче взяла меч. От осознания этого в ее венах кровь забурлила, отгоняя прочь еще тлеющие темные страхи. Теперь она видела перед собой лишь группу всадников с марчегом Сциласом во главе. Каждый вдох казался длиною в день; все звуки затихли, она полностью сконцентрировалась на мужчине, над которым реяло знамя с драконом.

Затем это знамя резко опустилось вниз, давая сигнал к атаке, и время возобновило бег. Отряды врага побежали с криками как один воин, в то время как защитники молча стояли и ждали их приближения.

— Все готово? — прокричал Тамар и поднял руку. — Подождите! Еще немного… еще кусочек… давайте!

Еще до того, как он успел произнести это слово до конца, с тетив сорвались стрелы и понеслись на атакующих, словно черный рой. В их рядах тут же образовались пробелы, когда раненые воины начали падать на землю. Затем вражеские лучники подошли достаточно близко и выстрелили в ответ. Чертыхаясь, Флорес спряталась за стену рядом с бойницей, когда стрелы градом посыпались на камни вокруг нее. Справа упала воительница, беспомощно пытаясь схватиться за стрелу, торчавшую у нее из шеи. Ее последние слова захлебнулись хлынувшей кровью, а затем и вовсе были заглушены криками и шумом атаки.

— Лестницы! — предупредил Тамар своих подданных.

Флорес рискнула и быстро выглянула вниз с бруствера. Воины Сциласа действительно выставляли на стены грубо сколоченные лестницы или залазили просто на крыши домов, которые примыкали к крепостным стенам. Защитники попытались столкнуть лестницы при помощи длинных копий, на концах которых были крюки. Одновременно другие солдаты сбрасывали из бойниц тяжелые камни, которые разбивали щиты и людские кости. Однако враги все еще напирали, и первые из них уже добирались до бойниц.

— Огненные шары!

Сначала Флорес не поняла приказа марчега, но затем она заметила туго связанные шары из соломы, обмакнутые в смолу. «Слишком маленькие», — удивилась Флорес. Однако подожженные шары бросали не во врагов, а на близлежащие крыши домов, отчего те тут же загорались. Через несколько мгновений там уже колыхалось пламя, облизывая стены крепости, почти достигая в высоту бойницы. В мгновение ока картина атаки превратилась в кромешный ад. От стены поднимался жар, от которого у Флорес даже перехватило дыхание.

Крики под стеной замка стали еще громче, только на этот раз это были крики боли, исполненные страха. Флорес поискала взглядом принца и нашла его прячущимся, как и она, от жара огня за бойницей. Принц вытер пот со лба и сдавленным голосом прошептал:

— Дома, конечно, можно разрушить. Но их можно использовать также в качестве ловушки.

Несколько секунд Флорес недоверчиво смотрела на масрида, затем угрюмо кивнула. «Опасный ублюдок».

И хотя было убито всего несколько воинов, пламя остановило первую атаку и обратило в бегство большую часть нападавших. Остались лишь убитые и раненые, которые уже не могли убежать сами. Хотя Флорес еще ни разу не взмахнула мечом, она была благодарна за эту маленькую передышку.

Пожар полыхал с невероятной силой до самого полудня, затем постепенно начал угасать. Многие дома были разрушены, от некоторых не осталось ничего, кроме маленьких кучек пепла и углей, на которых все еще плясало пламя.

Пока бушевал пожар, солдаты марчега Ласцлара держались на расстоянии. Они строили новые устройства, подносили штурмовые лестницы, подтягивали на быках штурмовые тараны, после чего выставили десяток баллист. Баллисты были похожи на огромные дуги, закрепленные наискось на передвигающейся платформе. Солдаты тут же начали натягивать огромные металлические тетивы. Флорес уже слышала об этом орудии, однако раньше никогда не встречала. Она подошла к Тамару, который с очень мрачным выражением наблюдал за развертыванием вражеского войска.

— Проклятый сброд, — тихо сказал масрид.

— Что они собираются делать?

— Этим орудием они попытаются пробить бойницы. Говорят, империя использует подобные орудия.

— Так вы думаете… — начала влахака и тут же вспомнила о прибытии дирийской делегации в Теремию.

— Может быть, у Сциласа есть помощь из империи. Но, возможно, они их просто соорудили по готовому образцу. При выступлении Аркаса Диммину мои предки разбили императорские армии при Хаккаре и в качестве трофеев захватили подобные орудия. Рисунки баллист есть в записях одного неизвестного хрониста, — пояснил Тамар. — Но сейчас это не имеет значения. Предположения нам не помогут.

— Когда огонь погаснет, начнется новый штурм. Есть ли у вас еще несколько «сюрпризов» в запасе?

Принц медленно покачал головой.

— Нет. На этот раз нам придется положиться только на свои мечи и секиры.

Время тянулось мучительно долго. Солнце уже миновало зенит, но все еще продолжало нещадно палить. Прохладный северный ветер немного стих, а без него жар огня стал почти невыносимым. Флорес в своем кожаном колете ужасно потела, а масридам в их тяжелых металлических доспехах, должно быть, было еще хуже.

Время от времени Флорес бросала взгляд на марчега Гиулу, который стоял на стене под башней и на первый взгляд равнодушно осматривал диспозицию врага.

В конце концов пожар потух, и трубы возвестили начало атаки. Флорес почувствовала даже некоторое облегчение от того, что ожидание закончилось. Бой вновь начался с града стрел, которые сыпались в обе стороны, собирая свой кровавый урожай. Сгорбившись за бойницей, Флорес ожидала непосредственной атаки, пока не услышала, как с грохотом выставили лестницы на стены и башни. Некоторые были сброшены, но по другим враги взобрались через брустверр. Флорес инстинктивно ударила первого воина, который приблизился к ней. Она теснила воина до тех пор, пока тот не упал спиной вперед со стены. Вокруг нее моментально возник хаос. Борьба на башне происходила на небольшом ограниченном пространстве, отчего использование меча становилось фактически невозможным, так как мешала длина клинка. Ловко орудуя мечом и кинжалом, Флорес пошла на врагов, держа оружие близко к себе.

Как только вражеский воин взбирался на бойницу, защитники нападали на него. Время потеряло какое-либо значение. Влахака боролась на стороне масридов. Это было далеко не

элегантным фехтованием, а скорее жестокой резней, бойней, рожденной по необходимости и от ярости на врагов. Кровь и пот смешались на теле Флорес, левая рука болела от удара. Однако она не обращала на это внимания, пока враги шли волна за волной на стены крепости.

И только крик с нижней стены прорвал это состояние. Прежде чем Флорес смогла понять, что случилось, Тамар уже прокричал:

— За мной!

Вместе со своими воинами он побежал к воротам, за которыми лестница вела вниз, на стену. Флорес и другие влахаки последовали за принцем. Когда они добежали до хода по крепостной стене, то увидели, чем была вызвана эта тревога. Целому отряду вражеских воинов удалось подняться на бойницы. Они с двух сторон теснили защитников, из-за чего те не могли помешать перелезающим на стену по двум лестницам солдатам.

— Бекезар! — закричал Тамар и, невзирая на опасность, бросился на прорвавшихся врагов.

Его воины с криками последовали за ним, и через мгновение воздух уже наполнился звонкими ударами металла о металл. Неожиданная атака принца прорвала ряды противника. Но ограниченность крепостной стены быстро остановила атаку, и начался ожесточенный бой, воин против воина.

Флорес уклонилась вправо от одного масрида, ударила кинжалом в сторону и воткнула врагу острие меча в грудь. Недалеко от себя она видела Тамара, который ловко размахивал своей секирой, удерживая врагов на расстоянии, в то время как Кевес — более спокойный, чем его господин, — прикрывал его с левой стороны. Раздавая удары налево и направо, Флорес подскочила к Тамару. Они вместе оттеснили врага, на которого теперь нападали еще и сзади. Отбить удар, ударить, пригнуться, выпад, защита, новый рывок и удар… Инстинкты Флорес завладели ее сознанием, все ощущения теперь были направлены только на этот бой, в котором любая ошибка могла стать смертельной. Ход по крепостной стене был весь завален трупами, которые сваливались с нее на обе стороны.

Неожиданно дух нападающих сломался. Вместо того чтобы продолжать драться, они теперь пытались спастись бегством.

Пока Флорес в изнеможении облокотилась на бойницу, подскочили защитники с длинными пиками и столкнули лестницы со стены. Тамар тоже упал на одно колено и тяжело дышал. «Он непрерывно борется, вот уже несколько дней почти не спит и ранен, — подумала Флорес. — Что бы о нем ни говорили, он заслуживает уважения».

Словно прочитав ее мысли, масрид посмотрел на нее и молча кивнул. Потом он оперся на свою секиру и выпрямился. На его лице промелькнуло выражение боли, но когда он полностью встал, то снова приобрел невозмутимый и хладнокровный вид. Он начал оглядываться, словно искал что-то, затем увидел лестницу, ведущую во внутренний двор крепости, и нахмурился. Флорес проследила за его взглядом и увидела марчега Гиулу, который размеренным шагом шел прочь от стены. Когда Тамар побежал за своим отцом, Флорес тоже поспешила спуститься и присоединиться к нему. Марчег, казалось, не замечал сына, а просто продолжал идти в направлении главного здания.

— Отец, — прокричал Тамар, подбежал к нему и спросил уже тише: — Почему ты уходишь? Мы же выиграли битву.

С пустым взглядом, не видящим ни Тамара, ни Флорес, Гиула Бекезар тихо ответил:

— Я не ухожу, мой сын. Я мертв.

Когда он поднял руку, под которой в доспехах был виден надрез, у Флорес перехватило дыхание. Кровь пульсирующим потоком вытекала из глубокой раны, окрашивая в красный цвет доспехи и одежду марчега.

— Сын, — начал было масрид, но у него подкосились ноги, и он осел на землю.

Тамар в последний момент подхватил его. Гиула протянул руки, ощупывая лицо сына.

— Не дай погибнуть нашему дому, — прошептал марчег, и его глаза затуманились.

На лице Тамара заходили желваки, и он медленно кивнул, однако не сказал ни слова.

— Я… — начал было старик, но уже не смог произнести то, что хотел.

Его голова бессильно откинулась. Пока Тамар медленно и осторожно положил отца на мощеную дорогу, Флорес неподвижно стояла рядом, словно молнией пораженная, и ничего не могла сказать. Солдаты подбежали к ним, раздались крики, зовущие лекаря, однако Тамар просто встал и смотрел на яркий свет солнца. Масрид так сильно побледнел, как будто сам получил смертельный удар. «Возможно, так оно и есть. Ведь я по-настоящему ничего не знаю ни о нем, ни о его отце».

Крики борьбы стали тише, затем неожиданно раздался оглушительный треск. Флорес словно очнулась от сна и обернулась. На внутренний двор замка падал дождь из мелких камней.

— Вецет! — закричал Кевес с крепостной стены. — Баллисты! Они стреляют!

Удивленным взглядом, будто видел эту крепость впервые, Тамар посмотрел вверх, на бруствер, где металлический крюк вонзился в стену. Но вскоре в его глазах вновь появилась решимость.

— Отрубить канат! — приказал он. — Обстреливайте орудия! Убейте ублюдков! Зарежьте их всех, как скотов!

Однако прежде, чем защитники смогли откликнуться, по каменной стене прошел громкий скрип, который Флорес почувствовала даже в животе. Медленно, но неумолимо задвигались поврежденные бойницы: сначала они лишь немного нагнулись наружу, затем резко обломались и сорвались вниз с оглушительным шумом. Не веря своим глазам, Флорес уставилась на дырку в бруствере. Некоторые бойницы устояли, но три или четыре были разрушены крюками, прикрепленными к канатам.

— Презренные собаки, — чертыхнулся Тамар рядом с ней и хотел было ринуться на стену, но Флорес схватила его за руку и остановила.

— Вы теперь марчег, — напомнила она ему. — Теперь нужно делать только то, что вы считаете правильным.

На лице марчега вспыхнул гнев, но затем он успокоился и кивнул:

— Я считаю правильным удерживать стену, даже если будет рушиться весь мир. Вы со мной, госпожа Флорес?

Она молча кивнула, и они вместе побежали к стене, в то время как враг вновь метнул крюки из баллист.

15

Так как благодаря своему новому пристанищу, не пропускающему солнечный свет, тролли днем не впадали в оцепенение, настроение их значительно улучшилось. Естественно, также благодаря свежему сочному мясу, которое Пард разделял между ними. И хотя днем им приходилось оставаться только в этом месте, оно было настолько похоже на пещеры их родины, что Керр вновь почувствовал себя уютно, чего не ощущал уже очень давно. Даже грубые шутки Врока утратили свою язвительную силу, да и сам охотник не цеплялся так часто к Керру и Стену. Пард ушел в угол и демонстративно улегся спать. Несколько троллей все еще стояли небольшими группками и, оживленно жестикулируя, обсуждали пережитые на поверхности события, но большинство троллей с удовольствием отдыхали.

После разговора с человеком, которого Пард назвал «полукарликом», Стен лишь раз спустился в построенную пещеру, чтобы забрать свои вещи. Не говоря ни слова, человек снова поднялся наверх, а потом, очевидно, совсем ушел, хотя Керр хотел расспросить его о разговоре с тем человеком.

Юный тролль тоже чувствовал себя довольно уставшим, но впечатления последних ночей проносились у него в голове, перемешиваясь со сновидениями, отчего он время от времени резко просыпался. Ему казалось, будто на краю его сознания блуждает важная мысль; понимание, которое он вот-вот мог бы уловить, но которое все время ускользало от него, когда он снова просыпался.

В его снах люди-воины боролись против троллей. Точно так, как ему рассказывали Друан и Пард. Посреди этой битвы стояла Анда, воистину наводящая ужас, и которая без разбору убивающая людей и троллей. Издалека донесся приглушенный шепот, однако произнесенные слова не имели смысла. И над всем этим царил медленный, вечный ритм сердца мира, в согласии с которым, казалось, все фигуры исполняли бесконечный танец.

Когда Стен снова спустился и осмотрелся, Керр проснулся, чувствуя себя так, словно целый день бежал.

— Скоро стемнеет, тогда мы отправимся в путь, — сказал влахак, не обращаясь ни к кому конкретно, в то время как Керр потягивался.

Его мысли все еще путались и были пронизаны обрывками снов.

— Ты готов, Керр? — спросил из угла Пард, который как раз в это время вставал, обнажив в зевке мощные клыки.

Юный тролль взял себе оставшийся кусок мяса, а Стен подошел к Парду и сел на корточки рядом с предводителем. Керр присоединился к ним.

— Пока мы будем в Теремии, другие тролли должны оставаться здесь. Они могут наверху съесть еще животных… если захотят, — пояснил человек, покосившись на Керра, который в этот момент как раз откусывал мясо. — Но им нельзя выходить за пределы двора. Вблизи города живет много людей; будет лучше, если они не встретятся.

Пард кивнул.

— И, пожалуйста, предоставьте мне слово. Люди скорее послушают меня. И даже если некоторые знают вас с прошлого года, вас все равно, так сказать, боятся.

От последних слов Пард широко усмехнулся и радостно щелкнул зубами.

— Ионна не будет слушать других людей, она обо всем составляет личное мнение. Но я думаю, будет лучше, чем я буду говорить с ней.

— Зачем нам тогда вообще идти с тобой? — удивленно спросил Керр.

— Речь идет о нашей шкуре. Кроме того, ты же хочешь увидеть город, правда? — спросил Пард.

— Да, — ответил Керр, но при мысли о множестве людей, которые там жили, ему стало не по себе.

Тролли редко собирались и жили большими группами. Каждое племя было само по себе, и их пути пересекались редко, только по необходимости. Пища и вода были ценны по причине своей редкости, так что племенам приходилось каждый раз предпринимать все более дальние вылазки. Территории отдельных групп были довольно большими, чтобы можно было прокормиться всем троллям одного племени. Даже племя Парда в лучшие времена не насчитывало и пяти десятков троллей. Это было перед последним нападением карликов, которое многим стоило жизни и из-за которого Пард вместе с Друаном и другими поднялся на поверхность.

— Как бы там ни было, хорошо, если вы пойдете со мной. Ваше присутствие покажет, насколько серьезно положение. Думаю, уши людей будут скорее открыты для моих слов, чем для ваших. Мне жаль… — извинился Стен, но Пард отмахнулся.

— Мы тоже не стали бы слушать людей, если бы троллям было что сказать. Кроме того, — хитро добавил мощный тролль, — если ты будешь говорить то, что мы хотим, то какая разница, кто будет произносить эти слова?!

После того как Стен поднялся в дом, чтобы там дождаться заката солнца, Пард обратился к собравшимся троллям:

— Послушайте! Я и Керр идем к людям. Вы ждете здесь, пока мы не вернемся. Наверху есть много мяса, вы можете брать его столько, сколько захотите. Но кроме этого вы должны оставаться здесь, внизу. Понятно?

В ответ раздалось согласное рычание, и Пард удовлетворенно кивнул. Да и вообще большой тролль, казалось, был в чрезвычайно хорошем настроении. Он похрустел пальцами, затем собрал свои пожитки.

Когда Стен наконец просунул голову в проем двери и крикнул: «Мы можем идти!»,

Керр облегченно вздохнул. Ожидание и бездействие нервировали его, а теперь они могли хоть что-то сделать.

Вместе с Пардом юный тролль поднялся в дом и вышел в ночь. Низко над горизонтом висела большая бледная луна. Воздух был еще теплым, но уже по-ночному свежим, наполненным резким запахом трав и плодородной земли. В воздухе жужжали насекомые, и благодаря своему острому слуху Керр слышал даже взмахи их жестких крыльев. Затем он увидел и летучих мышей, которые в головокружительном полете скользили сквозь темноту, переворачиваясь на лету, пролетая сквозь узкие проемы и ловко обходя все препятствия. Подбираясь в своих переходах к поверхности, тролли иногда встречали этих ночных животных, поэтому Керр обрадовался этим жителям пещер.

— Пойдем уже! — рыкнул Пард, и Керр присоединился к нему и Стену.

Человек пахнул сейчас совсем иначе, чем в последние ночи. Его запах изменился, стал намного слабее, и к нему подмешался какой-то другой аромат. Одежда на нем тоже была другая и пахла не человеком и землей, как раньше, а растениями. Керр с удивлением понюхал воздух и попытался понять причины изменения.

— Эй! — крикнул Стен. — Не делай так, как будто я воняю!

— Ты пахнешь странно, — заявил Керр.

— Я принял ванну. И оделся в чистую одежду. Мне не хотелось бы выступать перед советом в грязной одежде. Это не произвело бы хорошего впечатления.

— Должны ли мы тоже…

— Только не начинай нести чушь, — прорычал Пард. — Это хорошо только для людей. По крайней мере они так думают.

— Ну хорошо. — Стен рассмеялся. — Вам не нужно принимать ванну.

Совсем запутавшись, Керр шагал дальше. «Иногда я этих людей совсем не понимаю», — подумал он.

— Тот, другой человек странно пахнул, — вспомнил юный тролль. — Это был полукарлик?

— Нет, это был человек, даже если Пард и не хочет в это верить, — со смехом ответил Стен. — Его зовут Сарган, и он приехал издалека: он дириец.

— Он подражает звукам?

— Да. Откуда ты знаешь?

— Друан рассказывал мне о нем. Он научил меня многим звукам. Их можно камнем выцарапывать на скале.

— Ты умеешь писать? — с удивлением спросил человек.

— Рисовать звуки. Да. Друан говорил, что сохранять знания очень важно. Он всегда рисовал на стенах, — объяснил юный тролль, но затем увидел огни города впереди и забыл обо всем.

На фоне светлого неба вырисовывались темные контуры зданий. Тут и там виднелись маленькие желтоватые огоньки, мерцающие теплым светом в темноте. Справа от небольшой группы огоньков протекал большой поток, в котором тихо журчала вода. По левую сторону раскинулось большое поле, на другом краю которого темнел лес. Получается, город находился между речкой и лесом. Даже на таком большом расстоянии Керр услышал шорохи, одиночные голоса, крики животных. Перед городской стеной на краю дороги горел огонь. Еще там стояла группка людей с лошадьми. Огонь освещал городские ворота. Керр был поражен высотой стен. Они действительно были, как два, а то и три тролля, а башни и того выше.

Когда Стен и тролли приблизились к ним, ожидавшие сели на лошадей и медленно выехали им навстречу. Впереди всех скакал мужчина, который был явно старше остальных, в его темных волосах виднелись белые пряди. Мускулистый воин был в доспехах, сбоку у него висел длинный меч. Человек поприветствовал их, подняв руку, и кивнул Стену.

— Стен сал Дабран. Как я рад видеть тебя снова.

— Неагас, — ответил Стен с улыбкой. — Я тоже рад тебя видеть. Я слышал, ты

отказался от предложения Ионны получить ленное поместье?

— Я чувствую себя еще не настолько старым, чтобы гонять своих слуг по замку. И думаю, что смогу еще послужить княгине при дворе.

— С этим никто не поспорит. Ваши заслуги в битвах всем хорошо известны. Вы здесь для того, чтобы эскортировать нас к крепости?

— Да. Мы проведем вас через город. Если вы захотите проследовать за нами…

С этими словами он повернул коня, и его отряд сделал то же самое. Стен последовал за ними, в то время как Пард подбежал к Керру и сказал:

— Я знаю его! Я хорошо помню этот запах. Он боролся с нами в битве.

Стен обернулся к ним.

— Это Неагас. Он предводитель кавалерии. Под его началом кавалерия Ионны дважды одолела Цорпада. Он мужественный и рассудительный воин.

— Совсем не такой, как наш друг Стен, — раздался голос ветерана. — Он гораздо больше известен своим безрассудством.

— К одной цели может вести много путей, Неагас, — смеясь, возразил Стен.

— Рейтары сильные, — серьезным тоном заявил Пард, не обращая внимания на слова воинов. — Но мы, тролли, сильнее. Без животных они остаются лишь слабыми людьми. А мы всегда остаемся сильными.

Керр молча кивнул, так как слушал лишь вполуха. Как раз в этот момент они приблизились к городским воротам. Через высокую арку тролли смогли пройти, не наклоняя головы. Керр с трудом смог достать кончиками пальцев до шершавых камней над ними. При этом он заметил дыры в кладке, которые были закрыты решетками. Стен, заметивший его любопытный взгляд, остановился и объяснил:

— Это смертоносные отверстия. Когда на город нападают и враг штурмует первые ворота, он наталкивается на решетку. И пока вражеские солдаты пытаются пробиться через нее, защитники имеют возможность бороться с ними сверху через эти отверстия.

— А почему вы не боретесь снаружи?

— А какой смысл тогда в городских стенах? Замки и городские стены строят для того, чтобы было проще защищаться.

— Так стены для защиты? — с удивлением спросил Керр.

— Да. А ты что думал?

— Может, для того чтобы удерживать племя вместе. Чтобы никто не смог уйти просто так.

Услышав это, Стен рассмеялся так, что от стен отразилось эхо. «Словно в глубоком подземелье».

— Нет. Стены здесь для того, чтобы защищать людей.

— Пойдемте уже, — прокричал им Пард, который шел вслед за всадниками и нетерпеливо оглядывался на отстающих.

Теперь Керр посмотрел на город новыми глазами. По рассказам Друана он никогда не мог понять, почему люди на таких больших просторах живут так тесно друг к другу. Построение пещер над землей имело свой смысл, если верить Парду, что с неба часто падает холодная вода. Но такие компактно построенные города, о которых рассказывали тролли, Керр едва ли считал разумным. «Те, у кого есть так много места, не должны жить так близко друг к другу. Ведь каждое племя может иметь свои собственные пещеры. Но если они так защищаются…» Это напомнило Керру карликов, которые могли запечатывать входы в свои подземные жилища и таким образом медленно, шаг за шагом, отвоевывали себе все больше мира под горами. Карлики постоянно захватывали новые туннели и перекрывали все входы к ним, пока троллям не осталось ничего иного, как спуститься ниже.

— Сейчас мы находимся в Тересе, части города западнее Рейбы. Эта река берет начало на севере и протекает через Теремию. Мы перейдем один из семи мостов. Затем пройдем через Ремис. Когда-то Терес и Ремис были двумя отдельными деревнями, но со временем они слились. Мы пройдем в центр Ремиса к крепости, где Ионна и примет нас, — бодро

объяснял Стен, в то время как Керр уставился на скопление домов. Некоторые были большими, другие скорее маленькими, но все стояли плотно друг к другу. Кое-где между ними проходили небольшие тропинки, но в основном они не подходили для троллей. Земля в городе была вымощена камнями. Босым подошвам Керра она по ощущениям напоминала родину, однако при этом камни были необычно гладкими и ровными. На юного тролля со всех сторон неслись новые запахи, необычные шорохи, сбивающие с толку ощущения всех видов. Не успевал он открыть что-то интересное, как уже замечал новое, улавливал еще один соблазнительный запах, слышал какой-то неизвестный звук.

Идущие перед ним Стен и Пард беседовали об общих воспоминаниях о Теремии, о проведенных здесь битвах и бегстве через речку. «Здесь умер Цдам, — неожиданно вспомнил Керр. — Здесь родился гнев Анды, который начался как печаль о потере своего спутника».

— Она ненавидит вас, — невольно вырвалось у юного тролля, и другие обернулись к нему.

— Что?

— Анда. Она ненавидит вас, людей, из-за смерти Цдама. Если она захочет отомстить, то будет делать это здесь.

Стен оценивающе посмотрел на Керра, тот спокойно встретил его взгляд. Так они стояли и смотрели друг на друга, пока фырканье лошади не развеяло чары. Молча они побежали дальше, пересекли мост, который, как невесомый, висел в воздухе, хотя и был построен из массивных каменных блоков, что, к своему большому удивлению, отметил Керр. Дальше они побежали через лабиринт улиц и переулков, мимо большого количества людей, которые ходили по городу. И хотя они уважительно уступали троллям дорогу Керр слышал в воздухе запах их любопытства и страха.

Между тем юный тролль уже давно перестал запоминать дорогу, по которой они шли к крепости. Под поверхностью было всегда успокаивающее биение сердца, которое указывало им дорогу, однако здесь, среди каменных домов и задворков, его почти не было слышно.

Наконец они подошли к большой площади, дорога от которой вела к еще более высокой стене. Даже три тролля, ставшие друг другу на плечи, не смогли бы достать до верхнего ее края, что произвело на Керра очень большое впечатление.

— Это крепость Ремис, — объяснил Стен. — Когда-то здесь жил Цорпад, но теперь всем вольным Влахкисом правит Ионна. Это надежный замок, который хорошо охраняется городом. Его построил Раду, наш первый краль.

Заметив вопросительный взгляд Керра, Стен объяснил:

— Краль означает король, верховный предводитель. Раду из двух деревень, Терес и Ремис, сделал город Теремию. Масриды захватили крепость после того, как последний краль, Тиреа, пал в борьбе против них.

— Но разве Ионна не ваша верховная предводительница?

— Да. Но она не краля. Она не взяла себе этого титула, так как часть нашей страны еще не освобождена от масридов.

— Как это у людей можно быть предводительницей и не называться ею?

— Нет, это не совсем так. Она воевода Садата и Мардева. У нас гораздо больше титулов и рангов, чем просто предводитель, — объяснял Стен, при этом было видно, как он старается подобрать правильные слова для Керра. — Как, например, Друан и Пард. Один управляет троллями в войне, другой — на поверхности. Страна слишком большая, чтобы править в ней одному. Для этого нужны помощники, которые также имеют право голоса. Как я.

— Значит, Ионна как Пард, а ты как Друан? — высказал предположение Керр и удивленно посмотрел на Стена.

Человек снова засмеялся, но кивнул:

— В какой-то степени да.

Они снова прошли через огромные высокие ворота, за которыми мерцал огонь факелов.

Во дворе крепости на одинаковом расстоянии друг от друга вдоль стен стояли воины с длинными копьями. Всадники спешились и передали поводья подбежавшим людям, за которыми Керр внимательно следил из-за небольшого роста. Возможно, это были очень молодые люди. Предводитель кавалерии попросил их последовать за ним, и они пошли к большому зданию, к воротам которого нужно было подняться по нескольким ступенькам. Они прошли через помещение, ярко освещенное чашами с огнем, на стенах которого висели разноцветные картины, изображавшие людей.

— На этих мозаиках отражена история моего народа. А над входом в зал ты увидишь битву, в которой боролся Пард.

Действительно, на большой картине Керр увидел троллей, которые сражались против людей на конях. Но в центре на поднявшемся на дыбы жеребце сидела женщина в доспехах, повалившая на землю какого-то человека.

Прежде чем тролль смог рассмотреть картину, маленькая группа уже пошла дальше, и в конце концов они попали в большой зал. Парду пришлось пригнуться, чтобы пройти в дверь, а Керр только запрокинул назад голову, чтобы не задеть дверную арку рогами.

Керр замер от одного вида большого зала. Он видел в горах и большие пещеры, но эта была построена людьми, поэтому казалась огромной и произвела на него ошеломляющее впечатление. Колонны, которые и Пард не смог бы охватить своими длинными руками, стояли в зале в два ряда и поддерживали потолок, который казался невероятно высоким. Вокруг горел огонь в чашах, но даже с ним на балках перекрытия плясали тени. На стенах висели длинные цветные панно с разнообразными сюжетами: животные, оружие, растения и истории, которых Керр не знал. Также и здесь вдоль стен стояли солдаты, на груди у которых виднелся черный воин. Под взглядами такого большого количества людей Керр почувствовал себя неуютно. Пард, наоборот, продолжал идти уверенно, так что Керру пришлось сделать несколько быстрых шагов, чтобы догнать его.

В конце зала на небольшом возвышении стоял высокий темный трон, на котором, однако, никого не было. Зато у подножия возвышения стоял второй трон, поменьше, и на нем сидела женщина. Керр с любопытством оглядел ее. Она была крупной, но при этом очень стройной. Ее одежда была цвета гранита, в каштановых полосах виднелись седые пряди. Керр еще с трудом определял возраст людей по их лицам, однако она все же показалась ему старше, чем Стен, так как линии на ее лице были более глубокими. Особенно его поразил взгляд ее светлых глаз, которые спокойно смотрели на него и Парда. Хотя другие люди в зале стояли, все были обращены к этой женщине. В воздухе витал запах страха и другие запахи, которые Керр жадно втянул. Запахи огня, растений, звериной кожи и многие другие, которых Керр совсем не знал.

— Госпожа, — сказал Неагас с низким поклоном. — Я привел Вам Стена сал Дабрана и двух его спутников.

Стен тоже согнулся в поклоне, а Пард только коротко кивнул головой. «Как один предводитель другому», — подумал Керр. Внезапно он понял, что от него тоже чего-то ждут, тогда он поднял череп и оскалился. В зале зашептались, но слова воеводы остановили их:

— Добро пожаловать в Теремию, Стен. Сообщение о твоем предстоящем прибытии взбудоражило многих.

— Я благодарю вас за ваше гостеприимство, а также от имени Парда и Керра.

— Твой посланник передал нам твои слова. Они пришли в плохие времена. Пришли тревожные новости.

— Новости? — переспросил Стен.

Человек мгновенно напрягся и даже слегка подался вперед, пристально глядя на княгиню.

— Мы будем сейчас обсуждать это на совете, где твои спутники смогут сообщить о своем деле, — пояснила Ионна и кивнула молодому человеку слева от себя, с коротко подстриженными темными кудрявыми волосами, который сделал шаг вперед и присел в нелепом реверансе.

— Меня зовут Истран Оханеску, — представился он.

Затем по очереди начал представлять других людей, называя их имена, однако Керру было сложно уследить за быстрым произношением чуждых его уху звуков, что уже говорить про все эти звания, которые носили эти люди, такие как камергер или главный конюх, о значении которых он не имел ни малейшего понятия.

— Калинэ, моя ведунья, к сожалению, не сможет присутствовать на совете по причине болезни, — сказала княгиня, на что Стен огорченно кивнул.

— Я получил от лазутчиков в Валедоаре сообщение, что марчег Ласцлар Сцилас собирает войско. Он собрал с границ большинство своих солдат, — заявил Истран.

— Он оставляет свои границы без защиты? А куда направляются его солдаты? — в замешательстве уточнил Стен.

Ничего не зная о стране и других людях, Керру приходилось лишь слушать.

— По всей вероятности, в Брачац. Но эти сведения уже, к сожалению, устарели. Марчег Гиула Бекезар также забрал отряды своих войск с нашей границы на севере.

— С севера? Почему… тролли! — вырвалось у Стена.

Другие люди недоуменно посмотрели на него.

— На западе произошло несколько нападений. Деревня Арсита была разрушена троллями. Вероятнее всего, за это ответственна Анда, одна из троллей, которые в прошлом году были здесь, на поверхности. У нее зародилась сильная ненависть к людям. Возможно, подобные нападения были и на севере.

— Возможно, — вмешался Йстран и тут же спросил Стена: — А почему твои спутники сейчас на поверхности?

— У нас война, — пробурчал Пард, но, заметив предупреждающий взгляд Стена, замолчал и скрестил руки на груди.

— Анда нападает не только на людей, но и на свой собственный народ, — заявил Стен. — Того, кто не присоединяется к ней, затравливают и убивают. Сам Друан стал ее жертвой.

— Но почему они здесь?

— Перед смертью Друан хотел подняться на поверхность. Вероятно, он думал, что здесь он найдет решение своих проблем.

— Какое именно?

— Этого мы не знаем, — выпалил Керр. — Поэтому мы здесь!

— Конечно, — спокойно ответила Ионна. — Что ты думаешь, Стен?

— Анда со своей бандой представляет большую опасность. Не только для троллей, но и для нас. Мы должны что-то предпринять. Ни в коем случае нельзя допустить, чтобы она беспрепятственно мстила людям во Влахкисе.

Воевода опустила голову и, казалось, обдумывала услышанное.

— Все это более, чем просто тревожные новости. Нам нужно обсудить все, чтобы принять правильное решение. Поэтому вы…

Остальные слова Ионны были заглушены длинным сигналом рога. Все люди повернули головы в сторону двора.

— Сигнал тревоги, — прошептал Стен Парду и Керру. Пока влахаки бежали к выходу из зала, Ионна приказала Неагасу узнать, чем вызвана тревога.

Не прощаясь с Ионной, Керр и Пард побежали за Стеном, который был уже в вестибюле. Во дворе они обнаружили группу людей, которые собрались вокруг бледного воина. Тот в ужасе закричал, когда увидел троллей.

— Успокойся! — крикнул Стен и подошел к мужчине. — Что случилось?

— Тролли! В лесу под городом. Они гнались за мной, — еле выдавил из себя дрожащий солдат.

— Тролли? — переспросил Стен и многозначительно посмотрел на Парда.

— Да, целая куча. Таких, как вот эти здесь! Они хотели съесть меня!

Стен тут же подошел к троллям и прошипел:

— Будем надеяться, что это Анда и ей подобные, а не твои братья и сестры, Пард!

Большой тролль гневно оскалил зубы и ударил кулаком по ладони. Громкий звук заставил отшатнуться испуганных воинов.

— Не важно, кто это был. Пора задать им хорошую трепку!

16

— Ты не сможешь выдержать еще одну ночь без сна, — мягко сказала Висиния.

Флорес, стоявшая в нескольких шагах от нее, согласно кивнула. Битва за крепость продолжалась до самого захода солнца. Вместе с Тамаром наемница бросалась в самую гущу битвы, чтобы помочь защитникам в сложных ситуациях. Между нападениями случались небольшие передышки, однако они никогда не были достаточно долгими, чтобы можно было отдохнуть по-настоящему. Потери были просто ужасными: у одних только влахаков трое убитых. Висиния видела большую усталость в лице Флорес, засохшую кровь на доспехах, а также шрамы и синяки везде, где было видно тело. Походка юной влахаки казалась одеревеневшей и осторожной, как будто ей было больно по всему телу, а левая рука сильно опухла.

— Я сразу же пойду вниз. Там еще будут места для сна, даже если в наших комнатах сейчас расположились другие.

Из-за небольших размеров самой крепости Тамару пришлось разместить жителей города в замке, чтобы защитить их от войны и стрел.

Висиния тоже мало отдыхала. Испуганные люди нуждались в помощи, так же как и раненые, которые сами добирались до большого зала крепости или были доставлены сюда.

— Завтра будет тяжелый день.

Взглянув на поврежденные и залитые кровью крепостные стены, Висиния вздохнула и молча кивнула.

— Много убитых. Их слишком много? — тихо спросила она.

— Каждое новое нападение врага оказывалось более опасным, чем предыдущее. Каждый раз убитых было больше, а исход битвы неопределеннее. Со смертью марчега настроение солдат ухудшилось. Воины каждое мгновение ожидают окончательного поражения, — заявила наемница, неподвижно уставившись перед собой. — Должно произойти чудо, чтобы мы смогли удерживать крепость весь завтрашний день.

— А Тамар?

— Он делает все, что может, и его командование придает солдатам силы и уверенности. Он был прав, когда сказал, что нужно удержать стены до вечера. Другой план был бы настоящим самоубийством. Но…

— Что но?

— Он знает, что больше не сможет удерживать крепость. У Сциласа есть резервы, свежие отряды, которые еще не участвовали в битве. В то время как здесь каждый воин обессилен так же, как я.

— Тогда мы должны уговорить нового, что он должен сдать крепость!

— Желаю удачи, — сказала Флорес и горько рассмеялась.

— Удачи в чем? — прямо за ними раздался голос юного марчега.

— Мы думали как раз над тем, как мы могли бы убедить вас в том, что наш единственный шанс выжить заключается в бегстве, — прямо заявила Висиния и открыто посмотрела в глаза масриду.

Тот промолчал, и тогда влахака продолжила:

— Теперь вы хозяин судеб всех этих людей. Их жизнь зависит от вас.

— Вы думаете, я этого не понимаю? — рассерженно проворчал Тамар. — Моя голова, кажется, скоро лопнет от того, как я напрягаю мозг в поисках правильного решения.

Он шагнул к влахакам.

— Я даже думал о сдаче, о капитуляции, чтобы мои подданные избежали участи моего

города и моего дома! Но вы сами видели и слышали, как Сцилас обошелся с городом. Я не отдам свой народ без битвы!

— Тогда вы намереваетесь держаться до тех пор, пока в Турдуй не прибудет подмога?

— Мой отец послал баро Одена собрать наши отряды на западе и привести сюда. Он хороший воин и пользуется уважением у солдат.

— Но сколько времени ему понадобится?

Тамар молчал, но Висиния прочитала ответ в его глазах. «Слишком долго. И даже если пополнение прибудет, нет гарантии, что они смогут прорвать осаду». По удрученному выражению лица Тамара влахака поняла, что марчег знал и последнее, поэтому она спросила:

— Тогда есть ли у нас возможность бегства? Возможно, нам удастся вылазка?

— Вылазка будет полным безумием, — отрезала Флорес. — Может быть, некоторым и удастся прорваться, но тот, кто не сможет драться, не прорвется. Придется слишком много людей оставить на милость марчега Ласцлара.

Тут все трое посмотрели на ночной город.

— Есть туннель, — нерешительно сказал Тамар.

— Туннель? И куда он ведет? — с надеждой спросила Висиния.

— Он ведет из города, на север. Он очень старый, и им давно не пользовались. Лишь очень немногие знают, что он вообще существует.

— Туннель для бегства! — обрадовалась Флорес, а Висиния добавила:

— Это может стать нашим единственным спасением.

— Если мы сбежим, то Сцилас заметит это. В крепости есть женщины, дети и старики. Мы не уйдем слишком далеко, — заявил Тамар.

— Тогда мы должны обеспечить им опережение.

Масрид задумчиво потер подбородок.

— Если они сейчас же отправятся в путь, то пройдут туннель еще до наступления дня. Затем они смогут отправиться на запад, навстречу нашим отрядам.

— Мы можем дать им больше времени. Бороться до тех пор, пока это будет возможно. Где проходит этот ваш туннель?

Вход находился под внутренним двором.

— Если стена падет, мы сможем окопаться и там. Будем оказывать сопротивление и сбежим только самыми последними.

— А наших ремесленников можно будет попросить подготовить туннель так, чтобы он за нами завалился, — предложил Тамар.

— Вы думаете, что этот план более многообещающий, чем попытка удерживать крепость до последнего? — спросила Висиния.

Тамар задумчиво кивнул.

— Я посоветуюсь со своими подчиненными. Я думаю, они увидят мудрость такого решения, — ответил марчег, после чего посмотрел на влахак: — Спасибо.

Флорес молча взглянула в ответ, а Висиния поклонилась.

— Вы ставите благополучие своего народа на первое место. Так что это скорее вы заслуживаете благодарности.

Не ответив на это, Тамар развернулся и пошел вниз, в темноту башни. Впервые за последнее время Флорес улыбнулась, а Висиния тихо сказала:

— Хорошо!

— Мы не знаем, как долго продержатся осажденные, — заявила Флорес, когда они вскоре они встретились, чтобы обсудить план бегства. — Тамар, вы и я, мы должны держаться вместе до последнего, чтобы убедиться, что мы дали вам столько времени, сколько смогли.

— Но людям, отправляющимся в туннель, нужен главный, который поведет их дальше, — перебил ее марчег.

При этом он смотрел на Висинию, однако юная боярыня покачала головой.

— Они не будут доверять мне, потому что я влахака.

Громкий смех Тамара возмутил Висинию. Заметив это, масрид сказал:

— Простите. Но вы так же хорошо, как и я, знаете, что большую часть населения составляют влахаки. И вам, скорее всего, они будут доверять больше, чем кому-либо другому, кого я отправлю с ними в дорогу.

— Но ведь я могу быть полезной в битве. Сбежать, в то время как вы боретесь за то, чтобы выжили другие, мне кажется нечестным.

— Еще один меч не спасет нас, если крепость падет. А ваше присутствие в туннеле придаст людям мужества.

— Тамар прав, — неожиданно согласилась с масридом наемница. — Ты нужна людям. И твоя жизнь слишком важна, чтобы рисковать ею в битве.

— А твоя разве нет?

— Я не сестра новой воеводы влахаков. Я не посланница при дворе марчега. Я не могу вести переговоры о союзе, — просто сказала Флорес, после чего заговорщицки улыбнулась. — Я всего лишь наемница с острым клинком.

«Как сильно временами она напоминает мне Стена», — грустно подумала Висиния. На нее вновь накатила волна безумной тоски по мужу. «Его здесь нет, — напомнила она сама себе. — И если я хочу когда-нибудь встретиться с ним, мы должны принять сейчас правильные решения». Тамар и Флорес были правы: простые люди очень напуганы. Идти по туннелю ночью, будучи преследуемыми войском Ласцлара, — это выше их сил.

— Хорошо. Вы убедили меня, — спокойно сообщила она.

Вместе они вышли во двор, где Тамар давал указания охране. Повсюду отдыхали солдаты, изнеможенно опустившиеся на землю просто там, где стояли. Из башни доносился плач ребенка, но в остальном все было спокойно. В городе также было тихо. Казалось, будто все замерло в ожидании утра, как будто сейчас нужно было лишь переждать время между предыдущей и последующей битвами. При этом в замке уже начались приготовления к бегству. В то время как ремесленники начали работу над туннелем, люди собрались в большом зале крепости. Многие жители сбежали еще с появлением первых слухов о предстоящем нападении, но другие предпочли остаться. Все те, кто оказался под защитой крепости, Зварен, теперь последуют за Висинией.

— Саньяс из Альбус Сунас будет сопровождать вас, — сообщил ей юный марчег.

Висиния отреагировала на это сообщение молчаливым кивком.

— Как продвигаются приготовления?

— Как только вы соберете достаточно припасов, можете сразу же отправляться в путь. Чем дальше вы уйдете, тем лучше.

— Мы отправимся на запад. Скорее всего, вы догоните нас еще до того, как мы дойдем до Илта. Если нет, я постараюсь перебраться на пароме.

— Хорошо. Идите за мной, — попросил Тамар.

Он посмотрел на Висинию таким взглядом, понять который было сложно. Читалась ли в нем благодарность? Или скорее, облегчение?

Флорес осталась, и боярыня кивнула ей на прощание.

— Будь осторожна, — сказала она одними губами.

— Доброго тебе пути, — серьезно ответила воительница.

Масрид повел юную дворянку в зал крепости, освещенный несколькими факелами. Сотни бледных лиц повернулись к ним, когда они вошли через высокие двери. В глазах многих Висиния увидела слезы, а страх был настолько сильным, что стал почти осязаемым.

— Послушайте меня, — громко прокричал Тамар. — Это Висиния сал Сарес, боярыня и сестра Львицы из Девы. Она поведет вас вместе с Саньясом. Вам нужно уже скоро отправляться в путь под защитным покровом ночи, поэтому собирайте свои вещи и, не медля, следуйте за ними.

Тут и там в толпе раздались всхлипывания. Под таким количеством взглядов,

направленных на нее, Висиния почувствовала себя неуверенно. События последних дней точно так же ошеломили ее, как и этих людей, и предстоящее поспешное бегство огорчало ее не меньше, чем их. Однако у нее была важная задача. «Ваше присутствие в туннеле придаст людям мужества». Поэтому она собралась с духом и улыбнулась, после чего твердым голосом сказала:

— Наш путь далек, так что возьмите только то, что сможете нести. Богатства вам ничем не помогут, а вот питье и еда будут необходимы. Нам нужны добровольцы, которые смогут нести раненых и слабых.

С этими словами Висиния пошла по рядам, отдавая распоряжения. «Поручи людям работу, и они забудут о своем страхе».

— Боярыня, — обратился к ней худощавый мужчина с тронутыми сединой светлыми волосами, весь вид которого выдавал в нем священника культа бога Солнца Альбус Сунас.

Даже в мерцающем свете факелов влахака увидела, что пятна на его светлом одеянии были не грязью, а кровью. И, как у многих других, лицо священника выдавало полное изнеможение, хотя глаза его и были полны жизни.

— Вы, должно быть, Саньяс, — предположила Висиния, и масрид скромно кивнул.

— Нам нужно поговорить.

Бросив взгляд через плечо, Висиния отметила, что Тамар уже вышел из зала. В толпе пошло движение, когда люди принялись за дело. «У кого более легкая задача? — спросила про себя влахака. — У тех, кто останется и будет бороться, или у нас?» Однако, прежде чем она смогла ответить себе на этот вопрос, к ней обратился Саньяс:

— У нас очень мало носилок для раненых и больных. Будет трудно взять всех с собой. Мы собрали все ручные тележки, которые только нашли в замке. Я надеюсь, что нам вообще удастся пройти через туннель.

— Но почему? Туннель слишком узкий?

— Нет. Но он залит водой, возможно, по колено. А дно состоит из камней и земли. Точнее говоря, из ила.

— Если будет нужно, мы пойдем без тележек.

Священник кивнул.

— А вы сестра Ионны сал Сарес? — спросил он.

Висиния невольно напряглась, однако выражение ее лица не изменилось.

— Да.

— Я слышал, что она защищает тех священников моего ордена, которые еще остались в ваших землях.

Влахака нерешительно кивнула. Несмотря на объявление Ионны о том, что она оставляет священникам Альбус Сунаса их храмы и не собирается преследовать верующих, между магами солнца и мятежниками произошло несколько серьезных стычек. Многие священники сбежали, других постигла смерть от рук влахаков.

— После всего того, что я слышал, это настоящее чудо. Если слухи из Стариг Яцека правдивы…

Тут священник культа бога Солнца замолк, не закончив предложения. Сама Висиния никогда не была в этом храме, но Стен рассказывал о нем. Там верные Цорпаду священники ордена Альбус Сунас проводили темные ритуалы, тем самым поставив на кон гораздо больше, чем собственную веру.

— Слухи правдивы, Саньяс. В Стариг Яцеке ваш орден сбился с пути и прибегнул к древней силе земли только для того, чтобы обеспечить Цорпаду преимущество в борьбе против нас.

— Я надеюсь, вы понимаете, что это происходило не в соответствии с принципами нашего ордена, а стало ошибкой лишь отдельных его членов.

— Если бы Ионна предположила что-то другое, наверняка она приняла бы иное решение относительно вашего ордена.

— А каково ваше решение? — спросил Саньяс.

— Я считаю, что Цорпад злоупотребил своей властью. И что некоторые священники из вашего ордена поддались его соблазну. Однако я думаю также, что вашему ордену иногда стоит проявлять больше уважения к земле, где он находится.

Едва Висиния произнесла эти слова, как тут же пожалела об этом. И не потому, что они не соответствовали тому, что она чувствовала, а потому, что им еще предстоит работать вместе с этим человеком. А спор не облегчит и без того сложной задачи. «Что со мной такое?» — подумала она, рассердившись на себя. Однако священник склонил голову и мягко сказал:

— Я понимаю вас. И могу заверить, в ордене также испытали большой гнев на наших братьев. Не важно, какая у них была на то причина, ничто не оправдывает темной магии, к которой они обратились. И вы говорите правду: в Ардолии есть вещи, которые опасны и требуют к себе уважения. Если не обращать на них внимания, то возникнет опасность остаться без божественного света и закончить жизнь в темноте. Так, как это произошло с Лангором из Стариг Яцека и старейшинами храма.

В мыслях Висиния услышала голос Стена, который рассказывал ей о том, какую кровавую бойню устроили тролли со священниками. «Закончить в темноте. Это подходит к смерти, которую они нашли. Горе тем, у кого враги тролли!»

— Я глубоко ценю ваши слова, Саньяс. Но сейчас в первую очередь нам нужно отвести людей в безопасное место. Прошлое уже позади, а впереди нас ждет будущее.

Священник согласно кивнул, и Висиния повернулась и начала разделять людей на маленькие группы, которые должны будут друг друга поддерживать и помогать.

От холодного сквозняка огонь факелов заколебался. Вход в туннель казался зевающим ртом, из которого доносилось дыхание монстра. Было слышно, как где-то далеко от входа в туннеле капала вода. Висиния подобрала свои юбки и продолжила путь, но на последней ступеньке все же остановилась, увидев, что пол туннеля залит водой. Огонь факелов освещал пространство лишь на несколько шагов вперед, дальше туннель поглощала темнота. Воздух внизу был значительно холоднее, чем на поверхности. Висиния задрожала от холода.

— А насколько длинный это туннель? — спросила она Саньяса, который стоял позади нее и тоже всматривался в темноту.

— Много сотен шагов. Он ведет почти прямо на север.

— Мы должны послать вперед разведчиков, чтобы проверить, безопасен ли выход.

— Туннель заканчивается у сгоревшего заброшенного имения. Там еще есть небольшой лес.

— Из пяти солдат, которых нам в помощь оставил марчег, мы вышлем вперед двух для разведки.

— Я распоряжусь.

— Хорошо. Тем временем я позабочусь о беженцах, — решительно заявила Висиния.

Пока Саньяс поднимался по лестнице, она еще раз быстро осмотрела туннель. Стены были выложены грубо обтесанными камнями, их поддерживали старые, трухлявые деревянные балки. Человеку очень высокого роста наверняка придется пригнуться, хотя большинство людей смогут легко пройти через туннель. На некоторых балках Висиния увидела насечки, которые мастера сделали для завала туннеля.

Ей вдруг подумалось, как точно скудный свет, озаряющий лишь небольшую часть туннеля, отражает сложившуюся сейчас ситуацию. «Наши следующие шаги будут сделаны в темноте; никто точно не знает, куда ведет путь. Еще не так давно мы смотрели в будущее с уверенностью, однако сейчас все снова покрыто мраком и возвращается старый дух темной войны».

Погруженная в мрачные мысли, юная влахака оторвалась от созерцания туннеля и поднялась во внутренний двор крепости. Еще была темная ночь, и только тлеющие угольки слабо освещали двор. Марчег приказал солдатам соблюдать тишину. Враги не должны прознать о побеге, все должно казаться обычным, насколько это возможно.

Махнув рукой, Висиния подозвала к себе одну из юных воительниц, которые должны были сопровождать их.

— Мы собираемся во дворе. Позаботьтесь о том, чтобы у нас было достаточно факелов, которыми мы будем освещать путь в туннеле.

Не дожидаясь ответа, Висиния развернулась и побежала в главное здание. Ожидавшие там люди нагрузили свои пожитки на ручные тележки. Также несколько тяжелораненых и стариков лежали на тележках. Все остальные должны были идти пешком.

— Мы должны отправляться в путь сейчас, — сообщила Висиния, не повышая голоса. — Берите свои вещи и следуйте за мной. Тихо.

Лица людей были очень серьезными, некоторые молча плакали. Но спокойные слова Висинии оказали свое действие; толпа пришла в движение. «Они смелее, чем думают. Они покидают крепость и город, свою родину, отправляются в путь, полный опасностей».

Висиния выпрямилась и начала раздавать распоряжения, помогая при этом некоторым забрасывать тюки с вещами на плечи. Она одна знала, как у нее дрожат руки. Людям нужен был человек, предводитель, в которого они бы верили. И только если беженцы поверят, что боярыня или Саньяс знают дорогу, они смогут справиться со своим страхом.

Прошло довольно много времени, пока последние вышли из зала. Но, несмотря на собственное нетерпение, Висиния никого не подгоняла. Наконец во дворе собрались все, молча, как их и просили. Для такой большой группы полная тишина была даже какой-то неестественной.

Увидев сигнал солдата с башни, Висиния зашла во внутренний двор. Там ее уже ждали Саньяс и несколько воинов.

— Выход свободен. Я оставил там воина, который сообщит нам, если что-то изменится.

— Хорошо, — ответила влахака и кивнула священнику. — Тогда отправляемся в путь. Чем быстрее, тем лучше.

Повернувшись к одному солдату, она добавила:

— Скажи марчегу, что мы уходим. Затем займи последнее место в колонне, будешь замыкающим. Остальные, зажгите факелы и распределитесь по колонне так, чтобы всем хватало света.

Она сама тоже взяла факел и подошла ко входу в туннель под взглядами сотен глаз.

— Следуйте за мной.

Этот простой приказ повис в воздухе, и на какое-то мгновение Висинии показалось, что никто не послушается ее. Но затем из толпы вышли первые, Висиния развернулась и спустилась во влажный подвал, где и находился вход в туннель.

На этот раз пришлось ступить в воду, которая была ей выше щиколоток. Во главе колонны она зашла в сводчатый проход, на грубых каменных стенах которого росли мох и плесень. Позади нее по воде зашлепало много пар ног. Грохот колес ручных тележек, которые осторожно спускали по ступенькам, показался Висинии невероятно громким. Послышались ругательства, одна женщина преклонных лет начала всхлипывать, и несколько детей заплакали.

— Тихо, — приказала Висиния, обернувшись назад. — Дорога не очень длинная.

Ее юбка постепенно промокла, и даже в высоких кожаных сапогах ногам стало неприятно холодно, хотя перед этим она специально смазала сапоги жиром. «К счастью, сейчас лето. Такое длинное путешествие станет для многих очень утомительным. О духи, сохраните нам солнечную погоду последних недель, чтобы наши мокрые одежды могли обсохнуть в пути». Внезапно влахака подумала о том, что Саньяс, который шел рядом с ней, наверняка сейчас посылает похожую молитву своему Божественному свету.

Здесь, глубоко под землей, на пути в неизвестность, различия между влахаками и масридами вдруг показались Висинии не такими уж и большими.

Хотя она знала, какой длины туннель, у нее все равно возникло ощущение, будто они брели по холодной воде уже несколько часов. Люди следовали за ней; за исключением стонов раненых и всхлипов детей, больше не было слышно никаких звуков, будто

чудовищность бегства отняла у всех голос.

Наконец далеко впереди она увидела слабый свет, который через некоторое время оказался маленькой переносной лампой, стоявшей в нише. В свете лампы Висиния разглядела несколько кривых ступеней, ведущих наверх.

— Подождите, — спокойно приказала она, и колонна остановилась.

Пригнувшись, Висиния подбежала к лестнице и посмотрела наверх. Однако, кроме веток, она ничего не увидела. Неожиданно занавес из листьев разошелся, и в просвете появилось лицо.

— Все спокойно, — сообщила воительница и усмехнулась. Ее белые зубы блеснули на грязном лице.

Махнув рукой, Висиния позвала беженцев к себе и начала подниматься по ступенькам наверх, в ночь. Взглянув на восточный горизонт, с облегчением констатировала, что предательский для них рассвет еще не начался.

Вокруг был лес, в котором, однако, не было густых зарослей, что было бы типичным для Влахкиса. От имения не осталось фактически ничего, кроме нескольких стен высотой до пояса, заросших плющом. Выход из полуразрушенного подвала туннеля также весь зарос вьющимися растениями, которые очень удачно скрывали его.

С большими усилиями удалось поднять тележки по ступенькам, которые стали скользкими после множества грязных и мокрых ног. Люди поднимались наверх маленькими группами, дрожа от страха, в то время как Висиния ходила меж них, успокаивая и подбадривая. Когда наконец все поднялись наверх, она отдала приказ отправляться в путь, как бы ей сейчас ни хотелось дать им отдых.

Даже несмотря на то, что лес был редким, дорога была трудной, отчего колонна продвигалась довольно медленно. Еще до того, как они вошли в небольшую рощу рядом с туннелем, небо начало светлеть — медленно, но неумолимо. Влахака шла во главе колонны, которая растянулась за ней. Два воина побежали вперед для разведки пути, в то время как два других следовали сзади на некотором расстоянии.

Незадолго до того, как они достигли края леса, один из лазутчиков прибежал назад и остановил Висинию.

— Всадники, — едва переведя дух, сообщил он и показал на запад.

— Спокойно, — тихо ответила Висиния. — Подожди немного.

Послушавшись, мужчина сделал несколько глубоких вдохов и выдохов, после чего взволнованно продолжил:

— Всадники. Три дюжины. Возле мели.

— Вы можете разглядеть их знамя? — спросил Саньяс, незаметно подошедший к ним.

«Может, это авангард отрядов Бекезара. Может, подмога ближе, чем мы думаем. Может…»

— Дракон, — ответил сцарк, разрушив ее надежды. Висиния с трудом подавила желание переспросить, уверен ли он в этом. Вместо этого она спросила:

— Мы можем их обойти?

— Вокруг только чистое поле. И они настороже, — все так же с трудом дыша, воскликнул воин.

— Сцилас знает, что войско стоит на западе. Поэтому он наверняка отправил несколько подобных разведывательных групп, чтобы узнать о приближении подмоги осажденным, — высказал предположение Саньяс, и Висиния согласно кивнула.

— А где следующая мель? Есть ли мосты?

— Сейчас уровень воды очень низкий из-за жаркого лета. Так что мы можем пойти на переправу в Консати. Это два дня конного пути на север, пешком до ближайшей мели идти пять дней.

— Это слишком далеко, — решила Висиния. — Но мы и здесь не можем долго торчать. Три дюжины противников — слишком много для того, чтобы вступить с ними в битву. Это обернется для нас кровавой резней.

— Что же нам делать? — спросил Саньяс и посмотрел на Висинию.

«Что делать?… Стен точно знал бы ответ, да и Флорес тоже. Отправиться на север? Но таким образом мы отклонимся от запланированного пути, да и у Сциласа там могут быть лазутчики. Кроме того, на севере Соркаты. Нам нужно перебираться через Илт, так мы быстрее окажемся в безопасности. А на западе мы рано или поздно наткнемся на воинов Тамара».

— Нам нужно изменить план, — решила влахака и посмотрела на восток. — Солнце встает. Скоро Сцилас возобновит атаку на крепость. Тамару придется сдать крепость и привести сюда своих воинов. Нам нужна защита.

— Но марчег хотел выиграть время для того, чтобы мы могли уйти как можно дальше, — возразил ей Саньяс.

— Если мы не сможем продвинуться вперед, то выигранное время нам больше не поможет.

Как только Висиния произнесла эти слова, то сразу поняла, что сказала правду. Она решительно вынула свой кинжал из ножен и взялась за подол юбки.

— Саньяс, вы пока спрячьтесь здесь, в лесу вместе с беженцами. Позаботьтесь о том, чтобы люди помогали друг другу.

Она резко вонзила кинжал в ткань и потянула его. Саньяс удивленно спросил ее:

— Что вы делаете?

— Я приведу марчега и солдат… Как только я отрежу юбку!

Висиния увидела удивленные взгляды солдат и священника, но ее это не волновало. Укоротив юбку, Висиния обернулась к Саньясу.

— Молитесь своему свету, чтобы марчег и я скоро вернулись, а вас до этого времени не обнаружили.

Не дожидаясь ответа, влахака побежала на восток, назад в Турдуй, где как раз должен был начаться первый штурм крепости.

17

В этой пещере была воистину кромешная темнота. Ее не освещал ни единый луч света. Но эхо ударов древнего сердца оставило контуры скал и камней в душе Анды. Свет в некоторых случаях мог бы и понадобиться, но в конечном счете он был не так уж и нужен. Анда научилась обходиться без лишних вещей. Другим троллям в этом плане приходилось несколько тяжелее, но они тоже могли ориентироваться в вечной темноте недр земли. «Они сильные, но я сильнее», — внутренне ликовала тролла.

Медленно она мерила шагами огромную пещеру, в которой они устроили себе временное жилье. Некоторые тролли спали на полу, постанывая в своих мрачных снах, которые теперь приходили к ним, как только они закрывали глаза. Двое спорили в углу из-за куска мяса. Их приглушенное бурчание, когда они нападали друг на друга и дрались, звучало в ушах Анды словно музыка.

Неожиданно раздался посторонний звук, громкие крики и завывание. Тролли тут же оживились, Анда полностью сконцентрировалась на шуме. Чуть ли не физически чувствовала она приближающихся к их пещере троллей. Она охватила чувствами все близлежащие ходы, прощупывая шершавые каменные скалы.

— Опасности нет, — тихо заявила она.

И действительно, вскоре появилась группа ее троллей, охотников и воинов, захвативших двух меньших троллей. «Добыча!»

— У нас гости! — радостно воскликнул Сбои.

У этого еще молодого тролля были мощные клыки и длинные и твердые рога. Анда ценила его дикость в борьбе.

— Мы нашли двоих тут, где удар сердца слабее, — сообщил Арк.

Разведя руками, Анда подошла к маленькой группе и приказала:

— Свет!

Тут же один из троллей достал из сумки полную горсть лишайников, которые слабо мерцали. Света хватало лишь на несколько шагов, но этого было достаточно, чтобы увидеть страх в глазах пойманных троллей. Хотя Анда и без того услышала их страх.

— Кто ваш предводитель? — спросила она.

— Турк, — ответил больший и старший из пойманных.

— Племя Турка здесь? Так близко к сердцу?

— Мы разделились. У нас была битва.

— Так, значит, Турк не здесь? — разочарованно переспросила Анда.

— Не здесь.

Кроме Парда и Друана Турк был одним из ее самых заклятых врагов. Но если Друана она уже убила, а Парда изгнала, то Турк еще находился в недрах земли. Ее тролли преследовали его, но до сих пор Турку удавалось уводить своих людей в безопасное место от последователей Анды. «Кроме двух этих убогих», — подумала Анда, почувствовав что-то подобное жалости к слабым троллям, запах страха которых она так явственно слышала.

— Я боюсь вас. Вы боитесь меня. Вы боитесь людей, карликов и мира на поверхности. Вы следуете за Турком, который прячется, который не хочет, да и не может бороться.

Ее слова задели троллей, но они были слишком гордыми, чтобы признаться в своих чувствах. «Гордость — это хорошо. Гордость — это правильно. Вы тролли!»

— Так не должно быть! — воскликнула Анда, и ее слова эхом прокатились по пещере. — Мы — сильные. Мы — могущественные! Наши враги боятся нас!

На мгновение тролла замолчала и пристально посмотрела на пойманных. В ее крови прогремел мощный удар сердца мира.

— Присоединяйтесь ко мне, и вы забудете о страхе. Присоединяйтесь ко мне, и ваши враги будут дрожать от одного вашего вида. Присоединяйтесь ко мне, и мы снова станем троллями, какими должны быть. Присоединяйтесь ко мне!

— Нет… — начал было тролль, стоявший справа, однако не договорил до конца, так как Анда моментально подскочила к нему и вонзила клыки ему в горло.

Теплая густая кровь наполнила ее рот. Тролль пытался обороняться, но его когти лишь слегка царапали ее грубую, шершавую кожу. Затем Анда резко отдернула голову, а тролль замертво упал на землю. Его кровь текла у нее по подбородку и груди.

— А ты? — спросила она второго тролля.

— Я присоединяюсь к тебе! — поспешно ответил тот.

— Хорошо, — констатировала довольная Анда и надкусила себе запястье.

— Открой рот и пей.

Анда накапала ему своей крови на язык. Через несколько секунд тролль начал задыхаться, потом его тело задергалось в конвульсиях. После этого он упал ничком на землю. Анде пришлось повысить голос, чтобы перекричать его:

— Возьмите мяса. И подготовьтесь в путь.

Не обращая больше внимания на задыхающегося тролля, она переступила через него и пошла. «Знания и сила мира болезненны. Я знаю. Но благодаря этому ты станешь настоящим троллем!»

18

Вместе с рассветом пришли и враги, которые снова неутомимо бросились в атаку на стены крепости, не давая защитникам и небольшой передышки. Однако осажденные сейчас снова приободрились, да и с дисциплиной стало лучше по сравнению с тем, что было сразу после гибели марчега Гиулы Бекезара. Теперь воины и солдаты сражались не против превосходящей силы противника, победить которую просто не представлялось возможным, а отвоевывали больше времени для беженцев в туннеле. Их борьба приобрела осязаемую цель, и теперь они снова верили в то, что могут выжить.

Также и Тамар испытывал странное ощущение свободы, пока организовывал защиту и выстраивал людей в новом порядке. Путь к решению сдать Турдуй был для него сложным, однако с тех пор, как он принял это решение, он сосредоточился только на осуществлении этого плана. «Турдуй был проигран еще вчера, когда на горизонте появились первые солдаты Сциласа, — подумал марчег. — Я лишь не желал признать этого. В отличие от отца».

Мысль о гибели Гиулы вновь разожгла огонь ярости, который тлел в его душе. «Я покину Турдуй, но я не сдамся! Сцилас пожалеет о том дне, когда пошел войной на дом Бекезаров, — поклялся юный масрид. — Или же я издохну прямо здесь, на стене, тогда все равно». Он горько рассмеялся, но замолчал, увидев, как удивленно нахмурилась влахака. Ее смелое утверждение о том, что ее клинок острее ее языка, подтвердилось в ожесточенных битвах на стенах. Он высоко оценил ее как воина, при том что ее происхождение, влахакское упрямство и непочтительность все так же действовали ему на нервы.

— Что такого смешного? — поинтересовалась воительница и вытерла кровь с клинка, которым сражалась.

— Юмор висельника, как вы, влахаки, это называете.

— Но ведь времена виселиц давно прошли. Теперь масриды приняли некоторые наши традиции и осужденного на смерть оставляют на милость леса.

— По мне, так виселицы лучше. Чище и надежнее.

— Да уж, наверное, — сказала Флорес с кислым выражением лица. — Мы верим также, что и духи должны сказать свое слово. Смерть — слишком суровое наказание, а люди могут ошибаться.

— Правосудие должно торжествовать, — сказал Тамар твердо.

— Да, я забыла, что масриды никогда не ошибаются, — провоцирующе заявила юная влахака, но Тамар не поддался.

Вместо этого он посмотрел на башню южных ворот, где до сих пор шел бой, после чего заявил:

— Пока что битва проходит хорошо для нас. Может, нам удастся продержаться еще один день. Тогда мы сможем использовать ночь и обеспечить себе тем самым некоторый резерв времени.

— Ваши воины приободрились. Это поможет нам. Но ведь у марчега Ласцлара есть конница, как быть с этим?

— Мы возьмем с собой лошадей и…

— Лошадей? — прервала его Флорес. — Проведем через этот туннель? И как вы собираетесь это проделать?

Тамар снова рассмеялся, увидев скептический взгляд влахаки.

— Лошади перевезли мой народ через Соркаты. Верхом на лошадях мои предки уничтожили огромное войско империи. И именно сидя в седле Аркас убил вашего последнего краля Тиреа. Просто поверь мне, когда я говорю, что мы возьмем с собой лошадей.

Флорес пожала в ответ плечами, как будто ее совсем не заинтересовала хвастливая речь марчега.

— Тем не менее конница Сциласа гораздо больше вашей.

— Мы отправим всадников на север, налегке, с максимально возможным количеством лошадей. Надеюсь, что кавалерия Сциласа последует за ними. Они не поверят, что я смогу остаться без лошадей.

— Будем надеяться, что эта хитрость удастся вам. В противном случае это будет впечатляюще короткое бегство.

— Тогда мы выступим против них в открытой битве, возможно, на мели, где превосходство в количестве кавалерии не имеет такого большого значения.

— Тиреа также выступил против вашего Аркаса Диммину на мели. Но, как вы уже говорили, это не очень помогло ему, — язвительно заметила Флорес.

После этого замечания Тамар внезапно вспомнил, почему ему была так неприятна

наемница. Ее дух противоречия слишком напоминал ему о проклятых мятежниках, которые сделали жизнь в Ардолии такой сложной.

— Тогда нам повезло, что на этот раз воинов ведет масрид. А не влахак, который даже не… — гневно начал он, но сигнал горна из города прервал его.

Быстро выглянув за бруствер, он увидел солдат противника, снова штурмующих его часть стены.

— Приготовьтесь! — прокричал команду марчег и опустил забрало.

Рядом с ним подскочил на ноги Кевес, который ненадолго прилег отдохнуть. В последние мгновения перед появлением противника на стене Тамар все еще думал о последнем разговоре с Флорес. «Ей удалось даже самое большое поражение влахаков в споре превратить в победу. Я много отдал бы за то, чтобы сейчас у нее получилось то же самое». Но затем полетели первые стрелы и вытеснили все посторонние мысли из его головы.

Солнце уже поднялось высоко, а защитники все еще удерживали крепость. Тамар тяжело облокотился на стену, сделал несколько глубоких вдохов и с отвращением поморщился. Вонь была просто ужасной. Трупы убитых лежали на стене под ярким солнцем еще со вчерашнего дня, многие воины отправляли естественные потребности прямо на посту, и целые рои жирных зеленых мух летали над лужами крови и испражнениями.

После последнего штурма южных ворот противник больше не осмелился продвигаться вперед. Вместо этого они снова начали стрелять из баллист. Каждый удар хоть и совсем медленно, но разрушал бойницы и стены. Всякий раз, когда не удавалось вовремя отрубить канат, прикрепленный к снаряду с крюками, из стены вырывали целые куски. Упряжка буйволов, которая тянула канаты, оказывалась сильнее прочности бойниц, а иногда даже одолевала целые куски стен. Снова и снова камни с грохотом откалывались от стен и падали на землю, оставляя широкие бреши в таких важных оборонительных сооружениях. Бороться против такой опасности было трудно. Ведь как только защитники направлялись к канатам, на них дождем сыпались стрелы, в то время как вьючные животные были за пределами досягаемости стрел защитников.

— Трусливые ублюдки, — пробурчал Кевес и сплюнул на землю, когда от стены с треском отвалился еще один большой кусок.

— Как по мне, так они должны разнести всю крепость, — ответил Тамар, не отрывая взгляда от вражеских отрядов. — Пока они прямо не нападают на нас, они не могут взять крепость.

Пока снова стреляли из двух баллист, их враги держались на безопасной дистанции. Когда снаряды вновь с громким треском врезались в стену, Тамар закричал:

— Давай!

Через небольшой проем для выхода на площадку перед крепостью, всю усеянную трупами, устремилось где-то три дюжины защитников. Однако вместо того, чтобы накинуться на нападающих, воины натянули тетивы луков и выпустили целый град стрел на упряжку буйволов. Во вражеских рядах сразу же возник беспорядок, люди бросились в стороны, животные взревели от боли. Тут буйвол, ведущий впереди, упал, накрыв собой погонщика, остальные понеслись что есть мочи.

— Назад! — приказал Тамар, и его подчиненные снова забежали в крепость, прежде чем противник смог что-либо предпринять против их вылазки.

— Это заставит их подумать, — сказал Кевес и потер свое искалеченное ухо.

— С военной точки зрения это была пустая победа, — ответила Флорес, и Тамар развернулся к ней, — но важная для морали.

Он согласно кивнул влахаке. Но прежде чем смог ответить, к ним на башню по лестнице взбежала юная воительница.

— Вецет! — прокричала воительница, в которой Тамар узнал Маиску, гвардейца из города.

В ее доспехах были видны порезы и дыры, но на первый взгляд она не была ранена.

Толстая кожа доспехов с закрепленными на ней металлическими пластинками хорошо защищала белокурую воительницу.

— Вы должны спуститься во двор, вецет, — сказала Маиска, тяжело дыша после быстрого подъема.

— Что такое? — с тревогой спросил Тамар.

— Там снова госпожа Висиния. Она хочет поговорить с вами, вецет!

— Висиния? — удивленно воскликнула Флорес. — Почему?

Но влахака пробежала мимо Майски в сторону лестницы, не дожидаясь ответа. Тамар вопросительно посмотрел на масридку.

— Она сказала лишь, что должна поговорить с вами.

— Хорошо. Кевес, за мной. Маиска, ты остаешься здесь. Если наш противник хоть что-нибудь предпримет, все равно что, сразу же сообщи мне.

Кивнув с серьезным видом, воительница подтвердила приказ и подошла к брустверу, в то время как Тамар вместе с Кевесом побежал во двор. Там действительно стояла Висиния сал Сарес. Однако Тамара поразило не столько появление влахаки, сколько ее вид. У нее не было половины юбки, а из распустившейся косы на лицо спадали несколько длинных прядей. Сапоги были мокрыми и грязными, а на руках и ногах виднелись царапины и грязь.

— Марчег, — обратилась она к Тамару, едва тот прошел через ворота во двор. — Хотя мы и добрались до конца туннеля, остальной путь, к сожалению, оказался преграженным врагами. Я боюсь, что беженцам нужна помощь ваших воинов.

Ее голос звучал гораздо спокойнее, чем они ожидали при таком неожиданном появлении. Однако все равно такая новость вызвала у масрида тихие ругательства. «Ну почему даже этот план не сработал?» А вслух сказал:

— Сколько и где?

— Группа из тридцати всадников. На мели Илта.

Тамар почувствовал взгляд, который бросила на него Флорес, однако он не доставил ей удовольствия показать, что заметил это. Лихорадочно он думал над решением этой проблемы.

— Может быть, вы сможете выделить нам несколько вооруженных воинов, тогда они смогли бы чистить для нас дорогу.

— Вецет, наших воинов едва хватает на то, чтобы защищать крепость, — вклинился в разговор Кевес, а Висиния добавила:

— Если Сцилас заметит, что мы бежим, он попытается отрезать вам путь. Или же мы прорываемся вместе, или ваше отступление обречено на неудачу.

«Она права, — неохотно признал Тамар. — Если Сцилас узнает, что мы бежим, то он может перекрыть нам дорогу на запад».

— Хорошо, — согласился он с влахакой. — Мы…

Однако он не закончил предложения, так как в этот момент раздался крик Майски со стены:

— Они снова стреляют из баллист!

Грохот ударов тяжелых снарядов заглушил часть крепких выражений, которыми Тамар наградил командующего вражеским войском. После этого он отдал приказ Кевесу:

— Соберите лошадей во дворе. Как только все будут там, давай сигнал к отступлению. Пока они будут стрелять из баллист, они могут и не заметить, что мы оставили крепость!

Пока Флорес оставалась рядом с Висинией, Тамар побежал назад к бойницам и начал тихо готовить солдат к отступлению. «Отступление — хорошее слово для бегства, — мелькнула мысль. — Когда мы встретимся с Оденом и войском на западе, возникнут проблемы. Сцарк захочет воспользоваться смертью моего отца и потерей Турдуя, чтобы укрепить свою собственную власть. Как будто у меня и без того трудностей не хватает!»

В этот момент взгляд юного марчега упал на знамена с драконом, которые развевались на руинах города, но от бессильной ярости он только сжал кулаки.

— Может, я пробегусь по стене и сообщу всем, что мы скоро отступаем? — спросила

Маиска, отвлекши тем самым марчега от мрачных мыслей.

Тамар знал, что его задачей было вывести воинов из смертельной западни крепости, поэтому он быстро кивнул.

Пока защитники на юге все еще пытались защищаться от выстрелов баллист, другие собирали лошадей во дворе. И хотя в разговоре с Флорес он уверенно заявлял, что они уйдут с лошадьми, на самом деле он тоже догадывался, что будет невозможно заставить всех лошадей спуститься в мрачный, неизвестный для них туннель.

Когда Кевес начал распределять лошадей между воинов, Тамар крикнул ему:

— Сначала проведите их.

Быстро оглянувшись назад, Тамар констатировал, что его приказ не вызвал никакой реакции у нападающих. Вероятно, они точно так же мало понимали его, как и он не мог понять приказы, которые слышал с их стороны.

Пока Кевес спускал воинов с их лошадьми по одному во внутренний двор к туннелю, Тамар продолжал наблюдать за нападающими. «Проклятые баллисты сейчас стали настоящим спасением. В разгар битвы мы бы никогда не смогли отступить без больших потерь».

Наконец Кевес подал сигнал, и Тамар облегченно вздохнул. Солдаты вокруг него тоже потихоньку спускались во двор. Они и так целый день прятались в укрытиях, чтобы как можно меньше быть на виду. Затем Тамар тоже спустился во двор. К его удивлению, там осталось совсем немного лошадей; очевидно, большинство из них благодаря сноровке хозяев удалось провести вниз, в темноту. С горечью глядя на оставшихся животных, марчег отдал приказ охрипшим голосом:

— Перережьте им горло.

«Сциласу придется заплатить и за это».

Пока их авангард бежал по туннелю, масриды обнажили свои клинки. Никто не промолвил и слова. Тамар посмотрел на одного пожилого воина, у которого по лицу текли слезы, когда он своему собственному боевому коню мягко погладил ноздри, а потом быстрым движением перерезал горло. И пока лошадь почти беззвучно издыхала, он стал на колени рядом с ней и держал в руках ее голову с панически широко открытыми глазами.

— Вецет, — тихо сказал Кевес. — Мы готовы.

— Тогда в путь, — распорядился Тамар. — Я буду идти в арьергарде.

Выстроившись в ряд, солдаты спускались по лестнице в туннель, пока во дворе не осталось двенадцать мужчин и женщин. Как раз в тот момент, когда марчег хотел отдать приказ к выступлению, из города донеслось несколько коротких сигналов горна. Снова ударили из баллист по стенам, однако на этот раз к ним присоединился крик множества глоток.

— Они идут, — прошептала Флорес. — Нам пора.

— Да, — согласился с ней Тамар. — Давайте, спускаемся вниз!

Так последние защитники спустились в темноту туннеля, окончательно оставив Турдуй на милость победителя. В последний раз Тамар бросил взгляд на внутренний двор, над которым высоко стояло солнце, равнодушно взирая на битву. Над крепостью еще реяло знамя с грифом, но уже скоро солдаты Сциласа установят свои знамена. «Я не в последний раз стою здесь как властелин Турдуя», — поклялся про себя марчег. Затем он развернулся и вошел в тень туннеля.

— Как только мы пройдем немного, вы снесете опорные балки, дернув здесь за канаты, — приказал он воинам и снова сконцентрировался на происходящем в данный момент, не думая больше об утерянном.

Позади него бежали Висиния и Флорес, которая зачертыхалась, вступив в холодную воду. Колонну замыкали пять солдат, получивших опасное задание завалить туннель в специально подготовленных местах. С потолка сыпалась пыль, и балки угрожающе трещали. Предыдущий проход людей и животных уже сказался на состоянии туннеля, однако, прежде чем Тамар успел об этом подумать, снаружи донесся треск. Это снова стреляли баллисты,

отчего на пол падали новые куски стен. Прямо перед Тамаром в воду упал камень, и он обеспокоенно посмотрел на потолок туннеля. Тут по туннелю прошел долгий скрип.

— Вперед! — закричал масрид и побежал вперед.

И тут мир вокруг них начал рушиться. Со стен и потолка падали камни и куски земли, поднялись клубы пыли. Тамару на раненое плечо упал камень размером с голову, отчего половину тела пронзила жгучая боль. Он невольно застонал, зашатался и с трудом прошел несколько шагов, но тут его подхватили под руку и потащили дальше.

— Висиния! — прямо рядом с ним закричал женский голос, который точно принадлежал Флорес и который он слышал будто сквозь туман.

Он оглянулся. Юная влахака стояла в облаке пыли. Вокруг нее с потолка падали камни, однако она не обращала на это никакого внимания, а направлялась просто в заваливающийся туннель. За ней почти ничего не было видно из-за завесы пыли. Он заметил лишь несколько нечетких силуэтов, продирающихся вперед. Однако потом по стенам прошел шорох, похожий на вдох, камни, которыми были обложены потолок и стены, упали на последних воинов маленькой колонны и погребли их под собой. Тамар одним прыжком подскочил к Флорес и оттащил ее назад. Он услышал ее крик и почувствовал, как посыпались земля и камни, отчего они упали на землю. В легкие попала пыль, он закашлялся; за несколько секунд холодная вода промочила его одежду. «Сейчас я погибну здесь, погребенный под фундаментом собственной крепости», — подумал он. Потом град камней прекратился на какое-то время. «Если мы хотим выжить, то должны выбраться из этой смертельной ловушки как можно скорее», — понял марчег и поднялся на ноги. Флорес на четвереньках ползла к завалу. Земля и камни заполняли туннель, на первый взгляд медленно подбираясь к ним, но Тамар знал, что это было лишь иллюзией.

— Нам нужно выбираться! — крикнул он Флорес и, пригнувшись, побежал к ней.

Пыль все еще царапала ему горло, а во рту чувствовался горький привкус земли.

— Оставь меня! — заявила ему Флорес и голыми руками начала копать землю. — Она где-то здесь, мы должны спасти ее!

Большой камень сорвался с потолка и упал позади них в воду с громким всплеском. Тамар вытер грязь с лица. Они еще не выбрались из опасной зоны; ремесленники и здесь надломили опорные балки. Стены и потолок трещали, так что обвал мог произойти в любое мгновение.

— Пойдем! — снова прокричал Тамар и потянул Флорес за руку.

Однако влахака выхватила кинжал и развернулась к нему. Слезы на ее грязном лице оставили светлые дорожки. Из раны на голове по виску текла кровь, однако ее движения были точными, когда она выставила кинжал между собой и Тамаром. По ее выражению лица он понял, что она без колебаний ударит его этим кинжалом. «Я должен оставить ее здесь», — подумал Тамар, но вместо этого настойчиво сказал:

— Все кончено. Мы ничего не сможем сделать. Сейчас завалится и оставшаяся часть туннеля. Нам нужно выбираться!

Словно услышав его слова, Кевес закричал ему с другой стороны туннеля:

— Вецет? Вы не ранены? Вецет?

— Мы идем, Кевес! — крикнул в ответ масрид.

— Я должна ее… — тихо сказала Флорес, но Тамар покачал головой.

— Ты больше ничего не можешь для нее сделать. Кроме как только умереть здесь, рядом с ней. Если такова твоя воля, оставайся. Если нет, идем со мной.

С этими словами он развернулся и побежал в сторону выхода. Однако через несколько шагов он остановился и обернулся. Флорес все еще стояла прямо у завала с поднятым кинжалом. Вокруг нее градом падали камни и земля. Влахака нерешительно посмотрела на него, и Тамар почти физически почувствовал ее боль. Их глаза встретились, она дрогнула, затем закричала что есть мочи, запрокинула голову и заревела от гнева. Юный масрид не стал мешать ей, даже если это промедление могло стоить жизни им обоим. Затем наконец Флорес отошла от завала и последовала за ним по едва освещенному туннелю, пока они не

вышли на яркое солнце, от которого невольно заморгали.

Не теряя больше времени, Тамар распорядился отправить нескольких всадников на север, в то время как большую часть он оставлял с беженцами. Флорес без малейшего сопротивления последовала за ним. С широко раскрытыми глазами она опустошенно смотрела впереди себя, игнорируя даже свои раны. Тамар тоже не стал обращать внимание на раненое плечо, подгоняя своих подданных к скорейшему отъезду. Ведь пока они находились в непосредственной близости к армии Сциласа, любое промедление было опасным.

Пока они скакали на запад, Флорес не произнесла ни слова. Ее лицо не выражало никаких эмоций, движения были механическими. И только по слезам, текущим из глаз, Тамар мог представить, какие чувства бушевали в душе юной влахаки. «Теперь мы оба потеряли близких в этой битве: я отца, а она свою родственницу. Марчег Сцилас приобрел такого врага, который ни перед чем не остановится, чтобы отомстить. Или же она обвинит в смерти Висинии меня. Тогда в скором времени мы сойдемся с ней в бою. Так или иначе, ее боль выльется в ярость. Я направлю весь свой гнев на то, чтобы уничтожить своих врагов!»

Пока солнце медленно садилось на западе и тени уставших, подавленных воинов становились все длиннее, позади них крепость Зварен охватил огонь, который всю ночь окрашивал небо на востоке в красные цвета.

19

— А что, если это Анда и ее тролли? — спросил Керр, явно стараясь говорить тихо.

Однако голос тролля громогласно раскатился по лесу, отчего Стен даже невольно вздрогнул.

— Тогда мы покончим с ними, — мрачно ответил Пард.

— А. Хорошо.

Керр прозвучал не очень уверенно, но, к облегчению Стена, промолчал. «Если это Анда, нам троим придется убегать так быстро, как только мы сможем, — подумал влахак. — И нужно будет предупредить гарнизон в Теремии».

Они никого не нашли в лесу, пока Пард осторожно не принюхался.

— Тролли, — констатировал он и показал в направлении запада.

С мечом в руке Стен последовал за большим троллем, в то время как Керр замыкал их маленький отряд. К сожалению, у троллей не получалось продвигаться в лесу потихоньку, так что старания Стена двигаться незаметно были совершенно напрасными. Эти огромные создания были слишком большими и тяжелыми, чтобы красться. «С другой стороны, органы чувств троллей намного чувствительнее моих. Если Пард может унюхать их, то и они в свою очередь могут так же легко определить, что мы поблизости».

От этой мысли Стен почувствовал себя очень неуютно, и теперь мысль отправиться вперед разведывательной группы влахаков больше не казалась ему разумной. Идея оказаться на месте до воинов, чтобы избежать ненужного кровопролития, может сработать только в том случае, если речь будет идти о троллях Парда. Если же Анда действительно нашла путь, чтобы подняться из глубин земли возле Теремии, тогда они все втроем находились в большой опасности. «Если Анда хочет отомстить за смерть Цдама, она должна сделать это здесь»: эти предупреждающие слова Керра вновь промелькнули в голове Стена, и он знал, что юный тролль прав. Для многих их врагов сила и гнев троллей означали верную смерть. Если Анда стала еще более дикой и сильной, то у юного влахака вообще не было никаких шансов выстоять в бою против нее. Пард мог убить человека одним ударом своих огромных кулачищ. В воинственном запале тролли разбивали щиты, доспехи фактически не защищали.

«Как всегда говорил Натиоле? Не нужны доспехи тому, в кого не попали», — вспомнил Стен слова своего старого друга и боевого соратника, который не пережил освободительной войны.

Вдруг Стен услышал перед собой треск. Он весь напрягся, прислушиваясь к темноте, и

вглядывался в лес, и потом он увидел их: большие темные силуэты, которые пробирались сквозь заросли.

— Да это же… — пробормотал Пард, после чего грозно прорычал: — Врок!

— Да, — ответил тот и подошел к ним.

Позади него шла целая дюжина троллей. Со Стена спало невероятное напряжение, которое он испытывал до сих пор, и он засунул кинжал назад в ножны.

— Проклятое, глупое карликовое отродье, — гневно закричал Пард. — Что вы тут делаете?

— Охотимся.

— Охотитесь? А что же с теми животными, которых вы должны были съесть? Что, они уже закончились? — недоверчиво спросил Пард.

— Нет. Но мы хотели…

— Что? У тебя что, голова совсем пустая? Хотите побороться против людей?

— Что? Почему?

— В городе сейчас как раз собираются воины, чтобы разобраться с вами.

— Люди? Но почему… — начал было Врок, но Пард накричал на него:

— Заткнись, ты, проклятый пожиратель крыс!

Тыльной стороной ладони Пард отвесил Вроку тяжелый удар, от которого у того голова мотнулась в сторону. Врок оскалился, и на мгновение Стен подумал, что он нападет на Парда. Но тот опустил взгляд и промолчал. Его спутники тоже не сказали ни слова. Было очевидно, что никто из них не хочет навлекать на себя гнев Парда. Массивный тролль ходил взад-вперед, тихо ругался и бросал на других троллей мрачные взгляды. Даже Керр молча стоял в стороне и не вмешивался.

— Придется мне проучить тебя! — наконец закричал Пард.

— Вы должны исчезнуть, — быстро предложил Стен, пока дело не дошло до рукоприкладства. — Возвращайтесь побыстрее туда, где вас разместили, и спускайтесь в подвал.

— А ты?

— Я останусь и попытаюсь решить вопрос. Будет лучше, если воины моего народа не встретят вас.

— А не должен ли я тоже остаться? — спросил Пард, но Стен покачал головой.

— Нет. Мы же не хотим, чтобы возникли какие-то недоразумения, правда? Воины будут нервничать, а ты разозлишься. Не самые лучшие условия для встречи.

— Хорошо. Мы пойдем, — пробурчал Пард, после чего прорычал Вроку: — А с тобой мы еще поговорим, дубина…

Тролли с подавленным видом направились за Пардом, который уверенно шагал в сторону двора, где их поселили. Сначала Стен задумался, откуда тролли так точно знают, где находится их лагерь, но потом решил, что это не важно, развернулся и побежал назад, в сторону города.

Уже скоро он был на улицах, но воинов нигде не встретил. «Надеюсь, я не разминулся с ними и они не наткнулись на троллей. В темном лесу это может привести к катастрофе!»

В это мгновение Стен заметил приближающиеся огни. Когда всадники подъехали немного ближе, влахак увидел, какой большой отряд из осторожности собрал Неагас. Ведь ветеран тоже знал силу троллей и видел, как линия троллей выстаивала даже против тяжелой кавалерии масридов.

Сам Неагас скакал во главе отряда и поднял руку, когда заметил Стена и узнал его. С громким топотом копыт и фырканьем лошадей отряд остановился.

— Неагас! — прокричал юный дворянин. — Опасности нет!

Воин ошеломленно посмотрел на Стена. Солдаты его отряда также обменялись вопросительными взглядами.

— Это были всего лишь… наши гости. Тролли Парда.

— А разве они не должны были оставаться во дворе?

— Они решили немного прогуляться.

— Они хотели убить меня и съесть! — вмешался воин, появление которого и вызвало весь этот переполох. — Я собственными ушами слышал, как они это говорили!

— Скорее всего, недоразумение, — успокоил его Стен, в то время как сам про себя чертыхался.

«Насколько же глупым можно быть? Ведь Врок на самом деле не хотел нападать на человека. Или это не так?»

— Стен, — спокойно начал Неагас. — Тролли должны оставаться там, где мы их разместили. Так будет надежнее. Для них, но и для нас тоже, конечно.

— Я знаю, знаю. Было глупо с их стороны выйти в лес, но как раз сейчас они возвращаются назад.

Ветеран покачал головой, а потом приказал своим солдатам:

— Назад в Теремию! Потеха закончилась.

Пока воины разворачивали лошадей, Неагас наклонился вперед, к Стену.

— Воевода хочет еще раз поговорить с тобой с глазу на глаз. Можешь сесть ко мне на лошадь, я тебя подвезу.

— Нет, спасибо. Я лучше пробегусь. Скажи ей, что я скоро буду в Теремии.

Неагас кивнул, затем развернулся вместе со своим отрядом, а Стен ушел один. «Надеюсь, тот небольшой эпизод не вызовет негодования у Ионны. Если она отклонит просьбу троллей, то я упаду в глазах Парда и его троллей».

После столетий обособленного существования людей и троллей при встрече с троллями у людей всегда возникает страх. В историях и легендах влахаков тролли были злодеями, чудовищами, которые поедали маленьких детей, а также считались глупыми. Людям было сложно терпеть присутствие троллей на поверхности, в то время как исполинские создания чувствовали себя неуверенными и незащищенными в дневное время. До сих пор все недоразумения разрешались мирно, но всегда сохранялась опасность стычки.

Пока Стен шел в город пешком, ему представилась возможность все обдумать. В какой-то момент он забыл и о троллях, и обо всем остальном. Над ним блестели звезды, и он мысленно отправился на восток, в Турдуй, к Висинии. «Удалось ли ей уже уговорить марчега Гиулу?» И хотя Стен был рад, что она отправилась в сопровождении его сестры и целого эскорта воинов, его все же беспокоила мысль, что она добровольно поехала в крепость к масридам. «Она справится, — попытался он успокоить сам себя. — Кажется, у этого марчега есть сын. Наверное, изнеженный паренек, который за это время уже влюбился в нее и ухаживает теперь за ней…» От этой мысли Стен усмехнулся.

Хотя ночная прогулка доставляла ему невероятное наслаждение, он добрался до ворот крепости Ремис. Были потушены все огни, кроме одного, и даже от охраны остался лишь основной состав. Стен кивнул солдатам, зашел в главное здание и пошел в тронный зал. Там между двумя колоннами стояли и тихо беседовали Ионна и Истран. Кашлянув, Стен привлек к себе внимание.

— Ах, Стен сал Дабран, — сказал Истран с самодовольной улыбкой. — Ваши спутники показали себя во всей красе, да, уж этого у них не отнять.

— Они не привыкли к нашим законам и правилам, но стараются.

— Во всяком случае, я с нетерпением жду, что еще они приготовили.

— Хватит, — мягко сказала Ионна, прежде чем Стен успел ответить на этот выпад.

«Высокомерный выскочка, — подумал влахак. — Он ведет себя так, словно Влахкис — его собственность».

— Истран, пожалуйста, оставь нас одних. Стен, давай перейдем в комнату для совещаний — там уютнее, чем в зале.

Стен согнулся в поклоне, когда Истран проходил мимо него, немного задетый тем, что его попросили уйти. После этого Стен последовал за Ионной через дверь за троном в маленькую комнату для совещаний. Воевода взяла кубок со стола и наполнила его темно-красным вином из графина. Под ее вопросительным взглядом он тоже подошел к столу и

налил себе кубок красного.

— Твое присутствие ставит меня в затруднительное положение, — начала разговор Ионна и отпила небольшой глоток.

Как только они остались одни, она стала обращаться к нему доверительно, как к родственнику. Только в присутствии придворных они обращались друг к другу формально, как пристало главной воеводе и боярину.

— Из-за троллей? — осторожно поинтересовался Стен.

— Точно. Из-за троллей. Я не знаю, что ты, что вы от меня ожидаете. Мне кажется, что даже тролли сами толком не знают, почему они вообще здесь на поверхности.

— В основном потому, что их выжила из-под земли Анда и ее отродье. Но, судя по всему, Друан верил, что ключ к решению их проблем находится здесь, на поверхности.

— И? Что это за ключ?

— К сожалению, я этого не знаю, — со вздохом признался Стен.

Сухое вино пахло просто божественно, и Стен отпил еще один большой глоток, наслаждаясь его вкусом. Ему даже не нужно было спрашивать, чтобы узнать, что это вино из вольного Влахкиса. Вино востока слаще и тяжелее, чем это.

— Тогда мы тоже не сможем им помочь. Не говоря уже о том, что мы не в состоянии им и одного воина выделить.

— Боюсь, воины вряд ли поправят положение. Друан не это имел в виду. Если Пард и его тролли не выстоят в битве против Анды, то нашим солдатам тем более ничего не светит.

— Что ты думаешь о сообщениях с востока? — Ионна резко сменила тему.

Им» Я мало что знаю об этом. Возможно, масриды просто защищаются от нападений троллей. А может, и планируют войну.

— Как ни жаль, в данный момент тролли не так важны и… — начала воевода и подняла руку, когда увидела, что Стен захотел возразить ей. — Вот уже год, как у нас сохранялся мир с востоком. Но, боюсь, грядет новая война. Марчег Ласцлар не просто так собирает свои отряды, он планирует что-то.

— И что же?

— Здесь у меня так же намного больше вопросов, чем ответов, как у тебя с решением проблемы твоих троллей. Но я знаю, что наши старания помешать альянсу двух марчегов были не напрасны. Тем не менее до сих пор у нас не было никаких конкретных соглашений, а только устные договоренности. Гиула, казалось, был расположен к нашим предложениям, в то время как Ласцлар всегда оставался недоверчивым. Он всегда принимал наших посланников с едва скрываемой враждебностью.

— Что с Висинией? Означает ли это, что она в опасности? — испуганно спросил Стен и сглотнул слюну.

В нем поднялась волна горячего страха, но Ионна покачала головой.

— Я не думаю. Сообщения противоречивы, но Гиула не нарушает перемирия. Это Ласцлар вызывает у нас тревогу.

— Что ты будешь делать?

— Я уже отдала приказ собирать воинов. Мы будем укреплять наши границы на востоке.

— А что с деревнями в горах? Если там случатся еще нападения, похожие на те, что в Арсите? — обеспокоенно уточнил Стен.

— Будем надеяться, что это был единичный случай. Мы не можем защитить все деревни на должном уровне. Гораздо большая опасность нам угрожает с востока, а не из глубин земли.

Чтобы потянуть немного время и собраться с мыслями, Стен отпил еще глоток вина. «Надвигающаяся война с масридами, тролли в горах». Снова он подумал, как было бы хорошо, если бы Висиния была сейчас с ним. И не только потому, что ее интеллект и советы всегда были очень ценны, еще у нее, как у сестры воеводы, было особенное влияние на Ионну. Не раз ее рассудительность и аргументы убеждали Ионну в тех случаях, когда другие

будто бы наталкивались на глухую стену.

— Мы не можем бросить людей в деревнях на произвол судьбы, — тихо заявил юный дворянин. — Тролли не завоевывают, они уничтожают. Арситу сровняли с землей. Лишь немногим выжившим удалось сбежать. Костин мертв.

— Мы не можем открыть наши фланги на востоке только для того, чтобы защититься от нападений, о которых мы не знаем, когда они происходят, где и происходят ли вообще. Даже если бы в настоящий момент нам не угрожала опасность со стороны масридов, как ты думаешь, как скоро марчеги воспользуются такой возможностью?

— Довольно скоро, — согласился Стен с воеводой. — Ты права. Но, скорее всего, мы сможем помочь троллям и без солдат. Может, есть все-таки способ победить Анду. Я мог бы…

— Ты нужен мне, Стен. Если бы ты сам не приехал, я бы все равно послала за тобой. Мне нужен рассудительный, опытный предводитель отрядов на границах. Я не хочу рисковать. Поспешные действия могут привести к нехорошим результатам. Поэтому я хочу, чтобы ты принял командование отрядами на границе южнее Маги.

— Я дал троллям слово, — возразил Стен. — Они доверяют мне и надеются, что я помогу им на наших землях.

— Стен, нам грозит война, — настаивала Ионна. — Многие наши солдаты знают тебя. Они доверяют тебе. Я доверяю тебе.

Стен молча посмотрел на княгиню. В его душе шла борьба. «Я дал слово, кроме меня, у троллей нет больше ходатаев. Но что я один смогу сделать, если Ионна откажет в помощи? И если нам действительно грозит война, то я едва ли могу обижаться на нее за это».

Внезапно воздух в комнатке показался ему спертым и душным, а вино горьким.

— У нас еще есть время, — наконец сказал Стен и поставил кубок на стол. — Мы можем попытаться больше узнать об Анде. Возможно, одному из троллей удастся вспомнить еще что-то, что мог иметь в виду Друан.

— А если на нас нападут враги?

— Тогда я буду бороться и защищать наши земли, — твердо заявил юный воин.

— Это то, чего я ожидаю от тебя, боярин, — торжественным тоном ответила Ионна.

Несколько мгновений княгиня пристально смотрела на него, потом едва заметно кивнула Стену, и тот понял, что беседа окончена. Он развернулся и вышел назад в тронный зал. Изображенные на гобеленах влахаки смотрели ему вслед, когда он покинул зал и вышел через холл в ночь. Он шел, тяжело ступая из-за невеселых дум, которые навалились на него все разом. Он вновь вспомнил о словах Натиоле: «Мы не найдем мира, Стен, может быть, даже когда все будет кончено и останки Цорпада будут покоиться в холодной земле. Мы слишком много пережили и слишком много видели. Но другие могут жить в мире, если мы победим. Наши дети смогут расти в мире. За это я и борюсь, Стен. Чтобы у этой страны было будущее!»

Последнее предложение Стен несколько раз повторил про себя. «Мы победили, и Цорпад мертв. Но могут ли наши дети расти в мире? Нам снова грозит война. И даже если это будут не влахаки, а влахаки, которые хотят перенести войну на восток. Возможен ли вообще мир во Влахкисе? Может ли на этой пропитанной кровью земле вырасти что-то кроме ненависти и ярости?»

Когда Стен вышел из городских ворот, оставив за собой все огни города, он посмотрел на небосвод. Темнота между звезд казалось бесконечной. Вокруг влахака раскинулась спящая страна. Земля под ногами была сухой и твердой. Теплый воздух. Не было слышно и шороха, и неожиданно ему показалось, как у него расширились чувства, несясь по земле, осязая каждый камень, каждый куст, каждую нору. А потом он почувствовал больше, чем слышал. Медленные далекие раскаты грома, нарастающие и стихающие. Земля, казалось, пульсировала, и все, живое и неживое, будь то малейший камень, мягко резонировало с ней. Затем охранник позади Стена прокричал время, и странное восприятие мира поблекло так же быстро, как и возникло. Страна снова стала самой собой, а Стен — лишь слабым человеком в

темноте, в которой он искал свою дорогу.

— Я мог бы…

Недосказанную угрозу можно было легко закончить, только посмотрев на выражение лица Парда.

И хотя Врок выглядел подавленным, задиристости ему было не занимать.

— Это была шутка, — оправдывался он. — Откуда нам было знать, что люди такие легковерные?

— Я сказал вам оставаться здесь. Здесь есть свежее мясо и места достаточно, так зачем вам нужно было отправляться на охоту и создавать неприятности? — спросил Пард нарочито спокойно.

— Мы хотели…

— Черт возьми! — вспылил снова Пард. — Вы не должны были хотеть. Вы должны были заткнуться и ждать!

На этот раз Врок ничего не ответил, но Стен заметил гневные искры в темных глазах тролля.

— Исчезни! — наконец рявкнул Пард.

Когда Врок послушно пошел в один из углов, огромный тролль повернулся к Стену:

— Насколько все плохо?

— Нормально. Ионна не относится к пугливым, не волнуйся. Но есть достаточно людей, которые не знают вас и поэтому боятся. — Тут Стен немного помолчал, подумав, и добавил: — Или знают вас и поэтому боятся.

— Да, да. Может, нам еще раз поговорить с Ионной?

— Лучше не надо. У нас есть совсем другие проблемы.

— Что такое? — с любопытством спросил Керр и присоединился к ним.

— Война надвигается. На востоке собираются грозовые тучи.

— Дождь? — спросил Пард, но Стен покачал головой.

— Это просто образ. Складывается впечатление, будто масриды или по крайней мере один из марчегов что-то планирует. Может, даже нападение.

— Это нехорошо для твоего народа, — тихо предположил Керр.

— Нет. И еще это означает, что нам потребуется каждый воин, который у нас есть.

— И ты тоже, — мрачно сказал Пард. — Ты ведешь свой народ к войне. Я видел это в битвах против Цорпада.

— Да, и я тоже.

— Значит, ты не будешь помогать нам? А отправишься на войну?

Керр, казалось, был испуган этим.

— Я не знаю, как смогу помочь вам, — удрученно признался Стен. — Я надеялся, что мы найдем решение здесь, в Теремии, но Ионна права. Наши воины вам не смогут помочь.

— Нет, — прорычал Пард и, сдвинув брови, добавил: — Может, здесь снова кроется масрид? Такой, как Цорпад? Может, нам стоит отправиться с вами.

— Может, и стоит, — не стал отрицать Стен. — А может, и нет. Хотя мысль сама по себе очень заманчива, я не верю в это.

— Что же нам делать? Мы не можем остаться на поверхности навсегда. И если ты уйдешь, нам не стоит находиться вблизи людей.

— Мы можем бороться вместе со Стеном, — вмешался Керр.

— Это не наша битва. У нас и так есть своя война, — возразил Пард. — Стен должен вести свои битвы, а мы — свои.

И хотя Стену уже приходила в голову мысль, высказанная Керром, он понимал, что Пард прав. Если на востоке разразится война, тролли, естественно, станут очень полезными союзниками, но при этом они не решат собственной проблемы. Да и длительное совместное проживание с троллями было довольно напряженным. «Даже независимо от мрачных причин, скрывающихся за войной с Андой. К тому же Ионна не убедила меня в том, что эта

угроза не такая уж и большая для нас. Смерть Костина и уничтожение Арситы говорят сами за себя». Воспоминание о потере маленького, всегда веселого влахака вновь болью отозвалось в сердце.

— Неужели у вас нет ни малейшего предположения о том, что хотел здесь Друан?

— Он думал, что ты сможешь помочь, — мрачно ответил большой тролль.

— А он больше ничего не говорил?

— Говорил, — воскликнул вдруг Керр. — Он назвал еще одно имя. Во время бегства. Незадолго до того, как… как его поймала Анда.

Юный тролль запнулся и схватился за бок, где виднелись два длинных бугристых шрама. «Следы когтей», — подумал Стен и вслух спросил:

— Какое имя? Кого Друан назвал тебе?

Юный тролль задумался, несколько раз открыв и закрыв рот.

— Вангелиу, — неожиданно ответил за него Пард. — Керр рассказал мне, когда мы его нашли. Он был тяжело ранен.

Влахак почувствовал большое облегчение. «Возможно, у Друана все-таки был план». Стен лихорадочно начал думать о том, что же могло подтолкнуть Друана к такому поручению. Старый Вангелиу был прорицателем, мудрым человеком, который жил в постоянном диалоге с духами земли. Такие люди, как он, все два столетия господства масридов преследовались священниками культа Альбус Сунас — до тех пор, пока осталось очень мало людей, которые что-то знали о старых преданиях. Вера в духов влахаков была запрещена масридами и строго наказывалась. Несколько прорицателей выжили под защитой непоколебимого Мардева, где у мятежников был свой оплот и некоторые возможности. Гораздо меньшее их количество влачили свое существование в покоренных областях, в постоянном страхе перед сожжением на костре.

Сам Стен всегда испытывал глубокое уважение к старым традициям своего народа, а также к мужчинам и женщинам, которые за свою веру часто смотрели в глаза смерти. Одним из таких людей был Вангелиу, сейчас уже совсем старик. Стен и тролли познакомились с ним в прошлом году незадолго до битвы. Вместо страха он высказал по отношению к троллям гостеприимство и лечил раны людям. Казалось, что между седовласым прорицателем и всеми людьми и другими божьими созданиями во Влахкисе существовала какая-то древняя связь.

— Наверное, Друан подумал, что вам может помочь магия прорицателя. Или что духи знают ответы на ваши вопросы, — вслух размышлял Стен.

— Хорошо. Тогда пойдем к этому старому человечку, — решительно сказал Стен.

— Не так быстро. При дворе есть одна прорицательница, которая помогает советами Ионне. Нам нужно сначала поговорить с ней. Может быть, таким образом мы сможем избежать лишней поездки к Вангелиу.

— Тогда давай к ней, — настаивал большой тролль.

— Но сейчас же середина ночи.

— Когда мы в дороге, то всегда середина ночи.

Стен, смеясь, согласился с троллем. На горизонте наконец появился проблеск надежды, и лабиринт мыслей юного воина, казалось, начал медленно распутываться.

— И все же давайте подождем до завтрашней ночи. Люди спят, по ночам, — объяснил Стен с наигранной серьезностью. — Мы же не хотим быть невежливыми.

Комната была освещена лишь одной мерцающей свечкой. Но, тем не менее, в ней было невыносимо жарко. На белых окрашенных стенах плясали тени людей, отбрасываемые огнем свечки, хотя сквозняка не было.

— И как долго это уже продолжается? — шепотом спросил Стен, хотя для этого, в принципе, не было причин.

Такой вопрос показался ему соответствующим ситуации.

— Несколько недель, — ответила целительница Ливиан. — Сначала у нее была

лихорадка, но затем все быстро прошло. А потом за один день она впала в это состояние.

Они посмотрели на прорицательницу, лежащую на кровати. Ее кожа была как восковая. Глаза закрыты, и только губы беспрерывно двигались, шепча тихие, почти беззвучные слова.

— Зачем это? — спросил Стен и показал на покрывало, которое было прикреплено по обеим сторонам кровати.

— Иногда она становится очень неспокойной. Мы привязываем ее, чтобы она не поранилась.

— А что это за болезнь такая? С тяжелой лихорадкой…

Влахак не договорил. Прорицательница Калинэ на первый взгляд могла показаться мертвой, если бы не шептала что-то все время. «Сейчас она нам совсем не поможет. Скорее наоборот, ей нужна любая помощь, которую ей только смогут оказать».

— Не знаю. Я еще ничего подобного не видела. Или же ее убивает лихорадка, или же она так отдыхает. Но так долго стоять на пороге между этим миром и следующим… как бы я хотела больше сделать для нее.

— Она хоть иногда просыпается?

— Периодически она говорит более отчетливо, — ответила Ливиан.

— Вы сможете послать за мной гонца, когда такое вновь произойдет?

— Естественно.

Стен с благодарностью попрощался, бросив последний взгляд на маленький силуэт прорицательницы, которая сейчас казалась такой уязвимой и слабой. Вернувшись к троллям, он сразу подошел к Парду и Керру, которые ожидали его.

— Ей очень плохо. Она не сможет с вами поговорить.

— Так, может, нам нужно уйти?

— Нет. Давайте подождем еще несколько дней, — предложил Стен, которому было спокойнее знать, что тролли находятся в надежном и безопасном месте. — Может, скоро ей станет лучше. А к Вангелиу мы можем отправиться в любой день.

Немного поворчав, Пард согласился с человеком, хотя Стен и заметил, как не понравилась эта новость троллю. «Ожидание для него невыносимо. Но Калинэ борется в своей битве, а нам остается лишь ждать, победит она или проиграет».

В течение следующих дней Стен принял участие в нескольких обсуждениях совета. Все больше и больше дворян и предводителей прибывало по приказанию Ионны в Теремию, и уже скоро солдаты в форме всех цветов стали привычным зрелищем на улицах города. По ночам Стен иногда сопровождал троллей, так как они не могли безвылазно сидеть в подвале. А когда Стен не мог этого делать, то столь редких гостей охраняли несколько ветеранов, которые участвовали в великой битве прошлого года. Когда наконец пришло сообщение, что жар у Калинэ немного спал, тролли с облегчением вздохнули, ведь вынужденное ожидание в подвале сильно угнетало их. Со спокойной душой Стен, Керр и Пард отправились в дорогу, чтобы еще раз навестить болеющую прорицательницу.

Однако, еще не дойдя до цели, они услышали тяжелый топот копыт по мостовой, приближающийся к ним. Тролли тут же остановились, и Стен почувствовал их напряжение.

Вскоре из темноты к ним выехали два рыцаря, освещавшие себе путь высокими фонарями. Увидев человека и троллей, они натянули поводья лошадей и уже медленным шагом подошли к ним. Это были мужчина и женщина, одетые в цвета Ионны. Сидящий впереди мужчина наклонился вперед и спросил;

— Стен сал Дабран?

Ожидая уже самого худшего, влахак ответил:

— Да, это я.

— Вы должны последовать за нами. Воевода получила новости и просит срочно прибыть к ней.

— Новости? Что за новости?

— С востока, — уточнил посланник хриплым голосом. — Марчег Ласцлар повел своих

солдат в войну.

— О этот трижды проклятый пес! — взорвался Стен и, повернувшись к троллям, объяснил им новость: — Марчег нападает на нас.

— Простите, — вмешался вдруг рыцарь, прежде чем тролли успели что-то ответить, — но марчег Ласцлар идет маршем на Турдуй, а не на нас.

Стена словно холодной водой окатили. Его руки задрожали, когда он понял, что это означает. «Висиния в Турдуе!»

20

Настроение было подавленное, однако Флорес фактически не замечала других воинов. С тех пор как лазутчики доложили, что преследователи не напали на их след и не гонятся за ними, Тамар хотя бы разрешил сбросить тот головокружительный темп, который они взяли от самого туннеля, дав возможность немного отдохнуть и людям, и животным. Затем они наконец встретились с войском под командованием сцарка по имени Оден, который привел его с границы. Так что беженцы были переданы под его защиту. Собрав отряд в пятьдесят человек, Тамар поскакал на запад, в то время как беженцы под защитой пехоты и кавалерии медленно потянулись за ним.

Ежедневное колоссальное напряжение сил требовало от людей большой выдержки. А у Флорес к физическому истощению добавилась еще и духовная усталость, которая парализовала все остальные ее ощущения. Потеря Висинии оставила в душе юной влахаки болезненную пустоту. Она чувствовала боль в спине и ногах, теплое пульсирование в отекшей правой руке. Она ела всухомятку и пила воду. Но все это казалось ей ненастоящим, ничто не могло заглушить безмолвие в ее душе. Только терзающий голос, обвиняющий ее в смерти юной боярыни. «Это разобьет Стену сердце, — мрачно думала она. — Мой брат доверял мне; Ионна доверила мне сопровождать Висинию и вернуть ее в целости и сохранности, а теперь она мертва. О духи, как же он ее любил».

Вскоре погода испортилась. Небо затянуло облаками, и хоть жара последних недель спала, но воздух стал душным и влажным. Однообразие дней для Флорес слилось в одну бесконечную скачку. Она больше не знала, как долго они уже в пути, да это и не интересовало ее. Когда Тамар останавливал отряд, она не знала, будет ли то короткая передышка или уже ночной привал. Она молча спрыгивала с седла и опускалась на землю у какого-нибудь дерева, опираясь на его ствол. Вокруг люди начинали заниматься обыденными делами. Расседлывали коней, зажигали костер, чтобы приготовить еду, и убирали камни с территории лагеря. Один из масридов взял ее лошадь за повод и начал обтирать ее. Флорес безучастно закрыла глаза и не открывала их до тех пор, пока на нее не упала тень.

— В нашем народе принято, чтобы каждый воин сам заботился о своей лошади.

Легкий кивок — единственное, на что была способна Флорес. Тень исчезла с ее лица, и она вновь откинула голову.

— А вы позор для своих воинов, — прошипел Тамар ей на ухо.

На этот раз влахака открыла глаза и устало посмотрела на масрида.

— Наконец наша принцесса проснулась! — язвительно проговорил марчег. — Как вы можете опускаться до такого?

— Устала, — ответила Флорес.

— Мы все устали. Мы все истощены. Но, тем не менее, мы продолжаем выполнять свои обязанности!

Тяжело вздохнув, Флорес закатила глаза и медленно поднялась. Хотела было уже пройти мимо Тамара, но тот схватил ее за руку.

— Куда?

— К моей лошади, — кратко ответила она. — Отпустите меня.

Однако тот продолжал крепко держать ее за руку. Его пальцы впились ей в кожу.

— Ты думаешь, что, если ты будешь заботиться о своем животном, я оставлю тебя в покое? — резко бросил масрид.

Раньше такой тон и фамильярное обращение масрида рассердили бы Флорес, но сейчас она только кивнула в ответ.

— Неправильно думаешь, Флорес из Дабрана. Твое поведение действует мне на нервы. И к тому же оно плохой пример для моих воинов.

— Тогда исключите меня из своего августейшего общества, — возразила Флорес.

— Вместо этого я лучше верну тебе на место разум! — прорычал Тамар.

Инстинктивно рука Флорес опустилась на рукоять меча.

— Ах! Значит, в тебе еще что-то осталось от воительницы, которая сражалась со мной плечом к плечу?

— Отпустите меня, — вновь потребовала влахака.

Она попыталась заглянуть в глаза Тамара. «Неужели ты не видишь, что я хочу побыть одна? Исчезни наконец».

— Нет, это ты должна отпустить!

— Что? — непонимающе пробормотала Флорес.

— В смерти Висинии сал Сарес нет твоей вины. Она мертва, а ты живешь. Мы все должны терпеливо переносить наши потери.

— Что ты об этом знаешь?

Больно сжав руку, масрид притянул ее к себе.

— Мой отец погиб. Мой город пал. Я должен положиться на милость и благосклонность твоего народа. Возможно, даже гордый род моих предков закончится со мной и после меня не останется ничего, кроме песен, рассказывающих о моем позоре. Я очень хорошо знаю, что такое потеря.

Несмотря на свои жесткие слова, Тамар наконец отпустил её и обвел рукой лагерь.

— Каждая женщина, каждый мужчина что-то потерял. Многие из них боятся за свои семьи, а другие их уже утратили. Ты в своей боли не одинока, Флорес, но ты единственная, кто капитулировал перед ней.

— Может, масриды скорбят меньше?

— Может, и так. Но, может, и так, что ты просто более эгоистична? А может, ты просто слабее? — насмешливо спросил Тамар и добавил: — Так, значит, правду говорят, что вы, влахаки, — слабый народ!

Тут Флорес в мгновение охватил гнев. По телу прокатилась волна горячей ярости, выгоняя свинцовую усталость из членов. Она заскрипела зубами и схватилась за оружие.

— Она мертва! — прокричала наемница. — Она боролась, а теперь она мертва!

— Многие умерли, — прокричал в ответ Тамар. — Она не единственная и точно не последняя!

Головы воинов повернулись к ним. Некоторые подошли даже ближе, но Флорес не обращала на них никакого внимания. Вся ее ярость сконцентрировалась на Тамаре.

— Висиния не должна была умереть. Я должна была спасти ее. Я должна была оставаться рядом с ней!

— Никто не мог спасти ее, — уже тихо сказал масрид. — Это не твоя вина.

— Мне нельзя было уходить, — ответила Флорес, и из ее глаз брызнули слезы. — Я оставила ее одну.

Флорес вновь увидела перед собой Висинию, как ее накрывает земля. Порванная юбка, растрепанная коса… А потом только пыль, и земля, и камни.

— Я могла что-то сделать, — тихо повторила Флорес. — Она была беременна, святые небеса, она же была беременна.

Весь лагерь сразу же накрыла полная тишина. У Флорес невольно вырвались всхлипы, как она ни старалась сдержаться. Слезы горячим потоком побежали по ее щекам. Тамар протянул к ней руку, словно хотел дотронуться и успокоить, но Флорес отступила на шаг назад и бросила на него взгляд, полный ярости.

— Довольны, марчег Бекезар?

Затем Флорес резко повернулась и пошла к лошади. Грубо вырвав платок из рук масрида, который обтирал ее лошадь, она сама начала вытирать с нее пот. Она чувствовала спиной взгляды солдат и Тамара. Она сердито вытерла слезы, чувствуя ненависть к масриду, который так унизил ее.

Лошадь недовольно зафыркала от резких и грубых движений, так что Флорес стала более осторожно обтирать ее. «Лошадь здесь совершенно ни при чем, это все этот хвастливый, трижды проклятый масрид». Ее голове было легко, а мысли летели теперь совсем иначе, чем в последние дни, когда почти не появлялись.

— Никто не должен стыдиться своих слез, если проливает их от истинной скорби, — прозвучал голос Тамара позади нее.

— Если вы не оставите меня в покое, я заставлю вас замолчать другим способом, — не оборачиваясь, холодно возразила Флорес.

— Как хотите, госпожа Флорес. Добро пожаловать вновь в страну живых.

Затем послышались его удаляющиеся шаги, и Флорес наконец осталась наедине со своими мыслями. «Я должна была напиться и вспоминать Висинию, вместо того чтобы разговаривать с марчегом. Я должна была думать о ее действиях и словах и никогда ее не забывать». Тут она замерла, сраженная новой мыслью: «Я буду тем человеком, от которого Стен узнает об этом». Душа ее ушла в пятки. На какое-то мгновение у нее возникла надежда, что тот уже каким-то таинственным образом узнал о смерти Висинии, что у него уже было время, чтобы свыкнуться с этой мыслью, но затем она переборола себя. «Я должна сказать это ему, это моя обязанность, мое бремя».

Остаток дня Флорес провела в стороне от воинов марчега. И только другие влахаки оставались рядом с ней. На следующий день она тоже скакала только с ними.

Вдоль Маги проходила старая дорога, по которой они и ехали. В первой половине дня с неба срывались тяжелые капли дождя и с севера доносились раскаты грома, но гроза все равно прошла стороной. Время от времени Тамар бросал взгляды на Флорес, но влахака игнорировала его. И только когда рыцарь из авангарда на всем скаку стал приближаться к ним, она направила свою гнедую поближе к марчегу. Рядом с воином скакал тот пожилой влахак в дорогой разукрашенной одежде, который вежливо склонил голову перед Тамаром, когда был представлен ему Кевесом. Услышав, что Тамар теперь марчег, невозмутимый посланник и бровью не повел.

— Моя госпожа, воевода Ионна сал Сарес, передает вам свои приветствия. Она расположилась на мели Иамеса со своими солдатами и просит марчега Бекезара принять участие в совете.

— В совете?

— Моя госпожа получила известие о нападении на вашу землю. Она просит вас вспомнить о ее мирном предложении. В данной ситуации война нежелательна для всех сторон.

— Ах, — ответил Тамар, нахмурившись. — Угроза.

Посланник испуганно поднял руки.

— Нет, нет, ни в коем случае. Если у вас возникло такое впечатление, то это моя ошибка. Все совсем не так: воевода Ионна предлагает вам свою помощь.

— Передайте княгине, что я приду на ее совет. Аудиенция окончена, — высокомерно заявил масрид и кивнул влахаку.

Несколько секунд тот озадаченно смотрел на него, а потом все же решился спросить:

— Еще меня попросили узнать о состоянии здоровья…

Не успел он договорить, как Тамар мрачно посмотрел на него и повторил:

— Аудиенция окончена.

Немного помедлив, посланник вновь низко поклонился и развернул своего коня.

— Вы не должны отказываться от помощи Ионны, — сказала Флорес, которая ехала сейчас рядом с Тамаром.

Масрид посмотрел на нее, подняв одну бровь.

— Флорес, вы нарушили свое молчание?

— Чтобы дать вам добрый совет, марчег.

— Тогда я благодарю вас за ваши благие намерения. Но я не собираюсь появляться в лагере Ионны в качестве просителя. Я принесу плохие новости, но я марчег Сиревы. С княгиней я буду разговаривать только как равный или вообще никак!

С этими словами он пришпорил лошадь и поскакал на запад.

Флорес некоторое время смотрела ему вслед, прежде чем последовать за ним. «Кого Ионна обвинит в смерти Висинии? Она захочет отомстить за свою сестру. Если Тамар не сможет убедить ее в своей невиновности, то недолго ему осталось быть марчегом. Словно молот и наковальня, его раздавит господство Ласцлара и Ионны. Да, можно сказать, что он даже вынужден заключить союз с нами, влахаками, так как в одиночку со своей разбитой армией он вряд ли сможет выстоять в грядущих боях».

На севере по темным тучам вновь прокатился гром. Вместе с масридами и сцарками Флорес присоединилась к Тамару, который скакал с высоко поднятой головой. Его лицо было настолько бесстрастным, что по нему совершенно нельзя было понять, думает ли он о своем будущем, таком туманном.

Только после обеда следующего дня на горизонте наконец-то появился Иамес. На другом берегу реки стояли шатры, над входом в которые на ветру развевались разноцветные вымпелы. К вечеру ветер усилился и стал холоднее, в то время как небо начали затягивать большие тучи. Лагерь влахаков был больше, чем Флорес ожидала. Вместо небольшой свиты Ионна собрала многих своих воинов. «Она готовит военный поход», — поняла наемница.

Немного выше того места, где Иамес впадал в Маги, находилась небольшая отмель. Именно на этом месте более двух столетий назад состоялась пресловутая битва, в которой масриды под предводительством Аркаса Диммину разбили отряд влахаков и убили краля Тиреа. Флорес это место показалось очень подходящим для встречи. Скоро здесь будет продолжена история страны. И хотя Флорес много думала об этом, она не могла догадаться, какие решения уже успела принять Ионна.

Из-за продолжительной засухи уровень воды в Иамесе был совсем низкий. Луга по обе стороны реки назывались здесь полями костей из-за множества воинов, которые полегли здесь и были похоронены в неглубоких могилах, размываемых при разливе реки. Не медля ни мгновения, Тамар направил своего коня в воду. На другом берегу им пришлось подняться на небольшой холм, на котором и был разбит лагерь Ионны. Влахакские воины встретили уставших запыленных рыцарей и повели их по узким проходам меж шатров. Флорес с удивлением заметила много разных гербов. Казалось, здесь встретились дворяне со всех частей их страны. Это могло означать только, что у Ионны было время, чтобы собрать своих подданных. «Означает ли это также то, что и Стен здесь?»

Наемница повсюду видела вооруженных воинов в доспехах, сидевших группами у костров или под навесами палаток и шатров. Многие лица были ей знакомы, то тут, то там ей кивали.

Наконец они доехали до того места, где стояло несколько самых больших шатров. На самом высоком красовалось знамя с вороном. С задеревеневшими ногами влахака спрыгнула с лошади и с благодарной улыбкой передала поводья подбежавшему юнцу. Позади нее послышались быстрые шаги. Но прежде чем она успела обернуться, ее схватили в объятия крепкие руки.

— Хвала небу, ты жива, — радостно сказал Стен.

Она с наслаждением прильнула к брату. Когда они наконец отпустили друг друга, Стен положил руки ей на плечи.

— Мы опасались самого худшего. Я уже хотел отправляться в Турдуй, но тролли и Ионна удержали меня здесь… — Заметив взгляд Флорес, он оборвал фразу и спросил: — Что случилось?

Он опустил руки, отошел на шаг назад и осмотрел ряды масридов:

— Где Висиния?

Его голос внезапно охрип. Флорес хотела вновь обнять его и сообщить ему ужасную новость, но ее словно парализовало. Печаль сдавила ей горло, а на глазах появились слезы. Стен медленно покачал головой, не веря тому, о чем начал догадываться.

— Нет, — прошептал юный воин. — Нет. Нет, это неправда. Нет.

— Стен, — начала было Флорес, но брат упал на колени, прежде чем она смогла продолжить.

Он продолжал качать головой, а губы его дрожали.

— Нет!

Его крик пронесся среди палаток, уносимый ветром. В отчаянии влахака тоже упала на колени перед Стеном и обняла его. Он беззвучно плакал, и его слезы текли ручьями по лицу и рукам Флорес. Казалось, жизнь покидала его тело. Флорес тоже заплакала, скорбя вместе с братом и за брата. Стен всегда был сильным, он всегда смело встречал вызов врагов. Он смотрел смерти в глаза. Он никогда не терял веру в то, что все можно изменить, пока продолжаешь бороться. Он потерял друзей, семью, боевых товарищей. Он стойко переносил все удары, все его раны зарубцовывались. «Вот только этот удар, — поняла Флорес, — был смертельным».

«Ты не один, ты не один» — это было все, о чем она могла думать, в то время как брат в ее объятиях переживал страшную весть.

21

В полированном бронзовом диске отражалось худое лицо. И хотя кожа загорела, было заметно общее истощение. Под глазами темные круги, щеки и подбородок покрыты запущенной бородой. С мокрых волос по вискам стекали капли, когда Тамар взял нож для бритья. Тут позади него раздался шорох — кто-то вошел.

— Вецет, я почистил ваши сапоги.

— Спасибо, Кевес, — пробормотал масрид, брея подбородок.

Масло, которым Тамар намазал себе бороду, пахло мускусом. Он тщательно сбрил всю поросль, после чего промокнул лицо сухим полотенцем.

Теперь, без неухоженной бороды его отражение в зеркале выглядело лучше, даже если усталость стала еще заметнее. Высокие скулы выпирали, и лицо казалось осунувшимся. «Мне нельзя появляться побежденным, — мрачно подумал Тамар. — Я — марчег Бекезар, князь масридов. Я предстаю перед влахаками. Они должны увидеть, что я хозяин своего положения». Он провел рукой по коротким жестким волосам, которые ему подстриг Кевес. И только на затылке сцарк оставил один локон, как это принято среди его воинов. «А разве в наше время мы все сейчас не воины?»

Так как при бегстве из Турдуя у него осталась только та одежда, которая была на нем, ему пришлось принять предложение слуг Ионны подать ему соответствующую одежду.

Его доспехи вместе с нательным бельем висели на вешалке для доспехов. Хотя Кевес и постарался привести их в порядок, самое большее, что ему удалось, так это счистить самую большую грязь. И хотя дырки залатали, а грязь почистили, во многих местах кожа пропиталась кровью. «Моя кровь, кровь отца, кровь наших врагов. Пролитая на крепостной стене Турдуя, где сейчас Ласцлар Сцилас пьет вино из наших погребов. А смерть моего отца пока не отомщена».

Новая одежда раздражала кожу, отчего зудели медленно заживающие раны, но Тамар не обращал на это внимания. Когда Кевес поставил перед ним бронзовое зеркало, масрид довольно кивнул. Портные Ионны постарались на славу. Камзол сидел по фигуре, подчеркивая его широкие плечи, а герб с грифом мог вполне быть взят из запасов оружейного склада Турдуя, настолько похожими были цвета и рисунок. Его секира висела в петле на поясе для оружия.

— Хорошо, — сказал масрид сам себе. «Этого будет вполне достаточно».

Тут от входа в шатер послышалось вежливое обращение:

— Марчег?

— Да?

— Воевода Ионна позвала меня сопроводить вас на совет.

— Хорошо. Подожди, — резко ответил Тамар и сел на низкую кровать.

Он махнул рукой Кевесу, и тот принес ему сапоги. Тамар не торопясь обулся и сделал два глубоких вдоха и выдоха. Только после этого он вышел из шатра. Хотя солнце и стояло уже высоко, день был пасмурным. Тучи закрывали небо, отчего краски потускнели. Масрид кивком поприветствовал темноволосого слугу и огляделся вокруг. В лагере было спокойно; большинство солдат и людей из свиты отдыхали в ожидании.

Размеренным шагом Тамар последовал за влахаком, который привел его к роскошному шатру Ионны. Оба охранника почтительно расступились, и слуга откинул полог шатра. Войдя туда, масрид в первое мгновение был ошеломлен, так как изнутри и без того большой шатер казался еще больше. Посредине стояла широкая чаша с огнем, в которой тлело несколько угольков. Еще шатер освещали фонари и открытые люки. Разноцветные знамена свисали с поперечных распорок. Повсюду были расставлены удобные стулья, на которых лежали подушки и меха. Но все присутствующие влахаки стояли, а не сидели.

В этом тусклом свете масрид сразу узнал Ионну, которая сидела в кресле на небольшом возвышении. Слева и справа от влахакской властительницы стояли ее советники и другие дворяне. «Мне тоже нужно было взять с собой пяток людей», — с сожалением подумал Тамар. Неожиданно он понял, что его ладони стали влажными. Он подавил желание вытереть их о штаны и поклонился.

— Добро пожаловать в Садат, марчег Бекезар. Простите за простое размещение, но мы посчитали лучшим перевести солдат к Иамесу.

Голос княгини звучал спокойно и хладнокровно, хотя вчера вечером она узнала о смерти своей сестры. Тамар пытливо посмотрел на ее лицо, но никаких волнений души не разглядел.

— Я благодарю вас, воевода Ионна. Ввиду сложившего положения смотр войск вполне уместен.

— Прежде чем мы продолжим, я должна представить вам нескольких из присутствующих.

Показывая на влахаков, Ионна быстро назвала их имена, но Тамар смог запомнить лишь несколько. Имена таких придворных, как Стен сал Дабран или Истран Оханеску, ему уже были известны. Пока княгиня заканчивала представление, Тамар задержал взгляд на Стене, который, смертельно бледный и небритый, стоял возле трона.

«Неужели это известный мятежник, брат Флорес?» Марчегу показалось, что он и так узнал бы его. Он был очень похож на свою сестру. Такое же худое лицо, такие же темные глаза и волосы. Только сейчас на его лице не было того огня, который так часто появлялся у юной наемницы. «Смерть Висинии Флорес пережила тяжело, но этого мужчину новость совсем подкосила. Я видел воинов, в груди которых торчала дюжина стрел, но в них оыло больше жизни, чем в нем!» Влахакский боярин посмотрел на Тамара, и масрида ужаснула пустота в его глазах. Поэтому он быстро повернулся к Ионне.

— Стен сал Дабран сообщил мне о захвате вашего города. И о падении крепости Зварен. А также о смерти… — здесь княгиня запнулась на секунду, прежде чем продолжить: — … моей сестры.

— Я сожалею о вашей утрате. Боярыня Висиния была сильной женщиной, которая дала беженцам из Турдуя веру и надежду. Ее смерть стала ужасной потерей.

У Ионны подергивалась щека, когда она слушала эти слова Тамара. Масрид заметил, как она вцепилась в подлокотники трона.

— А теперь объясните мне, почему моя сестра на момент нападения была еще в Турдуе. Почему ей не предоставили эскорт, для того чтобы добраться на родину? Почему

она должна была умереть в той грязной дыре?

«Княгиня точно вне себя от гнева, она просто хорошо владеет собой», — подумал Тамар. Поэтому он постарался ответить как можно осторожнее, тщательно подбирая слова:

— После нападений троллей, жертвой которых я сам чуть не стая, моему отцу показалось, что от вас исходит реальная угроза, поэтому он не отпустил посланников.

По собравшемуся обществу влахаков прошел гул. Тамар несколько раз услышал слово «тролли». Но другие остались недовольны таким объяснением. Ионна молчала и смотрела на Тамара взглядом, который тот не мог истолковать.

— Я беру на себя полную ответственность за ее смерть.

Члены совета разом замолчали. Даже сам Тамар был удивлен, что сказал такое, но он знал, что это правда. Поэтому продолжил твердым голосом:

— Мой отец был настолько потрясен событиями, что принял неверное решение. Я видел это, но недостаточно настаивал на своем мнении. Если бы мне тогда все-таки удалось переубедить отца, боярыня Висиния была бы сейчас жива.

А вот уже после таких слов поднялось всеобщее волнение. Участники совета кричали все одновременно, перебивая друг-друга, некоторые требовали немедленного взятия под стражу марчега, другие даже хватались за оружие. Посреди всего этого хаоса спокойными оставались лишь Ионна, Стен и Тамар. Даже Флорес, которая до этого держалась в задних рядах, выступила вперед, вступив в яростную словесную перепалку со старым воином, который был весь в шрамах и, казалось, совсем близок к тому, чтобы наброситься на марчега. «Я не должен оправдывать свои действия перед этой влахакской чернью, которая, словно свора собак, дерется за добычу, — гневно подумал Тамар, высокомерно отвечая на исполненные ненависти взгляды. — Моя семья уже несколько столетий властвует на этой земле, и в моих жилах течет кровь самого Аркаса Диммину!»

— Хватит! — крикнула Ионна, которая ни на миг не сводила глаз с Тамара.

Подданные тут же успокоились. Все в ожидании смотрели на воеводу, когда неожиданно откинулся полог и в шатер зашли три человека.

— О, простите, я уже опоздал? — спросил человек маленького роста с рыжими волосами и удивленно осмотрелся вокруг.

Его одежда была роскошной и выдавала в нем чужеземца. Его сопровождали два воина, также одетые в великолепные доспехи.

— Нет, благородный посланник, по крайней мере не совсем, — ответила Ионна нарочито спокойным голосом. — Позвольте мне представить вас: это Сарган, посланник Золотой империи. А это марчег Тамар Бекезар.

— Должен признаться, я представлял вас себе немного старшим, — заметил дириец и склонился в глубоком поклоне.

— Вероятно, вы имели в виду моего отца, — пробормотал Тамар и посмотрел на Ионну.

Молчание княгини сбивало с толку масрида, и он чувствовал себя более чем неуютно. Его инстинкты подсказывали ему, что нужно бежать. «Сдаться на милость влахаков было плохой идеей с самого начала. Я должен был ехать на север и встретиться там со своими отрядами. И вот теперь я сижу словно голодная крыса в западне. В западне у влахаков, святые небеса!»

— Вполне возможно, простите мне мою ошибку, — приветливо ответил Сарган и ступил в круг, внимательно осматривая при этом всех присутствующих. — Я уже много слышал о деяниях семьи Бекезаров.

— Вы слишком любезны.

Присутствие дирийского посла совсем не удивило Тамара. Его делегация проходила через его страну и сообщала о скором прибытии посланника в Турдуй. То, что дириец вел переговоры одновременно с влахаками и масридами, полностью соответствовало представлению Тамара о коварном, строящем козни властителе Золотой империи.

— К какому месту обсуждения мы попали?

— А к месту, когда этот ублюдок масрид признался, что убил госпожу Висинию, — выпалил все тот же старый влахак в шрамах, за что получил от Флорес предостерегающий взгляд.

— В таком он не признавался, — прошипела наемница.

— От его руки или нет — это уже не имеет значения! Он виноват, и в этом он признался!

— Вы были при этом, бояр Микон сал Долеорман? Разве вы присутствовали при всех событиях в Турдуе, как я?

Имя боярина показалось Тамару знакомым. Наконец он понял, кто это был. После победы над Цорпадом в руки Ионны перешли многие земли, которые уже давно не были во владении влахаков. В некоторых случаях они были переданы по наследству, но в большинстве случаев Ионне пришлось раздавать их новым владельцам. При этом, естественно, в основном она полагалась на свое доверие к каждому конкретному человеку. Так некоторые ветераны неожиданно стали боярами. Микон относился к тем воинам, которые долго боролись за дело влахаков и люто ненавидели масридов. В принципе, по отношению к Ионне он был абсолютно лоялен, даже если и не одобрял ее решения искать мира с врагами. «Возможно, скоро он получит то, что хотел, — промелькнуло в мыслях у Тамара. — Если Ионна хочет исключить одного марчега, то сейчас у нее есть для этого возможность и даже весомое основание». Он снова поймал взгляд серых глаз княгини, которая все это время неотрывно смотрела на него.

— Я прошу вас лишь объяснить положение вещей, зачем ссориться? — с улыбкой сказал Сарган, подняв руки.

После этих слов Микону не оставалось ничего другого, как поклониться с кислой миной, в то время как Флорес кивнула Саргану и в знак приветствия коснулась пальцами лба.

— Итак, остается вопрос, какие действия будут разумными для нашего народа, — вновь обратилась княгиня к своим подданным.

В ее голосе больше не чувствовалось гнева, да и выражение лица вновь стало непроницаемым.

— Наши враги убивают друг друга, — поспешно сказал Микон и выступил вперед. — Масриды воюют в открытую. Наконец у нас появилась возможность отвоевать свою страну. В настоящий момент мы сильные, гораздо сильнее наших врагов!

На лицах многих присутствующих Тамар увидел согласие с этими словами. «Кто знает, следуют ли вообще влахаки дворянским правилам? Обладают ли они честью?» Он расправил плечи и поднял голову, так как в любой момент ожидал решения княгини. Вместо этого слово взял Истран Оханеску.

— Наш народ, наша страна нуждается в мире, друзья мои. Вы так же хорошо, как и я, знаете, как обескровила нас эта вечная война. Многие наши сыновья и дочери, братья, сестры, жены и мужья отдали свою жизнь за нашу свободу. Первые побеги потихоньку дают первые плоды. Неужели мы и вправду хотим рискнуть растоптать их копытами наших боевых коней? Война на два фронта, против двух противников? Марчег Тамар Бекезар пришел к нам с добрыми намерениями, так как мы предложили ему мир. Разве мы не должны отдать ему должное?

— Фи! — с презрением воскликнул Микон. — Он прибежал к нам с поджатым хвостом и скулит!

Тамар яростно уставился на старого воина. От такого оскорбления его щеки запылали. «Что я такого сделал, чтобы влахаки решали мою судьбу? Я должен сейчас же заколоть этого старого дурака, я должен…»

— Ничего подобного, — неожиданно сказала Флорес. — Боярин Истран говорит правду. Именно Висиния посоветовала марчегу прийти к нашей госпоже. Она предложила союз.

Эти слова вызвали новые волнения. Тамар воспользовался этим временем, чтобы

прийти в себя и подавить гнев. «Его слова не важны. Важно то, что мой народ выживет. И для этого мне нужна помощь Ионны. По крайней мере в этом Висиния была права: поодиночке наши шансы весьма сомнительны. И ни в коем случае мне не нужна еще одна война против влахаков». Тем временем воздух в шатре стал такой, хоть топор вешай. Пот бежал по всему телу Тамара, и он даже вытер тыльной стороной ладони несколько капель со лба.

— До нападений троллей мой отец был склонен принять предложение мира. Но, к сожалению, его доверие было сильно подорвано происшедшими событиями, — заявил юный марчег и вновь привлек к себе всеобщее внимание.

— Вы уже говорили об этих нападениях, — сказала Ионна. — Расскажите, пожалуйста, подробнее.

По ее просьбе Тамар сообщил о происшествии в Барлуи. И хотя он считал это унизительным, он все равно не умолчал ни о количестве убитых, ни об их диком бегстве в ту ночь. После его рассказа воцарилось молчание, которое было прервано Истраном:

— В Садате тоже были нападения троллей. Очевидно, они питают злобу к нам, людям, и при этом не делают разницы между масридами и влахаками. И хотя у нас есть контакты с троллями, я могу уверить вас, что мы от подобных нападений так же пострадали, как и ваш народ.

— Мои сомнения в этом уже были рассеяны Флорес и Висинией.

— Где сейчас стоят ваши войска, марчег? Кто ими управляет?

— По пути сюда мы прошли через лагерь наших солдат, которые расположились на востоке Сиревы. Ими командует сейчас баро Оден. К тому же я отправил гонцов на север. Отряды воинов, размещенные там, попытаются где-то между Иамесом и Илтом соединиться с отрядами Одена. Насколько я знаю, Сцилас не покидал Турдуй, но он разослал лазутчиков. Либо он ожидает нашего нападения на Турдуй, либо выступит нам навстречу, — заявил Тамар.

При упоминании Одена юный марчег вновь задумался о строптивом поведении сцарка. «Кто знает, как долго он еще будет хранить мне верность. Смерть отца усилила его власть. Я должен показать силу, если не хочу потерять титул и жизнь. Но как это сделать, если мне здесь приходится спорить с влахаками?»

Тут неожиданно встала Ионна и скрестила руки на груди. Сразу возникло напряженное молчание, так как все присутствующие с нетерпением ждали слов воеводы.

— Хотя мы ищем мира, к нам идет война. После всех лишений и потерь нам не дали передышки, — начала Ионна.

Почти не дыша, Тамар ловил каждое ее слово. «Будь что будет, я больше не намерен унижаться и больше не проявлю слабости. Я сын своего отца».

— Нам придется вновь выступить в бой. Я выслушала аргументы за и против союза. Я принимаю признание марчега Тамара в том, что он виновен в смерти моей сестры, — продолжила княгиня, отчего желудок Тамара судорожно сжался. — Но не разделяю его мнения.

По толпе прокатился ропот, резко прерванный новыми словами Ионны:

— Я подтверждаю свое предложение о союзе с марчегом Тамаром.

В ответ на это юный масрид кивнул. У него словно гора с плеч свалилась. Напряжение спало, и он задышал глубоко и спокойно.

— Мы выступим против марчега Сциласа. Несмотря на наши потери, мы должны думать о будущем и выполнять свои обязательства. Возможно, после этого похода наконец воцарится длительный мир.

— А что делать с Пардом? — неожиданно прозвучал тихий, но настойчивый голос.

Все взгляды устремились на Стена сал Дабрана, на которого Ионна смотрела так же недоуменно, как и остальные.

— Наш путь определен. Марчег Ласцлар Сцилас представляет большую опасность. Но мы…

— Я обещал им свою помощь, — прервал Стен княгиню, отчего на некоторых лицах появилось беспокойство.

Ионна нахмурила лоб, но не стала указывать ему на его невежливость.

— Они должны пойти к прорицателю, как им было предложено, бояр. Все остальное в их руках.

— Это такой способ с нашей стороны показать свою благодарность? — неожиданно проворчал Стен. — Бросать наших союзников в тот момент, когда им нужна наша помощь?

— Стен, вы забываетесь, — перебил его Истран.

Тамар в замешательстве взглянул на Флорес, которая с печальным выражением лица смотрела на брата.

— Я ни в коей мере не забываюсь. Я не забываю своих обещаний!

— Бояр, я приняла решение. Долг требует…

— Долг! — язвительно воскликнул влахак. — Точно так же, как Висиния думала, что должна выполнить свой долг в Турдуе? Меня этот долг лишил всего, а теперь…

— А мне вы приносили присягу, — холодно перебила воина Ионна. — И я никому не позволю проявлять неуважение по отношению ко мне, даже вам. Я понимаю вашу боль, бояр. Тем не менее мы должны делать то, что должно быть сделано!

— Что должно быть сделано, — шепотом повторил Стен и с окаменевшим лицом опустил голову.

На мгновение Тамар подумал, что дворянин вновь овладел собой и сдался, но тот просто вышел вперед, не поднимая глаз, и заговорил:

— Я отрекаюсь от присяги и обязательств. Я передаю Дабран, мое поместье и мое наследство своей сестре. Пусть будет даровано ей то, в чем мне отказано.

Не веря своим ушам, Тамар оглянулся. Казалось, что никто из влахаков не понял произнесенных сейчас слов или не захотел понять. «Он у них, как легенда, народ складывает песни о нем. Да как он может так разочаровывать своих людей? — возмущенно подумал он. — Влахаки!»

— Я намерен все так же самозабвенно служить своему народу. Если никто больше не хочет помочь троллям, значит, я пойду один.

С этими словами бывший бояр развернулся и вышел из шатра.

22

Естественно, Стен знал, что они придут. И хотя он еще до конца не осознал, что он сейчас сделал, но реакцию на свои слова он мог хорошо представить себе. Он резко затянул подпругу. Его руки и тело, казалось, выполняли все действия сами по себе, в то время как его сознание было где-то в другом месте. В мыслях он снова и снова возвращался к Висинии, которую уже никогда больше не увидит. Осознание этого было настолько ужасным, что он не хотел и не мог до конца понять все его значение. Ведь еще совсем недавно она стояла у окна в Дабране рядом с ним и смотрела в ночь; а теперь, всегда такая жизнерадостная, ушла от него по темным дорожкам.

С тех пор как Флорес, возвратившись вчера, сообщила ему об этом, он словно потерял чувствительность и воспринимал, как издалека, все, что происходило вокруг, будто мир и все, что в нем происходило, не имели значения. «Ионна должна наказать меня за мои слова», — подумал влахак, все еще не достигнув понимания, не заставив себя увидеть в этом угрозу. Его больше не беспокоило, что его бывшая госпожа захочет сделать с ним.

Но солдаты не шли за ним, и Стен спокойно оседлал своего коня. Никто не арестовал его, но в тот момент, когда он уже хотел сесть на коня, позади него раздались щелчки. Даже не оборачиваясь, он понял, что это была Флорес.

— Ты мог бы, по крайней мере, извиниться за то, что сделал меня боярыней, прежде чем уедешь.

— Стен бросил пытливый взгляд на сестру через плечо.

— Так откажись от титула. Меня это не волнует. Наверняка найдется кто-то, кто с радостью будет править Дабраном. Возможно, все наши герои уже выстроились в очередь.

— А разве не для тебя так много значили Дабран и Влахкис, брат? Ты же всю свою жизнь боролся за эту землю.

— Ты дала мне тогда хороший совет, — спокойно ответил молодой воин и повернулся к Флорес. — А теперь я хочу сделать то же самое. Уходи. Покинь эту страну. Ты же хочешь с Сарганом в Дирию. Сделай это, отправься с ним в путешествие…

— Почему?

На лице Флорес появилось настоящее недоумение. Несколько секунд Стен молчал, пытаясь подобрать соответствующие слова, которыми он мог бы выразить свои запутанные чувства.

— Потому что она убивает. Потому что земля здесь пропитана кровью испокон веков. Потому что она жадно требует еще и еще. Война никогда не закончится, и постепенно умрут все, кто имеет для нас хоть какое-то значение. Влахкис питается ненавистью. Он поглотит нас всех, если мы позволим ему это сделать!

Сестра печально посмотрела на него. Он хотел подойти, обнять ее, но его ноги словно парализовало, и он не сделал и шага. Флорес тоже стояла на месте, всего в двух шагах от него.

— Я тоже буду скучать по тебе, — хриплым от волнения голосом сказала она.

— Я знаю.

— Я не уеду. Я приму титул.

Стен удивленно посмотрел на сестру. Принимая свое решение, он не думал о том, что дальше произойдет с поместьем его семьи. Он предполагал, что Флорес, которая так сильно ценила свою свободу, ни в коем случае не примет титул.

— Это ты уезжаешь и делаешь то, что должен. А я останусь.

— Хорошо, — ответил Стен и помолчал, так как не знал, что еще сказать.

— Что с троллями? Мне рассказали, что целое племя сидит недалеко от Теремии в погребе.

— Они ищут помощи. Анда преследует их так же, как людей и карликов. Мы хотели поговорить с прорицательницей Ионны, Калинэ, но она тяжело больна и бредит. От нее сейчас невозможно услышать ни одного разумного слова. Поэтому мы и собираемся к Вангелиу.

— Ты и тролли?

— Да. Оставлять их одних — не такая уж хорошая идея. Несколько ветеранов находятся рядом и охраняют их. Но я обещал вернуться и помочь им.

Взгляд Флорес, обращенный на Стена, был таким печальным, как будто она смогла рассмотреть на дне его души, что тот уже давно заключил мир со всем, что его окружало.

— Теперь мы должны попрощаться. Удачи, Стен.

— Прощай, Флорес. Доброго пути.

— И тебе доброго пути, во всех мирах, — тихо ответила Флорес и отвернулась.

Стен поднял руку, словно хотел задержать ее, но она зашла за угол шатра и исчезла из поля зрения. Влахак как вкопанный стоял на месте. «Она знает это. Она знает, что мы больше никогда не увидимся».

Он медленно вернулся и провел рукой по ноздрям тихо фыркающего коня. Затем прыгнул в седло и поскакал прочь.

Однако едва он проехал первый шатер, как из него вышел этот надменный масрид, который был представлен новым марчегом. Вначале Стен хотел просто проигнорировать его и проехать мимо, но тот преградил ему путь и спросил:

— Вы видели госпожу Флорес? Мне показалось, что я слышал ее голос.

— Она ушла, — устало ответил Стен.

— Позвольте выразить свое почтение вам, Стен сал Дабран. И еще я хотел бы выразить свое сочувствие. Это, должно быть, очень тяжело — потерять сразу и жену, и ребенка.

Не изменившись в лице, Стен кивнул и поскакал дальше, пока внезапно до него не дошел смысл слов. «Жену и ребенка? Висиния была… О духи!»

Он бессильно поник в седле. Конь продолжал скакать, унося его из лагеря в сторону запада, хотя из-за слез, застилавших глаза, Стен почти ничего не видел.

По дороге в Теремию Стен долго думал над тем, почему Флорес ничего не рассказала ему о беременности Висинии. «Неужели она этого не знала? Но откуда тогда об этом знал этот трижды проклятый масрид? Почему же она умолчала об этом?» Но, как он ни размышлял, он не смог прийти к какому-либо выводу. Он сделал крюк, объезжая поселения на берегу реки и даже саму Теремию. Ночи он проводил под открытым небом, днем делал передышки, лишь чтобы пощадить коня. Когда он наконец добрался до двора с троллями, солнце как раз садилось. Не спеша Стен слез с коня и погладил ему холку.

— Беги, — прошептал он ему на ухо, отчего конь с любопытством оглянулся. — Возвращайся домой, ты мне больше не нужен.

Конь неуверенно затоптался на месте и зафыркал. Его родная конюшня была в Теремии, недалеко отсюда, так что Стен развернулся и пошел в дом. За закрытыми ставнями было темно. Влахак осторожно подошел к люку погреба и крикнул:

— Кто здесь не спит? Пард!

— Хвала камням! Стен вернулся! Я уже думал, что совсем здесь с ума сойду! — прорычал Пард.

Тут же послышался шум, и из проема поднялся неприятный запах.

— Дыра здесь не так уж плоха, но быть все время запертыми, как те животные, которых вы держите, совсем не для троллей, — вместо приветствия выдал большой тролль.

— Тогда ты будешь рад услышать, что мы скоро отправляемся в путь. Сегодня ночью, как только вы соберетесь, — невозмутимо ответил Стен и спустился в погреб. Взоры всех троллей были направлены на влахака. На их лицах была радость — то ли просто от вида влахака, то ли еще и от новости о скором отправлении.

— Чем скорее, тем лучше. Но что с вашей войной? Она уже закончилась?

— Война проходит на востоке. Туда мы не пойдем.

— Да? А что с тобой? — с любопытством спросил Пард.

— Я иду с вами. Я дал вам слово, и я сдержу его. Мы найдем решение вашей проблемы. А прорицательница Ионны сейчас слишком больна, так что мы будем искать Вангелиу.

— Но ты не хочешь…

— Нет. Как тут у вас все было? — резко прервал Стен тролля.

Пард оскалился.

— Скучно. Так много троллей на таком маленьком пространстве, да еще и без дела.

— Теперь у вас снова есть цель, — пробормотал Стен и по стенке опустился на пол.

Пард пожал плечами и прорычал:

— Всем собраться! Когда это чертово солнце зайдет, мы отправляемся в дорогу!

Пока тролли собирали свои пожитки, к Стену подсел Керр.

— Ты говорил, что придешь, но мы не думали, что ты пойдешь с нами.

— Иногда можно ошибаться.

— Твоя война уже выиграна?

— Это не моя война. И она еще даже не началась, — возмутился Стен, но быстро успокоился. — Я не нужен там. Воинов и так достаточно. Зато я могу помочь вам.

— Я не понимаю этого. Ведь сначала ты говорил, что война очень важна и ты будешь нужен.

— Ситуация меняется, Керр. Так бывает. Так ты хочешь, чтобы я помог вам, или нет?

Стен довольно хмыкнул и закрыл глаза. Уже скоро они отправятся в путь и займутся решением проблем троллей. Все, что происходило, долетало до влахака будто издалека. Он устал, поэтому о будущем ему совсем не хотелось думать. В данный момент ему хотелось просто сесть в этом погребе и отдохнуть. Но этого ему, конечно, не суждено было.

— Врок считал, что ты не вернешься, — сообщил Пард и громко рассмеялся.

— Я сказал лишь, что борьба… — начал было другой тролль, но не смог закончить, так как Пард хлопнул его по плечу и воскликнул:

— Понятно! Но вот Стен, который держит слово. Точно, как тогда! Совсем не плохо, как для человека.

Не изменившись в лице, Стен скучающим взглядом посмотрел на большого тролля и закрыл глаза. А потом он услышал, как рядом Керр сильно втянул воздух, и ощутил острый душок тролля, в котором смешались запахи крови и сырого мяса. После нескольких таких выдохов влахак снова открыл глаза. Керр пытливо смотрел на него, будто хотел прочитать мысли Стена.

— Что такое?

— Ты изменился. Ты стал другим, не таким, как несколько ночей назад, — медленно сказал Керр.

— Оставь меня в покое, а? — решительно попросил Стен, которому не понравился тон, да и сами слова тролля.

«Что этот проклятый тролль хочет от меня?»

Пард же, наоборот, больше не трогал Стена, а стал готовиться к отправлению. Тролли были рады выбраться наконец из погреба и собрались в путь. Она смеялись, шутили и, казалось, почти забыли о своих трудностях. Когда солнце в конце концов село, Пард отослал еще двух троллей забить животных, чтобы взять их с собой в дорогу. Потом Пард толкнул Стена ногой. Влахак устало поднялся и посмотрел в круг.

— Пора.

Пока тролли выбирались, Стен в последний раз осмотрел погреб. То, что тролли жили здесь много дней, было трудно скрыть. Везде по углам лежали кости и шкуры коров, овец и коз. На стенах были видны следы когтей троллей, и весь пол вытоптан. «В общем, все могло выглядеть и хуже», — подумал Стен и последовал за троллями в ночь. Здесь, на западе страны до сих пор так и не выпало дождя, хотя душный воздух прямо-таки просил об охлаждении.

— Куда? — спросил Пард.

— Лучше нам как можно скорее перебраться через речку и по южному берегу идти дальше на восток. Потом мы повернем на юг, чтобы попасть к Вангелиу.

— Ну что, встаем! — приказал Пард и пошел. — А как мы переправимся через речку?

— На лодках.

— На лодках? — несчастным тоном переспросил Керр. — Опять?

— Ты можешь плыть сам, — язвительно крикнул Врок сзади, хотя юный тролль даже не посмотрел на него.

— На этот раз нам придется нанять паром. И, скорее всего, придется сделать несколько ходок, так как все сразу не поместятся.

— И ни слова о моем заде! — угрожающе крикнул Пард, на что несколько троллей весело рассмеялись.

Они вместе пошли через лес в сторону реки. Однако, прежде чем они дошли до паромной переправы, Керр внимательно поднял голову и принюхался.

— Человек!

Однако предупреждение было излишним, так как еще до того, как влахак попал в поле зрения, он крикнул:

— Стен сал Дабран?

— Да, — ответил юный воин.

Когда тот вышел из тени, Стен узнал Раява, одного из тех воинов, которые в большой битве вместе с Флорес держали линию против масридов и карликов, пока не погас огонь священников солнца.

— У меня для вас послание, — начал ветеран, и Стен внутренне содрогнулся, так как предполагал, что это будут слова от Ионны или Флорес.

Однако вместо этого Раяв сообщил следующее:

— Сегодня в город прибыл посланник. Он принес весть с запада и сразу же поскакал в лагерь к Ионне, а меня попросил передать вам это послание.

А от кого оно?

— К сожалению, он не назвал мне своего имени, но сказал, что он тот, кто боролся в битве на вашей стороне.

— И о чем послание?

— Было нападение на деревню. Нападение троллей, — сообщил воин и бросил неуверенный взгляд на Парда, который неподвижно стоял рядом. — И посланник говорил о том, что тролли — это исчадие тьмы и что они заключили союз с духами.

— Что ты такое говоришь? — невольно вырвалось у Стена, однако в ответ Раяв лишь пожал плечами.

— Я больше ничего не знаю об этом, но я подумал, что это заинтересует вас, бояр. Ведь вы все-таки…

— Нахожусь в обществе троллей, я знаю. — Стен поспешил закончить за него предложение. — И к тому же я больше не бояр.

— Простите, господин, — ответил ветеран с поклоном, но Стен только отмахнулся.

— Ты не мог этого знать. Я благодарю тебя за передачу послания. Вполне возможно, что эти знания помогут нам.

Раяв серьезно посмотрел на него:

— Правдивы ли слухи, господин? Что мы выступаем в поход? Что нам снова придется бороться против карликов и масридов?

Стен помолчал мгновение, а потом кивнул.

— Да. Хотя участие маленького народца — на этот раз лишь слух. Но с востока на нас надвигается реальная угроза. Снова будет битва, и много людей погибнет, — сказал юный воин. — Счастливого тебе пути, Раяв.

Стен развернулся, и они продолжили путь.

Пройдя довольно большое расстояние, Пард спросил Стена:

— Что это означает?

— Я не знаю, — признался Стен. — Но, возможно, это знание будет интересно для Вангелиу. Давай подождем, что он на это скажет.

Наконец они добрались до паромной переправы, которая представляла собой группу маленьких домиков, где навари ночевали. Часть паромов подходили прямо к Теремии, но, так как там больше не было собственной гавани, гораздо проще казалось сойти на землю за границей города и остаток пути пройти широкой дорогой. «Да и так будет лучше, чем со всей этой сворой пробираться через город», — подумал Стен, чувствуя себя немного как вор, крадущийся в ночи.

Ему пришлось применить свою силу убеждения, чтобы найти навара, который согласился перевезти их. В конце концов суеверных паромщиков смогло убедить имя Стена. Да и тогда Стен получил лишь два парома, на каждом из которых могло поместиться всего несколько троллей. Чтобы тролли слушались навари и не создавали трудностей, Стен и Пард с каждой партией ехали через реку и возвращались назад.

Сейчас Стен радовался, что погода остается хорошей, так как дождь или гроза сделали бы ночную переправу опасной либо вообще невозможной. Когда паромы в последний раз отчалили от северного берега, Стен сел рядом с Керром, который застывшим взглядом смотрел вперед.

— Почему они это сделали? — спросил юный тролль.

По напряжению в его голосе Стен понял, что тот еще не привык к речным переправам. «Или же у него просто морская болезнь. Интересно, бывает ли у троллей морская болезнь? Висиния тоже не переносит плаваний». Внезапно влахак осознал, что его жена больше никогда не будет плыть на лодке. Его сердце пропустило один удар, и глубокая боль пронзила тело. В его воспоминаниях возникли все те мелочи, которые он уже никогда не

будет переживать. Как Висиния надевала перчатки. Как она приподнимала одну бровь, когда сомневалась в чем-то. Как ее волосы спадали волнами на плечи. Как она улыбалась.

— Ты не знаешь этого? — спросил Керр, вырвав его из мыслей.

— Что? — рассеянно переспросил воин, и воспоминания померкли, хоть боль и осталась.

«Я тебя никогда не забуду, моя любимая».

— Лодочники. Двое из них плюнули в воду, а третий вылил что-то из кружки.

— Это они приносили жертву духу реки. Немного пищи от каждой трапезы и первую кружку от каждой бутылки вина. Священники солнца долгое время запрещали это, поэтому некоторые только плюют в воду в знак уважения.

— О, так плюя в воду, они чтут духов?

— Точно, — сказал влахак и облокотился о стенку, в то время как Керр рядом с ним громко собрал слюну и плюнул в воду.

В голове у Стена мелькали мучительные образы. И хотя воспоминания бередили ему душу, все же они были его самым ценным сокровищем. Вода с шумом проносилась мимо, тролли шептались друг с другом, а над ними сквозь облака тускло мерцали звезды. В это же время Висиния бродила по темным дорожкам по другую сторону этого мира. «Подожди меня, — подумал Стен. — Я скоро последую за тобой».

Рано утром тролли устроили небольшой привал в лесу немного южнее Маги. Пока Пард и другие ели, отпуская грубые шутки, Стен держался несколько в стороне. Все его тело просило сна, но измученный дух не давал ему покоя, пойманный неясными образами и непонятными мыслями. Он гнал его в страну между явью и сном, из которой каждый раз его возвращал громкий смех троллей. Наконец он полностью погрузился в мир снов и проснулся только оттого, что Пард грубо толкнул его.

— Вставай, Стен, мы хотим идти дальше.

Сон не принес ему отдыха, хотя члены его тела теперь были не такими тяжелыми. После простого завтрака они отправились в путь, идя по лесистому берегу Маги вниз по течению. Внутри Стена боролись сомнения, сможет ли он найти дорогу к хижине Вангелиу, как тут Пард неожиданно радостно воскликнул:

— Здесь мы были в последний раз!

И действительно, эта небольшая бухточка в береговом откосе Стену тоже показалась знакомой. «Когда мы здесь в прошлый раз сходили на берег, я нес мертвое тело Натиоле. Смерть и печаль — мои постоянные спутники. Эта земля скоро всех нас, сожрет!»

Не выражая вслух своих мрачных мыслей, Стен повел троллей дорогой, которой они тогда шли к Вангелиу. Он почти не обращал внимания на окружение, да и сами тролли, казалось, были больше заняты разговорами друг с другом, чем дорогой, по которой шли. «Они существа действий. Безделье съедает их так же, как оно всегда мучило и меня», — понял молодой воин.

Наконец между деревьями появился просвет, к которому влахак сразу же повернул. Хижина старого прорицателя стояла, спрятанная глубоко в лесу, на небольшой поляне. А лес тот с давних пор принадлежал Влахкису. Люди очень редко забредали туда, так как даже ближайшие поселения находились очень далеко от этого места. Так Вангелиу и смог выжить, скрытый от глаз Альбус Сунаса и его ищеек, защищенный дикой природой, с которой он жил в полной гармонии.

— По всей видимости, он дома, — определил Стен. — Иначе мы бы не увидели света.

Еще в прошлый раз Вангелиу казался глубоким стариком, и его жизнь отшельника точно не была легкой. Так что юный влахак опасался того, что им уже не суждено встретиться со стариком.

Без страха они пошли в направлении хижины, как вдруг Пард оскалился и зарычал.

— Что такое? — удивленно спросил Стен.

— Что-то не так. Запахи. Они другие.

— Какие другие?

— Я не знаю, — яростно прошипел большой тролль. — Давай пойдем вперед. Только осторожно!

Оставив других троллей ждать сзади, Стен и Пард медленно прокрались к хижине. В темноте воины не заметили ничего необычного. В хижине все было спокойно, свет горел вполне мирно. Но прежде чем Стен успел задать троллю вопрос, чувствует ли тот опасность, дверь резко открылась. Из проема падал свет, в котором обрисовалась тень появившегося в этом проеме. Человек был одет в длинную мантию из мягкой кожи. Капюшон был накинут на голову, так что лица не было видно. Стен в замешательстве уставился на фигуру, которая точно не могла быть Вангелиу. А когда его глаза привыкли к свету, фигура откинула капюшон. Длинные волосы волнами жидкого серебра, мерцающего в лунном свете, ниспадали на голые плечи, которые были покрыты странным рисунком, словно вырезанным на коже. А глаза этого существа светились загадочным светом. Однако то, что Стен заметил в первую очередь, были длинные острые уши. «Винак, — тут же сообразил Стен. — Что же здесь делает эльф?»

Тут раздался мелодичный голос эльфа:

— Добро пожаловать. Мы ждали вас.

Взглянув на Парда, Стен понял, что тролль удивлен так же, как и он. «Мы? Сколько же тогда здесь винаков? И где Вангелиу?»

23

В темноте Анда чувствовала себя как дома, даже если эти туннели и пещеры находились очень далеко от ее настоящей родины. Удары сердца были здесь слабее, но все еще звучали в ушах Анды. Ее кровь пульсировала в ритме этих ударов, и дыхание троллы следовало ему. Вокруг нее были скалы и камни, с давних времен крепкие и надежные, — вечная родина ее народа. Мир здесь, внизу был прост, и это было правильно. Они следовали простым законам. Здесь Анда всегда знала; что правильно, а что нет. Здесь можно было лишь убивать или быть убитым, такая узкая граница между выживанием и гибелью. «Мы выживаем, потому что мы сильные. Мы убиваем наших врагов и защищаем свою родину».

— Уже недалеко, — прошептал один из самых новеньких ее подчиненных.

— Хорошо, — проворчала в ответ Анда. Под конец они спустились в этот туннель и перешли озеро.

Здесь под водой есть выход, через который можно снова попасть на поверхность.

Вместе со своими охотниками Анда зашла в огромную пещеру. Внезапно она ощутила всю красоту скал в темноте. Кости мира были близки ей, их величие и захватывающая дух вышина принадлежали только троллям. Люди не смели спускаться сюда, да и карлики жили гораздо ближе к поверхности. «Да и сейчас они залезли в свои норы, — с насмешкой подумала тролла. — Спрятались от нас, троллей! Стоит только встать на их пути и начать бороться на их территории, как они сразу бегут и надеются, что будут в безопасности в своих жилищах. Но мы их выгоним!»

Пол здесь был покатым, и Анда почувствовала воду перед собой. Большое озеро лежало перед ними. Она почувствовала рыб и личинок, мясом которым вполне смогут поживиться охотники. Она одними чувствами нащупала дно озера, глубина которого под спокойной поверхностью воды в некоторых местах превышала три тролля, ставших друг на друга. Тролли пошли вдоль стены, пока не нашли нору, которая находилась ниже поверхности озера, а потому была наполнена водой. Хотя нет, это была даже не нора, а туннель, который вел в неизвестность.

— Мы пойдем под водой. Они не знают, что мы придем. Проследите за тем, чтобы никто не ускользнул от нас через воду.

Позади нее раздался смех троллей, но Анда не обратила на него внимания, а лишь ступила в воду, которая по сравнению с теплым воздухом показалась холодной. Слепые

рыбы бросились врассыпную от ее ног, мелкие камушки поднялись вверх. Благодаря хорошо развитым чувствам шаги ее были уверенными, и она легко добралась до входа в туннель. Глубоко вдохнув, она нырнула под воду. Она наполовину ползла, наполовину плыла в темноте. Дорога была длинная, но ее дыхание было сильнее. Когда она наконец всплыла с другой стороны туннеля, то сразу же вдохнула воздух, чтобы все учуять. От запаха троллей у нее ускорилось сердцебиение. Слева виднелся слабый огонек, мерцавший на входе. Анда медленно пошла дальше, в то время как над водой начали появляться головы других троллей.

Ей не требовалось даже отдавать приказ к нападению. Точно так же как и просить сохранять тишину. Ее тролли с нетерпением следовали за ней в темноту, неся бесшумную смерть. «Настоящие охотники».

Однако свой запах они тоже не могли скрыть. Поэтому вскоре раздался вопросительный зов, после которого прозвучал низкий крик. Анда ответила ревом и прыгнула вперед. Под ее ногами каменный пол буквально задрожал, в то время как ее охотники завыли позади в предвкушении битвы.

За проходом оказалась большая пещера, освещенная сиянием большого количества лишайников. Анда в поисках троллей завертела головой и увидела дрожащие тени троллей, которые панически убегали в туннель.

— Турк! — громко заревела она и остановилась.

Огромный тролль тоже остановился, повернулся к ней и оскалил зубы. Тем временем последние убегающие тролли достигли туннеля и исчезли. Неожиданно Турк тоже отвернулся, отчего Анду просто захлестнула волна ярости. «Какой трус!»

Она бросилась за ними и уже почти достигла входа в туннель. Далеко впереди она слышала троллей, чувствовала троллей, слышала запах их страха и ярости. Только один остановился и повернулся к ней.

Однако вместо того, чтобы бороться, он ударил по стене. В то же мгновение Анду накрыла темнота — туннель обрушился на нее. На нее начали падать тяжелые каменные блоки. Она почувствовала Турка в этом туннеле, почувствовала его триумф. Но она не могла его сейчас достать, поэтому отскочила назад, видя, как исчезает туннель, засыпаемый камнями вечных скал.

Вокруг нее озлобленно кричали охотники, так как добыча ускользнула от них, но Анда молчала.

— Вот дрянь, — прорычал Сбои.

На что тролла спокойно ответила:

— Он ушел от нас. Он сбежал, потому что он нас боится. Его мир все уменьшается, а мы отвоевываем себе свой.

«Настоящие тролли не бегут, они борются!»

24

Темнота была всепоглощающей. От нее никуда нельзя было деться. Казалось, темнота заменила даже воздух. Время утратило свой смысл. Словно в полусне, влахака парила в бесконечной черноте. Здесь не существовало ни верха, ни низа. В ее голове кричал голос, далекий и тихий, однако в его словах не было смысла. На тело действовало болезненное давление, но эти боли тоже казались ненастоящими, как будто они мучили совсем другое тело. Дыхание было поверхностным. И тут возникла мысль. «Я умерла, и это следующий мир; я иду по темным дорожкам». Другой голос кричал громче, пытаясь привлечь к себе внимание, но мысль была слишком чарующей. Висиния прочувствовала ее и полностью отдалась ее власти.

Неожиданно она ощутила движение. Услышала шорох. Что-то коснулось ее кожи, твердое и холодное. Неожиданно в мир вернулся свет, темнота исчезла, а с ней и невыносимое давление. А когда Висиния попыталась вдохнуть воздух, в нос и в рот полезла пыль. Сухой кашель сотрясал ее тело. Она с трудом вдыхала, пока воздух не наполнил ее

легкие. Она жадно втягивала еще больше воздуха, не обращая внимания на привкус земли на языке, слой мокрой грязи на коже, она просто дышала, наслаждаясь ощущением наполненных легких, биением сердца, даже болью в мышцах.

— Проклятье, она еще жива!

Сначала эти слова лишь запутали Висинию. Она с трудом открыла глаза, однако яркий свет болезненно вонзился в череп. Прозвучал звериный крик, и прошло какое-то время, прежде чем она поняла, что это был ее собственный голос.

— Вытаскивай ее.

Ее грубо схватили за руки и с силой потащили. Земля неохотно отдавала свою жертву. От грубых движений по суставам влахаки прошли волны боли. Наконец последовал еще один рывок, и Висинию освободили. Ее небрежно оттащили на несколько шагов и положили на твердый холодный камень. Не способная пошевелить и пальцем, она осталась лежать, тяжело дыша. Постепенно к ней вернулась способность видеть, пусть пока что перед ее глазами плясали лишь разноцветные пятна и темные тени. Затем перед ней возник нечеткий контур лица. И как сильно она ни моргала, оно все равно осталось расплывчатым. Тогда она, сдавшись, устало закрыла глаза. «Где я?»

— Бери ее за руки, мы понесем ее.

— Но она сейчас подохнет. Посмотри на эту кровь! «Кровь? Это же всего лишь земля».

— Давай, без разговоров!

Послышалось тихое чертыханье, и Висиния почувствовала, как ее подняли. Все косточки болели, а голова больно ударилась о твердый край. Разноцветные пятна грозилась поглотить темнота, которая постепенно начала застилать взор начиная с краев. Качающееся движение было неприятным. Висиния почувствовала, как ее желудок сжался. Однако потом мучения закончились, и ее снова положили на каменный пол. Вокруг нее было темно, и влахака снова охотно погрузилась в темноту.

Когда она опять очнулась, мысли ее были уже более четкими. В затылке пульсировала боль и словно стрелами пронизывала все ее тело. На языке чувствовался горький, как желчь, металлический привкус крови. Окружение было мрачное, и в помещение падал только один яркий луч света, освещая большие каменные плиты пола, на котором она лежала.

Молодая женщина осторожно подвинулась, но ее тело запротестовало против этого движения, боли усилились. Медленно, мучительно медленно она вытащила руку из-под спины, после чего лежала, тяжело дыша, в то время как в ее руку с легкими покалываниями возвращалась жизнь.

— Она очнулась, — констатировал чей-то голос без особого энтузиазма.

Кто-то сел на корточки перед Висинией. Яркий свет за его головой образовывал ореол.

— Это влахака, — сказал он и сплюнул. — Вот блин. Вся работа насмарку.

Висиния с большим трудом попыталась заговорить, но ее сухое горло выдавало лишь хрип.

— Подожди. Марчег сказал, что мы должны приносить ему всех женщин.

— И даже пожирателей глины?

Ответа второго она не услышала, но ее схватили за плечи, приподняли и прислонили к камню. Спиной она почувствовала неровную поверхность. «Внутренний двор, — оцепенело подумала она. — Я в Турдуе».

— А она симпатичная.

Чья-то рука вытерла грязь с лица Висинии. Она хотела защититься от движения, но ей даже не удалось отвернуть голову.

— Его величество сказали, чтобы мы искали рыжеволосую. Это она?

— У нее рыжие волосы.

Тут Висиния с ужасом осознала, что это были люди Ласцлара. К ней медленно начали возвращаться воспоминания. Путаница образов и впечатлений; битва, смерть марчега, бегство. «Меня засыпало в туннеле. Я была заживо погребена. И именно эти люди спасли

меня».

— Будет лучше прямо сейчас заколоть ее, и все. И не будет никаких неприятностей.

При попытке заговорить у Висинии снова вырвался только кашель. Язык прилипал к небу. И как раз в тот момент, когда она попыталась заговорить еще раз, раздался голос женщины:

— Она принадлежит мне.

Сощурившись, Висиния посмотрела на свет и увидела маленькую фигуру, по обе стороны которой стояли две большие тени. «Этот голос», — подумала она, но все же не смогла вспомнить, откуда она его знала.

— Нет, это влахака, — возразил ей сидящий на корточках.

— Тем не менее она входит в мою делегацию. Мы забираем ее с собой. Благодарю вас за вашу работу, — решительным тоном заявила женщина.

— Так не пойдет. Да и, кроме того, — подозрительно продолжил тот, — она была в туннеле. А что твоя делегация делала в замке?

— Хороший вопрос, — ответила незнакомка.

Потом она сказала что-то на языке, который Висиния не понимала, и ее спутники тут же прыгнули вперед. Сталь блеснула в солнечном луче, на стенах заплясали тени. Прозвучал глухой удар, вздох, а потом все стихло.

— Слишком умный, себе же на беду.

Незнакомка отдала быстрый приказ, который Висиния тоже не поняла. Ее подняли, но на этот раз гораздо осторожнее. Когда ее выносили из туннеля, она заметила лишь темные волосы незнакомки.

— Притворитесь мертвой, госпожа Висиния, — попросила ее женщина, и влахака послушалась.

Затем последовали другие слова, которые хоть и были незнакомы Висинии, но звучали очень мелодично. Один из воинов осторожно перекинул ее через плечо. Щекой она коснулась прохладного металла и услышала приятный запах земли. Она видела только, как под ней летит земля, когда ее быстро уносили. Сначала булыжники мостовых сменились землей, земля травой, и наконец появились листья. Не успела она опомниться, как ее уже положили на спину на мягкую лесную землю. Кто-то сбрызнул ее лицо прохладной водой, и она с жадностью напилась воды из чаши, которую ей поднесли.

Рядом с ней села маленькая темноволосая женщина, улыбаясь ей. Прошло немного времени, прежде чем Висиния узнала ее.

— Скилои Касцон!

Грациозным жестом сцарка склонила голову и сказала:

— Я польщена тем, что вы узнали меня.

— Как я могу вас забыть? Вы же правая рука Цорпада…

— Я была правой рукой Цорпада, — поправила ее Скилои. — Цорпад мертв. Помните?

Висиния в замешательстве нахмурила лоб. Сильная головная боль все еще мешала ей думать. Она смутно помнила о своем пребывании при дворе Цорпада в качестве заложницы. У сцарки Скилои везде были свои глаза и уши, и она верно служила своему господину, марчегу Цорпаду.

— После битвы мы подумали, что вы мертвы, — слабым голосом заявила Висиния.

— Неправильно вы думали.

Тут к Скилои подошел воин. Крупный мужчина в золотых доспехах, которые ослепительно блестели на ярком солнечном свету. «Дириец. Но почему?»

— Я вижу, вы совсем сбиты с толку. Но все очень просто. Когда мой бывший господин отправился на битву, мне сделали гораздо лучшее предложение.

— Кто? — прохрипела Висиния, но фактически сразу и сама догадалась: — Сарган!

— Правильно. Теперь я служу Золотой империи. Или, точнее говоря, я служу Саргану Вульпону, в свою очередь скромному слуге императора!

— А что вы тут делаете?

— Переговоры. Было решено, что я, благодаря своим полным знаниям об этой стране, лучше всего подхожу для этого непростого задания.

— Переговоры? Но с кем?

— Естественно, с марчегом Ласцларом Сциласом. И с марчегом Гиулой Бекезаром, однако, к сожалению, до этого не дошло.

— Но ведь Сарган прибыл ко двору Ионны. Он…

На это Скилои громко рассмеялась. Потом посмотрела на Висинию с усмешкой.

— Вы же не думаете, что Золотая империя вдруг решит не пользоваться всеми возможностями? Сарган был отослан к влахакам, а я — к масридам.

Эта новость удивила влахаку, но ее разум слишком устал, чтобы сделать выводы, которые получались из только что сказанного. Поэтому вместо этого она спросила:

— А зачем вы меня спасли?

Сцарка долго молчала. За это время у Висинии зрение прояснилось, и она смогла рассмотреть ее роскошные одеяния и тщательно уложенные волосы.

— Случайность, госпожа Висиния. Мне было интересно посмотреть туннель, через который было осуществлено бегство. Тогда я вас и увидела. В империи верят в судьбу, при помощи которой боги соединяют людей. И когда я увидела вас там, такую беспомощную…

Тут голос сцарки потихоньку затих. Немного помолчав, она осторожно продолжила:

— На это можно посмотреть как на искупление. Я всегда возвращаю свои долги. Несмотря на это, вы должны всегда помнить о том, что вас спасла посланница империи, и не более того. Не забывайте, кому вы теперь обязаны своей жизнью.

Висиния промолчала. Она устала, слишком устала, чтобы думать над всем этим. Сарган, Скилои, империя, марчег Сцилас, Флорес. Тут она резко встала.

— А что с беженцами? Им удалось уйти?

На губах Скилои вновь промелькнула улыбка.

— Марчег был просто вне себя от гнева. Вероятно, они перебрались через Илт и пошли вдоль Маги, в то время как Сцилас послал свои отряды за ними на север. Теперь же он больше не решается преследовать их, так как не знает, где могут стоять оставшиеся войска Бекезара.

Висиния, облегченно вздохнув, откинулась назад.

— Юный марчег оказался хитрым лисом. Но я сомневаюсь, что он долго пробудет марчегом. Кажется, Сцилас страстно жаждет устранить любое другое притязание на трон. И он хорошо подготовился.

От звука приближающихся шагов Скилои тревожно подскочила, но это был всего лишь еще один воин, который опустился на колено возле сцарки и прошептал ей что-то на ухо.

— Надо отправляться в путь.

После этого заявления Висиния попыталась встать, но у нее ничего не получилось. В конце концов ее снова понесли. В быстром темпе они дошли до речки, где, спрятанная в камышах, стояла лодка.

— Здесь вы не в безопасности. Я не смогу спрятать вас. На западе и севере от Турдуя патрулируют воины Сциласа. В вашем теперешнем состоянии прошмыгнуть мимо них нет никаких шансов. Но и здесь оставаться — тоже полное безрассудство, — серьезно заявила Скилои.

— Мне нужно в Теремию, — слабым голосом сказала Висиния.

— Конечно. Но сначала вам будет лучше спуститься по Маги.

— Но это же в противоположном направлении! — запротестовала юная влахака.

— Да. Но я не могу отправить вас на запад, и у меня также нет никого, кому я могла бы доверить довести вас туда. Однако вам нужно уходить отсюда как можно скорее. И для этого остается лишь Маги.

По приказу Скилои дирийские воины положили Висинию в лодку.

— Вам лучше проплыть немного на лодке. Затем сойдите на южный берег. Мои подчиненные положили вам в лодку еду, одежду и некоторые другие полезные вещи. Будет

лучше, если вам удастся украсть где-то лошадь, или же вам придется пешком пойти на запад. Вы сможете?

Собрав волю в кулак, Висиния выпрямилась и облокотилась на низкий борт лодки.

— Да. А разумно ли вообще плыть у южного берега? Сколько там сейчас у Сциласа отрядов?

— Только несколько групп лазутчиков. Как дела обстоят на границе, я не знаю.

— Я смогу. Спасибо, госпожа Скилои.

С низким поклоном сцарка попрощалась с Висинией и отдала своим воинам приказ на чужом языке. Два солдата вытолкнули лодку из камыша, и вскоре она была подхвачена течением. Пока оба воина плыли к берегу, Висиния подняла руку в прощальном жесте. Затем группа постепенно уменьшилась и исчезла из поля зрения. И тут перед глазами вновь заплясали тени. Голубое небо стало темнеть. Потом оно и вовсе почернело, и путаница мыслей замерла. И только тихое журчание вечной Маги сопровождало влахаку в ее плавании.

25

И хотя ни сам лагерь, ни подготовка к военному походу на восток не были правильным местом и временем, все эти пустяки не могли удержать Флорес от того, чтобы подобающе оплакать Висинию. Масридские солдаты были обычными воинами, поэтому молодой девушке, только что повышенной до боярыни, было нетрудно раздобыть кружку крепкого темного шнапса, немного пахнущего травой и сильно отдающего свеклой. Медленно, но решительно Флорес опустошила кружку. Пока алкоголь, обжигая, наполнял тело благодатным теплом, Флорес думала о делах Висинии, о ее жизни, ее победах и поражениях, ее счастье и потерях. «Проклятье, но почему Висиния? И что теперь станет с моим братом? Я была горда тем, что являюсь частью такой семьи. А теперь — что останется от нашей линии? Я одна. Святые духи, я слишком жалкий остаток нашего гордого дома, чтобы продолжать его!»

Потом ее замутненный разум вернулся к тем, кто оставил ее. Стен, храбрый, иногда даже слишком, всегда заботился о благополучии близких. Ей казалось, что ее брат всегда был уверен в своем месте в этом мире и никогда не сомневался в борьбе влахаков. В отличие от Флорес, у которой война и смерть надолго отобрали волю, он боролся за возвышенную цель, а не за мешок с деньгами. Висиния тоже выросла на войне. Она тоже была храброй, всегда исполняла свой долг и во всем и всегда была опорой сестре. «Кроме того, что касалось Стена, — с улыбкой вспомнила Флорес. — Когда Ионна потребовала от нее выйти замуж за другого, она не подчинилась сестре». В своем роде Висиния была такой же решительной, как и Стен. Они оба никогда не ощущали тех противоречий, которые раздирали Флорес. Они помнили обо всех умерших, чтобы помочь живым. Они рисковали собственной жизнью, так как ставили свои цели выше.

Мысль о том, что она больше никогда не увидит Стена и Висинию, показалась вдруг Флорес такой нереальной, как будто они в любую секунду должны были зайти к ней в палатку и шутя потребовать и себе по кружке шнапса. Потом влахака снова осознала, что стала боярыней, и ирония всей этой ситуации вызвала у нее лишь горький смех. Она столько лет руками и ногами сопротивлялась участию в мятежном восстании! Потом, в конечном счете, ей пришлось принять это как неизбежность, как бы сильно она ни старалась. А теперь она единственная, кто остался из ее круга. Натиоле, ее друг еще с юношеских лет и первый учитель владения оружием, который всегда был рядом со Стеном, — мертв; убит во время отчаянного бегства из Теремии. Висиния, сестра воеводы, подруга, сестра по сердцу и компаньонка во стольких приключениях в Дезе, — мертва. Стен, ее брат, человек, ближе которого у Флорес никого не было и которого она часто гораздо лучше понимала, чем саму себя, — исчез и, скорее всего, ищет темные дорожки, чтобы последовать за Висинией. «Ты, подлец, оставил меня здесь одну и выбрал самый легкий путь! Ты всегда боролся,

преодолевая все препятствия, даже когда они казались совсем непреодолимыми, и все это для того, чтобы сейчас, когда цель так близка, сдаться и отдать свою жизнь в глупой борьбе троллей…»

Флорес сделала еще один большой глоток, от огня которого у нее перехватило дыхание и на глазах выступили слезы. Прощание проходило не так, как она запланировала, из-за того, что рядом не было друзей и родственников, которые рассказали бы свои истории об умершей и поделились своими воспоминаниями. А так Флорес осталась наедине со своей печалью и потерями. И со своим гневом. Только брат мог довести ее до такого состояния своим упрямством и бескомпромиссностью, с которыми он всегда придерживался того пути, который считал правильным. «Я должна была остановить тебя. Когда я увидела, как сильно ты страдаешь, я не должна была отпускать тебя. Вместо этого я заняла твое место. Твои сапоги мне не подходят, братец, и смерть для тебя уже ничего не значит. Проклятье, какая же я дура!»

Однако сейчас Флорес уже ничего не могла изменить. Единственное, что она могла, — так это пойти по тому пути, который перед ней открылся. Совет Стена покинуть страну все еще звучал в ушах Флорес, но сейчас эта мысль казалась влахаке абсурдной. Она тоже боролась, она тоже несла ответственность. Ей казалось неправильным покинуть однажды избранный путь. Это было бы предательством, и по отношению к Стену тоже.

Снаружи солнце уже садилось за горы, и мир постепенно погружался в серые сумерки. Большие облака затянули почти весь небосвод, но дождя все не было, хотя земля высохла и хотела воды. Было слышно, как на склонах Соркат бушует гроза, однако, кроме небольшого похолодания, до земли уже ничего не доходило.

Небольшие чаши с огнем дарили теплый свет, освещая скромное имущество боярыни. Простая кровать, несколько меховых шкур на полу. Большой сундук и два табурета грубой работы. И только кожаные доспехи с металлическими бляшками и накидкой с гербом Дабрана, изготовленные для нее по повелению Ионны, соответствовали ее новому положению. Рядом с вешалкой для доспехов, которая представляла собой всего лишь деревянный крест, на несущих шестах палатки висело оружие Флорес. Старому и потертому поясу для оружия было уже много лет, но он хорошо выполнял свое назначение и был верным спутником Флорес не в одной опасной битве.

Флорес неуверенно поднялась и указала кружкой в сторону оружия.

— Чтоб вы и дальше служили мне верой и правдой, — с усмешкой сказала она.

Потом сделала большой глоток и тихо добавила:

— Мне это скоро понадобится.

Вновь поднеся кружку к губам, она с досадой обнаружила, что та уже пуст. И как раз в тот момент, когда она уже хотела отправиться за добавкой, у входа в ее палатку кто-то прокричал:

— Госпожа Флорес? Вы здесь?

— А где мне еще быть? — громко ответила она и заметила, как нечетко прозвучали ее слова.

— Можно мне войти?

— О духи, почему вдруг нет? Да, заходите!

Тут полотнище входа откинулось в сторону, и в палатку, согнувшись, вошел Тамар. Увидев Флорес, он сначала наморщил лоб, затем заметил кружку в ее руке и неодобрительно скривил рот. В ответ на это Флорес резко спросила:

— Что такое?

— Скоро состоится военный совет, и я подумал, что вы, наверное, захотите присутствовать на нем. Ведь вы все-таки боярыня Дабрана.

— Ах, — фыркнула в ответ Флорес и манула рукой. — Все эти военные советы — лишь нескончаемая болтовня!

— Да, возможно, это и лучше, если вы не придете на совет, — заявил Тамар с непонятным жестом в сторону Флорес. — Если к тому же учесть ваше состояние, —

многозначительно добавил он.

— Что это значит? Вы хотите запретить мне присутствовать на совете? — возмущенно спросила влахака.

Осторожный внутренний голос подсказывал ей, что ее речь звучит не очень четко и что, возможно, Тамар прав, однако возмущение и алкоголь заглушили этот тихий голосок разума.

— Нет, конечно, нет, но… — успокаивающе сказал масрид, однако Флорес перебила его:

— Прекрасно! Этого только не хватало!

Она видела, что Тамар рассердился, но не захотела обращать на это внимание. Накопившийся у нее гнев вдруг выплеснулся, и, прежде чем она подумала об этом, уже накинулась на него:

— И даже если бы вы этого хотели, я бы не позволила, чтобы какой-то высокомерный масрид запрещал мне что-либо!

Тамар нахмурился. Рот превратился в тонкую линию, так сильно он сжал губы. В какой-то момент Флорес подумала, что он без лишних разговоров накинется сейчас на нее, но он лишь поднял палец и сказал:

— Вы забываетесь, боярыня. Кто вы и каково ваше положение? Я извиняю вас, вероятно, алкоголь заглушил ваш разум!

— Мой разум так же ясен, как всегда, — сердито возразила Флорес, хотя уже точно знала, что это не так. — Вы показываете мне надменного масрида, который ведет себя так, как будто я его подчиненная!

— Меня интересовало лишь ваше самочувствие и то, как вы будете выглядеть на совете, Флорес. Возможно, вы поймете это, когда ваша влахакская голова немного остынет! Или развеется туман шнапса!

Флорес чуть не задохнулась от ярости. «Да как он смеет? Этот ублюдок!»

— Это мое личное дело, — закричала влахака. — Я могу сама следить за собой, и мне не нужен опекун, а уж тем более масридская собака в этой роли, которая будет говорить мне, что правильно, а что нет!

На лице Тамара заходили желваки. Но затем он подчеркнуто вежливо кивнул.

— Как хотите, госпожа Флорес. Я не знаю, почему вы выбрали именно этот момент, чтобы поставить себя в такое недостойное положение, но вы правы, это ваше решение.

С этими словами масрид развернулся и вышел из палатки.

«Я скорблю, ты, проклятый дурак!» — хотела крикнуть ему вслед Флорес. Но масрид уже ушел, так что ей не оставалось ничего другого, как начать собираться на совет. Она схватилась было за пояс для оружия, но сделала это так неловко, что сильно поранила палец о гвоздь, торчащий из стойки палатки. От боли и злости на саму себя Флорес громко чертыхнулась. «Может, я и в самом деле выпила пару лишних глотков. Но это совсем не дает этому надменному петуху права судить обо мне, черт побери!»

После этого влахака аккуратно набросила накидку с гербом и подпоясала ее поясом для оружия. Сделав два неуверенных шага, она оказалась у своей кровати, возле которой стояла кружка с водой. Она без церемоний плеснула себе в лицо этой водой. После этого ей пришлось побороться с легким головокружением. С подчеркнуто спокойным выражением лица она вышла из своей палатки и направилась в сторону роскошного шатра Ионны, который располагался посредине лагеря.

И хотя сообщения лазутчиков были интересны, Флорес с большим трудом удавалось сконцентрироваться на них. Рядом с Ионной сидел Тамар. В соответствии с протоколом юный марчег располагался на одном уровне с воеводой, для чего для них двоих был сооружен небольшой помост, на котором и стояли два стула искусной резной работы. И хотя по лицу Тамара нельзя было понять, что происходит у него внутри, Флорес почувствовала, как он насмехается над ней. Она уже даже пожалела о своем решении прийти на военный

совет. Потому что, несмотря на все ее старания скрыть свое состояние, оно было все равно очень заметно. Ее речь была быстрой и невнятной, движения — неуклюжими, а все остальные реакции — замедленными.

Вероятно, другие присутствующие на совете тоже заметили, что влахака слишком много выпила. Тем не менее после своей речи она села прямо, с гордо поднятой головой. «Да, наверняка заметили, — подумала она. — Я не буду извиняться за то, что скорблю. Более того, это я должна спросить о том, почему другие не прощаются с Висинией».

Она усиленно старалась сконцентрироваться на вопросах, которые Тамар задавал своим солдатам. Это были его лазутчики, принесшие новые сведения с востока.

— Это точно? — как раз в этот момент спрашивал масрид.

— Да, вецет. Марчег Ласцлар Сцилас покинул Турдуй и идет на запад. Он использует тропы возле речки, по которым и ведет свои отряды.

— Как велика его армия?

— В Турдуе осталось немного воинов. Основная часть движется сюда. Несколько тысяч пехоты, к ним четыре сотни конницы и тяжелой техники. Обоз очень длинный.

Пока все присутствующие обдумывали услышанное, на несколько мгновений воцарилась тишина. Неожиданно поднялась Ионна.

— Мы должны выступить навстречу Сциласу. Между Иамесом и Илтом мы встретимся и там разобьем его. Вы со мной согласны, марчег?

Тамар с мрачным выражением лица молча кивнул. Остальные предводители и дворяне также согласно закивали. Начали обсуждать распоряжения, которые должны быть отданы по случаю выступления, и дальнейшие действия, и Флорес тихо вышла из шатра. Большая часть солдат из Дабрана была командирована на границу южнее Маги, чтобы там под предводительством Неагаса защищать их от всех нападений, так что на месте осталось совсем немного воинов, которым нужно было отдать приказы.

Так как ее лагерь был разбит немного в стороне, Флорес пришлось пройти мимо виселиц, которые скрипели от малейшего дуновения ветра. На крепких веревках висели четыре безжизненных тела. Хотя Флорес пришлось повидать много убитых, она все равно отвернулась. Вид медленно разлагающихся трупов с распухшими лицами каждый раз вызывал у нее тошноту. И сколько себя ни убеждай, что эти четверо заслужили такую участь, все же невозможно забыть, что все это было сделано для наглядного предостережения. Естественно, Ионна и Тамар именно с этой целью вынесли масридам и влахакам смертный приговор через повешение. Спор этих воинов закончился кровавой дракой, в которую было вовлечено еще больше воинов с обеих сторон. Поэтому, чтобы предотвратить дальнейшие драки и споры между невольными союзниками, предводители вынесли именно такие приговоры, и почти посредине лагеря на небольшом холме были сооружены виселицы. Это должно было послужить предостережением для всех других, кто еще захочет сводить счеты между масридами и влахаками. Вид этих болтающихся на ветру трупов действительно остудил пыл многих, хотя старая ненависть между воинами двух народов все еще потихоньку тлела, поэтому все время обсуждались вопросы о мелких нарушениях порядка. «Как в Теремии после вступления войск Ионны, — удрученно подумала Флорес. — Гнев сидит еще слишком глубоко в наших сердцах».

Влахака ускорила шаг, чтобы как можно быстрее миновать холм с виселицами.

Вскоре на пути к своей палатке она услышала звук быстро приближающихся шагов. Это был Тамар. Он догнал ее и теперь молча шел рядом. Флорес вопросительно посмотрела на него:

— Ну?

— Мы будем выступать двумя группами — влахаки и масриды отдельно. По дороге ко мне присоединятся отряды под командованием Одена. Тогда мы будем равны войску Сциласа, а может, даже и превзойдем его.

— Прекрасно.

— К тому же мы боремся за свою родину. Пусть даже она у нас и разная. До сих пор

Львица из Дезы была непобедима, а я намереваюсь искупить позор Турдуя.

Казалось, уже так много времени прошло с тех пор; как Ионна правила лишь в маленьком нагорье Мардева и в долине Деза у нее была резиденция. «Львица из Дезы. Теперь она предводительница влахаков, претендент на трон Радуса. За это было пролито так много крови и будет пролито еще больше. Возможно, Стен прав и эта земля жаждет наших жизней». Тут перед внутренним взором Флорес предстал Влахкис, раскинувшийся в долине, окруженной высокими Соркатами, которые с давних времен отгораживали страну от остального мира. Маги делила Влахкис, словно разрезая на две части, и всю землю покрывали темные леса. И, как сильно Флорес ни старалась, она не смогла представить себе Влахкис мирным, особенно после всего того, что она сама пережила, что пережили все его жители, влахаки, масриды, сцарки, карлики и тролли.

— Почему вы так молчаливы? — неожиданно спросил Тамар.

— Но вы же пришли не для того, чтобы докладывать мне о последних решениях и сведениях, марчег.

— Нет, не для этого. Я хотел лишь попросить прощения за свои слова. Не мне судить о вашем поведении.

Флорес так и подмывало сказать масриду, что он был прав, однако она прикусила язык и кивнула. Ее гнев улетучился еще во время совещания, остался только стыд.

— У вас, впрочем, была причина. Я была… в смысле, я и сейчас действительно немного пьяна, — заявила влахака и с сожалением посмотрела на Тамара. — У нас есть обычай — прощаться с любимым человеком. Я хотела оказать Висинии эту последнюю честь. Конечно, прощаться в одиночку, с кружкой шнапса было не очень хорошей идеей…

На лице Тамара промелькнула улыбка.

— Так вы выпили все, что обычно при прощании выпивается?

— Не будьте смешным, конечно, нет, — пробурчала Флорес, но как раз в этот момент она споткнулась о колышек палатки и упала бы, если бы Тамар вовремя не подхватил ее.

Криво усмехнувшись, Флорес добавила:

— А может, и так. Во всяком случае, не хватало историй, общих воспоминаний. Без историй все не так.

— Возможно, вы позволите мне принять участие в этом прощании. Мои подданные многим обязаны Висинии, и, даже если я недолго знал ее, я все же мог бы рассказать о ней немало хорошего.

Флорес удивленно посмотрела на масрида. Она искала признаки насмешки или издевки, но он выглядел абсолютно серьезным.

— Если вы так хотите, то конечно. Я уверена, Висиния была бы рада этому.

— Спасибо. Тогда пригласите меня, когда добудете еще одну кружку. А теперь будьте здоровы, госпожа Флорес.

— И вам доброго пути, марчег Бекезар, — ответила влахака и смотрела ему вслед, пока он не исчез среди палаток.

«У него действительно в крови есть честь, пусть даже это несколько искаженная честь масрида», — подумала она, входя в свою палатку. Вздохнув, она опустилась на кровать и закрыла глаза. Мир наконец перестал вращаться вокруг нее, и она заснула.

26

Новость, что большей части троллей придется остаться в лесу, так как в хижине и сарае просто не хватает всем места, вызвала у троллей недовольство. Однако Пард быстро и решительно навел порядок. В хижину пошли только Пард, Керр и Стен, а все остальные расположились на поляне возле хижины. Вход в хижину был низким даже для людей, так что Парду пришлось влезать чуть ли не на четвереньках. Да и внутри потолок был ненамного выше, поэтому троллям пришлось опуститься на колени.

Керр с интересом огляделся вокруг. Описание прорицателя еще раньше вызвало его

любопытство. Но обстановка хижины не впечатляла. В каменном камине потрескивал огонь. На стенах на крючках были развешаны одежда и инструменты из дерева и металла. Стол отодвинули к стене, чтобы освободить место для гостей, по этой же причине на него поставили два грубо вытесанных стула. С другой стороны стояла простая кровать с меховыми шкурами, на которых лежал старик, накрытый теплым покрывалом.

Прорицатель тоже не выглядел каким-то особенным. Кожа была вся в складках, белые волосы растрепаны. Глаза закрыты, дыхание прерывистое. Лицо блестело от пота.

А вот эльф, сидевший в углу за кроватью в стороне от троллей, оказался гораздо интереснее. Керр еще никогда не видел этих лесных охотников. Его одежда была сделана из мягкой кожи: простые штаны и длинная темная накидка с капюшоном. Сначала юный тролль подумал, что узоры на его коже всего лишь нарисованы, но потом понял, что это не так. «Неужели они рождаются с ними? Что же мне о них говорил Друан?»

Эльф тоже смотрел в сторону троллей. Его необычные глаза были большими, миндалевидными и неопределенного цвета: то они казались светлыми, то вдруг снова становились темнее. Волосы были светлыми, почти такими же белыми, как у старика, только они еще и мерцали в слабом свете огня. Волосы эльфа доходили до груди, где они, казалось, сплетались с узором. Темные контуры на его коже подчеркивали формы мышц, какое-то растение вилось вокруг его шеи, поднимаясь до острого уха. Каждый раз, когда эльф двигался, рисунки на его коже, казалось, танцевали, переливаясь и переходя друг в друга, и Керр был уверен, что они изменялись, когда он на них не смотрел.

Эльф заметил пристальный взгляд тролля, опустил голову и посмотрел на Керра загадочным взглядом. Хотя тролль не почувствовал страха, он был словно заколдован, охвачен чувством, которое поначалу не мог объяснить. «Мы здесь оба чужие», — наконец понял Керр и неожиданно почувствовал себя соединенным с эльфом какой-то древней непостижимой связью. Потом тот улыбнулся, обнажив два ряда белых зубов. Керр тоже осторожно показал клыки, чтобы не волновать эльфа.

— Как долго уже такое продолжается? — спросил Стен, прервав тем самым первобытную связь между эльфом и троллем.

И тут же, спохватившись, добавил:

— Меня зовут Стен. А тебя как зовут?

— Мое имя Тарлин, — мелодичным голосом ответил эльф, который умудрялся говорить так плавно, что предложение прозвучало как одно слово.

— Тарлин, — повторил за ним Керр это необычное для него буквосочетание.

— Точно, друг тролль. А на твой вопрос, человек: он болен уже много дней. С тех пор как солнце стало так беспощадно к этому миру.

Стену, казалось, было достаточно этого ответа, так как он опустился на колени рядом с кроватью и убрал с лица старика мокрые от пота пряди. Керр наклонился к Парду и прошептал:

— Я представлял себе его дом совсем по-другому. У предводительницы он был гораздо больше, на стенах висели картины.

— Я же тебе рассказывал, что нам нужно ждать снаружи, так как этот дом слишком мал для троллей.

— Да, но почему он такой маленький? И нет никаких картин, колонн, ничего.

— А почему у него должны быть картины? — удивленно спросил Пард.

— Но ведь у Ионны есть картины, а он тоже важный человек… — начал было объяснять Керр, но его прервал смех, вскоре превратившийся в сухой кашель.

Он удивленно глянул на кровать, где старик открыл глаза и теперь сотрясался от кашля. Затем он постепенно успокоился, и кашель прекратился. Немного помолчав и не поворачиваясь к троллям, старик очень тихо сказал:

— Довольно невежливо обсуждать бедность дома в присутствии самого хозяина.

— О… Я сожалею, — серьезно заявил Керр, что снова вызвало веселье у старика.

— Тролли с хорошими манерами. Что дальше? Вы будете есть людей при помощи ножа

и вилки и запивать при этом хорошим вином?

Керр озадаченно посмотрел на Парда, но тот лишь пожал плечами. Прежде чем он смог ответить, вмешался эльф:

— Человек, ты должен отдохнуть. Ты слаб.

— Позволь старому человеку порадоваться шутке, Тарлин. У каждого есть право самому выбирать, какими будут его последние слова.

— Вы собираетесь умирать? — явно обеспокоенно спросил Стен.

— Рано или поздно. Такова жизнь.

— Мы надеялись, что вы сможете помочь нам.

— В прошлый раз ты не был таким официальным, юноша. Но тогда твои глаза казались светлее, а в голосе звучало больше жизни. Мы все умираем, снова и снова, — устало проговорил старик и закрыл глаза.

— Дайте ему немного времени, — попросил Тарлин и поднялся. — Выйдите на свежий воздух, а я позабочусь о нем.

Вслед за Стеном и Пардом Керр тоже согнулся, чтобы пролезть через маленькую дверь. Выбравшись наружу, он полной грудью вдохнул свежий воздух леса. Он пахнул животными и растениями. Но в первую очередь также людьми, троллями и эльфами. Множеством эльфов.

— Здесь их много, — сказал он Стену. — И несколько совсем недалеко.

— Вангелиу вроде их друг, — ответил человек и решительно перешел поляну.

Когда Керр хотел последовать за ним, Пард схватил его за плечо. Юный тролль удивленно посмотрел на своего предводителя.

— Он пошел к своему другу.

— Куда? К какому другу?

— Люди закапывают своих мертвых. Его друг лежит вон там, в земле.

— Что? Они закапывают своих мертвых? В землю? Но ведь это отвратительно, — заявил Керр и скривился. — Они просто оставляют их разлагаться?

Большой тролль на это ничего не ответил. Керр проследил за его взглядом и увидел Стена, который стоял на коленях на краю поляны с опущенной головой. Керру показалось, будто он слышит его шепот, но, возможно, это был лишь шелест листьев деревьев.

Юный тролль озадаченно наблюдал за происходящим, пока Стен вновь не поднялся и не вернулся к ним. Человек даже не взглянул на них, и Керр сказал:

— Ты стал другим.

— Что ты имеешь в виду? — потребовал тот объяснения.

— Старик тоже говорил об этом. Ты стал гораздо молчаливее, чем раньше. И злее.

Тут человек безрадостно рассмеялся.

— Злее?

— Да, ты больше ничего не рассказываешь, и, если тебя о чем-то спрашивают, ты почти не отвечаешь. Ты стал другим, — упрямо повторил Керр.

— Оставь меня в покое, тролль, — вдруг взорвался Стен. Его глаза засверкали от гнева, и он сжал кулаки. Керр не хотел больше сердить человека, но покачал головой.

— Ну, вот опять, — вырвалось у него.

Тут Стен быстро подошел и мрачно уставился на него. Хотя человек был намного меньше его, он, казалось, совсем не боялся.

— Да что ты знаешь? Что ты вообще знаешь обо мне? Ничего! Так что оставь меня в покое, понятно? Я не хочу больше слушать твою болтовню! Даже собаки знают, когда они должны молчать!

Потрясенный Керр отшатнулся и в успокоительном жесте поднял руки.

— Я не хотел этого. Я же не знал…

— Точно! Ты ничего не знаешь!

С этими словами Стен резко развернулся и пошел назад, в направлении леса, в то время как Керр остался стоять на месте словно вкопанный. В поисках поддержки он посмотрел на

Парда, но тот, казалось, был так же поражен, как и юный тролль. Другие тролли тоже смотрели на них, но никто ничего не сказал по поводу только что услышанного и увиденного.

— Оставь его в покое, — наконец пробормотал Пард. — Иногда людей просто невозможно понять. Поверь мне, я пытался, но не получается. Обычно они маленькие и слабые, но потом иногда неожиданно происходит что-то такое, отчего они выходят из себя. Или страдает от боли. Если Стена доводят до такого состояния, его ничто не может остановить. Тогда он почти как тролль.

— Надеюсь, он не будет долго сердиться и не оставит нас. Я не хотел прогонять его.

— Он скоро снова успокоится. Он всегда успокаивается, — равнодушно заявил Пард и пошел назад к хижине, возле которой сел на землю.

Керр остался на поляне в неуверенности. Стен исчез в темном лесу, Пард сидел позади в круге слабого света, который падал из хижины. Он нерешительно шагнул в сторону хижины, но затем снова развернулся. «Друан говорил, что знания важны, если хочешь выжить. Важна не только сила, но и хитрость».

Керр решительно отправился на поиски человека, вынюхивая его среди мрачных деревьев. Подлесок здесь был очень густой, и поэтому лунный свет очень слабо проходил через листву деревьев. Как бы осторожно Керр ни старался идти, под его ногами постоянно ломались ветки, так что его продвижение нельзя было назвать тихим. Лесные звери бежали от него и поднимали еще больший шум. «Какие же существа могут здесь охотиться? Эльфы пользуются, наверное, своей магией».

В первую очередь благодаря своему чутью тролль нашел человека, сидящего под большим старым деревом. Он оперся спиной на ствол дерева, согнул ноги и обхватил колени руками. Глаза его были закрыты.

Юный тролль застыл в нерешительности: может ли он подойти ближе или должен снова уйти? Потом он наконец решился.

— Стен?

— Исчезни, — прозвучал ответ, но в его голосе уже не было той воинственности, он звучал устало и потерянно.

— Что-то произошло, да? Поэтому тебе плохо, и поэтому ты пошел с нами, — решил тролль высказать свое предположение.

— Я не хочу говорить с тобой об этом.

Керр медленно подошел и сел рядом со Стеном. Пахло землей и листьями, животными, растениями и жизнью, но и смертью тоже. Был слышен его тяжелый, сильный запах, который глубоко под землей просто не встретишь.

— Это из-за вашей войны? Вы ее проиграли?

Стен молчал, и Керр уже подумал, что человек не ответит. Но потом тот сказал:

— Нет. Война не проиграна. Собственно, она только начинается. Но она уже потребовала жертв.

Неоконченное предложение повисло в воздухе. В нем остро чувствовалась такая печаль, что Керру стало не по себе.

— Жертв?

— Моя жена — моя спутница, как бы ты ее назвал. Наш ребенок. Они мертвы, погребены под замком Зварен, — бесстрастным тоном произнес Стен.

Керр не знал, что ответить на это. «Потери причиняют людям такую же боль, как и нам, — понял он. — Смерть Друана причиняет мне боль. Он должен быть здесь и вести нас. Каждый чувствует, что его нам не хватает. Анда тоже потеряла Цдама, и теперь она хочет убить всех людей».

— Ты можешь это вообще понять? Что это значит?

— Наверное, нет. Ведь я не человек. Но мы, тролли, тоже скорбим о своих умерших. Мне не хватает Друана, — осторожно объяснил Керр. — Я не знаю, как это у вас, у людей. Но у нас так.

— Мы хотели мира. Мы хотели жить вместе. У нас отобрали все это. Теперь она бродит по темным дорожкам, а я остался один.

На этот раз Керр промолчал. Стен неотрывно смотрел во мрак леса. Когда человек вновь заговорил, голос его звучал безжизненно и холодно:

— Я один в темноте.

— Но мы здесь, — серьезно ответил Керр.

— Вы здесь. Но Висинии нет. И Натиоле нет, — сказал Стен, к которому неожиданно вернулась жизнь.

Он выпрямился и продолжил:

— Я ясно вижу свой новый путь, Керр. Я помогу вам, несмотря ни на что. Я должен выполнить свой последний долг в этой жизни.

Сказав это, человек встал и тряхнул головой так, что его длинные волосы растрепались. Керр тоже поднялся и пошел вместе со Стеном назад к хижине. Ночной лес молча выпустил их на поляну, где Пард уже махал рукой.

— Идите сюда! Эльф говорит, что старику уже лучше!

Они быстро пересекли залитую лунным светом поляну и вновь вошли в маленький домик. Тарлин сидел в углу, но Вангелиу действительно казался более живым, чем в первый раз. Он оперся о стену, подложив под спину несколько меховых шкур, и смотрел на прибывших ясными глазами. Так как Керр был не уверен, как нужно приветствовать старика, он просто кивнул. Он уже не раз видел, как это делают люди.

— Меня очень радует, что вам уже лучше, — начал разговор Стен.

— Тебе не нужно быть таким официальным, юноша. Я не бояр и не марчег, а всего лишь простой старый человек.

— Вы заслуживаете всяческого уважения, — возразил воин и склонил голову.

Вангелиу с видимым усилием отмахнулся.

— Я жил так всю жизнь и уж точно не собираюсь теперь позволять обращаться ко мне так официально. Слова не показывают уважения, юноша, только поступки.

— Как хочешь. Мы здесь… — начал было Стен, но Вангелиу перебил его:

— Потому что вы ищете помощи.

— Точно. На троллей напали, изгнали из земли. Но, возможно, лучше они сами расскажут об этом. Пард?

Однако большой тролль пробормотал лишь что-то невразумительное и указал на Керра, который и рассказал о войне против Анды, о смерти Друана и об их бегстве. Сначала он рассказывал медленно, с запинками, но затем слова словно полились из него. Все молча слушали. Старик даже закрыл глаза, и Керр начал опасаться, что тот снова заснет.

— Анда стала очень большой и очень сильной. Сильнее всех нас. И она убивает троллей. Мы не знаем, что случилось с ней, но это против нашей природы. Так учил меня Друан.

Когда юный тролль закончил свой рассказ, Вангелиу кивнул.

— И теперь вы здесь, так как Друан отослал вас к Стену и ко мне?

— Да, — ответил Пард. — Мы бы остались и боролись, но Друан хотел, чтобы мы поднялись к вам на поверхность. Я не знаю зачем, но у него были свои причины.

— Один человек рассказал, что Анда заключила союз с духами, — добавил Керр, который вспомнил о встрече с воином из Дабрана.

— Он говорил об исчадии темноты, — вставил Стен. — Но я не знаю, имел ли он в виду троллей или что-то другое.

— Эй!

— Ну да, вы уж точно не создания света. Возможно, посланником был верующий в Божественный свет, — оправдывался Стен.

— Мы не исчадия темноты, — с серьезным видом возразил Пард. — И только из-за того, что мы можем выжить только в темных местах этого мира, не нужно считать нас исчадиями!

— Да полно вам. Мне не нужно объяснять, я лишь высказал предположения, что мог иметь в виду посланник. Так что успокойся, хорошо?

Пард кивнул, поджав губы.

Тихий шум из угла привлек внимание Керра к эльфу.

— Тень легла на землю, — неожиданно начал Тарлин. — После того как снег растаял.

— Тень? В этом году? Летом? — спросил Стен.

Влахак выглядел очень удивленным.

— Мы предполагаем, что это связано с действиями железных людей. Дыхание духа темноты тяжело опустилось на землю.

— Но ведь Ионна приказала запечатать вход в Стариг Яцек, а монастыри там пустуют. Священники Солнца, которые своими ритуалами разбудили дух темноты, мертвы. Орден во Влахкисе слабый. И разве прорицатели не начали снова петь свои старые песни, которые должны связать дух темноты?

Вангелиу задумчиво кивнул. Он посмотрел на Керра, а потом сказал:

— Это так. Но нас осталось не так много. И мы больны.

— Вы больны? Что ты имеешь в виду?

— Дыхание духа темноты делает нас больными. Вначале, когда на меня только напала эта слабость, я подумал, что просто пришло мое время. Но потом появился Тарлин и сообщил мне о знании своего народа.

— Калинэ тоже больна, — вырвалось у Керра. — Она не смогла поговорить с нами!

— Это прорицательница воеводы, — объяснил Стен, увидев, как Вангелиу наморщил лоб. — У нее лихорадка, которая приковала ее к постели.

— Хождение по дорогам духов и заглядывание в их мир открывает ворота. Пока влияние духа темноты на землю медленное, он быстрее добирается до нас.

— Что за дух темноты? — озадаченно спросил Керр. — И почему дыхание?

— Когда-то был дух, который бродил по этой земле. Мой народ знает его как белого медведя, — объяснил Стен. — Когда влахаки еще не объединились и была война, то среди них жил один простой воин по имени Раду. Отвергнутый своими родными, он отправился в леса. Почти как у вас, изгнание в то время означало верную смерть. Но Раду встретил Мудрую женщину, прорицательницу, которая сообщила ему о Белом медведе, духе-хранителе моего народа, появление которого было большой радостью. Однако он находился во власти духа темноты. И так как Раду было больше нечего терять, он без страха пошел в лес и сразился с духом темноты.

— Это тот дух темноты, который сейчас живет в недрах земли?

— Нет, дай мне рассказать до конца. Раду победил дух темноты хитростью и силой. Он освободил Белого медведя, выступил перед собравшимися предводителями племен и бросил перед ними в середину голову духа темноты. Все увидели, что на нем лежит благословение Белого медведя. Так Раду был избран кралем, то есть королем. Это легенда, история, которую знает каждый ребенок во Влахкисе. Но здесь она не заканчивается. Что-то произошло с Белым медведем. А что — это должен рассказать Вангелиу.

Керр с любопытством посмотрел на старика, который снова закрыл глаза. На лице человека Керр прочитал глубокую печаль. Хриплым голосом Вангелиу начал свой рассказ:

— Много лет род Раду правил Влахкисом, кто-то хорошо, а кто-то не очень, но в стране был мир. Однако ничто не вечно, и это время тоже прошло. Оно закончилось наступлением солдат Дирийской империи, которые полтысячелетия назад пересекли Соркаты и завоевали страну. Линии первого краля разрешили править дальше, но их детей отвозили в Золотую империю. Так прошло много лет. Дирийцы услышали о наших сказаниях и легендах. Так эти сказания дошли до ушей сына императора, сильного и тщеславного принца. Он созвал местное охотничье общество, и они все вместе отправились во Влахкис.

— Люди слепы перед игрой мира, — роковым тоном произнес Тарлин. — Большинство из них даже не чувствуют, когда есть связь.

— Они нашли Белого медведя немного южнее отсюда. Никто не знает, как они нашли

его. Возможно, он хотел, чтобы его нашли, а может, и нет. Они ранили его, но он был слишком силен и смог противостоять магии их священников и оружия охотников. Зато он убил принца. Кровь пролилась на землю, кровь, смешанная со слезами. Оружие и магия смертельно ранили Белого медведя, но его сила была слишком велика и он не мог умереть. В своей боли он стал темнотой. Свет солнца начал жечь его тело, и он сбежал в подземелье. И его дух рассеялся в вечном мраке.

Какое-то время все молчали. «И священники солнца пытались подчинить себе этот дух, чтобы убить нас, троллей, — подумал Керр. — И все это по их соглашению с карликами!»

— Так все произошло? — тихо спросил Стен.

Когда Вангелиу устало кивнул, воин сам продолжил:

— Смерть принца во Влахкисе принесла большую беду в страну. Как будто люди были виноваты в его смерти, император приказал казнить каждого четвертого влахака. Однако еще во время всего этого ужаса племена объединились и выступили против солдат империи. Под предводительством краля Анеа мой народ у Трех Сестер разбил отряды империи, и таким образом закончилось почти столетнее господство Золотого Императора над нашей страной. Но я не знал, что принц погиб от лап Белого медведя.

— Об этом знали немногие. Многие из них исчезли за время долгого господства масридов. Наш народ потерял больше, чем просто свободу, Стен, — слабым голосом ответил Вангелиу. — Многое потеряно навсегда, безвозвратно исчезло из знания людей. Много правды сохранилось в старых песнях и историях, но мы уже почти не можем понять этого. Мне рассказали эту историю, когда я был еще совсем юн. Теперь я передаю ее вам.

— Но как все это может помочь нам? — проворчал Пард. — Вы боролись, иногда выигрывали, иногда проигрывали. Прекрасно. Но меня ваши войны ни капельки не интересуют.

— Дух темноты — источник, — разъяснил Вангелиу. — Что-то разбудило его. И в последние месяцы его влияние усилилось. Солнце безжалостно выжигает землю, как следствие — начнутся болезни и голод. Недоверие превратится в ненависть, а друзья станут врагами. Земля будет разрушаться точно так же, как рассеялся дух.

— И что все это означает? — беспомощно спросил Керр. — Что мы должны делать?

— Боюсь, что именно ваша Анда разбудила дух темноты. И его власть растет с каждым днем, когда он пробуждается от своих мрачных сновидений. Я не осмеливаюсь даже думать о том, что может произойти, когда он окончательно проснется и снова начнет блуждать.

— Будет война, — неожиданно вмешался Стен. — Один из масридов предал своих, и Ионна снова выступает в военный поход.

— Пока дух не спит, во Влахкисе никогда не будет мира. А если он проснется окончательно, то войны станут концом для нас всех.

— Неужели он такой могущественный? — удивился Керр.

— Он земля, ее душа, ее жизнь. Его связь со всем, что живет и что мертво, не оборвалась, даже когда его ранили. Только с тех пор он перестал быть защитником земли, и его влияние все изменяет в худшую сторону.

После этих слов воцарилась полная тишина. Снаружи доносились голоса троллей, однако лес и поляна казались Керру невероятно далекими и нереальными. «Как же нам выстоять против такой силы? Что мы можем предпринять против самой земли? Анда носит в себе силу всего мира!»

Даже Пард сидел, угрюмо глядя в пол.

Тогда Вангелиу тихо сказал:

— Я не могу помочь вам. Но, возможно, все-таки есть кто-то, кто сможет.

27

Звезды неподвижно стояли в небе. Но на самом деле они очень медленно, почти незаметно проплывали мимо. Темнота между этими далекими светилами была бесконечна, и

время от времени Висинии казалось, что эта темнота вот-вот поглотит ее. Влахака периодически резко просыпалась, не замечая даже, когда сон овладевал ею. Явь и сон стали так похожи друг на друга, что граница между ними стала почти несущественной. Висиния чувствовала себя очень слабой, не способной даже поднять руки. А ее попытка взять весло и направить лодку к берегу закончилась лишь потерей этого весла и новым приступом тошноты. Сейчас она снова легла на спину на дно лодки и смотрела вверх, в небо. «У меня такое ощущение, что я должна принести что-нибудь в жертву духу реки, — мелькнуло в мыслях. — Сейчас он сердит и хочет заполучить меня».

Однако река не перевернула лодку, а лишь понесла ее на своих волнах дальше на восток. «Я обязательно должна где-то сойти на берег. Восток — это неправильно. Мне нужно к сестре и мужу, — подумала Висиния. — Как можно скорее. Я еще немного полежу, а потом опять попытаюсь пристать к берегу. Сколько дней я уже плыву? Был это один день или уже два?» Однако она не смогла додумать мысль, пока река несла ее дальше под убаюкивающее журчание.

Звезды светили на небе, пока они неожиданно не исчезли и не осталась одна лишь темнота.

Толчок от удара лодки обо что-то разбудил Висинию. Когда она открыла глаза, то ее сердце охватил холодный страх. Вокруг нее была непроглядная чернота. «Я ослепла!» — в панике подумала она.

Тут по лодке вновь прошел толчок, сопровождаемый на этот раз скрежетом дерева о что-то очень твердое. Висиния опустила руки за борт лодки и нащупывала там до тех пор, пока ее пальцы не наткнулись на холодный камень, о который и терлась лодка.

Камень был гладким и ровным, явно обработанным человеком. Влахака с большим трудом попыталась успокоиться. Она специально медленно вдыхала и выдыхала и закрыла глаза. Чем спокойнее стучало ее сердце, тем больше она начинала осознавать окружающее ее пространство. Здесь журчание речки отдавалось эхом. Оно звучало так, словно она находилась в глубоком ущелье. Или в пещере. От осознания этого у Висинии замерло сердце. Как только она поняла, где находится, сразу же вернулся темный первобытный страх. «О нет. Нет. Маги принесла меня в горы. Я в Соркатах!»

Так же как река на западе во многих местах вытекала из гор и на своем длинном пути через страну превращалась из тонких ручейков в широкий поток, точно так же на востоке она вновь опускалась в пещеры под горами, чтобы снова вынырнуть по ту сторону Соркат в Дирийской империи. Никто не знал, какими запутанными путями протекала Маги в глубинах Соркат. Но крестьяне говорили, что никто из тех, чью лодку заносило туда, больше не возвращался. Висинию вновь железной хваткой охватил страх. «Но, по крайней мере, я не ослепла», — подумала влахака, отчаянно пытаясь вновь собраться духом.

— И я еще жива! — сказала она вслух.

Ее голос отразился эхом от стен и глухо вернулся, но парализующий страх отступил.

— Я еще жива, — повторила она и крикнула еще раз: — Я живу!

Слова затихли, или их просто перекрыло журчание Маги. Висиния осторожно поднялась в лодке. У нее закружилась голова, однако она подавила растущую тошноту и взялась за борт лодки. Танцующие огоньки перед глазами начали медленно исчезать.

С левой стороны борт лодки терся о камни в такт качанию маленьких волн. Судя по всему, лодка больше не качалась, а плотно легла на бок. Висиния на четвереньках осторожно подползла к носу лодки. Лодка действительно уперлась там в выступ и остановилась.

Поняв наконец свое положение, Висиния отклонилась назад и начала размышлять. Лодка попала по течению в одну из пещер где-то под Восточными Соркатами. Она может попытаться либо продолжить плыть вниз по течению в темноту, либо вернуться назад против течения. И хотя ей была неприятна уже сама мысль опустить руку в воду, которую она не видела, ей все-таки пришлось погрузить руку в ледяную воду. Течение оказалось очень слабым. Однако грести против течения едва ли было возможным вариантом, по крайней мере

не для нее одной.

Пока она еще раздумывала, ее желудок дал о себе знать громким урчанием. Только сейчас боярыня заметила, как она голодна. «Сколько же я уже ничего не ела?» — задалась она вопросом, но ответить на него не смогла. Но она вспомнила слова Скилои. Она начала ощупывать лодку, пока действительно не нашла сумку, которая была засунута под одну из скамеек. С благодарностью она поискала веревки, которыми была завязана сумка, и развязала их. В сумке она нащупала несколько пакетов разной величины. Скорее всего, это были хлеб, сыр и колбаса.

Как раз в тот момент, когда Висиния хотела достать их, она дотронулась до железной банки. У нее даже сердце замерло на мгновение, так как ее охватила большая радость. «Коробочка с трутом, который нужен при высекании огня!»

Она поспешно стала искать дальше и нашла маленький фонарь, в котором булькало масло. Дрожащими руками она достала эту драгоценность из сумки и поставила перед собой в темноте. Потом она осторожно открыла коробочку и насыпала немного трута перед собой на лавку. Затем она ударила кремень о сталь. Искры сверкнули в темноте, но недостаточно сильно, чтобы осветить окружение. Однако они зажгли в Висинии огонь надежды. Затем наконец искры попали и на трут. Влахака осторожно подула на него, чтобы огонь хорошо разгорелся.

Маленькое пламя осветило лодку, отбрасывая тусклый свет на ее дрожащие руки. Однако, пока не обращая внимания на окружение, Висиния подняла крошечный огонь и поднесла его к фитилю фонаря. Пламя заколыхалось от дуновения ветерка, но потом огонек наконец перекинулся на масло, и лампа загорелась, даря теплый успокаивающий свет. Несколько мгновений влахака просто сидела и наслаждалась этим чудесным светом. Но потом она все-таки подняла лампу и оглянулась вокруг.

Лодка лежала у края утеса, который явно был обработан человеком. Вначале это озадачило Висинию, но затем она поняла, что это что-то вроде гавани, которая, по-видимому, была выбита прямо в темном камне скалы. В целом вся освещенная часть казалась большой гаванью. Вниз, к речке вел длинный отрог скалы, огибающий ее и образующий тем самым надежную пристань. «Гавань под Соркатами? Это настоящее чудо!»

Висиния с восхищением созерцала плоды этого невероятного труда. «Здесь, внизу есть жители, это точно, — подумала она. — Это может означать спасение, но также и смерть, если те, кто соорудил все это, считают всех вторгшихся к ним врагами».

А еще влахака очень пожалела, что особо не прислушивалась к историям троллей об их родине. Она просто уже не помнила большую часть из того, что рассказывали Друан и Пард. К тому же она не слышала больше ни о каких подземных жителях, кроме троллей и маленького народца.

Недалеко от кормы лодки Висиния в полумраке увидела ступеньки, которые вели от причальной стенки вниз к воде. Она решительно поставила лампу на скамейку и подгребла вдоль стены. Тяжелая рыбачья лодка двигалась очень медленно, но наконец влахака все же добралась до лестницы, ступеньки которой были очень ровными. «Эти ступеньки явно делали не тролли. Но кто тогда? Неужели маленький народец и в самом деле построил эту подземную гавань?»

Вверху в стене в некоторых местах были врезаны петли толщиной в руку, в одну из которых Висиния протянула трос, закрепив его на носу лодки. Затем она выставила сумку с запасами на стену, рядом поставила фонарь и поднялась по ступенькам. В конце лестницы она задержалась на несколько мгновений, чтобы перевести дух.

Маленький круг света лампы не позволял оценить размеры пещеры, было видно только самое ближайшее окружение. В каменном полу были вырезаны переплетающиеся друг с другом узоры, которые, казалось, растянулись по всему краю гавани. «В принципе, только один народ известен искусной ремесленной работой таких масштабов. Но карлики и корабли? Это звучит так невероятно».

Тем не менее это совсем не обязательно означало что-то плохое, так как, несмотря на

ограниченность отношений между людьми и маленьким народцем, между ними не было непосредственной вражды. Хотя влахаки боролись на стороне троллей, а уж с ними карликами с давних времен ведется непримиримая борьба. К тому же после событий прошлого года с маленьким народцем больше не было никаких связей, он, казалось, окончательно ушел в свои пещеры. «Просто лучше я не буду говорить о том, что я влахака, если столкнусь с карликами, — подумала Висиния. — Наверное, лучше всего будет совсем исключить вопрос о моем происхождении».

Но для начала для этого вообще нужно было найти хоть одного жителя этих пещер. Так что боярыня повесила на плечо сумку и подняла лампу. Она осторожно пошла по пути, ведущему прочь от Маги.

На полу, состоящем из на удивление точно подобранных друг к другу каменных плит, время уже оставило свои следы. Очевидно, здесь передвигали тяжелые грузы; во многих местах остались следы волочения и царапины. Некоторые места были истоптаны большим количеством ног.

Вот по такому с трудом различаемому пути Висиния медленно шла, при этом еще и рассматривая окружение. Через несколько десятков шагов из темноты вырисовалась широкая лестница, а затем влахака увидела высокую стену скалы, которая означала конец пещеры. Она осторожно подошла ближе, пока не увидела в стене большие темные отверстия. Перед ней возвышались большие ворота — почти три шага в высоту и несколько шагов в ширину, через которые легко могла пройти повозка. С удивлением она смотрела на эти порталы, своды которых были также украшены резьбой. Лестница вела вверх, в темноту и неизвестность. Висиния решила сначала пройти через этот портал. Когда она подошла ближе, то увидела, что свод портала внутри сильно поврежден. Весь пол был усеян булыжниками, от самого входа были отколоты целые куски, а часть хода за ним, казалось, была завалена. Висиния удивленно остановилась и прислушалась, однако, кроме неизменно ровного журчания речки, больше ничего не услышала.

Тогда она осторожно прошла внутрь. Темный жуткий страх напал на нее, как только она зашла в туннель. Тело отказывалось слушаться ее. Между лопатками она почувствовала мурашки, так будто кто-то наблюдал за ней из темноты. Ей захотелось убежать отсюда, но ее словно парализовало. На лбу выступил пот, мышцы свело в судороге, а горло сдавило в страхе. «Туннель, — в панике подумала она. — Он завалится и накроет меня».

И только ценой больших усилий Висинии удалось побороть этот страх. Еще свежи были воспоминания о Турдуе, мрачные и полные ужаса. Этот туннель напомнил ей о том, через который они бежали из крепости и который чуть не стал для нее последним пристанищем. Так что Висинии стоило больших усилий заставить себя пройти дальше в туннель.

С высоко поднятым фонарем она медленно шла вперед, время от времени бросая взгляд на потолок. Однако булыжники на полу были явно не из туннеля, а только с ворот. Чья-то мощная сила вырвала целые куски из входной арки и забросила на несколько шагов в туннель.

Висиния, внимательно глядя вперед и под ноги, шла по туннелю, который был слегка покатым. Стены и потолок туннеля были украшены переплетающимся геометрическим рисунком, который даже будто двигался в скудном свете лампы. Хотя влахаки долгое время почти не имели никаких общих дел с маленьким народцем, Висиния знала, что такой вид тонко разработанного рисунка характерен именно для карликов. Правда, они никогда бы не потерпели таких повреждений, какие были нанесены этому порталу. «Получается, маленький народец, скорее всего, больше не живет в этой гавани».

Тем не менее она пошла дальше, так как ей больше ничего не оставалось, если она, конечно, не хотела остаться на такую переменчивую милость речки. У нее все еще холодило спину, когда она вспоминала о Турдуе, но она одолевала свой страх. А туннель вел ее все дальше и дальше в глубь горы.

На плитах пола виднелись следы от колес, все с одинаковым расстоянием между колес.

Очевидно, по этому туннелю было провезено бессметное количество тележек, и постепенно Висиния поняла назначение этой гавани. «Сюда привозили товары или карликов. А потом через эти туннели их доставляли дальше. Возможно, даже в Карликандию, которая должна быть где-то здесь, глубоко под горами». Влахака не могла не подивиться умениям и ремесленническому искусству маленького народца. С большим старанием и любовью украшенные стены, огромный масштаб пещер и туннелей — все это вызывало уважение к невероятным достижениям карликов. «И ко всему этому, они постоянно вели войну против троллей, народа, грубее которого сыскать просто невозможно. Нецивилизованные, грубые, дикие, первобытные, абсолютная противоположность маленькому народцу».

Оба таких разных по существу народа находились в постоянной конкуренции за бесконечные на первый взгляд пещеры и туннели под Соркатами. Этот подземный мир простирался и под всем Влахкисом, на невероятных глубинах, в которые никогда не ступала нога человека.

Несмотря на благодарность, которую Висиния испытывала по отношению к троллям, которые не только боролись на стороне влахаков в войне против Цорпада, но и спасли ее любимого Стена от верной смерти, влахака задавалась вопросом, какую бы сторону она охотнее заняла в этой борьбе подземных жителей. «С кем бы заключил союз мой народ, если бы у него был выбор? С брутальными, грубыми троллями или цивилизованными карликами?» И ответ на этот вопрос был не так уж сложен. Маленький народец в своем образе жизни был гораздо ближе влахакам. Но судьба распорядилась иначе, и духи послали им троллей; их боялись и почти ненавидели, но они были сильными союзниками и могучими воинами, появление которых перевесило чашу весов той войны в пользу влахаков.

Однако эта мысль ничем не помогала в сложившейся ситуации. Запасы были ограничены, и если Висиния хотела выжить, то ей нужно было как можно скорее найти дорогу на поверхность. Поэтому она продолжала идти, пока туннель не закончился вдруг пещерой огромных размеров, стены которой исчезали в темноте. Журчание Маги здесь было едва слышно, к тому же еще глухим эхом отдавались шаги самой Висинии. Даже здесь каждый кусочек пола был украшен большими квадратами, хотя ширина пещеры составляла много шагов. И для того, чтобы украсить эту поверхность, был затрачен колоссальный труд.

Пораженная увиденным, Висиния шла вперед сквозь темноту, которая не хотела отступать перед ее светом. «Как капля света в море мрака», — промелькнуло в мыслях влахаки. Вокруг нее была одна лишь темнота, не было стен, потолка, только одна непроглядная чернота. Неожиданно Висинии подумалось, что, возможно, она уже никогда не вернется к себе на родину, никогда не увидит больше Стена, Ионну и Флорес. Сердце защемило от грусти, однако затем она вновь решительно подняла лампу и пошла дальше. «Мое сердце еще бьется, значит, я сделаю все, чтобы вновь увидеть Стена. Пока во мне еще есть силы, я буду бороться за то, чтобы вернуться к нему! Ведь, в конце концов, он должен узнать, что станет отцом». Эта мысль неожиданно придала ей новых сил.

Звук ее уверенных шагов отдавался эхом, и создавалось впечатление, будто в пещере идет целая армия. Висинии стало интересно, как эта пещера выглядела, когда карлики наполняли ее жизнью. Когда повсюду горели огни маленького народца, туда-сюда ходили их рабочие и воины, везли тележки и их голоса нарушали гробовую тишину, которая здесь сейчас царила. Наверняка эта картина была впечатляющей, и влахака напрасно пыталась отгадать, где же теперь могли быть карлики. По словам троллей, маленький народец медленно продвигался вниз, протягивая свои туннели все глубже и глубже под землю. Однако здесь Висиния нашла покинутую и незащищенную пещеру.

Не останавливаясь больше, боярыня пошла дальше, ориентируясь по рисунку на плитах пола, чтобы не потерять направления. Наконец вдали она увидела небольшое возвышение, а также отблески света от металла. Она ускорила шаги, чтобы поскорее выбраться из этой тревожной пещеры. Но потом она увидела, от чего отражался свет ее лампы. Перед стеной лежали тела убитых карликов. Чем ближе она подходила, тем четче видела их. Здесь точно их было две-три дюжины. Все они были когда-то в доспехах, сейчас же у части они были

разорваны, а у других сорваны с тела. Оружие и щиты лежали на полу, и в некоторых еще были оторванные руки их владельцев. Влахака с ужасом созерцала картину кровавой битвы.

Трупы карликов лежали фактически полукругом перед стеной, как будто они именно это место выбрали для своей последней отчаянной битвы. «Это, должно быть, была ужасная битва. Я не могу себе представить, чтобы карлики не отдали последний долг своим погибшим. Означает ли это, что никто из маленького народца не знает об этих трупах здесь? Или они больше не могут попасть в это место?» Влахака опустилась на колени перед одним из убитых, чтобы повнимательнее осмотреть его. Запах разложения вблизи стал еще сильнее, хотя трупы выглядели хуже, чем можно было судить по запаху. Кожа и мышцы натянулись на костях, и в пустых глазницах была такая же темнота, как и в пещере. Правая рука, казалось, была сломана в нескольких местах, а между шеей и плечом зияла огромная рана. Состояние трупов затрудняло более точный осмотр, но Висиния все же поняла, что эта рана была сделана не оружием, а так, словно кто-то вырвал оттуда кусок с невероятной силой. «Я знаю только один народ, который в состоянии такое сделать, — это тролли, — подумала влахака. — Неужели военная удача так переменилась? После смерти священников солнца в Стариг Яцеке троллям больше не угрожала их магия. Наверное, они воспользовались этой возможностью и направили свои могущественные силы против карликов?»

Однако ответа на этот вопрос Висиния не смогла здесь найти. Зато она увидела секиру искусной работы и подняла ее. «Полезное оружие, духи сделали мне, по крайней мере, такой подарок». Рукоятка секиры была частично залита темной кровью, однако ей это совсем не мешало, и она повесила секиру на пояс. Когда она вновь поднялась, ее взгляд случайно упал на стену за этой горой трупов. Почти незаметно в стене проходила тонкая линия, образуя форму входа.

С любопытством Висиния подошла ближе и провела пальцем по скале. Она действительно почувствовала тонкую щель, но она была настолько тонкая, что в нее нельзя было бы даже воткнуть нож. Когда она вновь отошла на два шага назад, ей наконец стало ясно значение ее открытия. «Портал! Погибшие здесь боролись у ворот! За этим порталом и находятся карлики!»

Она поспешно подскочила вперед и начала колотить кулаками по холодной скале. Ее сердце громко застучало в груди, а надежда теплом разлилась в теле.

— Эй! Меня слышит кто-нибудь? Там есть кто-нибудь?

Слова ее отразились от стен, и громкое эхо заполнило пещеру. Висиния испуганно оглянулась, пока замирали последние звуки, однако в темноте ничто даже не пошевелилось. Влахака снова ударила по камню, но ее кулаки были слишком слабые. Тут ее взгляд упал на булаву на полу. Она быстро схватила тяжелое оружие и ударила металлической головой о стену. Звуки ударов повторялись эхом, и Висиния почувствовала, как булава при каждом ударе вибрировала в ее руках. Но когда она прекратила колотить по порталу, пещера стала такой же тихой и спокойной, как была и до этого. Также и с другой стороны портала не было слышно ни звука.

Тяжело дыша, Висиния облокотилась на скалу. Понимание безнадежности ситуации волной накатило на нее. Маленький народец бросил эту пещеру. Маги текла в неведомую темноту. Висиния могла бродить здесь днями, так и не найдя выхода. Скоро она израсходует свои небольшие запасы, задолго до того как сможет выбраться на поверхность, и ее фонарь погаснет, когда сгорит все масло. А к этому еще можно добавить остальные ужасы подземелья, неизвестные опасности, существ, которые живут и охотятся в темноте. «Я больше никогда не увижу солнца. Я больше никогда не увижу Стена». От этой мысли на глазах Висинии появились слезы.

Тут из темноты донесся шорох. Она повернула голову в том направлении, откуда донесся звук. Звук был похож на шарканье где-то в глубине пещеры, а потом он стих. Висиния быстро протерла глаза и, сощурившись, всмотрелась в темноту. Убитые карлики неподвижно лежали в кругу света лампы. Висиния обеспокоенно пыталась высмотреть движение в темноте, однако ничего не видела. Она медленно поднялась и вытащила секиру с

пояса. Тут с левой стороны раздался шорох. Однако, прежде чем молодая женщина смогла повернуться на звук, прямо перед ней появилась огромная тень. Словно из ниоткуда в круг света ее фонаря прыгнул тролль и зарычал. Из его пасти брызнула слюна, и Висиния отпрянула назад, пока не натолкнулась спиной на стену. Было видно, как напряглись мышцы под грубой кожей тролля, когда он наклонился вперед и ударил себя в грудь. Его глаза мрачно мерцали, и он оскалил свои мощные клыки. Висиния в отчаянии подняла секиру, однако знала, что все это было напрасно. Тролль с легкостью преодолел несколько шагов между ними. Под его ногами захрустели кости убитых карликов, но он не обратил на это никакого внимания. Только Висиния открыла рот, чтобы закричать, как тролль прыгнул на нее. Клинок секиры вонзился ему в бок, но тролль лишь схватил влахаку и поднял ее. Он вырвал у нее из рук оружие и отбросил в сторону. Висиния почувствовала его невероятную силу. Он вонзил свои когти ей в бедро, и едкая вонь из пасти ударила ей в нос.

— Мы же друзья! Вспомни Стена! Влахаки! — в отчаянии крикнула она, однако чудовище, казалось, не понимало ее. «Он убьет меня и сожрет!»

Хватка становилась все сильнее. В теле Висинии захрустели косточки, и уже скоро они сломаются, словно гнилое дерево. Из легких вышел весь воздух. Боли пронзили все тело и разум. В глазах начало темнеть, закрывая лицо тролля и постепенно унося влахаку прочь.

— Отпусти, — неожиданно раздался голос..

Хватка тут же ослабилась. Лапы разжались, и Висиния бессильно упала на пол. Она жадно вдыхала воздух, только краем сознания воспринимая то, что вокруг нее собралось несколько больших силуэтов. Раздались нюхающие звуки, и боярыня покачала головой, чтобы освободить мысли от темноты.

— Я знаю твой запах, — пробормотал кто-то над ней, и Висиния посмотрела вверх.

Вокруг нее стояли несколько троллей. С ее положения на полу они казались еще более огромными. В то же время здесь, на своей родине они выглядели гораздо менее странными, чем на поверхности, где они для Висинии оставались совершенно непостижимыми, словно кошмарные сны.

— Я — влахака, — сказала она и осторожно поднялась, чтобы не спровоцировать этих существ на новое нападение. — Меня зовут Висиния.

— Ты знаешь человека по имени Стен?

— Да.

— Тогда ты боролась вместе с троллями? Я знаю твой запах, — повторил исполинский тролль и наклонился к ней. — Ты тоже была в больших пещерах из ткани.

— Что? — в замешательстве переспросила Висиния, но потом поняла. — В палатках. Да, я присутствовала на обсуждениях военного совета. Но лишь немногие тролли… Друан, Пард и…

Она лихорадочно пыталась вспомнить, но третье имя все время ускользало от нее на край сознания. Наконец она неуверенно спросила:

— Тарк?

— Турк, — ответил тролль.

Висиния с облегчением посмотрела на него. Тролль был выше ее почти на два шага. Он был просто невероятно большим, а под серой кожей вырисовывались сильные мускулы. Все его тело покрывали шрамы, а один из клыков был наполовину сломан. Его рога были длинными, заворачивались за головой на спину, а жесткие волосяные отростки были коротко подрезаны. Он казался грубым и неуклюжим, однако его темные глаза, казалось, поглощали взгляд Висинии и выдавали опасный ум. Рядом с Пардом Турк был точно самым большим троллем, которого Висиния когда-либо видела. Год назад он был предводителем своего рода, и сейчас это тоже не изменилось.

— Мы друзья? — осторожно спросила влахака.

— Что ты тут делаешь? — спросил тролль, не ответив на ее вопрос. — Это страна не для людей.

— Я попала сюда по речке. Она принесла меня сюда, я совсем не хотела здесь быть.

Мне нужно вернуться на поверхность.

— Речка? Вода там, внизу? — переспросил Турк, указав неопределенным жестом в сторону Маги.

— Да.

— Там есть еще выходы?

— Я не видела. Я попала в это место, выйдя на берег в гавани карликов. А вы откуда сюда пришли?

— С глубин, — только и ответил Турк.

— Вы боролись против карликов? — спросила Висиния, показав взглядом на убитых воинов маленького народца.

Тролли оглянулись на карликов, словно в первый раз заметили эти трупы. Один из них даже фыркнул так, словно дал отрицательный ответ.

— Нет. Не мы. Другие тролли.

— Так, значит, вы взяли верх в войне против карликов?

— Нет никакой войны против карликов, — загадочно ответил Турк и, принюхиваясь, осмотрел пещеру.

Висиния озадаченно посмотрела на троллей, которые внимательно уставились в темноту.

— Нет войны? Но что тогда произошло с этими карликами? Друан рассказывал, что вы всегда боролись против маленького народца.

— Карлики отступили. Они закрыли свои пещеры камнями и больше не выходят наружу. И к ним тоже никто не может войти.

Юная влахака недоверчиво посмотрела на тролля.

— А почему они так сделали? Из-за поражения в большой битве?

— Что? — переспросил Турк явно озадаченно, а затем громко рассмеялся. — Нет. На них напали другие тролли. И здесь тоже, — продолжил тролль, указав на убитых карликов. — Было убито очень много карликов, а оставшиеся окопались теперь в своих пещерах.

— А кто их убил? Пард и Друан?

— Анда, — кратко ответил Турк.

Висиния хотела задать еще один вопрос, как тут ее опередил один из троллей.

— Пойдем, — проворчал он. — Здесь небезопасно.

— Подожди, Дарк, — приказал Турк.

А Висиния в это время лихорадочно думала над тем, как Анда смогла таким кровавым и жестоким образом убить столько карликов. «Но ведь она предводительница племени Друана и Парда, ведь так? И разве тролли не говорили, что их слишком мало, чтобы победить бесчисленный народ карликов? Как же она…»

— Позволь нам съесть женщину. Я голоден, — предложил еще один тролль, чем тут же прервал размышления Висинии.

Она вдруг поняла, что это не те тролли, которые ходили со Стеном и были знакомы с людьми. Это было племя Турка, которое слишком мало пробыло на поверхности, только для того чтобы бороться против Цорпада и его союзников из маленького народца. Перед битвой тролли держались на расстоянии от людей и наоборот. С Друаном Висиния была уверена, что тролль защитит ее, если что, но здесь она была предоставлена на милость совершенно незнакомых троллей.

В их взглядах она не видела ни сочувствия, ни понимания, а только алчность. Она осторожно нащупала секиру, однако она лежала где-то между трупами.

— Да, — согласился Драк и облизнул свои толстые губы.

У массивного тролля на одной руке не хватало двух пальцев, и у него были длинные волосы. Роговые отростки спускались сзади почти до пояса и шуршали, словно старые листья, когда он двигался.

— Но мы же друзья, союзники, — быстро сказала Висиния, но по взгляду Драка она

поняла, что он видел в ней не союзницу, а всего лишь ужин.

Между тем Турк, казалось, совсем отвлекся. Большой тролль не обратил никакого внимания на сказанное, а только задумчиво смотрел в сторону Маги.

Драк, усмехаясь, подошел ближе и поднял кулак. Кровь ударила в голову Висинии, когда она увидела его толстые острые когти, потрескавшиеся края которых были в грязи. Но неожиданно появился Турк и схватил руку Драка.

— Я не разрешал тебе трогать ее, — спокойно заявил большой тролль.

Никто не двинулся, но Висиния увидела, как обозначились его кости под кожей.

— Хватит, — наконец сдался Драк, и Турк выпустил руку меньшего тролля из стальной хватки.

Затем большой тролль опустился перед влахакой и вновь внимательно посмотрел на нее.

— Мы берем тебя с собой, женщина. Ты не можешь оставаться здесь, да и мы тоже.

— Хорошо, — ответила Висиния так спокойно, как только могла.

— У нас война, — продолжил тролль. — Мы не можем позволить себе иметь дополнительные трудности. Если ты будешь мешать, я предоставлю Драку полную свободу действий. — Понятно.

Согласно промычав, тролль поднялся и повернулся к троллям.

— Мы отправляемся в путь. Шляйхер, ты пойдешь вперед. Разведай дорогу.

Маленький тролль молча кивнул и побежал в темноту. Его шаги затихли через несколько мгновений после того, как его поглотила темнота.

— Возьми с собой свой свет, — приказал Турк, и Висиния поспешила поднять лампу.

Потом тролли обступили Висинию так, что она оказалась в центре, и вся группа побежала вдоль стены прочь от Маги, вглубь горы. «Как же я попала сюда? — удивилась Висиния. — И против кого они ведут войну, если это не карлики?»

Однако отвечать на все эти вопросы было некогда, и она просто вместе с троллями начала спускаться в глубины земли.

28

День, проведенный на открытой поляне, отнюдь не испортил настроения Парда. Также и другие тролли вели себя спокойно и даже шутили. Стена же, наоборот, начали преследовать мрачные мысли и образы, он чувствовал себя абсолютно лишним в обществе троллей, эльфов и прорицателя. Целый день он пытался заснуть в домике, но его душа никак не могла успокоиться. Он долго витал между сном и явью, так как его все время будили звуки леса и частые приступы кашля прорицателя, напоминая ему, где он, и возвращая в реальность.

Окончательно сдавшись, Стен, угрюмый и усталый, сидел перед хижиной, в то время как Пард рассказывал одному троллю, как он сражался с сотней карликов и победил их. «Разве не говорят, что благодаря сну все забывается? Но если сон не хочет приходить, значит, и забыть будет невозможно», — подумал влахак и зевнул. Он вполуха слушал историю, полную кровопролития. «Как бы я хотел, чтобы Пард наконец закончил свою историю, смысл же все равно в конце будет таков, что тролль съест всех карликов». Пока Пард рассказывал дальше, для наглядности помогая себе активными жестами, Стен заметил, что лес стал каким-то странно тихим. Птицы умолкли, да и другие звери больше не издавали никаких звуков. И хотя такому могло способствовать присутствие троллей, Стен заметил, что в более дальних окрестностях звуки ночного леса остались прежними.

— …тут он схватил этого маленького ублюдка за ногу обеими руками и…

— Тихо, — прошипел Стен, заслужив тем самым гневный взгляд Парда.

Обведя рукой близлежащий лес, юный воин сказал:

— Здесь поблизости что-то есть. Звери молчат.

Тролли тоже внимательно всмотрелись в темноту. Некоторые принюхались, в то время

как Пард приподнялся и прислушался.

— Ничего не слышно, ничего не видно, — пробурчал Врок. — Это, должно быть, эльфы.

— По крайней мере, это точно не карлики, — смеясь, ответил Пард и снова сел. — Тем не менее, Врок, возьми с собой Грену и Ремма и станьте на страже на краю леса.

Трое тут же пошли выполнять приказ и исчезли между деревьев. Пард облокотился назад и посмотрел на Стена.

— Если это эльфы, это все равно не поможет. А если что другое, то мы будем предупреждены. Так что, где я остановился? Ах, да, нога карлика…

— Хм, а что у вас с винаи? — поспешно перебил Стен тролля, пока тот не продолжил рассказ.

— Что ты имеешь в виду? Что должно быть у нас?

— Вы сохраняете мир. Иногда я чувствую даже что-то вроде уважения по отношению друг к другу. Но ведь винак тоже всего лишь маленькое слабое существо — или нет?

Сначала Пард задумчиво наморщил лоб, а потом разразился громким смехом.

— Неужели ты хочешь сравнить эльфов с людьми? — не успокаиваясь, спросил большой тролль.

Стен неприязненно посмотрел на него и покачал головой.

— Ни в коем случае. Мне лишь было интересно понять твое поведение.

— У нас с эльфами нет никаких споров. А об этом знает каждый тролль.

— Но ведь вы едва знаете друг друга. Не так ли? Мир здесь, наверху чужд вам, и не могу себе представить, чтобы и винаи спустились к вам в подземелье, — сказал Стен.

— Нет. Во всяком случае, я о таком никогда не слышал. Но точно так же, как каждый тролль знает, что карлики — ублюдки, а люди живут на поверхности и их много, каждый знает и то, что эльфы не враги. Они охотники, так же как и мы. Они чувствуют землю, как мы. И даже если наша родина не похожа на их родину, все равно у нас с ними больше общего, чем с другими народами.

— Они опасны, — согласился Стен с троллем. — Но они живут очень обособленно. Пока я с вами не встретился, я до этого не видел ни одного из них. Они живут в глубоком лесу, куда мой народ достаточно редко решается зайти.

— Существует много мест, которых боится твой народ, — иронически сказал Пард, но потом вновь посерьезнел. — И это хорошо. Каждый живет там, где он должен. И только когда такие ублюдки, как карлики, забывают об этом, становится плохо.

«Или когда одни человеческие народы нападают на другие и завоевывают их страну», — подумал про себя Стен, а вслух сказал:

— Скорее всего, ты прав. Я думал только, что, возможно, между вами и эльфами есть какое-то соглашение или что-нибудь в этом роде.

— Нет, — решительно ответил Пард и скрестил руки на широкой груди.

— Ну да. У людей с винаи мало общего. Мы…

Влахаку не удалось закончить предложение, так как неожиданно из-за деревьев раздался насмешливый голос:

— Мы постоянно встречаемся, Стен сал Дабран. Так что слова «мало общего» кажутся мне не совсем подходящими.

Тролли тут же повскакивали, Стен тоже поднялся, хотя и значительно медленнее, чем его спутники. Недалеко от того места, где Врок исчез в лесу, из подлеска на поляну вышел силуэт. Это был эльф, немного меньше Стена. Он подошел и склонил голову. Его длинные темные волосы впереди и по бокам были заплетены в косички, сзади же они свободно падали на спину. На винаке были лишь простые кожаные штаны. Руки, плечи и всю верхнюю часть туловища покрывали картинки, состоящие из разводов и линий, которые, как ни странно, подходили к очертаниям тела и, казалось, менялись с каждым его движением. На устах эльфа застыла пренебрежительная улыбка. «А разве хоть когда-нибудь я видел его с другим выражением? Такое впечатление, что он постоянно насмехается над нами». Стен вспомнил

их первую встречу. Когда в прошлом году они пробирались через эти мрачные леса, эльф показал дорогу ему и троллям. Он помог им, только чтобы затем вновь исчезнуть. «Он как дух — приходит и уходит, когда ему захочется».

— Рувон! — рявкнул Пард. — Ты все такой же надменный сукин сын!

Эльф вновь склонил голову.

— Вы тоже не меняетесь, тролль. Вас можно услышать и учуять даже против ветра.

Позади Рувона из темноты вышла еще целая толпа эльфов. Создавалось такое впечатление, будто они просто стали видимыми, так неожиданно они появились на поляне. У всех были длинные волосы, от очень светлого до очень темного цвета, большинство из них были гораздо меньше Стена; Рувон вообще казался довольно большим как для своего народа. Кроме простых кожаных штанов из одежды на некоторых были также кожаные рубашки, и все. К тому же у некоторых были луки со стрелами, и у каждого был длинный кинжал, у кого висел на поясе, а у кого был привязан к руке или ноге. В целом их было почти дюжина, и все они шли за Рувоном, который медленно шел через поляну.

Тут позади эльфов раздался треск кустарника, и на поляну вышел Врок. Он озадаченно осмотрелся, потом пожал плечами и вернулся к Парду.

— У нас мир, тролль? — как бы мимоходом спросил Рувон.

Пард медленно кивнул.

— Мир, эльф. Старый человек сказал, что у нас одинаковые проблемы.

— Похожие, тролль. Пробуждение Курперла угрожает нам.

— Кур… что? — переспросил Керр, и Рувон повторил:

— Курперла. Сердце земли.

— Как бы оно ни называлось, не важно, — пробурчал Пард. — Пойдемте внутрь.

Стен вместе с Керром и Рувоном зашел в хижину. Вангелиу и Тарлин уже ждали их. Пард, перед тем как зайти, бросил взгляд через плечо на троллей там, снаружи с последним предупреждением:

— У нас мир, понятно? — сказал он и тоже зашел в хижину.

В маленьком помещении было тепло и душно. Пахло болезнью и, естественно, троллями. Как, уже настрадавшись, констатировал Стен, у этих больших существ была такая особенность «награждать» своим запахом каждое место, в котором находились. Эльфы же, наоборот, почти не пахли, точно так же как их фактически не было ни слышно, ни видно, если они так хотели. Поэтому, находясь в обществе троллей, эльфов и прорицателя, Стен странным образом чувствовал себя совершенно лишним. Он снова посмотрел на всех этих странных существ. «Это я здесь чужой, ничего не знаю, — понял молодой воин. — Так, наверное, Пард и Керр чувствовали себя на совете у Ионны. Если тролли вообще могут воспринимать так что-либо». Стен украдкой глянул на Керра, который, в свою очередь, смотрел на эльфов. Не в первый раз влахак задавался вопросом, как тролли воспринимают мир и что они при этом чувствуют.

— Это Рувон, — представил Вангелиу эльфа. — Он хозяин леса.

— Мы знаем, — вставил Пард. — Вопрос, как он может помочь нам.

— Я совершенно не собираюсь помогать вам, тролль, — спокойно ответил эльф.

— Но человек сказал, что ты можешь помочь нам!

— Нет. Я сказал, что знаю кое-кого, который, возможно, сможет помочь вам.

Пард озадаченно посмотрел на Стена, который тоже лишь пожал плечами. От этого выражение лица большого тролля совсем помрачнело. «Мне не стоило бы сердить Парда. Это лишь навлечет беду и будет иметь нехорошие последствия».

— Ты за дурака меня держишь, человек? Это мне не нравится!

— Ни в коем случае, Пард, — ответил Вангелиу. — Рувон сможет только опосредованно помочь вам. На этот раз помочь нам всем.

— Ты говоришь загадками, старик. Это специально? — спросил Стен.

Вангелиу покачал головой.

— Я хочу сказать, что Рувон будет принимать решение, сможет ли его народ что-то

сделать и что именно. Я с удовольствием помог бы вам. Но я стар и болен. А это не самое лучшее условие.

— А что могут сделать винаи?

— Мы не стары и не больны, — объяснил Рувон. — Если ваша тролла носит в себе связь с Курперлой, то мы можем пригодиться. Дыхание ослабляет нас не так сильно, как людей, сердце которых открыто. Мы уже долго живем с этим дыханием, и мы можем закрывать свое сердце от него.

— Значит ли это, что ваши прорицатели не подвержены этой болезни?

— Так и есть. Даже если они и не прорицатели.

— А твой народ обеспокоен? — с любопытством спросил Керр. — А вы боитесь, что Анда снова нападет на вас?

— Нет. Мы не боимся троллей, так же как и вы не боитесь нас. Даже если они смогут прийти в лес, они не найдут нас. Наша родина для них настолько же чужда, насколько и их — для нас.

— Но почему вы тогда хотите помочь нам?

— Так как вы, тролли, своими действиями угрожаете не только себе самим или людям.

— Ей! — протестующе воскликнул Пард. — Это не мы, это только Анда!

— Если бы это сделал кто-то из эльфов, сказал бы ты, что это только один эльф? Или ты думал бы, что это все эльфы?

Пард, сощурив глаза, долго смотрел на Рувона, пока наконец не вздохнул.

— Это не тролли. Мы — тролли. Другие — не тролли, они живут не как тролли, они не соблюдают наши традиции.

— Я тебя понимаю, — серьезным тоном ответил Рувон и, повернувшись к Вангелиу, продолжил: — В твоем сообщении говорилось о троллях, человеке и Курперла.

— Так и есть. Думаю, Анда разбудила дух темноты. Я не знаю, чего она хотела этим добиться, но если все истории Керра и Парда, рассказанные здесь, правдивы, значит, ее сила от духа. Хотя я сомневаюсь, что она осознает все последствия, которые могут быть у ее действий.

— И какие же это могут быть последствия? — захотел уточнить Стен.

— Война, болезни, голод. Когда больное сердце проснется, вся земля будет пропитана его гниением.

— Возможно, Анда как раз и хочет этого, — предположил Керр. — Она хочет отомстить людям. Но под глазом небесного света люди в безопасности. Возможно, именно таким способом она захотела уничтожить людей.

— Тогда, значит, она глупа, — вставил Рувон. — Если дух проснется, будут уничтожены не только люди.

«Не только люди, — раздраженно подумал Стен. — Они так говорят, будто это не наша тоже земля».

— Но, возможно, как раз этого она и хочет!

— Дыхание духа не остановится и перед троллями, — тихо объяснил Вангелиу. — А совсем наоборот.

— Что вы имеете в виду? — спросил Пард.

— Вы слишком близки к нему. Хотя вы только в прошлом году впервые почувствовали его разрушительную силу. Он — это все, он наполняет все, от самых глубин земли до верхушек гор. Невозможно представить даже, что может произойти, когда он проснется. Но одно точно: ничего хорошего!

Было заметно, как старик обессилел от этой речи. Его дыхание стало прерывистым, а руки начали дрожать. Тарлин наклонился к нему и успокоительно положил ему руку на плечо.

— Напряжение слишком велико, — пробормотал эльф. — И даже несмотря на мою помощь, дыхание духа слишком сильно подействовало на него.

— Ты умрешь, Вангелиу? — спросил Керр.

Стен шумно вдохнул. А старик только слабо кивнул.

— Да. Тарлин помогает мне закрыть сердце, как он это называет. Но болезнь уже во мне. Слишком поздно я заметил ее медленное влияние.

— Мне жаль, — сказал юный тролль.

— Не нужно жалеть. Моя жизнь была долгой. Я пережил и хорошее, и плохое. Теперь вот пришло время выйти на темные дорожки. Всем когда-то придется это сделать, такова жизнь.

— Старик, ты думаешь, что опасность так велика? — спросил вдруг Рувон.

Эльф был очень сосредоточен, его хищнические глаза так пристально смотрели на Вангелиу, как только волк мог смотреть на свою добычу.

— Да, я так думаю. И ты тоже, эльф, если будешь честен. Последствия прошлого года — ничто по сравнению с тем, что произойдет, когда дух темноты проснется. Кто знает, возможно, он будет даже вновь бродить по земле.

Такая перспектива очень взволновала как Тарлина, так и Рувона. И даже если их лица выдавали совсем немного из того, что в них происходило, Стен почувствовал их напряжение. Эльфы пристально смотрели на старого влахака на кровати. Когда Вангелиу не продолжил, Рувон спросил:

— Ты считаешь, что возможно и такое?

— Я не знаю. Никто не может сказать, что произойдет, когда дух темноты проснется окончательно. Что касается меня, то этого я уже не узнаю.

— Что это означает? — спросил Стен. — Что будет происходить, если дух будет бродить по земле?

— Его влияние еще больше усилится, — объяснил Вангелиу. — От охотничьей компании, которая ранила Белого медведя, уже до следующей луны в живых не осталось ни одного. Все в мучениях умерли от болезней. Говорят, волки выпили пролитой крови духа и так появились зраикасы.

— Зраикасы? — пробурчал Пард. — Это те сволочи, которые убили Роха? Эти волосатые монстры?

— Да. Лес был не всегда так опасен, как сейчас. Многое изменилось во Влахкисе с тех пор, как Белый медведь перестал сторожить нашу землю.

«Наверное, мне стоило с большим вниманием относиться к сказаниям и легендам моего народа, — подумал про себя Стен. — Но мне всегда будущее казалось как-то более важным. И вот теперь я сижу здесь и слушаю рассказы о Влахкисе, о которых я почти ничего не знаю».

— Есть старая легенда о влахаках, которые в одну суровую зиму заманивали к себе в деревню путников, убивали их и съедали, — вставил он. — Предположительно, это их духи наказали и превратили в зраикасов. Другие же рассказывают о людях, которые жили и охотились в темном лесу с волками, дети которых и стали этими монстрами. В общем, об этих существах ходит много легенд.

— Я не знаю, какая из них правдива. Может, все, а может, и ни одна? Но одно точно: нам пришлось дорого заплатить за ранение Белого медведя.

После этих слов вся разношерстная компания осталась сидеть молча. Стена бросило в жар. В голове у него все перемешалось: отрывки легенд и рассказов слились с событиями последних дней и недель, смешавшись также с воспоминаниями о битве троллей и борьбе в подвалах Стариг Яцека. «Белый медведь — дух темноты, и его пробуждение таит в себе гораздо большие угрозы, чем можно ожидать от Анды. На востоке начинается война, в то время как в подземелье под миром надвигается буря, о которой никто из людей даже не подозревает». Перед внутренним взором Стена встала картинка, в которой Флорес выступает в военный поход рядом с Ионной. Пока княгиня противостоит опасностям мира на поверхности, незаметная для людей сила грозит накрыть земли влахаков смертью и эпидемиями. «Я был прав, когда говорил Флорес, что наша земля сама по себе мрачная и кровожадная. Как говорили эльфы? Сердце земли? Неудивительно, что наша жизнь

наполнена войнами и смертью». Но потом он подумал обо всех тех лишениях, которые люди приняли, чтобы помочь другим. Он подумал о том, как Сарган рассказывал, что в его империи война была каждодневным явлением. «Возможно, дело все-таки не в земле. А в самих людях».

Он в нерешительности посмотрел на Парда. Тролль, казалось, был абсолютно уверен в своей ответственности и роли в этой жизни. Рувон тоже излучал самоуверенность и спокойствие, которые всегда так впечатляли Стена. При этом Керр казался таким же потерянным, как Стен.

— Что теперь? — спросил юный тролль.

— Мы спросим Рувона, сможет ли он нам помочь. Нам всем, — заявил Вангелиу, не открывая глаз. — Я не могу. При этом мы должны попытаться разрешить эту проблему. Пока есть опасность, что Анда разбудит дух темноты, над нами всеми будет висеть угроза.

— Сначала мне нужно поговорить со своими братьями и сестрами, — спокойно ответил Рувон. — Вопреки твоим словам я ни король, ни, уж тем более, могущественный правитель. Это должно быть обсуждено и решено всеми вместе.

— И что мы потом будем делать?

— Кому-то придется спуститься в подземелье и покончить с Андой. Дух темноты должен тогда успокоиться, его влияние уменьшится. А этого можно достичь, только если никто больше не будет нарушать его спокойствие.

— Значит, нам надо убить Анду, — сухо сказал Пард и посмотрел вокруг. — Если ее не будет, значит, и опасность минует нас.

— И как ты хочешь это сделать? — спросил Стен. — Разве она не опасна? Разве вы уже раз не сбежали от нее?

— Мы найдем способ. Возможно, она права: больше не время бегать!

Злая улыбка заиграла на губах Парда. Он оскалился и сжал кулаки. Но Стен спросил у него:

— Я думал, что тролли не убивают троллей?

— Она больше не тролль, — заявил Пард. — Что бы она ни делала и что бы она ни считала, она — не тролль!

— Но все равно это будет непросто. У нее много троллей, которые следуют за ней. Она сильная. Керр говорил, что она огромная и ее раны быстро заживают.

— Значит, это будет непросто. Но, тем не менее, я это сделаю. Хватит говорить. Это постоянная болтовня делает меня более мягким!

Свои последние слова Пард почти прокричал. Стен удивленно посмотрел на большого тролля, который теперь сидел, тяжело дыша после этого эмоционального всплеска. Влахак в успокоительном жесте поднял руки:

— Да полно тебе, Пард. Мы справимся с этим.

— Мы? — сразу переспросил Керр. — Ты пойдешь с нами?

— То, что здесь происходит, касается не только вас. Я помогу вам, как и обещал. Если это означает, что мне нужно будет спуститься в недра земли, значит, я пойду туда.

— Ты? — выпалил Пард и залился таким громким смехом, от которого затряслись даже стены хижины. — Человек? В пещерах?

Эльфов тоже, казалось, очень развеселило это представление, но Стен подтвердил свои слова:

— Да, я. Если ты можешь выжить здесь, на поверхности, то я тоже смогу выжить на твоей родине. Кроме того, ты будешь рядом. Что со мной может произойти?

— Наша родина полна опасностей. Опасностей для тролля. Человек… а человек там вообще едва ли сможет выжить!

— Я постараюсь, — невозмутимо возразил Стен. — Но, возможно, сначала мы подождем, что скажет народ Рувона?

До этого эльфы лишь молча слушали их разговор. Теперь Рувон поднялся и вышел через дверь. Не говоря ни слова, эльф исчез в темноте. «Я никогда не пойму винаев, —

подумал Стен. — С другой стороны, я и троллей не понимаю, но, тем не менее, я фактически обязан спуститься в их родину».

— Как ты думаешь, Тарлин? — неожиданно спросил Вангелиу. — Каково будет решение?

— Если бы это было дело только человека или тролля, мой народ никогда бы не стал вмешиваться. Но если твои предположения верны, это дело касается и нас. Мы гораздо лучше сопротивляемся влиянию Курперла, чем ты, но если он проснется, то последствия скажутся и на нас. На нас всех.

— Значит, вы поможете нам?

— Это мое мнение. Другие могут видеть это иначе. До сих пор нам жилось хорошо — вдали от людей, троллей и карликов. Поэтому будут голоса и против какой-либо помощи.

— Но это же безумие! — вырвалось у Стена.

Эльф холодно посмотрел на него. Но, когда он ответил, его голос был нейтральным и не выдавал никаких чувств:

— Твой народ разбудил дух темноты. Твой народ убивает лес. Твой народ ведет войну против себя самого. Мы хорошо усвоили, что от вас нужно держаться как можно дальше.

— Прости, я не хотел оскорбить тебя, — подавленно ответил влахак. — Вы должны сами принять решение. Я благодарен вам за всю помощь, которую вы уже оказали нам.

— Я высказался за то, чтобы помочь вам. Но я лишь один из многих. Решение не зависит от меня одного.

Стен кивнул и встал. Вместе с троллем он вышел из хижины в ночь. Позади них Вангелиу сотряс новый приступ кашля. Он бросил в последний раз взгляд на старого прорицателя, бледного, с лихорадочным блеском в глазах, и увидел, как Тарлин с обеспокоенным выражением лица достал из своей сумки какие-то травы.

— Я рад, что ты хочешь помочь нам, — заявил Керр, и Стен заставил себя улыбнуться в ответ.

Влахак наблюдал за Пардом, который передавал новости другим троллям.

— Я надеюсь, Рувон сможет убедить свой народ, — продолжил юный тролль, и Стен, соглашаясь с ним, молча кивнул.

Затем молодой воин перешел поляну и направился к могиле своего друга Натиоле. «Даже если и нет, мы все равно спустимся под землю. У нас в принципе нет выбора. И тем не менее мы можем лишь ждать и надеяться, что винаи помогут нам. Иначе как мы сможем справиться одни?»

29

Далеко позади себя Тамар увидел облака пыли, которые поднимались от ног влахакских солдат. Он сам скакал во главе своих отрядов и таким образом избежал всей этой пыли, которая лезла в рот и нос каждого и слоем покрывала все вокруг. «Да, у такой сухой погоды есть и свои недостатки. Хотя поход под дождем был бы точно еще неприятнее».

Прямо за марчегом цокали копытами лошади его небольшого отряда кавалерии. Их было всего почти пятьдесят лошадей вместе с воинами, которые на них сидели. И это обстоятельство очень огорчало его как представителя народа, любящего лошадей. Еще, правда, он сохранял надежду, что Оден собрал больше кавалерии, возможно, даже все отряды с северных и западных границ Сиревы. Но в настоящий момент вид масридских воинов совсем не вызывал в Тамаре гордости за них, хотя, в принципе, они были самым сильным оружием его народа.

Войско продвигалось вперед просто мучительно медленно. За день отряды так сильно растягивались, что теперь из них получилась длинная колонна, которая шла вниз по течению реки. Еще дальше маршировали влахаки, которые свой лагерь разбивали отдельно от его собственного. Кевес, который скакал рядом с Тамаром, проследил за направлением взгляда своего господина.

— На что вы смотрите, вецет? На влахаков?

— Да.

— У нас хорошие лазутчики. Мы сразу же получим новости, если враг окажется поблизости, — спокойно сказал сцарк, и Тамар озадаченно посмотрел на него.

Потом он рассмеялся.

— Нет, я волнуюсь не из-за того, что Сцилас может напасть на нас во время передвижения. Я всего лишь думаю о том, насколько сложным оказался этот союз.

— Это не ваша вина, вецет. Когда мужчины и женщины отправляются в военный поход, быстро возникают споры. Даже в нашем лагере случаются драки.

— Возможно, ты и прав. Но, тем не менее, мне не дает покоя мысль, что мне пришлось повесить масридов за то, что они напали на влахаков.

Кевес пожал плечами, словно хотел сказать этим, что такие вещи не подвластны его господину. Тамар вновь задумчиво посмотрел назад, на облака пыли за его солдатами. То, что соглашение между масридами и влахаками будет непростым, было ясно всем его участникам с самого начала. Тем не менее даже самому юному марчегу было трудно видеть во влахаках настоящих союзников, хотя он и знал, что от этого зависела его надежда на возвращение себе родных земель. «А моим воинам это нравится еще меньше. Да это им это просто не по нутру». С такими мыслями Тамар посмотрел на фланг кавалерии, где бежало несколько стай короткошерстных гончих со своими предводителями. Эти большие животные с мощными челюстями были не только хорошей охраной для лагеря, их можно было использовать и в битве, в основном для того, чтобы травить убегающего противника.

Тут за одним из поворотов большой реки вдалеке показались вымпел и знамена. По рядам воинов прошло волнение, когда более внимательные сообщили об этом окружающим. Также и Кевес привстал на стременах и всмотрелся вдаль, прикрывая рукой глаза от солнца.

— Оден! — радостно воскликнул сцарк и показал вперед.

В отрядах поднялось всеобщее ликование, которое прокатилось, как волна, до последних солдат в арьергарде. Тем временем Тамар с волнением рассматривал палатки и флаги, пытаясь оценить их количество. Страх и надежда боролись в его душе, отчего у него пересохло во рту и на лбу выступил пот. До сих пор войско Ионны было больше его, и он, соответственно, был более слабым партнером в союзе. Это можно было изменить при помощи отрядов Одена, что должно было обеспечить юному марчегу лучшую позицию в последующих военных советах. К тому же этому возникшему волею судеб альянсу вскоре может потребоваться каждая пара рук, если они хотят победить Сциласа.

— Лагерь выглядит довольно большим, — громко сообщил Кевес, и уставшие воины, стоявшие поблизости, вновь возликовали.

Тамар тоже был доволен, так как сцарк был прав: уже сейчас он смог рассмотреть большое количество палаток и цвета многих дворян. Очевидно, под знаменем Одена, которое развевалось в центре лагеря, собралось много воинов Сиревы. И прямо над его знаменем висел гриф, герб страны и семьи Бекезаров. Увидев его, Тамар почувствовал неукротимую гордость, и вся его уверенность моментально вернулась. «Гриф еще будет летать над Сиревой!»

Тамар пришпорил лошадь и галопом поскакал вперед. К нему тут же присоединился Кевес, и избранные воины его гвардии последовали за ними на небольшом расстоянии. Его собственный флаг трепетал на ветру, когда он скакал последнюю часть пути к лагерю. Долгая ходьба уже всех измотала, включая и Тамара, однако сейчас в его венах вновь забурлила кровь и он чувствовал себя гораздо бодрее, чем в последние дни.

Когда он со своим эскортом въехал в лагерь, к ним со всех сторон начали сбегаться солдаты, выкрикивая имя его дома. Проезжая мимо них, Тамар увидел усталые лица, которые, однако, были полны воодушевления. Они были молодые и старые, мужчины и женщины, масриды и сцарки. Все они махали или склоняли голову перед ним. Все были готовы следовать за ним в битву.

Когда они доехали до центра лагеря, где их уже ожидали другие предводители, Тамар

замедлил шаг лошади и соскочил с седла. К нему тут же подбежали слуги и взяли из рук поводья, в то время как сам юный марчег направился сторону знати. Его доспехи были в пыли, так же как и его волосы, однако здесь он был господин. Широко расставив ноги, он стал перед бароном Оденом и слегка кивнул ему. Сцарк же, наоборот, склонился перед ним в глубоком поклоне, как и положено. На бароне тоже были доспехи, поверх которых был надет легкий стеганый мундир ярко-красного цвета.

— Добро пожаловать, марчег Бекезар. Надеюсь, вы довольны тем, что видите здесь, — Оден обвел рукой весь лагерь.

И хотя Тамару не понравилась самодовольная ухмылка сцарка, масрид удержался от какого-либо замечания на этот счет, улыбнулся и ответил:

— Абсолютно. Здесь собрано даже больше отрядов, чем я смел надеяться. Так что вместе с теми, кого я привел сюда, нам будет легко победить марчега Ласцлара!

Произнося последние слова, он повысил голос, и в ответ раздалось новое ликование солдат. «Уверенность и доверие — ключ к победе. Вера в себя самого и своих командиров. Мои воины доверяют мне, и я не разочарую их»;

— Ваш путь был неблизким. — Этими словами Оден отвлек Тамара от его мыслей. — Может, вы хотите сначала освежиться?

— Нет. Кубка вина будет достаточно. Давайте пройдем в шатер, где бы вы смогли проинформировать меня о создавшемся положении дел, — вежливо возразил Тамар и потом быстро добавил: — А что с людьми из Турдуя? Они в безопасности?

— Мы подумали сначала, что основное внимание Сциласа будет направлено на нас. Поэтому часть беженцев мы переправили на север, где им было предоставлено убежище в тех деревнях. Остальных мы переправили на захваченных лодках.

— Через Маги? — не веря своим ушам, переспросил Тамар. — В Валедоару? Во владения марчега Ласцлара?

— Да, — смеясь, ответил Оден. — Мы хотели отплатить ему за услугу.

— Это не воины…

— Нет, вецет. Но так как Сцилас движется вдоль реки на север, то юг сейчас более или менее безопасен. Ведь он не может быть везде одновременно, правда? Мы отправили туда только здоровых и сильных. Мы направили их двигаться на восток, чтобы в тылу армии марчега Ласцлара снова вернуться в Сиреву. Мы поручили им распространить слух среди солдат, оставшихся в Турдуе, что Сцилас разгромлен!

— Хороший план, смелый, но хороший, — наконец одобрил Тамар.

Чем больше он об этом думал, тем больше ему нравилась эта тактика. Похлопав по плечу сцарка, марчег добавил:

— Вы провели хорошую работу, баро. За это вам, естественно, моя благодарность.

Они вместе зашли в роскошный шатер, чтобы посоветоваться о предстоящей битве. Тамару хотелось пить, поэтому он разбавил себе водой немного крепкого вина с родины. Он с наслаждением отпил несколько больших глотков, в то время как остальные присутствующие уважительно молчали. Наконец юный масрид опустил кубок и с нетерпением посмотрел на Одена.

— Сколько? — без обиняков спросил он.

— Две тысячи. Три четверти из них кавалерия. Еще дополнительно должна подойти пехота, но ее будет немного. По последним сообщениям, Сцилас находится от нас всего в нескольких днях пути и быстро продвигается нам навстречу.

— Тогда у нас получается больше четырех тысяч воинов. Под командованием Ионны на несколько сотен меньше. Так что в целом мы можем противостоять Сциласу почти с восемью тысячами солдат.

— Господин, — медленно начал Оден и погладил рукой бороду. — Тут есть еще один вопрос… воины ропщут. Им не нравится бороться вместе с влахаками.

Тамар рассерженно посмотрел на сцарка.

— Это так?

— Да, вецет. Ходят слухи, будто влахакские собаки хотят напасть на нас во время битвы или с тыла после нее. Это никому не нравится.

— Мне тоже не нравится выступать в войне с ними, — серьезно ответил марчег. — Но эти слухи неправдивы. Позаботься о том, чтобы они прекратились.

Оден кивком подтвердил приказ, однако выражение лица осталось таким же озабоченным. Тамар задумчиво окинул взглядом коренастого мужчину и взял небольшую паузу, помешивая разбавленное вино в кубке. Затем он отпил еще один глоток, наслаждаясь его послевкусием во рту, и сказал:

— Все это устраивает меня так же мало, как и вас, баро. Но мои руки связаны. Не забывайте, что марчег Ласцлар напал на нас. Если бы он выступил против влахаков, это выглядело бы иначе, но сейчас его действия вынудили нас на этот союз.

— Я понимаю причины, которые подвигли вас к такому решению, вецет. Но можем ли мы доверять влахакам?

Тамар вновь сначала немного помолчал, чтобы придать своим словам больший вес. И свой ответ он произнес медленно и убедительно:

— Воевода — женщина меча. Она поклялась в верности союзу с нами. Я доверяю ей. И даже если влахаки втайне хотят выступить против нас, тогда все потеряно и так. Мы не можем даже надеяться выстоять против двух мощных противников одновременно.

— Аркас в своем походе разбил сначала дирийцев, а затем влахаков, — напомнил ему Рурьос, баро, земли которого находились между Иамесом и Илтом, в собственности которого было всего несколько маленьких деревень.

Баро был уже пожилым человеком, ветераном многих столкновений на границах между Садатом и Сиревой. Поэтому к его слову прислушивались другие предводители, хотя его владения были бедными. Взгляд Тамара переместился с Одена на Рурьоса, выражение лица которого была абсолютно непроницаемым. От виска к носу шел длинный шрам, и с этой же стороны у носа не хватало крыла. Другой мужчина на его месте, наверное, носил бы окладистую бороду, чтобы скрыть шрам. Однако Рурьос носил лишь тонкую эспаньолку, которая стала такой же седой, как и волосы на голове.

— Я считаю войну на два фронта фатальной ошибкой, — осторожно возразил Тамар. — К тому же уже все решено: я дал слово воеводе.

— Ну, — протяжно произнес Оден. — Слово, данное влахаке, еще не настолько обязательно.

После произнесенных слов возникла абсолютная тишина. Ведь их значение было более чем понятно для всех предводителей, собравшихся в шатре Одена. На некоторых лицах Тамар прочитал согласие. У других выражение лица осталось бесстрастным. И только по немногим можно было понять, что они не одобряют слов баро. «Значит, так все, — подумал Тамар. — Марчег тоже могуществен ровно настолько, насколько ему позволяют это его подданные. И вот сейчас мой авторитет висит на очень тонком волоске. Я должен вновь завоевать их сердца».

— Мое слово обязательно, — еще раз повторил юный марчег. — Мы не можем позволить себе никакой враждебности с влахаками. Мой отец был склонен заключить союз с ними. И только некоторые обстоятельства помешали этому. Мы создадим этот союз и при этом учтем также пожелания моего отца.

Тамар внимательно посмотрел в круг. Он увидел задумчивые лица и сопротивление, но, тем не менее, продолжил:

— Кроме того, будет лучше, если влахаки будут проливать кровь за нас. Эта борьба ослабит всех, не только нас, так что все их желания, если таковые и есть, будут придушены на корню.

На этот раз несколько вожаков согласно кивнули, включая также Рурьоса. Даже Оден, даже если он и был с чем-то не согласен, на этот раз ничего не возразил. Довольный Тамар допил свой кубок до дна и вопросительно посмотрел на баро.

— Сколько солдат Сцилас ведет в бой? До сих пор мы получали от лазутчиков самые

противоречивые сведения. Знаете ли вы точно?

Сцарк подошел к маленькому столу, раскрыл карту, на которой была изображена Сирева. Пальцем он провел по линии Маги начиная от Турдуя на запад.

— Сцилас вывел большую часть армии из Турдуя. Как и вы, марчег, они следуют течению Маги и при этом используют тропы бурлаков.

Он пальцем указал на место на расстоянии трех дней пути от Турдуя.

— Здесь наши лазутчики видели войско. Они сообщили нам, что у Сциласа более шести тысяч солдат, из них добрая часть — кавалерия. Может, даже больше одной трети. Тем временем марчег уже должен был дойти сюда.

По карте было отчетливо видно, что приближающаяся армия уже не так далеко от данного места. Тамар задумчиво нахмурил лоб и попытался вспомнить местность. Будучи одним из командиров, в свое время он обскакал все уголки Сиревы и хорошо знал свою родину. По пути к лагерю Ионны он внимательно осматривал окрестности, по которым теперь шел Сцилас. Масрид напряженно думал над тем, в каком месте лучше всего было бы провести битву. Мягкие холмы на запад от Илта, но марчег Ласцлар лишил их такой возможности. Взгляд Тамара шел по карте, пока не застыл на одной точке немного северо-восточнее от их теперешней позиции. Тамар вспомнил небольшую деревеньку, имя которой выпало у него из памяти, но саму холмистую местность рядом с этой деревенькой, на которой был лишь один небольшой лесок, он запомнил хорошо.

— Здесь, — решительно сказал он и указал на это место.

Взгляды других последовали за его пальцем. Никто ничего не говорил, пока Рурьос не нарушил молчание.

— Хорошее место. Там протекает небольшой ручей между несколькими холмами. Там можно занять хорошую позицию. Если придется там защищаться, то опять же для этого хорошо подойдут холмы.

— Вы думаете, что Сцилас нападет? — спросил Оден.

В ответ ему кивнули сразу оба — и Тамар, и Рурьос.

— По крайней мере, он выстроится перед нами. Если бы он хотел только защищаться, то остался бы в Турдуе. Вопрос, конечно, предоставит ли он нам выбор места, но я не знаю, как он хочет заставить нас напасть на него первыми. А если он не будет нападать на нас, мы просто заберем себе Турдуй назад и закончим его небольшой военный поход.

— Местность хороша для нас, и он увидит это, но ему она тоже дает некоторые преимущества, — рассудительно сказал Рурьос.

Он вытащил свой кинжал из-за пояса, подошел к столу с напитками и едой, с преспокойным видом отрезал себе кусок ветчины. Жуя мясо, он снова указал жирным лезвием кинжала на выбранное место.

— Холмы дают ему надежное место для развертывания войска. Там совсем мало леса, что уменьшает опасность засады. Это хорошее место для битвы, — заявил он.

Другие дворяне были явно согласны с его словами, что очень обрадовало Тамара.

— Вецет, где мы разобьем лагерь? — спросил Оден, обратившись к юному марчегу.

— Мы разобьем два лагеря. Один северный холм мы выберем для наших отрядов, влахаки же должны занять место немного южнее от нас. Я должен буду обсудить это с Ионной, но, думаю, у нее не будет возражений.

— Два лагеря?

— Были некоторые трения, — оправдываясь, объяснил Тамар. — Будет лучше держать солдат раздельно.

— Трения, господин? — снова вмешался Рурьос, и Тамар вздохнул.

Он еще хорошо помнил о приговоре, вынесенном своим воинам. И даже если для этого и была веская причина и необходимость, происшедшее все равно оставило неприятный осадок в душе.

— Некоторые сорвиголовы нашли повод для ссоры с влахаками. Были драки. В одной из них дошло до применения оружия, — кратко сообщил марчег. — Я был вынужден

принять жесткие меры, чтобы восстановить порядок. Но, тем не менее, мы решили устанавливать два лагеря отдельно, чтобы, по возможности, не давать ни малейшего повода для повторения подобных ситуаций.

Присутствующие всполошились. Даже Рурьос был совсем не рад.

— Какие меры, вецет? — спросил старый вояка, бросив косой взгляд на Одена, который моментально вызвал у Тамара тревогу. «Что у них там двоих происходит?»

— Был общий суд, состоящий из меня и воеводы. Каждый из нас засудил своих подданных. Нам пришлось некоторых повесить.

Оден резко вдохнул. Рурьос тоже казался обескураженным. Про себя Тамар проклинал тех дураков, которые в простой драке в лагере схватились за оружие. Когда дерущихся разняли, в пыли осталось лежать двое убитых, неподвижные глаза которых уже видели Божественный свет. Возникла опасность потерять контроль над своими отрядами, поэтому Тамар и принял такие решительные меры.

— Вы повесили масридов за то, что они побили влахаков? — тихо переспросил Рурьос.

— Были убитые, баро. Я не мог позволить, чтобы мои подданные подрывали мой авторитет, попирая тем самым новый союз, — холодно объяснил Тамар.

И хотя он сам не был доволен своим решением, он чувствовал, что был прав. Он был вынужден вынести такой суровый приговор, так как непредвиденные драки между союзниками могли иметь губительные последствия. «Но для этих баро все выглядит совсем иначе, — подумал марчег, смотря на их рассерженные лица. — Пока я восстанавливал свой авторитет у пехоты, я потерял его здесь. Моя единственная сила и власть заключаются в моем имени и преданности моей дружины. Отец знал это и пытался научить меня этому. Его смерть и падение Турдуя подорвали мои позиции подобно тому, как это делают саперы со стенами крепостей».

— Вот так незадача, — многозначительно заметил Оден. — Люди начнут задаваться вопросом, к кому вы более благожелательно относитесь: к ним или к влахакам?

— Я благожелательно отношусь к тем, кто мне верен и выполняет мои приказы, — горячо ответил Тамар. — Тот, кто пренебрежительно относится к моим словам, будет наказан за это. Будь то масрид или влахак. Или сцарк, — мрачно добавил он.

Высоко подняв голову, он смотрел на своих подданных. Последние слова были очевидным предупреждением, но Тамар знал, что в случае необходимости у него может и не оказаться достаточно власти, чтобы привести эти слова в исполнение. «Если воины больше верят другому предводителю, то мне остается лишь моя кровь Бекезаров, к которой я еще смогу апеллировать. Хотя и эта кровь всего лишь красная, как некоторые уже успели заметить. Мне нужна поддержка всех баро и доверие солдат. Моя гвардия верна мне, как и отряды из Турдуя, однако у баро больше воинов, чем у меня. И если они решат объединиться вокруг другого предводителя…» Заканчивать эту мысль марчегу совсем не хотелось. Уже достаточно плохо было то, что ему пришлось отдаться на милость влахаков, но то, что ему пришлось жестко подавить волнения в собственных рядах, еще больше омрачало его душу. «Когда гриф силен, ему служат все; однако во времена слабости начинаешь замечать, кто воистину верен твоему гербу».

Оден и Рурьос вновь обменялись взглядами, и это не ускользнуло от Тамара. Оба влиятельных баро даже слишком явно показывали, что они в союзе. Выражение лица Одена казалось более самоуверенным, да, почти самодовольным, в то время как выражение Рурьоса было скорее озабоченным. Старый ветеран был всегда верен Гиуле, боролся как против периодических нападений Цорпада, так и против влахаков, и при этом всегда непоколебимо служил только дому Бекезаров. То, что он унаследовал от Гиулы некоторые тайны, не могло не волновать.

Когда совет был окончен, Тамар взял кусок мягкого хлеба и немного сыра и задумчиво посмотрел на старого воина. Бормотание других, разделившихся на маленькие группы, отошло на задний план, в то время как Тамар глубоко задумался над происходящим. «Оден опасен, его голод власти и авторитета слишком силен. Но Рурьос мне всегда был известен

как хороший человек и никогда не был тщеславен, чтобы становиться опасным для своего господина. Он человек, который держит свое слово». С этими мыслями масрид доел хлеб. И пока он наслаждался пряным привкусом, который остался у него во рту после сыра, в нем созрело решение.

Быстрым решительным шагом он подошел к Рурьосу, который в этот момент был погружен в разговор с некоторыми баро, и кивнул ветерану.

— Мне нужно еще немного поговорить с вами, баро, чтобы обсудить преимущества проведения битвы в холмах. Вы не против?

— Конечно, вецет, — кратко ответил Рурьос и последовал за Тамаром к столу с картой.

Когда они вдвоем склонились над картой, Тамар тихо спросил:

— Что вам сказал Оден?

От такого вопроса брови баро тут же удивленно подскочили вверх. Сначала он не ответил, и Тамар уже начал опасаться, что его вера в честность этого человека была большой ошибкой, однако наконец Рурьос несколько нерешительно ответил:

— Баро Оден против вашего союза с влахаками. Он сказал, что мы сможем выстоять против наших врагов без их помощи и нам совсем не нужно объединяться для этого с этим сбродом.

— Значит, такими были его слова?

Старый ветеран кивнул и пристально посмотрел в глаза Тамару.

— Он считает, что влахаки обязательно воспользуются благоприятным случаем, чтобы окончательно уничтожить нас. Ионна хочет стать королевой всей Ардолии, и война между вами и Сциласом дает ей такую возможность.

— А что вы думаете, Рурьос?

— Его слова звучат здраво, — осторожно ответил баро. — Мне тоже неприятно доверять свою судьбу влахакам. Возможно, это всего лишь ловушка кошки.

Здесь он пренебрежительно использовал тот титул, которым масриды наградили Львицу из Дезы.

— Возможно, — согласился Тамар, что вызвало вопросительный взгляд Рурьоса. — Но я в это не верю. Мой отец был за этот союз. Он знал, что уживаться с влахаками будет непросто. Он был прав, мое сердце сжимается каждый раз от мысли, что мне пришлось повесить масридов.

Коротко стриженный воин медленно кивнул в ответ.

Тамар провел рукой по лицу, в то время как другой рукой он облокотился о стол.

— Но они ослушались моего приказа. Они подорвали мой авторитет в глазах влахаков. И мне все равно пришлось бы их наказать так или иначе. Ионна также осудила своих людей к повешению. Я знаю, что мы затеяли опасную игру, Рурьос. Но нам фактически не остается выбора. Я обдумал все возможные варианты. Вы мне верите? Вы доверяете мне?

Эти вопросы так и повисли в воздухе, настоятельно и с далеко идущими последствиями. «Все решится прямо сейчас. Если он не даст мне однозначного ответа, я проиграл. Проиграл Одену». Он судорожно схватился за край стола, так что побелели его косточки. Он смотрел на ветерана, однако тот уходил от его взгляда. Было видно, как у баро ходят желваки, потом он поднял голову.

— Ваш отец был хорошим марчегом, господин. Он руководил страной, несмотря на все опасности, создавал настоящие союзы, при его дворе были самые одаренные советники. Служить ему было всегда правильно. Вы — молоды, — заявил Рурьос, и Тамар закрыл глаза.

«Он сравнивает меня с моим отцом и считает слабаком. Разве я не потерял Турдуй? Разве я сейчас не оказался в такой ситуации, что могу потерять власть над своим народом?»

— Но вы — сын своего отца, — продолжил ветеран. — Вы идете по трудному пути. Пути, который трудно преодолеть в одиночку. Так что сейчас мы не можем позволить себе разногласий.

Тамар молча кивнул, в то время как Рурьос шумно выдохнул.

— Мне не нравится этот союз. Но вы приняли решение, и я последую за вами. Я не

вижу другой возможности, как довериться влахакам. Если они планируют напасть на нас, то тогда мы и так проиграли. Тогда вы правы: мы не можем провести войну на два фронта, не сейчас, не в таких условиях.

— Спасибо.

— Только всегда помните о том, кто вы и к кому вы принадлежите. Влахаки не похожи на нас, об этом нам никогда нельзя забывать.

— Вы говорили со мной откровенно, Рурьос. Все, что я делаю, происходит только для того, чтобы спасти свой народ и свою страну. Вино, которое я пью, горькое, но я выпью свой кубок до дна, если потребуется.

— Ваш отец хорошо подготовил вас к таким дням, — сказал баро и кивнул Тамару. — Правьте нами хорошо.

После этих слов он развернулся и пошел, в то время как Тамар почувствовал невероятное облегчение. «Рурьос совсем не интриган. Он говорит то, что думает. Мне обеспечена его поддержка». Потом юный марчег вспомнил о последних словах ветерана. «К таким временам отец не успел подготовить меня; да и как он смог бы предвидеть такое? Но я принимаю вызов, и они поймут, что я уже давно вырос. Или погибну». Бросив последний взгляд на Одена, который, отчаянно жестикулируя, углубился в разговор с некоторыми баро, Тамар вышел из шатра и осмотрел лагерь, солдаты которого уже скоро пойдут в бой с именем Бекезара на устах.

30

В хижине тяжелым облаком все покрыл запах болезни и ветхости. После разговора с Рувоном состояние Вангелиу заметно ухудшилось, пока старик не закрыл глаза и не погрузился в неспокойный сон, постоянно нарушаемый приступами кашля. В то время как Тарлин все время был рядом с прорицателем и время от времени обтирал ему лицо влажным платком, Стен чувствовал себя абсолютно беспомощным. Сначала он оставался в хижине, но вид умирающего старика разрывал его душу, и он никак не мог успокоиться. Казалось, все в хижине было наполнено болезнью, центром которой было ложе Вангелиу, где он боролся со смертью. Даже чаши с огнем распространяли неприятный бледный свет, от которого потная от лихорадки кожа Вангелиу блестела, как восковая. Тяжелое дыхание и изнуряющий сильный кашель звучали в ушах Стена, словно смех смерти, пока он наконец не сбежал на улицу, где только начинался день.

Тролли лежали по всей поляне. Большинство из них валялись вблизи хижины, и только некоторые отдыхали дальше на окраине леса. Пард и Керр лежали прямо перед входом, как два спящих сторожа. Стену показалось даже, что они вот-вот встанут, но влахак знал, что при дневном свете это невозможно. Даже выражение лица Парда, обычно такое мрачное и неприступное, расслабилось в этом похожем на смерть сне. Тем не менее могущественного тролля, как и всегда, окружала аура опасности. Он был как меч, который, даже находясь в ножнах, оставался смертельным оружием. И поэтому он мог уничтожить как врага, так и себя. «Недаром у меча два лезвия, — подумал про себя Стен. — Одно из лезвий всегда повернуто к тому, кто ведет этим мечом. Это знак того, что использование чего-либо может всегда вернуться к тому, кто это делает».

С такими мрачными мыслями юный воин пошел на могилу Натиоле. Борьба длиною в жизнь настигла его друга в самом конце. Удача, которая была верна во всех битвах, оставила его накануне победы, и он не успел насладиться плодами того, что посеял. Но эта новая война снова бы призвала к оружию и Натиоле. «И пусть он не умер бы тогда, он мог бы погибнуть в битве троллей или в следующей войне нашего народа. Она никогда не закончится, и, возможно, нам еще придется позавидовать покою мертвых, которого нам не дано».

— Вы хороните своих мертвых в земле, правда? — раздался вдруг голос Тарлина, который уважительно остановился на расстоянии трех шагов позади Стена.

Естественно, влахак не слышал, как эльф подошел. Эльфы были хорошо известны именно своей бесшумностью и способностью приходить и уходить так, что их никто не слышит и не видит, как им и нравится.

Стен медленно обернулся и кивнул.

— Мы, влахаки, да. Масриды, по крайней мере те, кто может себе это позволить, сжигают своих мертвых. Но они тоже предают останки мертвых земле.

— Хороший обычай, — решительно ответил Тарлин. — Земля — хорошее место, чтобы покоиться в ней.

— Тролли едят своих мертвых. Как будто они лишь мясо.

— Возможно, именно так они и почитают их. Их мертвые покоятся в них.

Так Стен об этом еще никогда не думал. До сих пор каннибализм троллей казался ему только чем-то уж совершенно варварским и недостойным. Съедание мертвых было запрещено во Влахкисе, да и другие народы считали подобное преступлением по отношению к богам. Он не знал ни одного народа, у которого был бы такой обычай.

— Почему ты сюда приходишь? — спросил Тарлин, оторвав тем самым Стена от его мыслей.

— Мы посещаем наших мертвых. Мы чтим их на их могилах. Все, чем мы обладаем, было построено ими, — объяснил Стен и в мыслях добавил: — «Но никто не будет скорбеть на могиле Висинии и вспоминать о ней».

— Вы, люди, сильно цените свою собственность, владение землей и каменными хижинами, которые вы на ней сооружаете.

Стен кивнул с грустной улыбкой. Он провел взглядом по лесу, который даже в свете поднимающегося солнца казался мрачным, и по небу, яркая голубизна которого была пронизана красными полосками. Потом он опустил взгляд на эльфа, который неподвижно стоял на том же месте и пристально смотрел на Стена. Глаза винака, как всегда, были какими-то загадочными. Стену даже не удавалось понять, какого они цвета. На ярком солнечном свете они казались зеленовато-голубыми, но в сумерках они были скорее серебристыми или даже белыми. Казалось, они проникали через поверхность мыслей Стена и смотрели ему прямо в сердце.

— А как вы к этому относитесь? — спросил влахак, чтобы уйти от этого взгляда, который, казалось, исследовал его самые глубокие тайны.

— Мы отдаем своих мертвых природе. Когда дух покидает тело, оно остается не более чем пустым сосудом. Лес забирает себе назад то, что мы ему даем. Звери и растения берут от наших мертвых так, как и мы берем от них. Почти как вы, люди, только без всего этого закапывания.

Оба улыбнулись получившейся шутке. Внезапно Стен почувствовал некую связь с эльфом. Поэтому он спросил еще:

— А владение? Земля?

— Земля вечна, кто же может считать, что он владеет ею? Нет, мы этого не понимаем. Для нас это подобно тому, как кто-то захочет владеть небом или облаками.

— Возможно, это и так, — задумчиво ответил Стен. — По крайней мере для вас. Однако, с нашей точки зрения, землей можно обладать. Или, по крайней мере, властвовать над теми, кто живет на этой земле.

— Вы подчиняете себе землю. Вы строите себе хижины, и вы выкорчевываете лес себе под поля. Возможно, так и можно обладать землей. Но за это земля тоже начинает обладать вами.

Стен озадаченно нахмурил лоб.

— Что ты имеешь в виду?

— Все наши трудности всегда возникают из-за притязаний ваших предводителей. Мы должны повиноваться вам, так нам сказали, так как мы живем в вашей стране. И вы боретесь друг против друга за вашу землю.

В таком ракурсе Стен еще никогда не думал об этом. Это была правда, что войны

велись из-за земли, так как обладание землей означало власть. А власть, в свою очередь, означала свободу, так как под господством масридов влахаки не могли быть свободными. Так что их свобода зависела от того, могли ли они сами определять свою судьбу.

— Земля означает свободу. На своей собственной земле можно жить свободно.

— Мы свободны, — ответил Тарлин с легкой улыбкой. — И даже без земли.

— Эти дикие леса — ваши, притязаете вы на них или нет. Никто не осмелится зайти сюда, так как боятся вашего гнева.

Тихий смех был ответом человеку. Эльф покачал головой, и его длинные, светлые волосы потанцевали в ритм его движениям.

— Вы, люди, приходите всегда с одними и теми же намерениями. Больше земли, больше власти. Мы научились быть осторожными. Тот, кто втянут в ваши дела, платит за это высокую цену. Лучше, когда вы боитесь нас.

— Не все люди такие, — запротестовал Стен.

— Может быть, и так, друг Стен. Однако наш опыт восходит к далекому прошлому. Лучше так, как есть. Мы свободны там, где людей нет; и вы боитесь темного леса, нашу родину.

— Так, значит, вы все же притязаете на эту землю, — торжествующе констатировал Стен, однако эльф ответил ему лишь разочарованным взглядом.

— Эта земля — наша родина. Так же как ваша земля — ваша родина. Мы живем в лесах, подальше от ваших хижин. Это не наша земля, мы всего лишь живем здесь.

Эти мысли эльфа, несмотря на все его старания, остались недоступными для Стена. Влахак задумчиво посмотрел на могилу Натиоле. Его товарищ погиб в войне за землю. «Возможно, винак и прав. Если бы мы могли жить на земле без притязаний кого-то на нее, тогда жизнь была бы лучше. Но что делать с другими? Масридами, дирийцами — они же жаждут нашей земли, притязаем мы на нее или нет. Мы не просто боролись за землю и дома на ней, мы боролись за гораздо большее. Натиоле знал это, и я знаю это».

— А как у вас с личным имуществом? — спросил Стен, чтобы сменить тему. — Эти вещи принадлежат тебе?

Эльф последовал за взглядом Стена к своим сумкам, которые он носил. Своими длинными пальцами он провел по простому поясу, который был застегнут на его узких бедрах. Насколько Стен мог заметить, на эльфе совсем не было металла, только дерево, кости, кожа и камни.

— Это мое. Но если кому-то другому из моего рода это срочно понадобится, то это будет его.

— Как у троллей, — со смехом заметил Стен. — Там тоже каждый может брать все, что он хочет!

На этот раз была очередь Тарлина озадаченно смотреть на собеседника.

— У меня нельзя так просто взять это. Это мое.

— Но разве ты не сказал только что, что любой другой может потребовать у тебя это?

— Но это мое решение, дам ли я это. Я должен принимать решения в пользу рода, — серьезным тоном сказал эльф. — Так как я хорошо разбираюсь в этих травах, они мои.

— Вы живете в деревнях? — спросил Стен, которому трудно было понять представления эльфов и троллей о собственности.

— Не в таких, какими ты их знаешь. Многие из нас путешествуют, и лишь немногие остаются долгое время на одном месте. Земля большая.

«Недостаточно большая, раз мы все вместе не можем жить в мире», — горько подумал Стен.

Эльф с любопытством посмотрел на него.

— Ты не боишься нас, — констатировал он.

— Нет. Я не думаю, что мне грозит опасность от твоего народа, Тарлин.

— Не для тебя, — подтвердил винак. — Не здесь и не сейчас. Но время может измениться.

— Кто знает, что готовит нам будущее?

Тут над ними запела птичка, радостно приветствуя новый день. Первые лучи солнца, согревая своим теплом, упали на поляну, прогоняя прочь длинные тени леса. На стеблях травы замерцала роса. Весь вид утреннего леса казался таким нормальным, что Стен почти забыл, что в данный момент стоит с винаком и обсуждает с ним войну и мир, а рядом спят тридцать троллей.

— Ты устал. Отдохни, — категорическим тоном сказал Тарлин и развернулся в сторону хижины.

Стен кивнул и потер глаза, веки которых действительно становились все тяжелее. Он смотрел вслед эльфу, пока тот не исчез в хижине, потом присел на влажную от росы траву и прислонился к стволу широкого дерева. «Хорошее место, чтобы отдохнуть», — промелькнуло у него в голове. Но прежде чем он смог подумать над двойным значением этих слов, глаза его закрылись и он заснул.

Только лишь когда солнце уже низко стояло над горизонтом, а его свет, словно в дымке, пробивался через деревья леса, Стен проснулся и несколько мгновений в замешательстве осматривался вокруг. Его сон был глубоким и крепким, и влахак чувствовал себя необычно свежим и отдохнувшим, как уже давно не чувствовал себя.

Тролли все еще неподвижно лежали на своих местах, хотя и винаев не было видно. Зевнув, Стен поднялся и пошел к хижине, из дымовой трубы которой сейчас поднимался дым. Вангелиу спал сейчас гораздо спокойнее, в то время как Тарлин на небольшом огне в каменном камине готовил отвар. Эльф не обернулся, когда Стен вошел, а только тихо сказал:

— Ему стало немного лучше. Я дал ему кое-что от кашля, чтобы он мог поспать. Сон важен.

Стен кивнул.

— А здесь был кто-нибудь из твоих людей?

— Пока нет. Я сомневаюсь, что Рувон придет, пока тролли еще спят. Все-таки дело касается в первую очередь их.

— Тогда нужно будет подождать. А есть… — начал было Стен, но Тарлин уже кивнул в сторону маленького чулана, который был пристроен к хижине.

— Я поохотился. С троллями поблизости это было сложно, их присутствие отгоняет зверей. Ты хочешь взять что-нибудь?

Не отвечая, Стен пошел в чулан и осмотрел добычу эльфа. На нескольких крючках там висело полдюжины кроликов, уже с ободранной кожей, и влахак взял себе одного. Взяв немного высушенных дров, которые лежали под небольшим навесом, он быстро развел костер, и уже скоро появился вкуснейший запах жареного кролика, отчего у Стена даже потекли слюнки. Тарлин дал влахаку горшок, в который тот нарезал несколько кусочков от второго кролика, залил чистой водой, положил кости и жир первого кролика и стал варить из всего этого бульон. В запасах Вангелиу Стен нашел несколько головок свеклы и дикого лука, которые он также, нарезав, добавил в суп. Себе же влахак оставил несколько кусочков жареного кролика. Он предложил его Тарлину, однако тот отказался. Так юный воин и сидел возле костра, время от времени помешивая в горшочке и с наслаждением кушая полоски жареного кролика, пока солнце окончательно не село и жизнь не вернулась в троллей.

Пока они поднимались и, жадно обнюхивая воздух, смотрели в сторону Стена, он крикнул:

— Под навесом есть свежее мясо. Вам нужно будет разделить его между собой, так как его немного.

Пард достал тушки кролей и распределил их между троллями, и то время как Керр с любопытством подошел ближе и заглянул в горшок.

— А ты этих маленьких прыгунчиков клал на огонь? Но ведь их мясо мягкое, его не нужно смягчать огнем.

— Да, я их пожарил. От этого их мясо стало не только нежнее, но и вкуснее. Кроме

того, сырое мясо не очень приятно для желудка.

— Можно мне попробовать? — спросил тролль, и Стен, пожав плечами, протянул ему кусочек мяса, зажаренного до хрустящей корочки.

Керр осторожно откусил и размеренно начал жевать. Его лицо скривилось, когда он проглотил его.

— У него не очень хороший вкус. Лучше я буду есть так. Это не только требует меньше работы, но и вкуснее.

— Это эльфы раздобыли мясо? — Пард вмешался в их разговор. Когда Стен утвердительно ответил, большой тролль хлопнул себя по лбу.

— Что они делают с такими крошечными животными? Как ими можно насытиться? Они же размером чуть ли не с палец!

— Не преувеличивай, — возразил Керр. — Кроме того, немного свежего мяса всегда лучше, чем вообще никакого.

— Да, но таким кусочком мяса нельзя наполнить даже пустой рот. В лесу же есть настоящие большие животные. Именно таких нужно было и поймать парочку.

— Может, это все из-за того, тролль, что ты и твои подопечные разогнали всех животных? — раздался из леса насмехающийся голос Рувона. — Исключая, конечно, вот этих, которые тоже, хочу заметить, убежали довольно-таки далеко.

С этими словами на поляну вышла группа эльфов, неся на палках двух больших оленей с уже снятой кожей. Когда винаи выложили добычу на середину поляны, ликованию троллей не было конца.

— Их рога значительно больше твоих! — подтрунил над Пардом Врок, чем заслужил от того мрачный взгляд, но потом Пард усмехнулся и сам.

Устроив шум и гам, тролли начали разделять оленей и ссориться за самые сочные куски.

Эльфы, принесшие добычу, снова исчезли в лесу. Рувон, наоборот, присоединился к Стену, который все еще стоял у огня и зачарованно смотрел на происходящее.

— Иногда они кажутся такими безобидными, не правда ли? — сказал вдруг эльф. — Пока не увидишь, как они разделывают целого оленя голыми руками.

Стен, усмехнувшись, посмотрел на него. Однако, хотя Рувон и пошутил, выражение его лица было обеспокоенным. На эльфе снова были только простые кожаные штаны, сшитые из большого количества кусочков разного цвета, и пояс, на котором висели нож и небольшой мешочек. Кроме маленького ножа, который был скорее предназначен для еды, чем для борьбы, при нем больше не было никакого оружия. Рисунки на его коже вновь таинственно задвигались, когда он повернулся к Стену и сказал:

— Нам нужно поговорить. Позови Парда и юного тролля, потом заходите в хижину.

Серьезность, с которой Рувон сказал это, заставила Стена озадаченно нахмуриться. Он крикнул:

— Пард! Пойдем внутрь. Эльфы еще и новости принесли!

Большой тролль молча кивнул и взял Керра за плечо. Они вместе последовали за Стеном в хижину. Хотя Вангелиу был спокойнее, чем в прошлую ночь, при виде больного старика у Стена тут же упало настроение. Но влахак ничего не сказал, а лишь опустился возле кровати и ожидающе посмотрел на Рувона. Как только другие тролли тоже сели, винак заговорил:

— Вы должны знать, какое решение мы приняли.

— Может, нужно разбудить Вангелиу? — вмешался Стен, прежде чем эльф успел продолжить.

Рувон не особенно обрадовался тому, что его прервали. Тарлин поспешил ответить за него:

— Нет. Пусть спит. Наш последний разговор сильно ослабил его. И все равно, будет ли он спать или нет, ничего не изменится.

Стен пожал плечами, и Рувон продолжил:

— Мы собрались и посовещались. И решение моего народа таково, что мы не будем помогать вам.

— Что? — взорвался Пард. — Это, наверное, такая плохая шутка? Вы, вшивые личинки!

— Ни в коей мере, тролль, — холодно возразил Рувон. — Мы уйдем вглубь леса и переждем бурю там, как мы до сих пор переживали все другие.

Стен удивленно посмотрел на эльфа, лицо которого, однако, не выдавало никакого волнения духа. Влахак проглотил неприятный вкус, который возник у него во рту. Единственная искра надежды, которую зажгло в нем появление эльфов, погасла, оставив лишь темноту и холод в сердце. «Без знаний и помощи винаев мы вряд ли будем знать, что нам делать. Это и так было бы непростым походом, а теперь…»

Влахак не мог себе даже представить, какие теперь возможности у них вообще остались…

— Что все это значит? — зло спросил Пард. — Разве не вы рассказывали о том, что дух темноты касается нас всех?

— Да. Но мы знаем его хитрости и его влияние. Мы сможем противостоять этому и переживем. Так же как и в старые времена, когда люди отравили землю.

— Когда есть враг, не прячутся, — запротестовал Пард. — Против него выступают, и его уничтожают.

— У твоего народа, тролль, может, так и принято. Но мы приняли такое решение.

— Пожалуйста, нам нужна ваша помощь, — жалобным голосом попросил Керр. — Мы не можем просто взять и спрятаться. Ведь это же касается всей земли, не только нас.

— Вы сами взяли на себя эту беду, так что теперь вам придется самим противостоять этому, — терпеливо объяснил Рувон.

— Не одним, — мрачно возразил Стен. — Я пойду с ними независимо от того, будут ли при этом винаи или нет.

— Это делает тебе честь, человек.

— Неужели уже слишком поздно? — спросил Керр. — Вы не можете ничего сделать?

— Вы не понимаете. Решение принято. Я всего лишь посланник, который принес сообщение. Я не могу ничего изменить.

И хотя выражение лица эльфа осталось бесстрастным, Стену показалось, что он увидел в его глазах что-то похожее на сожаление или, возможно, даже грусть. Заметив это, влахак спросил:

— А ты решил иначе, ведь правда? Ты считаешь ваше решение неправильным.

Эльф долго смотрел на него, потом медленно кивнул.

— Я считал, что мы должны помочь троллям.

— А ты? — обратился Стен к Тарлину. — Что думаешь ты?

— Я думаю, что вам очень нужна наша помощь. И я вижу те последствия, которые оставляет дыхание на всем вокруг, и я боюсь того дня, когда Курперла проснется. Но сейчас то, что я думаю, уже не важно.

Рувон добавил:

— Это не наша битва, было сказано, и эти слова правдивы: это не наша битва.

— Это касается нас всех, вы трусы!.. — чуть ли не заорал Пард и сжал кулаки.

Рувон глянул на мощного тролля.

— Вы перенесли их на всех. Люди ранили Курперла, и опять же вы пробудили его. Это не наша вина, не наша задача. Я был за то, чтобы помочь вам, но я вижу мудрость также и в том, что думают об этом другие. Всегда, когда мы сближаемся с другими народами, нам это приносит одни несчастья. За этим всегда следовали смерть, болезни и порча. Мы уже знаем, как горько для нас бывает помогать вам. Мой народ явственно чувствует дыхание Курперла. Так что не упрекай меня в том, что сделал твой народ!

После этой речи в хижине воцарилось молчание. Стен видел, как Пард внутри весь кипел, однако Керр успокаивающе положил ему руку на плечо и сдерживал его. Взгляды

эльфов застыли на троллях, однако их глаза не выдавали их тайн.

— Все это очень прискорбно, — наконец сказал Стен и хотел уже встать, как вдруг раздалось тихое прищелкивание языком.

— Очень прискорбно, это точно, — прошептал Вангелиу и закашлялся. — Я считал твой народ более разумным, Рувон.

— Не только ты, старый человек, — со вздохом возразил тот.

— Ты прав. Я стар, и я умираю. Это дает мне не только ясный взгляд на некоторые вещи, но и позволяет без страха обращаться к вам. Поэтому я и говорю, что ваше решение — это дурость!

— Мой народ принял решение, и ничего из того, что ты скажешь, не изменит этого решения.

— Я знаю, — ответил Вангелиу и вновь закашлялся. — Но я должен был просто сказать вам это.

Взгляд Стена переходил от одного к другому. Несмотря на резкие слова, оба не казались рассерженными. Выражение лица эльфа было мягким, когда он разговаривал со старым прорицателем, а бесцветные глаза Вангелиу неподвижно смотрели в потолок.

— Тарлин, ты останешься со мной до тех пор, пока я буду жить? — спросил старик у эльфа, на что тот кивнул.

Вангелиу тоже кивнул с загадочной улыбкой.

— Хорошо. А теперь исчезните все из моей хижины. Тарлин должен дать мне мое лекарство.

Стен в замешательстве встал и выполнил желание седого прорицателя. Он молча последовал за Пардом, который уже снаружи дал волю своему гневу, разразившись громкими проклятиями, покрывая ими всю поверхность и всех жителей на ней.

— Твои люди продолжают удивлять меня, человек. Сила и слабость, великодушие и жадность находятся у вас так рядом, — сказал Рувон, проходя мимо Стена. — Прощай и будь здоров. Я желаю вам, чтобы ваши духи благоволили вашим деяниям:

— Тебе тоже доброго пути, эльф, — тихо сказал Стен.

Затем Рувон пошел в тень и исчез. «Так, словно его и не было, и наша надежда высохла, как роса на утреннем солнце. Или как следы винака в лесу». Юный воин удрученно огляделся вокруг. Пард со скрещенными руками стоял посредине поляны и передавал троллям плохие новости. Керр стоял рядом с ним и нервно потирал подбородок. На лицах многих троллей было написано, как им трудно поверить в это, на некоторых появился гнев, однако в первую очередь Стен почувствовал страх и то мрачное отчаяние, которое охватило и его. Путь, который им предстояло пройти, в принципе, остался таким же, только теперь он казался более сложным и опасным, чем раньше.

Неожиданно за ним проскрипела дверь. С непроницаемым лицом Тарлин вышел наружу и посмотрел на Стена.

— Ты знаешь, где лежит лопата? — спросил эльф.

Несколько мгновений Стен, ничего не понимая, смотрел на него, затем пробормотал:

— Да, конечно.

— Вангелиу сказал, что ему всегда нравилось место рядом с твоим другом. На краю поляны, в тени леса.

— Что? Что ты хочешь? — растерянно пробормотал Стен.

А когда он начал догадываться, в чем дело, по коже его прошел мороз.

— Я пойду с тобой, человек. Это мое решение, не эльфов. Я больше не связан с этим местом.

— Нет, — грустным голосом ответил Стен, когда увидел подтверждение своему предположению. — Вангелиу теперь бродит по темным дорожкам?

— Под старым дубом, человек. Там он хотел покоиться.

С этими словами Тарлин пошел к троллям, в то время как Стен поспешил в хижину. Вангелиу лежал на своем ложе, спокойный и мирный. Кашель больше не мучил его старое

тело, больше не было слышно его тяжелого дыхания. Его светлые глаза все еще пристально смотрели в потолок, хотя теперь они уже не видели ничего, только следующий мир. «Ты упрямый старик, — ругал его в мыслях Стен, с почтением подходя к нему. — Ты упрямый, твердолобый старик». И юный воин не знал, были слезы его от печали или от благодарности.

31

Анда бесшумно приблизилась к пещере. Из входа проникал слабый свет, но тролле он был совсем не нужен, она и так могла хорошо ориентироваться в окружении. Она чувствовала вокруг своих охотников, биение их сердец, которое звучало в унисон с миром. Они тоже двигались бесшумно. «Настоящие охотники, — с гордостью подумала Анда. — Наконец они стали настоящими охотниками. А вместе с тем и настоящими троллями».

Дальше, впереди в пещере было слышно, как кто-то скребется. На мгновение тролли замерли, однако ничто не указывало на то, что их обнаружили. Вход был очень низкий, так что Анде пришлось опуститься на четвереньки, чтобы пролезть через него. Чувствуя руками и ногами теплый камень скалы, она отдалась ощущениям, которые вызывал у нее узкий проход в пещеру, наслаждаясь пребыванием внутри каменного мира. Затем она вошла в большую пещеру и стала красться вдоль стены.

Здесь и там стены были покрыты светящимися лишайниками, которые могли давать свет еще несколько дреег после того, как их снимешь со стены. Их бледный свет наполнял пещеру, хотя при этом тени за выступами и в нишах оставались еще достаточно темными. Слева от Анды медленно капала вода, и стены блестели от влаги на них. Хотя пещера находилась очень глубоко под ненавистной поверхностью мира, дарящая жизнь вода проникала и сюда. Для ее нового племени это было просто идеальное место для охоты.

Когда в пещеру вошли остальные тролли и стали на посту на входе, Анда прислонилась к стене и закрыла глаза. Она вышла из своего тела, слившись с пением земли, которое она вобрала в себя. Эта пещера могла показаться большой троллю, но сейчас она была лишь крошечной частью мира под землей, маленьким клочком в бесконечной империи Анды. Тролла не поддалась искушению раствориться в этих широтах и вернулась в реальность. Она начала обследовать пещеру. В ней находилась добыча, которая, ничего не подозревая, приближалась к ним. Все тролли были на своих постах. Анда молча улыбнулась. Можно было начинать охоту.

С громким рычанием, разорвавшим тишину, Анда прыгнула вперед. Ее охотники последовали за ней, растянувшись в ряд позади нее, чтобы избежать малейшей возможности для бегства жертвы. Тролла быстро обежала массивную каменную колонну и устремилась к добыче. Она увидела огромные белые глаза, направленные на нее, почувствовала запах их страха. Затем глаза отвернулись, и добыча попыталась спастись бегством. Топот их копыт наполнил пещеру, но, прежде чем они успели уйти от Анды, с другой стороны пещеры выскочили спрятавшиеся охотники. Теперь им было уже не уйти. Оба выхода были перекрыты троллями, которые громко кричали и скалили зубы.

Плоские копыта добычи затопали на месте, их бледные глаза искали просвет, через который можно было бы убежать. Их ноздри раздувались в панике, большие уши дергались.

Тут Анда приблизилась к первому животному этого маленького стада и прыгнула на него. Она нащупала руками заднюю ногу, притянула к себе животное и схватила его за шею. Быстрый удар — и оно замертво упало на пол, В это время другие тролли тоже окружали стадо и нападали на остальных животных. За короткое время были убиты все. Анда запрокинула голову и проревела свое торжество над этим слабым миром.

— Сегодня у нас свежее теплое мясо! — прокричал Сбои и присоединился к ликующему реву Анды.

Арк же, наоборот, не стал терять времени, а просто вонзил свои клыки в бок еще трепещущего серяка. У Анды тоже потекли слюнки от вида этих животных, которых тролли назвали так из-за цвета их короткой бледной шерсти, но она пока удержалась от трапезы,

стоя в стороне и наблюдая за тем, как ее племя лакомится свежим мясом и кровью. Раньше охота на этих серяков была труднее. У этих животных были хороший нюх и острый слух. И даже их большие глаза, которые во многих местах подземного мира были бесполезными, затрудняли охоту на них, так как в их любимых местах свет, исходящий от лишайников, превращал темноту в сумерки. Но их можно было найти по воде и лишайнику, который они соскребали со скал своими острыми зубами. Поэтому тролли научились еще с давних времен обнаруживать их по этому следу. Когда-то этих животных сначала должны были находить лазутчики, чтобы потом приводить к ним охотников. Сейчас же Анда чувствовала их присутствие по вибрации в полу и в воздухе. Так, как она чувствовала все, что двигалось в подземном мире. Раньше эти рослые животные казались Анде большими, но теперь их череп едва доходил до ее колен. Эти животные могли на удивление хорошо вскарабкиваться по камням и почти не выделяли запаха. Серая шерсть делала их почти невидимыми в этом полумраке, так что они часто могли просто спрятаться от троллей. «Но не от нас, — самодовольно подумала Анда. — Не от моих охотников».

— Хорошо, — вздохнул Арк, громко чавкая. — Но не настолько хорошо, как мясо других.

— Да, — согласился с ним Сбои. — Нам нужно опять поохотиться на наших врагов!

— Наши враги попрятались, безумно испугавшись, словно карлики, — презрительно заметила Анда. — Но не волнуйтесь: они придут снова и станут нашей новой добычей.

Теперь тролла тоже вонзила свои клыки в шею серяка и отведала вкусной горячей крови. Тонкая кожа, естественно, не устояла против ее острых зубов, и Анда легко оторвала себе кусок мяса. Пока тролла жевала его, некоторые тролли уже начали разделывать свою добычу. Рвали мясо и ломали кости. Охотники с наслаждением выпивали мозг своих жертв.

— Сегодня — серяк, завтра — Пард, — крикнул Сбои и громко засмеялся.

Другие охотники присоединились к его смеху, и Анда тоже усмехнулась. «Так и будет».

32

Хотя тролли, особенно Пард, торопили Стена побыстрее отправляться в путь, тот сказал, что не уйдет, пока не выроет могилы. При этом человек использовал один из инструментов своего народа, длинную деревянную палку с расплющенным концом. Керр с интересом наблюдал за ним, пока Стен не остановил своей работы, вытер лоб со лба рукой, отчего на коже остались коричневые следы земли, и вопросительно посмотрел на Керра.

— Ну что уже опять?

Тролль, оправдываясь, поднял руки.

— Ничего. Я просто смотрел на тебя.

— А зачем? Я копаю могилу. В этом действительно нет ничего необычного.

Керр неопределенным жестом показал на деревянную палку, использование которой зачаровывало его. Конечно, он мог бы и сам вырыть яму своими острыми и сильными когтями гораздо быстрее, но то, как люди могли с ловкостью подобным образом компенсировать слабость своего тела, поражала тролля. Точно так же, как они боролись с помощью металлического оружия и покрывали себя металлом и кожей, чтобы защитить тело. Естественно, каждый человек в отдельности, даже вооруженный таким образом, едва ли представлял опасность для тролля-воина. Тем не менее этому маленькому слабому народу удавалось делать себя сильнее и опаснее. «А когда их много вместе, они становятся сильнее, чем один тролль. Может, они и слабые, но это человек здесь хитрый. Такой умный, как Друан, или даже еще умнее».

— Твой инструмент. Я смотрю, как ты его используешь, — уклончиво объяснил юный тролль.

Стен растерянно посмотрел на палку в своих руках.

— Ты имеешь в виду эту старую лопату? Но в ней совершенно нет ничего

удивительного и необычного.

— Но я такого никогда не знал, — объяснил Керр и поднял левую руку. — Мы копаем вот этим.

— Это лопата. Вот этой пластиной внизу можно передвигать больше земли, это все. И при этом не пачкаться, — объяснил Стен, но потом посмотрел на себя сверху вниз и добавил: — Ну, не так сильно пачкаться.

— У вас много инструментов, — робко сказал Керр. — Для всех дел у вас есть какая-нибудь другая вещь.

— Да, возможно, — ответил Стен, пожав плечами. — Они делают работу легче. Для этого они и есть. Я мог бы рыть и руками, но это заняло бы больше времени и сил. Честно говоря, я об этом еще никогда не думал. Мы всегда копаем лопатами, в них нет ничего особенного.

— Для тебя нет.

— Нет, для меня нет. Но ведь на твоей родине просто не надо много копать, ведь так? Я имею в виду, что Друан рассказывал мне тогда, что подземный мир в основном состоит из камня.

— Это правда. Но, несмотря на это, нам иногда приходиться рыть. Если происходит обвал или нужно сдвинуть скалу. Но не часто, нет.

— Мы копаем много. В основном крестьяне, — рассудительно ответил Стен. — Но и солдатам приходится тоже часто браться за лопату. Здесь, во Влахкисе мы живем благодаря земле и умираем тоже за нее.

— А сейчас ты копаешь для Вангелиу?

— Его тело должно покоиться в этой земле здесь, как он и хотел. Когда я закапываю его, таким образом я провожаю его в последний путь, — объяснил Стен и мрачно добавил: — Мы не съедаем своих мертвых.

— Да, у вас и так очень много еды, — радушно ответил Керр. — Твоему племени не придется голодать, если ты будешь лежать в земле.

— Я совсем не осуждаю ваших обычаев, — поспешил добавить человек.

Керр недоуменно посмотрел на него.

— А почему ты должен был бы осуждать?

— Вот я и говорю.

Однако, несмотря на свои слова, Стен явно почувствовал себя не очень хорошо. «Наверное, он грустный из-за Вангелиу», — подумал Керр, в то время как человек вновь продолжил свою работу. Когда он выкопал могилу глубиной в один шаг тролля, Стен вылез из нее и пошел к хижине. После того как он помылся, он вернулся с безжизненным телом Вангелиу на плече. «Этот старик такой худой. Неужели они все становятся такими, когда умирают? Тогда неудивительно, что люди опускают своих мертвых в земляные дыры. Ведь такими нельзя насытиться».

Подходя к могиле, Стен оступился и чуть не упал. Однако, когда Керр протянул ему руку, чтобы помочь, Стен резко развернулся.

— Нет! Все хорошо!

Керр озадаченно смотрел, как Стен медленно опускает тело Вангелиу в могилу, а потом осторожно спускается в нее сам. Человек благоговейно сложил руки старика на груди и уложил его ровно. Прошло время, прежде чем человек посчитал, что уже все в порядке, и снова вылез из могилы. Он поднял лопату, в которую набрал немного земли.

— Доброго пути тебе, прорицатель. Пусть духи охраняют тебя на твоем пути по темным дорожкам.

Эти слова Стен произнес очень тихо, почти пробормотал. С глухим шорохом первая кучка темной земли упала на безжизненное тело Вангелиу.

«Что за странные обычаи? У людей так много всего, что они могут безрассудно тратить все это, — подумал Керр, наблюдая за этим ритуалом. — Они убивают друг друга, но потом закапывают своих мертвых просто в землю. У них есть весь мир под небом, но все равно они

борются за землю». Мир людей остался для тролля загадкой. Он манил его не только своей странностью, но и всеми этими придуманными инструментами, которыми пользовались люди. Однако при этом казалось, что они никогда не используют их для какой-то разумной цели, как уже в который раз с удивлением констатировал Керр. Даже Стен постоянно делал странные вещи, которые не помогали ему, которыми он ничего не достигал. «Вот и сейчас он идет с нами, троллями, под землю, хотя знает, что там слишком опасно для него».

Все накопившиеся вопросы так и грозили сорваться с языка, но Керр молчал, так как видел, что Стен не расположен сейчас к разговорам. Он стоял с опущенной головой перед свежим могильным холмиком и молчал с мрачным выражением лица. Не зная, что ему делать, Керр повторял за ним.

Наконец к ним подошли Пард и Тарлин. Качая головой, большой тролль посмотрел на Керра, а потом начал вновь торопить.

— Мы отправляемся в путь. Хватит ждать. Настало время действовать!

Словно проснувшись от сна, Стен сначала растерянно заморгал, а потом медленно кивнул.

— А что с хижиной? С имуществом Вангелиу? — повернулся человек к Тарлину.

— Лес заберет ее себе назад, если на нее не будут притязать другие люди. Нас это не волнует. Вместе с духом Вангелиу с этого места ушло все, что было важно для нас.

Стен долго смотрел на хижину, прежде чем ответить:

— Здесь никто не будет жить. Значит, теперь она принадлежит лесу. Я думаю, это понравилось бы ему.

Кивок эльфа показал, что тот чувствует то же самое. Керр, который редко долго находился на каком-то одном месте, тоже невозмутимо кивнул. Это место в лесу ничем не отличалось для тролля от любого другого. Но, когда Стен пошел в хижину, чтобы забрать вещи, он спросил у Тарлина:

— Лес заберет себе хижину? Что вы имели в виду?

— В нем будут жить растения и звери. Он постепенно разрушится, в нем вырастут деревья, и через какое-то время уже будет даже не видно, что здесь когда-то был построен каменный дом человека. Так случается во многих местах. Люди могут прогонять лес, но, когда они уходят, он всегда возвращается назад.

Керр с интересом посмотрел на хижину, в которой Стен как раз в этот момент тушил последние огни. «В стране под небом есть столько сложных законов».

Наконец Стен закончил и тихо закрыл дверь. Затем человек присоединился к маленькой группе и спросил Парда:

— Куда?

— Как можно глубже под землю, — ответил ему предводитель племени и хлопнул в ладоши.

Его глаза сверкали в предвкушении возвращения в подземные глубины мира, где тролли не были непрошеными гостями, а чувствовали себя дома. Керр тоже почувствовал облегчение, отчего у него даже зачесались руки. Даже если поверхность и была полна всяких чудес, каждодневное господство солнца все же тяжело сказывалось на духе, так же как и большое количество непонятных правил людей, которым нужно было подчиняться. Здесь, наверху тролли редко были хозяевами своих решений, как больших, так и маленьких. Теперь это снова изменится.

Тарлин покорно подал плечами, в то время как Стен сказал:

— Тогда веди нас, большой тролль.

— Я поведу, о, да, я поведу, — возбужденно ответил Пард и позвал всех к себе.

Они вместе покинули поляну, и через несколько шагов, когда Керр обернулся посмотреть в последний раз на хижину, ее уже невозможно было разглядеть. Юному троллю показалось, что лес уже забрал себе хижину.

— Чем раньше мы пойдем под землю, тем быстрее мы сможем продвигаться, —

решительно заявил Врок, но Пард лишь недовольно пробурчал.

Керр сказал то, о чем думал большой тролль:

— Но тем быстрее нас может настигнуть опасность встречи с Андой до того, как мы будем знать, что нам делать.

— Как будто здесь, наверху не так опасно, — возразил Врок, и большинство троллей, собравшись в круг, согласно зарычали.

Все эти несколько дней пути им пришлось впадать в дневной мертвый сон незащищенными, а для большинства это было крайне неприятно.

— Каждый раз, когда появляется этот проклятый небесный свет, нам приходится полагаться на то, что эти нас защищают. — При этом охотник кивком указал сторону Стена и Тарлина, которые сидели на скале немного в стороне и с любопытством следили за совещанием троллей.

Стен криво усмехнулся и поднял руку.

— Мы стараемся, как можем.

— Я верю, — ответил Врок, даже если тон и говорил об обратном. — Но вас всего лишь двое. Так что если действительно возникнет опасность, наши дела будут плохи.

— Он прав, — вмешался Ремм, и Грена добавила:

— Днем мы полностью предоставлены судьбе.

Когда тролла сказала это, Керр внутренне был полностью согласен с ней. Вынужденный сон без снов все еще беспокоил его так же, как и других троллей. Однако, прежде чем он смог сказать это, увидел, как она смотрит на него. Все слова тут же исчезли из его головы, и он смог лишь кивнуть.

— Нас и так осталось немного. — Зек высказал еще один аргумент. — Если внизу дойдет дело до борьбы с Андой, то мы по шею погрязнем в навозе карликов.

— Анда не знает, что мы придем. Нам нужно только поспешить. Туннель длинный, пещеры большие, — сказал Врок и посмотрел в круг, словно ожидая аплодисментов. — Мы можем пройти туда, куда нам надо, не встретив ни одного тролля.

И хотя охотник все время подтрунивал над Керром и насмехался над ним, тот все равно хорошо понимал его желание снова вернуться на родину. Однако он знал также и то, что в глубине под землей их ожидают опасности не менее смертельные, чем под открытым небом поверхности.

Пард тоже, казалось, видел обе стороны этой ситуации, по крайней мере он воздержался от выражения своих мыслей и решил сначала послушать то, что скажет его племя. В этом не было ничего необычного, когда предводителю приходилось принимать сложные решения, которые касались всего племени. Так как большой тролль чаще и дольше бывал на поверхности, чем любой другой тролль, за исключением Анды, то, возможно, он испытывал меньше беспокойства касательно путешествия под открытым небом. Хотя другие просто жаждали поскорее снова вернуться в недра земли.

— Оба пути опасны, — наконец сказал Керр и шумно сглотнул, когда заметил новый взгляд Грены на себе. — Но под землей мы, по крайней мере, в состоянии защитить себя в любое время. Если же нас найдут днем здесь, то мы ничего не сможем сделать.

Вновь раздалось согласное бормотание. Пард тоже медленно кивнул.

— Ты прав. Здесь не наш мир. Будет лучше, если мы уйдем отсюда как можно скорее.

— Значит, мы спускаемся? — спросил Врок, в голосе которого сразу послышалось ликование от такого решения.

— Да, — ответил Пард и повернулся к Стену и Тарлину. — Мы ничего не имеем против вас, но так будет лучше.

— Это ваше решение, — заверил его Стен, даже если он и не выглядел особо счастливым. — Вы знаете мир под нашими ногами, мы — нет. Поэтому вам лучше знать, что правильно. Даже если вам понадобилось так много времени, чтобы выяснить это.

Человек встал, постанывая, в то время как Тарлин подскочил очень легко. Порывшись немного в своей сумке, Стен достал небольшую лампу, фитиль которой он зажег от огня

костра.

— Я готов!

— С трудом верится, — прошептал Врок, что стоило ему еще одного мрачного взгляда Парда, но остальные лишь рассмеялись.

Керр закатил глаза и покачал головой, так как издевки охотника над человеком раздражали его. «Стен помогал нам и идет с нами под землю. Мы должны быть ему благодарны, вместо того чтобы смеяться над ним». Однако другие тролли так же, как и Керр, слышали запах неудовольствия человека. Он не показывал страха, но, тем не менее, мысль о родине троллей была ему явно неприятна.

Пока Керр рассматривал самодовольную ухмылку Врока, он заметил, что Грена до сих пор задумчиво смотрит на него. Он смущенно поднял плечи и отвернулся. Позади него зияла темнота входа в подземелье, узкая высокая пещера, в которой Керр слышал биение сердца мира, и оно было громче, чем когда они были на поверхности.

Пард приказал Вроку и Зеку пойти первыми в пещеру и разведать дорогу. Тем временем Керр снова вошел в темноту. Он радостно положил руку на стену скалы. Она была прохладной и шершавой. Керр поскреб когтями по камню. Его пальцы завибрировали. Потом он отчетливо почувствовал далекий удар, который прошел через его пальцы, поднялся по его руке и взорвался в сердце. Юный тролль закрыл глаза и запрокинул голову, забывшись в чувстве единения, в то время как его сердце приноравливалось к ритму земли, пока он не стал ее частью, крошечным кусочком мира. И только когда это чувство прошло, он заметил, как сильно ему этого не хватало. Время вновь потеряло свое значение. Все вокруг него готовились к спуску, однако Керр не волновался об этом. Все, что сейчас имело значение, был удар сердца земли в его теле и в его духе, который приносил с собой хорошо знакомые чувства: родина.

Когда два тролля прошли мимо него в темноту, Керр невольно вышел из своей погруженности и огляделся. Пещера выдавала ему небольшую часть своих секретов. Она действительно спускалась в глубину, и уже скоро в ней появятся другие щели и туннели. Юный тролль хотел сообщить об этом Парду, но тот все еще стоял немного в стороне от всех. И только Стен поближе подошел к входу и недоверчиво осматривал его. Маленького света лампы человека хватало лишь на несколько шагов вперед, отчего он выглядел в темноте совсем потерянным. Затем Стен осторожно подошел еще ближе и вошел в пещеру. Человек стал пахнуть беспокойством.

— Не волнуйся. Первая часть безопасная, — подбадривающе сказал Керр.

— В моем народе говорят, что пещеры приносят несчастья, — задумчиво возразил ему человек, в то время как его взгляд бродил по темной скале. — Многие не осмеливаются находиться даже поблизости.

— Почему?

— Может, из-за вас? — предположил Стен и усмехнулся юному троллю. — Или же из-за многих других опасностей, которые там притаились? Говорят еще, что в некоторых пещерах живут темные духи.

Потом, заметив выражение сомнения на лице Керра, человек отмахнулся.

— Но я так не думаю. Просто иногда мы прятались в пещерах от наших врагов. Тем не менее каждый раз при входе в пещеру появляется какое-то гнетущее чувство. Словно смотришь в бездну следующего мира.

— Ты не обязан идти с нами. Ты нам и так уже очень помог. Возможно, с эльфом мы сможем выиграть нашу битву.

— Меня здесь ничто не держит, — сдавленным голосом ответил Стен. — И Вангелиу достаточно серьезно воспринимал опасность, которая нависла над нами всеми. Для меня этого достаточно.

Человек сделал еще несколько шагов в темноту, которая так неохотно уходила от света его лампы. Из-за выступов скал и неровностей стен возникла нереальная игра света и теней. Со вздохом человек запрокинул голову и осмотрел потолок.

— По крайней мере я смогу пройти везде, где сможет пройти и тролль, — пошутил он, но Керр почувствовал напряжение человека. — А насколько глубоко эта пещера спускается вниз?

Керр пожал плечами.

— Очень, очень глубоко. Будет становиться все теплее и теплее. Говорят, что если спуститься вообще еще глубже, то даже тролль в течение короткого времени может умереть от жажды. Но так глубоко мы почти никогда не ходим. На очень больших глубинах нет ничего.

— Друан упоминал, что ваш мир теплый. Странно, но я всегда представлял себе кости гор холодными. Такими же холодными, как и их голова, где снег не тает даже летом.

Человек и тролль вместе смотрели на вход в нижний мир. Тут из него вырвалось небольшое дуновение ветра, от которого длинные волосы начали слегка развеваться. Темнота словно приглашала Керра войти в нее, обещая безопасность и защищенность. Однако для человека, который привык к широте мира под небом, все должно было быть совсем иначе.

— Мир из камня, — неожиданно позади них раздался голос Тарлина.

Эльф снова бесшумно подошел к ним. Даже его запах был такой слабый и неуловимый, что и Керр заметил его только сейчас.

Нахмурив лоб, тролль смотрел на вновь прибывшего.

— Камня, воды, воздуха и тепла. На моей родине есть не только камень, эльф.

Тарлин, улыбаясь, поднял руки.

— Я охотно верю тебе, тролль. Тем не менее с моей стороны это выглядит как мир из камня.

— А ты уже раньше был в глубокой пещере?

— Нет. Наша родина находится над землей, в вечном лесу. Если бы обстоятельства не были таковыми, я не стал бы даже и мысли тратить на то, какие пещеры.

Выражение лица эльфа при этом оставалось совершенно непроницаемым. Он заглядывал в пещеру, но Керр не мог понять, означали ли его слова негативное отношение или были простой констатацией факта. Если у троллей и людей Керр мог просто воспринимать многие чувства на нюх, то вот запах эльфа всегда оставался одним и тем же. «Может, они ничего не чувствуют? Или у них нет таких чувств, какие мы знаем?»

— Нам всем лучше всего находится на своей родине, — заявил Тарлин. — Это так, как должно быть. Но в нас всех горит огонь духа. Он позволяет делать также и те вещи, которые против нашей природы.

Керр озадаченно посмотрел на Стена, но тот лишь пожал плечами. Так как юному троллю не пришло на ум никакого ответа, он просто промолчал, пока из темноты пещеры не появился большой силуэт Врока. В окружении скал охотник был в своей стихии. Его шаги были тихими, а серая кожа сливалась с рисунком скал вокруг него. Если под открытым небом он всегда ходил немного согнувшись, то здесь он опять ходил с ровной горделивой осанкой. Только сейчас, когда тролли поняли, что покидают поверхность, Керр заметил разницу, он увидел, как тролли изменились во время пребывания на поверхности.

— Ходы свободны, — грубым голосом сказал Врок. — Опасности нет.

— Хорошо, — сказал Пард. — Идемте дальше.

На это массивный тролль развернулся и крикнул остальным:

— Мы отправляемся в путь! Назад на родину!

Некоторые тролли радостно загудели, другие промолчали, но все зашли в пещеру и начали спускаться, не оглядываясь назад. Последним мимо Керра прошел Пард и сказал:

— Пойдем. Наступило время показать Анде, что она должна бояться темноты!

Тарлин последовал за большим троллем без промедления, в то время как Стен еще на несколько мгновений задержался на входе. Только после этого он вступил в подземный мир со своим слабым светом в руке.

Керр тоже остановился на одно мгновение. Он оглянулся на лес, деревья которого

поднимались от пещеры в самое небо. Между ними лежали обломки скалы, по листьям дул слабый ветерок, светила луна, и издалека доносились крики животных. Соблазны мира под небом все еще манили юного тролля, но потом он развернулся и последовал за троллем, эльфом и человеком, оставив свет верхнего мира позади себя.

33

Долина просто поражала своим видом. На расположенных друг против друга холмах предводители выставили свои войска, и их вымпелы и знамена развевались на свежем ветру, который веял прохладой с Соркат, принося с собой снег с ледяных вершин. Армии выстроились на косогорах, все разных цветов, среди которых поблескивал металл, когда солнечный луч попадал на оружие. Между холмами текла маленькая речка, которая, однако, после такой длительной засухи уже давно превратилась в тоненький ручеек.

Влахакское дворянство собралось возле Тамара и Ионны, под тентом, который разбили воины воеводы. Среди них также была Флорес, которая с заговорщицким видом посмотрела на марчега, прежде чем снова повернуться к своему собеседнику, влахакскому боярину: бремя лет уже согнуло его, а седые волосы обрамляли лысину. Сама воевода стояла возле Тамара, показывая всем присутствующим прочность их нового союза. Ионна казалась спокойной и уверенной в себе, почти равнодушной, хотя сегодня ей предстоит скакать на поле битвы и сражаться с врагом.

— А! — радостно воскликнула Ионна, увидев, как к ним через долину приближается всадник. — Марчег Ласцлар хочет вести переговоры.

Тамар недоверчиво глянул вниз, однако посланец скакал с опущенным знаменем, традиционным знаком просьбы предоставить ему безопасный проезд. Прежде чем марчег успел что-то сказать, Ионна приказала:

— Подайте ему сигнал. И подготовьте шатер!

— Сцилас — настоящая змея, — прошептал Тамар воеводе, которая холодно смотрела на него своими серыми глазами. — Он велел убить наших последних посланников.

— Я хочу посмотреть ему в глаза, — тихо ответила Ионна. — Я хочу, чтобы он увидел, что его конец близок.

С этими словами воевода развернулась так резко, что длинная белая мантия взвилась позади нее, и позвала свою лошадь. Тамар тоже подал Кевесу сигнал, чтобы тот немедленно привел ему Сцега. «Может, она и права. Он должен увидеть, что мы разобьем его!»

Вскоре все приготовления к встрече были завершены, и посредине долины был сооружен павильон, который казался совершенно лишним между войсками двух армий. К удивлению Тамара, Ионна взяла с собой Флорес, которая совсем не рассчитывала на участие в этой дипломатической процедуре и смущенно теребила края доспехов. Пока Тамар раздумывал над тем, о чем, собственно, Сцилас хотел поговорить, во вражеских рядах открылся коридор и из него появилась дюжина воинов. Во главе этого маленького отряда скакал сам Сцилас, камзол которого был глубокого зеленого цвета. На груди марчега красовался знак его дома, золотой дракон, изображенный также на его знамени, который позади вез знаменосец. Еще в юности Тамар несколько раз встречался с этим человеком, когда отец отсылал его вместе с делегацией к марчегу в знак его доброй воли. Уже тогда марчег был человеком, который слишком большое значение придавал своему виду. Вот и сейчас он тщательно подготовился к этой встрече. Когда Сцилас приближался, Тамар смотрел только на него, не замечая пятерых полностью вооруженных воинов, сопровождавших марчега.

Появление марчега было достаточно импозантным: он, гордо выпрямившись, скакал на своем жеребце и на полном галопе перепрыгнул через узкий ручей. Вместо традиционной короткой стрижки масридов его светло-русые волосы были очень длинными, почти до середины спины. «Конечно же, золото его дракона точно подходит по цвету к его

волосам», — презрительно констатировал Тамар. Сцилас продолжал скакать галопом и натянул поводья только в самый последний момент, перед шатром. Если же он надеялся на какую-то реакцию с противоположной стороны, то был разочарован. Что Ионна, что Тамар остались стоять неподвижно, и только чуть слышны были чертыхания Флорес. С широким жестом Сцилас соскочил с жеребца и пошел в тень павильона, где изящно поклонился. На простом его лице была видна язвительная улыбка, а голубые глаза сверкали. То ли от веселья, то ли от ярости, Тамар не понял.

— Воевода. — Сцилас начал разговор обращением к предводителям: — Марчег.

Сцепив зубы, юный марчег тоже поклонился. Уже сама очередность обращения была настоящим вызовом, которым Сцилас показал, что для него ранг Тамара был сейчас ниже ранга Ионны. Таким образом он хотел посеять раздор между ними, потому что очень хорошо знал, что союз между масридами и влахаками был слишком узкой дорожкой, с которой можно было легко сбиться. И хотя Тамар прекрасно видел цель этой тактики, злой ответ так и готов был сорваться с его губ. Возможно, Сцилас почувствовал это, так как его рот искривился в злорадной усмешке. Он задумчиво потер тщательно подстриженную окладистую бороду и сказал:

— Мои сожаления по поводу смерти вашего отца, марчега Бекезара. Его, несомненно, любили многие.

— Ваши солдаты нанесли ему смертельный удар, марчег, — зло ответил Тамар. — Так что позвольте мне не поверить в искренность вашего сожаления.

— О, его смерть была совершенно ненужной. Если бы он сам сдал крепость, мы бы точно пришли к какому-то соглашению. Я совсем не был намерен убивать его, но такие вещи нередко случаются на войне. Тем не менее я хотел бы поздравить вас с вступлением в ваше наследство.

Тамар в ярости сжал кулаки и попытался успокоиться. «Он всего лишь хочет раздразнить меня, чтобы я совершил ошибку, — подумал марчег. — О Божественный свет, как же хорошо это делает эта крыса!»

— Я не думаю, что мы встретились здесь для обсуждения семейных дел, или я ошибаюсь? — Ионна пришла на помощь Тамару. — Вы направили посланника, марчег. Согласно традиции вы должны первым выдвинуть свои пожелания и требования.

Сцилас почти милостиво склонил голову. Он все еще улыбался, перечисляя свои требования:

— Я желаю, чтобы вы, воевода Ионна сал Сарес, и вы, марчег Тамар Бекезар, сложили оружие и преклонили предо мной колени. Признайте меня королем Ардолии, и я приму вас как своих вассалов. Объединенная Ардолия, где буду править только я, с вами в качестве правой и левой руки, — вот мое предложение.

После этих слов возникла напряженная пауза, потом Тамар с усмешкой качнул головой.

— Но вы же не думаете в самом деле, что мы согласимся с таким требованием, Сцилас.

— Марчег Сцилас, — поправил его масрид, слегка склонив голову. — Так как вы не захотели увидеть во мне зятя, воевода, я предлагаю вам в последний раз свою руку для дружбы. А ты, марчег Тамар, подумай над тем, откуда идут твои корни и с кем ты собираешься идти в бой.

— Я очень хорошо знаю свои корни, — почти прорычал в ответ Тамар, которого такое фамильярное и снисходительное обращение Сциласа просто вывело из себя. — Ты уже забрал себе Турдуй, завязав войну!

Прежде чем Сцилас успел что-то ответить, вмешалась Ионна. Внешне абсолютно спокойно она сказала следующее:

— Моя сестра погибла в Турдуе, марчег, вместе с Гиулой Бекезаром.

Это были первые слова, которые хоть как-то вывели марчега Ласцлара из равновесия.

Ионна невозмутимо продолжила:

— Ваши поступки сожгли все мосты, которые еще когда-то, возможно, между нами

были. У меня есть только одно требование: отошлите своих воинов назад к себе на родину и сдавайтесь. Предстаньте передо мной во власянице и надейтесь на мою пощаду. Любые другие действия приведут к тому, что я просто уничтожу вас, марчег, и ваш дом исчезнет!

И хотя Тамару совсем не по душе было притязание воеводы на то, что она сама хотела начать войну, он был рад тому, какое действие возымели ее слова на Сциласа. С большим трудом ему удавалось держать себя в руках, в глазах полыхал гнев. Однако затем на его лицо вернулась улыбка и он сказал как бы мимоходом:

— Это совершенно невозможно, воевода, даже если я и очень сожалению о смерти вашей сестры. Но это вы за моей спиной создали союз, вбили клин между драконом и грифом, который теперь для всех вас будет означать лишь гибель. Ваши политические интриги вынудили меня начать войну, прежде чем Садат и Сирева успели объединиться против меня.

— Какая чушь, — вне себя от ярости проговорил Тамар. — Ваши фантазии о титуле короля найдут на этом поле свой кровавый конец. У нас больше отрядов, чем у вас; мы будем гнать вас словно шелудивого пса!

— Для начала, марчег Тамар, вам стоит поостеречься объявлять выигранной битву, которая даже не началась. Первая ласточка не делает весны, и только то, что вы называетесь марчегом, не означает, что вы можете им быть.

Сжав кулаки, Тамар сделал шаг в сторону марчега, бросающего ему вызов. Солдаты Сциласа тут же подскочили вперед и положили руки на оружие. Также и масриды, и влахаки, которые сопровождали Ионну и Тамара, приготовились к борьбе. Достали мечи, нахмурились, и Тамар уже внутренне приготовился к схватке, как вдруг почувствовал руку Флорес у себя на плече. И прежде чем ситуация накалилась до предела, она покачала головой и почти беззвучно сказала:

— Послушайся своих влахакских друзей, марчег, — язвительно сказал Сцилас. — То, что я вижу вас всех здесь вместе, — еще одно доказательство того, что вы с самого начала планировали сговориться против меня. Масриды помогают влахакам против масридов, Тамар, вот, значит, как далеко все зашло!

— Вы сами вынудили нас заключить этот союз, — спокойно заявила Ионна, которая во время всего этого конфликта даже не сдвинулась с места. — До сих пор у нас было лишь перемирие. И только ваша война сделала нас боевыми соратниками.

— Рассказывайте свою ложь тому, кому это интересно. Ваши намерения были ясны мне с самого начала, и только сейчас они открылись всем, кто может видеть.

Сцилас помолчал. После этого он адресовал Ионне и Тамару сдержанный кивок:

— Ну что ж, воевода, марчег, увидимся с вами на поле боя.

С этими словами Сцилас отвернулся и с развевающимся плащом пошел к своему жеребцу. Солнце сверкнуло в русых волосах марчега, когда он вскочил в седло и ударил шпорами в бока жеребца. Словно оглушенный, Тамар неподвижно стоял еще несколько мгновений и смотрел вслед удаляющемуся силуэту, прежде чем с мрачным видом повернулся к Ионне:

— Как бы я хотел сбить с его лица эту проклятую ухмылку.

— Всему свое время, марчег, всему свое время. Пойдемте отсюда. А то еще, чего доброго, Сцилас запланировал какую-то хитрость.

Пока делегация шла к своим лошадям, Тамар выдавил сквозь стиснутые зубы:

— Этот трижды проклятый ублюдок! Он остался таким же надменным, как и раньше!

— Он очень хитер, — предостерегла его Ионна, садясь на свою лошадь. — Он сразу же попытался посеять раздор между нами. Он всегда хорошо продумывал свои преимущества, так же как и во время господства Цорпада.

Они молча скакали назад, к линиям своих армий. Колкости марчега Ласцлара задели Тамара гораздо больше, чем он готов был признать перед этими влахаками. Укор, что его собственный народ предал его в пользу влахаков, был горьким, даже если он и был произнесен тем, кто своим подлым нападением вообще сделал возможным этот союз. Не

обращая внимания на вопрошающие лица солдат, которые надеялись услышать новости с переговоров, он повел Сцега снова на вершину холма, где Ионна кратко информировала своих подчиненных о проведенных переговорах.

— Мы должны наступать в соответствии со своим планом, — предложила воевода, и Тамар кивнул.

Махнув рукой, он позвал к себе Маиску, которая после падения Турдуя находилась в его гвардии.

— Скачи к Одену и Рурьосу и сообщи им, что мы скоро пойдем в атаку. Они должны подготовиться и ждать моего приказа.

Юная воительница подтвердила приказ и поскакала галопом позади рядов влахаков на север, где вышли на позицию воины Тамара.

— Марчег, — обратилась к нему Ионна. — Я хочу попросить вас принять Флорес сал Дабран в качестве связной между нами.

Юный марчег удивленно посмотрел на воеводу, Флорес тоже озадаченно наморщила лоб. Тогда Ионна добавила:

— Вы уже боролись бок о бок и знаете друг друга.

— А как же солдаты из Дабрана?

— Здесь их совсем немного; мы сможем легко перевести их под командование другого командира. Если борьба пойдет не на жизнь, а на смерть, нам понадобится надежная связь, марчег. Я не знаю никого, кто подходил бы для этого лучше, чем Флорес.

— Я тоже, — согласился с ней Тамар и с удивлением обнаружил, что он действительно так чувствовал.

Юная влахака, несмотря на свое сомнительное происхождение и родство, неоднократно доказывала свою ценность в бою. Она сохраняла холодную голову и спокойные руки, даже если удары сыпались на нее градом. Все эти качества Тамар очень ценил в воинах, которые были рядом с ним.

— Тогда решено, — объявила воевода и направила свой взгляд на долину, которая уже совсем скоро должна будет стать свидетельницей кровавой битвы. — Сейчас мы увидим, что планирует Сцилас.

Тамар тоже посмотрел на вражеские группы внизу, которые медленно задвигались. Целые подразделения меняли свое расположение, а за пехотой марчег выставил кавалерию. Расстояние между ними было все еще большое, но, тем не менее, Тамар смог рассмотреть несколько знамен подданных Сциласа.

— Такое впечатление, что он укрепляет свой центр, — заметил юный марчег, но ему никто не ответил.

Немного дальше позади него несколько бояр тихо переговаривались, однако большинство дворян уже готовились к битве, каждый по-своему. Некоторые тихо молились вечному свету или духам, другие еще раз проверяли посадку доспехов и шлема, наблюдая при этом за врагом. И лишь немногие уже отправились к своим воинам.

В армию Ионны тоже пришло волнение, когда воины поняли, что битва начнется уже совсем скоро. Длинные копья качались, когда те, кто их держал, укрепляли ремни на своих доспехах или выпивали еще один глоток воды. Тут и там зазвучали влахакские песни, темные, грустные, которые сразу же подхватило множество других глоток. По левую сторону Тамар видел лишь небольшую часть своих войск, остальные находились вне поля видимости.

Неожиданно из-за холмов появился всадник, который на большой скорости мчался к марчегу. Прикрыв рукой глаза от солнца, Тамар узнал во всаднике Маиску, которая скакала в его направлении с развевающимися волосами. Марчег озадаченно смотрел на нее, в то время как бояре, ругаясь, отскакивали в сторону, чтобы освободить масридке дорогу.

— Вецет! — едва переводя дух, прокричала воительница и резко осадила коня перед марчегом.

— Что случилось?

— Оден, вецет. Он хочет вести кавалерию в наступление, — поспешно сообщила Маиска и вытерла рукой пот со лба, в то время как ее конь сильно фыркал и кусал удила.

Сначала до Тамара не дошел смысл этих слов, а потом он, еще не веря услышанному, переспросил:

— Сейчас?

— Да, они как раз сейчас готовятся!

Тамар разразился потоком ругательств, прежде чем сесть на своего жеребца. Он в спешке подбежал к Ионне, которая, естественно, видела всю эту картину.

— Я не знаю, что случилось с сцарком, — заверил ее Тамар. — Но я собью с него эту спесь.

— Не беспокойтесь, марчег. Первой жертвой войны всегда становится ее планирование. Мы ускорим свое выступление и в любом случае выполним свою часть работы. Вы только проследите за тем, чтобы ваши люди выполнили свою часть.

Тамар кивнул с мрачным видом, потом вскочил на Сцега. «Благодаря Одену мне пришлось выслушать еще порцию влахакских нотаций. Как будто встречи со Сциласом не было достаточно. Ну, ничего, пусть мне только сцарк попадется в руки, я лично поколочу его». И, не дожидаясь, пока к нему присоединится гвардия, Тамар погнал своего жеребца как можно быстрее к своим солдатам.

Подъехав к ним, он тут же заметил, что тяжелая кавалерия уже выстроилась в позицию. Воины были в полном обмундировании и держали оружие в руках.

— Что здесь происходит?

Все обернулись к нему, заслышав грозный голос юного марчега. Не останавливаясь, он повел коня в ряды кавалерии. Некоторые выстояли под его горящим взглядом, но большинство неуверенно посмотрели в начало отряда, где стояли Оден и другие командиры. С каменным выражением лица Тамар повел Сцега через ряды воинов, пока не оказался рядом с Оденом.

— Что здесь происходит? — повторил Тамар, только на этот раз не по-доброму тихо, обращаясь к своему вассалу.

Сцарк склонил голову и показал в сторону врагов.

— Вецет, мы готовимся к битве.

— Вы хотите выступать в атаку без моего приказа?

В поисках помощи Оден посмотрел на Рурьоса, который позади него сидел на широкой спине буланой лошади. Ветеран тоже уважительно склонил голову. Он пристально смотрел на Тамара, пытаясь объяснить ему их действия:

— Мы не хотим удостоить влахакских крестьян чести первой атаки, господин. Что будет с нашей честью и достоинством?

От таких слов баро весь гнев Тамара сразу испарился. Напряжение ушло. Но все равно он покачал головой.

— Мы приняли такой план битвы, баро. Изменить его прямо сейчас чревато катастрофой.

Ветеран ничего не ответил, но Тамар увидел, как в Рурьосе борются противоречивые чувства. «Он хочет быть верен мне, но при этом не хочет потерять свою честь в глазах влахаков. Да ослепи меня небесный свет, почему я не подумал об этом во время обсуждения плана?»

Наконец Рурьос сказал:

— Мы боремся на нашей земле за нашу страну. Как мы можем позволить влахакам идти в атаку впереди нас?

Сигнал горна со стороны линий влахаков сообщил о выступлении их союзников. Настоятельно, почти умоляюще Рурьос смотрел на Тамара, однако Оден заговорил первым:

— Вецет, мы не хотели противиться вам. Но наша честь…

— А как быть с моей честью? — резко перебил его Тамар. — Почему я должен, словно беглец, мчаться из лагеря влахаков? И вот теперь я стою здесь — марчег, которому не

повинуются его воины.

Командиры понурили головы. Некоторые посмотрели на линии Сциласа, которые также пришли в движение и устремились потоком вниз по склону в долину. По громкому топоту копыт позади них Тамар понял, что это подоспела его гвардия.

— Ионна пошла в атаку, — сообщила Флорес.

Влахака с поднятым забралом сидела на жеребце, который возбужденно фыркал.

— Вецет, — еще раз умоляюще обратился к нему Рурьос, и Тамар достал свою секиру.

Он посмотрел на ветерана и кивнул ему. Юный марчег явственно увидел облегчение на лице старого воина. С криком Тамар поднял оружие над головой. Он почувствовал, как взгляды всех воинов устремились на него, и прокричал приказ:

— Скачите за мной, воины Сиревы! Боритесь за свою землю! Боритесь за меня! Бекезара!

Последнее слово прогремело над головами воинов, было подхвачено другими и прошло волной по всему войску. Тамар опустил забрало, надел на руку щит и пришпорил Сцега. Никакое другое животное не могло сравниться с ним, когда Тамар во главе отряда вел своих воинов в бой, неудержимо несясь навстречу врагу. Он знал, что за ним следуют все, он чувствовал колебание земли, которая содрогалась от множества копыт. Прорезь в шлеме ограничивала Тамару вид до узкой полоски, но больше ему и не надо было, чтобы зафиксировать взглядом своих врагов и скакать прямо на них. Сцег почти летел над травой, земля слилась под Тамарой в пестрое полотно. В мощном прыжке он перелетел через ручей, неотрывно глядя на вражеских воинов, которые неслись ему навстречу.

Против него выставили копья, однако Тамар увидел, что некоторые воины при виде наступающей кавалерии сбежали. В рядах образовались бреши, тут и там они зияли среди леса копий. В последний момент Тамар направил Сцега немного в сторону.

Жеребец тут же повиновался давлению его бедер и сделал скачок вправо. Множество дней, проведенных в таком упражнении, оправдали себя, и жеребец и его всадник въехали в один из этих пробелов.

Столкновение было бы смертельным. Тамар почувствовал, как завибрировало все его тело от удара секирой, он почувствовал, как оружие разбивает мясо и кости. Под копыта Сцега попало много воинов, которых он затоптал до смерти. Жеребец понес его сквозь ряды, давя всех на своем пути. Сила атаки пробила брешь в рядах врагов, словно смерть вырубила просеку в лесу.

Тамар наносил удары секирой направо, отгоняя от себя врагов, в то время как его левый бок был защищен щитом. Металл царапал его доспехи, однако юный марчег отбил копье и вонзил острие секиры прямо в череп копьеносца. Но врагов было слишком много. И хотя Тамар благодаря силе наступления попал в середину и немного потеснил врагов, они целым потоком напирали сзади, грозя задавить просто своей массой.

Несколько человек промелькнули перед узкой прорезью шлема Тамара. Он слышал воинственные крики своих воинов, которые скакали за ним. Потом они оказались уже рядом. Оружие поднималось и опускалось, люди кричали в панике и от боли. Вокруг Тамара в полную мощь развернулась увлекающая и одновременно отталкивающая картина боя. Его мысли отступили на задний план, остался лишь один инстинкт, который и заставлял его пригибаться, защищаться, нападать. Натренированные рефлексы управляли им, пока он наконец не выбрался немного в сторону от основной линии боя, которая проходила совсем рядом.

Постепенно опьянение боем рассеялось. Тяжело дыша, Тамар снял шлем, чтобы жадно вдохнуть воздух, насыщенный запахом крови. Он привстал в стременах и огляделся. За кавалерией на поле боя подоспела и пехота. Ряды сцепились друг с другом в смертельном бою. Атака отбросила врагов назад, было убито очень много вражеских воинов, но их фланг все еще держался.

— И как вы, масриды, смогли завоевать тогда эту землю с такими скромными представлениями о военном деле? — неожиданно раздался голос Флорес позади юного

марчега.

Широко улыбаясь, он повернулся к ней, но его дыхание еще не восстановилось и он не смог ничего ответить.

— Хотя, должна признать, ваша безумная скачка впереди войска была достаточно впечатляющей. Я уже подумала, что вы самостоятельно хотите прорвать ряды врагов.

— Марчег ведет в бой, — наконец смог выдавить Тамар и попытался успокоиться. — Как вообще проходит битва?

— Сложно сказать, — призналась Флорес. — Последнее, что я видела, — как воины Ионны теснили центр Сциласа.

— Мне нужен другой наблюдательный пункт, — констатировал Тамар, который находился слишком близко к полю битвы, чтобы оценить положение вещей.

В этот момент к ним присоединились несколько воинов из его гвардии. Маиска и Кевес тоже выжили в первой атаке, хотя юная воительница была тяжело ранена в ногу.

Вокруг них лежали те, кому не так сильно повезло. Убитые и раненые покрывали взрытую копытами землю, их кровь пропитала траву. Тамар заставил себя отстраниться от стонов и вздохов тех, кто в данный момент умирал на этом месте, и направил Сцега подальше от линии битвы, наверх на косогор, с которого перед этим спускался. Бока его жеребца были мокрыми от пота. Передняя нога была ранена, но тем не менее он верно нес своего хозяина даже в самой гуще схватки. Тамар с благодарностью похлопал Сцега по холке и прошептал ему на ухо успокаивающие слова.

Только поднявшись на середину косогора, он получил хороший обзор поля битвы. На южном фланге влахакские отряды явно натолкнулись на сильное сопротивление и с большим трудом удерживали свои позиции. На севере, где войско повел в бой Тамар, фланг армии марчега Ласцлара был отброшен назад, но затем снова восстановил свои позиции, и теперь приходилось защищаться отрядам Тамара. Однако центр Сциласа начал отступать от объединенного напора масридов и влахаков. Бросив взгляд назад на позицию Ионны, Тамар увидел, что воевода со своими резервами еще не вступила в борьбу.

— Странно, — пробормотал Тамар скорее сам себе, чем обращаясь к спутникам. — Ведь Сцилас укрепил свой центр лучшими людьми и ослабил фланги.

Тем не менее сомнения не было: ряды армии Сциласа шаг за шагом отступали назад. Казалось даже, будто в задних рядах началась паника, потому что Тамар увидел, как отдельные воины бросали свои позиции и бежали назад, мимо шатра марчега Ласцлара, и скрывались за ближайшим холмом.

— Превосходство нашей силы сломало их, — язвительно заметила бледная Маиска, а потом стиснула зубы и застонала, когда Кевес крепко перевязал ей рану.

— Возможно. Но эта победа кажется мне слишком быстрой. Ведь мы боремся не против крестьян, а против масридской армии, — задумчиво возразил Тамар.

Он прошелся взглядом по линии битвы, которая в центре все больше смещалась не в пользу Сциласа. Между тем центр явно отступал больше, чем северный фланг.

— Они отступают слишком уж организованно, — понял марчег и широко раскрыл глаза. — Сцилас что-то планирует. Да, мы получили превосходство, это очевидно, но что-то здесь не стыкуется…

— Кажется, влахаки собираются идти в новую атаку, — сообщил Кевес, прикрыв рукой глаза от солнца и посмотрев в сторону кавалерии Ионны.

— Ионна хочет послать в бой свои резервы. Но пока слишком рано, ведь мы еще не знаем, где слабые места в защите Сциласа. Госпожа Флорес, — Тамар официально обратился к влахаке, — пожалуйста, скачите к Ионне и передайте ей мои слова.

— Я знала, что я немного больше, чем просто гонец на лошади, — пожаловалась ему боярыня полушутя, но потом внимательно посмотрела на Тамара.

— Передайте, что я советую ей быть осторожнее. Прорыв по центру еще не настолько стабильный; будет лучше пока придержать наши резервы.

— Знамя Сциласа исчезло! Он бежит! — в этот момент возбужденно прокричала

Маиска.

Тамар озадаченно посмотрел на холм вражеского полководца и увидел, что его воительница была права. Марчег Ласцлар вместе со своей гвардией покидал поле битвы, обратившись в бегство.

— Мне это совсем не нравится, — прошипел Тамар. — Этот дракон — трижды проклятая змея. Он задумал какую-то хитрость. Поспешите, боярыня Флорес. Сообщите своей госпоже о моем предостережении.

Согласно кивнув, Флорес резко повернула своего жеребца и поскакала к Ионне. Одной рукой она надвинула шлем на лоб и понеслась во весь дух за линией битвы, вдоль холма, чтобы вовремя подоспеть к Ионне.

— Каковы будут ваши приказания, вецет?

Тамар задумчиво посмотрел на бывшую наемницу, затем повернулся к Кевесу.

— Что бы там, внизу, ни происходило, мы не сможем изменить это, находясь здесь. Нам нужно самим выиграть свою битву.

С этими словами Тамар пришпорил Сцега и поднял свой потрескавшийся щит. «Пришло время расколоть парочку черепов. Жаль только, что Сцилас пытается обезопасить свое бесполезное брюхо».

34

Уже скоро после отправления в путь с троллями Висиния потеряла какую-либо ориентацию. Также она не могла сказать, сколько времени прошло с момента падения Турдуя. Путешествие по Маги казалось ей долгим темным сном. А под землей царил вечный мрак, который заглушал все ее чувства. Они сделали несколько привалов, по крайней мере, два раза она спала. Однако она не знала, как долго это длилось, — Турк снова торопил их в путь.

Большой тролль спешил. Его приказы были краткими, и он все время подгонял маленькую группу, словно боялся, что они потеряют слишком много времени. В основном тролли молчали, топая по своим бесконечным туннелям и пещерам. Только иногда они отпускали злые замечания и смеялись над тем, как Висиния пугается каждый раз, когда они снова предлагают съесть ее.

По крайней мере, у этих мощных существ был свой собственный свет, комки вязкого лишайника, который распространял вокруг себя бледное болезненное сияние, так что Висиния могла экономить масло в своей лампе. Непривычный свет и чуждое ей окружение становились безразличнее для юной влахаки с каждым шагом, что она делала. Она чувствовала над собой вес всей горы, он тяжело давил на разум, отчего у нее все время всплывали воспоминания о Турдуе. В такие моменты у нее учащалось сердцебиение, дыхание становилось прерывистым и на лбу выступал пот. Но троллей это не волновало. Они равнодушно подгоняли ее вперед, даже когда ее тело отказывалось повиноваться. Эти исполинские создания были неутомимы, в то время как Висиния очень быстро устала, ее мысли стали неясными и вскоре имело значение только одно: следующий шаг.

Воздух вокруг становился все теплее, а скалы — все темнее. Иногда стены мерцали на свету, а потом снова становились матовыми и серыми. После того как группа оставила позади туннель карликов, ходы стали труднопроходимыми. Периодически троллям приходилось лезть на четвереньках, настолько низким был потолок. По выступам и углублениям нужно было карабкаться. А один раз пришлось перепрыгивать щель шириною в три шага, дно которой терялось далеко внизу в темноте.

Каждый раз, когда Висиния оступалась, Турк тут же оказывался рядом, чтобы поддержать ее. Один раз он даже перенес ее через одно особенно непроходимое место, однако в остальном его обращение оставалось все таким же грубым. Влахака боялась, что изнеможение вот-вот окончательно накроет ее, но она видела темные глаза троллей и понимала, что если не сможет идти вместе с ними, то это будет означать для нее только

смерть. Поэтому она заставляла себя идти все дальше и дальше, опускаясь все глубже в подземный мир, где еще ни разу не ступала нога человека.

Наконец перед ними открылась большая пещера, больше, чем тронный зал в Теремии. В слабом мерцающем свете лишайников дрожали тени, и как только глаза Висинии привыкли к этому полумраку, она увидела здесь множество троллей, сидевших и лежащих меж скал. Все они смотрели на вновь прибывших, и когда заметили Висинию, то некоторые повскакивали и начали активно жестикулировать. Со всех сторон раздавались возгласы удивления.

— Вернулся еще кто-нибудь? — прогремел голос Турка.

Большинство троллей отрицательно покачали головами, некоторые даже сказали «нет».

— Скверно.

— С тобой женщина, — крикнул один тролль, на что Драк оскалил зубы:

— Ты такой умный, Джракс!

— Может, мне сплющить твой череп до размеров карлика? — донеслось в ответ, однако смех троллей уже наполнил пещеру.

— Она пришла с нами, — спокойно сказал Турк, когда смех затих.

Его сообщение вызвало недоверчивые взгляды и невнятные ругательства, но создалось такое впечатление, будто тролли приняли это без сопротивления.

Пока маленькая группа разбрелась по пещере, к Турку подошли несколько троллей. Как заметила Висиния, у всех них были коротко подстрижены волосы. Они в ожидании уставились на своего предводителя.

— Карлики попрятались. Они заделали все свои ходы камнями толщиною в четыре или пять длин рук. Они точно не планируют в скором времени выбираться из своих нор.

— Да, Анда проделала всю работу одна, — удивился один из троллей.

Однако Турк лишь мрачно сверкнул глазами.

— Они всего лишь закопались, не более того. Так что их еще осталось предостаточно. И Анда не наш друг, понятно?

Висиния с любопытством следила за разговором, пытаясь понять, что происходило здесь, под ее собственным миром.

— Карлики плотно заделали свои ходы и затаились в ожидании. Эти вшивые бородачи вынашивают свои планы, готовят оружие и ждут, пока мы, тролли, вновь станем уязвимыми, — продолжил Турк. — И даже Анда не может к ним подобраться. Так что на кого следующего она теперь начнет охотиться?

— На людей?

— На нас, тупица! — фыркнул большой тролль. — Люди сидят на поверхности. Там есть небесный свет. Как Анда будет вести там войну?

— Но ведь она стерла карликов в порошок? Может быть, она и людей победит.

— Карлики просто отступили. Это в их духе — прятаться, когда им грозит опасность. Они не разбиты, пойми ты наконец!

С раздраженным рычанием Турк потряс своей мощной головой и отвернулся. Пока другие тролли оставались на месте, обсуждая услышанное, их предводитель пошел в маленькую нишу и со вздохом опустился там на пол. Висиния осторожно последовала за ним и села рядом с троллем, который делал вид, что не замечает ее присутствия.

— А почему Анда борется против вас? — в конце концов спросила влахака.

Лицо тролля скривилось, когда он ответил:

— Она сошла с ума.

— Сумасшедшая тролла? А что с Друаном? И с Пардом? Как они борются с этим?

— Они спрятались где-то с остатками своих племен.

— Анда оттеснила карликов? И вас тоже? Как она это сделала?

— Твои вопросы нервируют меня, — раздраженно бросил Турк и отвернулся. — Успокойся, женщина. Мы скоро отправляемся в путь, а ты уже сейчас едва можешь бежать.

Собственно, Висиния хотела еще многое узнать от тролля, но он игнорировал ее, пока

она не последовала его совету и не попыталась улечься на твердом полу. И хотя безнадежность положения тревожила ее, усталость быстро взяла верх и она заснула.

Когда раздался приказ собираться, Висиния испуганно подскочила. Ей было очень жарко, тело покрылось потом, а язык был сухим и тяжелым. Ее окружала темнота, шорохи нагоняли страх, и отовсюду шел резкий запах тел. Прошло несколько мгновений, прежде чем она поняла, где находится. Она жадно глотнула тепловатой воды, которую тролли носили с собой в кожаных мешочках, однако ей стало ненамного лучше. Ее тело еще болело от пережитого в Турдуе, а дух был истощен и подавлен.

Пока она сидела, экономя силы, перед ней присел тролль. В сумеречном свете она увидела, что он очень стар. У него был один пожелтевший клык, от второго остался лишь потрескавшийся кусочек. Один рог раскололся, в то время как другой все еще торчал на голове. Однако его глаза казались бодрыми и внимательными, когда он ее рассматривал. В отличие от Турка, на котором была лишь набедренная повязка и пояс, на этом тролле висело что-то похожее на фартук, на котором грубыми стежками было нашито несколько карманов.

Затем тролль рукой потер себе живот и вопросительно посмотрел на Висинию. На мгновение влахака с ужасом подумала, что тот голоден и хочет напасть на нее и съесть. Но потом он протянул ей руку с огромными когтями, и Висиния с большим удивлением обнаружила в ней немного мяса и какой-то темный комочек. Нерешительно она взяла у него тонкую полоску мяса и мягкое липкое вещество. На лице тролля появилась улыбка, и он ободряюще кивнул ей. Не спуская глаз с тролля, Висиния поднесла сероватую массу ко рту и немного откусила. Вкус был не так плох, как она опасалась, неопределенный и землистый, горьковатый, но вполне съедобный. Висиния с благодарностью откусила еще немного и улыбнулась троллю. Мясо было сырым и уже имело сладковатый запах, поэтому она не стала есть его, а положила рядом с собой на пол. Висиния открыла свою сумку и запустила туда руку. Там она нашла провиант, который Скилои велела собрать ей. Еды осталось всего на двое — трое суток, однако ведь сцарка не могла предположить, в какую опасную ситуацию может попасть Висиния.

Влахака с дружеской улыбкой подала троллю кусочек сыра, от пряного запаха которого у нее самой слюнки потекли. Тот нахмурил лоб, задвигал носом, осторожно принюхиваясь. Все еще со скептическим видом он взял предложенный сыр двумя пальцами и осторожно откусил небольшой кусочек. Висиния невольно усмехнулась. «Он выглядит как масрид, которого Ионна заставляет клясться в верности».

Лицо тролля скривилось, когда он проглотил сыр, затем он кивнул и положил надкушенный кусочек обратно в руку Висинии.

— Тебе его вкус совсем не понравился, да? — предположила влахака, и он решительно покачал головой. — Ну да, влахакский сыр не каждому понравится, ты прав.

Она вспомнила о Саргане, который вечно жаловался на еду во Влахкисе. Подумав о Влахкисе, Висиния сразу вспомнила и о Стене, и ее сердце будто бы пронзило ледяной стрелой. «Если бы я только знала, как у него дела. Сообщили ли ему уже о моем исчезновении? Отправился ли он воевать?»

Тут на влахаку и старого тролля упала широкая тень. Над ними возвышался Турк, который указал большим пальцем за плечо.

— Мы уже отправляемся в путь, женщина. Это касается и тебя, Керу.

Тролль тут же поднялся и поспешил прочь. Турк посмотрел ему вслед, а затем вновь повернулся к Висинии.

— Ты сможешь идти?

— Если нужно. Конечно же, я пойду.

— Если нет… — начал было предводитель, но Висиния с отвращением перебила его:

— Да, да, я знаю, тогда ты отдашь меня Драку!

— Нет, — спокойно ответил тот. — Тогда мы передохнем еще, или кто-то из нас понесет тебя. Ты не тяжелая.

Висиния в смятении посмотрела на большого тролля, однако его лицо не выражало никакого волнения. Наконец она спросила:

— Что ты хочешь от меня?

Но тот лишь пожал плечами и просто отвернулся. Однако прежде чем совсем выйти из круга света, он остановился и показал на старого тролля:

— Керу будет поблизости. У нее есть еда и вода для тебя. Хотя она и не может говорить.

После этих слов тролль развернулся, и через несколько шагов темнота поглотила его.

Словно оглушенная, Висиния прислонилась к каменной стене и потерла глаза. «Он — это она. Я, наверное, никогда не научусь различать троллей». Однако у нее не было времени думать над этим, так как тролли быстро собрались и отправились в путь.

Хотя ее ноги были тяжелы, словно налитые свинцом, Висиния следовала за своими спутниками по темным туннелям, которые, казалось, уводили еще глубже под землю. Не имея возможности ориентироваться, влахака не могла даже сказать, в какую сторону света они шли. Так что теперь рядом с ней шагала Керу, которая не упускала ее из виду и время от времени обнажала свои пожелтевшие зубы в жутковатой улыбке.

Они снова пошли через туннели и пещеры, мимо скал причудливых форм, сталактитов и сталагмитов, которые образовывали на стенах необычные рельефы. При других обстоятельствах Висиния, возможно, смогла бы восхититься диковинной красотой этого доселе закрытого для людей мира, однако скорость ходьбы и выносливость троллей требовали от влахаки всего внимания, так что в основном она смотрела только на дорогу перед собой и шла прямо, ни на что не отвлекаясь.

Они редко делали небольшие привалы, и Висиния использовала каждое мгновение отдыха. Керу постоянно подходила к ней и давала воду или предлагала еду. Висиния заставляла себя принимать то, что ей давали, так как знала, что ей нужно есть, даже если она не чувствовала голода или еда троллей была не совсем приятна на вкус.

Им было сложно понять друг друга, но Керу все время находила такие жесты, которые были понятны Висинии. Единственное, на что была способна старая тролла, так это издавать хрюкающий звук, но при этом у нее выработались несколько жестов, при помощи которых она объяснялась с троллями. Висиния была благодарна за дружелюбие, которое старая тролла выражала по отношению к ней, что было разительным контрастом по сравнению с поведением многих других троллей. Некоторые явно смотрели на влахаку как на еду или в лучшем случае как на помеху, обузу для племени. От этого в ее сердце застыл холодный страх, страх, что Турк уступит натиску своих троллей и они просто съедят ее. И хотя большой тролль всегда пресекал насмешки над Висинией, боярыня была совсем не уверена в его добрых намерениях.

Так они шли бесконечно долго через лабиринт подземного мира, который был настолько чужд Висинии, что для многих вещей она даже не знала названия.

И только когда Турк через какое-то время объявил большой привал, пытка ходьбой для Висинии закончилась, и она обессиленно опустилась на пол. Пещера, в которой они остановились, была скорее маленькой. При этом пол был почти гладкий, а стены мерцали загадочным зеленым цветом от света лишайников троллей.

Висиния с благодарностью выпила глоток воды, которую ей подала Керу. Вдруг кто-то вырвал у нее мешок с водой, и она увидела над собой мрачный силуэт тролля.

— Эта женщина выпьет всю нашу воду! — зарычал на всю пещеру тролль, в котором Висиния узнала Драка.

Он в ярости потряс кожаным мешком у себя над головой.

— Нам предстоит длительный переход! Мы медленно продвигаемся. А она выпьет всю нашу воду и съест всю нашу еду!

После этих громких слов, от которых даже эхо пошло по пещере, наступила полная тишина. Влахака медленно поднялась. Было видно, как мускулы тролля напряглись, когда он отбросил кожаный мешок в сторону и сжал руки в кулаки. Он свирепо оскалил зубы. Его

большие клыки находились от ее лица на расстоянии всего в ширину ладони, и от резкого запаха изо рта у нее перехватило дыхание. «Вот оно, — подумала влахака и почувствовала странную легкость в теле. — Здесь и кончится жизнь Висинии сал Сарес. Она погибнет от руки тролля». Эта мысль должна была испугать ее, но она почти не доходила до ее сознания через пелену усталости. Опасность, казалось, была где-то далеко. Да и весь мир казался ей далеким, не важным — не более чем миг, который сразу же забывается.

— Закрой свою пасть!

Голос Турка вернул в нее жизнь. Рядом с собой Висиния увидела Керу, которая встала перед Драком. Тролль явно не мог решиться, с кем разобраться первым, но потом понял, что не может игнорировать предводителя, который медленным шагом подходил к ним.

— Эта женщина не более чем проклятый балласт, который нам совершенно не нужен!

— Я сказал: закрой свою пасть! — тихо повторил Турк, как только подошел к Драку.

Мгновение оба молчали и мрачно смотрели друг на друга. Висиния подумала, что сейчас Драк снова уступит старшему, но на этот раз он выпрямился во весь рост.

— Другие думают так же, как и я. Ты нам не сказал даже, зачем мы таскаем с собой женщину.

— Потому, что я так хочу. Если кто-то думает иначе, он может спокойно сказать об этом, — ответил Турк и огляделся по сторонам.

Никто из троллей ничего не сказал, и злой взгляд Турка вернулся к Драку.

— …Или заткнуться.

— На этот раз нет. Как часто мы останавливались ради женщины? Анда там, снаружи, и мы пролезаем через все эти узкие туннели. Эта женщина вредит всем нам!

— Возможно, — признал Турк. — Но я сказал, что мы возьмем ее с собой. Если ты хочешь изменить это, то для этого нужно больше, чем просто слова, Драк.

Последнее предложение повисло в воздухе, затем Драк снова оскалил зубы и набросился на Турка. Два мощных тела столкнулись с глухим ударом, когтями вырывая клочья кожи, и рев дерущихся наполнил пещеру. Хотя Турк и был больше Драка, однако сила атаки пошатнула его. Оба тролля упали на пол, вцепившись друг в друга. Клыки вонзались в плоть, а их ударами наверняка можно было разбить камень в пыль. Висиния знала, что там, в этой первобытной по своей дикости борьбе, решалась ее судьба. Драку удалось прижать Турка к полу, и он продолжал бить предводителя в грудь. Однако тот смог рывком подняться. Когтями он впился в бок Драка, и меньший тролль взвыл от боли, когда брызнула темная кровь. Медленно, но уверенно Турк начал оттеснять Драка. Мышцы на руках и плечах большого тролля напряглись, дыхание стало прерывистым, и он отталкивал Драка все дальше в сторону, пока тот не упал. Турк тут же оказался над ним и занес кулак.

Однако, к удивлению Висинии, он не ударил его, а тяжело дыша отступил. Кровь медленно струилась по его вискам, стекая с подбородка, когда он встал и осмотрелся.

— Кто еще?

Он произнес эти слова тихо и невнятно, но ни один из троллей даже не двинулся. Турк удовлетворенно кивнул, опустился на колени рядом с Драком и подал руку меньшему троллю. С не меньшим удивлением Висиния наблюдала за тем, как Драк принял эту руку и позволил Турку помочь ему подняться.

— Сейчас у нас будет долгий привал, — громко объявил предводитель, прежде чем обернулся к Драку: — Ляг и зализи свои раны.

Драк слабо кивнул. Тело его было покрыто ранами; следы когтей шли наискось по груди и боку, а в некоторых местах кожа была содрана. Кровь медленно текла из ран и капала на пол. Турк тоже выглядел побитым, но у него было гораздо меньше ран, чем у Драка. Хотя оба тролля еще несколько мгновений назад боролись не на жизнь, а на смерть, сейчас от их соперничества не осталось и следа.

Покачав головой, Турк разбрызгал капли крови вокруг, а потом вытер оставшуюся на лице темную кровь рукой.

— Ты можешь отдохнуть, человек, — спокойно сказал он Висинии.

— А что здесь только что произошло? Вы боролись. Я думала, вы поубиваете друг друга.

— Нет. Тролли не убивают троллей.

Когда Турк заметил вопросительное выражение лица влахаки, он добавил:

— Драк поддал сомнению мое решение. А я веду свое племя. Я просто должен был показать, что могу продолжать это делать.

— А его мнение изменилось?

— Нет, — ответил Тур и рассмеялся. — Но он больше не будет возражать мне. Это дело решенное.

— Ты бился за меня? Почему ты это делал? Что во мне такого важного?

— В тебе? Ничего. Но я не могу допустить, чтобы кто-то не выполнял моих приказов, особенно сейчас. Иначе Анда всех нас перебьет.

Висиния кивнула, и Турк отвернулся. Внезапно она осознала противоречие в его высказываниях и крикнула ему вслед:

— Анда убивает троллей? Но разве ты не говорил мне, что тролли не убивают троллей?

Не останавливаясь, Турк ответил:

— Она больше не тролль.

С этими словами он оставил озадаченную влахаку одну. Мир под горами и общество троллей показались ей еще более непонятными, чем когда бы то ни было, и она спросила себя, как же ей удастся выжить здесь?

35

Хотя Флорес и не была заядлой наездницей, ей все же в свое время, естественно, пришлось учиться обхождению с лошадьми. Так она стала довольно сносной наездницей. Однако она вряд ли могла сравниться с масридами и сцарками, которых традиционно приучают к верховой езде с детских лет. В принципе влахаки только после нашествия масридов, и то очень медленно, начали осваивать искусство боя на лошадях. Дикий, непроходимый Влахкис никогда не давал таких наездников, которые хотя бы в подметки им годились. Тем не менее вольные влахаки в течение почти двухсотлетнего господства масридов все же выработали свою традицию боев на жеребцах, чтобы выстоять в борьбе против угнетателей.

Кавалерия, которая получилась из этого и в основном состояла из дворян, готовилась теперь к атаке, в то время как Флорес скакала к ним. В отличие от сцарков в легких доспехах, которые предпочитали стрелять из луков прямо с лошадей, влахакские всадники больше ориентировались на масридских всадников в кольчуге. В полном снаряжении, вооруженные длинными копьями, во время атаки они сметали все на своем пути.

Многие мужчины и женщины уже сидели на своих боевых конях, другие как раз садились в седло. Доспехи кавалеристов были тяжелее, чем у пехоты, но в то же время и более искусной работы, так как здесь собралась элита влахакских воинов. На некоторых была кольчуга, которую они переняли у масридов, однако на большинстве воинов были кожаные латы, укрепленные нашитыми бляшками или кольцами. На немногих плетеные цепи дополнительно защищали уязвимые места. Вместо обычных круглых деревянных щитов у воинов сбоку были продолговатые кавалеристские щиты, которые своей формой перевернутой капли были похожи на щиты масридов. На копьях и пиках трепетали на ветру вымпелы дворян. В самом сердце сутолоки выше всех развевались знамена Ионны. Ведь именно ворон и вел воинов-влахаков в бой.

Несмотря на то что все были заняты приготовлениями к бою, ее прибытие было замечено, но Флорес не обращала внимания на вопрошающие возгласы, а сразу же стала пробираться к Ионне, которая в данный момент была поглощена разговором с несколькими боярами. Воевода уже сидела на своем роскошном белом боевом коне, который нетерпеливо бил копытом. Когда Флорес приблизилась к ней, властительница подняла взгляд на влахаку:

— Есть новости, боярыня?

— Я принесла вам сообщение от марчега Бекезара, — ответила Флорес и перевела дух.

Быстрая езда оказалась для нее довольно утомительной. Увидев вопросительные взгляды Ионны и ее спутников, Флорес продолжила:

— Марчег просит вас еще немного помедлить с включением резервов в бой. Он не доверяет картине, которая раскрывается перед нами.

Ионна в большом сомнении приподняла брови и посмотрела мимо Флорес в долину, где бушевала битва. Всего в нескольких сотнях шагов боролись тысячи людей, кричали, сражались, умирали. Но взгляд Ионны не задержался на них, а перешел на позиции марчега Ласцлара, в отрядах которого, казалось, царил полный беспорядок.

— Центр Сциласа сдается. Еще один жесткий натиск — и они отступят совсем, — убежденно ответила Ионна.

— А что с его резервами?

— У него их нет, — торжествующе заявил Микон сал Долеорман, который стоял рядом с княгиней. — Он пошел в бой со всем, что было в его распоряжении. И теперь наступил его конец.

Это сообщение обескуражило Флорес. Без резерва Сцилас вряд ли смог бы выступить в бой, если в его формации или в формации противника образуются слабые места. Ведь так он теряет возможность укрепления собственных линий или целенаправленной дополнительной атаки. Флорес растерянно посмотрела на холм, где был размещен вражеский штаб, над которым все еще развевалось знамя с драконом, при том что оттуда уже, казалось, спасались бегством кавалеристы.

— Он все поставил на один ход и проиграл, — сказала Ионна и холодно улыбнулась. — Его солдаты не выдержали нашей атаки, даже если масриды и спутали наш боевой порядок своим преждевременным наступлением.

На лицах всех присутствующих появилось презрение. Неприязнь к старым врагам была еще не забыта, и преждевременная атака для большинства влахаков стала подтверждением того, о чем они и так думали: масридам доверять нельзя.

Флорес знала этот гнев, который уходил корнями в далекое прошлое, наполненное постоянными войнами, и который теперь получил новый толчок.

— Марчег Ласцлар бежит словно щенок, поджав хвост. Я не позволю, чтобы он ушел от нас, — сообщила Ионна и огляделась по сторонам.

Кавалерия была готова к выступлению, и воины с нетерпением смотрели на княгиню. Ее лицо было мрачным, когда она взяла шлем и надела его. «Ею руководит боль и гнев», — поняла Флорес.

— Возможно, это ловушка, — поспешила предостеречь ее боярыня, но воевода лишь отмахнулась.

— Мы прорвем его ряды и схватим его. Сейчас как раз подходящий момент для атаки.

Флорес с сомнением посмотрела на поле битвы. Ей хотелось верить Ионне, но она еще хорошо помнила слова Тамара. Победа казалась такой близкой, но бывшая наемница никогда не доверяла слишком легко достигнутым успехам. На левом фланге масриды боролись друг против друга; после штурма кавалерии бой на их стороне превратился в брутальное месиво на небольшом клочке земли. Справа влахаки хоть и не отвоевали и пяди земли, но при этом хорошо сдерживали масридов. И только в центре положение было совершенно определенным. Отряды марчега Ласцлара отступали перед объединенной армией масридов и влахаков. Шаг за шагом они сдавали свои позиции. Между тем они поднимались на холм. Казалось, настал нужный момент для последней, решающей атаки, так как если окончательно прорвать центр, то битва будет выиграна.

Шум борьбы бушевал вокруг кавалерии. Для Флорес он казался совсем далеким, так как внутренне она готовилась к возможной атаке и пыталась понять, будет ли она успешной. Однако не она принимала решение, а Ионна подняла руку и пришпорила своего коня. Гарцуя, ее конь проскакал через ряды, пока не выехал на свободное место перед войском.

Там она приподнялась в седле и обернулась назад.

— Скачите за мной в битву! За Влахкис!

Когда она пришпорила коня и пустилась в галоп вниз со склона холма, воины, последовавшие за ней, громко возликовали.

— Тиреа! — вопили некоторые, в то время как другие кричали имя воеводы.

Флорес тоже подхватила волна, ее лошадь влилась в ряды наступления, которые неудержимо неслись вниз по склону. Сначала боярыня еще попыталась подчинить себе лошадь и направить ее к северному крылу, однако затем она, поняв, что не сможет выбраться из такого плотного окружения, позволила унести себя вперед. Ей удалось замедлить бег лошади хотя бы настолько, чтобы не оказаться в самых первых рядах наступления в момент столкновения на поле с врагами. Влахаки искали пробелы в собственных рядах, чтобы пройти через них, в то время как их воинственные крики и грохот копыт предупреждали пехоту об их приближении.

Флорес вновь увидела напор кавалерии на вражеские линии. Авангард формации вонзился глубоко в ряды врага. Тут Флорес заметила активность на холме марчега Ласцлара: они начали махать знаменами, раздались сигналы горна. «Надеюсь, это всего лишь последняя попытка сопротивления марчега перед неизбежным концом, а не хитрость, которой так опасался Тамар», — успела еще подумать Флорес, так как после этого оказалась на поле боя, сразу в самой гуще битвы.

Первое сопротивление выбило все мысли из головы Флорес, так как сейчас речь шла о простом выживании. Вокруг нее царил хаос. Солдаты в цветах врага боролись с влахаками, кавалерия шла вперед, рубя на своем пути все, что не могло от нее убежать. Напор наступления отнес Флорес мимо рядов своих, и ее мечу быстро нашлась кровавая работа. Она пыталась не отставать от отряда Ионны, который все дальше проходил вглубь врага, оставляя за собой кровавый след из убитых.

Тут в бок ее лошади вонзилось копье. Она взвилась на дыбы. Флорес в отчаянии крепко вцепилась в гриву животного, однако удар все же отбросил его назад. Флорес соскочила с седла прежде, чем лошадь упала на землю.

Удар был сильным, и хотя Флорес откатилась, у нее перехватило дыхание. Край щита больно врезался в бок, а меч выпал из руки. Не думая, влахака подскочила на колени и подняла щит. Однако никто не нападал на нее. Тогда она осмотрелась вокруг.

Большая часть кавалерии отдалилась от нее, Ионна пробивалась сквозь ряды врагов. Пробелы за воеводой еще не закрылись, однако как влахакская пехота, так и враги уже устремились в них. В одно мгновение очаг битвы переместился дальше на косогор, однако уже скоро борьба началась и здесь.

Ее лошадь с широко раскрытыми глазами лежала на земле. Она больше не дышала. Кровь широким потоком текла из раны по ее боку. Флорес поискала свое оружие и нашла его на расстоянии всего каких-то двух шагов. Она быстро подняла его и повернулась в сторону продвигающихся влахаков.

Взглянув на позицию Сциласа, она обнаружила, что еще совсем недавно бегущие отряды теперь возвращаются на поле боя, укрепляя задние ряды перед наступлением влахакской кавалерии. И еще более беспокоящим фактом было то, что южный фланг влахаков явно медленно начинал отступать назад. Самые крайние ряды были уже отброшены почти до самой середины. «Проклятье, почему наш фланг отходит назад? Где Тамар?»

В сумятице боя Флорес не смогла увидеть марчега. Однако масриды, казалось, контролировали свой участок. И тут Флорес со всей ясностью увидела, что они были в большой опасности. «Если Ионна не сможет прорваться, то она застрянет посреди врагов! Крайние фланги явно окружают нас! Сцилас намеренно отступал назад, и теперь он попытается окружить прорвавшийся отряд!»

Волна паники накрыла Флорес, но она смогла побороть ее. Так быстро, как только возможно, она побежала навстречу влахакским воинам.

— К Ионне! — проревела она и подняла меч над головой. — Подтянемся к воеводе!

Вместе с влахакскими воинами Флорес направилась к масридам, которые хотели снова сомкнуть ряды позади Ионны. Одновременно она заметила, что далеко на юге во влахакских рядах начался беспорядок, когда центр и фланг сжались. Однако со своего места она ничего не могла с этим поделать, поэтому сконцентрировалась на том, чтобы держать открытым тыл Ионны.

Уже скоро Флорес пришлось бороться за каждый шаг. Все больше якобы сбежавших с поля боя масридов возвращалось назад, отчего влахакская кавалерия оказалась втянутой в жестокие бои. Группа Ионны продвинулась дальше всего и, казалось, была совсем недалека от прорыва. Но теперь она оказалась в окружении. Пока Флорес с пехотой медленно пробивала себе путь к Ионне, княгиня попала в совсем плохое положение. Самые близкие ее доверенные образовали вокруг кольцо и оберегали ее от оружия врагов, но это кольцо сжималось все больше и больше. «Держитесь, — мысленно молила их Флорес, так как на слова у нее не хватило бы дыхания. — Мы идем к вам!»

Тут в бок Ионны вонзилось копье. Княгиня разрубила его мечом напополам и нанесла удар воину, который задел ее. Рядом с ней Микона сорвали с лошади, и он исчез среди воинов. Словно не чувствуя страха, Ионна продолжала скакать дальше, блокируя и нанося удары налево и направо. Ее длинный белый плащ был до самых плеч забрызган кровью, щит растрескался, но она держалась в седле и ей все еще удавалось вместе со своими воинами отбиваться от врага. Шаг за шагом Флорес прокладывала себе путь. Ее меч двигался словно сам по себе, ее удары проходили сквозь защиту, находили бреши в доспехах и вонзались в уязвимую плоть. Лишь несколько кавалеристов смогли присоединиться к Ионне, в то время как другие устремились в массу врагов и были поглощены бушующим морем битвы. Внимание Флорес без остатка было направлено только на борьбу, ее тело двигалось в идеальном созвучии с ритмом битвы, и одно это помогало ей продвигаться вперед, пока до группы Ионны не осталось всего несколько вражеских рядов. Влахака рискнула бросить еще один взгляд вперед и увидела, что знамя с вороном все еще гордо реяло на ветру. Но затем в ногу воеводы попала секира. Она не успела отразить удар, и ее чуть не выбросило из седла.

— Нет! — закричала Флорес, увидев, как зашаталась княгиня.

На какое-то мгновение она вновь обрела равновесие, но тут еще один клинок вонзился в ее тело. Кровь красным пятном залила ее камзол. Поводья выскользнули из пальцев Ионны. Склонившись назад, воевода больше лежала на своем коне, чем сидела. Ее голова запрокинулась. Потом она упала навзничь и исчезла из поля зрения Флорес.

— Нет! — снова прокричала влахака.

В дикой ярости она набросилась на масридов, которые загораживали ей путь к Ионне. Время от времени в просвете между телами она видела упавшую княгиню. Влахаки плотной стеной стояли вокруг нее, защищая властительницу. Некоторые спешились и удерживали врагов на расстоянии, соорудив небольшую стену из щитов. Другие все еще боролись верхом.

Однако прежде чем Флорес успела добраться до них, знаменосца тоже сбили с лошади, и ворон упал на землю. По рядам врагов пронеслось ликование, и Флорес как громом пораженная смотрела на то, как группа вокруг Ионны была затоптана. Влахака почти физически почувствовала, как военная удача отворачивается от них. Воины вокруг нее тоже были в полном замешательстве. Все видели падение ворона, и моральный дух солдат надломился. Пока объединенные масриды под предводительством Тамара медленно оттесняли врага назад, линии влахаков были слишком растянуты. Южный фланг все больше пододвигался к центру, и вот уже враг окружал их с двух сторон. «Нам нужно восстановить колонну, и быстро, иначе это будет катастрофа», — поняла Флорес, у которой совсем не оставалось времени для печали. Она не могла думать о павших, если сама хотела выжить. Быстро глянув через плечо, она заметила, что некоторые воины уже бежали.

— Соберитесь! — громко прокричала она. — Ко мне!

Ее голос был услышан влахакскими воинами, которые медленно продвигались в ее направлении. Она не увидела, подействовал ли ее приказ на бегущих с поля боя, так как в

этот момент новая атака врага заставила ее снова включиться в бой.

Теперь они отступали назад, шаг за шагом, в то время как группы Ионны больше не было видно. С юга к ним оттеснялось все больше влахакских воинов, когда их фланг, несмотря на ожесточенное сопротивление, начал разрушаться. Флорес потеряла какое-либо чувство времени. Солнце нещадно палило, и она не могла сказать, сколько времени уже сражается.

Снова и снова она выкрикивала приказы, снова и снова бросалась в бреши, которые образовывались в линиях. Странно, но она совсем не чувствовала усталости. Ее тело двигалось быстро и целенаправленно, как будто она не боролась все это время. Но вокруг себя она видела бледные лица влахаков, страх в их глазах. Она почти чувствовала запах зарождающейся паники, среди всех этих запахов крови и экскрементов. «Если начнется паника и все побегут, то здесь развяжется самая настоящая кровавая резня. Нам нужно держаться, пока мы не сможем немного отдалиться от врага». Больше Флорес ни о чем не думала; на это у нее не было времени. Вместо этого она пыталась удерживать боевые линии влахаков и медленно отступать в сторону крыла Тамара.

После последней жесткой атаки, которую влахакам удалось отбить с большим трудом, натиск стал слабее. Сражение еще не прекратилось, но на какое-то время получилось так, что на поле шли лишь отдельные небольшие бои. Флорес воспользовалась этой передышкой, чтобы осмотреться и оценить ситуацию. На юге враг продвинулся далеко вперед, зажав в тиски основную группу влахаков. На севере Тамар все еще держал свои позиции, но из-за отступления влахаков он скоро будет вынужден также отступить или же будет отделен от врага. Знамя с грифом развевалось над самой плотной толпой сражающихся. Где-то там и должен был быть Тамар, но Флорес не удалось разглядеть его.

Тут она увидела, как позади линий с севера к ним скачет всадник и громко зовет Ионну.

— Держите позицию, — приказала Флорес воинам в своем окружении и побежала назад, где масрид скакал сквозь ряды, пытаясь найти Ионну, и даже привставал в стременах, чтобы получить лучший обзор.

— Ионна сейчас нужна на поле боя, — крикнула влахака всаднику. — Что ты хочешь?

— Марчег Тамар просит сообщить, что происходит в ваших рядах.

Флорес не могла толком разглядеть лицо мужчины под шлемом, но она почувствовала упрек в его голосе. Она осторожно подошла ближе и прошептала:

— Скажи Тамару, что Ионна погибла. Скажи ему, что наши линии в любой момент могут быть прорваны. Нам нужна любая помощь, которую он может нам выслать, иначе все напрасно!

Насколько Флорес смогла заметить, глаза посланника расширились. Мужчина молча кивнул и развернул коня. Влахака посмотрела ему вслед и попыталась представить себе, как Тамар отреагирует на такое известие. «Он будет в ярости, это точно. Но сдаст ли он свои позиции и присоединится ли к нам? Или он понадеется на то, что мы сами сможем удержать позиции, пока не наступит ночь? Он предостерегал Ионну; вполне возможно, что теперь он бросит нас на произвол судьбы».

Однако еще до того, как начался новый штурм, с севера донеслись сигналы горна масридов, и воины Тамара начали укреплять ряды влахаков. Все теснее становились ряды невольных союзников, в то время как теперь их сжимали с трех сторон.

Напор отрядов Сциласа заставлял влахаков и масридов медленно подниматься на косогор, с которого Ионна совершила свою фатальную атаку. Флорес боролась в первой полосе, пытаясь удерживать влахаков рядом с собой. Где-то по левую сторону находился Тамар, который наверняка пытался сделать что-то подобное со своими подданными.

И только незадолго до захода солнца их ряды вырвались из смертельного окружения. Не было ни сигнала, ни приказа; солдаты марчега Ласцлара просто перестали преследовать отступающих воинов противника. Возможно, все дело было в опустившемся кроваво-красном солнце, которое уже висело над холмом и своими последними лучами слепило

врага. Возможно, им просто уже расхотелось убивать. А возможно, и простая усталость была сильнее, чем любой приказ об атаке. Какова бы ни была причина, Флорес не думала над этим, а просто повела влахаков дальше, вверх на последний отрезок косогора, в то время как их противник собрался в долине. Внизу, где весь день бушевала самая жестокая борьба, земля была усеяна погибшими и ранеными. Убитые лошади лежали рядом с масридами и влахаками, которые в смерти нашли общее последнее пристанище. Ворон и гриф лежали рядом с драконом — заметила Флорес, кинув последний взгляд назад, прежде чем перейти через холм и оставить поле боя позади.

36

Даже если Стен и пытался представлять себе подземный мир еще со времен первых рассказов Друана, то все равно описания тролля не смогли подготовить влахака к тому, что он здесь увидел. Хотя туннели, по которым они шли, были достаточно большими для тролля, уже через несколько метров Стену показалось, что потолок начинает давить. Он время от времени поднимал взгляд вверх на серые скалы, которые угрожающе нависали над ним. Стену казалось, будто гора всем своим весом давит на него, что в любой момент она может потребовать свою дань и просто раздавить юного воина. «Почему я думал, что отправиться с троллями на их родину будет хорошей идеей?» Вопрос был вполне обоснованный, и Стен не мог дать на него ответа.

Здесь, под огромной толщей камня и земли, человек и эльф были непрошеными гостями. Так же как Пард и другие тролли на поверхности, Стен чувствовал себя потерянным в этом чужом мире. Печаль, которая овладела им после смерти Висинии, была еще сильнее, чем при дневном свете. Его шаги отражались эхом в туннеле, но даже эхо затихало, поглощенное этим мрачным подземным миром, который грозился теперь поглотить и Стена.

Эльф шел рядом со Стеном в середине колонны троллей и казался гораздо менее скованным, чем чувствовал себя Стен. Естественно, человек тоже не показывал, как он себя ощущает, но Тарлин двигался настолько легко, словно чувствовал себя как дома в этом темном мире. Его босые ноги не производили никакого шума, будто он брел по мягкой лесной почве своей родины. Чисто внешне для Стена эльф сейчас был гораздо больше похож на троллей, хотя до сих пор их поведение для влахака было всегда понятнее, чем поведение таинственных эльфов.

Когда Тарлин заметил изучающий взгляд Стена, то насупил свои тонкие брови:

— Что-то не так?

— Нет, нет, — поспешил заверить его Стен. — Я просто задавался вопросом, как ты ощущаешь себя в мире под горами.

Эльф немного подумал.

— Чувствую себя чужим.

— Я тоже.

На этом разговор оборвался, так как Тарлин отвернулся и пошел дальше. Лампа Стена освещала не очень большой круг, однако троллям было совсем не трудно двигаться даже в полной темноте. Для Стена же, наоборот, маленький круг света был краем его собственного мира; за ним лежал непроглядный мрак подземного царства, который становился реальностью лишь шаг за шагом, как только его освещал свет.

— А ты знаешь эту дорогу? — спросил Стен Керра, который бежал немного позади него.

— Нет. Я еще никогда не был здесь.

— А откуда тогда вы знаете, что она ведет к вашим пещерам?

— Мир под вашей землей большой. И совсем немного путей, которые заканчиваются просто так. Многие разделяются и пересекаются с другими, — объяснил юный тролль. — Этот туннель длинный, я чувствую это. Вероятно, он будет где-то пересекаться с другим путем, и с того места мы уже посмотрим, куда пойдем.

— А как вы вообще здесь ориентируетесь, если ваш мир даже на карте не нарисован? — удивленно спросил Стен.

— Как нам может помочь нарисованная дорога? Опытные показывают дороги другим. Многие пути просто известны, особенно там, где мы живем. Можно чувствовать дуновение ветра или иногда идти по следу животных. Многие лазутчики хорошо знают скалы, где находятся проходы и пещеры. Но самое важное — это биение сердца мира, его эхо в камне, которое и указывает нам дорогу.

— Я все еще не могу понять… Это дыхание духа темноты или нет?

— Да, — вмешался Тарлин. — Здесь, в подземном мире, оно сильнее и громче. Я могу чувствовать его. Курперла дышит.

Керр пожал плечами.

— Может быть. Я никогда над этим не думал. Биение сердца было всегда, сколько я себя помню.

— У вас есть какие-нибудь истории об этом? Легенды?

— Когда я был маленьким, один тролль положил мою руку на грудь и дал мне почувствовать биение сердца. Он сказал, что у мира тоже есть сердце, которое бьется. Громко и равномерно. Мы исчисляем его в дреегах, что значит удары сердца.

— Это сердце старого тролля, — вмешалась вдруг Грена. — Когда появился этот ужасный небесный свет, он спустился со своими детьми под землю. Там он лежит и спит, а биение его сердца слышно и сейчас.

— Откуда ты знаешь эту историю?

— Ну, так, — пожав плечами, ответила тролла. — Так мне рассказывали. Биение сердца принадлежит отцу всех троллей.

— А откуда пришел небесный свет?

— Карлики ненавидели все, что было в этом мире, так как они хотели, чтобы он принадлежал только им. Но они бы никогда не могли выиграть войну против людей, троллей и эльфов. Поэтому они придумали план, как прогнать всех других. Они вырубили из скалы самый большой драгоценный камень, какой только смогли найти, и наполнили его огнем. Они перехитрили людей и заставили их построить приспособление, при помощи которого выстрелили этим камнем в небо. Огонь горел в нем сильный и был гораздо ярче, чем добрая луна. Старый тролль повел свое племя под землю, так как небесный свет околдовывал их и заставлял спать, когда он был на небе. Тролли всегда жили в пещерах, но теперь им пришлось спуститься еще глубже. Под землей они начали бороться с карликами, чтобы наказать их за свои деяния. Но люди и эльфы остались наверху, потому что этот свет был недостаточно ярким, чтобы прогнать их.

Закончив историю, Грена неуверенно посмотрела на человека и эльфа, словно ожидала, что они высмеют ее. Заметив это, Керр пришел ей на помощь:

— Мы рассказываем не так много историй.

Стен задумчиво сказал:

— Но у вас все-таки есть легенды. Такие же, как и у нас. А расскажите нам тогда еще, откуда вы произошли?

Они молча шли дальше. Наконец Керр нерешительно ответил:

— Об этом я ничего не знаю. Как мы приходим из скал и уходим в них… если мы умираем, то наше биение сердца поднимается к биению сердца мира. Откуда мы пришли? Кто может сказать это? Разве не важнее, куда мы идем?

Стен удивленно посмотрел на юного тролля.

— Да ты настоящий философ!

— Что я? — переспросил Керр.

Сначала на его лице появилось удивление, а потом и гнев.

— Я же тебя никогда не оскорблял, зачем ты такое говоришь?

— Это не было оскорблением, — рассмеявшись объяснил Стен. — Философы — это… люди из Дирийской империи. Их основное занятие — это думать над всем, что только

возможно. По-моему, так.

Хотя Стен и слышал об этих мыслителях, но не мог вспомнить о них очень подробно. Как и о тирадах Саргана о прогрессивности Золотой империи, которые всегда превращались в жалобы на отсталость Влахкиса. «Интересно, что сейчас делает этот дириец?» — вдруг подумал он. Саргану наверняка удастся в конце войны оказаться на стороне победителя. Уж в этом сомневаться не приходится.

— Я не думаю все время, — обиженно возразил Керр.

— Эй, хватит болтать там, сзади, — неожиданно прокричал им Пард. — Лучше поберегите свое дыхание для более разумных вещей, вместо того чтобы нести чушь!

— Почему? — спросил Керр.

— Почему? Потому что я так говорю, пустая башка!

— А ты как думаешь, откуда вы произошли? — быстро спросил его Стен, пока Пард не рассердился еще больше.

Большой тролль остановился и мрачно посмотрел на человека. «Никто не может смотреть так зло, как Пард. Даже у меня по спине идет холодок, когда он сердится, а ведь я уже довольно много раз видел этот взгляд».

— Откуда я знаю! И какая разница! Мы всегда были в этих туннелях и пещерах. Все это здесь — наша родина. Мы каждый дреег боремся за выживание. Ничто другое не считается, понятно?

— И ты никогда не думал над смыслом всего этого?

— Нет. Я борюсь. Я веду племя. У меня не остается времени на глупую болтовню.

— Друан думал о таких вещах, — тихо сказала Грена, и Керр согласно кивнул.

— Друан мертв. Мы живем и должны бороться. Кто хочет знать, что произошло с карликами много дреег назад?

— Я, — признался Керр с серьезным выражением лица.

Грена тоже хотела возразить Парду, но промолчала, как только его взгляд упал на нее.

Даже Тарлин склонил голову и не смотрел на исполинского тролля, который в конце концов отвернулся от них с презрительным фырканьем.

— Не очень умно было дразнить его, — прошептал Стен Керру. Юный тролль потряс головой.

— Он прав. Он должен вести нас и защищать. Но я не охотник и даже не лазутчик. Я хочу знать, что происходило раньше.

С этими словами тролль потопал прочь, и Стену пришлось поспешить, чтобы не отстать. Он смотрел на спину Керра, всю в рубцах, со следами когтей от предыдущих боев, и с удивлением покачал головой. Взглянув на Тарлина, увидел, что тот явно развеселился.

— Когда Рувон рассказывал мне, что тролли разумные существа и с ними можно говорить, я думал, что он шутит. Но с тех пор, как я сам познакомился с ними…

Голос эльфа замер в темноте.

— С тех пор ты боишься Парда?

Услышав это, Тарлин неудержимо и звонко рассмеялся, а потом вновь посерьезнел:

— Нет. Ну, да, Пард может иногда нагнать немного страху. Я просто хотел сказать, что они гораздо менее чужды нам, чем я думал.

— Понимаю, — из вежливости согласился с ним Стен, хотя сам подумал: «Ты просто ни разу не видел, как они относятся к чужим, насколько они опасны и непредсказуемы».

— Ты сомневаешься, — констатировал Тарлин. — Возможно, тролли гораздо ближе мне, чем вам, людям. Расскажи мне, откуда вы произошли.

Этот вопрос застал Стена врасплох. Потом он сказал:

— Я не историк и не прорицатель.

— Я знаю. Ты воин и предводитель своего народа. Так рассказывал мне о тебе Рувон. Но какие истории люди рассказывают о себе?

— Собственно, наши легенды очень просты. После того как земля появилась из темноты, духи поняли, что ее нужно населить жизнью. Они дали немного от себя в неживой

мир, и так возникли растения и животные. Некоторые дали от себя больше, почти полностью растворились в своих дарах, и так появились люди, тролли, эльфы и все другие жители этого мира. Но не все были хороши для земли, и поэтому духи подняли горы, чтобы защитить ее. С тех пор Соркаты окружают Влахкис, словно каменное кольцо. Но этого было недостаточно, так как многие существа были хитрыми и хотели завоевать весь мир. Некоторые прорывали ходы в горах, другие поднимались через них. Тогда один дух отдал себя на то, чтобы создать защитников для земли. Так в мир пришли влахаки, дети земли и духов. Но это лишь одна из историй, которые передаются из поколения в поколение. Масриды считают, что они пришли из божественного света, который их создал. В империи считают, будто боги вымесили людей из земли и воды и вдохнули в них жизнь.

— А во что веришь ты?

Стен долго думал над этим вопросом. В юности ему рассказывали истории влахаков, хотя масриды и запрещали это делать и могли даже наказать смертью. Для него легенды необъяснимым образом всегда были правдивыми, хотя он даже не раздумывал над ними. Однако сейчас, после того как послушал рассказы других, он понял, что на самом деле в нем не было твердой веры ни в одну из этих легенд. Когда он попытался представить хоть одну, остался лишь туман, который невозможно было ухватить. Влахак растерянно покачал головой.

— Я не знаю.

— Духи повсюду, Стен, — серьезным тоном возразил ему Тарлин.

— Но разве мы избранный народ? Разве Влахкис действительно наш? Я всегда думал, что это так. Но теперь…

«Теперь я больше ни в чем не уверен. Я сказал Флорес, что наша земля приносит смерть. Разве это так? Может, это дух темноты, который отравляет нас? Может, это масриды, которые не дают нам мира? Или, может, дело в нас самих?»

— Человек, ты слишком много думаешь, — раздался вдруг голос Парда и оторвал его от невеселых мыслей. — Это неполезно!

Некоторые тролли рассмеялись, но Стен промолчал. Необычное для него окружение все еще давило его дух. Чуждыми и нереальными возникали перед ним причудливые скалы и тени, чтобы потом снова исчезнуть в вечном мраке. Между тем они прошли уже несколько входов в пещеры, а хождение по виткам туннеля создавало впечатление лабиринта.

Неожиданно Стен понял, что без помощи троллей ему уже никогда не удастся найти дорогу назад, к той пещере, через которую они опустились в подземный мир. «Теперь я действительно все оставил позади. И больше нет пути назад». Осознание этого поразило его словно молния, и у него даже перехватило дыхание. Его одолевали сомнения. Перед ним возникли образы Флорес и Ионны, других людей из Дабрана. «Я бросил их на произвол судьбы. Принял ли я правильное решение? Дух темноты опасен, но смогу ли я что-нибудь вообще сделать здесь, чтобы изменить это? Разве мое место не на поверхности, рядом с Флорес, в борьбе за Влахкис?» Стен не знал, что ответить на эти вопросы, которые прогнали все остальные мысли. А тем временем тролли все глубже и глубже спускались в подземный мир.

И только когда несколько троллей перед ним начали переговариваться, влахак смог выбраться из этих мыслей. Пока Стен погружался в свои заботы, троллям, похоже, было совсем неплохо. Они тихо переговаривались, шутили, разыгрывали друг друга, смеялись и вообще казались сейчас самыми мирными существами под землей. До этого Стен настолько был занят своим собственным миром, что даже не замечал, как сильно тролли наслаждались возвращением домой. И тут до него донеслось глубокое, медленное пение; несколько троллей пели песню без слов, от которой, казалось, содрогается воздух. Эта песнь неслась по туннелю, отражаясь от стен, и вместе с собственным эхом стала такой проникновенной, что потрясла Стена до глубины души.

И хотя он не различал слов, человек испытал все чувства троллей, которые выражались в этой песне. Гордость и печаль, победа и поражение звучали в этих темных звуках,

усиливаясь от голоса к голосу, пока они, казалось, не наполнили весь подземный мир. Стен почувствовал, как его тоже подхватила эта песня, и он забылся в музыке, которая несла в себе и его собственную противоречивость.

Так он и шел сквозь темноту, сопровождаемый песнями троллей. «Возможно, они все-таки более похожи на нас, чем мне казалось», — подумал Стен, в то время как подземный мир принимал его в себя.

37

— Кто еще?

— Старес, Антра, Оден, Цорге…

Список, казалось, был бесконечным. Пальцы Тамара так сильно сжали край стола, на который он опирался, что косточки побелели. В уме прокручивались имена погибших и пропавших, которых Рурьос называл бесцветным голосом.

Юный марчег понимал, что этот список должен привести его в ярость. Он хотел ненавидеть, но больше не был способен ни на какие сильные чувства. Только глухое отчаяние, которое заглушало все остальные переживания, поднялось у него внутри.

— Катастрофа, — закончил Рурьос свою речь. — И это еще не все.

— Есть еще плохие новости? — спросил Тамар, не поднимая глаз на ветерана.

— Да. Сообщения наших лазутчиков.

— Позволь угадать: Сцилас следует за нами по пятам?

— Он повернул и идет на запад. Его кавалерия уже подошла к Маги.

Тамар с удивлением посмотрел на старого воина, усталое лицо которого было омрачено беспокойством. Сложный марш-бросок во время бегства на юг не прошел бесследно и для Тамара, но от Рурьоса вообще осталась одна тень.

— На запад? — повторил вдруг юный марчег.

Он быстро раскрыл карту на столе и провел пальцем по течению Маги, на берегу которой остатки объединенной армии разбили лагерь.

— Тогда Сцилас окажется между нами и Теремией. Теперь влахакам отрезан путь назад.

— Не только им, — мрачно перебил его Рурьос. — На северо-западе Сцилас стоит с основной частью своей армии. На западе ждет его кавалерия, которая довольно долго сможет удерживать любую попытку прорваться, пока подоспевшая пехота не пойдет в атаку. На юге протекает Маги, которую мы не сможем пересечь без лодок.

— Мы можем пойти на восток, вглубь Сиревы.

— А потом? Турдуй все еще занят солдатами Сциласа. Единственной надеждой был бы быстрый штурм. Но если дракон сможет удержать город и нам останется только осада, тогда его армия развернется к нам и разобьет нас прямо под стенами своего собственного города!

Хотя Тамар и взвесил тщательно все слова ветерана, он в конце концов должен был признать, что тот прав.

— Куда еще? — мрачно спросил Рурьос, но Тамар не знал, что ответить.

«Нам остается только дорога на север в непроходимые горы. Но там мы станем не более чем кучкой беззаконных, которые скрываются в долинах. Вряд ли я смогу найти достаточно воинов, чтобы еще раз открыто противостоять ему».

Казалось, Рурьоса занимали похожие мысли, так как он задумчиво поскреб свой небритый подбородок и уныло покачал головой.

— Если мы сейчас спрячемся, то Сцилас объявит о своей победе и, возможно, сразу займет трон Ардолии. Как много масридов устремится к нему, когда он пообещает им новое покорение влахаков?

— Слишком много, — пробормотал Тамар.

Солдаты в лагере все еще были обессилены переходом и подавлены ужасом поражения. Однако уже скоро начнется недовольство. И хотя вопреки всем надеждам им удалось уйти от

войска марчега Ласцлара не в беспорядочном бегстве, а организованно, потери все же были ужасными. Моральный дух воинов висел на тонкой ниточке, которая готова была порваться в любую секунду. Юный марчег чувствовал беспокойство и страх в лагере, он видел их в глазах своих воинов, слышал в перешептываниях у костра.

— Приведи мне госпожу Флорес, — резко приказал он. — Мне нужно обсудить с ней кое-что.

Не поднимая глаз на Рурьоса, Тамар знал, что на лице ветерана появилось выражение презрения. Но он ничего не сказал, а только молча вышел из шатра и исчез. Тамар со вздохом опустился на низкий стул и погрузился в безутешные мысли над картой страны, которая кусочек за кусочком ускользала от него. И только когда полотнище входа откинулось, марчег снова поднял голову.

Флорес сал Дабран тоже выглядела уставшей. Ее камзол был весь заляпан кровью, грязный и разорванный. В таком виде она больше походила на нищенку с улиц Турдуя. Но хоть лицо Флорес и было бледным, а под глазами легли темные круги, оно выражало решительность, которой Тамар всегда завидовал.

— Марчег, вы посылали за мной?

— Да. Есть новости и, к сожалению, совсем не хорошие, — добавил Тамар и указал на карту. — Сцилас отрезал вам путь на запад. Он пытается прижать нас к реке.

Теперь уже лицо Флорес выражало беспокойство, когда она склонилась над столом и начала изучать карту. Ее взгляд прошелся по карте, она сжала руки в кулаки.

— Вот ублюдок, — выдала она.

— Для нас положение выглядит не лучше. На востоке у нас едва ли есть возможность выступить в бой против Сциласа и при этом победить.

Тамар покачал головой.

— Слишком велика опасность, что мы простоим там слишком долго, так что нас догонит армия Сциласа. Мы можем сбежать на север, но как нам кормить целую армию?

— Но, с другой стороны, нельзя, чтобы марчег Ласцлар навязал нам битву. Не сейчас, иначе он просто уничтожит нас. Воины обессилены; к тому же все еще сильно подавлены поражением. Мы не сможем выстоять в мало-мальски серьезной атаке.

— Я знаю, — ответил Тамар и опустил голову на руки. — Мы в ловушке. Или же мы сбегаем и прячемся в горах, где умираем медленной смертью, или же принимаем вызов и умираем быстро.

— Или же мы идем на юг.

Тамар растерянно посмотрел на боярыню, потом горько улыбнулся.

— Прекрасная идея, госпожа Флорес: только не забывайте о том, что перед нами этот трижды проклятый поток!

— Нам как раз через него и нужно перебраться на ту сторону.

— Да? Но прежде чем мы успеем построить достаточно лодок, Сцилас уже будет здесь. Что нам делать? Плыть?

— А вы послушайте меня, — ответила Флорес, и робкая улыбка озарила ее лицо.

Несмотря на продолжительную летнюю жару, вода в реке была очень холодной. В Маги впадали горные речки, истоки которых были на вечно заснеженных вершинах Соркат. Тем не менее Тамар без промедления нырнул в ее воды. Марчег молча бранил себя за собственное безрассудство. «И почему я согласился принять участие в этой рискованной операции? Это такое безрассудство». Но при обсуждении плана участие в этой вылазке показалось ему хорошей идеей. Ему сейчас срочно нужно было восстановить доверие своих воинов. Если он еще не совсем потерял его, то вся надежда было на это.

Тем не менее он был не очень хорошим пловцом, а Маги даже с низким уровнем воды оставалась опасной.

Флорес со своими людьми уже вошла далеко в реку и нырнула. Тело Тамара покрылось мурашками, однако он прыгнул в воду, решив не отставать от влахаков. Холодная вода

накрыла его с головой, и звуки мира доносились глухо и искаженно. Затем он снова вынырнул и поплыл мощными рывками.

Однако вместо того чтобы бороться с течением, он позволил ему нести себя вниз и при этом приближался к противоположному берегу. Вокруг себя он слышал журчание речки и всплески множества рук, однако темная ночь не позволяла ему увидеть всех, а только тех, кто плыл поблизости. Посередине реки течение вдруг с непреодолимой силой потянуло его, и на какой-то момент Тамар подумал уже, что не сможет выплыть, но затем сила течения стала слабее, и он смог спокойно плыть, пока, тяжело дыша, не добрался до небольшого откоса и не вылез на берег.

Прохладная вода стекала по его коже, отчего ему было очень холодно. От легкого ветерка становилось еще холоднее, марчег прямо-таки начинал дрожать. Но ему нельзя было терять время, и он попытался сориентироваться в темноте. С этой стороны реки местность выглядела совершенно другой. Наконец он заметил большую иву, которая низко склонялась над водой. Тамар тихо прокрался через высокую траву к условленному месту встречи. Возле дерева уже стояли несколько воинов; двое были на страже, но они пропустили марчега без вопросов.

— Не хватает двух влахаков и четырех масридов. Нет, только трех масридов, сейчас, когда вы уже здесь. Мы еще немного подождем.

Тамар молча кивнул и попытался сдержать стук зубов. Чтобы отвлечься от холода, который словно покрывало накрыл все его тело, он решил проверить, хорошо ли этот ночной заплыв перенесло его снаряжение. Его клинок еще прочно сидел в ножнах, он был длиннее, чем кинжал, но в лучшем случае как короткий меч. Это оружие очень любили сцарки, которые выступали в бой в основном с луками, а такой клинок использовали только при крайней необходимости. Хотя это оружие и было заострено с двух сторон, но в основном смертельный удар наносился острым кончиком лезвия. Будучи удобным для беспощадного рукопашного боя, из-за своей маленькой длины он не подходил для больших сражений. Сцарки называли его собачьим хвостом, вероятно, потому, что длина клинка была как раз равна собачьему хвосту.

— Симпатичный кинжал, — заметила Флорес, которая растирала себе ладонями руки и бежала на месте, чтобы согреться.

Тамар с улыбкой посмотрел на боярыню.

— Это и есть один из знаменитых народных танцев Ардолии?

— Влахкиса, — сразу же поправила его Флорес и остановилась. — Вода чертовски холодна.

Однако прежде чем Тамар успел согласиться с ней, к ним подошли еще пять воинов.

— Теперь уже все, — пробормотал Тамар и повернулся к группе из почти двух дюжин солдат. — Итак, в путь. Отставшим придется догонять нас или возвращаться назад. Все идут за Флорес, только тихо!

Не медля больше ни секунды, влахака пригнувшись побежала вдоль берега реки. Рядом с берегом проходил бечевник, тропа бурлаков, которой, однако, явно пользовались гораздо меньше, чем самой северной тропой, так как местность здесь была совсем необжитая, во многих местах заросшая густым кустарником. Тем не менее они легко продвигались вперед, пока Флорес не остановила их, подняв руку. Тамар осторожно прокрался к ней и присел в траву рядом с влахакой.

— Там, — прошептала она и показала на маленький огонек на расстоянии нескольких десятков шагов от реки.

Там явно был костер. Тамару удалось разглядеть, что он уже догорал. Он молча кивнул Флорес, и она передала сигнал остальным воинам. Вместе они тихо подкрались ближе, пока расстояние до противника не уменьшилось до тридцати шагов.

Заметив силуэт возле костра, он побежал к нему, вынув клинок из ножен. Воины последовали за ним без приказа. В этот момент были забыты все воспоминания о поражении, и Тамар ринулся в круг света. Караульный удивленно обернулся к нему, но прежде чем

успел отреагировать, Тамар уже вонзил клинок ему в горло. Пока мужчина хрипя оседал на землю, мимо марчега проскочили его солдаты и кинулись на спящих. Быстро осмотревшись вокруг, Тамар увидел, что его помощь уже не нужна. Тут он почувствовал, что его правой руке необычно тепло, он глянул вниз и увидел, что она в липкой крови, которая забрызгала его до самого локтя, когда он вынимал клинок из горла убитого. Вытирая руку о плащ караульного, он обратился к Флорес:

— Возьмите их лодки. Нам нужно поспешить. Чем больше мы успеем этой ночью, тем лучше.

Влахака кивнула и выделила несколько воинов, которые спустились к реке и подготовили к отплытию неглубокие баржи. Довольный Тамар огляделся вокруг. Маленький лагерь караульных был взят, солдаты Сциласа мертвы или взяты в плен. Теперь у них были лодки. Конечно, их недостаточно для полной армии, но при небольшом везении они смогут переплыть реку, прежде чем марчег Ласцлар узнает об этом.

Смех снова сотряс шатер Тамара, и марчег не удержался, чтобы не рассмеяться вместе со всеми. Мысль о лице Сциласа, когда тот получит доклад своих лазутчиков, была чрезвычайно приятна. Кевес жеманно провел по прядям волос и откинул голову.

— Я и не думала, что у тебя есть такой талант! — воскликнула Маиска.

Юная воительница явно выпила уже слишком много, так как ее слова были нечеткими, а взгляд блуждающим. Она с трудом поднялась, стараясь не опираться на раненую ногу, и подняла кружку:

— За Кевеса, который лучший марчег Ласцлар, чем сам марчег Ласцлар!

Все присоединились к тосту воительницы, которая выпила одним залпом. Тамар удивленно поднял брови. Он сам очень осторожно пил этот крепкий шнапс, который, скорее всего, был приготовлен из яблок, но на вкус был простой хлебной водкой. Маиска же пила так, словно завтрашнего дня не было. «По крайней мере, скоро ей точно захочется, чтобы завтра не наступило». Воины отмечали удачную вылазку и переправу войска через реку, такой нужный успех после подавляющего поражения. Поэтому Тамар поднял свой серебряный кубок к губам и отпил немного, не забывая при этом не вдыхать его запах.

Неожиданно он заметил взгляд Флорес, которая внимательно смотрела на него поверх своего кубка. Тамар кивнул ей и приподнял кубок в знак привета. Она ответила тем же. «Ей так же, как и мне, хорошо на душе от того, что нам удалось перехитрить проклятого марчега. Нам удалось сбежать из расставленной им ловушки, пусть всего лишь на данный момент».

Тут она подошла к нему ближе.

— Марчег, вы готовы еще раз оставить Сциласа в дураках? — с лукавой усмешкой спросила она.

— Всегда, госпожа Флорес, в любое время.

— Так я и думала, — прошептала она и подмигнула ему. — На коне вы скачете гораздо лучше, чем плаваете, — вдруг заметила она. — На какое-то мгновение я уже подумала, что Маги понесет вас к самим Соркатам.

— Неужели вы беспокоились обо мне? — с наигранным удивлением спросил Тамар. — А что стало с вашим старым добрым боевым кличем «смерть всем масридам»?

— Эй! — смеясь запротестовала она, но потом, немного подумав и посерьезнев, добавила: — Я думаю, что пожалела бы, если бы речка унесла вас.

Марчег чокнулся с ней кубком. Но она, кажется, не заметила этого, так как уже отвернулась и крикнула Кевесу, чтобы он еще раз показал им марчега Ласцлара. Пока сцарк с удовольствием выполнял эту просьбу, вызывая тем самым новый приступ веселья у всех присутствующих, Тамар откинулся назад и закрыл глаза.

Будущее, словно темная тень, накрыло его вдруг со всей силой, унеся с собой веселое настроение. «Завтра рано утром надо отправляться в путь. Сцилас тоже будет пытаться перебраться через Маги, даже если мы уничтожили лодки. Нам важен каждый шаг опережения, который получится сделать. Но куда мы пойдем? Нам придется изо дня в день

жить лишь с одной целью: уйти от Сциласа».

Марчег устало зевнул. Когда он снова открыл глаза, то увидел перед собой Кевеса, который смотрел на него с непонятным выражением лица.

— Что?

Вопрос прозвучал недовольно, и когда Тамар понял это, то тут же пожалел о своем грубом тоне. Однако прежде чем он успел сказать об этом, Кевес привлек внимание всех присутствующих и заявил:

— Марчег устал. День был длинным. А завтра будет такое же долгое… нет, в смысле, такой же долгий…

— Такой же долгий день, — пришла ему на помощь Маиска, которая, однако, произносила слова ненамного лучше его.

— Точно. Так что нам нужно удалиться.

Предложение Кевеса не было принято с большим восторгом, но даже когда Тамар успокаивающе поднял руки, это мало помогло. Настроение ушло, и маленькая компания начала быстро расходиться. Марчег еще пытался протестовать, но было слишком поздно. Кевес и Маиска со всем уважением распрощались с ним и вышли из шатра в ночь. Флорес тоже собралась уходить.

— Я желаю вам спокойной ночи, марчег, — сказала влахака. Тамар медленно встал. Он хотел объяснить ей, что совсем не намеревался заканчивать празднование.

— Не могли бы вы мне составить компанию еще ненадолго? — спросил он вместо этого, что и для него самого стало полной неожиданностью.

Флорес тоже удивленно посмотрела на него. Она немного помолчала, а потом по ее лицу Тамар понял, что она собирается отказать ему. Тогда, опережая ее ответ, Тамар быстро сказал:

— Возможно, как раз сейчас хороший момент, чтобы выпить еще по кубку и попрощаться с госпожой Висинией.

Влахака с сомнением посмотрела на Тамара, который пытался дружески улыбаться. «Я не хочу сейчас оставаться один, — понял он. — Утро со всеми трудностями наступит и так слишком скоро».

— Ну, хорошо, — наконец ответила Флорес и снова села.

Тамар с облегченным вздохом тоже опустился на подушки, которые лежали на истоптанном ковре. Весь пол шатра был выложен соломенными рогожками, которые предохраняли от холода и сырости земли. Пока Флорес не спеша облокотилась на подушки, Тамар налил им двоим по последнему кубку шнапса.

— Жаль, что у нас для того, чтобы выпить за вашу родственницу, есть только эта сивуха, — извиняясь, произнес он, однако Флорес отмахнулась.

— Это вы еще не пробовали шнапса, который продается в пивных Теремии, иначе вы не называли бы вот это сивухой.

— Расскажите мне о госпоже Висинии, — попросил ее марчег. — Я знал ее слишком недолго.

— Я познакомилась с ней, когда мы вместе со Стеном приехали в Дезу. Тогда мы были беженцами. Висиния была немного младше нас, возможно, двенадцать или тринадцать лет ей было, я уже точно не помню. И уже тогда она была очень рассудительной девочкой. К тому же ее воспитывали с мыслью, что однажды она станет опорой свой сестре. А еще она, конечно, была настоящей красавицей. Я думаю, мой брат влюбился в нее с первого взгляда.

Влахака рассмеялась, словно вспомнила что-то веселое.

— Но это продлилось не очень долго, потому что мы ее испортили.

— Испортили?

— После того как мы обжились в Дезе, мы довольно быстро приобрели нехорошую славу. Заработали себе кучу неприятностей, даже когда Натиоле пытался покрывать нас. Хотя он был старше, он был единственным, кому мы могли доверять.

Тамар посмотрел на Флорес, в то время как та продолжала рассказ. Но ее темные глаза

не видели его, казалось, что они смотрели прямо в прошлое.

— Вместе с Висинией мы тоже придумывали кучу всяких шалостей. Она всегда казалась такой серьезной, но уже в то время была себе на уме. Пока Стен с Натиоле и другими не ушли на войну против Цорпада. У Висинии становилось все меньше свободного времени, так как она принимала на себя все больше обязанностей, пока, в конце концов, ее не отправили посланником в чужой двор. Тогда через какое-то время я просто ушла. Я больше не выдерживала жизни в Дезе, где была только одна цель: борьба против масридов.

— Но ведь вы же боролись с ними? Против Цорпада?

Флорес немного помолчала, затем ее взгляд вернулся в реальность и она пристально посмотрела на Тамара.

— Я нашла себе работу наемницы. Я не хотела иметь ничего общего со всем этим. Но потом мне все же пришлось ввязаться в это дело. Стена считали погибшим, хотя он просто был с троллями. Нати пришел ко мне в поисках убежища. Сначала я сопротивлялась, но каким нужно быть человеком, чтобы не помогать своим друзьям и своей семье?

Молодая женщина пожала плечами.

— Возможно, мой брат прав и в нашей стране просто нельзя долгое время уходить от войны.

— Возможно, и так, — задумчиво пробормотал Тамар.

— Теперь все они мертвы, а мой брат исчез, — тихо сказала Флорес.

Казалось, она сказала это больше себе, чем Тамару.

— А я, я живу, и я боярыня Дабрана. Пути нашей жизни часто непредсказуемы.

После этих слов оба замолчали. Тамар сделал еще один глоток из своего кубка, Флорес смотрела в пол. Со временем молчание стало неприятным. Наконец влахака решительно поднялась.

— Боюсь, сегодня неподходящий вечер для прощаний. Мы слишком устали. И эти мои старые истории…

Не закончив предложения, Флорес повернулась к выходу. Тамар поспешно подскочил. Он чувствовал вокруг себя пустоту и темноту шатра, которые поджидали его. Но тем не менее он кивнул с улыбкой:

— Конечно, госпожа Флорес.

Она хотела уже развернуться и уйти, но неожиданно зацепилась за одну из подушек и чуть не упала. В мгновение Тамар подскочил и подхватил ее под руку, удержав от падения. Под тонкой тканью он почувствовал ее кожу. Он посмотрел ей в глаза, темно-карие, в которых прыгали озорные искорки от света огненных чаш. И прежде чем он сам понял, что происходит, он прижался всем телом к ней и поцеловал ее. Ее губы были мягкие, их приятный вкус смешивался со вкусом пряного шнапса. Его рука зарылась в ее густые волосы, потом опустилась вниз по спине и притянула ее к себе. Он ожидал, что Флорес оттолкнет его, но ее губы открылись ему навстречу так же жадно, как и его, отвечая на его поцелуй. Он почувствовал, как ее пальцы скользнули под рубаху, царапая грудь. Жгучие царапины на коже лишь распаляли его страсть. Он еще крепче обнял ее, затем поднял и понес к себе, не прекращая целовать. Они вместе упали на ложе. Флорес перекатилась на него, оперлась руками на плечи, стала целовать шею, слегка покусывая. Лежа на спине, Тамар смотрел, как Флорес наконец сняла камзол, не отрывая взгляда от него. Ее кожа соблазнительно блестела в свете огня, и жадные руки Тамара начали гладить ее. Затем он схватил влахаку и притянул к себе, положил рядом и снова стал жадно целовать. Флорес подняла его рубашку, обводила языком его соски и ласкала пальцами живот. Затем она сняла с него рубашку и ее поцелуи начали опускаться ниже, по груди к животу. Хриплый стон вырвался у Тамара и показался ему очень громким, но это не волновало его, потому что сейчас он был в мире, в котором не было забот и мыслей.

Она ловко расстегнула ему пояс, в то время как его руки ласкали ее тело и особенно грудь. Он притянул к себе влахаку. Провел языком по ее груди, зажал губами ее набухшие от возбуждения соски, начал целовать их и облизывать. В это время другой рукой он опустился

вниз. Он вспомнил старый солдатский оборот «влажная как ноябрь», но Флорес не дала ему времени закончить мысль. Она выгнулась под ним, снимая штаны. Ее руки притянули его к себе, показывая путь. А когда он вошел в нее, она стиснула его тело ногами. Он мог слышать эхо своего возбуждения в ее стонах, а в глазах видеть отражение своей страсти. И тогда он полностью растворился в ней.

Огонь в чаше почти погас, и лишь слабое тление угольков дарило немного света. Флорес спала рядом с Тамаром; ее дыхание было равномерным, а лицо расслабленным. Темные волосы разметались по плечам и светлому меху ложа Тамара. Только сейчас, в полумраке у Тамара появилась возможность рассмотреть ее, восхищаясь представшей перед ним красотой. Он смотрел на контуры ее тела, на темные руки и более светлую кожу груди и живота. Он заметил на боку шрам, тонкую белую линию. Он постарался все это запомнить: упругие мускулы под мягкой кожей, линии ее ног, темные волосы внизу живота.

Словно во сне, они набросились друг на друга, сжигаемые страстью, позабыв о всяческой осторожности. «Ты — марчег Сиревы», — проворчал тихий голос у него в голове. И на какой-то момент в нем поднялось горячее чувство стыда, которое, однако, так же быстро и ушло.

Не будя ее, он поцеловал ее плечо, которое на вкус еще было соленым. Его пот смешался с ее, и этот вкус вызвал в нем приятные воспоминания. Осторожно он провел пальцами по ее коже, по упругой груди, спустился к прекрасному животу. Она издала невнятное мурлыканье и пододвинулась ближе к нему Он почувствовал, как в нем опять растет возбуждение, и подумал даже о том, крепко она спала или не очень.

— Простите за беспокойство, марчег, — неожиданно прозвучал голос от входа в шатер.

Тамар поспешно обернулся. Свет лампы ослепил его. Он смог различить лишь пятеро силуэтов, которые явно уже зашли в его шатер.

— Вон отсюда, проклятье! — прошипел марчег и приподнялся.

Он все еще не мог разглядеть лица, но потом лампу опустили. Тамар удивленно вдохнул.

— Оден! Ты жив! Тебе удалось уйти!

— Как видите, марчег. А вы уж и не думали, да?

Сцарк стоял в окружении четырех воинов, на которых еще были доспехи. Тамар обрадованно откинул одеяло и встал, при этом обернул бедра куском ткани и понадеялся, что его тело загородит тело Флорес и ее никто не заметит.

— Конечно, нет. Какая удача!

— Удача? — фыркнул Оден.

Только сейчас Тамар заметил, что спутники Одена держали руки на рукоятях оружия. Их лица выражали презрение; один даже сплюнул, когда взгляд Тамара упал на него. «Все сцарки. Небесный свет, что здесь происходит?»

— Ты — позор для всех масридов, Тамар. Ты валяешься здесь в грязи с этой влахакской потаскухой, в то время как твой народ погибает.

— Молчи! — рассерженно крикнул Тамар и сделал шаг вперед, однако воины вытащили оружие из ножен и мрачно посмотрели на него.

Неожиданно Тамару стало холодно, а на лбу выступил пот. Краем глаза он увидел, как Флорес открыла глаза и напряглась. Однако прежде чем боярыня смогла что-то предпринять, двое воинов подскочили к ней и приставили острия мечей к ее груди. Флорес бросила яростный взгляд на Одена, который, однако, не обращал на нее никакого внимания. Вместо этого сцарк медленно покачал головой, не отрывая взгляда от Тамара. От лица марчега отлила вся кровь, голова пошла кругом, мысли пролетали так быстро, что он не мог понять их. И только одна-единственная мысль повторялась снова и снова: «Предательство!»

— Выведите эту тварь отсюда. Можете поразвлечься с ней, если хотите, или сразу же убейте ее, но в любом случае вырвите ее проклятое сердце, — приказал Оден своим воинам, которые, угрожая мечами, заставили Флорес встать.

Хотя влахака была абсолютно голая, она гордо выпрямилась и держалась очень достойно. Тамар хотел защитить ее, но острие клинка впилось в его грудь, не давая ему сдвинуться с места.

Пока Флорес выводили из шатра, Оден подошел к Тамару. И сцарк снова взглянул прямо в глаза Тамара.

— Даже пепел твоего отца стоит больше, чем ты. Ты потерял свою страну и свою честь. А теперь пришло время, когда ты потеряешь свою жизнь!

— Почему? — прошипел Тамар, который с большим трудом сдерживался, чтобы не броситься на сцарка и не задушить его. — Так ты хочешь стать моим преемником? Никто не пойдет за тобой, Оден! Никогда не пойдет за предателем!

— Предателем? Это я предатель?

Смех сцарка наполнил шатер, а потом резко оборвался.

— Это ты предатель. Ты продал своих людей влахакской развратнице. Когда ты залез на нее, то сам навлек на себя такой конец.

Тамар пристально посмотрел на двух воинов, которые угрожали ему мечами, однако они бдительно следили за ними и, казалось, были верны Одену. Сцарк спокойно продолжил:

— Я распущу слух, будто она зарезала тебя во сне, как свинью. Но я подоспел как раз вовремя, чтобы убить эту потаскуху. Так каждый увидит, что влахакам нельзя доверять. Затем мы подчинимся марчегу Ласцлару. Единственному истинному марчегу! Он милостиво примет нашу капитуляцию, когда станет королем.

Неожиданно Тамар все понял.

— Ты не сбежал. Сцилас просто отпустил тебя.

Рука сцарка поднялась и ударила Тамара в лицо. Он хотел ответить, но воины печали оттеснили его назад. Кровь потекла из пореза на груди, оставляя теплую дорожку на коже, но Тамар не чувствовал боли, а только ледяной гнев.

— Он для тебя марчег Ласцлар, собака.

— И что ты на этом заработаешь? Сколько стоит твоя честь? — язвительно спросил Тамар, единственным оружием которого сейчас были его слова.

— Ну, Сирева, конечно. Как верному вассалу законного короля, — с улыбкой ответил сцарк и, расставив руки, сделал несколько шагов назад. — И радость от того, что влахаки будут снова поставлены на то место, которое они заслуживают. Эти сволочи слишком долго смеялись над нами! Но ты не беспокойся об их будущем, Тамар, так как ты все равно не доживешь до этого. Да пребудет с тобой мир в божественном свете!

Тамар заскрежетал зубами от бессилия, так как враги заставляли отступать его, угрожая мечами. Неспособный защищаться, Тамар чувствовал лишь ярость, которая заглушала всякое отчаяние.

Оден же, наоборот, продолжал улыбаться.

Кинжал сцарка отражал свет лампы, когда предатель подходил к нему.

38

Скука стала для Саргана такой вездесущей, что ему показалось даже, будто ее можно пощупать руками. Словно тяжелое покрывало она легла на все вокруг, скрывая под своей серостью весь мир. Или, по крайней мере, она заглушала чувства Саргана так долго, пока все не стало казаться ему серым и безрадостным. «Если бы можно было эссенцию этой скуки разлить в амфоры, — мучимый абсолютным бездельем, начал думать Сарган и с трудом подавил зевок, — тогда можно было бы… да, а что собственно? По крайней мере, тогда бы ее не было».

Естественно, подданные старались развлечь его. Но с тех пор как Ионна уехала из Теремии, чтобы защитить границы своей страны, не осталось абсолютно ничего достойного его внимания. Почти все интересные собеседники отбыли вместе с воеводой; в замке остались лишь стража и управительница Леанна, у которой слишком редко появлялось

свободное время для дирийца. «И этот ограниченный народ, от которого действительно ускользает смысл хоть сколько-нибудь утонченных вещей, не важно, касается ли это кулинарии, секса или юмора. Здесь невозможно провести даже вежливую культурную беседу. Просто чертовщина какая-то!»

В это время в центре маленького зала танцевала Гермера. Хотя юная женщина и выполняла все двадцать семь ритуальных движений жертвенного танца без единой ошибки, Саргану никак не удавалось сосредоточиться на выступлении. Слишком часто он видел этот особый танец за последние несколько недель со дня отбытия из Колхаса. «А она знает не так уж много танцев. Наверное, это хитроумное оскорбление одного из моих завистников. Иначе зачем давать мне с собой такую наложницу, которая не развлекает?»

Глубоко внутри Сарган знал ответ на этот вопрос: несмотря ни на что, он не был настолько уж важен для мощной Дирийской империи. Наложница соответствовала его должности и его заданию: она была хороша, но не исключительна. Даже разговоры с ней были скорее утомительными. Конечно, она очень старалась вести приятные беседы, но в подсознании он часто слышал тихий голос, который указывал ему на то, что Гермера всего лишь выполняла задание и беседовала с ним только поневоле. «Кроме того, она вполне может оказаться глазами и ушами одного из моих врагов; так что будет лучше в ее присутствии попридержать язык».

Сарган вновь с большим трудом подавил зевок, однако это движение не осталось незамеченным. Дириец увидел, как его личный охранник, силк Балаос, нахмурил лоб, но потом тут же принял невозмутимое выражение лица. Мощный воин стоял возле входной двери, прямой как доска, глаза неподвижно смотрели вперед. Но тем не менее от него ничто не ускользало, тем более это маленькое отклонение от протокола его господина.

Собственно, Сарган надеялся на то, что чрезмерное слежение воина за соблюдением формальностей немного ослабнет, как только они покинут родину и окажутся в этой отсталой провинции. К сожалению, произошло скорее обратное. Будто Балаос хотел показать этим влахакам, насколько великой была Золотая империя, он следил за идеальным поведением своих воинов и сам словно олицетворял идеал силкских солдат: сознающих свой долг, стоических, жестких к себе и остальным. «И это было бы не так плохо, если бы при этом он оставил меня в покое. Вместо этого своим поведением он вынуждает меня вести себя так, как он».

Флейта затихла, и взгляд Саргана вернулся к Гермере, которая застыла в последней смиренной позе жертвенного танца. Тогда он щелкнул языком в знак одобрения, на что танцовщица застенчиво улыбнулась. «Побереги свой ложный стыд, милочка. Твои уловки не действуют на меня, — недовольно подумал Сарган. — Скорее всего, ты даже находишься на содержании у другого».

— Желает ли мой повелитель еще один танец? — спросила Гермера, не поднимая глаз.

На какой-то момент Сарган хотел было отказаться, но потом понял, что вместо этого она начнет разговор, а у него сейчас не было ни одной достаточно веской причины отказать ей в этом. Поэтому он благосклонно улыбнулся и кивнул.

Флейтист вновь заиграл, а танцовщица приняла исходную позицию танца неба и земли. Последовательность шагов в этом танце была очень сложной, как и вращающиеся движения, которые требовали хорошей координации и ловкости. Стало заметно, что танец несколько выше способностей Гермеры, так как она исполняла его не так искусно, и даже Сарган неопытным глазом заметил некоторые неточности. При этом, как Сарган с удивлением констатировал, этот танец казался более живым, чем предыдущий с его холодной точностью. Он оживленно следил за движениями Гермеры и был по-настоящему разочарован, когда открылась дверь и вошел солдат из его личной охраны. Юный силк осторожно обошел танцовщицу так, чтобы не мешать Саргану наслаждаться зрелищем, и подошел к Балаосу. Сарган смотрел на танец и при этом безуспешно пытался расслышать, о чем оба воина шептались. Наконец солдат, несколько раз поклонившись, вышел из зала, в то время как Балаос подошел к Саргану и поклонился.

— Один торговец желает показать вам свой товар, повелитель, — тихо сообщил охранник.

Это сообщение окончательно отвлекло Саргана от созерцания танца. Он с любопытством посмотрел на Балаоса, выражение лица которого осталось бесстрастным.

— Я хочу лишь фрукты. Все другое у меня есть в полном изобилии.

— Он торгует фруктами.

Такое уточнение вызвало улыбку у Саргана. Хлопнув в ладоши, он привлек к себе внимание музыканта и танцовщицы, которые застыли посреди движения.

— К сожалению, я должен прервать вас. Вы можете удалиться.

Не говоря ни слова, оба покинули зал с опущенными головами. «Но когда-нибудь Гермера обязательно должна будет дотанцевать этот танец до конца, — решил про себя Сарган. — Он был гораздо интереснее, чем все предыдущие».

Пока Балаос сообщал об этом охранникам перед дверью, Сарган поправил свою одежду. Два широких борта его одежд с вышитыми золотом символами империи лежали не совсем ровно на его груди, что он быстро исправил. Затем он снова откинулся на спинку и подождал, пока откроется дверь и в зал согнувшись войдет маленький влахак. У мужчины были коротко подстрижены волосы, а в руке он держал корзину со свежими фруктами.

Приветливо улыбаясь, Сарган подозвал его жестом, не обратив при этом ни малейшего внимания на фрукты. Влахак тоже просто поставил корзину на пол и так близко подошел к Саргану, что тот услышал резкий запах его тела. Такая физическая близость была неприятна дирийцу, и он правой рукой схватился за рукоять кинжала, который был спрятан в широких складках его рукава, хотя продолжал улыбаться. Влахак хотел было уже начать говорить, но тут его взгляд упал на Балаоса, который снова занял свою позицию у двери, неподвижно уставившись перед собой.

— Не беспокойся. Моя охрана не только глуховата, но еще и слишком ограничена, чтобы понять твои слова, — заявил Сарган несколько громче, чем было нужно, и порадовался, заметив, как слегка дрогнула рука Балаоса.

Скептическое выражение лица влахака не изменилось, и он заявил с очень важным видом:

— Я получил новости.

Сарган подождал немного и, поскольку тот продолжал молчать, посмотрел на него.

— Да, я так и подумал. А какие? — наконец поторопил он его, стараясь при этом, чтобы его тон остался равнодушным.

«Здесь даже влахакские крестьяне гордые и упрямые, и если я буду подгонять его, то он может так ничего и не рассказать мне, пока Балаос не покажет ему свои семь методов, с помощью которых можно получить ответ от любого не желающего говорить».

— Ваша верная слуга Скилои передает вам свои приветствия, господин, — заговорщицким тоном начал влахак. — У нес есть вести о событиях на востоке.

Снова наступило молчание. Однако на этот раз Сарган уже потерял терпение.

— Да? Говори дальше, пока я все не узнаю.

Влахак обиженно потер шею, но продолжил:

— Первым делом я должен сообщить вам, что лисица жива. К тому же дракон восстал, так как опасается предательства со стороны ворона и грифа, а на юго-востоке имеют место нападения троллей. Дракон думает, что они посланы вороном. Ваша слуга думает, что дракон будет яростно сражаться в своем слепом гневе.

— А ведь о драконах так и говорят, правда? — прервал Сарган его доклад. — Что их гнев необузданный?

— Так говорят, — с важным видом ответил влахак.

У Саргана внутри даже что-то дрогнуло, но он махнул рукой, чтобы тот продолжал.

— Однако дракон склоняется перед желаниями неба и земли и будет следовать им.

— Это все?

— Все, что мне было поручено передать вам, господин. Мне сказали, что вы мне

заплатите?

На мгновение у Саргана появилась соблазнительная мысль отдать этого человека Балаосу, чтобы тот просто убил его. Эта идея была очень привлекательной. Но потом дириец сказал своему охраннику:

— Выведи его и заплати ему. А потом пришли мне церемониймейстера.

Когда Балаос вышел из зала для выполнения его поручений, Сарган на короткое время остался один. Вздохнув, он потянулся и попытался усесться поудобнее, чему несколько мешали его тяжелые одежды, которые были очень жесткими из-за толщины ткани и золотых нитей. А голова тем временем наполнилась мыслями. «Значит, Висиния пережила нападение на Турдуй. Разве не говорят, что лисиц почти невозможно убить, так как они всегда находят себе лазейку, чтобы уйти?» Дириец самодовольно провел рукой по своим волосам, благодаря рыжему цвету которых его тоже не раз называли «лисом». «В любом случае Стена очень порадовала бы эта новость. К несчастью, из-за его поспешного отъезда я теперь не могу сообщить ему эту радостную весть».

Тут дверь снова открылась, и в зал вошел Балаос, а за ним и церемониймейстер Аттага, которая с неприкрытым любопытством рассматривала своего господина, как с легким удивлением заметил Сарган. Когда она увидела его улыбку, то быстро опустила взгляд и с покорным видом подошла ближе. «Меня заверяли, что ты верна мне, — подумал Сарган. — Но в моем положении слепая вера опасна. И не важно, с какой стороны идут заверения в лояльности».

— Я получил новости от нашей делегации при дворе марчега Ласцлара, — сообщил Сарган своей подчиненной.

Аттага все так же держала глаза учтиво опущенными, но Сарган отчетливо почувствовал их вопросительный взгляд. Возможно, Балаос действительно еще ничего не рассказал ей. Это могло говорить о том, что они не были заодно. Или же они просто слишком хитры.

— Марчег Ласцлар явно чувствует угрозу от предстоящего союза между воеводой Ионной и марчегом Гиулой. Но он заверил Скилои, что желает договора с Золотой империей. Получается, что теперь у нас появилось две возможности выполнить свою миссию.

— Ситуация постоянно меняется, повелитель.

— К сожалению, да. Но ведь Золотой империи все равно, кто победит в этой войне. Так что все стороны в равной степени заверили нас в своей готовности.

— Но доверяем ли мы также всем сторонам?

— Я не могу оценить марчега Ласцлара, так как не знаю его. Однако сообщение Скилои указывает на то, что она верит его слову. Влахаки тоже заинтересованы в торговых отношениях с Золотой империей, да они и должны быть заинтересованы, это благоразумно с их стороны. И марчег Тамар, наследник одной из стран, которая захвачена сейчас врагом, объединился с влахаками. Если он победит, то ему понадобится любая помощь, которую он сможет получить.

— Дерева в этой стране предостаточно, — констатировала Аттага, а Сарган услышал в ее голосе оттенок презрения.

До сих пор церемониймейстер еще ни разу не бывала за пределами Золотой империи. И даже если она никогда не жаловалась, время от времени Сарган замечал, что она в ужасе от грубых нравов в стране Ардолия. «Проблема в том, что она всю свою жизнь провела в столице, Колхасе. Она даже не была в провинциях. А по сравнению с некоторыми провинциями Дирии Ардолия выглядит не так уж и плохо. Если, конечно, любишь грязь и опасные леса».

— К сожалению, народ влахаков боится леса; поэтому здесь будет не так-то просто получить это дерево.

— А марчег Ласцлар?

— А масриды берут себе все, что хотят. Он об этом даже не будет задумываться.

— Тогда для нас будет более выгодна его победа.

На что Сарган возразил с бесстрастным выражением лица:

— Но наши отношения с влахаками лучше. Мы не можем сказать, насколько хорошо марчег Ласцлар будет выполнять договор. У всего есть свои преимущества и недостатки.

— Кто хочет осла без малейшего изъяна, тот идет пешком, — сказала Аттага, на что Сарган невольно усмехнулся.

В последние годы в Золотой империи эта старая поговорка стала фактически крылатым выражением. В сложной политике двора редко бывали ситуации, которые хотя бы одному из ее участников давали только выгоду. Весь этот клубок интриг давно превратился в запутанную сеть, в которую очень легко мог попасть каждый. Поэтому постоянно нужно было оценивать получаемые преимущества по сравнению с неизбежными потерями. «Вот теперь и я спрашиваю себя, кто из спорящих сторон здесь осел, на котором мы поедем».

Хотя церемониймейстеру не позволялось смотреть в лицо легата, казалось, что Аттага заметила задумчивую улыбку на губах Саргана, так как почти незаметно она замерла.

— Должна ли я подготовить послание?

Сначала Сарган хотел согласиться с ней, но затем передумал.

— Нет. Как ты говоришь, ситуация постоянно меняется. Пока что нам еще не виден результат, и мне бы не хотелось через какое-то время корректировать свои сообщения. Но позаботься о том, чтобы у нас были свои глаза и уши на улицах больших городов. Я хочу знать, что думает простой народ о войне, союзе и обо всей этой запутанной ситуации.

— Конечно, повелитель.

— Ты можешь удалиться.

Аттага молча попятилась до середины зала, чтобы там ненадолго преклонить колени, после чего вышла, оставив Саргана наедине со своими мыслями.

— Должен ли я позвать наложницу? — раздался вдруг низкий голос охранника.

Сарган рассеянно взглянул на него и покачал головой.

— Нет. Мне нужно подумать, так что не мешай мне.

Если такое замечание и задело силка, он не подал виду. Сарган раздраженно посмотрел на большого воина в золотых доспехах, который только тогда показывал бессловесную критику поведения Саргана, когда легат не мог упрекнуть его в этом. «Давай уже, можешь скривиться», — подумал дириец, но Балаос не доставил ему такого удовольствия. Тогда Сарган прогнал от себя все мысли о солдате и снова сконцентрировался на проблемах, которые сейчас были перед ним. «Аттага хотела послать сообщение. Надеялась ли она на то, что я соглашусь с ней, а потом мне придется исправлять его? Тогда могут появиться сомнения в моей полезности. Хочет ли она подорвать таким образом мой авторитет?»

Вздохнув, Сарган потянулся за кувшином с медовым напитком, который стоял рядом с его диваном. Во-первых, ситуация в Ардолии была гораздо сложнее, чем он ожидал, во-вторых, ему грозят интриги со стороны его собственной делегации. «Я не должен называть эту страну Ардолией, — поправил дириец сам себя. — Здесь она называется Влахкисом. Кроме того, когда-то она была провинцией Влахкис. И только потому, что масриды называют так эту страну, я не должен делать точно так же. Иначе получается, что я признаю их притязание на это». Это все еще было больным местом влахаков. Было бы гораздо разумнее пересидеть войну, дождаться ее исхода и уже потом вести дела с ее победителем. Однако Сарган слишком хорошо знал, что вряд ли победа будет однозначной и окончательной. Скорее всего, это снова будет тлеющий конфликт. И тогда обе стороны придется рассматривать как равнозначные для империи. «Если только Золотая империя не решит поддержать какую-то одну сторону. Но тогда возникает вопрос, чье слово будет признано более веским — мое или шпионов в моей делегации, которые передают свои сведения в другие места. Если бы все зависело только от меня, то тогда я бы просто помог Стену и бывшему мятежнику и тем самым создал факты. Но если я поставлю не на того, то значит я добровольно засуну свою голову в петлю, которой меня привяжут к колесу».

Дириец невольно пожалел о старых временах, когда его задания хоть и были опасными, но он, по крайней мере, знал, откуда ждать предательства. Теперь же ему приходилось

бороться с интригами двора, которые были настолько всеобъемлющими, что простирались далеко за пределы страны до самого отсталого Влахкиса. «Нужно тщательно взвешивать каждое слово, а каждое движение продумывать до самых мелочей. Потому каждая ошибка может стать еще более смертоносной, чем разъяренный тролль. Ну, ладно, такой же смертоносной», — подумал Сарган, вспомнив о мощной силе Парда и о пресловутом плохом нраве троллей.

Неожиданно дверь вновь открылась, и Аттага вернулась в зал. Сарган понаблюдал за коротким разговором шепотом между нею и Балаосом. После чего она пошла через зал быстрее, чем это разрешалось по протоколу, и даже подняла взгляд. Сарган удовлетворенно наблюдал за этим нарушением протокола с высоко поднятой бровью, заметив это, церемониймейстер сразу же опустила голову. Вероятно, то, что произошло перед этим, привело ее в замешательство, так как для начала она смогла пролепетать лишь извинения:

— Я прошу прощения, повелитель.

— Прощаю, — великодушно ответил Сарган.

Такое поведение может повлечь за собой даже физическое наказание. «Но теперь она чрезвычайно обязана мне».

— Есть новости. Только что прибыл гонец с востока.

— Сообщай.

— Воевода вместе с марчегом Тамаром приняла бой. И их объединенная армия потерпела поражение; скорее всего, воевода погибла. Здесь сообщение несколько неточное, гонец в замешательстве. Но марчег Ласцлар преследует остатки объединенной армии и хочет завершить войну одним решительным ударом.

Оттенок торжества промелькнул на лице церемониймейстера, когда Сарган с каменным лицом слушал новости. «Кажется, боги повернулись против влахаков. Но, по крайней мере, Аттага проявила себя как сообщник одного из моих врагов. Что же мне теперь делать?»

— Нам нужно больше сведений. Удвой свои старания, чтобы получить их, — приказал он дирийке и отпустил ее.

«Неужели Ионна могла не победить? Теперь мое положение становится еще более щекотливым, когда Аттага знает о моей связи с влахаками. Мне нужно время».

— Позови наложницу, — приказал дириец охраннику и подпер рукой подбородок.

Хотя его лично такие новости и не касались, ситуация все равно развивалась не так, как ему хотелось бы.

39

Флорес молча позволила вывести себя из шатра, при этом она пыталась, несмотря на абсолютную наготу, сохранить остатки достоинства. Оба сцарка, заламывавшие ей руки за спину, тоже не говорили ни слова. Влахака внимательно осмотрела лагерь, но кроме нескольких костров ничего не заметила.

— Хоть один писк, и мы заколем тебя прямо здесь, — прошипел ей на ухо один из них. — Наши воины здесь повсюду, в каждой палатке; так что звать на помощь бесполезно.

Острие короткого меча царапало ей кожу, подчеркивая всю серьезность угрозы. По спине у нее бегали мурашки, так как в любое мгновение она ожидала смертельного удара. Мышцы были напряжены, а дыхание прерывисто. Тем не менее ее дух оставался на удивление спокойным, словно он уже принял вероятность скорой смерти.

Сцарки отвели ее за шатер. Здесь было почти совершенно темно. Шатер загораживал свет луны, и только несколько звезд дарили свой свет. Удар под коленку заставил Флорес упасть на колени. Чья-то рука схватила ее за плечо и пригнула к земле.

— Хочешь первым?

Хотя этот вопрос и дошел до ушей Флорес, но она осталась спокойной, так как услышала позади себя звук меча, который засунули в ножны.

— Это честь, ты знаешь? Сначала марчег, а теперь ты, — заявил один из воинов.

Другой противно захихикал, схватил Флорес за волосы и резко рванул ее голову назад.

— Он больше не марчег. Он предатель!

Оба сцарка уставились на нее с большой ненавистью и не заметили, как Флорес сжала кулаки. Наконец они отпустили ее волосы, и один начал развязывать свои доспехи, в то время как другой держал клинок у горла Флорес. Не медля больше ни секунды, она подскочила и схватила руку с оружием. От неожиданности сцарк отшатнулся, однако Флорес уже схватила его за запястье и резко перекрутила. Лезвие полоснуло ее по предплечью, но потом она услышала хруст костей, когда зажала его руку под мышку и резко надавила на нее в сторону. Оружие выпало из обессиленных пальцев. Однако прежде чем оно успело упасть на землю, Флорес подхватила его. Захват и слабый удар откинули сцарка назад. Он уставился на нее расширенными от боли глазами. Другой с открытым ртом вытащил меч из ножен, однако Флорес уже подскочила к нему и вонзила добытый клинок ему в живот, как раз туда, где открывалось незащищенное место в доспехах. Не обращая внимания на кровь, которая брызнула на ее пальцы, она вытащила оружие, отчего захлебывающийся в крови сцарк упал на землю. До сих пор ее разум сохранял ледяное спокойствие. Потом она услышала шаги поспешно удаляющегося сцарка, прижимающего поломанную руку к груди. Тут он споткнулся о веревку шатра и упал, и Флорес прыгнула на него.

«Нет» было его последним словом, когда клинок вонзился ему между шеей и плечом. Ноги еще дергались, но жизнь его уже покинула, когда Флорес поднялась. Неожиданно все ее чувства вернулись. Сначала на нее нахлынула волна страха, которую сменило облегчение, а потом пришел гнев. Где-то со стороны реки раздался смех, и неожиданно пришла мысль, которая вырвала ее из этого оцепенения: «Тамар! Я должна помочь ему!»

Она поспешно переступила через труп и вонзила меч в полотнище шатра. Быстро разрезав его, влахака вскочила в образовавшееся отверстие.

И еще до того, как ее глаза привыкли к изменению освещения, Флорес побежала к маленькой группе возле ложа, которую ей удалось рассмотреть лишь частично. Кто-то закричал, от группы отделился один из силуэтов, кинулся к ней и споткнувшись упал на пол. Она узнала Тамара. «О духи! Только не дайте мне опоздать!» — в отчаянии подумала Флорес. Одним прыжком она подскочила к группе, отбила один клинок и увернулась в сторону. Её оружие попало в грудь одному из противников, но лишь царапнуло доспехи воина. Затем к ней подпрыгнул другой, замахнулся на Флорес, но она резко пригнулась. Она быстро огляделась; два противника в доспехах в таком ограниченном пространстве представляли собой смертельную ловушку, но она не могла отступать. Она сымитировала удар левой и бросилась вправо. С трудом ей удалось уйти от мощного удара. Пока она правой наносила ответный удар, чтобы обеспечить расстояние, левой схватила чашу с огнем и швырнула ее во врагов.

Краем глаза она увидела Одена, который кинулся на нее с поднятым клинком, но темный силуэт набросился на сцарка и прижал к полу. Флорес перескочила через поваленный столик. Справа она увидела мелькнувший клинок, но удар был плохо нацелен. Влахака пригнулась. И пока противник по инерции своего удара пронесся несколько шагов вперед, ударила его мечом под руку. Ее клинок скользнул под мышку, где доспехи не защищали его, и вонзился туда. Противник со вздохом отчаяния повалился на пол, послышались невнятные обрывки молитвы, и потом он захлебнулся кровью.

Последний враг еще бил себя рукой в перчатке по голове, пытаясь сбить с волос тлеющие угольки. Он увидел приближение Флорес и отшатнулся назад, угрожающе подняв короткий меч. Влахака пошла в быстрое наступление, сбив его меч сбоку. Он медленно парировал удар, клинки скользнули друг по другу. Еще в движении Флорес подпрыгнула вперед, ударила его кулаком в кадык, отчего он содрогнулся и перестал следить за ее оружием. Его глаза широко раскрылись, когда ее клинок вошел ему в живот. Флорес смотрела на него, пока он молча оседал на пол со все так же расширенными глазами, словно не мог понять, что произошло.

Влахака быстро огляделась. На полу на спине лежал Оден, над ним Тамар, который с

мрачным видом прижимал кинжал к горлу сцарка. Одену пока еще удавалось удерживать острие на расстоянии от своей шеи, но Флорес видела сильные мускулы рук Тамара, когда тот налегал на оружие и оно опускалось все ниже и ниже.

— Покойся с миром, — наконец сдавленно прошипел Тамар, когда металл дотронулся до кожи.

Лицо сцарка покраснело от напряжения, но все его старания были напрасными. Кинжал опускался все ниже, пока сопротивление неожиданно не ослабело. Клинок под весом Тамара без труда прошел сквозь кожу, хрящи и кости. Лицо Одена расслабилось. Тамар с трудом поднялся, на мгновение ноги его подкосились, но он оперся о стойку шатра и выпрямился. Его взгляд упал на Флорес, однако он словно не узнал ее. И только медленно чувства начали возвращаться к нему, пока он не вдохнул шумно, а потом тихо выругался.

— Проклятый сцарк! Я не могу в это поверить!

— Лучше тебе в это поверить, — сказала Флорес, которая и сама тяжело дышала, сидя на полу.

Неожиданно ситуация предстала перед ней во всей ясности.

Она была голая, залита кровью, и с большим трудом ей удалось избежать смерти. Перед ней стоял Тамар, марчег масридов, который, наверное, еще никогда в своей жизни не был так близок к тому, чтобы потерять корону и жизнь. В полном изнеможении она подняла свои штаны и надела их.

— Палачи Одена сказали, что у них по всему лагерю есть свои воины. Так что, возможно, еще не все кончено.

Тамар устало провел рукой по своим коротко подстриженным волосам и удивленно посмотрел на кровь на руке.

— Будет лучше подвязать его за ноги и оставить на съедение ворон!

— Наверное. Но сначала нам нужно будет пережить эту ночь.

Ее слова, казалось, окончательно вернули марчега в реальность. И хотя его лицо все еще искажала ярость, он кивнул и, последовав примеру Флорес, тоже оделся. Ему потребовалось несколько попыток, чтобы правильно надеть камзол. Флорес тоже дрожала всем телом. Благодаря своему хладнокровию она ушла от верной смерти, однако теперь ощущения и реакции все же догнали ее. Тем не менее она нашла в себе силы, чтобы взять кружку и залить водой места, где тлеющие угольки попали на соломенные подстилки.

— Ты должна перевязать это, — посоветовал ей Тамар, показав на глубокий порез на предплечье Флорес, о котором она совершенно забыла.

Пока она отрывала кусок ткани от своей рубашки и перевязывала им рану, Тамар накинул доспехи через голову и начал закреплять застежки.

Хорошо обработав рану, Флорес натянула рубашку и сняла с одного из трупов доспехи, которые хоть и были велики на нее, но все равно были лучше, чем полное отсутствие защиты.

— Дай я осмотрю твою голову. А то кровь заливает тебе глаза.

Оторвав еще один кусок ткани, она перевязала рану на лбу Тамара.

— Это портит мой внешний вид или нет? — слабо попытался пошутить Тамар, но Флорес и бровью не повела.

— Нам нужно исчезнуть через новую заднюю дверь, — предложила влахака, пытаясь получше подогнать кожаные доспехи. — Мы пойдем в наш лагерь и разбудим несколько влахаков. А потом…

Тут боярыня замолчала, заметив мрачный взгляд Тамара. Марчег сжал кулаки и покачал головой.

— Бежать? От моих собственных людей? От этих мешков с дерьмом?

Он жестом показал на всех мертвых, что лежали на полу шатра. Перевернутый стол, воздух, насыщенный кровью, — все это больше напоминало поле боя, чем обычный шатер.

— Мы не знаем, сколько еще людей Одена снаружи, — заметила Флорес.

— Я не буду бежать, — ответил Тамар и надел свой пояс для оружия. — Но если

хочешь, госпожа Флорес, то ты, конечно, можешь уйти.

— Эй! — запротестовала влахака. — Не обращайся так со мной! Мы оба здесь попались, уже забыл? Оден хотел убить меня так же, как и тебя.

Сначала Тамар, казалось, хотел возразить, но потом кивнул. С мрачным выражением лица он вышел из шатра и громко крикнул:

— Кевес! Маиска! Рурьос!

Флорес стала сзади марчега и положила руку на рукоять меча, который просто засунула за пояс. «Трижды проклятый упрямец. Если у Одена достаточно много последователей, то тогда мы здесь словно разоблаченные шарлатаны на сцене!»

Послышался шум, люди начали громко переговариваться в палатках. С правой стороны к ним устремились несколько воинов в доспехах, с оружием наготове. Но когда они увидели Тамара, то замедлили шаг. Марчег выглядел спокойным, почти хладнокровным. Его высокомерный взгляд скользил по воинам, не задерживаясь, словно они все были ниже его. Неуверенно группа попыталась заглянуть в шатер; один прошептал что-то, затем они все-таки вышли вперед, опустив оружие, но все еще держа его в руках.

— Вецет? — раздался сонный голос Кевеса, который вышел из своей палатки, явно одевшись лишь наспех.

Вид полуголого мужчины заставил группу воинов замереть на месте. Их взгляды переходили то к Кевесу, то снова к Тамару, который производил дикое впечатление в одежде, заляпанной кровью, и с повязкой на голове. Когда Флорес заметила, как они шатаются, то широко усмехнулась и едва заметно покачала головой. Из других палаток начало появляться еще больше любопытных лиц, тут и там выходили мужчины и женщины, в замешательстве оглядываясь вокруг. Флорес видела доспехи и оружие, но вроде бы никто из воинов не собирался нападать на Тамара.

— Распорядись, чтобы явилась моя гвардия, — приказал марчег Кевесу. — И Рурьос!

С этими словами он развернулся и зашел назад в шатер, не удостоив больше и взглядом мятежных солдат. Флорес же осталась стоять перед входом и не спускала с них глаз, пока они не удалились, громко перешептываясь и жестикулируя.

— Что теперь? — спросила влахака, вновь присоединившись к Тамару, который ждал со скрещенными на груди руками.

Однако он не ответил. Пожав плечами, Флорес подняла с пола виноград, который был сметен со стола, и положила себе в рот одну из сладких ягод. Вскоре, слегка прихрамывая, в шатер вошла Маиска, а за ней и другие воины гвардии. Когда масридка увидела трупы, то тут же схватилась за оружие, но Тамар поднял руку.

— Они уже мертвы.

— Вецет, что произошло? — спросила Маиска.

В этот момент в шатер вошли Кевес и Рурьос. Дворянин побледнел, но больше не проявил никакого волнения. Тамар с презрением показал на тело Одена.

— Он хотел убить меня, баро. Он продал меня Сциласу.

Взгляд Рурьоса перешел от Тамара к Флорес, но он так ничего и не сказал.

— Вы знали, что он еще жив?

— Нет.

Оба мужчины долго пристально смотрели друг на друга. У Тамара ходили желваки, а Рурьос был спокоен. Наконец марчег отвернулся.

— Хорошо. Унесите их отсюда, когда в лагере станет поспокойнее, и закопайте. Лучше вместе с теми убитыми, которых сегодня оплакивали. Никакого шума, понятно?

Воины гвардии молча кивнули. Очевидно, они все еще были поражены видом трупов. Борьба в лагере между предводителями; переварить такое было сложно для воинов.

Теперь, когда опасность окончательно миновала, напряжение оставило Флорес, и она опустилась на подушки на полу и глубоко выдохнула. Неожиданно рана на руке начала неприятно жечь, и она все еще чувствовала холодное прикосновение острия меча на своей шее. Медленно и осторожно она взяла кружку воды, из которой еще недавно заливала

тлеющие угольки, и отпила большой глоток.

— Господин, — медленно начал Рурьос. — Я держу свое слово. Я обещал вам свою лояльность, и мое слово дороже мне, чем моя жизнь. Если вы сомневаетесь в этом…

Тамар устало потер глаза и отмахнулся.

— Нет, Рурьос, это была моя ошибка. Я хочу попросить у тебя прощения. Я устал, и это трусливое нападение поразило меня. Если бы Флорес не было рядом, то сейчас не Оден, а я лежал бы здесь мертвым.

— Предательство может подстерегать везде, — глухо ответил дворянин.

Склонив голову, он повернулся к Флорес:

— Я благодарю вас за то, что вы спасли нашего господина.

«Его чрезмерную восторженность сложно вынести. Эти гранитные головы еще не раз заставят Тамара подпрыгивать на месте». Влахака громко зевнула.

— Я думаю, будет лучше, если я удалюсь сейчас. Завтра наступит очень скоро, а у нас впереди напряженный день.

С этими словами она встала и потянулась. Все взгляды были устремлены на нее, она еще раз зевнула, делая вид, будто не замечает всего этого. Тамар кивнул ей, и в первый раз с момента появления Одена на его лице появилась едва заметная улыбка. Флорес тоже кивнула в ответ и вышла из шатра.

— Отправьте завтра утром гонца на юг, госпожа Флорес, — крикнул ей вслед марчег. — Нам нужно встретиться с солдатами Ионны южнее реки.

Не отвечая, Флорес зашагала через масридский лагерь, который сейчас весь взбудоражился, когда новости начали распространяться от палатки к палатке. Воины стояли между палаток и разговаривали, вновь зажгли костры. На востоке показалась первая серебристая полоска, предвестница наступающего дня. Уставшая, но полная странной ясности, Флорес шла в направлении лагеря влахаков.

40

После каждого успешного нападения у троллей всегда было хорошее настроение. Для Анды этого теперь уже было недостаточно. Карлики спрятались в своих норах и выжидают. В настоящее время от них не исходило никакой опасности. Только проклятый небесный свет мешал тролле оттеснить людей так же, как она это сделала с карликами. Поэтому, пока другие тролли вокруг нее смеялись и разговаривали, ее настроение заметно ухудшалось. Пард со своим племенем исчез, словно сквозь землю провалился. Турку тоже до сих пор удавалось уходить от ее нападений. Другие племена были изгнаны, истреблены или присоединились к ней. «Наша родина принадлежит нам, мы господствуем над всем, что есть под этими горами».

Однако осознание этого не принесло радости Анде. Она не хотела властвовать, не хотела быть свободной. Он жаждала лишь бороться, убивать, пока враги все до единого не будут пойманы и истреблены.

— Над чем вы так смеетесь? — прикрикнула она на своих троллей. — Что здесь такого веселого?

— Мы убили людей, — объяснил Сбои причину своего хорошего настроения. — Раздробили их кости, а мясо съели. Разве это не хорошо?

— Подумаешь!

Анда громко фыркнула. Другие тролли удивленно посмотрели на нее. Она медленно поднялась во весь рост. Она знала о власти и силе, которую излучало ее тело. Оскалив зубы, она развела руками и медленно очертила круг. Ее взгляд при этом не отрывался от троллей, которые следовали за ней, — все сильные охотники, все настоящие тролли.

— Мы убили пару людишек.

Тролли, словно заколдованные, следили за ее губами, ловя каждое слово, которое они произносили.

— Но там, наверху есть еще очень много этих людишек. Сотни, и сотни, и сотни, и еще больше. Они сидят в своих домишках и смеются над нами! Они едят мясо и смеются над нами! Они называют нас слабыми!

— Нет! — зарычали некоторые.

— Они называют нас трусливыми!

Голос Анды гремел над троллями, отчего сотрясались камни. Ее голос наполнял все болезненной вечной яростью, которая горела в ней.

— Они высмеивают нас!

Тролли повскакивали. Они задрали головы и стали гневно реветь, потрясая кулаками и топая ногами. Анда позволила им проявить свою ярость, пока шум постепенно не затих.

— Они думают, что могут убить нас. Изгнать нас. Сожрать наше мясо!

Теперь молчали все, смотрели на троллу, которая подняла вверх свои мощные руки и ударила по потолку. Сверху посыпалась пыль, и несколько осколков скалы упало на пол.

— Но мы не такие, как они думают! Мы сильные! Мы опасные! Мы — тролли!

После этих слов моментально поднялось ликование. Тролли гордо били себя кулаками в грудь, кричали, ревели и выли в торжестве. Снова Анда подождала, пока они немного успокоятся.

— Мы — охотники. Так что за дело! Мы не дадим им наслаждаться спокойствием, безопасностью. Мы разломаем их каменные домики, разобьем их железные доспехи, мы убьем их всех!

С этими словами она сорвалась с места и понеслась по темному туннелю, который вел на поверхность. А бушующие тролли вновь превратились в тихих, почти бесшумных охотников, которые повсюду следовали за своей предводительницей. Анда слышала их чувства, которые были созвучны биению сердца. Ненависть, гнев, презрение. «Настоящие тролли», — довольно подумала Анда.

Однако неожиданно к биению сердца мира добавилось еще что-то, новая нота, едва уловимая. Почти бессознательно Анда поменяла направление и последовала за этим новым звуком.

41

Вода без остановки барабанила по палатке. С тех пор как гроза достигла и равнины между гор, дождь стал постоянным спутником солдат. К счастью, самый сильный шторм миновал, всю ночь оба лагеря трепали шквалы ветра, молнии и удары грома. Но потом остался лишь дождь, постоянный поток больших холодных капель, которые за короткое время могли промочить марширующего солдата просто насквозь.

Флорес задумчиво выглянула из палатки в серый, грязный мир. От жары не осталось и следа. Вода буквально вымывала землю. Уже несколько раз обрушивались палатки, колышки которых не держались в размытой земле. Воины попрятались по своим палаткам, и под дождем остались мокнуть только те, кому не посчастливилось сейчас нести вахту. Они стояли на своих постах, завернувшись в плотные плащи, натянув капюшоны почти на все лицо. Но даже если плащи были вощеными, капли дождя все равно умудрялись находить путь к коже, как Флорес хорошо знала по собственному опыту. Ветераны стояли в характерных позах, с высоко поднятыми плечами, голова слегка наклонена вперед, чтобы по возможности продержаться все время вахты, не намокнув. Состоятельные воины носили пропитанные жиром кожаные плащи поверх одежды из толстой шерсти, но большинству приходилось довольствоваться обычными плащами из войлока.

Картина лагеря угнетала Флорес, поэтому она вновь вернулась к себе в палатку, которая согревалась чашей с огнем. Влахака со вздохом опустилась на стул и попыталась игнорировать холод в ногах, где сырость постепенно начала пропитывать ее забрызганные грязью сапоги.

И только когда снаружи послышались крики, Флорес снова поднялась и выглянула

наружу. В центр лагеря медленно ехала на лошадях маленькая группа. Животные опустили головы, и их мокрые гривы усиливали печаль, которую они вызывали. Сами всадники были одеты в дорогие плащи, которые свидетельствовали о том, что их владельцы не были простыми солдатами. Наконец Флорес удалось разглядеть лицо предводитель, который в данный момент слезал с коня. Она радостно шагнула вперед, чтобы поприветствовать Неагаса, но дождь остановил ее и заставил дожидаться ветерана под небольшим навесом над входом в ее палатку. Тот тут же прямиком направился к ней и скинул капюшон, только когда вышел из-под дождя. Старый вояка казался на удивление свежим, констатировала Флорес. «Нет. Это просто мы здесь все смертельно устали. Я уже давно не видела ни одного отдохнувшего лица».

— Боярыня, — поприветствовал ее Неагас и печально улыбнулся. — Новости, которые мы получили, были горькими.

— Да, — согласилась с ним влахака и отошла в сторону. — Но вы сначала проходите и согрейтесь. От такой погоды можно продрогнуть до самых костей.

Пока Неагас вместе со своей свитой входил в палатку, Флорес попросила одного из воинов принести им кувшин с теплым глинтвейном. Гости собрались вокруг огня и сняли свои мокрые плащи. Флорес быстро подбросила в чашу еще несколько угольков, и уже скоро от одежды воинов начал подниматься пар, а в палатке стало заметно теплее.

И только когда принесли ароматный глинтвейн, Флорес начала разговор:

— Нам нужна ваша помощь, Неагас.

Старый воин только кивнул и отпил немного теплого вина, от которого лица вновь прибывших сразу порозовели.

— Сцилас отрезал нам путь в Теремию. Но, возможно, для этого обсуждения нам надо позвать марчега Тамара. Эти новости ему тоже будут интересны.

— Наверняка. Однако сначала мы должны обсудить нужды нашего народа.

Флорес озадаченно посмотрела на старого воина. В его длинных волосах уже было много седых прядей, глубокие морщины покрывали лицо, однако глаза оставались ясными и проницательными, как и раньше. Неагас жестом приказал своим воинам покинуть палатку. На мгновение во Флорес поднялась паника, когда она вспомнила о предательстве Одена, однако затем она также вспомнила о том, как Неагас много лет назад учил ее верховой езде. Тогда влахак был всего лишь ротмистром воеводы, ответственным за конюшни в Дезе и обучение верховой езде. Флорес до сих пор помнила, как он строго, но понятно посвящал ее и Стена в тонкости боя на лошадях и тактики масридов. Поэтому она даже не могла представить себе, чтобы в сердце Неагаса могло созреть предательство.

— Закат дома сал Сарес поставил нас в удручающее положение, — заявил ветеран, когда его солдаты заняли пост у входа в палатку. — Воины без четкого руководства. У народа в стране скоро возникнет вопрос о том, что происходит.

— Вы правы. Однако нам надо прояснять более срочные вопросы вместо того, чтобы думать о наследниках воеводы Ионны, — наморщив лоб, перебила его Флорес.

— Нет, — решительно возразил Неагас. — Люди уже сейчас нуждаются в твердой руке, которая будет руководить ими. Иначе все это войско просто разбежится. Если воины будут и дальше оставаться в неведении, то очень скоро появятся первые дезертиры.

— Ну, хорошо. Что вы предлагаете?

— Вы принимаете на себя командование, в том числе и официально, при согласии и благословении всех нас.

Сначала Флорес подумала, что воин решил пошутить. Но когда она увидела серьезное выражение его лица, то смех замер у нее в горле.

— Я?

— Да. Вы сестра Стена сал Дабрана, то есть являетесь близкой родственницей дома сал Сарес. Вы — боярыня Дабрана. И вы вели солдат во время побега. Все говорит в вашу пользу.

— Вы что, с ума сошли? Только из-за того, что я сестра Стена, я еще далеко не

властительница всех влахаков! — возмутилась Флорес. — А как же вы сами?

— Я не являюсь хозяином даже одного сарая, уже не говоря о земле. Я — воин, который может вести в бой людей и лошадей, не более того. Мое притязание можно будет легко оспорить; а за время своего служения я заработал себе среди советников Ионны не только друзей. Так что я совсем не хороший предводитель.

— Глупости!

— Нет, боярыня. Вы — гораздо лучший выбор. И после всего, что я слышал, вы и так уже предводительница этого войска. Солдаты следуют за вами. Это у вас в крови.

Флорес сердито отпила глоток вина. «В крови! Что за бред!» Однако в аргументах ветерана действительно был смысл. Влахака с трудом могла возразить что-либо. При этом в ее мыслях все восставало против того, чтобы взять в свои руки судьбу воинов и одной нести полную ответственность.

— У меня годами не было никаких контактов с вольными влахаками. Мне не доверяют.

— Имя вашего брата придаст вес вашему притязанию.

— Спасибо, — с сарказмом ответила Флорес. — Приятно осознавать, что мне доверяют эту задачу, так как мой брат долгое время провел в ямах!

На этот раз лицо Неагаса совсем помрачнело. Ветеран начал нервно ходить по палатке взад-вперед. Потом он резко остановился и показал пальцем на Флорес:

— Вы сопротивляетесь, потому что боитесь!

— Никогда! — рассерженно крикнула влахака.

По ее телу разлилось странное тепло, и она почувствовала, как дрожат ее пальцы.

— А почему же тогда?

— Потому что я совсем не предводительница. Я — простой воин, не более того. И я совершенно случайно оказалась замешанной в это дело!

Тем временем жара в палатке стала невыносимой. Они замолчали, и тишину нарушали лишь шуршание дождя и треск огня. Неагас все еще пристально смотрел на Флорес, которая выдерживала его взгляд. И только когда ветеран вновь заговорил, он опустил глаза.

— Неужели вы думаете, что Стен стремился к власти? Или вы думаете, что он просто всегда слишком сильно осознавал свой долг, чтобы отказаться от такой ответственности? Он никогда не страшился выполнять то, что должен был. Но, возможно, вы правы. Я лучше обращусь к Истрану. При моей поддержке он будет чувствовать себя достаточно сильным, чтобы обосновать свое притязание на управление страной.

Холод в его голосе заставил Флорес содрогнуться. И так как он уже хотел отвернуться, она быстро сказала:

— Подождите. Пожалуйста.

С вопросительным выражением Неагас посмотрел на нее. Флорес нервно перебирала пальцами, держа в руках кубок, отчего его содержимое слегка колыхалось.

— Истран не совсем подходящий человек для этого, — медленно начала Флорес. — Хотя я не думаю, что вы правы во всех своих предположениях, но, по крайней мере, в одном вопросе я согласна с вами: нам срочно нужен предводитель, чтобы моральный дух совсем не упал. Я никогда даже не представляла себе, что дело может дойти до такого, но если так должно быть, то я поведу солдат. По крайней мере, пока мы не пройдем все это и я смогу передать это право достойному преемнику.

И прежде чем Неагас смог сказать что-то, Флорес быстро продолжила:

— Мое слово имеет силу только на время этого похода. Я ни в коем случае не стремлюсь к господству над Влахкисом. Эта мысль уже сама по себе кажется мне… смешной.

— Конечно, — с поклоном ответил Неагас. — Нашей первоочередной задачей является защита Влахкиса. Это вне всяких сомнений. И для этого мы должны объединиться. Иначе любые другие шаги будут означать лишь наше падение.

— Об этом мы поговорим позже. Но я хочу знать, что вы будете всегда поддерживать меня, Неагас.

— Моя верность и поддержка с вами. Я опасаюсь лишь тех, кто стремится к власти, а не тех, кто ее отклоняет. И я верю, что вы та правопреемница, которую Ионна хотела бы себе, боярыня.

— Хватит комплиментов. Я попрошу марчега Тамара, чтобы он присоединился к нам и мы могли поговорить о наших дальнейших действиях.

Хотя ее мысли были в смятении, а душа полна противоречивых чувств, Флорес послала гонца к масридам. Она чувствовала, что еще не готова думать о последствиях беседы с Неагасом.

Мысль о назначении главнокомандующей солдатами казалась ей непреодолимой горой, на которую нужно было взобраться для начала. «Конечно, я вела солдат в бой. Так как я должна была; так как я случайно оказалась именно там. Если бы я не попала в волну той атаки, а сразу же вернулась к Тамару, то это сделал бы кто-то другой. Неагас абсолютно прав, когда говорит, что только имя Стена придаст веса моим словам». Флорес подумала о своем брате и его безумном походе с троллями. Где-то в стране Стен сейчас шел вместе с троллями. Возможно, он даже не знает о судьбе, которая постигла его народ. «Он бы вернулся, если б узнал. Что сказал старик? Стен никогда не страшился выполнять то, что должен был. Я его сестра, и я не хочу разочаровать его».

Такие мрачные мысли одолевали Флорес, когда в палатку вошел Тамар со своей дружиной. Хотя он двигался спокойно и важно, она увидела, что его штаны чуть ли не до пояса забрызганы грязью. «Такое впечатление, будто он бежал. Он не хотел намокнуть или так сильно хотел меня видеть?» — подумала про себя Флорес и скрыла улыбку, когда заметила взгляд Тамара. Марчег откровенно уставился на нее, и желание в его глазах напомнило влахаке о проведенной вместе ночи.

Неагас, который ничего не знал об этом, склонился в глубоком поклоне перед Тамаром. Он вежливо не обратил внимания на кровавый шрам на его виске и радушно поприветствовал юного марчега:

— Простите за беспокойство, марчег Бекезар, но боярыня и я посчитали за лучшее позвать вас на наше собрание.

— А вы кто?

— Неагас. Я служил воеводе Ионне как предводитель кавалерии.

Тамар с любопытством осмотрел палатку.

— А нас не слишком мало для военного совета?

Неагас согласно кивнул:

— Вначале у меня есть новость, которую я хотел бы сообщить только вам. И мы надеемся, что эта новость будет встречена вами с полным согласием, когда Флорес сал Дабран как законная правопреемница будет претендовать на титул воеводы.

— Я ни на что не претендую, — жарко прервала ветерана Флорес. — Это же вы предложили мне…

— Простите. Я знаю, что это я предложил вам, но вы действительно хотите, что мы повторили здесь весь этот разговор?

С этими словами Неагас многозначительно указал глазами на Тамара.

— Если я вас правильно понимаю, вы хотите, чтобы госпожа Флорес взяла на себя командование влахакским войском? — слегка растерянно спросил марчег. — Я считаю это отличной идеей. Это вполне подходит ей по праву, по рождению и способностям.

Флорес благодарно посмотрела на него.

— Тогда сейчас нам нужно согласовать наши совместные дальнейшие действия, о которых мы потом сообщим нашим командирам. Это сэкономит нам всем время и усилия.

— Я и забыл: воевода не любит военные совещания.

Флорес согласно склонила голову.

— Всему свое время. А сейчас давайте лучше в узком кругу подробно обсудим, какие вообще возможности у нас есть. Мне это кажется более плодотворным.

— Ну, хорошо. Сколько воинов находится в вашем распоряжении, Неагас? — начал

обсуждение Тамар.

Он снял с плеч мокрую накидку и повесил ее поближе к чаше с огнем на одну из стоек палатки. Марчег явно наспех накинул свой камзол с гербом, так как все его одеяние было настолько простым, насколько это возможно, за исключением тяжелой накидки с вышитым на ней грифом.

— Менее тысячи, — ответил Неагас, когда Тамар снова посмотрел на него.

— Слишком мало, — кратко прокомментировал Тамар. — У нас были очень большие потери. У Сциласа теперь больше солдат, и к тому же победа придала им сил.

— Две победы, — вмешалась Флорес, отчего Тамар болезненно поморщился.

— Да. Две победы. Конечно, можно победить и с меньшим количеством воинов, как это, впечатляюще доказал Сцилас, но я считаю, что мои воины сейчас не способны на это.

— Я еще ни с кем не говорил, — ответил Неагас. — Но, вероятно, вы правы. Принимать бой сейчас было бы очень рискованно.

— Что тогда остается?

— Нам нужно собрать рассеянные части нашей армии и объединиться. Во Влахкисе есть еще воины, которые раньше не последовали за Ионной или просто не смогли этого сделать. А как у вас?

Тамар задумчиво посмотрел в круг. Он качал головой, словно считал про себя своих воинов. Наконец марчег сказал:

— В Сиреве еще есть воины грифа. Но последуют ли они за мной, этого я не могу сказать. Некоторые — точно. Но для того, чтобы призвать их к оружию, потребуется время. Время, которого у нас нет.

— Ну, почему же, — с улыбкой возразил Неагас. — Нам нужно лишь достаточно долго уходить от марчега Ласцлара.

— А куда нам передвигаться? Ведь рано или поздно он заставит нас принять бой. Мы отрезаны от Турдуя и Теремии, и не в последнюю очередь рекой.

— А что с Брачацем? Может, мы застанем там Сциласа врасплох?

— В логове дракона? Невероятно. Хотите ли вы поставить все на один удар и отправиться туда? А что, если город достаточно хорошо защищен? Если нам сначала придется долго осаждать его, после чего мы станем легкой добычей его подоспевшего войска?

— А как с Дезой? — спросила Флорес, которую осенила одна неожиданная мысль.

Мужчины озадаченно посмотрели на нее. Немного помедлив, Тамар ответил:

— Слишком далеко отсюда. И к тому же мы всю страну оставляем незащищенной.

— Это так, — согласился с ним Неагас. — Поход будет трудным.

— Наша проблема состоит в том, что мы должны пережить не только Сциласа, но и зиму, — объяснила Флорес. В уме ее постепенно начал вырисовываться план, который она еще и сама не видела во всех деталях, будто в тумане. — Где у нас есть достаточно запасов для нашей объединенной армии? Здесь, на юго-востоке только в Брачаце. Теремия и Турдуй, два достаточно больших города, сейчас для нас недостижимы. Есть еще крепости и укрепленные города, но даже если мы будем окружены в одном из них, то может возникнуть опасность того, что у нас закончатся запасы посреди зимы. В прошлом году война уничтожила большую часть урожая, а в этом году было слишком жаркое лето.

— Но в Дезе-то погреба полны, — понял Неагас и посмотрел на Флорес с восхищенным блеском в глазах.

— И Деза неприступна. Это знает каждый. Одна эта мысль отпугнет Сциласа и в первую очередь его солдат. К тому же зимой, когда сама Мардева становится врагом. Ионна приказала соорудить там большие склады с припасами. Так что Сцилас не может рассчитывать, что победит такую армию, как наша.

— Но тогда мы оставляем незащищенной не только Сиреву, но и вашу собственную землю, — возразил Тамар. — Мы будем стоять там, как княгиня Ионна все прошлые годы: надежно защищенной в своей крепости. Но без земли!

— Совсем не обязательно. Осень не будет длиться вечно. Плохая погода и наступающая зима помешают Сциласу завоевать всю землю. Влахакам придется занять круговую оборону в замках и городах и надеяться на то, что смогут выстоять эту зиму. А вот весной… весной мы соберем наши войска и выступим против Сциласа! — Флорес ликующе закончила предложение. — И тогда все поражения останутся далеко позади. Мы сможем собрать всех влахакских воинов, а вы призовете к оружию своих, марчег. Если Сцилас захочет защитить свое притязание на страну, тогда ему придется бороться!

После этих слов в маленькой группе наступило молчание. Был виден скепсис Тамара, но Неагас, казалось, был уже полностью поглощен этой идеей. И хотя Флорес знала, что этот план скрывал в себе много трудностей и рисков, в ней впервые со дня смерти Ионны зародился росток надежды.

— Мне не нравится бегать. И прятаться в ваших землях. Это может стоить мне последнего доверия, которое еще питают ко мне мои воины.

— Они последуют за вами, марчег, — успокоил Неагас масрида. — Есть хорошее решение; ваши воины ожидают надежности, питания, крыши над головой на время зимы. Они последуют за вами.

Тамар неуверенно посмотрел на ветерана. «Скажи «да», — умоляюще подумала Флорес. — Только так мы сможем выстоять в этой беде!»

Марчег шумно вдохнул и сжал кулаки. Косточки на его руках побелели, когда он сказал:

— Хорошо. Нам еще нужно будет обсудить подробности, но в целом план выглядит разумным. Я согласен.

— Внутри Флорес ликовала, но внешне она не показала этого и только кивнула Тамару. Неагас же, наоборот, громко рассмеялся:

— Это заставит Сциласа задуматься! А весной мы окажемся для него словно месть самих духов!

«Будем надеяться. Иначе мы, влахаки, будем обречены на жалкое существование в бедной Мардеве. Только на этот раз против нас восстанет не только Садат, но и вся Ардолия».

42

После небольшого, но однозначного нарушения протокола Аттага стала гораздо более благоразумной и открытой для желаний Саргана, даже если тот уклонялся от обычного распорядка дня. Без поддержки церемониймейстера Балаос тоже стал более податливым, так как в одиночку не хотел открыто возражать Саргану. Тот, в свою очередь, в полную мощь наслаждался новой свободой, какой бы крошечной она ни была. Дириец уже несколько раз покидал свои покои, сначала только для коротких прогулок внутри крепости Ремис, а потом даже вышел за пределы городских стен. Сейчас он стоял на крепостной стене в сопровождении всего двух охранников и слуги, который нес над ним небольшой балдахин, чтобы защитить от дождя, который беспрестанно поливал город. На севере время от времени гремел гром, на стороне Соркат явно разразилась новая гроза.

Несмотря на балдахин, на Саргана попало больше чем несколько капель, отчего его широкие рукава совсем намокли. Тяжелая камчатная ткань сырым полотном лежала на его коже, но дириец не замечал этого. В настоящий момент он пользовался предоставленным спокойствием и временем для обдумывания планов. Это было довольно редко и уже поэтому очень ценно, так как его подчиненные старались почти непрерывно развлекать его и занимать беседами.

Саргану с трудом удалось подавить улыбку, когда он подумал об услужливости своего церемониймейстера. «Вероятно, она боится, что жалоба с моей стороны будет использована против нее. Неприятная ситуация. И это означает также, что Балаос не заодно с ней. Иначе личный охранник покрывал бы ее, и тогда в моем слове просто усомнились бы». Порыв

прохладного ветра подхватил роскошные золотые одеяния Саргана, скользнул по коже, отчего тот немного озяб. Радость пропала, когда мысли пошли дальше. «Или же это коварный план обоих, чтобы опорочить меня. Они притворяются передо мной, что Аттага у меня в руках, чтобы я совершал ошибки. О Агдель, вся эта политика сведет меня с ума!»

Дириец громко вздохнул и не в первый раз пожелал возвращения в старые добрые времена, когда все было как-то проще. Однако судьба, на которую он роптал, вновь привела его во Влахкис. Дождь казался Саргану характерной для этой страны погодой. Мокро, холодно, грязно.

В свой последний визит дириец, по крайней мере, мог сам принимать решения. На этот раз его сдерживали сети дирийского протокола и интриг. К успеху вела слишком узкая дорожка, и с двух сторон его подстерегали промахи, которые могли повлечь за собой гибель.

— Мы возвращаемся, — неожиданно решил Сарган, так как неприятная погода испортила его прогулку.

В сопровождении своих подчиненных легат начал спускаться по ступенькам во двор.

Неожиданно раздались звуки горна, и через открытые ворота во двор ворвался всадник. Полетели брызги, когда лошадь проскакала по луже, и вода обдала Саргана с ног до головы. Дириец сердито вытер несколько капель со щеки. Его личные охранники подскочили и подняли оружие. Однако резкий приказ Саргана заставил их остановиться и занять свое место на расстоянии двух шагов позади него. Всадник спешился с лошади, не обращая внимания на маленькую группу. Он явно совершенно не осознавал опасности, в которой оказался. И хотя обычно силки сражались на копьях верхом, но при этом они были обучены и бою с копьями в пешем виде. У кавалерийских копий, которые силки называли хантос, были тяжелые стальные наконечники, которые, несмотря на филигранное украшение, являлись смертельным оружием. Это оружие могло выглядеть обычным украшением, так же как и роскошные доспехи его охранников, но тем не менее оно были одним из самых опасных. Точно так же как и его охранники служили отнюдь не для церемониальных целей, а были избранными ветеранами из рядов лучших солдат Золотой империи; мастера во владении щитом, копьем и мечом; прирожденные всадники, которые пересели в седло сразу из колыбели. Быть принятым в ряды императорских охранников означало большую честь, которой удостаивались лишь немногие.

Все эти мысли пронеслись в голове Саргана, пока всадник поспешно передал поводья своей лошади подбежавшему слуге и исчез в направлении главного здания.

Спокойным, степенным шагом Сарган вернулся в свои покои. «Влахкис воистину несчастная страна, которой приходится довольствоваться такими неуклюжими гонцами».

Взгляд, который Аттага бросила на него, увидев мокрые пятна на всей его одежде, был чрезвычайно красноречив. Она сразу же позвала нескольких подчиненных, которые помогли Саргану избавиться от грязной одежды и надели на него чистую. Дириец позволил совершить все это с собой, в то время как сам предался мыслям и уже в который раз задался вопросом, где в данный момент мог находиться Стен. Влахакский воин был одним из немногих людей, которых Сарган уважал. Естественно, эта дружба с идеалистическим мятежником не обошлась совершенно без ссор; ведь Сарган все же не был с ним до конца откровенным и долго сомневался, прежде чем решиться помочь ему. Но они выстояли в общих опасностях и, в конце концов, смогли достичь своих целей только при помощи друг друга. Конечно, несколько своеобразно, но влахак нравился Саргану. Собственно, он привык не привязываться к знакомствам, которых на его пути было довольно много. Однако Стен стал исключением, и Сарган сочувствовал страданиям воина. «Он должен узнать, что его жена жива. Только вот как это вообще организовать? Если бы он не был таким упрямым влахаком, то сейчас ему не пришлось бы опять тягаться с этими троллями».

Одним движением слуга плотно затянул пояс, который удерживал вместе все это многослойное одеяние. При полном параде Сарган почти не мог двигаться. На самом деле носить такую многослойную одежду было приятно, однако жесткая золотая ткань делала одеяния легата хоть и очень нарядными, но при этом абсолютно непрактичными. «И если бы

я не стал слишком жадным, то мне не пришлось бы сейчас в окружении потенциальных врагов изображать высокопоставленного чиновника, — мысленно добавил Сарган и вздохнул. — Так последствия наших ошибок всегда догоняют нас».

Когда солнце начало заходить, Сарган приготовился к еще одному длинному однообразному вечеру. Однако вместо этого Леанна просила о разговоре, на который Сарган, естественно, с большой охотой согласился. При нем, безусловно, присутствовали Аттага и Балаос, но Сарган строго-настрого приказал молчать им во время его беседы с управительницей.

— Достопочтимый легат, я думаю, что у меня есть новости, которые могли бы заинтересовать вас, — начала Леанна разговор, после того как низко поклонилась.

Влахака быстро привыкла к ритуалам дирийского посланника и при церемониале допускала совсем мало ошибок.

— Я благодарю вас, что вы захотели ими со мной поделиться, — ответил Сарган.

— Как мне сегодня сообщили, в разных местах нашей страны вновь видели троллей. И эти тролли пришли не как союзники, а как жестоко убивающие враги, что крайне тревожно. Я думаю, что объединенные армии влахаков и масридов тоже должны узнать об этом, чтобы и они были подготовлены к такой опасности.

Сарган слушал, не меняя выражения лица. От полученных новостей могли зависеть возможности его дальнейших действий.

— Знаете ли вы что-нибудь об их местопребывании и благополучии войска?

— Наши солдаты сейчас официально идут под предводительством Флорес сал Дабран, которая приняла титул воеводы.

— Флорес? — вырвался возглас удивления у Саргана.

Он увидел, как рядом Аттага начала нервно переминаться с ноги на ногу из-за такой открытой демонстрации чувств, но в данный момент ему было все равно.

— Сестра Стена?

— Точно, достопочтимый легат. Ваши знания о нашей стране достойны высшего признания.

— Вы льстите мне. Но я никогда бы не подумал, что Флорес сал Дабран когда-то станет воеводой. Мне всегда казалось, ну, как бы сказать, что она старается сохранить независимость.

— Как мне сообщили, у нее полная поддержка бояр, Неагаса и, конечно, Истрана Оханеску.

Сарган попытался собрать всю эту информацию в голове, словно мозаику. Истран и Неагас на совещаниях Ионны часто были противниками. Если же они оба поддержали притязание Флорес, значит, между ними сейчас воцарилось согласие. И хотя Сарган с большим трудом мог представить себе юную влахаку в качестве главнокомандующего, ему пришлось принять эту мысль.

— Конечно, это важные новости, но есть еще другая информация, которая точно должна еще больше заинтересовать вас, — продолжила Леанна. — Армии направились на юг, в Дезу.

— Это действительно интересно. И неожиданно. Я думал, что они попытаются удержать Теремию.

— Мы сделаем это, если понадобится. Только без помощи солдат, которые сейчас на пути к Дезе.

— Я далеко не эксперт в таких военных делах, но разве у марчега Ласцлара нет армии, которая может быть опасной для Теремии?

— Ну, почему же, есть, — ответила Леанна и улыбнулась. — Но марчег перешел через Маги и, кажется, преследует воеводу Флорес. Вероятно, Сцилас желает окончания войны до наступления зимы.

Сарган задумался. Их военные расчеты были ему ясны. Если Сциласу удастся заставить

принять бой уже однажды проигравших солдат, то тогда исход можно легко предвидеть.

— Как выглядят ваши планы? — как бы между прочим спросил Сарган.

— Мы будем удерживать город и постараемся накопить запасов. Если наши воины собираются перезимовать в Дезе, то следующей весной мы должны будем снова выступить на войну. Но я пока еще не знаю, как нам собрать достаточно продовольствия. Погода просто сошла с ума, и дождь уже смывает скудный урожай с полей.

— Да, погода во Влахкисе — источник постоянной радости, — ответил дириец и, к своему удовольствию, услышал, как Аттага шумно вдохнула.

Леанне же, наоборот, пришлось скрыть улыбку.

— Это то, что мне известно на сегодня, достопочтимый легат. В настоящий момент городу ничего не грозит. Мы надеемся, что ваше пребывание здесь и в дальнейшем останется приятным и спокойным.

— Понимаю, — сказал Сарган, который уже погрузился в свои мысли.

В голове дирийца зрел план, который давал ему возможность сбежать от ежедневной рутины в Теремии.

— Я могу несколько позднее еще раз побеспокоить вас? Я с удовольствием посоветовался бы с вами еще кое о чем более подробно.

В глазах управительницы промелькнула неуверенность, и она пристально посмотрела на Саргана, но быстро овладела собой.

— Конечно, достопочтимый легат. Я готова в любое время оказаться в вашем распоряжении.

— Очень хорошо, — ответил Сарган и одарил влахаку неоднозначной улыбкой.

«Она хладнокровна и хорошо управляет хозяйством. В принципе она хорошая жена».

Леанна снова согнулась в глубоком поклоне и затем, пятясь к двери, удалилась из зала.

— Аттага, нам нужно поговорить, — сообщил Сарган, как только затихли шаги влахаки в коридоре.

Церемониймейстер послушно встала перед Сарганом.

— Я думаю, что мое пребывание в Теремии больше не имеет смысла, — заявил Сарган.

— Простите, но я не могу с вами согласиться, повелитель.

— Ну, здесь нет никого, с кем бы я мог переговорить, чтобы завершить свою миссию. Все указывает на то, что война продлится до следующего года, что крайне неприятно. Пока во Влахкисе будет идти война, мы вряд ли сможем заниматься здесь торговлей.

— Это так.

— И хотя Леанна сал Паскали — хорошая собеседница, она не может пойти на уступки, которые нужны нам сейчас. Я в самом деле нахожусь в шаге от провала.

Сарган надеялся на какую-то реакцию Аттаги, но церемониймейстер промолчала.

— Поэтому я поеду в Дезу.

Наконец в Аттагу вернулась жизнь. Она глубоко вдохнула и чуть подняла голову.

— Вы считаете это разумным, повелитель? Ехать в район военных действий, может, даже в город, который будет уже в осаде?

— В случае беды я всегда могу апеллировать к могуществу Золотой империи. Или если я натолкнусь на солдат марчега Ласцлара, то просто скажу, что хочу поговорить с ним.

— Это большой риск, — заметила Аттага. Но Сарган лишь весело улыбнулся.

— Балаос защитит меня.

— На когда я должна подготовить наш отъезд?

— Наш отъезд? Я боюсь, что мне придется отправиться в эту поездку одному, только в сопровождении некоторых личных охранников.

— Одному?

В голосе церемониймейстера прозвучала нотка ужаса. Сарган увидел, как у нее задрожали руки.

— Новости, которые будут предназначены для меня, все еще будут приходить сначала сюда, в Теремию. Поэтому мне нужен здесь человек, достойный моего доверия, который

будет принимать их и передавать мне. И кто еще кроме тебя может подойти для этого?

— Это честь для меня, повелитель. Но мое место рядом с вами. Вероятно, мы можем одного из чиновников…

— Нет, — лукаво прервал ее Сарган. — Это крайне важно, чтобы я сразу получал все новости. Промедление здесь недопустимо, может быть важен каждый день. Я доверяю это только тебе.

— Естественно, но… — попыталась возразить Аттага.

Она чувствовала себя словно на углях, пыталась найти убедительные слова, но Сарган не оставил ей выбора:

— Хватит. Гордись тем, что тебе поручена такая ответственная должность. Успех или неудача моего задания может зависеть от тебя. Твое служение Золотой империи не останется без внимания.

Наконец Аттага снова вспомнила о протоколе.

— Благодарю, повелитель, — произнесла она покорным голосом.

— Подготовь мой отъезд как можно скорее. Я поеду налегке, всего с несколькими воинами. Скажем, с десятью. Никаких носилок, они слишком медленные. Коней. В мое отсутствие ты представляешь в Теремии мощь и блеск нашей родины, так что я оставляю всех слуг, чиновников и наложницу на тебя.

— Вы слишком добры, повелитель.

— Наверное, ты права, — самодовольно согласился Сарган. — А сейчас ты можешь удалиться.

С опущенной головой Аттага покинула помещение. На устах Саргана каждый раз появлялась усмешка, когда он вспоминал лицо церемониймейстера. «Я ухожу от нее, и у меня есть для этого основательная причина. Ее тайным заданием была слежка за мной. И теперь она не сможет выполнять его. А если она не будет снабжать меня полной информацией, то, как только я вновь окажусь в цивилизации, смогу сплести из этого очень прочную веревочку. Возможно, политика все же не так сильно отличается от лабиринта, полного змей. И я здесь мангуста!»

Пока снаружи начались приготовления к отправлению легата в путь, Сарган откинулся на спинку кресла и наслаждался своей удачной маленькой интригой.

43

Место для лагеря было маленьким, и группе пришлось располагаться плотно друг к другу, хотя Пард сразу же выставил с десяток своих охотников на стражу близлежащих туннелей. Тем не менее человеку и эльфу удалось разместиться несколько в стороне ото всех. Керр, наоборот, сидел вместе с другими троллями, ел, рассказывал и смеялся. Успокаивающее биение сердца земли действовало словно бальзам на его душу.

— Затем мы начисто разобьем всех приспешников Анды вместе с ней, — прогремел Врок и низко рассмеялся.

Заявление охотника звучало гордо и смело, но Керр почувствовал за ним неуверенность, которую не смогли скрыть его слова. Любая встреча с троллями Анды до сих пор заканчивалась очень плохо, а самая последняя вообще завершилась гибелью Друана. Никто из троллей здесь на самом деле не хотел бы встречаться с Андой, даже если в этом никто никогда не признается. Других врагов троллей можно было победить, даже карлики умирали под их мощными кулаками и клыками. Но тролли Анды были выносливыми, сильными и упорными. «Каждый сидящий здесь думает, что тролли самые лучшие бойцы, но Анда в наших головах больше чем просто лучший боец». Керр видел отражение своих собственных сомнений на лицах других троллей. «Но что, если Анда права? Что, если они — настоящие тролли, а мы всего лишь жалкое подобие, как Анда и думает о нас?»

— Все, пора закрывать рот, — пробурчал Пард и улегся на бок.

Как с удивлением констатировал Керр, с момента возвращения на родину под землю

предводитель оставшихся троллей стал еще более молчаливым и мрачным, чем когда-либо. На большом тролле лежал теперь просто неимоверный груз ответственности, и для Керра такое настроение предводителя становилось все тревожнее.

Пока некоторые еще тихо возражали, Керр отполз к Стену и Тарлину, которые уже приготовили себе место. Тролль вновь подивился находчивости человека. Его тонкая кожа плохо защищала от холода и жары, но против всего этого у человека были подручные средства. Всегда, когда они делали привал, Стен доставал покрывало, в которое закутывался и так согревался.

— Время спать? — спросил человек, когда разговоры троллей превратились в невнятное бурчание.

— Этот вечный мрак сбивает меня с толку. Я даже не могу сказать, ночь сейчас снаружи или день. Я не говорю уже о том, сколько времени прошло, пока мы спустились сюда.

— Солнце уже несколько раз стояло на небе, — уверенно заявил Керр. — Но здесь это не так важно.

— Для меня важно, — человек показал на светящиеся лишайники, которые собирали тролли. — У вас все же есть какой-то свет, иначе я чувствовал бы себя совсем потерянным.

— А разве вас не волнует то, что свет может привлечь ваших врагов? — спросил Тарлин, который до сих пор молчал.

— Здесь? Нет. Нас много. Обжоры, которые охотятся здесь, не осмеливаются нападать на такое большое количество троллей. Они охотятся за другими.

— Маленький народец?

— В принципе карлики часто поднимаются так высоко к поверхности. Но сейчас мы не можем найти их следов. Такое впечатление, будто они отступили. Или же, возможно, они борются против Анды где-то на глубине, кто знает?

— Но ваши враги — это не только карлики и обжоры, не так ли?

Керр напряженно думал над тем, что он должен ответить. Конечно, в подземном мире было много опасностей. В некоторых местах было опасно разводить огонь. Совсем глубоко под поверхностью пол мог неожиданно раскалываться и окатывать троллей жидким огнем. Не все туннели и пещеры были безопасными, время от времени происходили обвалы. Но за исключением карликов не было таких больших опасностей, которых бы боялись все племена троллей.

— Голод и жажда, — наконец ответил Керр.

Человек и эльф озадаченно посмотрели на него.

— Воду найти непросто, — объяснил он. — И охота не всегда бывает удачной. Можно также есть грибы и плесень, но и они растут не везде. Чем глубже спускаешься, тем труднее найти достаточно еды и воды.

— Во всяком случае; я чувствую себя здесь так, словно само подземелье враждебно ко мне, — пробормотал Стен. — Я не думаю, что я смог бы здесь охотиться и находить воду. Скорее всего, без вас я был бы уже давно мертв.

— Но мы бы тоже не смогли выжить на поверхности без тебя. Я имею в виду то, как бы мы смогли защищать себя днем? Или разговаривать с твоим народом?

Человек неуверенно пожал плечами. Слова Керра, казалось, не переубедили его. «Если бы он знал, насколько неуверенно мы чувствовали себя под их широким небом».

— Мы приближаемся к Курперла? — неожиданно спросил Тарлин, оторвав тем самым тролля от его мыслей.

— Биение сердца становится все громче. Разве ты его не чувствуешь?

— Я осторожен, друг тролль. Пока что я не осмеливаюсь открыться влиянию его дыхания.

Керр удивленно посмотрел на эльфа.

— Что это означает?

— Я закрываю для него свое сердце, как меня этому учили.

— Ты уже говорил об этом, но я не понимаю, — признался Керр.

— Уже детьми нас учат закрываться от дыхания. Это непросто и не всем удается. Мы называем их потерянными.

— И что происходит с потерянными? — с любопытством спросил Керр.

— Мы отдаем их назад духам.

— Вы убиваете их? — в ужасе переспросил Стен. — Ты это имеешь в виду? Своих собственных детей?

— Да. Если так нужно.

Эльф выглядел невозмутимым, но Керр понимал замешательство Стена. Дети троллей в каждом племени были большой радостью, и их всегда защищали. Каждый тролль будет до конца бороться за детей своего племени, да и вообще за всех детей троллей. Представление о том, чтобы самим убивать их, было отвратительным.

Эти мысли, наверное, очень хорошо проявились на лице Керра, так как эльф пристально посмотрел на него и сказал:

— Когда влияние дыхания становится таким сильным, то они перестают быть эльфами. Они теряют свою душу, становятся хуже животных и совершают ужасные злодеяния. Наши сердца плачут, когда мы теряем детей таким образом, но они мертвы еще до того, как нож оборвет их жизнь.

Несмотря на это объяснение, Керр не мог вымолвить и слова. Но Стен медленно сказал:

— Это, должно быть, очень тяжело.

— Да.

— И это все из-за того, что дух темноты был ранен? Потому что он не может умереть и его издыхание проникает к вам?

— Да.

— Тогда вы должны очень сильно ненавидеть людей, — тихо сказал Стен. — Ведь это люди навлекли на вас такую беду.

На это Тарлин ничего не ответил. Наступила тишина, которая была неприятной, хотя Керр и не мог толком понять это чувство. Поэтому он поспешно спросил:

— Как это работает? Как ты можешь защищаться от дыхания? Я не могу представить, как ты это делаешь.

— Ты имеешь в виду, как я закрываю свое сердце? — уточнил Тарлин.

И когда Керр кивнул, то он продолжил:

— У духов есть голоса. Я знаю, что люди не могут слышать эти голоса. Или только совсем немногие из них, как Вангелиу. Но они всегда есть. Мы, эльфы, можем слышать все, каждого духа, каждый голос, всегда. Не просто закрыться от всего этого.

— Это как закрыть уши?

Эльф усмехнулся, но кивнул.

— Только без рук. Если ты сможешь закрывать свои уши без рук, то тогда ты будешь знать, как это функционирует.

— Я все еще не понимаю, — удрученно признался Керр после того, как какое-то время пытался проделать это.

Он не мог представить, как можно закрыть уши, не затыкая их при этом пальцами.

— Вот ты говоришь, что ты слышишь биение сердца, да?

— Я ощущаю его.

— Попытайся не ощущать его, не воспринимать. Игнорируй его.

— Но оно всегда здесь. Когда я о нем думаю, то не могу не… не ощущать его! — пожаловался Керр.

— Это идет не от твоего желания, это должно произойти просто само по себе. Как только ты сможешь так делать, ты должен попытаться закрыться. Стать словно камень в воде. Вокруг вода, но не в тебе. Мир может быть наполнен биением сердца, но не ты. Вокруг тебя бушует вода, но не в тебе.

Керр недоверчиво уставился на эльфа. Мысль не чувствовать биение сердца была такой

нелепой, что юный тролль даже не мог представить себе, как это возможно. Оно было всегда, даже на поверхности. Возможно, тогда оно было далеким, но оно было. Когда он сейчас попытался не обращать внимания на биение сердца, то он ощутил его еще отчетливее.

— Попытайся сделать это не сейчас. Твое сердце должно быть свободным и холодным, — объяснил Тарлин, заметив беспокойство Керра. — Но не ожидай от себя многого: даже Вангелиу не мог это сделать, и я не знаю, сможешь ли ты вообще. Ведь, в конце концов, ты не эльф, а вы, тролли, намного больше дети Курперла, чем мы все.

— Что? — спросил Керр.

— Его дыхание проникает в вас гораздо больше, чем в нас. Его ранение изменило вас гораздо больше, чем все другое.

— Мы? Дети духа темноты? Это так? — недоверчиво переспросил Керр. — Я знаю, что дреег бьется в нас и что люди не слышат его. Мы ближе к сердцу земли. Но его дети?

— По крайней мере, его влияние на вас очень сильно. Вы слышите биение его сердца; с тех пор как он был ранен, вы все глубже спускаетесь под землю, куда и он в свое время опустился. Мы всегда верили, что вы ищете его близости. Я думал, ты знаешь об этом.

— Нет. Мы не говорим много о нашем прошлом, в этом Пард прав. Конечно, раньше мы жили гораздо выше, но война против карликов загоняет нас все глубже.

— Раньше тролли чаще выходили на поверхность. Тогда лес был гораздо больше, от самых гор на севере до гор на юге. Иногда эльфы встречали троллей. Но эти времена давно прошли.

Эльф замолчал, и Керр задумался, говорил ли тот правду. Это, действительно, правда, что дреег всегда были частью жизни троллей. «Возможно, мы и правда дети духа темноты. У нас же есть история о старом тролле, который увел нас под поверхность земли и удары сердца которого мы ощущаем? Но мы также дети скал, камней, глубины, земли. Я все это чувствую».

— Значит ли это, что когда-то тролли были дружественными и мирными созданиями, так же как и Белый Медведь? — скептически спросил Стен.

— Курперла — дух природы. У него больше сторон, чем ты можешь представить себе, друг Стен.

— А что ты будешь делать, когда мы найдем его?

— Я попытаюсь смягчить его боль, постараюсь услышать его голос и попросить его, чтобы он хранил свою силу только в себе.

— Это ослабит Анду?

— Я надеюсь, что это вообще прервет их связь. Но это зависит от того, послушает ли дух мой тайный голос.

— А ты можешь говорить со всеми духами? Как и прорицатель? — спросил Стен, который снова привстал.

— Да, при помощи моего тайного голоса. Мы все слышим духов, можем понимать их и говорить с ними. Но не каждый знает тайный голос. Я понял его, когда крики духов становились громкими для меня.

— А чем, собственно, духи занимаются? — с любопытством спросил Керр.

Весь этот до сих пор закрытый для него мир духов восхищал его. Конечно, у троллей тоже были истории об этих существах, но в обычной их жизни они играли такую же незначительную роль, как люди или эльфы. Это были далекие, непонятные создания, на которых не нужно было обращать внимание. Важно было только выжить — и биение сердца.

— Духи, — медленно начал Тарлин, — они во всем. Прорицатели могут их видеть. Говорить с ними. Помогать им или вредить. Просить их о помощи.

— А духи помогают вам, эльфам?

— Мы оказываем друг другу взаимную помощь. Но мы открываемся духам очень редко, так как тогда вбираешь в себя также и дыхание Курперла. И не все духи замышляют хорошее. Они могут быть опасными, коварными и очень капризными. Их нельзя просто так попросить о помощи. Тому, кто это делает, придется когда-то отдать себя и раствориться в

их мире. Говорить с духами тайным голосом — это всегда уже самый последний выбор.

Керр кивнул, Стен закрыл глаза, и Тарлин тоже снова прислонился к стене и замолчал. Наконец Керр отполз назад к другим троллям, которые тем временем заснули.

Пард тоже лежал на боку, согнув ноги, как это делает спящий тролль. Однако его глаза были открыты. Когда большой тролль заметил возвращение Керра, то он взглянул на юного тролля так мрачно, что тот поспешил побыстрее улечься. «Пард волнуется. Анда подстерегает нас где-то снаружи. Он знает, что в бою мы будем побеждены»..

Воздух был теплым. И хотя Керр постоянно пытался, он все же не мог прогнать из себя биение сердца. Оно было словно часть его. Звучание дреег пронзало весь мир и юного тролля, не важно, обращал он на это внимание или нет, шел ли он, бежал, пел, смеялся или говорил. Даже во сне удары сердца проникали в его сны, сообщая ему о безопасности родины.

Несмотря на своих необычных спутников, племя довольно быстро продвигалось вперед. Человек и эльф держались на удивление хорошо, даже если некоторые тролли, в первую очередь Врок, постоянно ворчали и наговаривали на них как на мешающий балласт. Вот и сейчас охотник вновь начал жаловаться, когда им пришлось залазить на край скалы. Троллям было легко цепляться когтями за потрескавшийся камень, но Стену с большим трудом удавалось поддерживать такой же темп, к тому же он был нагружен своими вещами.

— Карлики и те быстрее лазают, — язвительно крикнул Врок, когда тот поднялся наверх. — В доспехах и со всем остальным!

— Это уж вряд ли, — прохрипел Стен, но больше ничего не сказал.

Человек явно очень старался залезть по отвесной скале.

— Эльф и тот медленный, но этот человек? Так нам понадобится еще много дреег, пока мы окажемся вблизи сердца!

— Замолчи, — пробурчал Керр, взбираясь на край скалы и медленно поднимаясь.

Врок удивленно посмотрел па юного тролля. Руки и ноги Керра все еще болели от напряженного подъема на скалу, а шрамы на спине пронзали все тело острой тянущей болью. И хотя они уже давно зажили, Керр все еще чувствовал эти шрамы как постоянное напоминание о когтях и ненависти троллей Анды.

Глаза Врока опасно сузились, когда охотник сделал несколько шагов в сторону Керра и окинул его презрительным взглядом.

— Что ты хочешь? Запретить мне высказывать свое мнение?

— Стен уже почти поднялся, — настойчиво ответил Керр. На них были направлены взгляды всех троллей, которые уже стояли наверху у туннеля.

— Неужели?

Врок подошел к Керру еще ближе, так близко, что тому пришлось отойти на шаг назад. В поисках помощи он огляделся по сторонам, но никто не двинулся с места.

— Так ты хочешь закрыть мне рот? — крикнул охотник на Керра.

Юный тролль неуверенно посмотрел в пол. Краем глаза он увидел, как Грена сделала шаг в его направлении, но Пард остановил ее, положив руку ей на плечо. За собой Керр слышал сопение Стена, который хоть и медленно, но верно поднимался вверх.

— Я… — тихо начал было Керр, но Врок перебил его, крикнув:

— Что?

Керр посмотрел на сжатые кулаки охотника, который был выше его на целую голову. Врок был ненамного старше его, но считался хорошим охотником и воином. Возможно, когда-то он станет предводителем племени. Его мнение ценили, а его силу уважали.

— То, что ты говоришь, — вздор! И ты неблагодарный. Стен помогал нам, защищал нас. Без него нас бы сейчас просто здесь не было! И он был хареег с Друаном, — вырвалось у Керра, который сам поразился своей храбрости.

Рычание в глотке Врока показало Керру, что он зашел слишком далеко. В слабом свете лишайника лицо Врока превратилось в злобную гримасу, мрачную и нагоняющую страх.

— Значит, я несу вздор, ты, маленькая задница тролля? — прошипел охотник.

— Да, это так, — прокричала вдруг Грена сбоку, и несколько других троллей согласились с ней.

— Заткнитесь! Это дело только мое и этого малыша.

— Нет. Твоя болтовня уже всем порядком надоела.

Керр не смог увидеть того, кто сказал это, и не узнал голоса, но он был рад, что Врок отвернулся от него.

— Что все это значит? Сейчас мы посмотрим, кто прав!

В это мгновение Стен поднялся над краем обрыва. Тарлин подошел к человеку и подал ему руку, но Стен поднялся сам и только благодарно кивнул эльфу.

— Он уже наверху, Врок. Ты неправ. Мы продолжаем путь, — сказал Пард подчеркнуто спокойно и отвернулся.

Другие тролли последовали его примеру.

Врок растерянно посмотрел на троллей, а потом тоже направился за всеми в туннель и молча пробежал мимо Керра, Стена и Тарлина.

— Хорошая работа, — прошептал Стен юному троллю, когда Врок исчез в сумеречном свете.

— Что? Я лишь сказал ему то, что думаю. Но мы должны были бороться с ним.

— Ты скомпрометировал его. Он не простит тебе этого. Действительно, очень умело все проделал, особенно когда получил поддержку других троллей, — с похвалой сказал Стен.

Керр беспомощно посмотрел на человека.

Неожиданно раздался долгий вой, который отразился эхом от стен туннеля и, казалось, шел одновременно со всех направлений. Тролли остановились и осмотрелись. Возникла неуверенность, Керр мог чувствовать ее. Страх словно облако накрыл все племя.

— Вперед! — закричал вдруг Пард. — Все за мной! Лазутчики вперед и назад! Быстро!

Раздались крики, тролли побежали за Пардом, лазутчики нырнули в темноту. Керр тоже последовал за своим предводителем. Рядом с собой он почувствовал Стена, который озадаченно прокричал:

— Что случилось? Что это?

Ответ Керра заставил вздрогнуть и его:

— Анда!

44

Сцег с большим трудом продвигался вперед. От беспрерывного дождя дорога совсем размокла, а земля превратилась в жидкую грязь. Рвы справа и слева от дороги уже были переполнены потоками воды, которая даже в самой маленькой впадине собиралась в глубокую лужу.

Тамар угрюмо поднял плечи и почувствовал, как вода ручьями потекла по толстой ткани его плаща. Она быстро собиралась в каждой складке, если не двигаться.

Снова и снова резкие порывы ветра накатывали на группу, отчего дождь бил в лицо почти параллельно земле. Ветер дул со стороны северных Соркат, принося с собой ледяной воздух. Для Тамара было все сложнее сохранять одежду сухой, а для простых солдат это было просто невозможно.

Позади Тамара скакала его гвардия. После нападения Одена она теперь никогда не отдалялась от него. Ведь среди всех воинов армии могла найтись еще пара сообщников или других предателей, которые планировали смерть юного марчега. Кевес тоже почти не отходил от Тамара. Все это уменьшало заботы масрида о своей безопасности, но при этом принесло с собой неожиданные трудности. После того рокового вечера у него не было больше ни одной возможности остаться наедине с Флорес. При этом воспоминания о прикосновениях Флорес горели огнем в душе Тамара; это было так, словно пальцы Флорес

оставили на нем раны, которые не давали ему забыть о ее ласках. «Бессмысленные мечты, — одернул он себя. — Но какая милая попка, в самом деле».

Эта дорога вела дальше на юг. Они уже оставили Дабран позади себя, не заходя в город. Тамар повел армию даже несколько в обход Дабрана, так как соблазн тепла и гостеприимства показался ему и другим предводителям слишком опасным. Уже сейчас из войска убежало несколько воинов. И хотя это всего несколько мужчин и женщин, которые решили поискать счастья сами, однако командиры не могли допустить, чтобы таким образом армии потеряли в своей численности.

Многие солдаты ощущали отход к Дезе как бегство. И так как Тамар, несмотря на все веские причины, втайне был согласен с ними, то ему давалось с большим трудом убедить своих подданных в обратном. Глубоко в своем сердце он чувствовал стыд из-за того, что ему поверженным приходится бежать в горы вместо того, чтобы открыто бороться за свое наследство и свой дом.

Тем не менее было необходимо поднимать моральный дух солдат, давая им почувствовать, что их верность не останется незамеченной. Поэтому Тамар всегда скакал впереди, во главе колонны. Поэтому он был сильным, надежным и спокойным, даже если беспрестанный дождь угнетал его, даже если ответственность давила на него, как мокрые одежды: сыро, холодно и тяжело для одного человека. Иногда он спрашивал себя, почему его воины вообще следовали за ним, после всех поражений. «Это из-за имени Бекезар? Или из страха, что не смогут в одиночку пройти путь домой? Или из страха перед гневом Сциласа?»

Конечно, некоторые, как Кевес, были просто верны ему. Они остались бы вместе с Тамаром, даже если он приказал бы им скакать в вечный мрак. Но остальные следовали за Тамаром по другим причинам. Самым большим поводом для беспокойства был марчег Ласцлар. Если ему удастся представить себя хранителем масридских традиций и солдаты Тамара поверят, что с ним они найдут выход из этой войны, то тогда многие наверняка сразу же поменяют грифа на дракона. Или же в скором времени дезертируют и вернутся домой.

Поглощенный такими мрачными мыслями, Тамар добрался до того места, которое их авангард выбрал для ночевки. Подняв вверх кулак, он сигнализировал о конце марша. Вокруг него солдаты начали сооружать лагерь. Тяжелые обозные повозки выстроились посередине, и их быстро разгрузили. Однако вместо того, чтобы, как обычно, спешиться и принять участие в сооружении палаток, Тамар остался в седле. Прежде чем начался шум сооружения, юный марчег откинул капюшон плаща и повел Сцега в центр лагеря.

— Солдаты! — начал свое обращение Тамар и выпрямился в седле. — Путь в Дезу еще долог, и погода совсем не радует!

На лицах дворян появились улыбки. Хотя большинство воинов смотрели на юного марчега, просто ожидая, что он еще скажет. Дождь хлестал по их бледным лицам, отчего им приходилось закрывать глаза.

— Мы идем по этой дороге, потому что мы должны идти по ней. Мы идем по этой дороге, так как нас заставили это сделать. Дорога длинная и трудная. Но мы вместе дойдем до конца! Мы не склоним наши головы! И придет день, когда все изменится. И тогда мы победим марчега Ласцлара!

Раздалось всеобщее ликование. Не обращая на него внимания, Тамар спрыгнул с седла и пошел к обозам. Вместе со своей гвардией он начал строить палатки, и еще до захода солнца была готова большая часть лагеря. Зажглись первые костры, на которых варили еду, и солдаты попрятались по палаткам в тепло.

Тамар тоже обустроился в своем шатре. Он снял с себя мокрую, покрытую слоем грязи одежду и повесил ее высушиваться, в то время как сам надел другую одежду. Действительно чистой одежды у него к этому времени почти не осталось, но, по крайней мере, она не была мокрой. С кружкой теплого вина в руке юный марчег склонился над картой Садата. Им предстояло пройти еще добрый отрезок пути по равнинной местности, До самого подъема на нагорье на юге. Южный Садат был совсем диким, пока не доходил до Мардева. Нагорье само

по себе было бедным. Зима там наступала раньше, была тяжелее и длилась дольше, чем на далеком севере. До сих пор пути были проходимыми, но крайнее ухудшение погоды давало еще один повод для беспокойства.

Тамар провел пальцем по тонкой линии, которой обозначался путь, по которому они шли. Более удобный подъем был восточнее небольшого городка Полеамт, мимо брошенного монастыря Стариг Яцек. Когда-то в этом монастыре священники культа Альбус Сунас совершали свои ритуалы, однако после завоевания Садата Ионна изгнала их из монастыря. Это была единственная мера насилия, которая официально была применена со стороны воеводы против ордена. Все остальные нападения приписывались якобы гневным влахакам, которые действовали против воли княгини. Чему Тамар, конечно же, верил с большим трудом.

Тем временем священники культа солнца не исчезли из Ардолии, а просто перебрались к масридам. И теперь они не хотели потерять милости дворян, так что как с войском, так и с воинами Сциласа путешествовали члены ордена Альбус Сунас, которые, естественно, обе стороны ревностно заверяли в том, что их дело праведное и их путь к божественному свету единственно верный. «Скорее всего, и у Ласцлара есть свой белый священник, который целыми днями только и делает, что держит перед ним зеркало и уверяет его в том, что его золотые волосы — благословение, вот тщеславный павлин», — с пренебрежением подумал Тамар.

— Вецет? — раздался голос Кевеса. — Вернулась одна из лазутчиц с севера.

Юный марчег рассерженно посмотрел в сторону входа. Его мысли снова разбрелись непонятно куда, вместо того чтобы сконцентрироваться на главной проблеме, которая сейчас была перед ним, и прибытие лазутчицы напомнило Тамару о том, что он должен делать что-то более важное, чем думать об отношении погибшей Ионны и еще здравствовавшего Сциласа к религии.

— Заходи с ней.

В шатер вошла женщина небольшого роста, но такая худая, что из-за этого казалась выше. Ее темно-русые волосы прядями падали на лицо.

— Докладывай, а потом найди себе палатку, еду и согрейся, — приказал Тамар, заметив, как дрожат ее руки.

— Я нашла авангард армии марчега Ласцлара. Она стоит всего в двух днях марша отсюда.

— Что? — вырвалось у Тамара.

Его сердце усиленно забилось, и он недоверчиво посмотрел на лазутчицу.

— Много лошадей, но не только это, вецет. Кроме того, я обнаружила следы. Всадники, которые следуют за нами.

— Ты смогла понять, сколько их?

— Несколько дюжин, но точно меньше сотни.

— Хорошо. И авангард всего в двух днях пути от нас? Марша или скачки?

— Да, вецет.

— Хорошая работа. Ты можешь удалиться. Попроси квартирмейстера дать тебе немного водки для согрева, — распорядился юный марчег, а потом повернулся к Кевесу: — Позови ко мне воеводу.

Когда они покинули палатку, Тамар вновь принялся изучать карту. «Всего два дня, это совсем небольшое опережение. Этот проклятый ублюдок слишком быстро погнался за нами через речку, и теперь он догоняет нас. Слишком быстро… Проклятье!»

Полотнище входа отодвинулось, и в шатер вошла Флорес. Влахака явно еще не переодела своей дорожной одежды, так как на ней были кожаные доспехи, которые из-за влаги казались совсем черными, а под ними такая же мокрая рубашка. Пряди ее мокрых черных волос свисали на лоб, и она нетерпеливо откинула их правой рукой в перчатке. Она вопросительно посмотрела на Тамара:

— Ваш сцарк заявил, что здесь срочно необходимо мое присутствие.

Она бросила взгляд на Кевеса, который вошел в шатер прямо за ней.

Тамар медленно кивнул. Хотя Флорес выглядела такой же усталой, как и он чувствовал себя, Тамар вдруг ощутил непреодолимое желание поцеловать ее. «Ты дурак, — одернул он себя. — Разве вы и так не наделали достаточно неприятностей?» Он откашлялся.

— Кевес, выйди и проследи за тем, чтобы нам никто не мешал. Воеводе и мне нужно обсудить настоящее положение.

Сцарк молча исчез и оставил Флорес и Тамара одних. Взгляд влахаки был устремлен на Тамара, однако он не мог понять выражения ее лица.

— Я получил новости от моих лазутчиков, — осторожно начал разговор юный марчег. — Плохие новости.

— Насколько?

— Сцилас гораздо ближе к нам, чем мы до сих пор предполагали, и, конечно, гораздо ближе, чем нам хотелось бы. Его авангард всего в двух днях марша отсюда.

— Всего? — переспросила влахака.

Ее голос был удивленным.

— Но это чертовски мало. Если он увеличит темп, то сможет догнать нас.

— Он выслал вперед отряд кавалерии. Лазутчики обнаружили их следы. Так что нам нужно быть готовыми к возможной засаде.

— Проклятье. Этот человек — настоящий дух темноты!

— И правда, — согласился с ней Тамар; он показал на стол с картой. — Тем не менее я думаю, что мы должны продолжать двигаться дальше. Любой хитроумный маневр может закончиться катастрофой, если Сцилас заставит нас принять бой.

— Нам нужно двигаться дальше, чем быстрее, тем лучше, это я вижу. Кроме того, нам нужно снова объединить лагеря. Возможно, между воинами снова начнутся ссоры, но разделенные мы еще слабее.

— Абсолютно правильно, — согласился с ней Тамар и облокотился на стол поближе к влахаке. — Только близость дает нам безопасность.

Когда он посмотрел на нее, то увидел в ее темно-карих глазах отражение своего лица. Маленькие точки света от огня свечей плясали в них.

— Я скучал по тебе, — вдруг неожиданно для себя сказал Тамар.

Он не был уверен, действительно ли произнес эти слова вслух. Он хотел уже отвернуться, но Флорес наклонилась к нему, схватила его за ворот, притянула к себе и поцеловала. Ее губы были такие же терпкие и сладкие, как в его воспоминаниях.

— Тогда давай не будем тратить время, марчег Тамар, — прошептала она хриплым голосом.

Его взгляд скользнул ко входу в шатер, через который приглушенно доносились звуки лагеря, однако потом он обнял ее и на некоторое время забыл обо всем остальном мире.

В лагере было уже темно и тихо, когда Тамар осторожно выбрался из объятий Флорес и поднялся. Несмотря на все старания Тамара не разбудить ее, влахака все же открыла глаза и потянулась, как кошка. На ее губах появилась игривая улыбка, когда она смотрела на тело Тамара, пока тот надевал камзол.

— Это было очень неосторожно.

— Точно. Нас можно легко обнаружить.

— О, нет, — подтрунивала она. — Я имела в виду — тайком выбираться из постели. Это может вызвать мое недовольство.

— Как же я могу улучшить твое настроение?

— Мне уже пришло кое-что на ум, — ответила Флорес с хитрой улыбкой и снова откинулась назад. — Возможно, что-то вроде дани. Как воеводе мне положено собирать любые подати, которые покажутся мне соответствующими.

Тихо смеясь, Тамар кивнул и отпил немного уже остывшего глинтвейна. Его крепкий вкус несколько взбодрил, и марчег передал кубок Флорес.

— Временной воеводе, если я правильно понимаю обычаи твоего народа. Разве не все бояре должны собраться, чтобы выбрать нового главу из своих рядов?

Флорес, которая как раз пила глинтвейн, только кивнула.

— Это кажется мне не очень целесообразным.

— Возможно. Но тогда у нас никто из бояр не будет так быстро наносить удар в спину воеводе, зная, сколько у того поддержки.

Тамар наморщил лоб и попытался понять, были ли эти слова намеком на Одена, но Флорес смотрела на него открыто и без язвительности. Ее вид, когда она потягивалась на ложе в сумеречном свете нескольких свечей, осознавая свою наготу и тем не менее не стыдясь ее, возбуждал его.

— Я согласилась только потому, что это ненадолго, — неожиданно серьезно заявила влахака. — Дворяне должны выбрать себе нового предводителя. Сейчас все решения только временные.

— В действительности ты не хочешь власти, — констатировал Тамар, качая головой.

Ее нежелание принять власть, которую ей предлагали, казалось ему чем-то чуждым и непонятным.

— Нет. Это не для меня. При некотором везении уже следующей весной будет другой воевода.

— Но ты владеешь этим титулом!

— Титулы — это пустой звук, и не более того. Они называют меня так, потому что им нужно имя для их предводительницы. Присутствующие бояре решили так, потому что Неагас потянул за все нити, которые были в его руках. Но группа вокруг Истрана согласилась на это только потому, что знает: это только на время. В итоге все равно все решения будут приниматься по согласованию с ними двумя.

— Твой народ странный, — произнес Тамар скорее для себя. — Я бы никогда не отказался от такой чести!

— Просто я не лучшая предводительница. На войне — да, возможно. Я владею мечом и не боюсь скакать в бой во главе своих людей. Но политика? Да Истран мог бы легко одной речью уничтожить меня, поверь мне. Я не стремлюсь к тому, чтобы меня все любили, и мне этого не дано. Вот мой брат был бы хорошим воеводой. За ним влахаки следовали всегда, восторженно и добровольно. В нем это есть, понимаешь? Хотя он никогда не желал признавать этого.

Она помолчала немного и задумчиво отпила глоток вина. «Думает ли она о том, что сейчас происходит с ее братом? Стен сал Дабран… Предводитель мятежников, которому влахаки настолько сильно доверяют, что пошли в бой против нас с ним и его троллями. Есть ли во мне такое? Были бы мне мои люди так же верны, если бы у меня не было титула?»

Тут Флорес громко вздохнула. Она игриво прикрыла рот рукой и сделала вид, что зевает.

— Неужели нам действительно нужно говорить о политике? Разве нет ничего лучшего, чем мы могли бы заняться?

— Ну, почему же, есть, — возразил Тамар и широко усмехнулся. Однако прежде, чем он успел снова лечь к ней, прозвучал сигнал горна. Марчег удивленно поднял голову, услышав снаружи шум. Топот копыт, крики…

Флорес, ругаясь, подскочила и схватила свою одежду.

— Нам, кажется, не везет, — мрачно пошутил Тамар, в то время как сам поспешно одевался.

— Будем надеяться, что на этот раз помеха не такая опасная!

По крайней мере, не было криков тревоги, но уже скоро Кевес почтительно спросил снаружи:

— Вецет?

Тамар быстро посмотрел на Флорес, одета ли она. Она уже затягивала пояс, и поэтому он крикнул:

— Да. Заходи, Кевес.

— В лагере люди, господин. Они хотят поговорить с вами, — заявил сцарк, при этом избегая смотреть на Флорес.

— Люди?

— Они заявляют, что они дирийцы.

— Сарган? — вмешалась Флорес. — Рыжие волосы, маленького роста?

Кевес кивнул. Неловкость сцарка была очевидна, настолько очевидна, что Тамар чуть громко не расхохотался.

— Заводи их, — вместо этого приказал он. — И принеси нам свежего вина и чего-нибудь поесть.

Вскоре в шатер действительно вошел тот дириец, которого Тамар встречал еще на военном совете у Ионны, и с интересом огляделся. За ним зашел худой темнокожий человек в золотых доспехах, которые Тамар еще в прошлый раз с восхищением заметил. Затем выскочил еще один дириец и подхватил плащ Саргана, который тот небрежно раскрыл и сбросил с плеч. Одежды посланника были роскошными, но и на них виднелись длинные мокрые полосы. «Дирийцы тоже мокнут, когда идет дождь», — язвительно подумал Тамар, но склонил голову в вежливом поклоне. Флорес повторила за ним жест, в то время как Сарган сложил руки на животе, подняв драпировку своих рукавов. Только затем дириец согнулся в низком и долгом поклоне.

— Я приветствую вас, марчег Бекезар! И конечно, вас тоже, воевода. Мои поздравления с вашим титулом.

Саркастическая улыбка на губах Флорес показала Тамару, что она не воспринимала эти слова всерьез. Однако прежде, чем он смог понять, почему это так, Сарган обратился к своему воину:

— Ты можешь помочь твоим солдатам при сооружении палатки, Балаос.

— Разве это разумно, повелитель? — спросил мужчина низким голосом.

— Я посреди вооруженного лагеря, окруженный сотнями воинов. Какая опасность может мне угрожать?

Взгляд, брошенный на Тамара и Флорес, был более чем красноречив, но Сарган не дал сбить себя с толку.

— Как по мне, так можешь защищать меня, но только перед шатром, хорошо?

Воин, казалось, излучал неудовольствие, но беспрекословно развернулся и стал перед входом в шатер. Сарган снисходительно улыбнулся и, оправдываясь, сказал:

— Он такой старательный.

— Что ты здесь делаешь? — неожиданно прямо спросила его Флорес.

Ее тон заставил Тамара удивленно поднять брови.

— Мне нужно было подышать свежим воздухом. Кроме того, у меня есть новости для тебя, прекрасная воевода.

— Я ношу этот титул только временно.

— Ах. А я уже не раз задавался вопросом, как же им удалось сделать тебя властительницей всех влахаков. Это показалось мне немного, скажем так, странным. Хотя я этот выбор, само собой разумеется, поддерживаю.

— Кто-то должен был это сделать, и лучше я, чем некоторые другие.

— Если вдруг корона станет для вашей головки очень тяжелой, то мое предложение все еще в силе. Еще одна жена была бы для меня сейчас очень кстати, — заявил Сарган.

Тамар озадаченно смотрел то на дирийца, то на Флорес, которая, однако, только покачала головой. Марчег выжидательно посмотрел на нее. Затем он заметил взгляд Саргана.

— О, если бы я знал, — констатировал дириец. — Но я же не мог предположить, что вы…

— Что мы что? — угрожающе тихо спросила Флорес.

— Ничего, — ответил Сарган с несколько искусственной улыбкой. — В любом случае я не должен был шутить относительно возможной свадьбы. Если только вы не

заинтересованы в этом, воевода.

— Нет, — решительно ответила Флорес.

Этот обмен словесными ударами стал для Тамара очень неприятной неожиданностью. Очевидно, между Флорес и императорским легатом была связь, о которой он не знал раньше. «Неужели они были любовниками? Или продолжают быть?» Ревность закипела в нем, грозя подавить все остальные чувства, но он усилием воли заставил себя сохранить хладнокровное выражение лица. «Я — марчег масридов! Это меня не касается! Это дело влахаки, для кого она открывает свои объятия. И нечего ожидать, что при этом она будет думать о своей чести». Но как сильно он ни старался, мысль все время возвращалась, и он чувствовал, как в нем закипает гнев, сдерживать который ему удается с большим трудом.

— Ах, да, я чуть было не забыл о новостях, которые привез. Сначала плохая: тролли напали на лагерь лесорубов. Много убитых, но еще больше испуганных крестьян, и так далее и тому подобное.

— Новые нападения троллей? — мрачно уточнил Тамар, — Как раз то, чего нам сейчас не хватало. Еще один враг, предугадать действия которого невозможно.

Дириец немного помолчал, а потом сделал заговорщицкое выражение лица.

— Но хорошая новость обязательно поднимет вам настроение.

Широким жестом он достал руки из рукавов и развел их в стороны.

— Висиния сал Сарес жива.

Тамар и Флорес удивленно посмотрели друг на друга. Они оба видели гибель влахаки, погребенной под многими карре камня.

— Тем самым в вашем несколько — как бы это назвать? — невольном притязании на трон уже нет особой необходимости, — заявил Сарган, на лице которого была огромная радость оттого, что ему удалось так сильно удивить их.

В голове у Тамара сразу же завертелись мысли; возможные картины будущего формировались и снова распадались. «Если Висиния жива, значит она унаследует титул воеводы и без согласия бояр». Такое сообщение, по крайней мере, вдохнет надежду во влахаков. «А тролли? Можно только надеяться, что в следующий раз они нападут на внешние посты Сциласа».

Пока Сарган попросил вина, Тамар снова посмотрел на Флорес, которая растерянно уставилась на дирийца.

— Висиния выжила? — наконец смогла произнести молодая женщина.

— Насколько я знаю, да. И она не только жива, но и свободна. — Дириец поднял свой кубок для тоста: — Пусть удача будет и дальше благосклонна к ней!

45

Окружение становилось все более причудливым. И хотя Висиния уже давно не могла сказать точно, продолжают ли они спускаться дальше вглубь, все эти причудливые скальные образования, через которые они пробирались, казались ей самыми глубокими недрами горы. Каменистые формации, которые окружали ее, больше не имели ничего общего с тем миром, к которому Висиния привыкла. У скал были настолько острые края, что об них можно было не только порвать одежду, но и порезать кожу, что с болью обнаружила Висиния. Однако троллям, казалось, это совсем не мешало. Их грубая кожа была достаточно плотной для этих темных скал, и поэтому они не обращали на них никакого внимания.

Висинии было нелегко не отставать от троллей. Эти большие существа продвигались вперед быстро и неутомимо. Даже Керу, которая была неуклюжей и более медлительной, чем ее братья и сестры, и то оказалась выносливее и быстрее Висинии. Так что влахаке не оставалось ничего другого, как стиснуть зубы и идти за всеми, пока ее ноги не болели уже от каждого шага, а на душе не становилось совсем пусто.

На каждом привале, пусть даже очень коротком, Висиния впадала в беспокойный сон. В своих снах она продолжала бежать по темным туннелям, без начала, без цели, все дальше и

дальше, пока не просыпалась вся в поту и не переводила обессиленно дух. Воздух, который она вдыхала, был на удивление теплым, как и камни вокруг.

Переход казался Висинии бесконечным. Но, по крайней мере, после борьбы между Турком и Драком прекратились комментарии других троллей на ее счет. Племя наконец безропотно приняло решение их предводителя, даже если влахака и ловила на себе иногда мрачные взгляды, которые на нее бросали некоторые тролли. Но она была слишком уставшей, чтобы думать о них. Ее жизнь находилась в когтях у этих исполинских существ, это уж точно.

Турк снова и снова высылал вперед лазутчиков, которые разведывали дорогу и высматривали возможные опасности. Вот и сейчас один из них снова вернулся. Висиния узнала в нем тролля, которого называли Шляйхером.

— Дальше впереди прохода нет, Турк, — тихо сообщил лазутчик. — Сети. Я не стал подходить близко, но их точно много.

— Проклятые карлики, — выругался предводитель. — Есть ли дорога в обход?

Шляйхер покачал головой.

— Мы можем вернуться и поискать другой туннель. Но последний туннель вел еще глубже. Кроме того, это было бы большим крюком. Я знаю эту местность, там внизу большие расселины.

— Глубокие?

Маленький тролль утвердительно покачал головой. Его рога были еще не очень длинными и плотно прижимались к его голове.

— Очень. Придется долго лезть.

Тут он многозначительно посмотрел в сторону Висинии.

Турк снова начал ругаться и обзывать маленький народец множеством скабрезных выражений. Его гнев стал таким сильным, что он кулаком ударил по стене скалы. Каменные осколки полетели во все стороны, и Висиния увидела темную кровь, которая медленно стекала по пальцам Турка, но большой тролль не обращал на это никакого внимания.

— Или через этот туннель, или дальше вниз? Другого варианта нет?

— Нет. Или мы возвращаемся назад.

— Возвращаться плохо, — решительно заявил Турк. — Кто знает, может, Анда уже преследует нас. А какие пауки в этом туннеле?

— Похожи на жирных бестий, которые с желтыми пятнами. Но я не стал подходить слишком близко, — извиняющимся тоном сказал Шляйхер. — Они такие быстрые.

— Дерьмо.

Турк неуверенно посмотрел на Висинию, затем провел рукой по своим коротко стриженным волосам.

— В чем проблема? — осторожно спросила Висиния. — Это как-то зависит от меня, да? Может, я могу помочь вам?

— Ты? Помочь нам?

Со стороны раздался смех тролля.

— Заткнись, Ферс, — беззлобно ответил Турк, не глядя на него.

Вместо этого он пристально посмотрел на Висинию и нахмурил брови.

— Туннель перед нами непростой. Нам нужно будет пробиваться через него.

— Шляйхер говорил о сетях. Что за сети?

— Паутина пауков карликов.

— Что? — удивленно переспросила Висиния.

Но потом в ее памяти возникли обрывки истории, которую ей рассказывал Сарган. Дириец заявлял, что в горах встречаются некоторые виды пауков-чудовищ и убить их можно лишь с большим трудом. Тогда Висиния приняла эту историю за один из анекдотов, которые так мастерски умел рассказывать Сарган. У дирийца был воистину неисчерпаемый запас таких историй, каждая из которых была еще более невероятной, чем предыдущая. Однако по крайней мере в этой оказалось хоть что-то правдивое.

— Ты имеешь в виду больших пауков, да?

— Да. Больших, чем ты, но меньших, чем тролль, — объяснил тролль, которого Турк назвал Ферсом. — Карлики выращивают этих тварей. Иногда они выпускают чудовищ в туннели, где живут тролли.

— Значит, они не только большие, но и опасные, — резюмировала сказанное Висиния.

— О да. Когда паук один, то тогда еще не очень. Но когда Их много, они могут и троллей поедать. Они делают сети из паутины. Их можно разорвать, но они липкие и вырваться из них можно лишь с большим трудом. А если не повезет, то тролль так и остается висеть приклеенным. А потом приходят пауки.

— Те, которые с желтыми пятнами, они самые плохие, — вмешался Шляйхер. — Если коричневый укусит, это больно, но ничего страшного, а вот желтые могут своими укусами убивать троллей. Они ядовиты.

«Гигантские ядовитые пауки, — уныло подумала Висиния. — Как будто без них подземный мир и так недостаточно опасен».

— Мы можем охотиться на них и убивать. Но сети опасны, желтые пауки прячутся всегда в боковых ходах под своими сетями и никогда не знаешь, где они.

— Звучит не очень приятно, — призналась влахака, на что Ферс снова высокомерно улыбнулся.

— Поэтому нам придется развернуться, — пожав плечами, заявил Турк.

Теперь Висинии пришлось согласиться с высказыванием Ферса, что она едва ли чем-то может помочь. Даже если мощным троллям удастся уйти от пауков, то человек без доспехов и оружия вообще ничего не сможет сделать против этих монстров. «Но, по словам Саргана, даже дюжины гигантских пауков можно победить только при помощи ума. Что он еще говорил? Дыхание Агдель покончит с этими пауками».

«Что такое дыхание Агдель? Думай, Висиния!» Но все ее беседы с дирийцем, казалось, были так давно, как будто в другой жизни.

Тролли все еще ждали возвращения других своих лазутчиков. Потом они развернутся и пойдут в ответвление туннеля, которое поведет их еще дальше вглубь земли.

«Агдель в фигурках из глины выдыхает огонь; так, считается, возникли первые дирийцы», — неожиданно вспомнила Висиния.

— Подождите! — громко воскликнула она, когда ей на ум пришла идея.

Тролли удивленно обернулись к ней.

— Эти сети… вы говорите, они толстые, да?

— Да, конечно. Иначе как бы еще они могли ловить троллей, как ты думаешь?

— А они горят?

Тролли посмотрели друг на друга. Никто не знал ответа на этот вопрос, и Драк сказал:

— Не имеем представления. А что?

— Потому что паутина меньших пауков горит.

— Мы очень редко пользуемся огнем, — возразил Турк. — Огонь слишком ценен. И мы редко находим зажигательный камень.

— Так значит, вы никогда не пробовали поджигать ее?

— Нет.

— Возможно, это сработает. У меня есть еще немного масла в лампе. И мы можем попытаться поджечь сети.

Турк задумчиво огляделся. Другие тролли в ожидании смотрели на него, но ничего не говорили. Наконец большой тролль вздохнул.

— Хорошо. Но если не получится, тогда мы все равно можем вернуться. Приготовьтесь к охоте на пауков с желтыми пятнами!

Пока охотники надевали свои мешки, Турк подошел к Висинии и с интересом наблюдал, как она зажигает оставшийся трут при помощи кремня и железки.

— Это не просто — зажечь зажигательный камень, — заявил тролль. — И мы не часто находим его.

— А ваш зажигательный камень черный и легко крошится? Его можно раздавить в руке? — спросила влахака, осторожно поднося маленькое пламя к фитилю лампы.

Удивленный Турк кивнул.

— Тогда это то, что мы называем углем. Все, готово, — сообщила она и подняла лампу.

Охотники собрались вокруг нее, поигрывая мускулами и скаля клыки.

— А где же ваше оружие и доспехи, которые мы выковали для вас? — спросила Висиния, когда ей вдруг вспомнилось, как влахаки перед битвой против Цорпада полностью снарядили этих огромных существ.

— Друан сказал, что это не для троллей — пользоваться таким, — ответил Турк. — У нас есть клыки и когти, нам не нужно оружия.

— И наша кожа толстая, — вмешался Драк. — Нам не нужны доспехи.

— Мы все эти вещи спрятали в одном надежном месте, так как Друан прав: это не по-нашему. С ними становишься малоподвижным и шумным. Карлики такие. Но не мы.

Висиния удивленно посмотрела на троллей. Они выглядели серьезными, никто не возражал предводителю, некоторые даже кивали. «Они действительно своеобразные. Я думала, что они воспользуются этой возможностью, чтобы с оружием быстрее победить своих врагов».

— Все, пора, — приказал Турк, оторвав тем самым Висинию от ее размышлений. — Остальные ждут. Шляйхер, веди нас.

Маленький тролль быстро шмыгнул в туннель, охотники побежали за лазутчиком, а влахака пошла за ними.

Туннель был почти прямой и делал совсем плавный поворот направо. Висиния попыталась сконцентрироваться на том, чтобы не отставать от троллей. Они же, не говоря ни слова, пригнувшись бежали вперед. Их широкие стопы почти не производили шума, и влахака еще раз осознала, почему карлики так ненавидели и боялись этих огромных существ. Даже на поверхности они были опасны, но в подземных туннелях своей родины тролли были самыми опасными охотниками, которых можно себе представить, — сильные, бесшумные и свирепые.

Впереди Шляйхер пригнулся под выступом скалы и кивнул Турку. Охотники распределились у стен туннеля, в то время как Турк присел возле Шляйхера.

— Женщина, — прошептал предводитель, после того как внимательно посмотрел поверх выступа скалы.

Висиния потихоньку пробралась к нему. Слабого света ее лампы хватало всего на несколько шагов, но даже в полумраке она увидела серые нити, которые были переплетены. Влахака увидела, что некоторые из них были толстыми, как рука, но большая часть выглядела как нити. Не было слышно ни звука, ни одного дуновения воздуха.

Ничего не говоря, Турк взял лампу из рук Висинии и поднял ее. Жестом он приказал влахаке и Шляйхеру отойти за притаившихся охотников. А сам, пригнувшись, пошел вперед. Раздался щелчок. Затем с диким ревом Турк забросил лампу в направлении паутины.

Сначала ничего не происходило, потом лампа ударилась об стену и от удара разбилась. Масло разбрызгалось, загорелось и по стенам и полу поднялось к нитям первой сети. В мгновение ока весь туннель занялся пламенем. Огонь запылал желто-оранжевыми языками, повалил густой черный дым. Висиния зачарованно смотрела на пламя, которое буквально за несколько мгновений, казалось, заполнило весь туннель. Гигантские тени троллей затанцевали на стенах.

Неожиданно из-за завесы пламени с ужасным писком выбралось существо. Длинные ноги, царапающиеся по скале, низкое сгорбленное тело. Паук двигался просто молниеносно, наполовину по стене, наполовину по полу. За его телом тянулись полоски. Висиния в ужасе отшатнулась назад, однако Турк выскочил из-за скалы и схватил одну из его волосатых лап. Паук развернулся. Но Турк тоже быстро развернулся вокруг своей оси. Раздался щелчок, когда тело паука ударилось о скалу. Турк тут же наскочил сверху на насекомое и ударил его. Длинные, подогнутые лапы подрагивали, но удары большого тролля сыпались без остановки.

Дым повалил в их сторону, отчего Висиния начала кашлять, Тролли тоже закашлялись, и Шляйхер даже прикрыл рот рукой.

— Назад! — приказал Турк, который сам медленно отходил от пламени, пятясь к ним.

На мгновение Висинии показалось, что она увидела еще движение в туннеле, но никаких пауков больше не появлялось. Тогда от дыма глаза начали слезиться, и ей пришлось идти быстрее, чтобы уйти от этого едкого дыма.

Хотя тролли тоже кашляли и плевались, один из них радостно крикнул:

— У нас будут жареные пауки!

В ответ раздался громкий смех.

Отойдя на безопасное расстояние, Висиния присела на корточки и попыталась отдышаться. Дым царапал ее горло, наполняя легкие. Каждый вдох посылал по телу Висинии болезненные уколы. И только совсем медленно грудь начал наполнять свежий воздух; судороги затихли. Влахака благодарно наслаждалась сладким ощущением — быть живой.

Вокруг нее тролли тоже приходили в себя.

— Проклятье, все произошло так быстро, — удивленно сказал Ферс и восхищенно посмотрел на Висинию.

— Когда воздух станет почище, мы пойдем туда и поймаем пауков. Если какие-то из них пережили огонь, — заявил Турк. — Шляйхер, приведи сюда остальных.

— Жаль, я не знала, что эти сети так хорошо горят, — хриплым голосом извинилась Висиния.

— Ха! Эти твари тоже этого не знали, — ответил Драк и громко рассмеялся. — Вот я пошутил!

— Ой, мне тоже смешно!

Веселое настроение троллей заразило и Висинию. Ее голова наполнилась легкостью, закружились хороводом пустые мысли. Влахака захихикала, а потом и вовсе начала громко смеяться. Все изнеможение и страх, наполнявшие ее до этого, вдруг вышли с мощным приступом смеха, который сотрясал ее тело, а на глазах снова появились слезы. Ей пришлось даже опереться рукой о стену скалы, чтобы не упасть. Она смеялась и смеялась, слезы ручьями бежали по щекам. Однако затем неожиданно ее горло сжала печаль, и смех превратился в плач. Ее тело стали сотрясать всхлипывания. Ноги совсем отказали, и она скользнула на пол, обхватила себя руками и дала волю слезам. Она лежала в развалинах своего мира, пойманная в чужом, нагоняющем страх царстве, в окружении ужасных монстров. Где-то над ней Стен, наверное, боролся за Влахкис, ее сестра тоже боролась в этой бесконечной войне. «Я никогда их не увижу. Я больше никогда не смогу обнять их».

Она не могла сказать, сколько так пролежала. Наконец слезы иссякли, и ее дыхание успокоилось, но всепоглощающая печаль не хотела отпускать. И только осторожное касание разрушило это состояние. Словно проснувшись от дурного сна, Висиния посмотрела наверх и узнала Керу, которая, беспокойно наморщив лоб, сидела рядом и вопросительно смотрела на нее.

— У меня все хорошо, — глухо сказала влахака и привстала.

Она удивленно посмотрела на руку, которая болела. Там, где она опиралась, был глубокий порез, в котором пульсировала боль. Керу бережно взяла ее кровоточащую руку в свою лапу и исследовала рану. Влахака хотела вытащить руку, но Керу хоть и мягко, но крепко держала ее. Другой рукой она порылась в своих мешках и вытащила кусок кожи, в который было что-то завернуто. Затем тролла открыла этот сверток. Там оказался темный, дурно пахнущий комок. Когда Висиния поняла намерения троллы, то поспешила сказать:

— Я не думаю, что это необходимо! Я…

В этот момент Керу уже вжала руку Висинии в эту массу. Влахака вздрогнула, так как ожидала, что сейчас будет больно или будет жечь, но вместо этого она почувствовала в ладони неожиданную прохладу. Керу оскалила зубы в улыбке и отпустила руку. Этот комок неохотно отстал от руки Висинии, так как был липким, как смола.

И хотя рана все еще болела, прохладное чувство было приятным.

— Спасибо, — тихо сказала Висиния.

Она осторожно поднялась и осмотрелась. В воздухе все еще чувствовался дым, но дышать было уже не так тяжело. Племя собралось вместе и ожидало возвращения охотников, крики которых Висиния слышала далеко впереди.

Наконец вернулся Шляйхер, и Турк отдал приказ отправляться в путь.

В слабом свете лишайников туннель выглядел так, словно в нем бушевал дракон. На стенах была сажа, а под потолком еще клубился дым, к счастью, уже где-то на шаг выше голов троллей. Сети сгорели полностью, и над всем висел вызывающий тошноту запах сгоревших волос и мяса. Висиния с трудом подавляла позывы к рвоте. На одном из выступов стоял Драк и торжествующе потрясал трупом паука. Длинные лапы существа бессильно свисали, тело было явно подгоревшим.

— Я еще никогда не ел их поджаренными, — сообщил Ферс. — Должно быть вкусно!

Другие тролли большими глазами смотрели на результаты разрушения. Время от времени Висиния замечала их взгляды и на себе.

Тут влахаку заставил обернуться неожиданный скрип. Рядом с ней на пол упал камень, который выпал из стены. Потом медленно скатился еще один обломок скалы. За ним зиял черный проход, а в нем показалось движение. Камни посыпались во все стороны, когда через образовавшуюся дырку пролез паук. Ноги животного двигались ужасно быстро. Оно стремглав бросилось к Висинии. Прежде чем влахака успела отреагировать, паук был уже около нее. Висиния могла видеть его жуткие глаза, в которых отражался свет. Неспособная пошевелиться, Висиния наблюдала, как паук встает перед ней, широко расставив ноги.

Вдруг кто-то прыгнул на монстра, отбросив его от Висинии и повалив на пол. Лапы паука зацарапали по стене. Тролль ударил насекомое, другие заревели. Однако пауку удалось приподняться и длинной нижней челюстью ударить по руке тролля. Но на него набросился еще один тролль. Его когти царапали твердый панцирь, вырывали волосы. Он укусил паука и оторвал ему ногу, дико отдернув голову назад. Теплая жидкость брызнула на Висинию, которая все еще словно парализованная стояла на том же месте.

На паука набросились и другие тролли, они начали ломать ему ноги, бить по его черно-желтому телу, пока монстр перестал двигаться.

— Проклятье, — прохрипел тролль, который лежал на полу. Он обхватил свою руку со сжатым кулаком, скорчив гримасу от боли. Словно сквозь туман, Висиния узнала Ферса.

— Он укусил его! — прокричал кто-то из троллей.

Тролла Керу пробилась через своих соплеменников и опустилась на колени рядом с Ферсом. Турк тоже подошел к нему. На его лице снова появился гнев, и он прокричал, гремя на весь туннель:

— Обыщите здесь все! Я не хочу, чтобы нас снова застала врасплох одна из этих тварей!

Охотники и лазутчики поспешили выполнить приказ и побежали искать укрытия пауков.

Висиния медленно прошла мимо Керу, которая смазывала рану Ферса светлой пастой. К своему ужасу, она увидела, что все его тело дергалось в конвульсиях. Изо рта тролля потекла тонкая струйка слюны.

— Он отравлен? — тихо спросила влахака.

— Да. Это проклятый яд пауков с желтыми пятнами, — мрачно ответил Турк.

— Он спас меня.

— Он раздавил паука и не более того, женщина. Он бы сделал это для каждого.

— А он… он выживет?

— Этого нельзя сказать. Дело плохо. Это вещество выедает мясо. Потом будет понятно, справится ли он с этим.

В таком положении, лежа на спине с открытыми глазами, которые ничего не видели, Ферс казался гораздо менее опасным. Его мускулы дрожали, как будто ему было холодно несмотря на теплый воздух. Висиния опустилась на колени рядом с ним и положила руку на

грубую кожу его плеча. Она почувствовала дрожание, сотрясавшее тело тролля.

— Держись, — прошептала она.

Она еще видела перед собой паука, огромного, с холодными глазами и нижней челюстью с мокрым блеском. «Он разорвал бы меня, если бы Ферс не вмешался».

Влахака посмотрела на Керу, которая нежно гладила Ферса по лбу. Тролла выглядела уставшей.

— Ничего не найдено, — сообщил Драк, который только что вернулся.

— Тогда идем. Вы, двое, возьмите Ферса, — кратко приказал Турк и пошел во главу колонны.

Керу взяла Висинию за руку и оттащила от Ферса, который в судорогах боролся за свою жизнь. Драк и еще один тролль подхватили лежащего под мышки и подняли его. Они наполовину несли тролля, наполовину волокли.

Висиния тоже присоединилась к троллям. Но образ раненого тролля, которого несли его соплеменники, не хотел выходить из головы. Даже если Турк и считал, что Ферс не хотел спасти именно ее, Висиния чувствовала огромную благодарность. Одновременно она ощущала себя виноватой из-за того, что тролль, получается, в некоторой степени был ранен из-за нее. И хотя она не могла его видеть, так как вид загораживали другие тролли, она слышала его стоны, которые говорили о том, какие сильные боли он терпит.

Племя быстро прошло закопченный отрезок туннеля и направилось дальше. Тролли перешли на свой обычный темп, который требовал от Висинии всех ее сил, чтобы не отставать.

Через какое-то время Турк приказал сделать привал в пещере, и влахака села рядом со все еще находящимся без сознания Ферсом, обхватив колени руками. Она смотрела на тролля. Его дрожь немного утихла, и он почти не стонал. Глаза под закрытыми веками дергались, а лапы то закрывались, то открывались.

Керу присоединилась к ним. Тролла дала Висинии кожаный мешок с водой. Влахака благодарно отпила несколько глотков. Когда влахака захотела вернуть мешок, Керу просто показала на Ферса. Пока тролла занималась рукой раненого, Висиния пыталась влить ему в рот немного воды. Но как сильно она ни старалась, большая часть снова выливалась из его рта и текла на пол.

Когда она посмотрела на рану, то ужаснулась. Там, где раньше было всего лишь два глубоких укола, теперь виднелись голые мышцы тролля. Появились опухоли, а кожа, казалось, отделилась от мяса.

— Проклятый яд, — прорычал Драк, который как раз в этот момент склонился над Ферсом.

Затем охотник ударил того в грудь и крикнул:

— Но ты все равно справишься с этим!

Вид страдающего тролля причинял Висинии почти физические муки. Она больше не могла переносить это и шатаясь встала. У нее закружилась голова, и ей пришлось опереться о стену. Прошло несколько мгновений, прежде чем мерцающие огоньки перед ее глазами поблекли и она снова смогла ясно видеть.

— Ты должна отдохнуть, — спокойно констатировал Турк.

— У меня все хорошо.

— Но ты так не выглядишь, женщина.

— Меня зовут Висиния! — рассерженно возразила влахака.

— Мы сделаем сейчас большой привал. Ферсу нужен отдых, — заявил предводитель, не обращая внимания на этот упрек, опустился по стене на пол и уселся, глубоко вздохнув. — Огонь был хороший.

Висиния тоже опустилась на пол и выпрямила ноги, которые очень болели.

— Но Ферс должен бороться за свою жизнь.

Ее рука снова начала пульсировать, и глухая боль пронзила ее с ног до головы. Изнеможение затуманило ее разум, и веки отяжелели.

— Эти твари опасны. Керу делает все, что может.

— Я думала, что вы его оставите. Или просто выпотрошите, — сонным голосом сказала Висиния.

Но когда она заметила гневное выражение лица Турка, то сон мгновенно покинул ее.

— Он еще жив, и поэтому мы берем его с собой!

— Конечно, — поспешила сказать влахака. — Я просто думала… я имела в виду…

— Если он умрет, мы возьмем его мясо. Но пока он жив, он принадлежит к племени. Мы никого не оставляем, потому что тогда он сразу же погибнет, и никак иначе!

— Мне жаль, — заявила Висиния несмотря на то, что мысль просить прощения у тролля на мгновение показалась ей абсурдной. — Я не знала.

Вместо ответа Турк только фыркнул.

Висиния не имела ни малейшего понятия, как она могла бы задобрить большого тролля, поэтому решила сменить тему.

— А что с Керу?

— Она старая.

— А почему она не может говорить?

— Карлики. Один из них топором разбил ей челюсть и отрезал язык. Это было давно.

Влахака кивнула.

— А она может лечить, да?

— Она очень плохо может охотиться и бороться. Но она много знает.

Висиния подумала об опасностях, которые подстерегали их почти на каждом шагу. Не только карлики, но и весь подземный мир, казалось, замышлял недоброе против троллей.

— Вы выживаете только вместе, — сказала влахака скорее самой себе.

— Да. Только племя дает безопасность. В одиночку любой тролль погибнет.

— А что со стариками?

Висиния погладила живот. Ее мысли вернулись к новой жизни, которую она носила теперь под сердцем.

— Что с детьми? Как вы защищаете их?

— Дети всегда с нами. И старики тоже. Но в основном тролли не стареют.

В голосе Турка прозвучал такой тон, который заставил Висинию прислушаться. «Их родина требует большой дани, так же как и Влахкис от нас. Печалится ли он от этого или гордится этим?»

— Мы спустились так глубоко, потому что карлики верхние ходы совсем загадили. Здесь, внизу, мало воды и мало еды. Даже мы, тролли, с трудом выживаем здесь.

— И все же маленький народец хотел уничтожить вас, — высказала свои мысли влахака.

Тролль громко рассмеялся. Несколько других троллей посмотрели на него, но затем снова быстро отвернулись.

— Эта война идет уже долго, — заявил Турк. — Это правильно — уничтожать врага. Мы делаем так, как можем. Убиваем каждого карлика, пока не останется ни одного.

— Всех? Детей? Стариков? Слабых?

— Всех. Только тогда мы победим. Теперь эти маленькие сволочи попрятались в своих пещерах. Анда изгнала их, но они там в своих пещерах размножаются. Они куют оружие и строят планы. Они вернутся и продолжат войну. Пока не останется ни одного карлика или ни одного тролля!

Висиния в ужасе посмотрела на большого тролля. Война и ненависть между масридами и влахаками тлеет уже несколько столетий, и случались ужасные вещи. Но никогда и речи не было об уничтожении целого народа. Тролли — так же, как и карлики — были на войне такими же жестокими и беспощадными, какой была и их родина.

— Мы уничтожим карликов рано или поздно. По крайней мере, в этом Анда права.

Прежде чем Висиния смогла спросить об Анде, вернулся лазутчик и побежал прямо к Турку. Тяжело дыша, он стал на колени перед предводителем.

— Мы нашли тролля.

Висиния с любопытством прислушалась. Турк наклонился вперед.

— Где?

— Там, дальше в туннеле. Тяжело ранен. Он сказал, что он принадлежал к племени Парда.

— Пард где-то поблизости? — вмешалась влахака. Турк бросил на нее мрачный взгляд.

— Кто ранил его?

— Анда, — еле слышно ответил лазутчик.

Турк чертыхнулся и осторожно огляделся. Хотя некоторые из троллей еще смотрели на них, но большинство уже спали.

— Приведи меня к нему, — приказал он и поднялся.

Висиния тоже встала.

— Я пойду с вами, — решительно заявила влахака.

Мгновение большой тролль колебался, но потом кивнул. Они последовали за лазутчиком в туннель. Хотя Висиния и взяла с собой немного светящегося лишайника, ей с большим трудом удавалось различать мрачные окрестности. Даже в сопровождении двух троллей она не чувствовала себя в безопасности. До сих пор она всегда была в сопровождении всего племени. Теперь с ней были только Турк и лазутчик. На влахаку надвинулась неуверенность. Слишком много было опасностей глубоко под землей, слишком легко могло произойти что угодно.

Путь был не очень близок, но в конце концов они добрались до места, где туннель расширялся. За острым выступом скалы Висиния разглядела силуэт; это был тролль, который оперся на стену. Когда она подошла ближе, то увидела ужасные ранения, которые были нанесены троллю. Его кожа во многих местах была просто разорвана, и в ней остались глубокие бороздки.

— Ты позаботился о его ранах? — спросил Турк.

Лазутчик покачал головой.

— Слишком много, — пробормотал он, прежде чем пошел дальше вперед на охрану подхода к этому месту.

Висиния увидела, что он был прав. Раны были глубокими, и на полу растеклись целые лужи крови.

— Как тебя зовут? — спросил Турк, наклонившись к умирающему.

— Ремм.

Глаза тролля блуждали, словно он искал того, кто обращался к нему, хотя Турк был прямо перед ним.

— Что случилось, Ремм?

— Анда… ее тролли нашли нас.

— Где Пард?

— Ушел глубже. В расщелины. Совсем близко к биению сердца.

Тут Ремм начал задыхаться и сплевывать кровь. Тролль оскалил зубы в ужасной улыбке.

— Они порядком меня потрепали. А потом просто оставили лежать, словно проклятых карликов.

— Сколько вас еще осталось? — спросил Турк, не обращая внимания на сказанное.

— Четверо или пятеро, — кашляя сказал Ремм, — а еще эльф и человек.

— Человек? — удивленно переспросила Висиния. — Здесь?

— Человек — хареег Друана.

Висиния подскочила вперед и опустилась на колени перед раненым троллем.

— Стен? Ты имеешь в виду Стена?

Но веки Ремма дрогнули, дыхание ускорилось. Затем послышался последний отчаянный выдох, и наступила тишина.

— Нет! Скажи мне! Ты имеешь в виду Стена? — прокричала Висиния мертвому

троллю. — Ты должен сказать мне это!

Она схватила голову, которая безжизненно склонилась на бок, но Турк, схватив за руку, оттащил ее.

— Он больше ничего не скажет. Он снова ушел в биение сердца. Пойдем.

Голос большого тролля не допускал возражений. Мысли Висинии заметались. Стен здесь, внизу. Ищет ли он меня? Откуда он знает, что я здесь? Почему он с Пардом? Это Друан привел его? Как мне его найти? Однако все эти вопросы остались без ответа, а они тем временем возвращались в пещеру, где сейчас отдыхало племя Турка.

— Просыпайтесь! — бесцеремонно заревел Турк. — Все охотники идут со мной!

— Куда? — спросил Драк, который подскочил на ноги и теперь лихорадочно оглядывался.

— Анда охотится на племя Парда. Мы будем искать их.

Бормотание наполнило пещеру, когда тролли принялись обсуждать эту новость.

— Я беру с собой лазутчиков, Шляйхера и Каса. Драк, ты остаешься здесь и ведешь остальных. Осторожно следуйте за нами. В туннеле лежит мясо, возьмите его с собой.

Не успела Висиния опомниться, как группа охотников уже собралась.

— Я иду с вами, — крикнула влахака.

Но Турк покачал своей огромной головой.

— Нет, слишком опасно. И нам нужно быстро двигаться, ты будешь только задерживать нас.

— Я должна пойти с вами, — объяснила Висиния. — Стен тут внизу. Я должна…

— Нет, Ви-си-ни-я, — твердо ответил Турк, произнеся ее имя по слогам. — На этот раз — нет.

После этих слов он развернулся и быстро побежал в туннель, а за ним его охотники. Висиния тоже хотела последовать за ним, но Драк преградил ей путь.

«Стен, что мне теперь делать?» — в отчаянии подумала влахака, но не смогла придумать никакого ответа.

46

Несмотря на плохую погоду и суровые условия, Сарган был рад лагерной жизни.

Флорес и Тамар приказали увеличить темп, чтобы их войско добралось до Мардева раньше Сциласа. Постоянный дождь и жесткая задача, поставленная на день, подавляли настроение воинов. По вечерам они изнуренные падали на свои лежанки, а по утрам снова выползали из укрытия бледные и дрожащие. Но так как Сарган скакал на лошади, то быстрые марши не сильно утомляли его.

Пока он ехал рядом с колонной в сопровождении своей охраны, то видел масридов и влахаков, которые топали вперед с пустыми глазами. Солдаты пытались защититься от дождя, как кто только мог, но влага проникала сквозь плащи, стекала по доспехам и затекала в сапоги.

Марширующие превращали дорогу в глубокую грязь, в которой вязли сапоги, а достать их можно было только с большим трудом. Обозы то и дело застревали, их колеса настолько глубоко увязали под весом груза в этой грязи, что их приходилось выталкивать с помощью воинов. Каждый шаг был усилием, борьбой против стихий.

Всеобщая усталость подавила даже тлеющие раздоры между влахаками и масридами; с момента прибытия Саргана в лагере не было никаких происшествий. Но за это природа теперь требовала свою цену: все больше и больше солдат кашляло и страдало от лихорадки. Колонна больных, которая маршировала посередине, росла с каждым днем. Точно так же, как и каждый день, вырывали все большие ямы, чтобы похоронить умерших. «Через Влахкис тянется цепочка могил, — подумал дириец. — Раненые, больные, слабые. Отцы, сестры, сыновья, друзья. Всех их унесла война, даже если для этого никому не пришлось размахивать мечом».

Прищелкнув языком, Сарган ускорил бег кобылы и поскакал мимо длинных рядов измученной армии. Разбрызгивая грязь, дириец присоединился к всадникам, которые ехали в голове колонны.

Марчег Бекезар был завернут в вощеный плащ и сидел на своем жеребце выпрямившись, хотя дождь и стекал с него потоками. «Юный марчег хочет быть примером для своих людей, — понял Сарган. — При такой погоде это не очень-то весело». Дириец уже не раз задавался вопросом, каково было сейчас чувствовать себя на месте масридского дворянина, правление которого началось с потери родного города. «При этом он держится довольно хорошо. Если он еще научится обуздывать свою неукротимую гордость, то, возможно, из него получится приемлемый властитель».

И только когда Сарган добрался до Тамара, он снизил темп и повел свою лошадь рядом с жеребцом марчега.

— А, достопочтимый легат, — поприветствовал его масрид и смахнул несколько капель дождя со лба.

— Как вы думаете, долго еще? — спросил дириец.

Его взгляд скользнул по Соркатам, которые возвышались уже прямо перед ними. Верхушки гор исчезали в низких облаках, покрывающих все небо. Серые края гор также таяли за серыми облаками. Вероятно, в Мардеве сейчас был густой туман.

— Мы должны еще сегодня добраться до гор. Но раньше завтрашнего дня начать подъем не удастся. Нам придется разбить лагерь у подножья горы.

— С повозками эта дорога будет очень трудной, — высказал свои соображения Сарган.

— Местность там скалистая. По крайней мере, больше не будет этой проклятой грязи. Но будет трудно, да.

Дириец задумчиво оглянулся через плечо. Солдаты не производили впечатления, что смогут преодолеть еще один отрезок тяжелого пути. Более того, Саргану казалось, что большинство из них были готовы упасть на землю прямо здесь.

— Мы сейчас немного проскачем вперед и разведаем дорогу, — продолжил Тамар. — Вы хотите сопровождать нас, достопочтимый посланник?

— Почему нет? День был достаточно однообразным, так что я уже прямо истосковался по разнообразию.

Они вместе поскакали к передовой группе, где Флорес маршировала в окружении нескольких бояр. Влахака спешилась со своей лошади и вела животное за поводья. В запятнанном кожаном плаще и с надвинутым на Лицо капюшоном воевода казалась скорее разбойницей с большой дороги, чем главнокомандующим влахаков.

— Мы собираемся к авангарду, — прокричал ей Тамар. — Чтобы посмотреть место для лагеря.

Влахака молча кивнула и проворно вскочила в седло. Она присоединилась к ним, и все трое пришпорили лошадей. Позади себя Сарган услышал топот копыт, когда его воины последовали за ним.

Перед колонной марширующего войска путь находился еще в более-менее хорошем состоянии, поэтому они довольно быстро продвигались вперед. Тем не менее, пока они добрались до авангарда, солдаты остановились на большом лугу несколько в стороне от дороги, поставили несколько палаток и развели костер. Когда к ним приблизилась маленькая группа, несколько воинов уважительно приветствовали их, но большинство даже не подняли головы.

— Хорошее место, — оценила Флорес. — Ровное и довольно большое для лагеря. Мы выставим посты на дороге и на краю леса.

— Мне не нравится, что мы все еще не видели таинственный отряд кавалерии Сциласа, — серьезно заявил Тамар. — Их слишком много, чтобы быть просто лазутчиками.

— Но слишком мало, чтобы напасть на нас или хотя бы задержать, — возразила Флорес.

— Возможно. Давай проверим дорогу, пока еще хоть немного светло. От этой

проклятой погоды теперь так рано начинает темнеть.

Марчег поскакал вдоль дороги, которая медленно поворачивала в сторону гор. Местность здесь была скорее холмистая; предгорье уходило вглубь равнины Садата. Мардев был лишь маленькой частью страны, которая, будучи плоскогорьем в самом сердце южных Соркат, прижималась к высоким горам. Хотя Мардев по сравнению с остальным Влахкисом был очень маленьким, его своеобразное положение и труднопроходимая местность уже сами по себе стали хорошей защитой от врагов. «Сюда вольные влахаки и отступили после поражения в битве против Аркаса Диммину и защищались более двух столетий. Мардев стал почти легендой, потому что ни один масрид не смог выбить отсюда предков Ионны».

На плоскогорье можно было подняться несколькими путями, которые подходили для армии. Самый главный лежал перед ними, он примыкал к пути, который вел от Маги к югу. «А путь хорош, — презрительно подумал Сарган. — Утоптанная глина, и больше ничего. В Золотой империи управитель провинции сгорел бы от стыда и должен был бы бояться за свою голову, если бы по такой улице должны были проезжать путешественники».

Но в действительности грунт вскоре стал более каменистым, точно как и предсказывал Тамар, а сама дорога постоянно вела в гору. Перед ними возвышался крутой склон, который доходил до нижних облаков. Небольшой кустарник цеплялся за эту скудную почву, немного травы, но в остальном плоскогорье казалось неживым и пустынным.

Пока Сарган определял, сможет ли он разглядеть в серых облаках верхнюю часть склона, Тамар уже скакал наверх по дороге между скал. За ним следовала Флорес, а за ними двумя скакало еще несколько воинов, и их вид напоминал Саргану змею, которая ползет на гору.

Только Сарган хотел последовать за ними, как вдруг заметил наверху склона движение. Дириец настороженно прищурил глаза и попытался разглядеть точнее. Но туман и облака закрывали ему вид, превращая верхнюю часть склона в нечто серое. Неожиданно по земле прошел глубокий грохот. Высоко над всадниками от скал отошли камни. Медленно мощные обломки начали сползать вниз, однако Сарган сразу же осознал опасность.

— Назад! — закричал он. — Оползень!

Всадники поспешно развернули своих лошадей. Провести этот маневр на узкой дорожке было непросто, и лошади занервничали. Одна начала приплясывать в сторону, отчего ее задние ноги соскользнули со склона. Ее всадник выпал из седла и покатился вниз. Потом лошадь обессилела и полетела вниз, несколько раз перевернувшись.

Сарган с ужасом наблюдал за лавиной, которая обманчиво медленно прокладывала себе дорогу, набирая с собой все больше камней.

— Поспешите! — крикнул дириец и усиленно замахал руками.

Его кобыла зафыркала и от страха стала прижимать уши. Он почувствовал, как она дрожала под ним, но крепко держался в седле.

Большинство всадников выбрались из опасной зоны. Флорес была с этой группой, но Тамар находился еще наверху. Сарган увидел, как марчег смотрит на упавшего воина, а потом оглядывается через плечо назад. Он резко направил своего коня вниз по склону. Масрид сидел в седле пригнувшись, его конь почти приплясывал на скользкой земле. Сейчас Тамар был возле упавшего солдата, который уже встал. Он схватил воина за ворот, словно мокрый мешок, поднял к себе на седло. Немного выше марчега гремела лавина, которая даже самые большие скалы неудержимо тянула за собой. «Он не успеет», — подумал Сарган, когда Тамар снова пришпорил коня и при этом сам создал маленькую лавину. Камни полетели из-под копыт коня, когда он с широко раскрытыми глазами понесся вниз по крутому склону. Сарган завороженно смотрел на Тамара, который скакал словно одержимый.

— Дорогу! — прокричала Флорес, проносясь мимо Саргана. Но дириец не мог отвести глаз от Тамара. Марчег уводил лошадь от оползня; несколько раз у коня подкашивались ноги, но каждый раз Тамару удавалось удержаться в седле и удержать своего коня.

— Повелитель, — раздался вдруг низкий голос Балаоса.

Комья земли летели в воздухе; вокруг прыгали камни; обломки скал с грохотом ударялись друг об друга. И уже первые валуны прокатились мимо Тамара. Тут ему в плечо попал камень и отбросил его назад. С большим трудом ему удалось удержаться в седле. «Сейчас с ним это произойдет! Сейчас лавина дойдет до дорожки и похоронит его под собой».

— Повелитель, мы должны возвращаться назад, — посоветовал Балаос.

Сарган нехотя кивнул и повернул лошадь. Бросив последний взгляд через плечо, он увидел Тамара, которого уже почти настигли ревущие камни. Затем марчега накрыло землей. Сарган пришпорил лошадь и поскакал за Флорес. Даже во время скачки он чувствовал, как дрожит земля, а шум лавины просто оглушал.

— Где Тамар? — крикнула Флорес, когда Сарган присоединился к ней.

Влахака с солдатами укрылась за несколькими скалами и спешилась.

— Оползень… — осторожно начал было Сарган.

Флорес, не веря своим ушам, покачала головой.

— Вот дурак!

Она обежала скалы и побежала вниз по склону. Дириец хотел последовать за ней, но Балаос загородил ему дорогу.

— Пропусти, — приказал ему Сарган, но охранник не сдвинулся с места.

— Наглый силк! — начал ругаться дириец, но Балаос не дал сбить себя с толку.

Поэтому Сарган мог только видеть, как Флорес бежала вниз по склону и при этом выкрикивала имя Тамара.

Неожиданно из облаков пыли вырисовались очертания. Темный силуэт, который становился все четче, пока Сарган не узнал марчега, который вел своего жеребца к Флорес. В шуме грохочущих каменных масс Сарган не мог понять, какими словами они обменивались, но размашистые жесты Флорес говорили о ее гневе.

На губах Саргана появилась незаметная улыбка, когда он подумал о пикантной тайне, которая, вне всяких сомнений, была у масрида и влахаки. От других они, конечно, могли скрывать ее, но дириец видел взгляды, которыми они обменивались. «Тогда мне придется поискать другую невесту вместо Флорес, — весело подумал дириец. — Да она и без того была слишком импульсивной для меня и быстра в обращении с клинком. Мне просто не везет с влахаками».

Вскоре Тамар, Флорес и спасенный воин вернулись к остальным. На лице марчега отражались противоречивые чувства.

— Никаких потерь, — констатировала Флорес.

— Нам повезло, — возразил Тамар. — Если, конечно, можно назвать везением то, что на нас опустилась половина Соркат! — Наверное, дождь размыл почву. Возможно, наша скачка вызвала первое смещение камня.

— Возможно, — с сомнением сказал дириец. — Но возможно и нет. Я незадолго перед происшедшим видел кое-что.

— Что? — одновременно спросили Флорес и Тамар.

— Я не знаю точно. Движение. Возможно, человека. Я не уверен, ведь там, наверху, все в тумане.

— Сцилас! — воскликнул Тамар и чертыхнулся. — Он угадал, куда мы повернем.

— Что с некоторых пор не так сложно сделать. Ведь мы все города обходили с левой стороны, — заявила Флорес. — Но неужели ты в самом деле думаешь, что это его рук дело? Возможно, это обычный оползень. Возможно, Сарган просто увидел обычного дикого муфлона.

— Я нутром это чувствую, — мрачно возразил Тамар и посмотрел на склон, который снова спокойно лежал перед ними.

— В любом случае, теперь мы не сможем здесь подняться в Мардев, — констатировала Флорес. — По крайней мере, не с лошадями и обозами.

— Нет. Нам нужно будет подняться в другом месте. Но нам нужно выслать наверх

лазутчиков, которые будут высматривать солдат Сциласа. Я не хочу еще раз пережить такую неожиданность.

— Если это были воины Сциласа, почему тогда они не дождались, когда нас будет больше на дорожке? Ведь они могли под каменной лавиной похоронить пол-армии!

— Возможно, они узнали вас, марчег, и не захотели упускать такой возможности, — предположил Сарган. — Или они просто хотели сделать так, чтобы этот подъем точно стал непроходимым, и не полагаться на то, что первая попытка удастся.

— Эти размышления ни к чему не приведут. Уже сегодня вечером я разошлю лазутчиков. Если это были люди Сциласа, то я хочу получить их головы. Но сейчас необходимо возвращаться в лагерь. Нам нужно проложить новый маршрут.

Они вместе вернулись в лагерь, где основная часть войска уже занималась установкой палаток.

Уже стемнело, когда Сарган, вымывшийся и переодевшийся, приблизился к шатру Тамара. И хотя на военных советах он ничего не терял, это мало заботило дирийца. На этих собраниях решалась судьба страны, а вместе с этим и успех или неудача Саргана. Насколько он мог оценить положение, в войне наступил критический момент. «Одна ошибка, и Сцилас может одним ударом уничтожить всю управляющую верхушку своих врагов. От этого больше никогда не оправятся ни масриды, ни влахаки».

Он слышал, как позади него тяжело ступал в грязи Балаос. Дождь играл тихую песню на доспехах силка, который, однако, безропотно переносил как эту неприятность, так и все остальные. Сарган простил его за то, что он стал у него на пути. Наверное, Балаос и вправду был заинтересован в его благополучии и не был шпионом врагов.

Через вход в большой шатер пробивался теплый заманчивый свет, и Сарган ускорил шаги. Однако прежде, чем он смог зайти, под навесом на его пути встала охранница. Осторожно, чтобы не намокнуть, дириец отодвинул капюшон немного назад, чтобы стало видно его лицо.

— Ты? — удивленно спросила охранница.

Ее лицо было в тени, а свет из шатра ослеплял Саргана, так что он не мог узнать ее.

— Прости, — попросил дириец и сощурил глаза.

Белые волосы свидетельствовали о том, что это была масридка. Она немного повернула голову. Свет осветил лицо и резко оттенил. Прошло несколько мгновений, прежде чем Сарган узнал ее:

— Маиска!

— А ты… Вы — Сарган, писарь из Дирийской империи.

— У меня был небольшой скачок в карьере, — честно ответил Сарган, когда вспомнил о том, как в прошлом году он обманул эту молодую женщину в вопросе своей профессии.

На него нахлынули воспоминания о ночах, проведенных вместе. Маиска всегда знала, чего хотела. С трудом ему удалось подавить усмешку.

— Тогда ваши рыжие волосы действительно принесли вам удачу.

— А ты от караула у ворот в Турдуе поднялась до личной охраны марчега? Возможно, мои рыжие волосы принесли удачу нам двоим? — ответил Сарган и подмигнул юной масридке.

— Я не хочу задерживать вас, господин.

— О, ты меня не задерживаешь. Ну, разве что совсем немного, — признался Сарган. — Возможно, мы сможем продолжить наш разговор, когда собрание закончится.

С вежливым поклоном воительница отошла в сторону и склонила голову, в то время как Сарган прошел в шатер. «Наверное, Балаоса хватит удар, если я встречусь с масридкой, — со вздохом подумал дириец. — Постоянная личная охрана делает флирт невозможным». Неожиданно ему в голову пришла мысль, что, возможно, это не враги дали ему в поездку Балаоса, а его жены.

— Неужели трудности пути такие тяжкие, Сарган? — язвительно спросила Флорес и

подняла кубок в знак приветствия.

— Что?

— Ваш вздох. Такой глубокий и долгий, как будто вам приходится нести все тяготы этого мира.

— Нет. Мне приходится терпеть только погоду во Влахкисе. Хотя иной философ сказал бы, что было бы проще взять на себя все заботы, чем еще один день переносить этот океан, низвергающийся с неба, который вы называете просто дождем.

— Я могу подарить вам свой плащ, легат, — холодно ответил Тамар.

Марчег сидел на простом табурете и держал карту на коленях. Он нахмурил лоб и напряженно смотрел на расписанный пергамент. «Он не переносит меня, — весело подумал Сарган. — Он пытается скрыть это, но у него не очень хорошо получается».

— Нет, спасибо. Мой господин, Золотой император, обеспечивает меня всем, что мне нужно. Но ваше предложение, естественно, делает мне честь, марчег Бекезар.

Масрид озадаченно посмотрел на него, но Сарган улыбнулся обезоруживающей улыбкой.

— А где другие члены совета? — спросил дириец и снова движением руки отослал Балаоса из шатра.

— Мы созовем их немного позднее, — пробормотал Тамар, и Флорес объяснила, показав глазами на масрида:

— Мы хотели сначала посмотреть, какие возможности у нас остались. Тогда совет продлится не так долго.

— Очень разумно. И?

Теперь была очередь влахаки вздохнуть.

— Собственно, есть только два пути: запад и восток. Мимо Полеамта или мимо бывшего монастыря Стариг Яцек.

— О возвращении речь не идет, да? — на всякий случай уточнил дириец.

О монастыре у него сохранились неприятные воспоминания. Там он попал в руки Цорпада, который оказался неимоверно тяжелым хозяином.

— Нет, ведь тогда мы попадем прямо в руки Сциласа. Мы должны добраться до Мардева. Но независимо от того, куда мы пойдем, мы даем марчегу Ласцлару возможность подойти к нам на опасно близкое расстояние. Полеамт находится на западе, но, чтобы добраться до дороги на Полеамт, нам нужно где-то полдня маршировать назад. Тогда. Сцилас будет на расстоянии меньше одного дня. Достаточно близко, чтобы напасть на нас.

— А восток?

— Туда не ведет никакая дорога, есть только одна или две старые, наполовину заросшие. Нам придется продвигаться по трудной местности, да еще с обозными повозками.

— Но такие же проблемы будут и у Сциласа, не так ли?

— Да, — наконец подключился к разговору Тамар. — Поэтому восток представляется нам лучшей возможностью.

Сарган вопрошающе посмотрел на Флорес, которая медленно кивнула.

— Вероятно. Пока Сцилас заметит, что мы поменяли направление, мы уже будем в Мардеве.

— Ты сомневаешься, — констатировал Сарган, увидев обеспокоенное выражение лица Флорес.

При таком фамильярном обращении Тамар еще больше помрачнел. «Ах, так вот в чем здесь дело! — понял Сарган. — Он воспринял мое предложение Флорес серьезнее, чем я сам». Он злорадно вздумал назвать влахаку еще каким-нибудь ласкательным именем, но потом решил не делать этого. «Все же мне не хотелось бы познакомиться с секирой молодого, но такого горячего человека».

— Нам нужно будет пересекать дикую местность без дороги, — тем временем объяснила влахака. — Но с севера прямо к брошенному монастырю ведет дорога. Если Сцилас пойдет по ней…

— Если он знает, куда мы хотим, то он может просто отрезать нам путь, не важно, куда мы повернем, — взорвался Тамар.

Он посмотрел на Флорес и Саргана, затем снова откинулся назад и потер виски.

— Мы можем только надеяться, что будем достаточно быстры.

— Но если оползень был делом рук Сциласа…

Саргану не нужно было заканчивать предложение. Лавина заблокировала им прямой путь; теперь армия должна была искать другую возможность попасть в Мардев. Возможно, Сцилас как раз это и планировал.

— У нас нет другого выбора, и не имеет никакого смысла обсуждать это, — мрачно сказал Тамар.

— Восток? — спросила Флорес.

— Восток, — подтвердил марчег и позвал Маиску, которой приказал созывать совет.

— Пусть духи помогут нам, если мы приняли неправильное решение, — сказала Флорес и покорно покачала головой.

«Если здесь вообще есть правильное и неправильное решение, — в мыслях добавил Сарган. — При пожаре сгорает как сухой ствол, так и мокрые ветви. Иногда зло подстерегает везде, и можно выбирать лишь меньшее зло».

47

Дикое бегство сделало подземный мир еще более опасным, чем он был до этого. Вой преследователей звучал то ближе, то дальше, однако слышался постоянно. И он изнурял и человека, и эльфа, и троллей. Стен видел страх в глазах больших существ, даже если они вели себя воинственно.

Пард приказал своему племени бежать, и привалы делались очень редко и ненадолго. Тролли были выносливыми, и Тарлин тоже переносил напряженный бег без жалоб. Стен чувствовал каждую мышцу в своем теле, но тоже не жаловался. Годы борьбы против Цорпада не прошли даром, и он привык бежать даже при полном изнеможении.

Когда они проходили мимо узкого водотока, который протекал через одну пещеру, а затем снова исчезал в стене скалы, Пард разрешил немного отдохнуть. Тролли устало пили воду; некоторые даже головы опустили в прохладную воду. Стен тоже пил жадно, после чего подошел к Парду, который внимательно следил за туннелем.

— Они гонят нас вперед, — заметил воин.

— Да, — односложно ответил большой тролль. Керр тоже присоединился к ним.

— Они такое же делали со мной и Друаном.

В его лице Стен отметил дикую решительность.

— Как тебе удалось уйти? — спросил Стен.

— Совсем не удалось. Они поймали нас. При этом они убили Друана, а меня бросили в одну из расщелин.

— Да, плохие перспективы…

— Это точно, — мрачно согласился Пард. — Всегда, когда мы меняем направление, это дурацкое завывание доносится с другой стороны. Они ведут нас. Где-то нас ждет Анда.

. — Тогда мы должны найти выход. Мы не можем позволить им загнать нас в ловушку!

Юный тролль был полон гнева, но Пард покачал головой:

— Два лазутчика не вернулись. Я больше никого не могу отослать вперед одного.

— Мы выберем одно направление, и охотники пойдут впереди. Они же не могут быть везде одновременно. Мы можем победить их!

— Это возможно, — согласился Пард. — Но они также убьют некоторых из нас.

— Тогда что ты хочешь делать? Попасться в их ловушку? — спросил Стен, который слишком хорошо знал Парда, чтобы поверить в такое.

До сих пор большой тролль никогда не уходил от боя.

— Нет, — усмехаясь ответил Пард. — Я не настолько тупой. Керр прав, но мы сначала

спустимся глубже. Я знаю местность внизу. Там есть несколько глубоких расщелин. Мы сейчас уже недалеко от биения сердца. И шахта, которая ведет от дома священников солнца, идет глубоко. Гораздо глубже, чем мы тогда спускались.

— И? — растерянно спросил Керр.

Стен пытался представить себе, как Пард хочет попасть к духу темноты. Монастырь находился сейчас где-то над ними. На каком расстоянии, Стен не мог даже представить себе. Но темная шахта, вблизи которой жил дух темноты, вела очень глубоко в недра земли. Через эту шахту священники культа солнца Альбус Сунас воздействовали своей магией, которая и восстановила дух темноты против троллей.

— Мы пробьемся к шахте под цепочкой троллей Анды. Если надо будет, мы полезем на какой-то участок вверх.

Неожиданно позади Стена раздался голос Тарлина:

— Разве наши преследователи не заметят этого?

— Они хотят гнать нас вперед, поэтому и весь этот крик. Они надеются, что мы от страха потеряем голову. Но мы не серяки и не карлики. Мы — тролли! Мы найдем дорогу.

— Звучит как хороший план, — констатировал Стен.

— Нам скоро нужно продолжать путь. Они должны думать, что мы от страха даже не останавливаемся на отдых. Они должны думать, что мы бежим, словно загнанные обжоры.

Они вместе прислушались к вою, который, казалось, шел сразу со всех направлений одновременно.

— Ну все, хватит раздумий, — заявил Пард и развернулся. — Мы продолжаем наш путь! Давайте! В дорогу!

И хотя на лицах троллей было четко написано, что им этот приказ не нравится, все безропотно поднялись и последовали за Пардом в туннель, который явно спускался вниз. Воздух здесь был теплым, и духота постепенно становилась все сильнее. Пока они бежали вперед, Стен осторожно проверил свое оружие. «Не то, чтобы я считал свое оружие большой защитой от противника, от которого бежит даже сам Пард, но…» Но тем не менее это было хорошее чувство — держать в руках обитую кожей рукоять меча.

Вскоре от такого тепла Стен начал потеть, его одежда быстро стала теплой, а потом и влажной. Он уже давно был только в одних простых кожаных вещах и легких доспехах. Уже несколько дней он не брился, и за это время у него отросла настоящая борода. Его мысли поднялись вверх, через скалы и камни, пока не оказались на поверхности. Где-то там наверху были Флорес и Ионна. Возможно, они уже сразились в битве. Или они все еще борются, защищая свободу влахаков. «И свободу масридов, какой бы странной и чуждой ни казалась эта мысль».

Не в первый раз Стен пожалел о своем решении уйти с войны. Но в глубинах Соркат он нашел такое задание, которое, возможно, было еще важнее, чем военный поход. «Пусть духи защитят мою сестру и поведут ее правильной дорогой. Я невольно поставил перед ней нелегкую задачу».

— Здесь мы должны спуститься, — крикнул Пард, который в этот момент стоял возле темной дыры в стене скалы.

Отверстие мрачно зияло перед ними, в свете лишайника оно казалось всего несколько шагов в ширину. И речь здесь шла об очень крутом спуске вниз.

— Надо просто прокатиться вниз, — кратко объяснил Пард и опустил одну ногу в отверстие.

В течение нескольких мгновений он уже исчез. Стен ошеломленно отошел назад и посмотрел на Тарлина, который только пожал плечами. Один за другим тролли без промедления прыгали в темноту и исчезали из виду. Наконец наступила очередь Керра, который повернулся к Стену:

— Можно скатываться и медленнее. Для этого нужно только опереться о стены.

— Я уже спускаюсь, — ответил Стен, хотя темное отверстие в стене совсем не привлекало его.

Тролль кивнул, и его тоже поглотила темнота.

— После тебя, — сказал Стен Тарлину, который без колебаний прыгнул.

Мгновение Стен просто стоял, потом снял рюкзак с плеч, надел его спереди и сел в отверстие ногами вперед.

Влахак осторожно расставил ноги и стал медленно спускаться вниз. Скала здесь была шершавая и теплая. Узкая шахта будто железным обручем сдавила грудь Стена. Он чувствовал себя словно в могиле. Слегка липкие лишайники, которые он положил на рюкзак, недостаточно освещали темный камень скалы вокруг него.

Неожиданно вверху раздался громкий рев. Стен от страха чуть не потерял опору. И хотя он ничего не мог разглядеть над собой, но услышал громкое вынюхивание, а затем капля какой-то жидкости упала ему на лоб. Больше особо не раздумывая, Стен перестал опираться о стены. Он сразу же покатился вниз, стремительно спускаясь по шахте. Его кожаные доспехи терлись о скалу. Когда он рукой дотронулся до стены, то в мгновение ока с нее была содрана кожа. «Такая проклятая…»

В этот момент вокруг него открылся мир. Вокруг него больше не было скал. Мгновение Стен был абсолютно растерян, а потом ударился о поверхность воды.

Сила удара вогнала его глубоко под воду, которая сомкнулась над ним. Его ноги бесцельно барахтались в пустоте, не находя опоры, и влахак боролся с паникой, которая в нем нарастала. Его легкие горели, он хотел глотнуть воздуха, но вокруг была одна вода, пока его наконец не схватила тяжелая рука и не потащила на воздух. Кашляя и задыхаясь, Стен пробился через поверхность. Вокруг себя он слышал смех. Неспособный ни на одну ясную мысль, сейчас он позволил тащить себя в теплой воде, пока не почувствовал под ногами твердую почву. Его сердце бешено колотилось, он с трудом переводил дыхание. Стен сердито откинул мокрые волосы с лица.

— Ты глупая задница! — накричал он на Парда, который с улыбкой смотрел на него.

— Почему? Было ведь весело, не так ли?

— Весело? Да у меня чуть сердце не остановилось! А потом я чуть не утонул!

Однако влахак увидел, что троллей его гневный взрыв веселит еще больше.

— Там наверху было что-то, — прошипел Стен и потряс головой, чтобы вытекла вода из ушей. — Нам нужно идти дальше.

— Я знаю дорогу, — заявил Пард, все еще усмехаясь. — Следуйте за мной.

Большой тролль побежал вперед, и Стен присоединился к нему.

— Ты знал об озере, — с мрачным видом понял влахак.

— Да.

— Но почему ты не предупредил нас?

— Маленькая шутка, — пожав плечами, ответил Пард и бросил взгляд назад. — Им нужно было разрядиться смехом.

Стен мрачно глянул на тролля, но тот остался непоколебимым и просто шагал дальше. Вздохнув, влахак сдался и открыл рюкзак, чтобы проверить запасы. К счастью, от падения ничто не пострадало, кроме масляной лампы, которую залило водой.

«Ничего себе маленькая шутка, — сердито подумал Стен. — Я чуть не умер!» Страх медленно отпускал его тело, и голова стала легкой. Он удивленно заметил, что руки дрожат. Бесконечное множество раз он должен был защищать свою жизнь с оружием; уже несколько раз он смотрел в глаза верной смерти. Но здесь, вдали от своей родины, вдали от всего, что ему было важно, он чувствовал бремя страха еще сильнее, чем когда-либо раньше.

После второй небольшой передышки группа побежала дальше через самые недра земли. За это время они спустились еще глубже. Здесь даже скалы казались чужыми и странными. Однако после той шахты они больше не слышали криков преследователей. Стен еще не был уверен в том, хорошо это или плохо. Неопределенность того, преследуют их или нет, мучила его так же сильно, как и охотничьи крики троллей Анды.

Пард был совершенно прав, когда рассказывал им про несколько глубоких расщелин,

во много дюжин шагов шириной и еще больше глубиной. Некоторые из них можно было обойти, но в другие приходилось спускаться.

Они долго спускались по отвесной скале. Света едва хватало на то, чтобы выбрать хороший маршрут. После напряженного бега Стен боялся, что он может просто соскользнуть и разбиться, однако ему удалось спуститься к самому подножью. Когда они все собрались внизу, в теплом воздухе пронесся длинный крик, похожий на высокий вой, который отражался эхом от стен, и от этого казалось, что он идет отовсюду сразу.

— А вот и снова они, — сказал Пард, внешне бесстрастно.

— Нам нужно побыстрее уйти отсюда, — начал торопить Керр, но Пард покачал головой.

Стен благодарно отпил еще один глоток воды из своего мешка. Он облокотился на скальную стену. Над его головой возвышался грубый камень. Ни одно сооруженное человеком здание не было таким большим, как эта расщелина, которая, казалось, делила мир пополам. Ее величина заставляла Стена содрогаться, так как она показывала, насколько незначительным было его тело по сравнению с этим. Фундаменты страны воистину внушали глубокое благоговение. Вещи, которые происходили на поверхности, были недолговечными и преходящими, в то время как подземный мир казался ему вечным.

— Дальше.

Приказ Парда пришел неожиданно, но Стен собрался с силами и последовал за Пардом, который целеустремленно бежал вдоль расщелины, а потом нырнул в высокий и широкий туннель.

Очевидно, туннель становился все шире, так как уже скоро Стен больше не видел стен в слабом свете своих лишайников. Их шаги здесь отдавались эхом, но влахак не мог оценить, насколько большим был этот туннель. И только через несколько десятков шагов он заметил над собой далекое свечение, которое привлекло его внимание. Над ними парило пятно размером с тарелку. Потом Стен увидел еще одно, немного меньше, по левую сторону. Постепенно влахак обнаружил еще больше беспорядочно разбросанных светящихся пятен, пока не услышал, как резко вдохнул Керр.

— Большая пещера, — благоговейно сказал юный тролль. Тут перспектива Стена словно расширилась, и он неожиданно понял, что маленькие пятна света перед ним на самом деле были коврами лишайников, которые росли на стенах на неимоверно большом расстоянии отсюда. У него даже закружилась голова, когда он осознал, что бежит сейчас через такую величественную пещеру, стены и потолок которой были на расстоянии сотен шагов от него.

— Ты знаешь, где мы? — спросил влахак. Керр усердно кивнул.

— Это большая пещера. Я слышал о ней, но до сих пор еще ни разу не был здесь. Наверное, троллю нужно будет ползти много дреег, прежде чем он доберется до потолка.

— Даже в темноте она производит такое… ошеломляющее впечатление.

Стен не мог выразить словами то, что он сейчас чувствовал. Эта пещера была словно целый мир в глубине. Здесь, наверное, поместилась бы вся Теремия, и все равно бы осталось еще место. «Эта пещера подходит троллям». Даже вой преследователей звучал как-то далеко и слабо, словно пещера просто проглатывала их гнев.

Пард вел их вперед, не обращая внимания на захватывающую красоту этого места. Большой тролль явно хорошо знал дорогу, так как он огибал каменные колонны, которые терялись в темноте, вел их через углубления и маленькие холмы, пока они не добрались до хода, спрятанного в полу большой пещеры.

— Здесь мы спускаемся вниз.

— Это большая пещера, — сказал Керр. — Под ней лежит…

— Да. Мы спускаемся к горячей воде, — прервал Пард меньшего тролля. — Я знаю дорогу, которая выведет нас оттуда снова наверх.

— Это опасно, — заметил Врок.

— Ты думаешь, что вот эти не опасны? — холодно спросил Пард и показал когтем

назад. — Я знаю эту дорогу и мы не можем возвращаться назад!

Глаза большого тролля воинственно блеснули, но никто не стал возражать ему. Поэтому он развернулся и повел свое племя еще глубже.

Тарлину и Стену не оставалось другого выбора, как последовать за троллями.

48

Флорес видела перед собой Тамара, который прямо сидел в седле, марчег во всем. Дождь, казалось, был ему нипочем, словно Тамар отталкивал его своим безразличием. Взгляд масрида был направлен вперед, в будущее, будто все лишения и поражения этого года остались уже далеко позади. Но Флорес знала, что в глубине души Тамар был очень озабочен и просто скрывал это от своих подчиненных. Потеря отца, падение Турдуя, поражение в битве против марчега Ласцлара, предательство Одена, — все это тяжело потрясло его и убавило уверенности в себе.

Непосредственно за марчегом скакала часть его гвардии. Сцарк Кевес, Маиска и некоторые другие. По их взглядам Флорес поняла то, что видела на лицах других масридов и сцарков: верность, даже самоотверженность. Флорес знала, почему воины продолжали следовать за Тамаром: он в каждой ситуации был с ними и сам никогда не сдавался. Они знали, что могли положиться на него. Он много требовал от своих солдат, но при этом сам делал еще больше. «Но он этого не видит. Он боится не справиться и стать причиной падения дома Бекезаров. Он адресует своим воинам упреки, которые делает и себе».

Естественно, Флорес приходилось признать, что события последних недель подавляли дух. Но она чувствовала также груз ответственности, который неожиданно лег и на ее плечи.

Даже если они уйдут от Сциласа, война на следующий год будет продолжена с такой же жестокостью, а потому и неопределенным концом. Страна и ее жители будут и дальше страдать. «Но у нас нет других возможностей. Мы, влахаки, не будем больше никому покоряться и переносить новое господство. К тому же наша свобода слишком дорогой ценой досталась нам; слишком много людей погибли за это». На мгновение Флорес замерла. «О духи, я уже начинаю рассуждать как Стен и Нати!» От такой мысли она улыбнулась, даже если воспоминания о Натиоле все еще были болезненными. Она знала, что мятежник в этот момент гордился бы ею, если бы остался жив. И сейчас она понимала его лучше, чем когда бы то ни было раньше.

С тех пор как они дошли до отрогов Соркат, погода стала еще холоднее. Несомый ледяным ветром, который дул с самых вершин заснеженных гор, дождь бил по марширующим солдатам, которые защищались от него, кто как мог.

Несмотря на все эти трудности воины продолжали идти, так как их единственная надежда была возложена на легендарную крепость Деза, которую воеводы в течение вековой борьбы против масридов укрепили до такой степени, что она считалась неприступной. Флорес вместе со Стеном всю свою юность провели в крепости, которая возвышалась на плато над одноименным городом. Оба, и город и крепость, находились в конце долины Деза и были защищены несколькими мощными стенами. Так что, прежде чем напасть на саму крепость, врагам нужно было сначала преодолеть их.

Флорес тоже все надежды возлагала на Дезу, так как она устала от борьбы и скачки. При этом она знала, что марш для простой пехоты был еще хуже. Это можно было видеть по промокшим насквозь плащам, осунувшимся лицам, пустым глазам.

Тут звук копыт лошади, скачущей галопом, отвлек Флорес от ее мыслей. Им навстречу на всем скаку несся масрид. Комья земли летели в воздух; мужчина низко наклонил голову, чтобы защитить глаза от дождя. И только на расстоянии нескольких шагов он натянул поводья и отклонился назад. Животное чуть не упало; копыта заскользили по мокрому грунту, однако масрид откинулся в сторону и тем самым удержал равновесие. Когда лошадь наконец остановилась, всадник крикнул:

— На авангард напали!

Тамар сразу же подскочил к нему и схватил его за руку:

— Кто? Сколько?

— Кавалерия, вецет. Несколько десятков, — задыхаясь, еле выговорил гонец.

— Кто ведет авангард? — спросила Флорес.

— Рурьос, — ответил Тамар и развернул лошадь.

Марчег приподнялся на стременах и крикнул:

— Скачите вперед! Подготовьтесь к бою!

Флорес повернулась к группе влахаков, которые маршировали в начале колонны:

— Быстро следуйте за нами, но будьте осторожны, это может быть засада.

Затем она пришпорила свою лошадь и последовала за Тамаром, который уже скакал вперед посреди своей гвардии. Бросив взгляд через плечо, влахака увидела, как всадники обгоняют колонну слева и справа и постепенно присоединяются к ним.

Холодный дождь хлестал по лицу, словно бесконечная череда маленьких уколов, пока кожа не стала такой холодной, что Флорес ее почти не чувствовала. Они скакали отчаянно быстро вдоль дороги, а размягченная земля была опасной. Влахака по лицу Тамара видела, что для него они продвигались вперед слишком медленно, но даже самым умелым всадникам масридов приходилось покоряться погоде.

Несмотря на шум дождя, Флорес скоро услышала звуки борьбы. Когда они уже приближались и им осталось совсем немного проехать через лес, влахака увидела схватку. Авангард был оттеснен на склон, и они выстроили там стену из щитов. Снизу к ним снова и снова подъезжали всадники в легких доспехах и пускали стрелы в сторону защищающихся. «Сцарки, — узнала врагов Флорес. — Стрелки». Пехота отдельными выстрелами защищалась, но среди них было слишком мало стрелков, да и постоянная влага плохо сказалась на состоянии тетивы. Знамена авангарда висели мокрыми, а весь склон был изрыт ногами и копытами.

Тут из леса прорвались самые первые ряды масридов и устремились на напавших. Враги заметили это, когда Тамар громко выкрикнул военный клич своего дома:

— Бекезар!

На мгновение стрелки замерли в нерешительности, но затем все как один обратились в бегство. Масриды поскакали за ними во главе с Тамаром, который летел в головокружительном галопе с секирой в руке, наклонившись низко к шее своего жеребца. Флорес же придержала свою лошадь, так как не могла и надеяться догнать их на такой скорости, и вместо этого она поскакала к авангарду на склоне, ряды которого открылись.

Некоторые воины отставили в сторону тяжелые щиты, другие завалились, усталые, просто на землю. Раненых уносили и обрабатывали их раны.

— Где Рурьос? — спросила Флорес первого встретившегося ей солдата, который молча указал в центр медленно распадающейся формации.

С неприятным чувством в желудке Флорес поскакала дальше, пока не прибыла на небольшое открытое место, где несколько человек уже заботились о раненых. По левую сторону от влахаки помощники складывали убитых, в то время как священник культа Альбус Сунас стоял на коленях возле погибших и молился. Его когда-то белоснежное одеяние теперь было грязным, мокрым и забрызганным кровью, однако его присутствие, казалось, придавало сил и отваги масридам.

Когда он закончил молитву над погибшими, то пошел к раненым, утешая их и используя свой дар, чтобы очистить их раны огнем. От криков тех, кого он лечил таким образом, у Флорес звенело в ушах.

Потом влахака обнаружила Рурьоса, который сидел на земле и ругал фельдшера, который как раз занимался плечом баро. Из доспехов старого воина торчала стрела. Лекарь, бледный молодой человек с длинными светлыми волосами обеспокоенно смотрел на Рурьоса, схватив стрелу клещами.

— Выглядит как военная стрела, господин. Иначе бы она так глубоко не прошла сквозь доспехи. Значит, на ней не должно быть крючка.

— Проклятье, юноша, закрой свой рот и просто вытащи эту проклятую вещь. У меня нет желания слушать твои речи в то время, как из меня торчит деревяшка.

Получив подобный выговор, фельдшер сглотнул и резко вытащил стрелу. Рурьос застонал, но стиснул зубы.

Фельдшер отложил клещи со стрелой в сторону и начал расстегивать ремни доспехов. Но при этом он действовал так неумело, что Флорес не удержалась, подскочила и оттолкнула его в сторону.

— Я сделаю, — объяснила она, увидев возмущенное выражение лица молодого человека.

Она быстро отделила плечевые пластинки от нагрудных. Стрела вонзилась в тело на расстоянии в палец от края нагрудной пластинки и пробила плечевую. Камзол на ватине и металл пластин предотвратили самое худшее. Но тем не менее стрела точно вошла в тело на целый палец. Дрожащими руками фельдшер обработал рану и наложил Рурьосу простую повязку.

— Хорошая работа, юноша, — сказал Рурьос, когда фельдшер завязал узлом концы ткани.

— Должен ли я позвать священника, чтобы он помолился о вашем выздоровлении, господин? — спросил молодой человек.

Воин фыркнул.

— Принеси мне лучше глоток водки. Молитву я беру на себя.

Фельдшер подал руку, чтобы помочь ему подняться, но старый воин посмотрел на него таким презрительным взглядом, что юный масрид быстро убрал руку и удалился.

Рурьос осторожно поднялся и посмотрел на Флорес.

— Проклятые ублюдки. Они появились словно из ниоткуда.

— Это все убитые? — спросила Флорес, показав взглядом на ряды погибших.

Тех, кто не пережил нападение, было где-то около двадцати.

— Да. Пока что. Они не напали, а только стреляли в нас из луков. Счастье, что вы вовремя подоспели, пока дело не стало совсем плохо.

— К вам прискакал ваш гонец.

— Мы тоже попали в некоторых из них, — констатировал Рурьос с мрачным удовлетворением в голосе и показал на склон, где тоже лежали раненые и убитые.

Масриды уже ходили между ними, отправляя раненых на темные дорожки. «Их собственные братья и сестры, — содрогаясь подумала Флорес. — По крайней мере, мы не боремся против собственного народа».

— Откуда они появились? — спросила влахака и посмотрела на восток.

— Как раз оттуда. Это нехороший знак. Где сцарки…

— … там недалеко и Сцилас, — закончила за него Флорес.

Старый воин был прав. Вероятно, это были форейторы, которые должны были разузнать путь главной вооруженной силы.

— Еще два, три дня пути до подъема чуть западнее Стариг Яцека, — пробормотала Флорес скорее себе и посмотрела наверх, где медленно спускались всадники.

Сначала Флорес не увидела Тамара, но потом разглядела его белую голову среди гвардии. Всадники выглядели уставшими, но не подавленными. Некоторые смеялись и даже махали руками.

Юный марчег скакал в первых рядах и выпрыгнул из седла, когда подъехал к Рурьосу и Флорес.

— Большей части все же удалось уйти, но внизу на повороте мы нагнали нескольких и уничтожили их.

Взгляд Тамара упал на повязку Рурьоса.

— Ты ранен?

— Царапина, — сказал ветеран и отмахнулся. — Проклятая стрела пролетела прямо над щитом. Придется завтра облачиться полностью в металл!

Флорес и Тамар рассмеялись. Но влахака быстро посерьезнела.

— Мы должны выслать вперед лазутчиков. Это была не разведывательная группа, для этого их слишком много.

— Я знаю. Это может означать только то, что марчег Ласцлар поблизости. Проклятый пес! Можно подумать, что он предугадывает каждый наш шаг! — разгорячился Тамар.

— Вероятно, это все-таки его воины устроили оползень. А потом они должны были только проследить, в каком направлении мы повернем. Твои лазутчики тогда нашли кого-то из них?

— Только некоторые следы. Если это были солдаты Сциласа, то они словно сквозь землю провалились. Плохая погода очень усложняет поиски.

— И что мы теперь будем делать? — вмешался Рурьос.

— Продолжим идти, — сказала Флорес. — Так как нам не остается другого пути, то мы должны просто дойти до подъема раньше Сциласа.

— А если нам это не удастся? — тихо прошептал старый воин, чтобы никто из его людей не услышал, и осторожно огляделся.

— Тогда нам придется принять бой против дракона.

— Все-таки, — сказал Тамар и потер лоб. — Тогда, по крайней мере, война закончится еще до наступления зимы.

Флорес кивнула с наигранной уверенностью, хотя мысли ее были очень мрачными. «И мы, скорее всего, будем покоиться в сырой земле. Как бы я хотела знать, где сейчас Висиния и как у нее дела. Возможно, это ей придется защищать наш народ от Сциласа».

49

Близость сердца горела в груди Керра. Он чувствовал каждый дреег каждой жилкой своего тела. Несмотря на слабый свет, юному троллю уже едва ли нужны были глаза, чтобы ориентироваться. Каждый дреег прорисовывал картину его окружения в мыслях Керра, так как удары сердца вибрировали во всем.

— Держитесь за руки, — приказал Пард, который раньше бывал в этих туннелях, потому что облака пара, которые затягивали туннель, ослепляли все племя. — Не отпускайте рук. Если кто отстанет, сразу громко кричите. Здесь легко заблудиться навсегда!

— О, хорошо, — ответил Стен со стоном.

Человек схватил протянутую руку Керра. Даже у детей троллей руки были сильнее, чем у людей, поэтому Керр был очень осторожен, чтобы не поранить Стена. Через влажный туман пара крики преследователей доносились приглушенно, при этом туман заглатывал и звуки их собственных шагов. — Проклятье, как тепло, — ругался Стен. — С меня уже пот течет ручьями. Воин жадно припал к мешку с водой и отпил глоток. Керр тоже вскоре начал потеть. Воздух становился все горячее. Чем глубже они спускались по туннелю, тем более душно становилось. Он слышал, как позади ругается Стен. «В этих толстых кожах животных ему, должно быть, совсем невыносимо», — сочувствующе подумал Керр.

Пар был таким плотным, что юному троллю с большим трудом удавалось разглядеть впереди идущего. Так что если бы Керр полагался только на глаза, то он давно бы чувствовал себя потерянным. Однако каждый удар сердца земли показывал ему то, что находилось за границами его восприятия, туннели вокруг них, большую пещеру, в которую они скоро придут.

Где-то в тумане пара позади них был Тарлин, который до сих пор все трудности переносил абсолютно безропотно. Сейчас эльф шел за племенем снова молча и бесшумно. Керр был благодарен лесному жителю, что тот пошел с ними, так как он смог очень многое узнать от него и многому научиться. Керр снова и снова думал над словами Тарлина, однако ему никак не удавалось закрыть свое сердце от дреег. Он даже не мог просто игнорировать мощные удары сердца, здесь, так близко к их источнику. Юный тролль еще никогда не был так близок к сердцу, и он спрашивал себя, как оно могло выглядеть. «Будет ли это сердце

старого тролля? Или белый медведь, который ранен?» Керр уже слышал о медведях, хотя сам еще ни одного не видел. Тролли охотно поднимались в пещеры, в которых жили животные, и приносили свежее мясо. Однако с тех пор, как они опустились в глубины, такого больше не происходило.

— Мы сейчас дойдем до горячей воды, — сообщил Пард, который неутомимо шел во главе племени.

Голос предводителя прозвучал странно и искаженно. Керр не мог сказать, было ли это из-за тумана или в голосе Парда появился страх.

— Точно следуйте за мной и следите за тем, куда ступаете!

И действительно, сейчас кроме воя преследователей послышалось шипение, словно шум бушующей реки.

— О духи, — вырвалось у Стена. — Что это такое?

В этот момент они вышли из узкого туннеля и попали в большую пещеру. Через несколько шагов туман немного рассеялся, и Керр смог увидеть собственными глазами то, что его разум уже представил. Перед ними лежала обширная водная поверхность, в которой виднелось много небольших скал, торчавших из нее, словно острова. При этом вода не была спокойной, она бурлила и шипела, на ней лопались пузыри и от нее шел пар, то здесь, то там она поднималась ключом, словно живое существо, и брызгала фонтанами.

— Все это озеро… кипит? — спросил Стен, и Керр услышал в голосе человека большое удивление.

— Если кто упадет туда, то ему уже не удастся выбраться, потому что его мясо отделится от костей! — ухмыльнувшись, крикнул Врок.

Керр тоже ошарашенно смотрел на бурлящее озеро. Конечно, он уже слышал о горячей воде, но увидеть ее собственными глазами — это было совершенно другое. Он с восхищением заметил, что все озеро будто бы светится едва различимым темно-красным светом, который тем не менее освещает весь грот. В пещере было еще жарче, чем в туннеле, и влажный тяжелый воздух словно склеивал легкие во время дыхания.

Прямо над ними под потолком собирались облака пара. Так как воздух в гроте был в постоянном движении, то туман качался, и в нем возникали непонятные фигуры и формы.

Неожиданный рев позади них заставил Керра резко развернуться. Он прозвучал близко, слишком близко, словно их преследователи уже были в туннеле, из которого только что вышло племя.

— В путь! — приказал Пард.

— Я думаю, они прямо за нами, — громко крикнул Врок.

«Возможно, мы все же дойдем до сердца и нам не придется бороться с Андой», — с надеждой подумал Керр. Он крепко схватил руку Стена и побежал дальше.

Тут через мир прогремел новый удар сердца, проник в Керра и оставил картину всего, что было вокруг, в голове юного тролля.

Пещера была большая, но единственная проходимая дорога вела вдоль стены. Однако там еще что-то было; рядом со скалой и камнем Керр почувствовал четыре, пять силуэтов, которые находились перед ними. Его глаза расширились от ужаса, когда он распознал ловушку:

— Опасность!

Племя резко остановилось. Все начали рассматривать окружение, некоторые удивленно смотрели на Керра. Спереди закричал Пард:

— Что случилось?

Но прежде чем юный тролль успел ответить, из тумана выделились огромные очертания. Керру показалось даже, будто это сам пар принимает такие формы. Затем очертания постепенно превратились в мощных троллей, которые молча напали на племя Парда. «Они поджидали нас здесь в засаде, точно как меня и Друана, — промелькнуло в голове у Керра. — Я должен был это предвидеть».

Однако времени на сожаление у него не было. Тролли заревели, оскалили клыки, и

угрожающее рычание поднялось из многих глоток. Позади себя Керр услышал металлический звон, когда Стен достал свой меч. Один из врагов прыгнул вперед, но из тумана возник Пард, почти такой же большой, как нападавший, и ударил тролля когтями. Посреди белого облака пара разгорелась смертельная борьба. Керр тоже прыгнул вперед, однако в закружившихся вихрях тумана он едва ли мог отличить друга от врага. Он увидел рядом с собой Стена, который поднял оружие. Запах страха и ярости резко ударил в нос Керру.

— Позади нас, — крикнул Тарлин. — Там их еще больше!

И действительно, теперь юный тролль тоже слышал преследователей, крики которых становились громче шума борьбы.

— Их идет еще больше! — предупредил Керр племя.

Тут перед ним возник огромный силуэт, тролль, который точно был на голову выше Парда. Не думая, Керр прыгнул вперед и укусил его. Его клыки вонзились через кожу в мясо, и болезненное рычание стало вознаграждением за старания. Но тут что-то попало ему в плечо, развернуло его и отбросило на пол. Юный тролль хотел было подняться, но его противник встал над ним, подняв кулаки, с искаженным от гнева лицом.

Из тумана появился Стен и ударил своим мечом по ноге тролля. Клочки тумана закружились под клинком, который разрезал кожу; но напавший тролль, казалось, даже не заметил удара. Тогда Стен прошел под ногой огромного тролля, схватил свое оружие двумя руками и, навалившись на него всем весом, бросился вперед. На этот раз тролль закричал, так как меч вонзился в его ногу и Стен, провернув, вытащил его. Керр подскочил, когда тролль как раз хотел схватить человека, и изо всей силы навалился на его массивное тело. Великан закачался, взмахнул руками и завалился на пол. Пока Керр откатился, Стен на четвереньках подполз к упавшему троллю и занес свой меч над его лицом.

— Нам нужно уходить отсюда! — крикнул Пард, который повалил своего противника перед ними. — Ко мне!

В этот момент Стена ударила лапа и отбросила его назад, в то время как Керр снова встал на ноги. Враждебный тролль подскочил с кровожадными глазами. Однако неожиданно ему в ногу впилась стрела, а потом еще и еще одна. Он обернулся, и стрела вонзилась ему в глаз. Его крик зазвенел в ушах Керра, но Стен снова схватил оружие и изо всей силы ударил мечом по пятке тролля. Их враг снова упал. Керр хотел наброситься на него, разорвать, уничтожить, но из тумана возник Тарлин со своим луком.

— Пойдем, Керр.

Настойчивость в голосе эльфа не допускала никаких отлагательств, поэтому Керр развернулся и пошел за ним через кружащиеся облака пара, в которых он увидел силуэты других троллей. Стен тоже последовал за ним, и они быстро подошли к племени, которое продолжило свое дикое бегство.

— Проклятье, — неожиданно громыхнул Пард. — Дерьмо!

Керр удивленно бежал дальше, пока не увидел, почему Пард кричал так сердито. Нечаянно они забежали на небольшую косу, вместо того чтобы пойти по дорожке вдоль стены. Перед ними твердая почва погружалась в пенистую воду, и слева и справа от себя Керр тоже чувствовал смертельную влагу. «Мы в ловушке!»

Позади них раздался рев преследователей. Один из них бросился вперед, когда Керр отвернулся. Но прежде чем он смог что-то сделать, Тарлин уже выстрелил в него двумя стрелами, которые теперь торчали из его шеи. Однако это не остановило его, и он повернулся в сторону эльфа. Прежде чем Тарлин смог увернуться, на враждебного тролля бросился Врок. Керр пробежал мимо эльфа, чтобы помочь охотнику, который вместе с напавшим повалился на пол. Оба тролля покатились по скале, фыркая и рыча, подвергаясь опасности вместе свалиться в кипящее озеро. Их клыки вонзались в плоть друг друга, когти разрывали кожу. Красное свечение воды отбрасывало жуткое сияние на их беспощадную борьбу.

— Врок! — крикнул Керр, увидев, как они неожиданно сорвались с края косы.

Не отпуская противника, Врок потянул его с собой в бурлящую воду. Оба взвыли от боли, когда их головы вновь появились над водой, но Врок крепко вцепился в противника, и прямо на глазах Керра пенистая вода поглотила их. Но у юного тролля не было времени, чтобы горевать об утрате, так как тролли Анды медленно приближались, теперь, когда их добыча сидела в ловушке.

— Вы — мертвое мясо! — язвительно крикнул один.

Из тумана вырисовывалось все больше силуэтов, пока их не стало десять. Они отрезали племени дорогу и стали перед ними в ряд.

Пард вышел вперед, сжав кулаки и опустив голову.

— Где прячется Анда? — мрачно спросил он.

На спине большого тролля Керр увидел следы от когтей, из которых текла темная кровь.

— Она придет достаточно скоро. Тебе придется сначала довольствоваться нами, Пард. — Голос исполинского тролля был само презрение.

«Десять противников, с которыми мы никогда не справимся. Они убьют нас!»

— Ты хочешь подождать или мы все решим сейчас? — спросил тролль, который был таким большим, что смотрел на Парда сверху вниз.

Даже самый маленький из десяти троллей был такой же большой, как сам Пард. Предводитель выпрямился и оскалил зубы. Как раз когда он хотел сказать еще что-то, все услышали шорох бегущих ног.

— А вот и Анда, — заявил большой тролль с язвительной улыбкой. — Как раз как ты хотел.

Неожиданно позади преследователей возник огромный силуэт, который поднял вверх руки. Керр в отчаянии оглянулся — для бегства у них не осталось ни одной возможности. Вокруг них было лишь кипящее озеро.

С ревом силуэт тролля выбежал из тумана. Потрясенный Керр широко раскрыл глаза, а подбежавший тролль набросился на враждебных троллей. Позади него возникло еще несколько собратьев, и все они тоже напали на троллей Анды.

Пард не медлил ни мгновения, а сразу крикнул:

— Вперед! Разорвите их! — и бросился на ближайшего враждебного тролля.

Все племя, включая Керра, устремилось вперед. Он столкнулся с одним троллем и ударил его в лицо. По четверо-пятеро троллей устремилось на каждого врага, повалили их на пол и били, кто как мог. Одного сразу же сбросили в шипящее озеро, другой закричал, когда Пард вонзил клыки ему в бок. Керр укусил одного из врагов в шею и откинул назад голову, вырывая из горла того кожу и мясо. Глаза ему застлала пелена крови, а инстинкты заставляли вновь и вновь кусать и бить, неутомимо, пока он не почувствовал чью-то руку на плече.

— Хорошо, — сказал голос словно издалека.

Юный тролль озадаченно посмотрел наверх.

— Они придут снова, — хрипло ответил он. — Они не мертвы. Киньте их в воду.

— Вы слышали его! — крикнул голос Парда, знакомое звучание которого успокаивало Керра.

Юный тролль медленно поднялся и огляделся.

Много тел лежало на теплом камне, наверное, двадцать, все с ужасными ранами. Кровь ручьями стекала по скале в озеро, где она с шипением исчезала. Некоторые тролли катили и толкали убитых троллей к краю косы и сталкивали их в кипящую воду. Рядом с Пардом стоял другой тролль, такой же большой, как и он, на лице которого от уха до рта проходило пять полос от когтей.

— Турк, — понял Керр, кивнул предводителю и представился сам.

— Мы узнали, что Анда и ее тролли преследуют вас, и не хотели доставить вам удовольствие бороться с ними в одиночку, — крикнул один из вновь прибывших.

«Теперь они должны снова похвастаться своими мускулами, — подумал Керр в то

время, как осматривал место ужасной бойни. — Ведь все-таки для них мы тоже чужое племя».

— Там, наверху, еще были монстры. Они наверняка не заставят себя долго ждать. Где Друан? — спокойно спросил Турк и вытер кровь с глаза.

— Мертв. Мы — это все, кто остался в живых, — устало объяснил Пард.

Турк удивленно поднял бровь.

— Всех остальных Анда либо забрала себе, либо убила, — объяснил Керр. — А вас еще больше?

— Конечно, — прорычал Турк. — Остальные скоро подойдут. Просто мы, охотники, побежали вперед. Еще с нами один человек. Мы нашли ее на большой реке.

— Что? — вмешался Стен, который до сих пор стоял немного в стороне и только слушал. — Человек?

— Да, ее зовут Ви-си-ни-я. Она сейчас с остальными, — уточнил Турк и повернулся к Парду: — Куда вы теперь хотите идти?

Керр продолжал слушать разговор только вполуха, так как, к своему удивлению, он увидел, что Стен широко раскрытыми глазами смотрит на Турка. Человек, казалось, был вне себя, его рот открывался и закрывался, однако он не произносил ни звука.

— Стен? С тобой все нормально? — обеспокоенно спросил Керр и подошел к воину.

— Ты говоришь, Висиния? — вырвалось у Стена, и он в мгновение ока был уже возле Турка.

Большой тролль озадаченно посмотрел на человека, который все еще смотрел на него ошарашенным взглядом.

— Да.

— Как она выглядит? — потребовал подробностей Стен.

— Маленькая, как ты, и такая же худая. Волосы длинные и такого цвета, как пол здесь. — Большой тролль показал на красное свечение. — Она часто сердится или печалится. И она знает тебя. Она хотела к тебе, — добавил он после некоторых колебаний.

Стен упал на колени, словно ноги отказывались слушаться его. Его оружие выпало из рук и, задребезжав, упало на пол. По щекам его потекли слезы, оставляя длинные полосы в корке из грязи и пота.

Тролли удивленно уставились на человека, пока Пард не сказал снисходительно:

— Его спутница.

После этого они развернулись и продолжили тихо обсуждать, что теперь оба племени будут делать дальше.

— Мы должны найти мое племя и продолжить путь, — посоветовал Турк. — И продолжать идти, не останавливаясь. Тогда им не так просто будет поймать нас.

— Есть длинная шахта наверх, по которой нам нужно подняться, но я не знаю, как далеко она находится. Давай уйдем отсюда побыстрее, а то у меня от этого пара голова совсем отяжелела.

Все трупы уже были сброшены в озеро, и больше ничего не мешало им продолжить путь. Керр осторожно сел рядом со Стеном и обратился к человеку:

— Нам нужно идти дальше.

Словно проснувшись ото сна, Стен отсутствующим взглядом посмотрел на Керра. Затем человек медленно кивнул. Он дрожащими руками ухватился за протянутую руку Керра и встал. Его голос звучал хрипло, когда он, все еще не веря в услышанное, прошептал:

— Она жива.

— Да. Но это же хорошо, правда?

— Да, да. О духи, но я не осмеливаюсь верить в это. Я должен…

У человека вновь перехватило дыхание, и он покачал головой. Неожиданно он широко улыбнулся, и оцепенение в одно мгновение слетело с него. Он быстро поднял оружие и присоединился к троллям, которые теперь вместе продолжили путь.

Когда пещера с кипящим озером осталась уже далеко позади, к ним наконец вернулся один из отосланных охотников и сообщил, что племя Турка почти догнало их.

— Я буду ждать здесь, — категорично заявил Стен, когда услышал эту новость.

Керр посмотрел на него и неожиданно ясно понял, что человек точно больше не сдвинется с места, если только его не оглушить и не унести насильно.

— Возможно, нам всем надо немного отдохнуть, — предложил Керр, тем более что и он тоже еще не отошел от борьбы и дикого бегства.

По приказу Парда и Турка тролли, фыркая, опустились на пол, и у Керра наконец появилось время посмотреть, кто навсегда остался в горячей воде. Врок был мертв, но он был не единственный, кто остался в пещере. В племени Турка было убито пять троллей, а они потеряли семерых. Семеро троллей, которых Керр помнил с самого начала своей жизни, когда он стал слышать биение сердца. Еще семь троллей, за которых Анда ответит. Чувство стыда одолело тролля, когда он с облегчением констатировал, что Грена пережила борьбу. Так много троллей погибло, а он радовался тому, что она выжила.

Однако прежде чем он успел подумать об этом, к ним уже подошли тролли Турка. Посередине племени находилась намного меньшая фигура, на которой были грязные и порванные одежды. Женщина, длинные красные волосы которой свисали ниже спины.

— Стен! — громко крикнула она и потом, словно без ума от радости, еще раз: — Стен!

Она пробилась через троллей, побежала к нему, чуть не упала, споткнувшись о скалу, и бросилась человеку в объятия. Керр слышал, как она снова и снова бормочет его имя. Стен крепко держит ее, закрыв глаза. Потом он берет ее лицо в свои руки и долго смотрит на нее. Он сказал ей что-то, прошептал слова, которые Керр не смог разобрать. Женщина, которую Турк назвал Висинией, что-то ответила, так же тихо. Затем она подняла руку и погладила Стена по его темным волосам на подбородке.

— У тебя уже прямо борода выросла, — сказала она с усмешкой, которая прозвучала наполовину как смех и наполовину как всхлип.

— Я забывал бриться. Забывал делать это, как и многие другие вещи. Ничто для меня больше не было настоящим, когда я думал… когда я думал, что ты…

Тут голос человека снова сорвался, и он замолчал.

Керр смотрел на двоих людей не только удивленно, но и завороженно.

— Уведи меня отсюда, — неожиданно попросила его Висиния. — Уведи нас снова наверх.

— Я обещаю тебе. Мы поможем троллям в том, что должны, а потом вернемся назад. Во Влахкис, на дневной свет. Я обещаю тебе.

50

Анда подстерегала жертву в темноте. Ее охотники скоро должны были пригнать к ней последние жалкие остатки племени. Ее победа будет полной только тогда, когда уничтожит Парда так же, как Друана. «Он сбежал тогда, когда люди убили Цдама. Он не тролль, он не заслуживает того, чтобы жить на моей родине».

Крики охотников удалились, но Анда расставила посты по всем туннелям. Жертве не уйти.

Тем не менее тролла постепенно начинала беспокоиться. В затылке появилось нехорошее ощущение, странное чувство изменения закралось в нее. Она поспешно положила когти на стену и полностью открылась биению сердца.

Лабиринт ходов, туннелей и пещер был бесконечным. Она чувствовала каждую скалу, каждое существо, которое двигалось между ними. Она узнала своих троллей, сильных и могучих, непобедимых властителей этого мира. Но она не почувствовала слабых троллей, их не было нигде поблизости.

Ее рев пронесся сквозь тьму и напугал ее спутников.

— Что такое?

— Они ушли! Этот трус точно повел их в глубину!

Недолго думая, Анда побежала к следующему туннелю, который вел в глубины подземелья. Ее крики звали к себе охотников, раскиданных по всей сети туннелей, однако некоторые были совсем далеко, и им потребуется много времени, чтобы присоединиться к ней. «Он думает, что он хитрее, чем мы. Он идет туда, где едва ли сможет выжить даже тролль. Но ему не удастся уйти от нас!»

Дорога вниз была долгой, но Анда и ее охотники быстры и выносливы. Они скоро добрались до больших расщелин, которые были словно раны этого мира, и пересекли огромную пещеру. Хотя ее тело и сотрясалось от близости к биению сердца, Анда не обращала внимания на красивое окружение. Ее чувства были направлены только на одну цель: убить племя Парда.

Постепенно к ним присоединились другие группы охотников. Когда они добрались до туннеля с паром, тролла остановилась.

В воздухе стоял запах крови, крови троллей. Ее охотники начали вынюхивать. Этот запах возбуждал, делал их дикими.

Рассерженная Анда побежала в туннель. Скоро она была уже в пещере с горячей водой. Там в облаках пара буквально стоял запах крови, страха, ненависти и смерти. Тролла последовала за этим запахом, который привел ее к озеру, на маленький скалистый островок, выступавший из кипящей воды. Земля была темной от крови троллей. Собственной крови Анды, которая пролилась здесь. Ее охотников не было видно, да и следов слабых троллей тоже. Она упала на колени и провела рукой по скале. Вместе с дреег к ней пришли отпечатки чувств, сквозь ее разум потекли образы. Здесь, внизу не было других охотников, кроме троллей Парда, которые все еще удалялись в направлении биения сердца.

Вне себя от ярости, Анда заревела. Темная злоба пульсировала в ее сердце. «Он убил настоящих троллей! Я раздавлю его!»

— Следуйте за мной! — приказала она.

Ее голос вибрировал от злости, так что даже ее собственные тролли задрожали от страха, когда услышали ее.

— Наша добыча бежит к сердцу. Она ушла из нашей ловушки. Но они не смогут убежать от нас. Доведем дело до конца!

Тролли взвыли, когда поняли ее слова и осознали потерю.

А Анда улыбнулась, потому что знала, что очень скоро настигнет Парда и его троллей. «И тогда мы разорвем их, уничтожим, а мясо сожрем!»

51

В последних лучах уходящего солнца солдаты ставили лагерь и хоронили умерших за сегодняшний день. И хотя тело требовало отдыха, Тамар не мог сидеть без дела в своем шатре. Глубокое беспокойство охватило его и заставило метаться по шатру, словно загнанного в клетку волка. Он тосковал по близости Флорес, однако те немногие моменты, когда они могли оставаться наедине, были слишком редкими. И как раз сейчас, прямо перед целью, он едва ли мог поручить всю работу своим воинам, чтобы сэкономить хоть немного времени. Как это часто бывало, когда он думал о Флорес, ему никак не удавалось привести в гармонию свои противоречивые чувства.

И только когда лазутчик проскакал через лагерь, напряжение Тамара резко спало. Момент решения настал, и теперь никакие его действия ничего не изменят.

Всадник спешился и подбежал к шатру Тамара. Он быстро поклонился, и слова неудержимым потоком полились из него, словно водопад:

— Сцилас на пути перед нами. Целая армия. Он марширует в быстром темпе на юг.

— Как близко? — спокойно спросил Тамар, однако глубоко внутри он уже знал ответ.

— С заходом солнца они будут уже на этой высоте.

Тамар неподвижно уставился на человека, потом кивнул:

— Спасибо. Ты можешь идти.

Самые разные варианты закружились у него в голове, пока он попросил Кевеса привести ему воительницу. Побег, сдача, борьба. Но здесь мог быть только один выход.

Через несколько мгновений в шатер ворвалась Флорес, она увидела выражение его лица, и глаза ее расширились.

— Мы будет драться против Сциласа, — начал разговор юный марчег. — Он заблокировал нам подъем в Мардев.

— Он отрезал нам дорогу?

Тамар молча кивнул. Он увидел отражение чувств Флорес на ее лице. Ее надежда разбилась точно так же, как и его собственная. Но в голове все еще звучали последние слова его отца: «Тогда мы будем бороться! Мы вырвем псу его зубы и будем гнать до самого дома с поджатым хвостом. Если так должно быть, то мы будем бороться!»

Он воинственно сжал кулаки и посмотрел на Флорес.

— Ну, в этом есть и хорошая сторона, — неохотно признала воительница. — Это бесконечное бегство закончилось. И эту зиму мы проведем в мире, либо победив, либо в двух метрах под землей.

Тамар знал, что это была не показная смелость. Ей уже приходилось защищать свою жизнь во многих боях. Возможно, она, как и он, в какой-то степени была рада тому, что время неопределенности прошло. Теперь они снова взяли судьбу в свои руки, даже если преимущество явно было у их врагов.

— Завтра мы найдем хорошую позицию на холмах и разобьем там лагерь. На этот раз он должен прийти и напасть на нас первым, — мрачно предложил Тамар.

Влахака немного помедлила, взвешивая его слова, и потом кивнула. Отблеск огня упал на ее лицо, отчего в темных глазах затанцевали искорки. Больше не задумываясь, Тамар подошел к ней и поцеловал ее. Он уже забыл прикосновение ее губ, но Флорес неохотно отодвинулась.

— Надо звать наших командиров, — сказала она хриплым голосом. — Нам нужно готовиться.

Неспособный возразить, Тамар опустил веки. Его голова наполнилась легкостью, и ему показалось, будто он сейчас сможет полететь, если оторвет ноги от земли. Темное будущее показалось ему далеким, за этой ночью, за глазами Флорес, взгляд которых был так ценен для него.

Треск и шипение чаши с огнем вернули марчега обратно в реальность.

Флорес отвернулась и вышла из шатра.

Со своего поста Тамар мог видеть тоскующие взгляды солдат. Монастырь Стариг Яцек возвышался перед ними, на расстоянии всего одного дня пути, но теперь он был такой же недосягаемый, как Теремия или Турдуй. Дорогу к монастырю им загораживал знак, который Тамар уже возненавидел: дракон. Так как от дождя знамена уныло обвисали на древках, Сцилас приказал прикрепить свой военный знак на крестовине, чтобы он был хорошо виден даже несмотря на влагу.

Отряды врага заняли позицию на расстоянии девятиста шагов от их лагеря. Им придется нападать, взбираясь на склон, пробираясь через копья пехоты и простые укрепления, которые соорудили защитники. Прямо перед пехотой в землю были вбиты тонкие колья, направленные острием на врага. Эти барьеры должны будут затруднить превосходящей по количеству кавалерии врага штурмовую атаку через их линии.

Перед собственными рядами Тамар велел насыпать небольшой земляной вал, который в свою очередь стоял позади небольшого рва, медленно, но верно наполняющегося коричневой, пенистой водой. Работа по их сооружению заняла большую часть утра. Теперь уже некоторые солдаты были готовы защищать свою позицию, в то время как другие позади них уже сооружали несколько палаток по приказу марчега.

Их местоположение было хорошим, вне всякого сомнения. Позади лежал крутой склон,

который вел в Мардев. Они выстроились в виде нескольких полукругов, так что теперь они были хорошо защищены. Ни одна из сторон не была ослаблена, так что никакой маневр по окружению не поможет Сциласу. Но их уязвимость была не в местности, не в снаряжении и не в подготовке. Слабость сейчас была в сердцах воинов, боевой дух которых был слаб, а надежда на победу, казалось, уже разбита.

Взгляд через плечо показал Тамару его собственный знак, грифа, который висел высоко над ним. Их знамя должно было придавать мужества солдатам, помогать им собираться с силами и показывать путь и цель, однако даже Тамар в данный момент не чувствовал себя лучше при виде грифа.

— Что делает этот ублюдок? — прорычал Рурьос, который несмотря на свое ранение снова втиснулся в доспехи.

Крупные капли дождя блестели на его металлических пластинках и собирались в маленькие ручьи.

— Он хочет вымотать нас, — мрачно ответил Тамар. — У него есть все время мира, потому что мы не уйдем отсюда. Мы находимся точно там, где он хотел. Каждое мгновение действует на нервы наших воинов.

— Но его солдаты тоже начинают нервничать!

— Ты думаешь? Мы стоим здесь, словно загнанные в угол ласки. Да, мы еще можем укусить, но скоро вода будет нам по горло, а им нет.

— По крайней мере, грязь мне уже вот по сюда, — пробурчал ветеран и провел рукой по лбу.

— После военного похода нам понадобятся новые доспехи, — пошутил Тамар. — Эти скоро совсем заржавеют, а кожа загниет!

Старый баро рассмеялся. Тамар всегда восхищался его несокрушимым характером. Им предстояла битва, все признаки которой были для них плохими. И тем не менее Рурьос не терял уверенности.

Тут от рядов врага отделился всадник и поскакал к ним с опущенным знаменем. Парламентер медленно ехал через грязное поле.

— Может, выбить его просто из седла?

Мысль была заманчивой, но Тамар отрицательно покачал головой. Вместо этого он подбежал к Сцегу, успокаивающе похлопал его по шее и вскочил в седло.

— Я послушаю, что он мне скажет. Кевес, Маиска, вы будете сопровождать меня.

С этими словами он направил коня в небольшое отверстие в их защитных укреплениях, сооруженных при помощи простых средств. Не дожидаясь охраны, он приблизился к гонцу, который остановился прямо перед границей досягаемости стрел и теперь ждал приближения марчега.

Парламентером был сцарк в летах, высокого роста, широкоплечий с коротко подстриженными темными волосами. Когда Тамару оставалось проехать еще несколько шагов, сцарк уважительно склонил голову.

Тамар же, наоборот, презрительно посмотрел на него.

— Чего хочет твой господин?

— Он предлагает вам капитуляцию, которая позволит вам сохранить жизнь и честь, — ответил посланник, на что Тамар только фыркнул.

— Мой господин передает вам, что знает о состоянии ваших солдат. Эта битва станет обычной резней. Вы храбро бились, марчег Бекезар. Мой господин знает, что вас соблазнили и ваша верность была уведена с правильного пути. Подчинитесь ему, и он будет милостив.

— Значит, жизнь для нас, — холодно резюмировал Тамар. — А что с влахаками?

— Они забрали себе землю, которая не принадлежит им. Их мятеж должен быть подавлен, раз и навсегда.

— Марчег Ласцлар хочет, чтобы я предал союз? Чтобы я предоставил влахаков его милости?

— Марчег Бекезар, — настоятельно сказал парламентер. — Послушайте свои

собственные слова. Вы предпочитаете влахак масридам. Подумайте, ведь они ниже нас, побежденные крестьяне и не более того. Не ищите себе друзей в этой кучке мятежников и отбросов. Я молю вас, мой господин молит вас: вернитесь к своему народу!

— Передай своему господину: когда он в следующий раз будет стоять передо мной, то я вобью ему в тело железный клинок. Я лучше буду объединяться в союз с влахаками, чем с ядовитыми змеями с раздвоенным жалом!

— Марчег…

— Беги, сцаркский пес, пока я не вырезал свое послание на твоей шкуре!

Покачав головой, посланник развернулся, делая вид, что не понял слов Тамара, но юный марчег почувствовал страх мужчины. У него прямо руки зачесались выместить на нем гнев, но он обуздал свою ярость и поскакал назад в лагерь. Дождь стал за это время настолько обыденным спутником, что он уже почти не чувствовал его. Когда он спешился, к нему подошла Флорес.

— Что он сказал вам?

— Все как всегда: кто спит в кровати с собакой, тот не должен удивляться, что набрался блох.

Влахака подняла одну бровь, но не стала уточнять.

— Он вновь попытался вбить клин между нами. Если бы вы поскакали туда, то тогда он хвалил бы вас и обещал все золото гор, чтобы вы предали меня.

— Предательство?

— Само собой разумеется, я должен был отказаться от вас, влахаков, и присоединиться к нему.

Тамар с удивлением заметил оттенок беспокойства на лице Флорес. Поэтому он быстро добавил:

— Но я, естественно, послал его в вечный мрак. Передо мной лежит только одна дорога. И она ведет через труп Сциласа!

52

Неожиданно все изменилось, и подземный мир больше не был бесконечным кошмаром. И хотя Стен все еще находился в недрах гор, глубоко подо всем, что он знал, но теперь Висиния была рядом с ним. Висиния, которую считали погибшей и за невероятное спасение которой он был благодарен не только Скилои, но и Турку и его племени. «Значит, это было счастье, что Скилои в прошлом году удалось уйти от них? Была ли это судьба? Воля духов? Я с трудом могу поверить в то, что она действительно жива».

Пока мысли в голове Стена перебивали друг друга и он напрасно пытался их упорядочить, Пард целеустремленно вел их по запутанному лабиринту туннелей. На какое-то время Турк подчинился притязанию на управление Парда, но у Стена было неясное ощущение, что трения между этими двумя исполинскими существами неизбежны. Оба тролля были великими воинами и охотниками, уже долго вели свои племена и наслаждались почтением тех, кто следовал за ними.

В слабом свете лишайника Стен бросил взгляд в сторону и посмотрел на Висинию, словно боялся, что ее снова заберут у него, пока он будет занят своими мыслями. Но она бежала рядом, грязная с головы до ног, в порванном платье, уставшая, но красивее, чем когда-либо. Он осторожно взял ее за руку, чтобы убедиться в ее близости. Почувствовав его прикосновение, Висиния улыбнулась.

— Я все еще не могу поверить, — пробормотал Стен.

— Я тоже не могут поверить, что ты здесь, внизу, — ответила Висиния и пожала в ответ его руку. — Что ты пойдешь на такой риск. Глупый мой!

— Никто из людей не хотел или не мог помочь троллям. И это тоже очень важно — то, что здесь происходит. Если правда то, что сказал Вангелиу, тогда здесь, внизу, решается судьба всей страны. В равной степени для влахаков и масридов.

— Теперь уже недалеко, — неожиданно сообщил Пард. — Шахта прямо над нами.

— Очень хорошо, — прошептала Висиния. — Я уже радуюсь тому, что скоро увижу солнце.

После этого сообщения Пард еще больше ускорил шаги. Оба племени несли раненых посередине колонны. Кроме раненного гигантским ядовитым пауком они тащили еще двух троллей. Но это, казалось, совсем не волновало остальных троллей. Через одинаковое расстояние они менялись, и помогал каждый, включая Парда и Турка. Только лазутчики, которых высылали вперед, были освобождены от этой обязанности. Стен с удивлением понял, что поражен такой сплоченностью троллей. Даже в бегстве от опасного, да, смертельного врага они заботились друг о друге.

Неожиданный рев оторвал влахака от его мыслей. Позади них какое-то существо кричало в древнейшем гневе. Крик пронесся волной по туннелям и заставил их обернуться.

— Анда, — прошептал Керр.

— Поспешите, — поторопил их Пард и побежал вперед.

Все последовали за ним так быстро, как только могли. Скалы вокруг них становились все светлее, иногда стены даже блестели от света, когда группа проходила мимо них. Но у Стена не было времени обращать внимание на их окружение. Он мог лишь бежать и при этом все время следить за Висинией, чтобы она была рядом.

Через какое-то время они добрались до маленькой пещеры, из которой шло несколько туннелей. Пард указал на один из них:

— Этот ведет прямо к шахте, которая находится под большим каменным домом.

— Нам нужно будет лезть? — спросил Керр.

— Да. Я не знаю точно, как высоко. Дреег будет вести нас.

— А что с ними? — спросил юный тролль и показал на раненых.

Пард наморщил лоб.

Неожиданно Турк сделал шаг вперед.

— Нам нужно разделиться. Мы никогда не сможем подняться по этой шахте все вместе. Особенно когда Анда так близко, что еще немного и будет наступать нам на пятки.

— Разделиться? Кто знает, что нас ждет? Нам нужен каждый тролль, — мрачно ответил Пард.

— Неужели ты хочешь оставить их? — голос Керра прозвучал удивленно.

На лице Парда заходили желваки. Но прежде чем он смог ответить, Керр продолжил:

— Они принадлежат нам. Они нуждаются в нашей защите.

— Это очень опасно! Нам нужно достичь нашей цели! Иначе скоро вообще не останется ни одного тролля, а только ублюдки.

— Если мы их оставим, то они погибнут. Но тролли не убивают троллей. Если мы начнем так делать, то скоро станем такими же, как Анда. Тогда мы можем сразу пойти к ней и присоединиться к ее своре, — тихо возразил Керр.

Стен удивленно следил за этим диалогом. Он напряженно посмотрел на Парда, который угрожающе поднял руку, но все еще молчал.

— Проклятье! — неожиданно взорвался большой тролль. — Это все еще хуже, чем пещера, полная дерьма карликов!

— Друан бы… — начал было Керр, но Пард резко перебил его:

— Друана здесь нет! Он мертв, малыш, понятно? И мы не знаем, что бы он сделал.

На мгновение Стен подумал, что Пард ударит Керра, но большой тролль только провел рукой по голове, и этот жест показал, как сильно он устал. Когда он продолжил, голос его был снова спокойным:

— Ты прав. Если мы оставим их здесь, то это будет все равно что самим убить их.

— Тогда мы разделимся, — решил Турк. — Мы отправим с ними нескольких охотников. И Шляйхер должен тоже пойти с ними; он лучший лазутчик во всех туннелях. Он уведет их от троллей Анды.

Хотя Пард явно очень беспокоился, он кивнул. Вместе с Турком они выбрали

охотников, которые должны будут сопровождать слабых и раненых.

— А что мы будем делать? — спросила Висиния Стена, который все еще внимательно слушал троллей.

— Один путь так же опасен, как и другой. Никто не может сказать, кого будет преследовать Анда.

— Эта шахта ведет наверх? В монастырь?

— Да. Хотя до сих пор я видел только верхний конец шахты. Она очень глубокая, — объяснил Стен, криво усмехнувшись.

— Я думаю, что тем не менее мы должны пойти с Пардом. Возможно, мы понадобимся скорее ему, и путь с ним нас точно быстрее выведет на поверхность. Мне нужно еще попрощаться с некоторыми, — заявила его жена и подошла к маленькой группе троллей, которые собрались вокруг раненых.

Она стала на колени перед отравленным троллем, положила руку ему на плечо и поблагодарила его. Затем она улыбнулась одной тролле, которая заботилась о раненых и в ответ оскалила клыки, однако не сказала ни слова, так как Пард уже начал торопить их в путь.

— Попытайтесь попасть дальше наверх. Мы встретимся недалеко от поверхности, близко к сердцу, — указал Турк дорогу другой группе, и они побежали дальше, в то время как другие исчезли в другом туннеле.

И действительно, Пард был прав в том, что говорил про дорогу. Уже скоро они дошли до конца туннеля. И чем дальше они бежали, тем более отчетливо чувствовалось дуновение воздуха, пока они неожиданно не остановились. Большой тролль стоял перед отверстиями в полу и потолке. Из шахты доносился тухлый запах серы, а еще тихий свист, словно от ветра, ласкающего скалы.

— Кипящие источники. Отсюда и запах, — констатировал Турк, который поднял нос и принюхался. — Они под нами. Тогда вот это и есть высокая шахта.

— Сердце прямо над нами, — прошептал Керр. — Так близко!

— В путь, — нетерпеливо приказал Пард и ударил рукой по стене.

Большой тролль подтянулся и неожиданно быстро начал лезть вверх. Стен осторожно наклонился и посмотрел в дыру под ними. Его волосы мягко развевались от слабого дуновения ветра, запах был противен, но он не смог ничего разглядеть. «Даже на самом верху шахта казалась бесконечной. Здесь точно так же. Интересно, какая глубина у нее на самом деле и как долго будешь падать, пока достигнешь дна?» Глубокая грусть вдруг тяжелым грузом легла ему на сердце, у него даже перехватило дыхание. Он увидел перед глазами смерть своих друзей и своей семьи, дом в огне, пока дым не затемнил все небо. У него почернело в глазах, когда все пережитые потери ударили его, словно молотом. «Что со мной происходит?» — оцепенело подумал он. Затем образы ушли так же быстро, как и пришли.

Висиния, которая стояла рядом с ним, явно не разделяла его беспокойства. Она завязала свои рыжие волосы, чтобы они не мешали, и рассматривала шахту, как будто просто хотела оценить ее размеры. Когда она заметила его взгляд, то спросила:

— Что с тобой? Все нормально?

— Будь осторожна, хорошо? У меня какое-то нехорошее чувство от всего этого дела.

— Конечно, буду. Я же выросла в Мардеве. Я научилась лазать еще до того, как научилась бегать.

Хотя Стен и усомнился в сказанном, но только вздохнул и схватился за выступ. Затем медленно подтянулся. Он не хотел думать об опасности, так как не мог выносить представления о том, чтобы потерять Висинию, сейчас, когда он снова нашел ее.

Участок за участком они продвигались по шахте вверх. Стены были шершавыми, полными кантов и трещин, благодаря чему лезть по ним было если и не менее трудно, но, по крайней мере, не так тяжело. Тролли лезли вверх при помощи своих сильных когтей быстро и ловко, а Стену и Висинии приходилось прикладывать немало усилий, чтобы не отставать

от них. Через несколько десятков шагов они добрались до пещеры, где Пард разрешил им немного передохнуть.

Стен протянул руку и помог жене преодолеть несколько последних метров. Потом они легли рядом друг с другом на пол. Он положил руку на ее плечи, в то время как вокруг них более двух десятков троллей, сопя и ворча, пытались поудобнее устроиться, чтобы отдохнуть.

Пока он гладил Висинию по голове, внезапно заметил, что, несмотря на тепло, которое их окружало, она дрожала.

— Полежи немного, — мягко сказал он, подтянул ее к себе и обнял ее голову.

Она потянулась и закрыла глаза.

— Тебе, наверное, было совсем нелегко ходить здесь по подземелью с троллями, да? — через какое-то время потихоньку спросил Стен, так как не знал, заснула она уже или нет.

— Нет, нелегко, — ответила Висиния тихо. — Они настолько невероятно… чужие. Я все время спрашивала себя, что бы ты сделал на моем месте. И как ты перенес свое последнее путешествие с троллями?

Влахакский воин рассмеялся.

— Я всегда делал шаг за шагом и при этом пытался игнорировать запах.

— Иначе это сложно было бы вынести.

Висиния тоже рассмеялась.

— Можно я тебя кое о чем спрошу? Новый марчег масридов, Тамар Бекезар, сказал… он заявил, что я должен быть огорчен потерей одновременно жены и ребенка…

— Тамар сказал это? Откуда он узнал? — Потом она вздохнула. — Но это не важно. Да, он был прав. Я беременна.

Последние слова она произнесла так тихо, что Стену пришлось наклониться к ней, чтобы расслышать их. Она открыла глаза и посмотрела на него.

— О духи, да это же лучшая новость, которую я получаю с тех пор, как Турк сказал мне, что ты жива. А значит, это вторая самая лучшая новость, которую я когда-либо получал в своей жизни.

Висиния притянула его к себе, и они так и застыли в этом объятии.

Но долго отдыхать они не могли себе позволить, и Пард уже скоро вскочил на ноги и приказал отправляться дальше в путь. Когда Стен хотел встать, то заметил выражение лица Керра. Юный тролль вел себя так, словно двигался во сне.

— С тобой все нормально?

— Сердце. Оно так близко, — с отсутствующим видом ответил Керр.

— Хорошо. Значит, это сумасшедшее лазанье скоро закончится.

Но на самом деле им пришлось лезть наверх еще много шагов, пока они не попали на следующий уровень. Запах серы тем временем стал слабее, даже если снизу все еще шло дуновение ветра. У Стена уже болели руки и было такое чувство, словно в его плечи воткнули раскаленные иглы. Когда он добрался до края, то с благодарностью схватился за руку Парда и дал себя вытащить. Прямо под ним в шахте висела Висиния. Стен с удивлением обнаружил, что Висиния выглядела менее уставшей. Когда она заметила взгляд Стена, то наклонилась вперед и прошептала ему на ухо:

— Я же тебе говорила: в Мардеве сначала учатся лазить, а уже потом бегать!

— Теперь нам нужно идти через этот ход, — сказал Керр. — Сердце находится совсем рядом.

Стен озадаченно посмотрел на Парда, который только пожал плечами. Не дожидаясь ответа, Керр отправился в путь. Низкий потолок прохода заставил его пригнуть голову, в то время как Турку и Парду пришлось пролазить почти на четвереньках. Бросив последний взгляд на шахту, Стен последовал за троллями.

Стены здесь были гладкими; в некоторых местах от них даже отражался свет. Стен в изумлении провел по ним пальцем и обнаружил, что на ощупь они были словно драгоценное стекло, которое было такой редкостью во Влахкисе. Переплетающийся узор коричневых и

желтых цветов тянулся вдоль всей стенки, образовывая витки и длинные полоски. Керр просто бежал мимо этого чуда, не удостаивая его и взглядом, пока они не добрались до большой пещеры.

Зайдя в эту пещеру, они попали в сумеречный свет, прорываемый только мерцанием стен, от вида которых у Стена перехватило дух. Бесконечное множество кристаллов отражали свет лишайников, и от этого казалось, будто они танцуют, чтобы затем снова исчезнуть в темноте.

Рядом с собой он услышал голос Висинии:

— О духи!

Он увидел, как она с открытым ртом смотрит мимо него, и последовал за ее взглядом. С одной стороны пещеры потолок вновь опускался, и на этом маленьком кусочке на коленях стоял Керр. За троллем была непроглядная чернота. На глазах Стена она стала менять форму, вытягиваться, пока, словно живое существо, не отшатнулась от Керра. В Стене забушевали чувства: грусть, гнев, ненависть, страх, и все так быстро сменяли друг друга, что влахак упал на колени, неспособный даже пошевелиться или хотя бы бороться против этого. В темноте он увидел силуэт, огромный, с белым мехом и добрыми черными глазами. Однако видение снова пропало, его заменили потоки крови, которые грозили затопить Стена. Он упал и хотел закричать, он хотел выплеснуть свое мучение, свой страх, но ни один звук не вырвался из его глотки. Он был охвачен болью, ненавистью и страхом; закован в темную бочку; разбит на тысячи кусочков.

Неожиданно его лба коснулась рука, прохладная и сухая. Прикосновение было словно бальзам, остров спокойствия в буре, которая бушевала в голове Стена. Он сконцентрировался на нем, только на этом чувстве, пока все другие ощущения не отступили и он наконец не поднялся из глубин своего сознания. Он устало открыл глаза и увидел Тарлина, бледные черты которого были преисполнены большого спокойствия.

— Вы к Курперла ближе, чем я думал, — приветливо сказал эльф.

Стен дрожал всем телом, пот лился со лба и по рукам. Он поспешно обернулся на Висинию, которая лежала рядом с ним, поджав ноги и закрыв глаза. Все ее тело сотрясалось, словно она заболела смертельной лихорадкой.

— Помоги ей, — шепотом попросил влахак.

Эльф стал на колени рядом с Висинией и коснулся ее легкой рукой.

Стен неуклюже перевернулся. Члены его тела едва слушались его. Он заставил себя осмотреть окружение.

Тролли, казалось, совсем не были подвержены влиянию близости духа темноты. По крайней мере, они все стояли прямо и с любопытством смотрели на эльфа и женщину. Стена сотрясал кашель, но силы постепенно возвращались в его тело. На дне сознания все еще звучали ужасные голоса, краем глаза он видел пугающие образы, которые исчезали, как только он хотел повнимательнее рассмотреть их. Пещера вокруг них была странной, целый мир стал влахаку непонятным, только Висиния осталась реальной. На четвереньках он подполз к ней и взял за руку. Тарлин стоял на коленях рядом с ней, прижимая пальцы к ее лбу. Это касание вытаскивало ее из ужасных кошмаров, кажущихся такими реальными, которые перед этим мучили и Стена. Когда она открыла глаза, у Стена от облегчения по щекам побежали слезы.

— Сделайте сердце холодным, — посоветовал эльф. — Наполните мысли воспоминаниями. Тогда вам будет легче переносить это. Его дыхание сильно здесь, где он покоится.

— Анда была здесь, — заявил Керр, который все еще стоял на коленях перед колыхающейся темнотой. — Здесь ее запах. И кровь. Ее кровь и другая кровь тоже.

— Давайте покончим со всем, — мрачно сказал Пард. — Нам нужно поспешить; другие будут нуждаться в нас, если их будут преследовать.

Тарлин ничего не ответил, а только кивнул и сел на пол, скрестив ноги. Его лицо было обращено к темноте, поглощающей весь свет, от вида которой у Стена по спине бежали

мурашки. Влахак быстро посмотрел на Висинию, которая слабо улыбалась.

— Ты со мной.

— Да, — тихо ответил Стен. — Я с тобой.

Ее улыбка проникла в самое его сердце и построила в нем железную крепость против мрака в мыслях. Она осторожно выпрямилась и посмотрела на Тарлина, который сидел на полу неподвижно, словно статуя.

— Что он сейчас делает?

— Он пытается разрезать связь между Андой и духом темноты. Возможно, он говорит с духом. Он говорит, что может слышать голоса духов, так же как и прорицатели.

Не только люди, но и тролли уставились на эльфа. Эти исполинские существа молча собрались вокруг него, кроме лазутчиков, которых Пард расставил в туннеле. Керр тоже наконец развернулся и теперь стоял на коленях перед Тарлином. Он не спускал с эльфа глаз. Лицо юного тролля было напряженным, он только время от времени обеспокоенно облизывал губы и клыки.

Стен взял Висинию за руку и так же завороженно, как и она, смотрел на происходящее. Время шло, и он не мог точно сказать, сколько они уже ждали.

Неожиданно Тарлин застонал и поник. Его голова откинулась назад, словно от сильного удара, и он закричал. Закричал словно раненый зверь, словно умирающий. Его крик пронзил Стена насквозь. А потом эльф замолк и без чувств упал на пол.

53

Вид взрытой земли склона просто ошеломлял. Куда бы ни взглянула Флорес, везде она видела грязь, грязную воду и нечистоты. Даже если солдаты и покидали защиту лагеря, чтобы облегчиться, то они все равно не отходили далеко, так что вонь стала теперь их постоянным спутником. Сейчас Флорес была даже благодарна дождю, так как вода постепенно смывала экскременты.

— Он хочет сломить наше сопротивление, — пробормотал Неагас рядом с воительницей.

— Со мной это работает очень хорошо, — тихо ответила Флорес и вдохнула. — Он сволочь.

— Здесь вы совершенно правы, воительница!

Взгляд Флорес прошелся по рядам воинов до центра, где масриды и влахаки стояли плечом к плечу.

Тамар приказал кавалерии спешиться, чтобы поддержать линии пехоты. Марчег стоял в первых рядах, поставив щит перед собой в мягкую землю, шлем сдвинут назад. Его острый профиль было легко узнать даже издалека. Очевидно, он смотрел вниз на ряды врага, которые собрались в ложбине. Как и все другие, Тамар тоже ждал нападения марчега Ласцлара. Угроза атаки висела целое утро, но до сих пор Сцилас лишь приказал своему войску занять позицию и ждал.

— Я уже и сама готова отдать приказ идти в наступление, — прошипела Флорес и, прежде чем Неагас смог возразить ей, сразу продолжила: — Я знаю. Это было бы безумием. Но тогда, по крайней мере, это жалкое ожидание закончилось бы.

— Мы еще достаточно навоюемся.

По левую сторону была самая слабая позиция. Там флангом командовал Истран, ряды которого были укомплектованы теми, кто ранен или болен, но еще может управлять оружием. Их скудным резервам было дано указание особое внимание обращать на левый фланг. Флорес считала, что лучшим командиром более слабой единицы мог быть только Неагас, так как старый вояка собаку съел на хитрых стратегиях и умел удерживать своих воинов вместе даже в самых жестоких битвах. Но Истран сослался на свое право принять командование флангом. Поскольку он как бояр был на ранг выше Неагаса и Флорес не хотела оскорбить такого влиятельного камергера в этой и без того тяжелой ситуации, ей

пришлось нехотя согласиться с его требованием. «Даже перед лицом гибели мы еще торгуемся за влияние и честь. Иногда я даже своих собственных людей понимаю с трудом».

Так как отряды Сциласа и дальше не делали никаких приготовлений для атаки, Флорес вышла из своих рядов и побежала позади воинов к Тамару. В лагере земля была настолько размыта множеством солдатских ног, что Флорес нужно было при каждом шаге следить за тем, чтобы не поскользнуться и не упасть. Когда она добралась до позиции Тамара, марчег прошел назад и вопрошающе посмотрел на нее.

— Может, мы можем позволить некоторым солдатам выйти из строя и дать им немного отдохнуть? — предложила влахака.

— Что, сейчас? — Тамар вопросительно поднял одну бровь.

— Когда мы все сразу стоим в полной в боевой готовности, то тем самым только помогаем Сциласу. Он играет с нами в игру, но я отказываюсь играть по его правилам.

— Но он только и надеется на то, что мы снимем некоторых воинов. Как только в наших рядах появятся пустые места, он тут же воспользуется этим. Заполнить ряды во время атаки будет крайне и крайне сложно.

Флорес задумчиво посмотрела на масрида. Она очень хорошо понимала его аргументы, но ей не нравилось, что Сцилас подобным образом навязывает такой ход событий. Ее уже переполняло беспокойство; ожидание битвы напрягало нервы, и все в ней кричало о том, чтобы взять меч в руки и решить исход боя, так или иначе. Быть обреченной на бездеятельность противоречило ее сущности настолько сильно, что для нее это было почти как физическое недомогание.

— Поверь, мы еще достаточно навоюемся, — успокаивающе сказал Тамар, который понял ее состояние, и Флорес не удержалась, чтобы не рассмеяться.

Юный марчег наморщил лоб.

— Что в этом такого смешного?

— Просто это фактически те же слова, которые мне сказал Неагас.

— Возможно, тогда тебе стоит задуматься? Нетерпение в военном деле не всегда становится добродетелью, — с усмешкой сказал Тамар.

Флорес закатила глаза.

— И юмор не самая твоя сильная… — начала было она, но ее прервал сигнал горна.

На мгновение она подумала, что Сцилас отдал приказ к наступлению, однако к ним всего лишь приближался всадник.

— Это не парламентер, — констатировала влахака, когда увидела высоко поднятое знамя с драконом, которое всадник держал в руке.

Вместе с Тамаром она пробралась через ряды воинов вперед, чтобы лучше рассмотреть.

— Вызов, — предположил Тамар. — Может, он хочет сразиться в поединке.

— Сцилас? Против тебя? При такой погоде? Да этот тщеславный павлин никогда на это не решится. Его плащ может запачкаться грязью, — презрительно возразила Флорес.

Знаменосец подъехал поближе, пока расстояние между ним и объединенным войском не сократилось до двухсот шагов. Тогда он направил свою лошадь в сторону и поскакал вдоль линии. Его голос зазвучал звонко и отчетливо, даже несмотря на дождь:

— Масриды! Марчег Ласцлар Сцилас знает, что вы ненавидите то, что вам приходится бороться на стороне слабых влахаков! Он знает также о вашей вере в то, что вы должны быть верны своему вероломному господину, и это делает вам честь!

— Сбейте эту сволочь с лошади! — прорычал Рурьос. Несколько стрел полетели в сторону посланника, но не попали в него, и тот непоколебимо продолжил:

— Не тратьте свою жизнь зря! Не следуйте за влахакскими собаками в могилу. Время слепой верности прошло! Марчег Ласцлар Сцилас, последний настоящий марчег страны Ардолии, предлагает мир и честь каждому, кто присоединится к нему! Решайте, за кого вы хотите бороться! Атака будет завтра, и если до тех пор вы не будете стоять на стороне своих настоящих союзников, то мы будем считать вас друзьями влахаков и вы будете сметены с лица земли вместе с ними!

С этими словами он повернул свою лошадь и поскакал назад к рядам Сциласа. Несколько стрел полетели ему вслед, но посланник явно был за границей их досягаемости.

— Кто покинет пост, того лично порублю на куски, — крикнул Рурьос масридам, которые все как один смотрели сейчас на маленькую группу вокруг Тамара. На их бледных лицах Флорес увидела отчаяние, неуверенность и страх.

— Нет! — громко крикнул Тамар и одним прыжком соскочил с коня на вал.

Он проворно стал на краю рва и снова повернулся:

— Нет, Рурьос.

Марчег на мгновение закрыл глаза и снял шлем. Он запрокинул голову. Дождь капал на его лицо, стекая ручьями по лбу и щекам. Потом Тамар пристально посмотрел на своих воинов. Он пошел вдоль линий, глядя в лица масридов и сцарков, которые словно завороженные следили за ним.

— Не мы начали эту войну. Не мы, словно воры, ночью пришли в дом наших братьев и сестер! Это не влахаки напали на нас, а Сцилас и его змеиное отродье, — широким жестом Тамар показал в сторону армии Сциласа.

Он снова медленно пошел вдоль линии воинов, не отрывая от них взгляда. Кроме плеска дождя не было слышно ни звука. Флорес слушала слова Тамара так же завороженно, как и плотные ряды его воинов.

— Я никогда не покорюсь Сциласу! Я не забуду о том, что он сделал с Турдуем! Что он сделал с нашими семьями! Я никогда не забуду и не прощу ему смерти моего отца, и я буду бороться до последнего вздоха, пока эта несправедливость не будет наказана. И если при этом на землю должна пролиться моя кровь, значит, так тому и быть!

Тамар сделал маленькую паузу. Он поднял секиру высоко над головой и крикнул:

— Но если мы пойдем в битву, я не хочу знать, что на моей стороне кто-то не верен мне! Я не хочу видеть никого, на кого я не смогу положиться! Никого, кому я добровольно не вручу свою жизнь! Если кто-то не верит в меня, и может забыть Турдуй, и не хочет проливать с нами свою кровь, он должен уйти! Никто даже не притронется к вам, если вы сейчас оставите меня! Я даю вам слово!

Его последние слова повисли в воздухе во всей своей чудовищности, когда Тамар снова взобрался на вал и вернулся в ряды своих солдат. Флорес смотрела на него большими глазами. Она не сомневалась в том, что он был совершенно серьезен, и в этом явно не сомневались и другие. Никто не подвергал его слова сомнению. Он отпустит каждого. «Он или сошел с ума, или в отчаянии, или гений. Или, возможно, даже понемножку от всего этого».

— Бекезар!

Это был лишь один голос, где-то скрытый за всеми лицами по правую сторону. Один-единственный голос, немного дрожащий, но ясный, пробил тишину. Флорес уже ожидала, что ряды начнут редеть, что масриды и сцарки по отдельности или группами начнут перебегать к Сциласу, вместо того чтобы бороться на стороне ненавистных влахаков.

— Бекезар!

Теперь к этому кличу присоединилось еще несколько голосов. И так с каждым разом все больше и больше голосов повторяли имя марчега, изо всех сил, пока все до единого солдаты не выкрикивали их боевой клич, снова и снова. Их крик гремел над холмом, опускался в ложбину, оглушал. Даже Флорес, подхваченная его силой, присоединилась к ним и в полную силу выкрикивала имя своего старого врага, своего друга, своего любовника.

Она видела Тамара, который внешне безучастно стоял между ликующих солдат. В этот момент он был словно каменное изваяние. И только бледность лица выдавала его напряжение.

Внизу в долине группа всадников развернулась и повела своих лошадей в сторону враждебного лагеря, который лежал за следующим холмом. Флорес показалось, что она увидела среди них белые волосы Сциласа.

Тамар все еще не проявлял никакого волнения, даже когда ликование совсем

закончилось. «Сумасшедший, — подумала Флорес. — Теперь они последуют за ним хоть в вечный мрак и выстроятся против любого врага, будь то масриды или дух темноты».

— Я думал, что все кончено, — наконец уже в шатре признался Тамар.

В свете тлеющих угольков черты его лица были невероятно спокойными. Где-то в лагере несколько влахаков собрались у костра и пели старые мелодии, обрывки которых ветер доносил даже сюда. Низкие, печальные напевы смешивались с шорохом непрекращающегося дождя.

— Вместо этого ты завоевал их сердца. Теперь каждый из них сделает для тебя все, Тамар. Это был точный ответ, который ты дал своим людям.

— Да?

Она не могла проникнуть в его мысли. Его глаза были словно зеркало, которые отражали лишь взгляд Флорес, совершенно не выдавая своих чувств.

— Я говорил серьезно, — заявил он и вздохнул. — Я не хотел завоевывать сердца. Это не было планом или стратегией, которой я следовал. Я сказал только то, что думал.

— И поэтому завтра они все будут стоять на твоей стороне.

— Я не понимаю этого.

— Ты был честен. И если бы ты в тот момент побежал с вала в наступление на Сциласа, то я бы последовала за тобой. Они все последовали бы за тобой. Я думаю, что тебе стоит меньше беспокоиться о верности твоих воинов.

— Некоторые из них уже предали меня, неужели ты забыла? И до сих пор я остальных вел вовсе не от победы к победе. Скорее наоборот. До того как я стал их марчегом, они жили в мире и безопасности. Теперь они застряли со мной на горном склоне и видят свой конец. У них есть все основания, чтобы сменить лагерь и перебежать к Сциласу.

— Ты знаешь, что все то, что произошло в Турдуе, не твоя вина. И твои воины тоже знают об этом. Ты думаешь, хоть один из них воспользуется темнотой, чтобы незаметно улизнуть?

Теперь усмехнулся и Тамар. Он выпрямился и покачал головой.

— Нет.

На Флорес неожиданно всей силой навалилась усталость. Она обессиленно потянулась и зевнула.

— Мне нужно лечь спать. Если марчег Ласцлар сдержит свое слово, тогда завтра он наконец нападет. Я с большой охотой вновь посмотрю смерти в глаза, — подмигнув, заявила влахака.

Тамар быстро поднялся и подошел к ней.

— Я не хочу, чтобы ты уходила.

Его слова порадовали ее, хотя часть сознания и шептала ей, что оставаться сейчас неправильно. Но как и до этого, одно только его физическое присутствие заставляло этот голос замолчать. У нее даже мурашки забегали по телу от близости Тамара. Его запах ударил ей в голову, немного пота, кожа; запах, от которого ей хотелось прижиматься только к нему.

— Разумно ли это? — тем не менее спросила она.

Когда она увидела его улыбку, то поняла, что на ее вопрос уже был ответ. Это было неразумно, это было неуместно, это, может, даже было крушением их союза. Никто не мог сказать, как солдаты отреагируют, если пойдут слухи об отношениях Флорес и Тамара.

Но по лицу Тамара влахака поняла также, что в настоящий момент его не волновало, что может произойти, если кто-то узнает о том, как он жаждет ее, здесь и сейчас. От этой мысли ее тело стало легким, как воздух.

— Возможно, завтра мы погибнем. Возможно, утреннее солнце будет в последний раз светить над нашими домами, — возразил масрид хриплым голосом. — Если это моя последняя ночь, то я хотел бы провести ее с тобой.

Флорес поняла его, ведь она чувствовала то же самое, такое же желание, поэтому она обняла его и поцеловала в губы.

54

Крик эльфа наполнил всю пещеру. Тролли растерянно огляделись, сразу посыпались вопросы, пока Пард не заревел:

— Молчать!

Керр подбежал к поникшему эльфу и стал на колени перед ним. Глаза Тарлина были закрыты, а кожа казалась еще бледнее, чем была. Керр осторожно положил руку на лоб эльфа, но ничего не произошло. Когда он снова поднял руку, то увидел, как на ней что-то блестит. Это были несколько волос эльфа, которые остались на грубой коже Керра. Юный тролль в полном изумлении уставился на них, потом Тарлин застонал, словно испытывал сильную боль.

— Тарлин! Что такое?

Вместо ответа эльф неожиданно перевернулся набок. Его тело сотрясал приступ кашля, который никак не хотел заканчиваться. Его длинные руки и ноги благородной формы дергались, дыхание стало прерывистым. Потом Тарлин остался лежать словно мертвый.

Керр снова осторожно перевернул эльфа на спину и приподнял верхнюю часть его тела так, чтобы тот вдыхал больше воздуха. На бледных губах Тарлина была кровь, а на лице залегли глубокие морщины. Его глаза были все еще закрыты. Глубоко в себе Керр чувствовал дреег, биение сердца, такое сильное и близкое, какое он еще никогда не чувствовал.

— Слишком слабый, — прошептал Тарлин.

— Что?

— Я… слишком слаб. Дыхание уносит… меня, когда я открываю свое сердце. Слишком слаб…

— Нет, ты сильный! Ты справишься! Ты должен справиться.

Испачканные кровью губы эльфа сложились в слабую улыбку. Он медленно покачал головой.

— Его дыхание… во мне, друг тролль.

Новый приступ кашля сотряс эльфа. Сбоку подошел Стен и опустился на колени возле Тарлина. Человек выглядел затравленным и уставшим. Ненамного лучше Тарлина.

— Мне… жаль. Будь сильным… друг тролль. Ты сможешь… что я не смог…

Затем последовал глубокий вдох, после чего Тарлин замер в руках Керра.

Юный тролль, ничего не понимая, смотрел на эльфа. Его когда-то не подверженное времени лицо стало теперь очень старым. Когда Керр положил безжизненное тело на пол, то его руки были полностью в волосах эльфа, белых и длинных, они свисали целыми пучками. Без жизни внутри тело Тарлина казалось не таким чужим и особенным. Теперь он был всего лишь мертвое мясо, дух покинул его.

— Проклятье, — пробормотал Стен. — Он казался таким уверенным в своем деле.

— Он мертв, — возразил Керр и посмотрел на Парда. — Он мертв. Я не думаю, что он сделал то, что должен был!

— Проклятые заносчивые эльфы. Теперь мы стоим здесь с пустыми руками! — прошипел Пард в бессильном гневе.

Плечи большого тролля опустились, а спина совсем сгорбилась.

«Все зря, — в отчаянии подумал Керр, в то время как через него прошел еще один удар сердца. — Мы бежали так далеко, только чтобы не достичь своей цели».

— Нам нужно исчезнуть отсюда, — поторопил их Турк.

Керр в сомнении посмотрел на духа темноты, формы которого он мог лишь угадывать во мраке. Рога, когти, клыки; тролль, раненый, но все еще могущественный; намного более могущественный, чем Пард, или Турк, или какой-либо другой живой тролль.

— Да, вы должны были, — неожиданно раздался низкий голос.

Керр в ужасе посмотрел в конец пещеры, где был вход в туннель, который вел к шахте.

Из тени вышла громадная фигура. «Анда!»

— Но теперь для этого слишком поздно.

Ее голос звучал злобно, и она оскалила свои огромные белые клыки, которые угрожающе блеснули. Она вызывающе посмотрела на троллей. Затем насмешливо подняла когти, запачканные кровью.

— Ваши стражи? Боюсь, они совсем никакие противники для настоящих охотников. Невнимательные, слабые. Как и вы.

Ее взгляд был направлен на Парда, который не двигался. Позади нее Керр увидел других троллей, очевидно, ее последователей, который вышли из входа и стали позади троллы. «Они убьют нас». Эта мысль пришла неожиданно, но юный тролль не почувствовал страха.

— Вы нашли сердце. Точно так же, как и я. Но в отличие от вас, слабаков, я сделала то, что помогло мне стать сильной. Я не испугалась власти, как вы!

— Ты больше не тролль, — тихо заявил Пард.

Он выглядел подавленным, побежденным и обессиленным. Даже его голос потерял весь свой огонь и силу. Тролла запрокинула голову и засмеялась.

— Ты все еще слушаешь болтовню Друана, Пард. Но он повел нас неправильным путем. Он позволил, чтобы нас, троллей, убивали люди. И теперь он сам мертв. Выживают только сильные, слабые гибнут!

— Ты больше не тролль, — повторил Пард.

Она злобно посмотрела на Парда, которого теперь намного превосходила в росте. Ее сила была очевидной, она излучала ее каждой порой, сила проявлялась в каждом, даже самом малом ее движении.

— Я больше тролль, чем ты можешь предположить. Я вижу и знаю больше, чем ты можешь себе представить. Я изгоню карликов из нашей родины. Я научу людей, что значит убивать тролля. Я отомщу за Цдама и других. Я теперь каждого порву, кто станет у меня на пути, будь то человек, карлик, эльф или тролль. Каждого!

— Ты больше не тролль.

Голос Парда стал громче, сильнее, казалось, он крепчал вместе с ее гневом.

Анда презрительно фыркнула.

— Слова — это все, что тебе осталось. Тролли сильные, Пард, но ты слабый. Я могу вернуть тебе твою силу. Когда-то ты был другим. Теперь ты ходишь с людьми и эльфами, приводишь их на нашу родину, которая принадлежит только нам. Присоединяйся к нам, и ты получишь настоящую силу!

— Ты больше не тролль! — проревел Пард и взглянул на Анду. Он сжал кулаки, с клыков начала капать слюна. Его мощные мускулы напряглись.

— Хорошо. Тогда я здесь и сейчас покажу всем, что такое сила. Пойдем, Пард, покончим с этим!

С грозным ревом Пард прыгнул вперед, подняв лапы для удара. Анда ожидала его, не отшатнулась, а просто остановила его мощную атаку. Теперь она тоже заревела, торжествующе, так как отбросила Парда в сторону и швырнула его на стену.

Керр напряженно следил за борьбой. Никто из троллей не двинулся, потому что это была борьба между предводителями племен. Тот, кто проиграет, больше не может быть предводителем.

Пард потряс головой и резко повернулся. Снова мощные тролли столкнулись друг с другом. Их рев сотряс скалы и наполнил пещеру. Они закружились, пошли удары лапами. Пард вонзил свои клыки в бок Анды. Она схватила его и отбросила назад.

Тяжело дыша, Пард выпрямился. У него были глубокие раны на руках и плечах. Кровь медленно вытекала из них и капала с пальцев на пол.

Напротив стояла Анда с высоко поднятой головой. Она злобно усмехалась, поглаживая когтями рану в боку. Края раны закрывались прямо на глазах, и юный тролль издал стон ужаса. Так Пард никогда не сможет победить, каким бы гневным он ни был.

Тут прозвучал еще один дреег, и Керр снова посмотрел на скрытого во мраке духа темноты.

— Ты не можешь победить, Пард. Ты даже не можешь сильно ранить меня. Твое время прошло. Теперь начинается мое время!

И пока она еще говорила, она набросилась на Парда, и они вместе повалились на пол в смертельной схватке. Они стали словно клубок из членов тела, когтей, клыков и рогов. Их рев пронзил Керра до самых костей. Анда была сильнее Парда, она прижимала большого предводителя к полу, одолевая его. Его сопротивление было слабым, удары так и сыпались, она разрывала его кожу, пока кулаки полностью не обагрились его кровью.

Неожиданно она отпустила его и поднялась. Пард откатился в сторону, с трудом поднялся на колено. Анда тоже тяжело дышала, глядя исподлобья на раненого тролля.

— Присоединяйся ко мне, Пард, — настойчиво повторила она. — Ты знаешь, что такое сила. На моей стороне ты можешь победить всех врагов! Стань настоящим троллем!

— Ты… — начал было Пард, но запнулся.

Еще один дреег прошел через этот мир, прозвучав темно и сильно в сердце Керра.

— …больше не тролль.

Пард медленно и неуверенно поднялся на колени. Его тело было покрыто ранами, кровь текла из десятков мест. Он стоял перед ней сгорбившись, держась лапой за бок. Темная кровь текла через его когти. Один глаз опух так, что он больше не мог видеть им, и он с трудом переводил дыхание. «Он умрет. Она порвет его. А потом мы все разделим его судьбу».

Керр посмотрел вокруг, заметил Стена, который все еще стоял на коленях перед безжизненным телом Тарлина. Висиния переползла к нему и прижалась всем телом. Человек выглядел так, словно его тоже посетило ужасное осознание их положения. Его рука была на оружии, но он его не вытаскивал. В его глазах Керр видел отчаяние, которое бушевало внутри.

Анда смеялась. Ее веселье было жутким, а смех царапал душу Керру, оставляя пламенные следы стыда в его сердце. Тролла подошла к Парду, который отшатнулся назад, поднял руку в бесполезном жесте защиты. Она проигнорировала его слабый удар и, развеселившись, покачала головой:

— Ты последний свидетель мертвого мира. Я вступаю в новый мир, мир троллей.

Неожиданно Керр встал. На него тут же упал взгляд Анды, полный презрения:

— Твоя очередь еще наступит, не беспокойся. Мы должны будем убедиться в том, что ты мертв, ты слабое, жалкое существо!

Новый дреег придал еще большего значения словам Анды. Но Керр снова повернулся к духу темноты так, словно его взгляд непреодолимо притягивала темнота. Не осознавая до конца, что делает, он шагнул вперед, наполовину ведомый словами Тарлина. Откуда-то издалека донесся рев Анды, преисполненный ярости, однако ее крик больше не доходил до него. Мрак принял его, лаская, шепча ему на ухо обещания безопасности и защиты. Голос был приятный, словно клич его племени. Когти Керра касались кожи, грубой и прохладной, кожи тролля.

Сердце совершило еще один удар. И Керр принял в себя весь мир.

55

Только краем глаза Висиния увидела, как юный тролль вошел в темноту, на которую влахака даже не отваживалась смотреть. Леденящие душу видения двигались на краю ее зрения, шепчущие голоса в ее голове стали едва понятными, но абсолютная, всепоглощающая темнота все еще была здесь, поджидая, когда Висиния даст слабинку. Поэтому она отводила от нее глаза и вместо этого смотрела на Стена. Она видела, как в нем борются противоречивые чувства: желание помочь Парду и бессильное понимание того, что это невозможно.

Неожиданно эти тихие голоса смолкли. Образы поблекли. Висиния удивленно взглянула в сторону духа. Темнота все еще была здесь, беспрестанно двигающаяся чернота, но она казалась не такой угрожающей, не такой чужой.

Взгляд Висинии перешел на Парда и Анду, которые стояли друг напротив друга. «Как две стороны одной медали», — оцепенело подумала она. Она заметила выражение безмерного удивления на лице Анды. Тролла смотрела на свое тело, и когда Висиния последовала за ее взглядом, то тоже увидела, как все раны, которые Пард нанес ей, открываются, словно цветы, и из них льется темная кровь.

— Ты больше не тролль, — снова прошептал Пард и бросился на Анду.

Прежде чем тролла смогла отреагировать, он повалил ее на пол. Невероятная сила троллей поразила Висинию, когда она увидела этот бой. Оба боролись друг с другом как две могучих силы в одной беспощадной борьбе.

Тролли Анды отшатнулись назад. На их лицах появилась неуверенность и даже страх. Турк выпрыгнул из тени, пробежал мимо борющихся и с ревом накинулся на одного из врагов. Другие тролли последовали за ним, и в течение нескольких мгновений пещера наполнилась их рычанием и ревом. На этот раз нанесенные раны не затягивались так быстро, теперь охотники Турка были равны по силе своим противникам.

Стен тоже вскочил на ноги с вытянутым из ножен мечом. Он уклонился под махающими руками тролля и ударил своего противника. Висинии с большим трудом удалось оторвать от него взгляд, побороть свой страх за него, однако она взглянула на Парда, который склонялся над Андой, подняв кулаки. Снова и снова его лапа опускалась вниз, била поднятые руки Анды, била ее по голове.

Турк и охотники медленно оттесняли врагов назад. Шаг за шагом, ступая по павшим, до входа в туннель.

Потом Пард еще раз высоко поднял лапу и ударил Анду по голове. Тролла приподнялась и упала замертво. Ее тролли зашептались, а затем обратились в бегство и устремились в туннель.

Несколько других троллей хотели преследовать их, но Турк крикнул:

— Нет!

И опустился на пол. Он выглядел довольно плохо, но скалил зубы и усмехался.

Пард, который все еще неподвижно стоял на коленях над Андой, неожиданно завалился в сторону. Бесчисленное множество ран покрывали его тело, он тяжело дышал. Потом он с трудом поднялся по стене и прислонился к ней спиной.

Из темноты вышел Керр. Казалось, темнота не хотела расставаться с ним, она клеилась к нему, обвивала, цеплялась за него, словно влюбленная женщина. Но юный тролль сделал несколько неуверенных шагов, пока полностью не вышел из темноты, потом ноги его подкосились и он упал на колени.

С невиданной силой вернулись голоса, которые беспрерывно убеждали Висинию. Она видела горящую Теремию, мертвое обесчещенное тело своей сестры, своего мужа, у которого текла кровь из ужасных ран. Грусть и страх, казалось, вот-вот одолеют ее, но, к счастью, легкое прикосновение руки прогнало этих духов. Рядом с ней стоял Стен и держал ее за руку. Из раны на лбу у него текла кровь, которую он без особого внимания вытирал рукой:

— Не думай об этом.

Его голос был теплым; его звучание заглушило враждебный бессловесный шепот в ее голове. Она благодарно улыбнулась ему. Потом ее взгляд снова упал на Керра, глаза которого, казалось, смотрели в другой мир. Турк подошел к юному троллю и положил руку ему на плечо.

— Хорошая работа.

Керр удивленно посмотрел на предводителя, моргнул пару раз, а потом медленно кивнул. Что ты сделал?

— Я видел это, — прошептал юный тролль.

— Что? Что ты видел?

— Все!

Стен подошел к Парду и стал на колени перед раненым троллем.

Пард, весь в крови, усмехнулся.

— Я победил, — мрачно прошептал он.

— Да, ты победил, — подтвердил Стен.

Висиния услышала в его голосе печаль. Раны Парда были глубокими, это было чудо, что он вообще еще дышал. У его ног лежало бездыханное тело Анды. Кровь их двоих смешивалась на каменном полу.

Крик заставил всех обернуться. Из прохода, который вел в шахту, прибежал один из лазутчиков. Его взгляд блуждал по убитым троллям, и глаза расширились.

— Что? — прикрикнул на него Турк.

— Там еще больше врагов, — взволнованно ответил лазутчик. — Много, две или три руки. Они идут через туннель!

Турк тут же повернулся к Керру.

— Их раны больше не будут заживать?

— Я не знаю этого. Сердце снова бьется в мире, как и раньше.

— Ты сможешь еще раз сделать то же самое?

Юный тролль вяло покачал головой.

— Тогда нам нужно уходить отсюда. Все к шахте!

— Раненые не смогут лезть достаточно быстро, — озабоченно возразил Керр. — Их ранам потребуется много времени, чтобы зажить.

— Но еще одну битву мы не выстоим.

На лице Турка появилось отчаяние, он дико осмотрелся, словно искал какое-то отверстие, хоть какую-нибудь другую возможность для бегства. Висиния услышала шорох движения. По стене медленно поднялся Пард. Его лицо скривилось от боли, но он оторвался от камня и медленно выступил вперед.

— Веди их наверх, Турк. Теперь это твое племя.

Взгляд Парда упал на Керра, который ошеломленно уставился на него. И он медленно кивнул Керру:

— Запиши, что я сделал. И что я сделаю.

Юный тролль молча кивнул.

Пард прошел мимо них, прижав руку к боку, где из ужасной раны у него текла кровь. Висиния видела, что каждый шаг стоил значительных усилий большому троллю, но он шел дальше, ставил одну ногу перед другой, пока не дошел до туннеля.

Раздался вой, вой троллей Анды, полных гнева и ненависти.

— Вы слышали его? Мы уходим отсюда! — приказал Турк и хотел было отвернуться, но Стен крепко взял его за руку:

— Что он делает?

— Он остановит их, — ответил Турк, затем повернулся к своим троллям: — Возьмите раненых.

— И возьмите эльфа, — прошептал Керр. — Ему здесь совсем не место.

Тут со стороны туннеля донесся треск, потом еще раз. В сумеречном свете Висиния смотрела на Парда, который изо всех сил бросался на стену скалы. Массивная фигура большого тролля выбивала каменные блоки из стены, поднялись клубы пыли, светлое облако измельченного камня. Пард снова и снова наваливался всей силой на стену; Висиния могла чувствовать эти удары по вибрированию пола.

— Побежали! — крикнул Турк и побежал.

Тролли последовали за своим предводителем. Они потащили с собой раненых. Керру тоже нужна была помощь, и один из них закинул тело Тарлина на плечо. Только Висиния не могла оторвать взгляда от Парда, который один стоял в проходе и бил по твердой скале.

Стен взял ее руку в свою.

— Пойдем, — тихо попросил он.

И только когда массивную фигуру тролля поглотили клубы пыли, влахака последовала за своим мужем из пещеры. Затем позади них раздался оглушительный грохот.

56

Небо выглядело словно жидкий свинец. И только когда над плотными тучами взошло солнце, серый мир вновь приобрел свои очертания и цвета. Влажная прохлада утра легла на душу Саргана. У него было ощущение, словно на него направлены глаза всех солдат лагеря. Пока Балаос и его силки подготавливали лошадей, Сарган неподвижно стоял под навесом и невозмутимо смотрел на свою охрану. Лишь несколько капель дождя попало на дорогие одежды, которые дириец надел сегодня. Еще до того как утренний свет окончательно прогнал сумерки, Балаос вернулся к Саргану и доложил:

— Все готово, повелитель.

— Очень хорошо. Подождите меня.

Силк отошел назад с поклоном, в то время как Сарган пошел через лагерь. Посередине линий воины меж трех подпорок натянули навес, который служил только для защиты от дождя. Под навесом сейчас как раз были Флорес и Тамар, обсуждая возможный ход битвы, когда Сарган подошел к ним.

— Я хотел попрощаться с вами, — заявил он.

— Ну, что ж, — ответил Тамар, которому с большим трудом удавалось сдержать свою радость от услышанного. — Ничто не должно задерживать путешествующих. Пусть Божественный свет освещает ваши пути, легат.

— И пусть боги подарят вам везение.

Бросив непонятный взгляд на Флорес, масрид отвернулся и направился к баро Руръосу.

— Не унывай, — прошептала влахака Саргану.

— Что?

— Не все здесь такого плохого мнения о посланнике Дирийской империи, как марчег.

— Приятно узнать, — с кислым видом ответил Сарган. — Но я уверен, что у марчега Бекезара есть веские причины для таких чувств.

— Он просто всех, кто не за него, сразу же считает теми, кто против него.

— И кроме того, он ревнив, словно влюбленный кот, — пробормотал Сарган.

Флорес сначала озадаченно посмотрела на него, затем гневно сдвинула брови, но в конце концов усмехнулась.

— Ревнив? Мне кажется, твоя самоуверенность немного пострадала от постоянного дождя, а? Тамар просто не знает тебя так хорошо, как я. Я знаю, что битва — это неподходящее место для Саргана.

— Мне просто напомнили о том, что я представляю сейчас больше, чем только самого себя. Мое присутствие не требуется и никому не принесет пользы. Оно скорее становится опасным. Поэтому я должен уехать. Я — Золотая империя.

Флорес весело подняла одну бровь.

— Это не мои слова, — уточнил Сарган и скромно посмотрел в землю.

Край его золотого одеяния уже был испачкан вездесущей грязью.

— А моих подчиненных.

— Конечно.

— В любом случае я желаю тебе большой удачи.

— Спасибо. Если следующие дни пройдут не очень удачно, то тогда, возможно, я приму твое предложение.

Сарган в сомнении начал ломать себе голову над тем, какое предложение она имела в виду. «Неужели я вижу здесь свет на горизонте и у меня все же появится четвертая темпераментная жена?» Но когда Флорес увидела его выражение лица, то тут же пояснила:

— Путешествие в империю.

— Правда? И ты оставишь Влахкис позади? И юного марчега вместе с ним?

— Нет, — вздохнула Флорес. — Наверное, нет. По крайней мере, пока я здесь нужна. Но мысль очень заманчивая.

— Я сдержу свое слово.

— Это я знаю. Поэтому ты должен еще кое-что пообещать мне.

— Да?

— Если мы проиграем, тогда ты должен попытаться найти моего брата и Висинию. Стен должен узнать, что его жена еще жива. Он никогда не покинет Влахкис, пока будет жив, но если все наши надежды рухнут, тогда ты должен спасти Висинию. Пока страной будет править Сцилас, она нигде здесь не будет в безопасности. Ведь Висиния — последняя боярыня Дабрана и наследница титула воеводы. Обеспечь ей и ее ребенку защиту империи.

Настоятельный тон и сама просьба удивили Саргана. «Видно, дела у них обстоят совсем плохо, раз она хочет доверить мне судьбу своей невестки. А ребенок Висинии? Друг Стен явно думал не только о восстановлении хозяйства в своей баронии. Знает ли он об этом?» Однако не задав ни одного из этих вопросов вслух, он лишь сказал:

— Я попытаюсь.

— Спасибо. И доброго пути тебе, Сарган.

Мгновение он еще смотрел на влахаку. Чувства сдавили ему горло. Потом он развернулся и, не сказав больше ни слова, пошел назад к ожидающему его Балаосу. Все еще молча дириец сел в седло. Пока он шел через ряды солдат, на него действительно были обращены все глаза. Сарган держал голову прямо и не показывал ни малейшего волнения. За эту ночь не дезертировал ни один солдат, но он чувствовал тоскующие взгляды воинов и легко мог прочитать их мысли. «Они очень хотят оказаться сейчас на другом месте. Даже если речь Тамара связала их с ним до самого конца, они боятся битвы».

Маленькая группа из империи медленно скакала вниз по взрытому склону, прямо к солдатам Сциласа, которые с первыми лучами солнца вновь заняли позицию.

— А у нас вообще есть знамя? — спросил Сарган, когда увидел, как в ряды под ними пришло волнение.

— Нет, повелитель.

— Возможно, нам нужно было позаимствовать хотя бы одно, — пробормотал Сарган скорее для себя.

Его небольшой отряд всадников, естественно, не представлял никакой опасности для войска, тем не менее от формации враждебной кавалерии отделились двадцать всадников в тяжелой броне и поскакали им навстречу. Прямо перед ними они притормозили и взяли Саргана вместе с его охраной в двусторонний охват. Их предводительница, черты которой были скрыты под темным шлемом, подняла руку и приказала Саргану также остановить свою лошадь. Когда дириец выполнил приказ, она повысила голос, который был на удивление низким:

— Мой господин, марчег Ласцлар Сцилас, просит вас составить ему компанию.

— Это честь для меня, — ответил Сарган настолько смиренно, насколько мог, и склонил голову.

Всадница развернула своего жеребца, и Сарган последовал за ней, окруженный масридскими воинами. Собственно, выполняя свою функцию посланника империи, он мог быть уверен в своей безопасности, хотя мрачные взгляды и руки масридов на оружии и заставляли его сомневаться в этом.

Перед ними расступились линии солдат, и Сарган проехал в образовавшийся проход. На вершине следующего холма стояли три роскошных шатра. Перед самым большим реяло знамя с драконом и таким образом указывало путь к марчегу Ласцлару. Передняя часть шатра была поднята, открывая то, что происходило внутри.

За круглым столом собралось несколько мужчин и женщин. На основании известных ему описаний Сарган сразу же узнал мужчину посередине. Длинные светлые волосы и правильные черты лица выделяли марчега Ласцлара среди его подчиненных. К своему

облегчению, дириец обнаружил также свою союзницу, Скилои Касцон, которая стояла немного в стороне. Однако выражение ее лица не предвещало ничего хорошего.

Тем временем масридские всадники остановились перед шатром. Со все усиливающимся нехорошим чувством Сарган спешился. Балаос и его воины сразу же выстроились за дирийцем. Так как его, казалось, никто не собирался представлять, Сарган пошел к шатру, но был остановлен двумя охранниками в тяжелых доспехах, которые стали у него на пути и скрестили копья перед его грудью. Позади себя он услышал, как Балаос, видя такое оскорбительное поведение, схватился за свое оружие, но Сарган поднял руку и осторожно покачал головой. Долгое время ничего не происходило; Сцилас беседовал с женщиной, которая сидела рядом с ним, и пил из своего золотого кубка. Казалось, он совершенно не заметил посланника. Дождь продолжал хлестать, и одежда Саргана постепенно пропитывалась влагой. И как раз в тот момент, когда дириец хотел взять слово, марчег Ласцлар посмотрел ему прямо в глаза. Лицо масрида было непроницаемым, когда он жестом подозвал к себе Скилои. После этого марчег спросил у нее так громко, чтобы каждый из присутствующих услышал его:

— Это тот, за кого он себя выдает?

И тогда нехорошее чувство в душе Саргана медленно вытеснил глубокий гнев. Непочтительное обращение, намеренное невнимание — все это было намеренными нападками на его статус. Скилои кивнула, но Сарган не дал Сциласу сказать еще что-то.

— Я тот, кто я есть, — решительно заявил он и пристально посмотрел на марчега сверху вниз. — Я — рот Золотого императора, помазанный самой Агдель, глаза и руки дворца, обладатель золотого пера, великий советник Золотого Триумвирата, спутник земного Тельца. Я — Сарган Вульпон, легат Золотой империи!

«И я страстно благодарю Агдель, что мне в первый раз удалось перечислить все мои проклятые титулы».

Его голос заставил затихнуть все разговоры. Все лица были обращены только к нему. Он медленно опустил взгляд на оба копья, которые тут же поднялись перед ним. Он очень постарался изобразить полное презрение. Он увидел, как на лице марчега Ласцлара промелькнул гнев, подобный туче, но потом вместо него сразу же появилась широкая улыбка. «Мне уже один раз пришлось наслаждаться гостеприимством одного марчега, — подумал Сарган. — Но на этот раз я не собираюсь играть в игры этих примитивных, грязных провинциальных главарей племен. Я — Золотая империя!»

— Добро пожаловать в наш лагерь, — воскликнул Сцилас с наигранной радостью. — Вы должны понять, что мы можем ожидать любой хитрости от той отчаявшейся кучки там, наверху.

Некоторые из присутствующих масридов и сцарков рассмеялись так, словно Сцилас очень остроумно пошутил.

— Естественно, — ответил Сарган с показной улыбкой, проходя меж двух стражников, которые при словах марчега уступили ему дорогу. — Война — это очень напряженное занятие, как я вижу.

— Но она скоро закончится. Завтра Ардолия наконец будет объединена под одним-единственным властителем.

— Завтра? — сразу же переспросил Сарган и отжал немного воды из своих волос.

При этом он старался, чтобы его движения выглядели манерными. «Недооцени меня, марчег. Подумай, что я всего лишь безмозглый придворный льстец», — мысленно пожелал дириец.

— Но разве вы в своем ультиматуме не заявили, что будете нападать сегодня?

— Да, заявил, — подтвердил Сцилас и улыбнулся. — Но я думаю, что еще один день страха и беспокойства пойдет на пользу этой мокрой кучке сброда там, наверху. До завтрашнего дня от бедного мальчика Бекезара сбежит, наверное, половина его людей. Кроме того, сегодня вечером сюда прибудет подкрепление.

— Больше воинов? — осторожно переспросил Сарган.

Его мысли заметались. «Плохие новости для Флорес. Еще больше врагов. Я должен послать им предупреждение».

— Конечно, больше воинов. Я отправил кавалерию в Полеамт на случай, если Тамар и его влахакские собаки повернут на запад. Но сейчас кавалерия на пути сюда, их авангард уже прибыл.

— Вы хорошо обдумали все возможности и сделали все наилучшим образом, — сказал Сарган с наигранным восхищением.

— Естественно. Теперь вы наверняка согласитесь с тем, что ввиду нашего превосходства положение наших врагов становится более чем критичным?

— О, конечно, так и есть. Ваш военный поход находится прямо перед своим успешным завершением. Но сейчас вы могли бы простить меня — я бы с удовольствием пошел освежиться.

— Ну, что же вы, достопочтимый легат. Вы же не можете так быстро лишить нас радости вашего присутствия. Мы все здесь воины в полевых условиях, так же как и вы сейчас, поэтому вы должны простить нам наше грубое поведение и резкие манеры.

Взглянув на дорогую, чистую и идеально сидящую одежду марчега Ласцлара, Сарган поднял одну бровь.

— Нет, дорогой посланник. Мы рады вашему обществу. Мы даже требуем его!

Перед шатром собралось двадцать всадников, которые привели Саргана в лагерь. Другие масридские стражники тоже стояли наготове, и не оставалось никакого сомнения в том, что они подавят в корне любое сопротивление со стороны силков.

— Раз вы так настоятельно просите остаться, то считаю, что покинуть вас сейчас будет не самым лучшим решением, — ответил Сарган с вынужденной улыбкой.

— Нет. Уж точно не будет, — холодно согласился с ним белокурый марчег.

«Он думает, что видит меня насквозь, — понял Сарган. — Он не даст мне ни малейшей возможности послать предупреждение».

57

Грохот падающего камня уже давно затих, но в душе Стена все еще звучало его эхо. «Теперь они все мертвы: Цдам, Рох, Друан, Анда и теперь еще Пард», — подумал он, еще оглушенный шоком мощной битвы против Анды и ее троллей.

Влахак не знал, как это произошло, но они пережили нападение. И не просто пережили, а даже победили Анду; Пард собственными руками одолел троллу, которая превосходила его по силе. До последних мгновений жизни большой тролль оставался верен себе, непоколебимый, жесткий, предводитель своего племени во всем. Неожиданно Стен понял, что скучает по Парду, несмотря на его дикий первобытный нрав.

— Ты скорбишь по нему, — сказала Висиния рядом с ним. Стен снова был удивлен ее способностью узнавать его мысли и чувства — ему даже не нужно было рассказывать о них. Он молча кивнул.

— Я тоже, — заявила Висиния. — Я никогда не думала, что это возможно. Но я также никогда не верила, что есть что-то, что может убить Парда. Он был всегда такой несокрушимый. Скорее стихия, чем живое существо.

От последних слов Стен усмехнулся. Его воспоминания о тролле ни в коем случае не были только хорошими, и даже больше чем один раз он проклинал этого воинственного великана, но с течением времени он показал себя настоящим другом.

Теперь им не оставалось другого выбора, как вернуться в шахту, так как Пард завалил другой выход из пещеры духа темноты. Стен снова почувствовал запах серы и легкое посвистывание сквозняка.

Добравшись до шахты, влахак скептически посмотрел наверх. Пард сказал, что где-то там над ними был монастырь Стариг Яцек. Но Стену не удалось разглядеть что-либо в темноте.

— Там, наверху много людей, — неожиданно сказал Керр позади них. — Очень много людей.

Стен удивленно посмотрел на юного тролля, который стоял, прислонившись к скале.

— Что? Откуда…

— Я видел их. Я все видел. Я слышал их запах, вкус, голоса. Я чувствовал их ненависть, их страх, отчаяние, радость. Все.

Взгляд тролля прошел мимо Стена, словно он мог видеть сквозь стены, скалы, да, видеть весь мир.

— Что случилось с тобой в… черноте? — благоговейно спросил Стен.

До сих пор он еще не успел подумать о поведении Керра в пещере духа темноты, однако неожиданно осознал, что тролль изменился. Его голос стал звучать более твердо, голос стал более уверенным, а лицо выражало такое спокойствие, которое озадачивало Стена ввиду их положения.

— Я принял в себя биение сердца. Я был… я был все. Каждый камень, каждая скала, вся земля. Все. Я не могу описать это.

— Сердце не билось, — согласился с ним Турк. — В первый и единственный раз с тех пор, как я помню, дреег прекратились.

— И что происходит там, наверху? — почти нетерпеливо перебила его Висиния. — Ты сказал, что там много людей? Где они точно?

— Почти прямо над нами. Два больших племени, — объяснил Керр. — Там много ненависти и страха.

— Два больших племени? Две армии? Там битва?

Голос Стена прозвучал очень настойчиво. Война против марчега Ласцлара, которая началась прямо с его походом с троллями, все это время занимала в мыслях лишь второстепенное место, была далека, словно старая рана. Однако теперь она вновь открылась, и Стен почувствовал, как в нем поднимается холодный страх. «Битва идет здесь? Значит, война переместилась на южную границу. Но над нами же уже находится территория, подвластная Ионне; значит, Сцилас нападает».

— Возможно. У людей много металла на телах, и оружие, и разноцветные ткани на длинных палках. Их было много, я никогда не видел столько троллей одновременно. И людей тоже.

— Проклятье! Нам нужно подыматься по шахте наверх! — вырвалось у Стена.

Беспокойство охватило его, прогнав усталость. Воспоминания о войне, Флорес и Ионне вернулись со всей силой, вытеснив все другие мысли.

— Дорога длинная. Нам нужно прежде немного отдохнуть.

— Ты чувствовал других? Шляйхера и остальную часть племени? — спросил Турк.

Казалось, будто Стен вспоминает что-то, что произошло очень давно. Затем он медленно кивнул.

— Они тоже приближаются к поверхности, но отдаляются от сердца.

— Их преследуют?

— Я думаю, нет, но точно не знаю этого. У Анды было много троллей. И все происходит так быстро.

— Это то, что мы не можем изменить в настоящий момент. Но я должен знать, что происходит на поверхности, — прервал Стен тролля; он видел, что Висиния думает то же самое. — Нам нужно подняться к свету. Если там, наверху, идет битва, значит, там борется наш народ. Наше племя. И это означает, что нам нужно к ним. Вы точно должны понять это.

Турк задумчиво посмотрел в шахту; сначала вниз, потом наверх.

— Мы сказали другим, что встретимся снова наверху. Мы все равно не догоним их, если пойдем по низу за ними. Так что давайте подниматься наверх вместе с людьми.

Даже раненые последовали за большим троллем, который ловко полез вверх по шахте. Раны у троллей почти зажили — особенность, о которой Стен хоть уже и знал хорошо, но которой до сих пор удивлялся. Он и Висиния тоже начали подниматься, пусть даже

медленнее троллей.

— Просто кусочек за кусочком, — прошептала Висиния. — Не думай над всей длиной.

— И уж точно не о длине шахты вниз, — вполголоса пошутил Стен, душу которого переполняли самые разные чувства.

Радость и страх боролись у него внутри: предвкушение дневного света, знакомой земли под ногами и его родины — и страх перед тем, что они могут обнаружить на поверхности.

Подъем был трудный. К счастью, на их пути снова и снова встречались выступы скал или ниши, в которых тролли и люди могли отдохнуть. Несколько раз они проходили также мимо ходов и пещер, которые вели в темноту.

Тем не менее дорога наверх была очень изнурительной. Вскоре у Стена заболели пальцы, плечи, бедра. Каждое подтягивание, каждый шаг были мучением для него. Висинии явно было не лучше. В сумеречном свете лишайника Стен видел пот на ее лбу, а также полную концентрацию и напряжение на ее лице. Несмотря на это, она хорошо держалась и была в основном даже быстрее, чем Стен, так как ей удавалось лезть наверх, затрачивая меньше сил. «В ней горит такой же огонь, как в Ионне. Просто он не проявляется снаружи, поэтому всегда удивляешься, когда чувствуешь его жар», — гордясь своей женой, подумал влахак.

Стен не мог сказать, сколько времени уже прошло и сколько шагов им пришлось сделать. Его дух был направлен только на одно: лезть дальше, находить прочную опору и добраться до поверхности.

Поэтому его сильно удивило, когда он, в который раз взглянув наверх, вдруг заметил, как в круглом отверстии над ним показался свет. Вскоре Турк крикнул:

— Осталось совсем немного!

Словно судьба захотела поиздеваться над ним, Стен тут же почувствовал непреодолимую слабость в руках и ногах, во всем теле, и на мгновение подумал даже, что, будучи так близко к цели, он сорвется и упадет в эту бесконечно длинную шахту. Однако голос Висинии вернул ему необходимую силу:

— Еще кусочек — и мы дома.

Последним усилием воли Стен подтянулся, добрался до края и перевалился через него. Некоторое время он просто лежал на спине, тяжело дыша, направив взгляд на потолок большой пещеры, которая, как погреб, находилась прямо под монастырем. Здесь тролли год назад помешали ритуалу Альбус Сунас и положили кровавый конец злодеянию священников. С тех пор Стен больше ни разу не был в этом месте; изгнание ордена воины Ионны провели без новоиспеченного боярина.

— Я спрашиваю себя, день там или ночь? Как долго мы были под землей? — спросила Висиния, которая уже снова поднялась и с любопытством оглядывалась между сталагмитов.

— Я не знаю.

Стен с улыбкой рассматривал жену, в то время как тролли собрались возле шахты и что-то тихо обсуждали.

— Нам нужно подняться и посмотреть.

Стен со вздохом поднялся. Даже если его тело и не было способно на это, нетерпение гнало его так же, как и Висинию.

— Мы поднимаемся, — сообщил он. — Как вы?

Тролли сначала уставились на него, затем посмотрели на Турка. Прежде чем большой тролль успел ответить, Керр уже сказал:

— Я иду с вами.

— Вы сначала посмотрите, что там с небесным светом, — попросил Турк и без лишних фраз снова опустился, прислонился к одному из сталагмитов и закрыл глаза.

Остальные тролли, очевидно, решили не идти с людьми, так как они последовали примеру Турка.

Пожав плечами, Стен отвернулся и вместе с Висинией и Керром покинул подвал монастыря. Шаги людей и тролля отражались эхом от стен, придавая этому месту атмосферу

таинственности. «Или я это только воображаю себе, так как знаю, что Стариг Яцек сейчас пустует?» Не найдя ответа на этот вопрос, Стен повел своих спутников в проход, который вел в храм прямо из сердца монастыря. Весь монастырь располагался на трех уровнях, пещера была под самым высоким, где как раз и находилось само святилище. Когда-то сюда можно было вступать только самым высшим сановникам ордена. Теперь Стен и Висиния вместе с троллем пошли в пустой зал храма, на белых стенах которого остались следы поспешного отъезда, к которому священников вынудили солдаты Ионны.

— Сейчас ночь, — констатировал Стен, так как в куполе комнаты для молитв были высокие прорези, через которые днем падали полосы яркого света. Но сейчас здесь была только темнота; даже звезды не мерцали на небе.

Хотя его воспоминания о событиях в монастыре были размыты и из-за других сложных ситуаций последнего года почти забыты или слились с ними, Стен все же нашел дорогу через высокие коридоры. Обитые золотом двери были сорваны, от них остались лишь петли. Мебели тоже не было: то ли ее забрали сами священники, то ли влахаки, Стен не мог сказать этого. Со стен соскребли даже золотую краску, и рядом с побелкой вместо золотых линий теперь виднелась серая стена.

— Я слышала, что Стариг Яцек роскошный, но я никогда не представляла себе его, — благоговейно сказала Висиния. — Даже сейчас еще можно увидеть, какими красивыми когда-то были эти помещения.

— Здесь священники культа солнца и занимались своей магией? — спросил Керр, и Стен кивнул.

Юный тролль оскалил зубы и осторожно принюхался.

— Странно. Здесь не пахнет плохо. Совсем по-другому, чем я представлял себе.

Перед ними лестница вела вниз, к более низким уровням монастыря, но Стен разглядел в конце зала толстую закрытую дверь. Когда он подошел к ней, то обнаружил, что ее ручка была заперта прочно вбитой металлической палкой. Поэтому он отошел назад и вопросительно посмотрел на Керра:

— Не мог бы ты?…

Не отвечая, юный тролль бросился на дверь и выбил ее вместе с коробкой. Свежий ветер пахнул в лицо Стену. Он принес с собой запах земли и сырости, который показался влахаку слаще всего, что он до сих пор нюхал.

Выход из храма вел на плоскую крышку средней части здания. На улице действительно была ночь, и прохладная темнота накрыла их как покрывало. Стен увидел на западе множество огней. Два лагеря, в которых точно должно было быть много сотен воинов.

— Так близко друг к другу, — прошептал он. — Наверное, им скоро предстоит битва.

Его взгляд перешел на восток, где на горизонте начала светлеть серебристая линия.

— Скоро встанет солнце. Если мы сейчас же отправимся в путь, то, возможно, к обеду попадем на поле боя. Но для начала нам нужно будет еще спуститься из монастыря.

— Что там происходит? — голос Висинии прозвучал обеспокоенно. — Ты сказал, что Ионна и марчег Бекезар направились в Турдуй. Почему армии теперь стоят здесь, так далеко на юге? Почему они борются на влахакской земле?

— Я не знаю, — признался Стен, которому было тяжело упорядочить свои мысли. — У меня вообще возникает нехорошее ощущение, когда я смотрю на это.

Он обменялся взглядом с Висинией и затем решительно повернулся к юному троллю:

— Большое спасибо, Керр, — спокойно сказал он. — Ты выполнил большую задачу, и я думаю, что Друан точно гордился бы тобой. Я не скажу, что до конца понял, что именно делали Тарлин и ты, но, что бы это ни было, вы спасли всех нас. Однако нам нужно прощаться. Ваша борьба закончена, а наша война еще нет. Наше племя ждет нас.

— Вы будете бороться против других людей?

— Вероятно. Две армии, которые стоят так близко друг к другу, — это означает битву. Когда начнет сереть, они точно начнут бой.

— Скоро появится небесный свет, — констатировал Керр. — Тогда мы, тролли, будем

под землей.

— Да. И нам нужно поспешить, так как там внизу нас ждут дела. Передай Турку, что мы должны идти, — и криво усмехнувшись, добавил: — Присматривай за своими троллями, Керр. Удачного тебе пути!

Вместо ответа юный тролль только пробормотал что-то. Он стоял словно вкопанный и задумчиво уставился на восток. Стен озадаченно взглянул на него, но затем его внимание снова перешло на огни в долине под ними, где, вероятно, были их друзья и семьи. «Я надеюсь, мы прибудем вовремя. С другой стороны… на что могут повлиять в битве всего два человека?»

Мрачные предчувствия закрались в душу к влахаку и стали раздирать сердце. Перед его глазами вновь невольно встали картины из его видений: потоки крови, горящая земля. Они видели смерть и разрушение, и внезапно он перестал быть уверенным в том, что это были всего лишь ужасные призраки. «Что, если я видел не будущее, а то, что уже произошло? Что, если все эти мрачные события уже произошли?»

58

Когда Тамар открыл глаза, мир еще лежал в темноте. Маленькая чаша в его шатре уже погасла. На мгновение его рука поднялась, пытаясь найти тело Флорес, но потом он вспомнил, что влахака сейчас спала в своей собственной палатке. Он разочарованно опустил руку и закрыл глаза. Короткие моменты с Флорес означали для него спокойствие в этом бушующем мире. В его душе засело осознание того, что дальше так продолжаться не может, но до сих пор ему удавалось отодвинуть эту мысль до времени после битвы. «Еще немного, — подумал Тамар. — И тогда я снова выйду в дождь».

Прошло некоторое время, прежде чем Тамар заметил, что шума дождя по шатру не слышно. Он удивленно открыл глаза, встал, накинул холодную одежду и надел пояс для оружия. Когда он вышел из шатра, то увидел караулы, которые стояли на валу и между палатками. Еще горело несколько костров, и в воздухе был слышен их запах, пряный дым, который на этот раз не смывался непрекращающимися потоками дождя.

На небе луна лишь наполовину скрылась за облаками, которые из-за этого приобрели серебристое сияние. Группы облаков гнались друг за другом, но Тамар увидел, как между ними светятся звезды. «Ночь — время мрака и врагов божественного света, — вспомнил Тамар одну из многих литаний Альбус Сунаса. — Однако луна тоже посылает нам божественный свет, который защищает нас от всепоглощающей темноты. Смерть ходит ночью, забирает стариков и больных, детей и слабых. Только божественный свет может защитить нас от вечной темноты». Эти слова рассказывали детям, и Тамар удивился, что он до сих пор помнит их наизусть. Его отец всегда рассматривал орден Альбус Сунас только как средство укрепления власти и не волновался о вере. Тамар тоже считал утренние молитвы не более чем необходимым злом, но, очевидно, наставления священников оставили в его уме более глубокие следы, чем он думал до этого.

С Соркат все еще дул холодный ветер, но без промачивающего насквозь дождя он стал не таким уж неприятным. Тамар почувствовал себя необъяснимо воодушевленным, будто вместе с дождем улетучилось его мрачное настроение. Он быстро вернулся в свой шатер и начал надевать доспехи. «Сцилас нападет сегодня. Он был бы дураком, если бы не воспользовался такой погодой. Вчерашнее прибытие его кавалерии придало мужества его солдатам, и он знает, что для наших солдат это должно было произвести обратный эффект».

На востоке солнце окрасило облака в красный цвет. Сначала в глубокий темный тон, который напомнил Тамару кровь, но затем он быстро стал светлеть, пока горизонт не озарился розовым светом. Вокруг юного марчега солдаты наслаждались первыми лучами солнца. Тамар тоже на мгновение закрыл глаза. «Все-таки еще раз почувствовать тепло солнца, прежде чем…» Разозлившись на себя, он попытался изгнать из головы непрошеные

мысли. Однако вместе со светом армия Сциласа тоже подтянулась из своего лагеря, и Тамар почувствовал глубоко внутри, что время ожидания закончилось. На этот раз в рядах врагов масрид обнаружил напряжение, вездесущую готовность, которую в последние дни он не замечал.

Его взгляд прошелся и по своим солдатам. Рядом с ним Кевес крепче взялся за копье; кожаная перчатка сцарка тихонько скрипнула. Его глаза неподвижно уставились на отряды Сциласа, над которыми на ветру реяло знамя с драконом.

— Сегодня они придут, — почти неслышно прошептал Кевес. Несмотря на холод, на его лбу появились капельки пота.

— Да, — ответил Тамар и заставил себя улыбнуться. — Сегодня наконец все решится и останется позади.

Но для начала марчег Ласцлар приказал своим отрядам занять позицию: пехота длинными рядами, кавалерия за ними. Почти не желая этого, Тамар посмотрел на Флорес, которая стояла посреди своих бояр. Влахака тоже не спускала глаз с врага.

Солнце невыносимо медленно поднималось все выше. Солдаты вздрагивали от каждого шороха, каждого крика из низины. Но атаки пока еще не было. Сцилас все еще находился в своем шатре, об этом свидетельствовал его личный штандарт.

От влажной земли и мокрой травы поднимался туман. Тонкие его клочки кружились на ветру и казались Тамару призрачными тенями мертвых, которые уже дожидались тех, кто погибнет сегодня. Наконец солнце прогнало туман. Когда он поднялся уже очень высоко, то просто растаял. Так как воины уже целое утро напряженно ждали у вала и в каждое мгновение ожидали начала атаки, то во многих местах напряжение снимали грубыми шутками и хриплым смехом.

Но затем из долины донесся сигнал горна, длинный и низкий.

— Лучники! — прокричал юный марчег и поднял руку, когда пехота под ними пришла в движение.

В нижних рядах приготовились дальнобойные лучники. Они поставили свои луки на землю, взяли стрелы в руки. Перед ними также заняли позицию и приготовили свое оружие те немногие стрелки с арбалетами, что еще остались.

— Готовься!

Стрелы были приложены, тетивы слегка натянуты. Затем лучники сильнее натянули тетивы и при этом подняли свое оружие. В долине сейчас шла только пехота, кавалерия оставалась на местах. Тамара вдруг охватило ледяное спокойствие. Словно он неожиданно стал другим, он спокойно оценил ветер и траекторию полета. На крошечное мгновение его внимание отвлекла хищная птица, кружащая над полем битвы, но потом он опустил руку.

— Давай!

Зажужжали тетивы, и стрелы взлетели и опустились, словно голодные хищники, на приближающиеся отряды. Они оставались дрожа торчать в щитах, вонзались в землю, впивались в доспехи и вгрызались в плоть. Крики боли стали наградой за первую атаку, однако у Тамара не оставалось времени посмотреть на результаты первого выстрела. Лучники их противника тоже ответили выстрелами, заставив Тамара пригнуться за своим щитом.

Лучники стреляли так быстро, как только могли, в то время как противник, подняв щиты, продвигался вперед. Вокруг кричали раненые. Скоро к жужжанию тетив добавился жесткий удар из арбалетов, однако их врагов было слишком много и слишком хорошо они были защищены, чтобы их можно было остановить только дальними выстрелами.

Затем нападающие с криком преодолели последние десятки шагов и бросились со всей силой на баррикады. Море копий ощетинилось им навстречу, щиты выдерживали удары.

Солдаты Сциласа нападали по всей линии вала, но Тамар мог заниматься только своим отрезком. Он должен был положиться на то, что влахаки удерживали свой. В нем всколыхнулись воспоминания поражения у Трех Сестер. Однако его доверие к Флорес заставило эти горькие картины исчезнуть.

Со щитом и секирой Тамар стоял посередине своих воинов. Каждого врага, который прорывался через острия копий, осыпали ударами, оттесняли назад или убивали. Земля вала все еще была Влажной и скользкой, а ров перед ней наполнен дождевой водой. Уже скоро перед этим простым укреплением стали накапливаться трупы врагов, а вода окрасилась в кроваво-красный цвет.

Через показавшийся бесконечным период времени сигнал горна отозвал нападающих назад.

Тяжело дыша, Тамар поставил щит на землю и огляделся. Ряды сохранились, врагам нигде не удалось пробить бреши. Темная земля была пропитана кровью масридов и влахаков, трупы покрывали обе стороны вала. Раненые кричали, моля о пощаде, о помощи, или просто от боли. Юный марчег ожесточил свое сердце против этих ужасных криков, в которых слышалось так много страдания. «Сегодня еще многие будут кричать, еще многие отдадут свою жизнь за эту землю».

Земля была взрыта, но баррикады до сих пор держались, даже если и временные постройки против кавалерии во многих местах завалились или были вырваны из земли. Рыхлая земля скатилась во рвы и засыпала погибших.

Прежде чем Тамар успел отдохнуть от боя, снизу в наступление пошла кавалерия. Сцарки в легких доспехах в дикой скачке устремились на защитников только для того, чтобы, попав в зону досягаемости, пустить стрелу и развернуться назад. Ответ лучников Тамара был слабым и почти не попадал в быстро уносившихся прочь сцарков.

Непосредственно после этого выстрела пришла в движение тяжелая кавалерия.

— Закройте бреши, — громко приказал Тамар и снова взял в руку свой щит.

Даже вверх по склону всадники приближались на впечатляющей скорости.

— Щиты!

Когда они уже были на расстоянии почти пятидесяти шагов, всадники опустили копья. Взгляд Тамара прошелся по кавалерии противника, их роскошным жеребцам, измазанным в глину копытам, обнаженным зубам. Он увидел щиты с военными символами, тяжелые доспехи, длинные копья. Затем штурм докатился до них.

Копья трещали, пики разламывались, стрелы вонзались в тело. Натиск был убийственным, но вал выдержал. Кони проваливались в ров, с поломанными ногами ударялись о вал. Всадники выскакивали из седел.

— Тесните их назад! — громко крикнул Тамар, который бросался в образовавшиеся бреши и тоже нападал на врага. Атака превратилась в рукопашный бой, где смешались фыркающие кони, кричащие люди, оружие, щиты, грязь и кровь. Снова и снова Тамар бил по своим врагам, пригибался, поднимал щит, пока это нападение не закончилось так же резко, как и началось. Тяжелая кавалерия отступила назад.

Некоторые сорвиголовы кинулись преследовать их, но Рурьос резкими приказами заставил их вернуться и навел порядок в рядах. Пока Тамар не выпускал из виду врагов в долине, в лагерь уносили раненых и там помогали им по мере возможности. Их крики неслись над полем боя.

Бросив взгляд на солнце, Тамар обнаружил, что оно почти не сдвинулось с места. «Одна атака отбита. Сколько же нам их еще предстоит?»

Он посмотрел в сторону, где должен был стоять Кевес. Однако он нигде не видел сцарка. Тамар стал осматривать ряды. А потом он увидел его. Кевес лежал на валу, ноги подтянуты, руками обхватил живот. Тамар быстро подскочил к своему верному воину, но сразу же увидел, что его помощь пришла слишком поздно. Кевес был уже мертв, глаза пусты и безжизненны. Печаль и ярость охватили сердце Тамара, однако он смог не поддаться этим чувствам. Негнущимися пальцами он схватил сцарка, нагрудная пластина доспехов которого была пробита копьем, и понес его в лагерь.

«Ты обязательно найдешь свой путь в Божественном свете, — подумал юный марчег, когда опустил тело Кевеса на землю. — Мы все очень скоро последуем за тобой». На мгновение он позавидовал сцарку, лицо которого осталось таким мирным в смерти. Затем он

отвернулся и пошел к живым, за судьбу которых еще был ответственен.

59

Битва, казалось, была кошмарным сном без конца. Они уже отбили шесть или семь атак. Земля была взрыта, весь склон и вал покрыты трупами, которые лежали слегка засыпанные землей. Больше ни у кого не было сил уносить их оттуда, так что с каждой атакой их просто все глубже втаптывали в мокрую землю. «Земля пьет нашу кровь, — вспомнила Флорес слова Стена. — И поедает наших мертвых. Даже Неагас погиб».

Солнце уже низко стояло над горизонтом. Влахаку удивляло то, как долго они смогли продержаться и еще не были побеждены. С неожиданным упрямством влахаки вцепились в этот залитый кровью клочок земли, который они выбрали для своей последней битвы.

На востоке Тамару тоже удавалось снова и снова отбивать жестокие атаки. Как он это делал, Флорес не могла сказать, так как от изнеможения и усталости она не могла осознать больше ни одной ясной мысли. А еще вдалеке на востоке возвышался монастырь Стариг Яцек. Заходящее солнце окрасило темные стены здания в светящийся золотой и красный. «Совсем скоро мы выстоим, и скоро придет ночь». Необъяснимая радость наполнила влахаку при этой мысли, но затем к ней пришло отрезвляющее понимание того, что потом наступит новое утро. «Мы не побеждаем, мы только очень медленно терпим поражение».

В некоторых местах в лагере целители зажгли огонь. Стоны и крики раненых стали постоянной пыткой, которую должны были переносить все.

Солнце медленно опускалось вниз, пока до горизонта не осталось расстояние всего в ладонь шириной. У Флорес возникла безумная надежда: «Когда стемнеет, мы отступим назад. Или нападем на Сциласа ночью. Мы изменим судьбу, изменим ситуацию».

Однако сигнал горна из ложбины разбил все ее надежды. Их враги снова пришли в движение. На этот раз к ним скакала оставшаяся тяжелая кавалерия, а за ними вплотную шла пехота.

Штандарт Сциласа все еще висел перед его шатром, показывая, что марчег не посчитал нужным принять личное участие в атаке. Так он не давал врагам возможности убить его во время боя и победить армию именно таким образом.

Флорес снова медленно надела шлем на голову и натянула ремень своего щита. Она стала между воинами и подняла оружие.

Атакующая кавалерия образовала длинную растянутую линию; но чем ближе они подходили, тем теснее прижимались друг к другу, пока клином не вонзились в середину объединенных влахакских и масридских линий. Флорес в ужасе смотрела, как некоторые воины отшатнулись назад, как открылись бреши, а потом в них устремилась вражеская пехота. Влахаке пришлось бороться за свою жизнь.

Сцилас, очевидно, хотел в этой последней попытке решить исход битвы еще сегодня. Они стали теснить сразу все места формации; Флорес сама со своими воинами удерживала вал, однако слева и справа от влахаки уже начало сказываться это бесконечное напряжение. Между влахаками и масридами ряды прорвались, и в их середину устремилась кавалерия. Далеко слева Истрану не удавалось сдерживать поток врагов, он отступал шаг за шагом. Флорес ожесточенно боролась дальше, пытаясь остановить врагов только силой своих мыслей, своей ненависти. Однако несмотря на то, что они удерживали вал, позиции постепенно сдавались и возникла угроза того, что они останутся изолированными посреди врагов.

Тут свет заходящего солнца окрасил поле битвы в красный цвет. Его лучи ослепили Флорес, когда она оглянулась на Истрана. Она видела только контуры, очертания воинов, которые устремились через прежние укрепления и стали напирать на влахаков.

Флорес тяжело дышала, но тем не менее подозвала своих воинов, пока сама медленно отходила. Ее враги следовали за ней, как свора собак, которые учуяли слабинку, однако Флорес продолжала бороться дальше и удерживала вместе свою маленькую группу. Им

удалось присоединиться к другим воинам, образовать линию с поднятыми щитами, плечом к плечу.

Но солдаты Сциласа все еще безжалостно нападали.

От солнца осталась одна лишь тонкая полоска над горизонтом, когда защитники снова оказались в тесном кругу, окруженные врагами. Флорес слышала крики Тамара; марчег удерживал своих воинов, однако его голос звучал сдавленно. Влахака увидела, что он держит свою сторону. Щит был сорван с его руки, и он орудовал секирой левой рукой. Его удары находили цель, но и ему приходилось отступать.

Солнце исчезло как раз в тот момент, когда какой-то клинок попал ему в грудь. С криком он упал на землю. Солдаты его гвардии тут же подскочили к нему, выстроились плотной стеной, загородились щитами, но Флорес больше не видела этого. Она видела только безжизненное тело Тамара в сумеречном свете наступающей ночи, которая показалась ей предвестницей такого нежеланного мрака.

60

Туннель был длинный. Не заметив даже этого, Керр немного отстал и вышел таким образом из круга света лишайников. Однако темнота не беспокоила его. По туннелям бродило еще много троллей Анды, но Керр чувствовал биение сердца так сильно, как никогда, и был уверен, что обнаружит любое существо, будь то тролль, человек, серяк или обжора, задолго до того, как они окажутся поблизости. Он с полной уверенностью показал Турку дорогу, так как под горами для него больше не осталось никаких тайн. У него было такое ощущение, что он побывал уже во всех местах под поверхностью мира и теперь знал все. «В некотором роде я и побывал. Я был везде. И одновременно».

Они быстро приближались к своей цели; Керр чувствовал это. Он ускорил шаги и присоединился к остальным членам племени.

— Подождите. Это здесь.

Их новый предводитель, Турк, посмотрел на юного тролля.

— Как оно выглядит?

Закрыв глаза, Керр сел на пол и подождал. Прозвучал новый дреег, темный и ясный. Его эхо пронеслось через мир и принесло его отображение Керру. Было сложно не потеряться в нем, но юный тролль сконцентрировался. Ненависть и страх неслись через мир, текли потоком, словно вода через скалы, накрывали Керра словно покрывало.

— Пора. Там, где у камня трещины. Он поддастся тебе.

— Назад! — приказал Турк и уперся в потолок низкого туннеля.

Его мышцы напряглись, когда он дернул за выступающую скалу. Раздался медленный скрип, и пыль посыпалась на плечи тролля. Его племя отошло немного назад. Керр тоже поднялся. Его задача была выполнена, теперь Турк снова вел свое племя.

— Успеем ли мы вовремя? — обеспокоенно спросила спутница Стена.

— Кровь еще течет. Поверь мне, мы не опоздаем…

Прежде чем Керр смог объяснить, что он почувствовал, скала разломилась. Турк с ревом отбросил огромный обломок скалы от себя и отпрыгнул в сторону. В туннель потекли горные породы, когда потолок надломился с оглушающим грохотом. Затем за камнем посыпалась земля. Пыль закрыла видимость, но Керр почувствовал отверстие, которое открывало им путь до самой поверхности. Он, довольный, оскалил клыки, когда услышал крики, которые раздавались над ними.

— Вперед! — прогремел Турк, который уже поднимался по обломкам скалы и на четвереньках взбирался на кучу земли.

Керр последовал за предводителем племени. Сейчас было время Турка. Сейчас было время борьбы.

Когда Керр добрался до верхнего края, то ему навстречу ударил запах верхнего мира. Запах земли и растений, чужой и волнующий, но также запах крови, пота, страха и смерти.

Он запрокинул голову и заревел.

Вокруг него сразу возник хаос. Люди закричали, кинулись бежать прочь в темноту. Один из них с копьем подскочил к Керру, металлическое острие больно вонзилось ему в бок. Тролль яростно схватил копье и вырвал его из тела. Он далеко отбросил человека, затем поднял оружие высоко над головой и разломил его, словно сухую ветку.

Рядом с собой он услышал крики Стена, который также выпрыгнул из отверстия:

— Тиреа!

Голос человека пронесся сквозь ночь. На некотором расстоянии отсюда его крик подхватили другие:

— Тиреа!

Поле боя озарили огни. Небо было покрыто облаками, но даже слабый свет звезд был лишним для чувствительных глаз Керра. Он увидел круг воинов, которые боролись против подавляющего противника. Их шаг за шагом загоняли на верх склона.

— Там, — крикнул Стен и показал на окруженных. — Мои люди! Мое племя!

Турк, который собрал вокруг себя своих охотников, кивнул и двинулся в ту сторону. Земля задрожала от его шагов, его мощное тело озарилось красным светом огня.

Керр оглянулся на людей. Стен подал Висинии руку, когда она тоже вылезла из отверстия. Спутница человека подняла с земли щит и короткий меч, в то время как воин уже надел свое оружие. Затем оба человека побежали прочь, и Керр последовал за ними. Он видел, что Стен все время старался защищать свою спутницу от возможных нападений; при этом он почти не обращал внимания на свою собственную безопасность.

Юный тролль втянул в себя все запахи поверхности, странные и уже знакомые запахи, ощущение широты мира вокруг него.

На всем скаку Турк врезался в ряды врагов, в которых лишь некоторым удалось увернуться от него. Раздались крики, люди побежали в панике в разные стороны. Не замедляясь, Турк бил влево и вправо. Его мощные кулаки сбивали людей с ног, разбивали щиты и доспехи. Его охотники делали то же самое, оставляя за собой целые просеки смерти. Даже тем людям, которые хотели выстоять и не сбежали сразу, пришлось в конце концов отступить под напором троллей. Лишь немногие отважились выступить против них напрямую, но и они были сломлены, сбиты огромными кулаками и затоптаны ногами.

Стен вместе с троллями тоже устремился в толпу и попытался пробиться к окруженным на холм. Висиния звонко выкрикнула «Тиреа!», и Керр увидел, как люди на холме неожиданно оглянулись на них, как они начали подавать знаки и показывать руками на рыжеволосую женщину. Потом они ответили ей тем же криком. Снова и снова они выкрикивали их боевой клич, все больше и больше людей присоединялось к ним. «Их племя снова получило своих предводителей, — понял Керр. — Они слушаются этих двоих. Людям тоже нужен кто-то, кто будет вести их в бой, как и у нас, троллей».

Вместо того чтобы бороться вместе с остальными троллями, Керр остался с людьми, последовал за ними вверх на холм, пробивая дорогу к окруженным воинам из племени Стена.

Многие их враги уже сбежали от неукротимой ярости троллей. Тут Керр почувствовал позади изменение. Когда он обернулся, то обнаружил группу людей, которые приближались верхом на лошадях. Всадники пробирались через свои же ряды, не обращая внимания на то, кто попался им под копыта. Но Турк тоже заметил новых врагов и встал им навстречу. С оглушительным треском всадники напали на троллей. Некоторые охотники упали на землю, однако группа выстояла и разбила линию атаки.

Турк с ревом схватил лошадь и поднял ее над головой вместе с всадником.

— Проклятье, — благоговейно прошептал Стен рядом с Керром и замер посреди движения, когда увидел, как Турк размахивал животным над головами людей вокруг себя, а затем бросил его в середину врагов.

За падением животного последовали крики. Люди в ужасе бежали от силы Турка, волна бегущих накатила на Керра и его подопечных. Висинию оторвали от них, и с криком боли

она упала на землю.

— Нет!

Еще прежде, чем крик его затих, влахак бросился на своих врагов. Керр едва успевал следить за движениями человека, который пригибался, бил, уворачивался, парировал удары и в течение нескольких мгновений исчез в толпе. Керр прыгнул за ним, побежал сквозь толпу врагов, без особого внимания откидывая их налево и направо. Затем Керр увидел других людей. Когда он снова обнаружил влахака, тот стоял над своей упавшей спутницей и отчаянно защищался от потока бегущих, ноги которых могли затоптать Висинию. Всего за несколько шагов Керр оказался возле них и закрыл их от потока, который вот-вот грозился снести Стена вместе с его спутницей. Керр оскалил клыки и заревел. Поток бегущих перед ним тут же разделился на две части. Их страх наполнил воздух, так же как и тяжелый запах крови.

— Висиния? — дрожащим голосом спросил Стен, став на колени над своей спутницей.

Влахака, качаясь, поднялась на колени, хотя у нее по щекам и текла кровь из раны на голове. В правой руке она все еще крепко сжимала меч, в то время как щит, очевидно, был вырван у нее из руки в этой толпе.

Керр оглянулся и увидел, что враги вокруг Турка уже или сбежали, или были разбиты. Линии врагов были прорваны и обращены в бегство. Керр довольно смотрел, как его новое племя побеждало все больше врагов, убивало, теснило. Он снова поднял голову и издал торжествующий крик. «Мы побеждаем. Мы оттесняем людей. Мы — тролли!»

Кольцо вокруг людей на холме было прорвано. Воины, которые не сбежали, умерли от мечей племени Стена.

Тут несколько воинов медленно и с опущенным оружием начали подходить к Керру. Он почувствовал их страх. Оскалив зубы, тролль поднял руки, но когда они отшатнулись, он понял, что они не хотели на него нападать. Он опустил кулаки, чтобы показать им, что они не должны его бояться.

Одна молодая женщина приблизилась и наконец остановилась перед Керром. Кожи животных, покрывавшие ее тело, были измазаны кровью. Ее темные волосы мокрыми прядями свисали по обе стороны лица. Ее лицо показалось Керру знакомым, но сейчас ему все люди были на одно лицо.

Пока еще тролль рассматривал женщину, Стен неожиданно сделал шаг вперед. Он посмотрел мимо Керра и воскликнул:

— Флорес!

Не обращая больше внимания на тролля, женщина устремилась к воину и его спутнице, выкрикивая при этом их имена.

— Вы живы! Слава духам, вы здесь! — снова и снова повторяла она.

Однако радость женщины резко оборвалась, когда она увидела кровь на голове Висинии.

— Рана опасная?

Висиния устало покачала головой и постаралась улыбнуться.

— Меня просто сбросили на землю и протащили несколько шагов. Все нормально. Слава духам, так хорошо видеть тебя снова.

Керр отвернулся от маленькой группы, которая образовалась здесь, и посмотрел по сторонам в поисках своего племени. В непосредственной близости врагов уже не было видно. Многие из них сбежали вниз по склону в темноту, преследуемые людьми и троллями. Откуда-то снизу холма доносился рев Турка и шум борьбы, однако здесь, на холме, стало спокойно.

Стен мягко положил руку на плечо своей спутницы и помог ей встать. На его лице показалось облегчение, когда Висинии удалось встать на ноги. Затем он растерянно посмотрел на другую женщину:

— А где Ионна? Что здесь происходит? Почему вы боретесь прямо перед Мардевом? Проклятье, Флорес, что здесь вообще происходит?

— Ионна погибла, — серьезным тоном ответила женщина. — Еще в первой битве. Мы бежали от войска Сциласа, но этот ублюдок поставил нас здесь в безвыходное положение и заставил принять бой.

— Ионна мертва? — тихо переспросила Висиния.

Стен крепче прижал ее к себе, но его выражение лица осталось непонятным.

— Да. Мы выступили с масридами. Их вел Тамар, но он… ранен. Я видела, как люди вынесли его с поля боя.

— А кто ведет наших воинов? Неагас? — спросил Стен.

— Нет… я веду их. Бояре назначили меня воеводой.

Керр с удивлением заметил, что при этих словах, которые он не очень понял, Стен сначала усмехнулся, а потом и громко рассмеялся. Лицо Висинии также выражало удивление, будто она увидела тролля с двумя головами.

— Ты, сестричка, стала главнокомандующим?

— А у тебя очень даже милая борода, Стен, — с кислым видом заметила Флорес, не ответив при этом на его вопрос. — Хочешь ли ты к ней и голову сохранить?

— Да что вы, все женщины, пристали к моей бороде? — удивился Стен.

— Я тоже считаю ее странной, — сообщил Керр. — Волосы на лице. Выглядит смешно.

Когда он сказал это, к нему повернулась женщина, которую Стен назвал Флорес:

— А кто ты? Ты принадлежишь к племени Парда, правда? Я видела его перед этим в толпе, огромного и сильного, как всегда.

В душе Керра поднялась печаль.

— Пард мертв, — просто сказал он. — Он совершил великие дела, чтобы спасти нас, троллей. Теперь Турк ведет наше племя в битвах.

— А Керр здесь точно станет великим предводителем троллей, — добавил Стен.

— Пард мертв? — Флорес удивленно расширила глаза.

— Я лучше потом расскажу тебе всю историю, но сейчас это будет лишним, — сказал ее брат. — Что с марчегом Ласцларом?

— Он не был с солдатами, — с печальным видом заявила Флорес. — Он ждал в своем лагере. Если чуда не произошло, тогда ему точно удалось уйти.

— Главное, его войско разбито. Все остальное решится позже.

— Я пойду в лагерь, — сказала Флорес, словно неожиданно вспомнила о чем-то важном. — Я хочу… посмотреть, что там с Тамаром.

Не дожидаясь ответа, женщина побежала прочь.

Некоторые огни были погашены в диком бегстве врага, другие затоптаные бесчисленным множеством ног, так что теперь поле боя освещалось очень слабо. Повсюду лежали раненые и погибшие. Несколько лошадей бесцельно ходили между трупами и шарахались при виде троллей. Керр заметил, что возбуждение от борьбы, кровожадность и гнев уже улеглись у него внутри, и он снова спокойно прислушивался к далекому, но отчетливому биению сердца.

— Все же удивительно, какой эффект могут оказать две-три дюжины троллей, — сказала спутница Стена. — По крайней мере, когда они возникают из-под земли прямо позади армии.

— Ночное нападение таких огромных монстров может напугать даже самых сильных воинов, — ответил воин.

— Мы победили, потому что мы тролли и потому что мы сильные. Мы не боялись, — гордо заявил Керр, и Стен согласно кивнул.

— Ионна мертва. Я не знаю, как это воспринимать, — неожиданно сказала Висиния.

— Я знаю, что ты чувствуешь, — просто сказал ее спутник. — В данный момент как будто ничего. Просто произошло слишком много. Моя душа тоже больше не может ничего воспринимать, ни хороших, ни плохих новостей.

«Слишком много. Точно как в тот момент, когда я принял в себя дреег. Я знаю, как это

происходит, когда в тебе больше нет места для того, что существует», — подумал Керр, но он не знал, как об этом сказать людям. Он заметил, что не может выразить этого словами, и поэтому промолчал, когда увидел и унюхал, что люди уже горевали о своих утратах.

— Давайте найдем место, где мы могли бы отдохнуть, — предложил Стен. — Я смертельно устал. Где этот лагерь, о котором говорила Флорес? Я уверен, что завтра у нас будет еще достаточно времени и возможностей, чтобы поломать над всем этим голову.

Они вместе последовали за солдатами влахак, которые все вместе медленно покидали поле боя. Керр все еще видел удивленные лица усталых воинов. Он услышал, как они шептали имена Стена и Висинии, как передавали их от одного к другому, пока все не услышали их. Он видел и чувствовал боязливые, восхищенные, недоверчивые взгляды, которые были обращены на него и его племя.

Неожиданно наверху холма появился Турк в сопровождении минимум дюжины других троллей. У многих из них были царапины и порезы на коже, оставленные острым металлом, но Керр сразу понял, что ни одна из ран не была по-настоящему опасной для тролля. Когда тролли увидели группу вокруг Керра, то подошли к нему.

— Бросить это животное вместе со всадником было хорошей идеей, — как раз говорил Зек предводителю, и тот громко рассмеялся.

— Да, люди боятся нас гораздо больше, чем серяки! — ответил тот, оскалив зубы.

Тролли медленно встали вокруг Керра.

— Что будем делать теперь? — спросил Турк.

Юный тролль с удивлением обнаружил, что теперь, когда битва прошла, его племя ожидало решения именно от него. Он глубоко вдохнул.

— Я хочу как можно скорее вернуться под землю, — решил он, так как чувствовал себя нехорошо под взглядами такого большого количества людей. — Мы можем вернуться следующей ночью, если нужно.

Среди троллей раздалось согласное бурчание. Все хотели вернуться обратно в недра земли. Затем Керр повернулся к людям:

— Вы здесь в безопасности?

— Да. Спасибо, Керр, — с улыбкой ответила Висиния.

Стен вышел вперед и положил юному троллю руку на плечо.

— Доброго тебе пути, Керр. И спасибо за все.

— Вы — хареег, — просто ответил Керр, отвернулся и ушел в темноту ночи, бесконечность которой манила его.

61

За ночь выпал снег, прогнав вечный дождь. Это было верным признаком того, что осень наконец закончилась и уступила место зиме. Теперь всю землю и горы накрыло тяжелое белое покрывало, отчего земля казалась какой-то чужой.

«Это я сама себе напридумывала, — подумала Флорес, с трудом прокладывая себе узенькую тропку через двор крепости Камень Ворона. — Если бы я поспала немного подольше, то кто-то другой встал бы раньше меня, и я сейчас шла бы по готовой дорожке». Но она знала, что Тамар, как всегда, плохо спал, и поэтому почти каждое утро вставала самой первой в крепости Дабран и шла проведывать раненого масрида.

После битвы у Стариг Яцека влахаки и масриды хотели перейти в безопасное место еще до наступления зимы, и поэтому большинство воинов вернулись в свои родные места. Так как до Дабрана путь был недалекий, Стен предложил некоторых, раненых, которых еще нельзя было перевозить, пока разместить в замке Камень Ворона, в то время как большую часть раненых переправили в Дезу. Поэтому одна из пристроек превратилась в большую лечебницу, а в замке царила суматоха по поводу обеспечения и кормления такого большого количества нежданых гостей.

«Но устраивать беспорядок и суматоху не так уж непривычно для моего брата. И снег

вообще даже хорошо для нас; ведь тогда, возможно, он закроет некоторые раны, которые были нанесены нашей земле», — размышляла Флорес, открывая на западной стороне двора дверь в низкое здание. Навстречу ей пахнуло облако теплого воздуха. Чаши с огнем и камин заботились о том, чтобы это пристанище не остывало и ночью. Влахака пересекла комнату, прошла мимо временных спальных мест, мимо ниш, разделенных простынями, мимо стонущих и спящих мужчин и женщин, которые залечивали здесь свои ранения.

Тамар благодаря своему положению, естественно, пользовался привилегией размещения отдельно ото всех, но от предложения разместить его в крепости категорически отказался.

— И как это будет выглядеть? — пошутил он. — Все мои люди здесь, а в это время я буду в крепости наслаждаться заботой своей любимой? Мои воины подумают, что я притворяюсь раненым, чтобы устроить себе сладкую жизнь.

Он не упомянул о том обстоятельстве, что никто не должен узнать о том, что он был ее возлюбленным, но Флорес тоже знала, что это решение было самым лучшим.

— Доброе утро, марчег Бекезар, — преувеличенно громко и весело сказала она, когда дошла до комнатки Тамара, а потом опустила за собой занавеску, которая закрывала дверь.

Масрид лежал на узкой кровати, которая заполняла собой почти все пространство от стены до стены, и криво усмехнулся, когда юная воительница вошла в комнатку. Тазик с водой для умывания на подставке и низкий табурет — вот и все, что здесь было. Флорес опустилась на табурет и взяла руку любимого.

— Доброе утро, Тамар, — повторила она гораздо тише и только для его ушей.

«В последние дни он стал выглядеть гораздо лучше, — подумала она. — Больше не похож на живой труп, которым мы его сюда принесли».

Тугая повязка стягивала грудь масрида, и когда он приподнялся и попытался сесть ровно, его бледное лицо скривилось от боли. Поломанные ребра заживали хорошо, но им нужно было время; по крайней мере, так сказала Ливиан.

— Что нового, госпожа Флорес? — спросил он.

— Снег, и даже очень много снега. Если он будет продолжать падать и дальше, то скоро дорога отсюда станет непроходимой.

— Тогда я надеюсь, что скоро погода изменится. Я хотел бы еще до весны вернуться в Турдуй. Нужно изгнать остатки армии Сциласа и нужно подготовиться к весне. Собака сейчас зализывает свои раны, но уже скоро она вновь начнет лаять и даже попытается укусить!

Флорес согласно кивнула. Она хорошо понимала, как тяжело масрид переносил вынужденное бездействие.

— Ты обязательно поправишься и вовремя встанешь на ноги, — понизив голос, сказала она. — Ливиан сказала, что скоро ты сможешь вставать.

— Я буду благодарить божественный свет, когда наконец выберусь из этой дыры, — пробурчал Тамар. — Хотя и у Дабрана, бесспорно, есть свои хорошие стороны, — добавил он, искоса взглянув на Флорес.

— Если ты уже можешь думать об этом, значит, пришло время вызвать тебя на небольшой кулачный бой, чтобы ты прекратил целыми днями лентяйничать в кровати, — невозмутимо ответила Флорес.

— Я готов! Только если ты завяжешь себе глаза и, наверное, на одну ногу наденешь ведро, — согласился масрид.

Флорес не удержалась от смеха, однако быстро посерьезнела, когда вспомнила, какие новости должна сообщить марчегу.

— Я, возможно, уйду от тебя, — медленно начала она. — Вчера ночью сюда прибыл посланник из Дезы. Бояре вокруг Истрана Оханеску хотят как можно скорее созвать собрание, чтобы назначить нового воеводу. Так как в данный момент я все еще обладаю этим титулом, то, естественно, я тоже должна поехать в Теремию, так же как Стен и Висиния. Собственно, это только формальность; каждый знает, что Висиния заслуживает этот титул. Я

буду рада, когда избавлюсь от этого бремени, но это означает также, что нам придется попрощаться.

Она непроизвольно сжала руку Тамара, и он молча ответил ей пожатием. Какое-то время они смотрели друг на друга, затем масрид сказал:

— А как скоро наступит это «как можно скорее»?

— Мой брат хочет отправляться уже завтра, пока погода не ухудшилась.

— Но, возможно, тогда я могу надеяться на то, что выпадет еще больше снега, — тихо проговорил Тамар.

Флорес подняла взгляд к потолку, чтобы скрыть слезы, которые неожиданно навернулись ей на глаза.

— Когда я официально передам Висинии титул воеводы, то я не вернусь сюда. Я останусь в Теремии.

На лице Тамара появилось удивление, но Флорес продолжила, прежде чем он успел сказать что-либо:

— Я вообще уеду из Влахкиса.

— Что? Ты хочешь покинуть свою родину? Почему?

— Я отправлюсь посмотреть Дирийскую империю. Посланник пригласил меня. Когда горные перевалы снова освободятся, мы уедем.

— Вот как! Сарган в своих золотых одеждах…

— Ну, ты же в это не веришь, правда?

Влахака вопросительно посмотрела на своего возлюбленного, который в конце концов неохотно покачал головой.

— А какая тогда причина?

— Ты. Ты — причина. Я не хочу встречаться с марчегом Бекезаром, если потеряю Тамара, — сказал она так тихо, что ему пришлось немного нагнуться вперед, чтобы расслышать ее слова.

— Но ты не потеряешь меня. Почему ты должна потерять меня? Я хочу быть с тобой, разве тебе это неясно?

— Ну, почему, ясно. Но я очень долго и основательно думала над этим и поняла, что во Влахкисе нет такого места, где это было бы возможно. Если я пойду с тобой в Турдуй, то я навсегда останусь чужой наемницей под боком повелителя, которую твои люди будут презирать. Если твои люди вообще простят твой выбор; подумай об Одене. И здесь в Дабране то же самое для тебя. Война на короткое время объединила наши народы, но уже сейчас снова разгорается старая вражда. Масриды и влахаки пока еще не могут жить в мире; пока еще отдельное существование для них единственный путь, и поэтому то же самое суждено тебе и мне.

Тамар громко сглотнул.

— А если я не хочу в это верить?

— Ты знаешь, что я права.

На его лице двигались желваки, взгляд бродил по лицу Флорес. Она видела, что он думал, искал аргументы. Но находил их так же мало, как и влахака.

— Что мне тогда остается еще сказать? — прошептал масрид. — Если однажды ты передумаешь, то знай, что в Турдуе тебе всегда будут очень рады.

Флорес склонилась над ним и поцеловала в губы. Его запах, вкус его губ и близость снова вызвали слезы.

Когда она хотела подняться, он обнял ее левой рукой за шею и не отпускал. Их лица были так близки друг к другу, что она могла видеть свое отражение в его глазах.

62

Мужчина взглянул несколько затравленно, когда Сарган вошел в комнату. Широкие золотые одежды дирийца шуршали по полу. С натянутой улыбкой марчег Ласцлар указал на

стул, который стоял у стола напротив его места. Сарган медленно сел. Марчег выглядел уставшим; под глазами у него были темные круги. Однако его одежда была так же безупречна, как всегда, а длинные белокурые волосы идеально расчесаны.

— Добро пожаловать, достопочтимый легат. Я надеюсь, это место подходит вам. Было непросто найти комнаты, соответствующие вашим пожеланиям.

Подчеркнуто медленно Сарган разгладил складки своей одежды и только потом поднял голову. На его губах появилась благосклонная улыбка.

— Я ценю ваши старания, марчег. Но все же надеюсь, что вы понимаете мои причины для встречи подобного конспиративного характера?

— Несомненно, достопочтимый легат. У врагов везде глаза и уши.

— Точно. И поэтому было лучше выбрать для нашей встречи такое уединенное место. Никаких свидетелей наших маленьких… договоренностей.

Улыбка Сциласа сразу же стала более самоуверенной. Поражение все еще мучило марчега, даже если он и смог спасти большую часть своих солдат. Его потери были гораздо меньше, чем у союзников. Как сильно тролли ни бушевали, но их было слишком мало, и их появление нанесло скорее больший удар моральному духу войска, чем самим воинам.

— Я надеюсь, ваша поездка была приятной, несмотря на плохие дороги? — вежливо справился марчег Ласцлар.

— Зима не очень облегчает путешествия. Я предполагаю, ваши запасы не такие скудные, как у влахак?

— Наверное, — признался Сцилас.

При этом он бросил на дирийца недоверчивый взгляд.

«Он боится, что я выдам его тайны врагам. Забавно», — подумал Сарган, прежде чем продолжить:

— Ну, в Теремии положение тяжелое. Хранилища пусты, урожай был более чем скудный. Это просто позор — обращаться подобным образом с посланником Золотой империи. Как будто для меня вообще допустимо жить впроголодь!

Возмущение в голосе Саргана заставило масрида улыбнулся. Он склонил голову и указал на графин с вином.

— Желаете немного крови дракона. Из моих погребов, превосходного урожая. Сладкое и крепкое, каким и должно быть вино.

— Кровь дракона? Даже не знаю, понравится ли она мне, — пошутил Сарган.

— Так простой народ называет вино с моей родины, — объяснил Сцилас.

Когда он взял графин и наполнил кубки, Сарган на мгновение закатил глаза. «Он все еще считает меня пугалом из Золотой империи». Но когда марчег снова посмотрел на него, Сарган улыбался и благодарно взял кубок из его рук. Хотя он не мог чувствовать металла через перчатки, по его весу он понял, что кубок был из золота.

— Неужели у этих «вольных» влахаков дела и вправду обстоят так плохо?

Любопытство в голосе его собеседника заставило Саргана усмехнуться про себя. Всего за несколько предложений недоверчивый марчег превратился в приветливого.

— Если бы в какой-то провинции Золотой империи возникли подобные обстоятельства, то сразу покатились бы головы. После того как владельцев этих голов прогнали бы голыми через Колхас!

Марчег, улыбаясь, выслушал эти слова. Он поиграл кубком, не пробуя вина. Кивнув, Сарган поднял свой кубок и поднес его к губам. Тогда Сцилас наконец сделал то же самое.

— Нечто подобное я и представлял себе. Влахаки не в состоянии самостоятельно и только своими силами управлять хозяйством и землей. Ими нужно управлять.

— Похоже прозвучали и слова марчега Бекезара.

— Бекезар, — презрительно воскликнул Сцилас и отмахнулся. — Тамар не настоящий масрид. Он предал свой народ, и его подчиненные скоро поймут это. Служить влахакам было ошибкой. Ходят слухи, что во время бегства он взял себе даже влахакскую любовницу.

— Это и правда кажется мне довольно странным. Его народ вряд ли примет подобное

поведение, не так ли?

— Конечно, нет. Весной… — начал было марчег, но потом замер.

Лицо Саргана осталось бесстрастным. «Чего только ни сделаешь во благо Золотой империи», — мысленно вздохнул он.

— Весной я снова продолжу борьбу. Вы сами, достопочтимый легат, сказали, что влахаки плохо подготовлены. Тамар еще не оправился от своих ран; возможно, он даже погибнет от них. Уже сейчас умные масриды устремились под мои знамена, так как они видят, куда привел их дом Бекезаров. Моя сила растет с каждым днем, в то время как мои враги становятся все слабее.

На лице Сциласа промелькнула самодовольная улыбка. Сарган недоверчиво кивнул. Неожиданно раздался глухой удар в дверь. Масрид подскочил, рука на оружии, в то время как Сарган осторожно осмотрелся. Дверь медленно открылась, и вовнутрь заглянул Балаос.

— Повелитель, Аттага подготовила подарки.

— Впускай ее, — приказал Сарган и затем повернулся к Сцилосу, который с подозрением смотрел на Балаоса: — Если, конечно, марчег ничего не имеет против?

— Что? Конечно, нет, — ответил Сцилас и снова сел. Взгляд Саргана упал на кулак Балаоса, который воин держал перед грудью. Темные глаза силка не выдавали мыслей, в то время как Сарган незаметно кивнул.

— Простите, повелитель, — сказала Аттага, которая вошла в комнату с подносом в руках.

Она не поднимая глаз глубоко поклонилась:

— Я натолкнулась на дверь…

— Мы позже обсудим твои ошибки. А сейчас выполняй свои обязанности.

Не отвечая, дирийка подошла к столу и поставила на него две маленькие тарелочки и мисочку, полную фруктов. Она взяла серебряный нож и стала ловко разрезать фрукты. По взгляду Сциласа Сарган понял, что марчег еще никогда не видел фруктов подобного рода.

— Это огненный виноград. Некоторые называют его также слезами Агдель, — объяснил он. — Это особенное лакомство, которое растет лишь в немногих областях империи. Фрукт, который подходит самому Золотому императору!

Марчег Ласцлар с интересом посмотрел на дирийку, как она со знанием дела почистила фрукты, потом вкруговую обрезала их и разломила. Желтовато-красная мякоть блестела в свете свечей. Аттага очень тщательно удалила косточки из половинок и разрезала их на четвертинки, которые и выложила на тарелочки.

— Обычно с этими фруктами пьют разбавленное водой терпкое вино, так как фрукты очень сладкие, но я боюсь, что мои скромные запасы уже исчерпаны, и если бы я сейчас был гостем у влахаков, то я точно получил бы только грязную воду из Маги!

— Я уверен, что эти восхитительные фрукты будут великолепны на вкус также и с кровью дракона, — вежливо ответил Сцилас, в то время как Аттага попятилась к двери и вышла из комнаты.

— Возможно.

— Кровь дракона и огненный виноград; это уже звучит почти как союз, — продолжил Сцилас в то время, как брал кусочки фруктов и клал себе в рот. — Вы можете взять с собой для императора также несколько бочек лучшего вина, с отдельным приветом от меня!

— О, я уверен, Золотой император будет в восторге, — ответил Сарган, при этом он наполовину развеселился и наполовину ужаснулся от представления того, как бы он подносил повелителю вино из Ардолии.

«Прихотливый — это еще слишком слабое определение для изысканного вкуса могущественного повелителя».

Дириец не спускал глаз со Сциласа, который съел уже несколько кусочков этих дорогих фруктов и запил их сладким красным вином.

— Огненный виноград очень редок и в Колхасе продается на вес золота. И это не только из-за его изысканного вкуса, который вы, без сомнения, уже отметили, — начал

Сарган свои объяснения.

Сцилас кивнул с улыбкой. На висках масрида появились капли пота.

Подчеркнуто медленно Сарган взял рукой в перчатке один кусочек из своей тарелки и положил его в рот. Сладкий сок побежал по его языку, и он закрыл глаза. «И как можно такой божественный вкус забивать подобным вином?»

— … А из-за того, что его приготовление, как бы это сказать? Несколько деликатный процесс, да, очень деликатный.

— Деликатный? — хриплым голосом спросил Сцилас. Марчег нервно провел рукой по лицу.

— Видите ли, сам по себе фрукт — это безобидный деликатес, но в его косточках есть особенное вещество. Они содержат яд, который может быть смертельным для человека.

Глаза Сциласа расширились от ужаса; он хотел сказать что-то, но ни звука не сорвалось с его дрожащих губ.

— Если их не удалять с особой тщательностью, возникает опасность для жизни. Мякоть фрукта может пропитаться этим ядом, поэтому косточку нужно удалять. Однако таким образом уменьшается его вес, а также и цена. Постоянный соблазн для торговцев удалять только самое необходимое.

Сарган приветливо посмотрел на марчега и вытер полотенцем несколько капель сока, которые попали на его перчатки. — На счастье, Аттага большой специалист в этом вопросе. Она точно знает, сколько нужно удалить, чтобы не возникло опасности для жизни.

С широко раскрытыми глазами Сцилас схватился за горло.

— При этом лошади могут съедать эти фрукты целиком. И ничего. Удивительно, не правда ли?

Глаза Сциласа, казалось, сейчас вообще выпадут из глазниц. Он хватался за ворот своей одежды.

— Вы, конечно, понимаете, что у меня руки связаны, марчег. Золотая империя желает хороших торговых отношений с этой страной, какой бы примитивной и отсталой она ни была. А война нашим интересам только помешает. Раскол, который вы хотите вызвать, будет препятствовать торговле. Жаль, но я не могу изменить этого.

С поклоном Сарган поднялся. Его собеседник тоже хотел встать, но ноги не слушались его, и поэтому марчег Ласцлар прямо в своих роскошных одеждах упал на пол и стал корчиться в судорогах.

— Покойтесь с миром в божественном свете, так как вы скоро встретите его, — посоветовал Сарган, направляясь к двери.

Затем он в последний раз повернулся к умирающему мужчине.

— Еще я хотел сказать вам: я не очень люблю ждать под дождем, словно собака, марчег.

С этими словами Сарган вышел. Перед дверью лежал охранник Сциласа, юный масрид, под которым медленно растекалась лужа крови. Дириец осторожно поднял одежду и переступил через мертвого.

— Следуй за мной, Балаос. Аттага, позаботься о том, чтобы нашли труп марчега. Я не хочу, чтобы вокруг его таинственного исчезновения возникли легенды.

— Да, повелитель, — одновременно ответили оба подчиненных. Сарган, довольный, пошел по темному коридору. «Если здесь до весны воцарятся нормальные условия, то я смогу наконец покинуть Ардолию. Ардолию? Или, скорее, Влахкис. Ах, впрочем, какая разница».

63

Воздух был холодный. В долинах лежал туман, но усеянное звездами небо было ясным. Пахло снегом и холодом, хотя в последние дни уже началась первая оттепель. Между тем по ночам вода в бочках во дворе снова замерзала, а по Маги дрейфовали большие льдины.

Без особой спешки Стен сал Дабран спускался по склону холма, озаряемого светом полной луны. И хотя скоро зашел в плотный туман, он не потерял дороги. Мир вокруг него исчез за серыми облаками, отодвинулся, но тем не менее Стен его чувствовал. Даже в самом густом тумане он легко находил дорогу.

Уже скоро он взобрался на скалистый склон горы с другой стороны узкой долины. Обломки скал всплывали в тумане, словно духи. Их формы казались странно искаженными. Затем туман разошелся немного, и Стен снова увидел ночное небо, а перед собой — темную пещеру, которая зияла, словно старый беззубый рот, в боку горы.

Не колеблясь, влахак вошел в темноту. Он подумал немного, зажигать ли лампу, которую взял с собой, но потом решил все-таки не делать этого. Потом ему показалось, что он услышал вдали глухой гром. «Может, это я почувствовал удар сердца?»

Однако шум затих, и Стен не смог сказать, что это было. Свет луны совсем приглушенно пробивался в пещеру, и от дыхания Стена в сумеречном свете образовывались облачка.

— Добро пожаловать на мою родину, хареег.

Голос прозвучал ясно и приветливо несмотря на то, что шел из непроглядной темноты, которая царила в задней части пещеры. Затем вперед выступил массивный силуэт. Когда на тролля упал свет, влахак сразу же узнал Керра, хотя тот вроде и изменился. Он стал больше и мощнее, и весь его вид должен был вызвать страх у любого другого человека. Однако Стен почувствовал только радость от новой встречи.

Тролль ловко размотал маленький узелок, и свет завернутых в него лишайников окружил их своим своеобразным слабым сиянием, необычность которого Стен успел позабыть.

— В твоем мире холодно, — заявил тролль и оскалил клыки.

— Добро пожаловать назад во Влахкис, Керр.

— Старики говорят, что скоро снова станет тепло. Что снег и лед должны уйти, как это случается каждый год.

— Это так. Скоро наступит весна. Зима во Влахкисе была долгой и тяжелой, но и она прошла.

— Это хорошо. Я не люблю холод, — сухо констатировал Керр.

— Это первая схожесть, которую я замечаю у тебя и Саргана. При таком замечании и человек и тролль усмехнулись.

— Как у вас дела? Турк все еще ведет ваше племя? — спросил Стен.

— Да. Мы нашли и собрали вокруг себя тех, кто еще остался. Все, кто остались без племени, гонимые и потерянные. Их много, но становится с каждым разом все больше. Мы — новое племя, и мы большие и сильные. У нас, троллей, снова есть надежда.

Стен с удивлением посмотрел на юного тролля. «Он изменился. Мы все изменились. Но он особенно сильно. Из боязливого юного тролля получился настоящий предводитель, более дальновидный и спокойный, чем другие тролли. Он напоминает мне Друана».

— Я нацарапал историю Парда на стене. И некоторых троллей научил читать звуки, чтобы они могли прочитать о деяниях Парда.

— Это хорошо. Он заслужил, чтобы о нем помнили.

— Я также написал про Анду. Чтобы ее историю тоже не забыли. Почему тролли боролись; почему Пард убил ее и погиб сам.

— А что с троллями Анды? — спросил Стен. — Их еще много осталось?

— Да. Мы держим их вдали от сердца, но они прячутся. Без предводительства Анды они стали слабее. Им не хватает единства. Они убивают друг друга, так как перестали быть троллями. Некоторые сбежали через горные туннели, о которых не знает ни один тролль. Некоторые из нас думают, что за этими туннелями находится что-то другое, другая страна с еще большим количеством туннелей, и возможно, когда-то мы должны последовать за ними.

Керр, казалось, скорбел о потере каждого тролля, то ли просто из-за смерти, то ли из-за обещаний Анды.

— А что с маленьким народцем?

— Карлики все еще прячутся в своих пещерах. Но мы знаем, что они вернутся. Турк всегда говорит, что скоро они сделают себе достаточно оружия и разработают план. Между нами сейчас просто перемирие, но не более того.

Когда Стен такое услышал, то не смог удержаться от усмешки.

— Почему ты смеешься? — спросил Керр.

— Когда я в первый раз встретил Парда, то он не мог понять, что между влахаками и масридами было перемирие. Он никак не мог осознать, что мы не боремся постоянно со своими врагами.

— Эта пауза хороша для нашего племени. Наши враги повсюду. Пока карлики не пришли к нам, мы их тоже не будем трогать.

— Очень мудро. А ты когда-нибудь тоже будешь вести новое племя?

Керр покачал головой.

— Я не охотник. Но к тому, что я говорю, прислушиваются. Турк следует моим советам. За исключением того времени, когда мы боремся, — улыбнулся юный тролль и продолжил: — Так хорошо. Троллям нужен сильный предводитель. Но хороший предводитель знает, кого он должен слушать.

— Так и есть, — согласился с ним Стен, который подумал о своей ситуации.

Вместе с Висинией он принял титул воеводы, который был отдан им большим количеством голосом. «И теперь мне не остается ничего другого, как править рядом с воеводой Висинией. Так же как Турк и Керр ведут свое племя, так и мы должны вести влахак к миру».

— Твой взгляд не здесь, — констатировал Керр.

Стен снова удивился наблюдательности и пониманию, которые развились у тролля.

— Мне жаль; приходится думать о будущем.

— С твоей спутницей все хорошо?

— Да. С ней все в порядке. Наш сын… — сказал Стен и замер на мгновение, до сих пор переполняемый счастьем даже от одной этой мысли. — Наш сын увидел свет мира в вольном Влахкисе. Возможно, ему будет позволено пережить то, за что умерло столько людей. Мы назвали его Натиоле.

— Я рад за тебя, Стен. Дети — это сокровище каждого племени. Хорошо охраняй его и расскажи ему все, что знаешь.

— Это обязательно, — пылко ответил влахак.

— А сейчас я пойду. Племя ждет меня. Нам нужно идти дальше.

— Хорошо. Мы еще встретимся?

— Ты можешь оставить в этом месте сообщение для меня, когда захочешь меня видеть. Нарисуй знаки на стенах. Время, когда тролли все глубже спускались под землю, прошло. Дреег объединил нас, Стен. Я верю в то, что так и должно быть.

Стен кивнул. А потом охрипшим голосом сказал:

— Доброго пути тебе, Керр.

Тролль с улыбкой кивнул и пошел назад в темноту, в свой мир, в котором свет был редок, а смерть вездесуща.

Стен долго смотрел ему вслед, пока тот совсем не исчез. Затем он тоже развернулся и вышел из пещеры под серебристый свет луны. Он пошел назад в свой маленький лагерь, где его ждала Данза. Он погладил голову животного, которое тихо зафыркало, когда он подошел. Возможно, она учуяла от него запах тролля.

— Спокойно, — прошептал влахак. — Поехали, отвези меня назад в замок. Сегодня ночью тебя больше не напугает ни один тролль.

Когда Стен добрался до Дезы, уже начало сереть. На сторожевых башнях все еще горели ночные огни, и их дым поднимался прямо в чистое, начинающее медленно светлеть небо. Никто не задержал влахака, когда тот проскакал в большие ворота и отвел Данзу в

конюшню. Он добросовестно вытер лошадь, а потом передал ее конюху.

Свежий воздух нового дня наполнял его легкие холодом, и он наслаждался ощущением возвращения домой.

В темной крепости еще горело с десяток чаш с огнем. Немногие окна были высокими и узкими и пропускали за стены мало света. «Мы возьмем малыша с собой в Теремию, чтобы ему не пришлось расти в вечных сумерках этого города-крепости, — подумал Стен. — Мы снова наполним жизнью резиденцию Радуса. Как только в стране воцарится спокойствие, Теремия станет столицей, в которой каждый сможет жить без страха».

Стен осторожно открыл дверь и заглянул в спальню. Луч света падал на широкую кровать и освещал лицо Висинии. Красота жены снова поразила Стена в самое сердце, и оно сильно забилось. Хотя он и проскользнул в комнату очень осторожно, она открыла глаза и улыбаясь посмотрела на него.

— Ты вернулся, — сонно сказал она.

— Да, — прошептал Стен, следя за тем, чтобы не помешать спокойному сну их сына, который спал в своей колыбельке рядом с кроватью.

— Он там был?

— Как и договаривались. У них все хорошо. Керр достиг такой мудрости, которая очень пригодилась его народу. А Турк стал мощным воином. Они с надеждой смотрят в будущее, — сообщил Стен о своей встрече с троллем.

— Это хорошо. Я желаю им, чтобы они могли прийти к хорошей жизни. Такой, как они себе это представляют.

— А как дела у тебя? У вас тут все хорошо?

Висиния закатила глаза и шутливо бросила в Стена одной из подушек.

— Прекрати обращаться с нами как с тяжелоранеными, Стен! Твой сын просто маленький, он не болен. И у меня есть все основания полагать, что со временем он вырастет сам.

По ее голосу Стен понял, что она говорила несерьезно, и широко улыбнулся. Не отвечая, Стен подошел к колыбельке, в которой Натиоле спал под мягким меховым покрывалом. Глаза малыша были плотно закрыты, а крошечные ручки сжаты в кулачки. Темный закрученный локон торчал на его голове. «Такой беспомощный, такой хрупкий, — вновь ошеломленно подумал Стен. — Но мы защитим тебя. Керр прав: дети — это богатство каждого племени. Когда ты достаточно подрастешь; я расскажу тебе все о человеке, имя которого ты носишь. О мужестве Натиоле, о его деяниях, надеждах и любви, о жертве, которую он принес и которую тебе уже не придется приносить. Я хочу, чтобы однажды ты стал гордиться своим именем».

— Иди в кровать, — попросила Висиния. — Мне холодно без тебя.

— Снег тает. В Садате уже точно расцвели первые цветы. Мы должны будем в скором времени отправляться в путь.

— Я знаю, — ответила Висиния. — Нам нужно скоро ехать в Теремию. В нашей стране очень много трудностей, которые требуют нашего внимания.

— Я тут подумал, — сообщил Стен, кивнув. — Керр рассказал мне, что Турк — предводитель племени, но он слушает слова Керра. Он сказал, что хороший предводитель знает, чьему мнению он может доверять.

— Это очень умно со стороны Турка.

— Да. И поэтому я подумал, что мы можем кое-чему научиться у троллей. Я бы снова ввел совет. Мы так много должны сделать, и мы не можем все это делать одни. Мы даже не знаем, как нужно решать многие проблемы. Я хочу, чтобы в совете было больше голосов, советников, которые будут знать свое дело. Столяры, крестьяне, каменотесы, торговцы. Мы довольно долго слушали только воинов. Сейчас наступило время подумать о мире.

— Многие дворяне не обрадуются, если мы сделаем советниками крестьян и ремесленников и ты дашь им голос в совете, — заявила Висиния.

— Это мне все равно. Я верю, что начинается новое время. Нам нужны люди, которые

хотят и могут жить в мире друг с другом. Или ты думаешь, что нам грозит война с марчегом Тамаром?

— Нет. Теперь, после смерти Сциласа, его притязанию на свою землю ничто не угрожает. Еще он займет Валедоару, но я верю, что он выполнит наши договоренности и никогда не будет претендовать на титул короля, — серьезно заявила Висиния. — По крайней мере, если мы будем выполнять свою часть и также никого не коронуем на краля или кралю. Я верю, что он хороший человек, который также надеется, что наши потомки однажды будут жить в стране, которая не будет только Влахкис или только Ардолия, а объединит в себе самое лучшее от двух стран.

— Тогда в ближайшие годы нас ждет только мир. А в мирное время воины не самые лучшие советники. Поэтому я хочу созвать новый, больший совет.

Стен, вздохнув, снял рубашку через голову, затем снял штаны и скользнул под одеяло.

— И как ты себе это представляешь? — спросила его жена, прижимаясь к нему всем телом.

Ее теплое тело наполняло его такой жизненной силой, что Стен на мгновение замолчал, наслаждаясь лишь ее близостью.

— Влахаки должны определить членов совета. Так же как и бояре выбрали нас из своей среды.

— Это может сработать. По крайней мере, народ тебя точно будет любить за это. Но он и так тебя уже любит, — ответила его жена с улыбкой. — «Через мрачные стены негодяев…»

Она тихо начала напевать песню, которая уже очень давно была сложена поэтами о влахакских воинах. Стен застонал:

— Единственное преимущество титула воеводы заключается в том, что в будущем я могу повесить любого, кто будет петь эту трижды проклятую песенку.

— Любого, кроме меня, — невозмутимо возразила Висиния, на что ее муж ответил громким вздохом.

Потом она зевнула:

— Давай мы позже продолжим разговор о Влахкисе и совете, хорошо?

Стен с улыбкой кивнул и взял ее за руку. Он устал, однако встреча с Керром все еще занимала его ум и он никак не мог уснуть.

«Возможно, я смогу уговорить Флорес войти в совет, когда она вернется из империи, бывшая воевода как-никак. И она была бы хорошим, пусть даже и вспыльчивым советником.

Впервые за такое долгое время в нашей стране будет мир, хотя от ненависти остались глубокие раны и шрамы. Нам нужны люди, которые больше не слушают боль прошлого. Возможно, однажды масриды, влахаки и сцарки смогут подать друг другу руки в настоящей дружбе. К этому лежит долгий путь, но, как и любая другая дорога, эта тоже начинается с первого шага». Его взгляд коснулся колыбельки, в которой спал Натиоле. «И мы сделаем этот шаг».

Эпилог

Что-то изменилось. На краткое мгновение боль, смятение, ненависть и гнев исчезли. Когда мир вернулся, он стал спокойнее. Боль утихла, неукротимая ненависть, которая окутывала дух темноты и отравляла его сны, растворилась и исчезла.

Его сознание лежало во мраке, но пока еще на краю пробуждения. Он чувствовал борьбу с собой, кровожадность и желание смерти, которое он тоже носил внутри. Неутолимую печаль, которая превратилась в безграничный гнев.

Его дети бежали в недрах земли, по бесконечным ходам и туннелям, ненавидимые, гонимые, внушающие страх. В некоторых он чувствовал темноту, которая владела и им тоже. Его темноту. Их ненависть полыхала в нем — мрачный огонь, который не давал духу успокоиться.

Но при этом в вечной ночи подземного мира появился еще один голос. Спокойный голос, успокаивающий голос. Он проник сквозь боль и страх и успокоил мысли. Его звучание было словно бальзам, остров спокойствия в бушующей реальности.

Дух темноты медленно вернулся назад в сон. На землю выпал снег, накрыл ее, прогнав все живое в свои дома. С холодом пришло спокойствие, лучшее время.

Старые раны еще саднили, но они больше не будили его. Новые раны зарубцевались. Они стали не больше чем старые нерадостные воспоминания; лишь некоторые из многих. Или это были только сны — то, что произошло, что он чувствовал? Возможно, это сон, который никогда не был реальностью?

Благодарности

Говорят, что второй шаг сделать проще, чем первый. Может быть, это и так в некоторых сферах, но когда речь заходит о книгах, то здесь я хотел бы возразить. Каждая книга ставит перед автором своеобразные проблемы. Поэтому есть целый ряд людей, которых я обязан поблагодарить за помощь в преодолении этих проблем. В первую очередь, конечно же, это моя жена, литературный дух которой всегда был готов к поощрению, критике и похвале моей работы. Моя семья, которая всегда поддерживала меня, тоже заслужила мою благодарность.

В самом начале путешествия всегда требуется помощь, чтобы хорошо понять свою цель. Поэтому здесь я также хочу выразить благодарность Андреасу, Даниелю, Себастиану, Уте, Юле, а также Магнусу и Стефании, направляющие комментарии которых очень помогли мне. Естественно, я хотел бы поблагодарить мое агентство «Schmidt amp; Abrahams GbR», а также команду издательства «Heyne», которая своей критикой и беседами побудила меня написать такую хорошую книгу: Мартину Фогль, Сашу Мамчак и Бернда Кронсбайна. И напоследок я хотел бы выразить особую благодарность моему редактору, Уте Данке, которая с большой тщательностью и пониманием проработала текст этой книги.